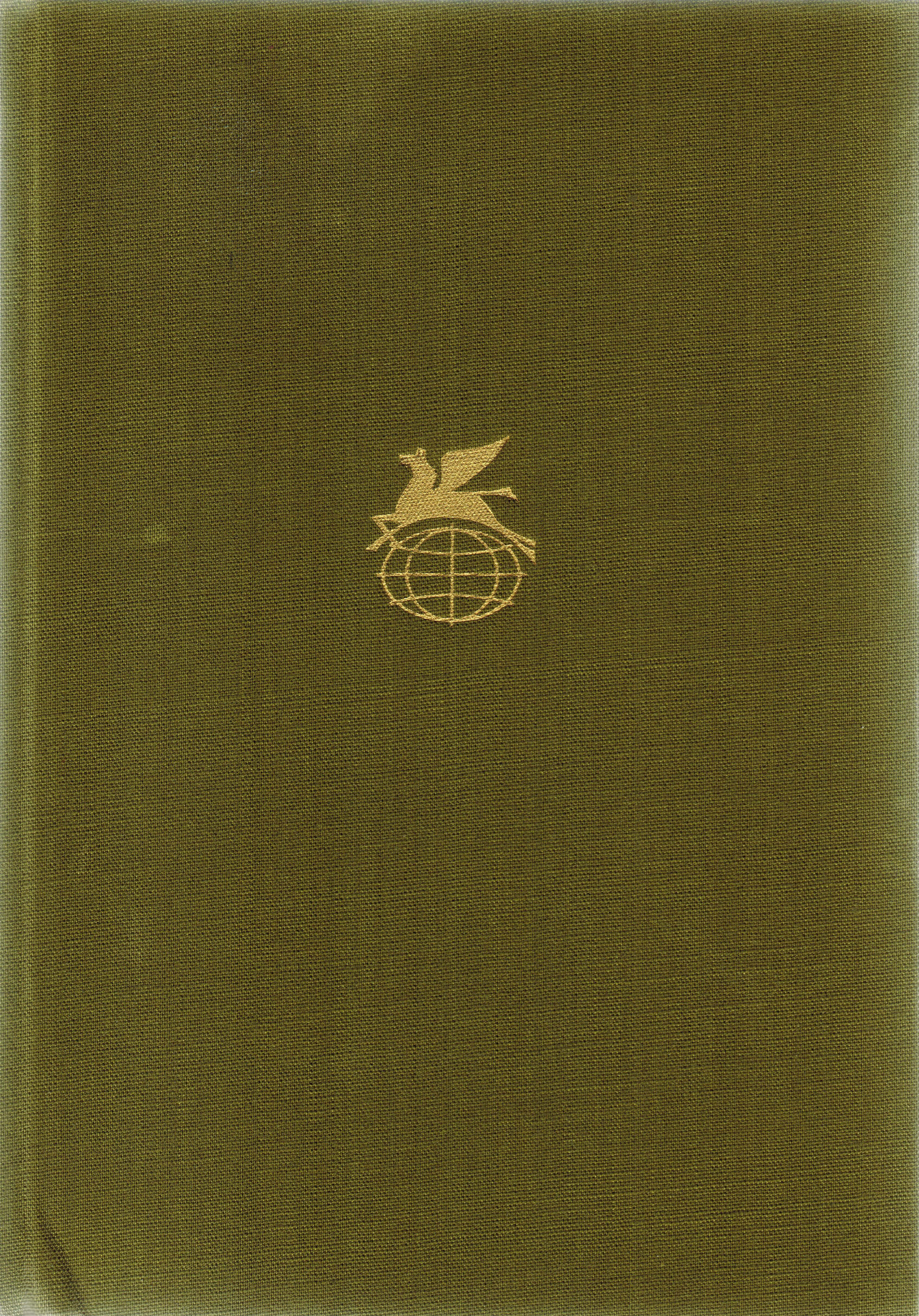

Библиотека
всемирной литературы

Серия первая *

Литература Древнего Востока
Античного мира
Средних веков
Возрождения
XVII и XVIII веков

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ РОМАН И ПОВЕСТЬ

КРЕТЬЕН ДЕ ТРУА.
ИВЭЙН, ИЛИ РЫЦАРЬ СО ЛЬВОМ

●

РОМАН О ТРИСТАНЕ И ИЗОЛЬДЕ

●

ОКАССЕН И НИКОЛЕТТА

●

ВОЛЬФРАМ ФОН ЭШЕНБАХ. ПАРЦИФАЛЬ

●

ГАРТМАН ФОН АУЭ. БЕДНЫЙ ГЕНРИХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА · 1974

1*

Вступительная статья и примечания
А. Д. Михайлова

И
С 75

С $\frac{70304-247}{028(01)-74}$ подписное

РОМАН И ПОВЕСТЬ ВЫСОКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Души готической рассудочная пропасть.
Осип Мандельштам

Взметнувшиеся ввысь башни готических соборов, все это немыслимое и, казалось бы, хаотическое нагромождение арок, галерей, контрфорсов, порталов и шпилей поражает безрассудной фантазией строителей, как бы внезапно снизошедшим на них прихотливым вдохновением и одновременно — безошибочным и трезвым расчетом. Такую же четкость конструкции (при всей кажущейся ее непроизвольности), продуманную уравновешенность деталей, выверенность композиции находим мы и в рыцарских романах, полных чудес, игры воображения, капризного и смелого вымысла. Только ли смирение должен был вызывать в душе средневекового человека вид собора? И если смирение, то перед чем оно? Перед торжественным величием огромных, подавляющих человека каменных масс или перед веселым озорством зодчего, как бы бросающего дерзкий вызов всем мыслимым и немыслимым законам механики и земного тяготения? И этот неудержимый порыв вверх, что это? — самозабвенная устремленность к божеству или горделивое желание преодолеть невозможное и создать прекрасное из «тяжести недоброй» равнодушного камня? Ответ на этот вопрос вряд ли может быть однозначным. Великие художники и поэты средневековья (сохранила ли нам неблагодарная история их имена, или они остались лишь безвестными создателями вечных шедевров) всегда стремились решать универсальные задачи. Ни в готическом соборе, ни в житии святого, ни тем более в лирике трубадуров или куртуазном романе нельзя искать какой-то один, исключительно или прежде всего конфессиональный смысл. Многозначность и многозначительность, многосмысленность, по самой своей природе неисчерпаемые, были непременным качеством и культовой постройки, предназначенной прежде всего для религиозных нужд, и рыцарского романа, казалось бы, лишь призванного развлекать в часы досуга благородных воинов и их дам. В соборе не только предстояли божеству, но и решали

важные общественные дела, короновали государей, отмечали знаменательные события, укрывались от врага, наконец, просто развлекались: недаром театр родился в центральном нефе, вышел на паперть, а затем захлестнул городскую площадь. Роман тоже не только развлекал; он заменял историю, повествуя о временах стародавних и легендарных; он был как бы «научно-популярным» чтением, сообщая сведения, скажем, по фортификации или географии; он, наконец, давал уроки морали, рассказывая о случаях высочайшего нравственного совершенства. Поэтому в средневековом романе мы находим не только причудливость вымысла, прихотливую игру символами и аллегориями, организованными в стройную и строгую иерархическую систему, но и бескомпромиссность моральных требований, их суровую однозначность, оставляющую, однако, индивидууму некоторую свободу выбора и сочетающую в себе категорическую императивность с большой долей терпимости и даже какой-то беспечной уверенности в изначальной доброте человека. Роман отразил иллюзии и мечтания людей средневековья, их надежду на торжество справедливости, их наивную веру в чудо, совершающееся не только в макрокосме — окружающем человека мире, но и микрокосме — человеческой душе.

Роман возник лишь тогда, когда средневековое общество оказалось к нему готово, то есть достигло определенного — достаточно высокого — уровня материальной и духовной культуры. Произошло это в XII столетии.

В истории средних веков был момент, когда культура Запада достигла исключительного развития, как бы полностью реализовав заложенные в ней возможности. Следующий шаг означал бы прорыв в новый историко-культурный период, а следовательно, отрицание, разрушение, уничтожение данной системы эстетических ценностей и рожденных ею произведений. Этого шага еще не было сделано, но он был подготовлен тем стремительным взлетом литературы и искусства, каким было отмечено в Западной Европе XII столетие. Впрочем, почему только в Западной? Вспомним замечательную культуру Византии и Руси того же времени. И почему только в Европе? Ведь к той же эпохе относится творчество, скажем, Шота Руставели или Низами.

Рыцарский роман родился на Западе в XII столетии, и это было далеко не случайно. XII век не раз сравнивали с Возрождением или считали его началом. Оба эти утверждения, конечно, ошибочны. Но столетие было действительно замечательным. Применительно к средневековью мы привыкли к известной замедленности историко-культурного процесса, когда столетие, а то и два отделяют одно важное событие от другого, между ними же как бы зияет пустота. На этот раз, то есть в XII веке, картина заметно меняется. Культурное развитие приобретает невиданный до того динамизм. Литературные направления и жанры возникают как по волшебству, вступают во взаимодействие, усложняются и дробятся и скоро если и не приходят в упадок, то оттесняются на литературную периферию, уступая место новым направлениям и жанрам. Заметим попутно, что столь же

быструю эволюцию проделывает и изобразительное искусство — от полнокровного цветения романского стиля в начале XII века к утверждению готики уже в его середине. Это было время страстных проповедей Бернарда Клервосского, самозабвенного и сурового в своей вере, и смелых сомнений и догадок Абеляра; это было эпохой крестовых походов, открывших средневековому человеку новые горизонты — и чисто географические, и моральные. Это было время кровавых феодальных смут, религиозного экстаза, уравнительных ересей и одновременно — небезопасных попыток рационализировать иррациональное, вычислить и измерить безмерное или внемерное. На смену суровой простоте, обобщенности и некоторой эстетической и этической одноцветности предшествующих столетий приходят пестрота, усложненность, многообразие. Культура Западной Европы, как и взрастивший ее феодальный способ производства, переживает период зрелости.

По своим формам и идеологической направленности эта культура оставалась, конечно, феодально-церковной, но это не значит, что ее производителем и потребителем были лишь «церковь» и «замок». Класс феодалов, рыцарство, самоопределился, умножился и заметно усилился. Но, как и в общественной жизни, как и в области экономики, на сцене появляется новая сила, появляется как раз теперь, и преобразует всю структуру средневекового общества, и его миросозерцание, и его быт. Этой новой силой стал город. Не старый полис, доставшийся Западной Европе в наследство от античности, но новый город, возникавший и утверждавшийся в XI—XIII веках во всех уголках континента. Город был не только резиденцией епископа (а следовательно, и церковной канцелярии, и скрипториев, и соборных школ), но и — довольно часто — местом пребывания сеньора и его двора. Именно развитие города как экономического фактора (города с его мастерскими, лавками торговцев и менял, дворами для проезжих купцов, с его ярмарками и т. п.) обеспечило относительно высокий уровень материальной культуры, без которого вряд ли был возможен тот пышный декор, та изнеженная роскошь, характерная для придворной жизни эпохи, о которой столь часто — то с резким осуждением, то с нескрываемым воодушевлением — пишут средневековые хронисты и авторы рыцарских романов.

В городах стали возникать первые университеты; они еще не вышли из-под опеки церкви, а на исходе средневековья даже стали ее надежной опорой, но изучалась в них не одна теология. Рядом с медициной, правом, математикой и т. п. не была забыта и литература. Интерес к античной культуре заметно возрос. Создание больших романов, этих произведений «долгого дыхания», требовало не только воодушевленности дружинного певца, не только поэтического вдохновения и образного, лирического восприятия мира, на чем во многом держалась поэзия трубадуров. Здесь требовалось мастерство иного рода; оно предполагало обширные знания, начитанность, досуг, наконец. Все это мог дать только город. Вот почему среди авторов романов редко встретишь непоседливого рыцаря, совершающего подвиги во славу дамы и воспевающего ее в звучных, но как бы на едином

коротком дыхании созданных стихах. Автор романа — это чаще всего клирик, то есть человек для своего времени ученый, состоящий на службе при очень значительном феодальном дворе (сеньор средней руки не смог бы оплачивать его долгий и утомительный труд), сам же, как правило, незнатного рода: простой горожанин или же бедный рыцарь.

В городах и замках сложилась своеобразная светская культура, отделившаяся от культуры церковной. Эта светская культура не стала, естественно, культурой антицерковной. В некоторых пунктах она с идеологией церкви соприкасалась, но секуляризация, обмирщение стали ведущей тенденцией эпохи.

В этой сложной обстановке завершается отработка и кодификация миросозерцания рыцарства, столь важного для формирования и развития куртуазного романа. Специфическая мораль рыцарства была попыткой примирить идеалы аскезы и всеобщего равенства перед лицом бога с настроениями гедонизма и элитарности, чем было неизбежно окрашено мировоззрение верхушечных слоев общества. Это примирение не могло, конечно, быть проведено до конца и происходило обычно за счет одной из совмещаемых пар. Тем более — слияние этих идеалов. Это слияние было утопично. Так родилась утопия некоего рыцарского братства, столь отчетливо запечатленная в куртуазном романе. Элитарный характер этой утопии состоял в том, что она, эта утопия, была социально ограничена и отграничена; эгалитарность заключалась в идее равенства внутри этого замкнутого социума; гедонизм лежал в основе морали (на ее бытовом, житейском уровне), в идеях эстетического воспитания и т. д.; наконец, аскетизм соответствовал тем внешне благородным, но далеким от реальной практики целям, какие рыцарство перед собой ставило.

Рыцарский роман отразил определенный этап самосознания рыцарства, содействуя выработке и закреплению этой идеологии. Но отметим и другое: куртуазный роман, участвуя в формировании рыцарского миросозерцания, отразил далеко не все его черты и в наивысших своих проявлениях не ограничился его рамками. Вот почему при исходной элитарной направленности рыцарский роман, как и готический собор, адресовался к более широкой аудитории, чем узенькие придворные или монастырские кружки; он отразил более многообразные интересы и настроения, более пеструю и сложную систему миросозерцания, чем только пристрастия и взгляды верхушки общества. Это предопределило долгую жизнь и собора и романа.

* * *

Существует устойчивое мнение, что слово «роман» первоначально указывало на язык произведения. Думается, это не так. До «романа» уже существовала разветвленная и богатая традиция народно-героического эпоса (так называемых «жест»), создававшегося на новых языках, была литература житийная, естественнонаучная («бестиарии», «лапидарии» и т. п.), литература нравоучительная — и все это также на молодых язы-

ках средневековой Европы. Новый жанр — «роман» — был ближе всего к «жестам», ибо также повествовал о воинских подвигах, примерах небывалого героизма и благочестия и т. д. Но роман отличался от «жест», отличался разительно и принципиально, и конституирование романа как жанра началось с отделения его от другого жанра, имевшего уже развитую литературную традицию.

Между «жестой» и романом не было непреодолимой грани. Немало памятников носят переходный, гибридный характер. Немало эпических поэм было переработано затем в произведения нового жанра. Да и сами «жесты», как раз в это время широко переписывавшиеся в монастырских и городских скрипториях, испытали влияние поэтики романа. Деление стихотворного текста на строфы («лессы»), употребление в них стихов, связанных ассонансами,— в «жестах», восьмисложный (чаще всего) стих с парной рифмой без какого бы то ни было дробления на строфы — в этих новых куртуазных эпопеях вряд ли с достаточной полнотой говорят об отличии эпических памятников от романов. В основе отличия лежали сюжетика рыцарского романа и воплотившиеся в нем миросозерцание и система этических норм.

Опыт «жест» не прошел мимо романа. Ратная доблесть, неподкупная честность, верность идее, слову, обету, столь отчетливо возвеличиваемые в эпических поэмах, не теряют своей моральной значимости и в романе. Но здесь они осложнены и обогащены целым рядом иных требований, вообще иным отношением к этическим проблемам. И эстетическим. В романе на первый план выдвинут «личный интерес» рыцаря — его стремление к подвигу и славе. Подвиги совершаются уже не из сознания вассальной (а отчасти и племенной) верности, а во имя дамы и собственного морального совершенствования. Вместо сдержанного эпического фона «жест» в романе торжествует красочная экзотика вымысла, почерпнутая из фольклора изначальных обитателей континента — кельтов и родственных им племен. На смену суровому лаконизму «жест» пришло пристальное внимание к вещному миру, описываемому дотошно и вдохновенно. Человеческие характеры перестают решаться однозначно. В них выискивается борение страстей, непоследовательность, противоречивость. То есть глубина. Куртуазный роман порвал и с безразличием по отношению к женским характерам, чем поражают «жесты», если обращаться к ним после знакомства со средневековым романом. В «жестах» безмолвные фигуры героинь появлялись лишь изредка, да и то на заднем плане. В романе их характеры не только более индивидуализированы, не только занимают очень большое место, но часто определяют и основное направление интриги. Роман широко обратился к сложной символике и аллегориям (что было типично и для пластических искусств эпохи). Это сделало роман открытым для многообразных интерпретаций: узнавая и угадывая, читатель как бы становился соучастником творческого процесса; он досказывал недосказанное, додумывал едва намеченное. И здесь роман оказывался в более сложном взаи-

модействии с читателем и слушателем, чем эпические поэмы с их наивной идеологической прямолинейностью. Все это было большим художественным открытием, оказалось весьма перспективным и пришло, естественно, не сразу. Но очень быстро, как и прочие литературные и художественные новации XII столетия.

* * *

Первые романы появились около середины XII века во Франции, точнее, в англо-нормандской культурной среде, где старые традиции «жест» счастливо соприкоснулись и с возрождавшимся интересом к античной литературе (к Гомеру, но в позднеантичных и средневековых латинских пересказах, к Вергилию, Овидию, Стацию), и с приносимыми крестоносцами увлекательными рассказами о неведомых странах, о людях иной расы и иной веры, о диковинных животных, загадочных приключениях, пугающих и манящих. Соприкоснулись с идущими из Прованса культом дамы, идеалами «куртуазности» — набором требований, которым должен отвечать истинный рыцарь (в этот набор входили не только смелость и верность, не только благочестие и справедливость, но и щедрость, добродушие, веселость, умение не только держаться в седле, но и танцевать, не только владеть копьем и мечом, но и лютней или ротой. Здесь впервые в истории культуры средневековья был поставлен вопрос об эстетическом воспитании, которое, служа целям воспитания этического, уже эмансипировалось от последнего). Соприкоснулись, наконец, с пленительными преданиями кельтского фольклора, никогда не умиравшего в породившем их народе, несмотря на все нашествия иных племен, несмотря на печальный исход борьбы кельтов с англосаксонским завоеванием, заставившим валлийцев либо пересечь пролив и осесть в Бретани, либо с трудом удерживаться в Корнуэльсе. Это трагическое сопротивление родило к жизни, уже, очевидно, с V века, цикл сказаний об Артуре, вожде одного из островных кельтских племен, наиболее удачливом из военачальников, боровшихся с иноземцами. Постепенно, от века к веку, Артур превращался из главаря небольшого отряда смельчаков в вождя всех кельтских племен, а затем — в главу всего западного мира. Латинские обработки сказаний об Артуре возникли уже в VIII или IX веке. Но эти обработки были наивны, сбивчивы и в литературном отношении беспомощны. Большого распространения они не получили. Да и время их еще не пришло. В XII веке интерес к кельтским легендам заметно усилился. Вообще в это время произошло как бы возрождение дохристианского фольклора, отголоски которого мы найдем и в романе, и в скульптурном убранстве готических соборов, и в орнаментике пергаментных манускриптов. В этой обстановке замечательный латинский писатель, валлиец по происхождению, Гальфрид Монмутский (умер в 1154 году) собрал разрозненные кельтские предания и очень живо рассказал о юности Артура, о его ратных подвигах, о завоевании всеевропейского господства, о его мудрой старости и о смерти в результате подлого преда-

тольства. Книга Гальфрида (она была закончена в 1136 году) привлекла всеобщее внимание. Но увидели в ней не только увлекательное и поучительное чтение. Молодые короли новой династии, Плантагенеты, ставшие править Англией и — благодаря семейным связям, умной политике и слабости их противников — доброй половиной Франции (ее западной частью, так называемой Аквитанией), воспользовались легендой в своих политических целях. Как верно заметил прогрессивный английский ученый А. Мортон, молодой династии «нужен был миф, подобный тому, чем были «Энеида» Вергилия для вновь созданной Римской империи или же предания о Шарлемане для французских королей. Такой миф и был найден в книге Гальфрида с ее сказочными историями о Новой Трое и норманизированным Артуром» [1].

Первые романы были либо стихотворными переделками на французском языке книги Монмута (напомним, что первые Плантагенеты и по языку, и по культуре, и по пристрастиям были французами), либо парафразами поэм Вергилия, Стация или латинских перелагателей Гомера. Все эти переводы и переделки можно было бы назвать «историческими романами», хотя чувство историзма в них отсутствовало. Античные герои вели себя в них как заправские рыцари XII века, а осада, скажем, Трои изображалась как штурм феодального замка. «Историчность» этих книг заключалась, таким образом, не в достоверности деталей и не в верности общего взгляда на ход истории. «Историчность» этих романов была в ином — в ощущении исторической дистанции и в стремлении поставить события современности в непрерывный и привычный исторический ряд, соотнести, связать настоящее с прошлым.

Следующий этап эволюции куртуазного романа порывает с этим историзмом, порывает сознательно и строит именно на этом свою поэтику. Этот этап развития романа связан с именем Кретьена де Труа. Кретьен дал первые «романные» обработки сказаний об основных героях «бретонского цикла» — о короле Артуре, сенешале Кее, королеве Геньевре, рыцарях Ивэйне, Гавэйне, Ланселоте и многих других. Созданный поэтом тип романа был затем повторен в десятках книг его подражателей на всех почти языках средневековой Европы. Сюжеты Кретьена прочно вошли в арсенал европейской словесности. По стопам Кретьена, подхватывая не только фабульную сторону его книг, но и заложенные в них этические и эстетические идеи, шел другой великий поэт средневекового Запада, баварец Вольфрам фон Эшенбах.

* * *

Биография Кретьена, как, впрочем, и многих других поэтов средневековья,— это сплошное белое пятно. Известно лишь, что он был уроженцем Шампани, родился в начале 30-х годов XII века, обладал незаурядной для своего времени начитанностью — и в писаниях отцов церкви, и в античной

[1] А. Мортон. От Мэлори до Элиота. М., 1970, с. 25.

литературе. Одно время он состоял при дворе графини Марии Шампанской, затем — графа Филиппа Фландрского. Из написанного Кретьеном сохранилось далеко не все. Утрачены его ранние лирические стихи, перевод «Искусства любви» Овидия, обработка легенды о Тристане и Изольде. Но сохранились, и в очень большом количестве списков, его пять романов, дающих совершенно новую разработку артуровских легенд. Время создания этих романов до сих пор вызывает споры. Но приблизительные даты известны. В конце 60-х годов поэт заканчивает свой первый роман «Эрек и Энида», затем вскоре появляется «Клижес». На исходе следующего десятилетия Кретьен пишет «Ивэйна, или Рыцаря со львом» и «Ланселота, или Рыцаря телеги». Наконец, в 80-е годы создается «Персеваль, или Повесть о Граале», так и оставшийся незавершенным. После 1191 года следы поэта теряются. Возможно, его уже не было в живых.

Вольфрам фон Эшенбах был моложе Кретьена лет на сорок. Он родился в Баварии около 1170 года в небольшом провинциальном городке (современный Ансбах) на полпути между Штутгартом и Нюрнбергом. По своему происхождению он был бедным рыцарем. Поэтому ему приходилось состоять в услужении у знатных сеньоров. Одним из покровителей Вольфрама был ландграф Герман Тюрингский, известный своим интересом к куртуазной поэзии. При его дворе Вольфрам получил признание как незаурядный лирический поэт. Из написанного Вольфрамом, возможно, также сохранилось не все. Полностью и в ряде списков дошло до нас его основное произведение — монументальнейший роман «Парцифаль» (ок. 25 000 стихов), законченный около 1210 года. Роман «Титурель» и поэма «Виллехальм» остались незавершенными. Вольфрам, как и его современники, немецкие поэты Генрих фон Фельдеке и Гартман фон Ауэ, писал под сильным влиянием французов, чьи произведения были хорошо известны в западнонемецких, особенно прирейнских землях. Напомним, что французский язык все больше приобретал права языка международного литературного общения (наряду с латынью), поэтому творчество французских поэтов имело общеевропейский резонанс. Особенно творчество Кретьена де Труа.

Итак, пять романов Кретьена, пять совершенно различных жизненных коллизий, пять типов протагонистов. Однако эти пять книг не противостоят друг другу, они воспринимаются как части некоего целого. Залогом этого единства стали использованные поэтом артуровские легенды в их новом пространственно-временном и идеологическом осмыслении.

Мир героев Кретьена существует вне реальной действительности, он намеренно выведен за ее рамки. Но это не просто отграниченность художественного мира от реального и не просто отнесенность его в достаточно неопределенное эпическое прошлое. Поэт настойчиво и упорно проводит противопоставление мира реального миру вымысла. Неизбежные отголоски современности не снимают этого противопоставления, а лишь усиливают его. Артур у поэта — это король бриттов, но царство его распространяется по всей Европе, и Броселианд, Камелот или Тентажель расположены да-

леко не всегда на Британских островах. И это совсем не та Европа, которую знали современники Кретьена. К реальной Европе она отношения не имеет. Поэтому королевство Артура трудно локализовать географически и национально. Королевство Артура у Кретьена не имеет границ с реальными государствами XII века, хотя поэт и не раз называет их в своих романах. Они, эти государства, противостоят королевству Артура, а не граничат с ним. Так, скажем, Испания для Кретьена де Труа — это не-королевство Артура, это нечто ему чуждое, от него бесконечно далекое и с ним никак не пересекающееся. Мир Артура не имеет реальных границ потому, что он безграничен. Но также и потому, что он вымышлен. Он безграничен как раз из-за своей вымышленности. Государство Артура — это грандиозная художественная утопия. Причем эта утопичность, фиктивность артуровского мира поэтом последовательно подчеркивается. Эта утопичность — и как попытка воссоздания несбыточного, недостижимого идеала, и как несомненный укор современности, в которой этим идеалом и не пахло,— усилена Кретьеном и выключенностью изображаемой действительности из привычного исторического ряда. В предшествующих обработках артуровских легенд (например, у Гальфрида Монмутского) Артур был молод, затем старел, наконец, умирал. Его жизнь, его эпоха были соотнесены с другими эпохами, они имели начало и конец. Иначе у Кретьена. У него и у его последователей артуровский мир существует если и не вечно, то настолько давно, что воспринимается как длящийся неопределенно долго. Его начало теряется в отдаленнейшем прошлом. Возникнув бесконечно давно, артуровский мир, как воплощение истинной рыцарственности, ее опора и ее гарант, длится как бы вечно и поэтому сосуществует с миром реальности, но не где-то в топографической неопределенности, а просто в иной системе отсчета.

Важной приметой этого мира, причем не только королевства Артура, а всего изображаемого в куртуазных романах художественного пространства, было переплетение реалистических и фантастических элементов. Это не значит, что мы не найдем в романе обыденного и будничного: по книгам Кретьена и его последователей можно составить представление о том, как жили их современники, обитатели средневековых городов и замков. Обильное же введение фантастики, привнесенной из кельтского фольклора, позволяет поэтам создать иллюзию особой действительности, в которой живут и совершают подвиги их герои. Загадочное, чудесное, встречающееся в куртуазных романах на каждом шагу, передается (впервые в литературе Запада) через будничное и обыденное.

Фееричность, чудесность как непременное качество художественной действительности, воспроизводимой в куртуазном романе, были верно отмечены Э. Ренаном, писавшим: «Вся природа заколдована и изобилует, подобно воображению, бесконечно разнообразными созданиями. Христианств редко обнаруживается, хотя иногда и чувствуется его близость, но оно ни в чем не изменяет той естественной среды, в которой все происходит. Епи-

скоп фигурирует за столом рядом с Артуром, но его функции ограничиваются только тем, что он благословляет блюда»[1]. Здесь отмечена важная черта куртуазной утопии Кретьена — ее осознанно светский характер. Богобоязненность и благочестие не являются основополагающими моральными критериями для героев Кретьена де Труа и писателей его круга. Современники поэта не могли этого не подметить. Одни беззлобно обронили, что «бретонские сказания так увлекательны и так бесполезны». Другие с ожесточением утверждали, что россказни о Клижесе и Персевале — не что иное, как «прельстительная ложь, смущающая сердца и портящая души». Мотивы христианской праведности в романах бретонского цикла присутствуют, но лишь как некий фон, как непреложная данность, о которой можно и не говорить. Весьма показательно, что, наполнив свои романы всевозможной фантастикой, Кретьен никогда не изображает чудес в религиозном (христианском) смысле слова. Религиозная интерпретация чудесного ему чужда. Это, конечно, не противопоставляет поэта господствующей идеологии эпохи (и Персеваль у него сурово осуждается за то, что в течение пяти лет, совершив десятки подвигов, ни разу не побывал в церкви), но четко указывает на секуляризирующие тенденции, связанные с развитием рыцарского романа как жанра исключительно светского, опирающегося на народное художественное сознание, сохранившее в себе немалую долю дохристианских представлений. Это качество творческого наследия Кретьена де Труа не было безоговорочно подхвачено и продолжено его последователями. Наоборот, некоторые из них наполнили мистической религиозностью изложенные Кретьеном или Вольфрамом поэтические легенды о чаше изобилия, лишь на первичном уровне связанные с таинством евхаристии.

Фантастика у Кретьена де Труа или Вольфрама фон Эшенбаха поднимает человека над обыденностью жизни, делает его сопричастным чуду, возвышает и возвеличивает его. Ведь герои куртуазных романов побеждают чудесное, снимают колдовское заклятие, разрушают волшебные чары. Они свершают это и силой оружия, и силой своего духа. В христианском чуде не было антропологической адекватности. Человек, если он не святой, оставался вне чуда, ниже и слабее его, он был ему подчинен, им подавлен и унижен. В куртуазном романе мотив одолимости чуда, наряду с его возвышенным, мажорным смыслом, отразил усилившееся внимание к личным качествам индивидуального человека, что объективно расшатывало общепринятые взгляды XII века и что иногда называют «гуманизмом Кретьена де Труа». Мотива единоборства с небесными силами, оказывающимися непобедимыми(как, например, в известной русской былине «О том, как перевелись богатыри на Руси»), у Кретьена и в рыцарском романе созданного им типа мы не находим.

Итак, «материей» романов Кретьена де Труа и его последователей ока-

[1] Э. Ренан. Собр. соч., т. 3. Киев, 1902, с. 189.

зывается описание подвигов единичных героев в нарочито внеисторичном, противостоящем реальной действительности мире подлинного рыцарства, где возможны всяческие чудеса, где чувства героев возвышенны и благородны, а их характеры полнокровны и глубоки. Глубоки, но не бездонны. Стремления героев, их душевные порывы осмыслены и измерены. Этой нравственной мерой и центральным понятием поэтики куртуазного романа стал рыцарский подвиг, так называемая «авантюра».

В центре романов Кретьена и его последователей — подвиги, «авантюры» рыцарей. Рыцарей, а не их дам. В отличие от ряда других произведений эпохи, в отличие, например, от теорий и поэтической практики трубадуров, в рыцарском романе (каким его создал Кретьен) женщина, дама, при всей своей активности, позволяющей ей порой не только становиться ровней мужчине, но и превосходить его в находчивости и мужестве, женщина — повторяем — не играет централизующей и нормирующей роли, какую она играла в представлении, скажем, Андрея Капеллана — автора известного трактата «О пристойной любви» — или какую хотелось бы играть таким дамам-меценаткам эпохи, как Альенора Аквитанская или Мария Шампанская. Женские образы Кретьена, несомненно,— одно из величайших завоеваний рыцарского романа. Хотя описаны они, как правило, «этикетно», то есть по принятым в литературе этого времени и этого жанра канонам (у них неизменно подчеркивается молодость, белокурость, стройность, голубизна глаз, белизна лица, а также ум, находчивость, разговорчивость, но не болтливость, обходительность, пристрастие к «куртуазным» забавам и т. п.), они обладают неповторимыми, только им присущими характерами. Любовь к даме, взаимоотношения с нею играют в романах Кретьена и его последователей очень большую роль. Вообще способность к любви, пристрастие к любви, любовь к любви являются, несомненно, непременным качеством настоящего рыцаря, но не одна любовь заполняет все их существование, и их «авантюры» продиктованы совсем (или почти совсем) не любовью. Разве любовью вызван первый подвиг Ивэйна — его победа над Эскладосом Рыжим? И разве любовь заставила Персеваля-Парцифаля избрать многотрудный путь рыцарства? И хотя в куртуазных романах не раз говорится о том, что рыцарю пристало быть влюбленным, эти книги — не «любовные» романы. Слепое следование зову любви здесь осуждается. Для Кретьена (как и для Вольфрама фон Эшенбаха) основной проблемой остается совмещение любви и «авантюры», разрешение конфликта между ними и направленность, моральный смысл приключения, а через это — и всего существования рыцаря.

Хотя герои куртуазного романа описаны также во многом «этикетно», их характеры не менее разнообразны, чем характеры героинь. И внутренний мир героев более подвижен, а потому и более сложен, чем мир их подруг. Как правило, стоящие на пути влюбленных препятствия разрушаются героями — их воинской удалью, находчивостью, ловкостью. А также — моральной сосредоточенностью и чистотой, душевной щедростью. Да и пре-

пятствия эти часто таятся не где-то, а в самой душе героев. Но путь преодоления и этих препятствий у протагонистов куртуазного романа один — рыцарский подвиг, «авантюра».

Воинское мастерство рыцаря, его мужество, его сила и собранность раскрываются только в ходе подвига, только там они отрабатываются, оттачиваются. «Авантюра» формирует рыцаря — его воспитывает и прославляет. Но приключение просто не дается в руки. Отсюда центральный мотив рыцарских романов — мотив поисков приключений, мотив выбора пути, то есть направления поисков (что совпадает и с путем в этическом смысле), и подготовленности к «авантюре», подготовленности и в чисто воинском смысле, и в смысле нравственном. Чем выше этическая наполненность приключения, тем большим требованиям должен отвечать характер героя.

Вопрос о соотношении любви и «авантюры» и о смысле последней, присутствующий во всех романах Кретьена и его последователей, с особой остротой поставлен в двух произведениях поэта из Шампани — в романах «Эрек и Энида» и «Ивэйн, или Рыцарь со львом». На первый взгляд в обоих книгах ситуации сходные: это разлад между героем и его подругой. Но причины этого разлада и пути преодоления конфликта в двух произведениях Кретьена различны.

В романе об Эреке после всех испытаний, которым герой подвергает и себя, и свою жену, супружеская любовь торжествует. Но она не заслоняет собой и тем более не подменяет активной деятельности. К пониманию этого Эрек приходит не сразу, лишь испытав серию «авантюр». Поэтому «авантюра» здесь не только формирует характер доблестного рыцаря, она воспитывает и образцового возлюбленного. После примирения молодых людей подвиги Эрека приобретают иной смысл: это уже не самопроверка и не самоутверждение, то есть действие, обусловленное лишь внутренними побуждениями героя и потому не имеющее внешней направленности. Теперь подвиги героя полезны, а потому осмысленны и лишены случайности. Весьма симптоматично роман заканчивается вершинным подвигом Эрека — его схваткой с Мабонагреном, вечным стражем заколдованного сада. Если видеть смысл романа лишь в самопроверке героя и в утверждении гармонии между рыцарским подвигом и любовью, то последний эпизод может показаться лишним. Но он важен для Кретьена, ибо как раз здесь утверждается высшее назначение рыцаря — личной доблестью, индивидуальным свершением творить добро.

Роман «Ивэйн, или Рыцарь со львом» внешне параллелен «Эреку и Эниде». Но «Ивэйна» не случайно называют иногда «Эреком наизнанку». Созданный одновременно с «Ланселотом», в котором поэт отдал известную дань куртуазным взглядам на любовь, «Ивэйн» не только как бы полемизирует с подобной концепцией любовного чувства, но и призван показать, что куртуазная любовь не исключает подлинной страсти и вполне совместима с браком. Кретьен снова прославляет супружескую любовь: Лодина согласна стать женой Ивэйна, так как она его полюбила, и коль скоро она

его полюбила, она хочет стать его женой (это как бы развертывание мысли Фенисы, героини «Клижеса», сказавшей: «Чье сердце, того и тело»). Впрочем, неожиданное, казалось бы, поведение героини, выходящей замуж за убийцу ее первого мужа, имеет и чисто прагматическое объяснение: со смертью Эскладоса Рыжего земли Лодины не имеют больше надежного защитника (поэтому-то бароны и одобряют новый брак молодой женщины). Любовь оказывается в известной мере рассудочной, но и рассудок верно служит любви. Любовь в понимании Кретьена — это не повод к изнеженной лени, не повод к безделию (как это случилось с Эреком). Но и ратные подвиги не должны заслонять собой любовь (как это произошло с Ивэйном). Показательно, что полтора года, протекшие с того момента, как Ивэйн отправился с Гавэйном на поиски приключений, описаны Кретьеном лишь в нескольких стихах. Такая краткость понятна. В веселых рыцарских забавах время летело быстро, потому-то герой и забыл о назначенном ему Лодиной сроке. Для поэта подвиги Ивэйна — бесцельны и не заслуживают подробного описания. Совершаются они только ради личной славы, в них нет ни внутреннего смысла (то есть они не воспитывают рыцаря морально), ни внешней направленности. Бездумность подвигов приводит героя и к забвению любви. После кризиса (безумия) Ивэйн становится совсем иным рыцарем. Теперь его «авантюры» внутренне наполненны, осмысленны, целенаправленны. Герой встает на защиту дамы из Нуриссона, спасает родственников Гавэйна, убивает гиганта Арпина Нагорного, избавляет от костра Люнетту и т. д. Идея благородства и самоотвержения подчеркнута в романе мотивом дружбы героя со львом. Этот мотив имел уже давнюю литературную традицию. У Кретьена он — многозначен. Это и единение человека с миром природы, которая отныне не равнодушна к героическим свершениям рыцаря, и указание на исключительность воинских подвигов протагониста (ведь Ивэйну сопутствует сам царь животного мира), и даже легкое пародирование описывавшихся в романах (в том числе и самим Кретьеном) ситуаций (лев Ивэйна до смешного точно повторяет некоторые поступки людей — он сторожит ночной сон рыцаря, пытается поразить себя мечом, полагая, что его господин мертв, радуется его успехам и т. д.). Эпизод со спасением льва не случайно помещен автором в самый центр романа. Это его вершинная точка и кульминация в формировании характера героя.

Показательно, что если до своего безумия и до встречи со львом Ивэйн во всем следовал советам Гавэйна (этого, в изображении Кретьена, рыцаря-спортсмена, гедониста и донжуана), то затем он противостоит ему. Противостоит прежде всего осмысленностью, полезностью своих «авантюр». В этом отношении конец приключений Ивэйна символичен: он сражается с Гавэйном, и этот поединок (также многозначительно) завершается вничью. Именно в осмысленности, рассудочности подвига и состоит, по мнению поэта, основное качество подлинного рыцаря. И показательно, что не воинские свершения воспитывают героя (как это было с Эреком), а он прихо-

дит к нравственному совершенству через сильнейшее любовное потрясение. Именно оно делает его истинным рыцарем — не только смелым и ловким, но и обладающим душевной широтой и благородством. Таким образом, тема соотношения любви и рыцарского подвига в их взаимной обусловленности получает в романе об Ивэйне более глубокое и сложное разрешение — не только связывая «авантюру» с полезной, целенаправленной деятельностью, но и подчеркивая созидательную, преобразующую силу любви.

Сложность человеческой души, ее неожиданные движения и порывы в литературе средневековья — до рыцарского романа — раскрывались лишь в литературе религиозной: в житиях, проповедях, в таком потрясающем по глубине памятнике средневековой литературы, каким была «Исповедь» Августина. Но там человеческая душа вычленялась из своего окружения, она, сирая и слабая, предстояла богу и чаяла божественного милосердия. В романе индивидуальное свершение рыцаря утверждало силу человеческой личности в ее борьбе со злом. Герои романа ищут опору прежде всего в самих себе. Поэтому их личные переживания рассмотрены столь пристально и многообразно. Прежде всего — переживания любовные. Этот интерес к жизни сердца понятен. Он отражает не только веяния времени и вкусы эпохи, когда культ дамы оказывался в центре внимания поэтов и художников. Если продвижение реализма начиналось на «территории быта» [1], то психологизм пробивал себе дорогу в области любовных отношений. В куртуазном романе в этом направлении делаются лишь первые шаги. Приемы раскрытия любовного чувства здесь еще достаточно примитивны, порой наивны, иногда совершенно беспомощны. Динамический портрет, авторский анализ и самоанализ героя, речевая характеристика и т. д.— все это лишь намечено и едва разработано. Но нельзя не отметить попыток логизировать переживание, обнажить его пружины, вскрыть последовательность в, казалось бы, непреднамеренном и непроизвольном.

Тема многоплановости и емкости рыцарской «авантюры», приемы раскрытия человеческого характера, его сложных переживаний, причем отнюдь не только любовных, продолжены и углублены в последнем, незавершенном, романе Кретьена, в его «Повести о Граале», произведении, вызвавшем наибольшее число переделок, переводов, продолжений и подражаний. Смысл этой книги не вполне ясен, но совершенно очевидно, что он не дает оснований для исключительно религиозного толкования. Персеваль покидает подругу свою Бланшефлер, движимый не мистическим религиозным порывом, а сложным комплексом чувств, где скорбь о брошенной матери и желание помочь своему дяде Королю Рыболову занимает одно из первых мест. Рыцарский идеал оказывается сильнее любви. Подвиг «повышенной трудности» обрекает героя на аскетизм. Но это совсем не христианская аскеза ради грядущего спасения, глубоко эгоистическая по своим внутренним побуждениям, а величайшая собранность и целеустремленность, когда

---

[1] Б. Сучков. Исторические судьбы реализма. М., 1967, с. 12.

устраняется все лишнее, все расслабляющее и отвлекающее. Быть может, не случайно в романе о Персевале такое большое место уделено подвигам Гавэйна, которые сначала переплетаются с героическими делами Персеваля, а затем совершенно вытесняют основного протагониста из повествования. Рыцарь-спортсмен, обычно противопоставляемый главному герою в остальных романах Кретьена, сам теперь совершает осмысленные и целенаправленные подвиги.

Первые романы Кретьена носили лирический, в известной мере камерный характер. В них перед читателем проходила не вся жизнь героя, а лишь один из ее кульминационных эпизодов. Быть может, самый важный, но все-таки лишь один. И конфликт был сфокусирован: все ограничивалось взаимоотношениями героя с его возлюбленной. В «Повести о Граале» поэт делает попытку раздвинуть рамки изображаемой действительности, дать более развернутую и широкую картину жизни, создать более монументальное произведение. Это уже не один какой-то значительный эпизод на жизненном пути того или иного рыцаря, теряющийся в вечной экзистенции артуровского мира. В этой книге акценты заметно смещены. Тема справедливости, сострадания, доброты становится в книге ведущей, и ее звучание усилено введением мотивов неправедности, жестокости, злонамеренности, которые проникают и в идеальное государство Артура. Кретьен своего замысла не завершил; французские продолжатели этой важной темы не развили, сконцентрировавшись на религиозно-мистическом толковании мотива Грааля и служащего ему рыцарства. У них отыскать Грааль не дано уже и Персевалю; этого может сподобиться только сверхидеальный рыцарь-аскет и праведник Галахад. Но один из продолжателей Кретьена, отказавшись от узкорелигиозной разработки темы, создал действительно монументальное творение, углубив и развив поставленные Кретьеном де Труа проблемы. Им был Вольфрам фон Эшенбах.

* * *

Пленительные баснословия романов Кретьена и его современников не преминули очень скоро увлечь немецких поэтов. Швабский рыцарь Гартман фон Ауэ (ок. 1170—1215) между 1190 и 1200 годами переложил немецкими стихами два романа поэта из Шампани; так появились «Эрек» и «Ивэйн» Гартмана. Характерен его выбор: немецкий поэт обратился к тем романам Кретьена, где этическая проблематика наиболее отчетлива и углубленна. Гартман очень точно следует за текстом французского оригинала, не отступая ни от общей сюжетной структуры романов Кретьена, ни от характеристики персонажей, ни от положенной в основание этих книг центральной идеи — о совместимости рыцарского подвига и любви, о поисках гармонии между ними, а также от такой мысли Кретьена, как его утверждение о том, что возлюбленная должна быть рыцарю и женой, и подругой, и дамой. В своих обработках Гартман несколько усилил, по

сравнению с французским оригиналом, описательный элемент: турниры и пиры, многолюдные шумные охоты и ожесточенные воинские схватки складываются у него в обширные картины, а роскошные одежды дам и сверкающее золотом и дорогой чеканкой вооружение рыцарей, узорчатые ковры и ткани, изысканные угощения и т. д. описаны не только с мелочной подробностью, но и с большим поэтическим подъемом. Этот повышенный интерес к миру вещей в его красочной праздничности был характерной приметой именно немецкого куртуазного романа. Не менее увлекла Гартмана фон Ауэ и присущая «бретонским» романам фантастика, от просто экзотических животных вроде ивэйновского льва, которых вряд ли можно было встретить в лесах средневековой Европы (но которых столь же охотно изображали и скульпторы на порталах, пилястрах и капителях готических соборов), до откровенно фантастических карликов, волшебников, звездочетов и единорогов.

Из мира сказки в повседневный быт средневекового города Гартман переносит читателя в своей небольшой стихотворной повести «Бедный Генрих», написанной одновременно с переделками романов Кретьена. По своей разработке повесть во многом близка житийной литературе, которая в картине жизни постоянно акцентировала бытовой элемент. Однако эта близость — лишь кажущаяся. Тема гордыни, наказания за нее, смирения и прощения отступает на задний план перед провозглашаемой повестью идеей человечности и доброты. Человечность побеждает в Генрихе и заставляет отказаться от готовой свершиться жертвы. И девушкой, решающей отдать жизнь, дабы спасти рыцаря от неизлечимой болезни, движет не столько экстаз мученичества, сколько чувство любви к Генриху, а также забота о пропитании своей бедной семьи. Таким образом, повесть «Бедный Генрих» по своей проблематике не отделена непреодолимой стеной от рыцарского романа. Этому не приходится удивляться. Близость к житийной литературе роман обнаруживал и в заостренном внимании к переживаниям обычного человека, лишь в конце своего жизненного пути обращающегося к богу и подвигом подвижничества заслуживающего спасение.

Сложностью проблематики, большой идеологической насыщенностью, своеобразием решений религиозных вопросов отличается роман Вольфрама фон Эшенбаха «Парцифаль». Перелагая книгу Кретьена, Вольфрам стоял перед достаточно трудной задачей. Роман о юном рыцаре Персевале был не только не доведен французским поэтом до конца, не только «смысл» романа не был в достаточной степени прояснен, но, по сути дела, поэт из Шампани создал два романа — «Роман о Персевале» и «Роман о Гавэйне», почти не соединив их между собой. Приключения двух рыцарей, переплетаясь порой и имея одну конечную цель — проникновение в таинственный замок Грааля,— более ничем между собой не связаны. Именно поэтому книгу и называют «Повестью о Граале», тем самым в соперничестве двух молодых людей не отдавая предпочтения ни одному из них. Но о самом Граале в книге Кретьена рассказывается слишком мало и бегло; тема

Грааля едва намечена. Таким образом, постройке Кретьена де Труа было далеко до «подведения под крышу», в ней даже не вполне была выявлена внутренняя структура. Вольфрам мог бы отбросить линию Гавэйна, целиком сосредоточившись на теме Персеваля. Он, однако, пошел более смелым и сложным путем. Он довел до конца все намеченные Кретьеном сюжетные линии, углубив и разработав их. Прежде всего — линию Грааля.

У Кретьена сюжет не выходит за пределы артуровского мира, вневременного и внемерного. Вольфрам, вводя историю отца Парцифаля — рыцаря Гамурета, противопоставляет королевству Артура не менее рыцарственный мир Востока. Тем самым исключительность и неповторимость рыцарской утопии «артурианы» немецким поэтом оспаривается. Артуровский мир отныне не противостоит реальной действительности; это теперь одно из королевств (наряду с Испанией, с Анжу и т. д.), быть может, лучшее королевство Западной Европы, в какой-то мере ее олицетворение. Сопоставленный с миром Востока, где, как оказывается, царят те же куртуазное вежество и рыцарская доблесть, та же возвышенная и утонченная любовь, мир Артура сам становится реальностью, просто синонимом, субститутом мира Запада. Но Запада, конечно, идеализированного и далекого от действительности начала XIII столетия. В этом мире, а не за его пределами (как было в романах Кретьена) случаются беззакония, порой торжествует произвол, обижают слабых и сирых. Тема эта возникает в романе не раз. В этом отношении особенно важны рассказы бедной Сигуны, открывающей перед героем неприкрашенную картину действительности с ее тяжким горем, минутными радостями и безысходной печалью. Эпизоды с Сигуной, вообще изложенная в романе Вольфрама ее трагическая история, снимают покров идеальности с артуровского мира, усложняют и углубляют концепцию жизни и тем самым — места в ней человека.

Двум этим мирам — восточному и артуровскому (все различие которых — в отсутствии или наличии истинной веры, а потому оно легко устранимо, чему свидетельством — судьба сводного брата Парцифаля «пятнистого» Фейрефица) — противостоит в книге Вольфрама мир Грааля, который благодаря своей идеальности принимает на себя основные черты королевства Артура. Но он значительно от него и отличается. У артуровского королевства не было ясных этических целей, и Круглый стол являлся лишь венцом воинских подвигов, той наградой, которой алкал каждый рыцарь; сам же по себе он был ничем: его не надо было искать, он был лишен каких бы то ни было чудесных свойств (мотив таинственных письмен на пустующем кресле избранника появился в поздних обработках бретонских сюжетов). Королевство Грааля имеет вполне внятные этические и практические цели. Оно не только хранит волшебный камень, обладающий многими чудесными свойствами, но и культивирует определенные нравственные идеалы, пропагандируя их среди других. Королевство Грааля имеет, таким образом, достаточно ясную программу. Обладает оно и четкой организацией. Однако рыцарство Грааля вряд ли можно отождествлять с обыч-

ным монашеско-воинским орденом, даже с загадочным и до наших дней вызывающим лишь споры и предположения орденом тамплиеров (храмовников), хотя тамплиерами и называет Вольфрам рыцарское братство Грааля. В уставе Мунсальвеша больше от типичных средневековых (в частности, еретических) морально-этических утопий, чем от распорядков католических орденов. Мораль Грааля антисословна и наднациональна, и в этом ее осознанный демократизм. Она глубоко человечна, и в этом ее притягательная сила. Содружество Грааля — это сообщество благородных духом, мужественных и честных, и потому практически оно открыто для многих, не только для ставшего праведным христианином и постигшего суть бога Парцифаля, но и для язычника Фейрефица.

Вольфрам не упрощает пути героя к высшему совершенству, но и не усложняет его. В пути этом нет ничего сверхъестественного, он глубоко человечен. Вначале неотесанный простак, почти юродивый (Герцелойда, желая отвратить сына от пагубного стремления стать рыцарем, преднамеренно наряжает его в шутовские одежды), Парцифаль многого не понимает в жизни, о многом судит превратно. Но эта изначальная простота (как синоним чистоты и неиспорченности) позволяет юноше увидеть уродливые стороны действительности, увидеть в ней смешные условности и опасные предрассудки. Юноша постигает, что нравственные ценности (например, скромность и ненавязчивость) не абсолютны, они реализуются в конкретной жизненной ситуации. Познает юноша и иерархию этих ценностей. Так, сострадание, доброта оказываются выше рыцарской доблести и «куртуазности»: промолчав во время процессии Грааля во имя буквально понимаемого «вежества», Парцифаль забыл о сострадании и не исцелил короля Анфортаса, и за это прегрешение против человечности путь в страну Грааля юному рыцарю оказывается заказан. Не навсегда, но на долгие годы. В какой-то момент познание жизни приводит Парцифаля к бунту против бога, но того бога, суть которого он еще не понял, которого он видит остраненно и судит предвзято и постижение которого — это не менее многотрудный путь, чем поиски рыцарской авантюры. А эти последние становятся все более обыденными, они заметно утрачивают волшебную феричность и все более полно отражают неприкрашенную правду жизни. Авантюры эти теряют характер чего-то внезапного, непреднамеренного, непредвиденного и становятся все более осмысленными. Они воспитывают героя и приводят его к постижению бога, но не в его узкоцерковной интерпретации, а в глубоко гуманной, согретой простым человеческим теплом, вдохновлявшей все почти народные еретические движения эпохи, а затем — многих деятелей Возрождения. Эта концепция божества, столь ярко выраженная в наставлениях отшельника Треврицента,— отразила напряженные духовные искания современников Вольфрама с их настойчивым правдоискательством, с их стремлением к идеальному преобразованию как человеческой личности, так и всего общества. В этой концепции познание бога давало не некую умудренность, но бесхитростную мудрость, приоб-

щало к истине и красоте. Эта концепция божества, глубоко христианская по своей природе, не может быть, однако, отождествлена с официальной церковной доктриной, хотя и не противостоит ей. Не может не только из-за того, что обходит ряд кардинальных конфессиональных вопросов, но прежде всего благодаря своей гуманности. Утопия Грааля с ее наследственной королевской властью, с Граалем — волшебным камнем, а не чашей евхаристии, с суровостью ее устава, не исключающего, однако, ни «куртуазности», ни известного гедонизма, ни красочной полнокровности жизни, несомненно отразила настроения и движущие силы ряда ересей и может быть в какой-то мере сопоставлена с ранним христианством, еще не осложненным и не трансформированным нормирующей политикой католической церкви. Может быть соотнесена с народной мечтой о чудесной скатерти-самобранке, насыщающей страждущих и алчущих, о источнике вечной молодости, о царстве справедливости и доброты и о его неминуемой победе над силами зла.

Царство Грааля — это у Вольфрама не одинокий замок, хранящий в своих стенах святыню (как это было у Кретьена де Труа), это даже не королевство. Из понятия топографического оно становится идеологическим. У этого мира есть границы, которые нужно оборонять, в него можно попасть, пройдя сквозь бескрайние лесные дебри. Но и эти границы, и этот величественный лес — не более чем метафора: при довольно точной локализации действия своей книги (тут и Багдад, и Севилья, и Нант) Вольфрам помещает королевство Грааля в некую топографическую неопределенность. Королевство это везде, везде, где есть подлинная рыцарственность, где в чести справедливость и доброта, скромность и мужество, и нигде, коль скоро эти высокие нравственные ценности отсутствуют. Представителей этого рыцарского братства можно встретить и на княжеском или королевском троне в какой-нибудь европейской стране, и просто на глухой лесной дороге. Для них поклоняться Граалю — это значит следовать требованиям высочайшей нравственности, а хранить Грааль — это оберегать и распространять чистоту и созидательную силу своих моральных принципов. Мир Грааля в книге Вольфрама окутан некоторой дымкой неясности и таинственности. Он как бы двоится: это и волшебный камень из сказки, и высокая моральная идея. Эта зашифрованность — от утопичности (то есть идеальности, несбыточности) придуманного поэтом рыцарского братства.

Многоплановая эпопея Вольфрама отразила как религиозные искания своего времени (в их демократическом и потому глубоко гуманном варианте), так и расширившиеся горизонты средневекового человека. Это отозвалось и пристальным вниманием к пестрому миру Востока, и признанием не только лишь сопоставимости последнего с миром Запада, но и равновеликости этих миров, еще недавно непримиримо враждебных и несочетаемых. Все более внятное личностное начало проявилось в книге повышенным вниманием ко всем проявлениям человеческого бытия. Феодальная повседневность — замковый быт, утомительные переезды по лесным дорогам,

длительные морские путешествия, затяжные войны и стремительные рыцарские поединки, турниры, придворные празднества, городские ярмарки и многое другое нашло в Вольфраме фон Эшенбахе увлеченного и дотошного живописателя. Поэта привлекает яркость красок, приподнятая праздничность, причудливость, экзотичность. Однако Вольфрам редко впадает в натурализм и в скрупулезное каталогизирование бытовых подробностей. Ему не чужды ни ирония (как по отношению к своим персонажам, так и к читателю), ни гротеск (например, в описаниях внешности пророчицы Кундри), ни нарочитая грубоватость, ни даже некоторая стилистическая и метрическая неряшливость. Сторонник всего яркого, необычного, неожиданного, поэт так же относится и к слову — он отыскивает редкие обороты и речения, щеголяет лексикой диалектальной или узкопрофессиональной, он не боится обыгрывать многозначность того или иного слова, не боится двусмысленности и многословия. Мир Вольфрама более красочен, пестр, более многообразен, более полон звуков, более вещен и зрим, чем мир Кретьена. Намек, как бы небольшой эскиз поэта из Труа развертывается Вольфрамом в яркую и подробную картину. Книгу немецкого писателя населяет многообразная и красочная толпа персонажей. Здесь и крупные сеньоры, и молодые рыцари, и знатные дамы, здесь пажи, оруженосцы, конюшие, здесь солдаты городской стражи, моряки, богатые торговцы, ремесленники, купцы, здесь лодочники, школяры, монахи-отшельники, пилигримы, знахари, здесь обитатели величественных замков и бедных крестьянских лачуг, жители шумных городов и одиноких сельских хуторов, представители всех почти народностей, населявших тогдашний Orbis terrarum,— французы, испанцы, немцы, англичане, а рядом с ними — арабы, греки и т. д., вплоть до жителей далекой Индии. На этом пестром и шумном фоне отчетливо и емко выписаны фигуры главных героев, наделенных индивидуализированными характерами. Страстного искателя приключений Гамурета не спутаешь с влюбчивым и отважным Гаваном, с сосредоточенным, самоуглубленным, взыскующим правды жизни Парцифалем, с простоватым и прямым Грамофланцем или с хвастливым Кеем. Столь же неповторимыми характерами наделены и героини романа: пылкая восточная царевна, красавица со смуглым лицом Белакана и мягкая преданная Герцелойда; кроткая и женственная, почти девочка Обилот и своенравная Антикония; верная Кондвирамур и вероломная, жестокая, но трагически воспринимающая неправедность жизни Оргелуза; отчаявшаяся и почти впадающая в безумие Сигуна. Их характеры всегда детерминированы и реализуются в конкретных жизненных ситуациях, раскрывая герою (и читателю) все сложное многообразие действительности и указывая (иногда методом «от противного») единственно правильный путь. Воспитание Парцифаля, таким образом, не завершается его посвящением в рыцари; оно продолжается на протяжении всей книги. Постигают смысл добра, приобщаются к задушевной религиозности и другие герои — и Гаван, и Оргелуза, и все те, кто сопутствует им в их многотрудном пути.

* * *

Просветленный гуманистический пафос романа Вольфрама фон Эшенбаха был понят далеко не всеми современниками поэта. В книге видели и безвкусное нагромождение рыцарских авантюр, и излишнюю увлеченность фантастикой, и чрезмерное пристрастие к необычным и устаревшим языковым оборотам, к неоправданной словесной орнаментике, к опасным литературным спорам. Среди хулителей Вольфрама одним из самых ожесточенных был поэт-горожанин Готфрид Страсбургский (умер около 1220 года), автор обширного стихотворного романа «Тристан».

Сказания о печальной любви юноши Тристана и королевы Изольды, восходя к ирландским и пиктским источникам и вплетясь затем в мир артуровских легенд, были обработаны многими талантливыми писателями XII—XIII веков и легли в основу целого ряда куртуазных романов. Самые значительные из них — книги француза Беруля и нормандца Тома́ (или Томаса), появившиеся около 1170 года,— сохранились лишь в отрывках, но многочисленные пересказы и переделки (немецкие, норвежские, английские, чешские, затем — итальянские, испанские, сербские, польско-белорусские и снова французские) позволяют судить о несохранившемся целом.

Рядом с творениями Кретьена или Вольфрама «Роман о Тристане и Изольде», каким он сложился на французской почве, кажется архаичным. В нем немало от кельтских и пиктских сказаний о славном витязе Друстане, побеждающем в смелом единоборстве огнедышащего дракона или отважно пускающемся на утлом суденышке по бурным морским просторам. Седой стариной овеяны в романе и некоторые бытовые детали. Однако эта архаичность — мнимая. Просто это роман иного типа, чем кретьеновский. У него иная структура, иная проблематика, даже вызвавшая автора «Ивэйна» на открытую творческую полемику. В «Романе о Тристане и Изольде» меньше куртуазного вежества, изящества и благопристойности душевных порывов, меньше утонченного красочного декора, описаний придворных празднеств и турниров. И топография романа иная. Здесь перед нами реальные (относительно, конечно) Ирландия, Шотландия, Корнуэльс. Артуровский антураж в романе присутствует, особенно в поздних прозаических обработках сюжета, но все как бы происходит на далекой периферии артуровского мира и вне его нравственных и эстетических норм. Прежде всего, идея рыцарской авантюры в ее сюжетообразующей и характеростроительной функции здесь отсутствует. Тристан, конечно, смелый воин, добрый товарищ, верный друг, но им владеют иные чувства, чем героями Кретьена или Вольфрама. Личностное начало здесь до предела обнажено, и конфликт между индивидуальными побуждениями героев и общепринятыми нормами представляется неразрешимым. Поэтому общая тональность книги — трагическая. Герои гибнут, но не под ударами более опытных и сильных противников, а под давлением судьбы, сгибаясь под тяжестью рока. Поэтому участь их решена, предопределена заранее. Тема любви неразделимо пере-

плетается с темой смерти, подобно ветвям деревьев, выросших на могилах любовников.

Если душевные глубины героев Кретьена или Вольфрама были в какой-то степени рассудочны и измерены, то страсть Тристана и Изольды кажется безрассудной и безмерной и как бы сродни экстатическим аффектам позднеготической скульптуры. Эта пагубная и неразумная страсть толкает их на попрание вассального и супружеского долга, на целую цепь притворств и обманов, даже на жестокость и несправедливость (например, попытка Изольды погубить Бранжьену, вина которой только в том, что она слишком многое знает). Впрочем, у героев есть смягчающее их вину обстоятельство — случайно выпитое приворотное зелье, толкнувшее их в объятия друг друга и роковым образом изменившее их судьбу. Мотив любовного напитка снимает налет иррациональности с пожирающей их страсти. Герои не просто одержимы любовью, как были ею одержимы Ланселот или Ивэйн в отдельные моменты своей жизни. Тристан и Изольда понимают (понимают с самого начала) незаконность и трагическую безысходность своей любви, они то бездумно предаются своей страсти, то борются с ней, стремясь ее преодолеть, расстаются, бегут друг от друга. Но их удел — вечное возвращение, чтобы в смерти соединиться уже навсегда. Рок, символически реализовавшись в поднесенном им на корабле кубке, оказывается сильнее. Или такова всепобеждающая сила любви?

Роман утверждал дуализм любовного чувства. Подлинная любовь прекрасна, но она и запретна. Поэтому коллизия в романе неразрешима. Брак для героев священен. Священно и вассальное служение. Но они нарушают и то и другое. Иначе Тристан и Изольда не могут. Они могли бы провозгласить вместе с Фенисой из «Клижеса» Кретьена: «Чье сердце, того и тело». Они тоже хотели бы так. И этого же хотел бы и король Марк. Он не стремится — до поры до времени и в ранних обработках легенды — карать влюбленных. Он делает вид, что не замечает их связи. Потому что он мягок и добр. Но также и потому, что он знает о всесокрушающей силе любви. Он обманывает своих баронов, требующих возмездия, да и сам рад обманываться. Можно изгнать любовников, можно отдать Изольду прокаженным, пытать ее огнем — все равно коллизия неразрешима. Подлинная любовь неизбежно незаконна, а потому трагична. В куртуазных теориях любви, в лирике трубадуров конфликт между могуществом большого чувства и его незаконностью намеренно снимался. В рыцарском романе, который лишь с известной долей условности может быть назван «куртуазным», конфликт этот либо усугублялся (как в «Романе о Тристане и Изольде»), либо разрешался гуманистическим утверждением вечной правоты любви (например, в романах Кретьена или Вольфрама). В этом смысле рыцарский роман был антикуртуазным.

В «Романе о Тристане и Изольде» герои не осуждаются — ни мудрым Марком, ни автором. И все страдают. Психологическая убедительность переживаний героев, причем не только протагонистов, но и Марка, и «второй»

Изольды, искренне любящей, обманутой и не способной не отомстить за свою попранную любовь, достигает в романе необычайной для своего времени силы, что позволяет нам говорить о начатках реализма в изображении человеческих чувств. Они, эти чувства, различны у разных персонажей и строго детерминированы их характерами. И сложны. И так человечны.

Так было в ранних версиях. Затем осмысление легенды начинает меняться. Молодые люди, постоянно лгущие, плутующие, попирающие общепринятые законы морали и просто житейские правила, начинают вызывать прямое осуждение. Например, у сурового моралиста Готфрида Страсбургского. Бюргерский догматизм берет верх. Но в некоторых других обработках сюжета, например, во французском прозаическом романе XIII века, осуждаются не влюбленные, а король Марк. Осуждая этого несчастного рогоносца, наделяя его коварством, злонамеренностью, подлостью, тем самым оправдывают любящих. Просто они воюют с Марком его же оружием, а молодая женщина выбирает несомненно самого достойного. При такой интерпретации сюжета неизбежно исчезала сцена с мечом, разделявшим целомудренно спавших любовников. Новый Марк, застань он их в лесу, неминуемо бы их убил или на худой конец бросил бы их в темницу.

Подобная трактовка легенды снижала трагическое напряжение этой печальной повести, но диктовалась здравым смыслом: когда уже мало верили в роковую силу волшебного питья, неодолимости страсти героев требовалось какое-то иное, рациональное объяснение. Рационалистические тенденции средневекового мышления коснулись и этой поэтичнейшей и очень гуманной в своей основе легенды о трагической любви двух молодых прекрасных сердец.

* * *

И в романе о Тристане, и в произведениях Кретьена и Вольфрама не было полного слияния с идеологией рыцарства. Даже в ее идеализированном варианте. Миросозерцание авторов романов оказывалось неизменно шире, демократичней и гуманней этой узкой сословной идеологии. Поэтому всякое, даже значительное, отклонение от общепринятых феодальных взглядов и норм, встречающееся в том или ином произведении, нельзя рассматривать как пародию на рыцарский роман.

Даже такое необычное для своего времени произведение, как французская повесть начала XIII века, «песня-сказка» «Окассен и Николетта». Это тоже рассказ о беззаветной любви, сокрушающей все преграды. Но преграды эти — не внутренние, психологические, вроде тех, что преодолевали в своих сердцах Ивэйн и Лодина, которые сами воздвигали Тристан и Изольда. Препятствия эти — внешние. Героев разлучает и их социальное положение: он — графский сын, она — пленница-сарацинка, и вера: он — христианин, она — мусульманка (впрочем, крещеная), и воля отца юноши, и морские пираты, захватившие корабль Николетты. В повести есть бегства, скрывания в лесу, погони, морские странствия, переодевания и мно-

гие другие приключения. Приключения, но не «авантюры». Окассен, конечно,— удалой рыцарь, но ратные подвиги его не привлекают. Он целиком захвачен своей любовью. Эта нерыцарственность, «неавантюрность» повести сказалась и в очень сочувственном изображении простого люда, будь то горожане, стражники, пастухи или крестьяне. Они ведут себя со знатными на равных, и их голос, их оценка происходящего, человечная и трезвая, ощутимо звучит в книге. Повесть относят к «идиллическому» направлению куртуазного романа, возводят к греко-византийской литературной традиции. И то и другое сопоставление верно. Все эти разлуки и встречи, переодевания и узнавания, морские бури и нападения разбойников очень напоминают сюжеты и построение интриги поздних греческих романов (Гелиодора, Лонга и др.). Несмотря на все превратности судьбы, молодых людей ждет грядущее счастье. Тон повести — прозрачный и светлый. Герои поражают не только силой чувства и неколебимой верностью, но и своей юной чистотой, доверчивостью и добротой. То есть человечностью.

* * *

Над рыцарским романом немало потешались уже на исходе средневековья и в эпоху Возрождения, когда становились невнятны и его наивная вера в фантастику, и задушевная религиозность, и утверждаемые им высокие нравственные принципы. Казалось бы, навсегда забыты волновавшие авторов средневековья этические проблемы. Художественная структура этих куртуазных повествований представляется теперь достаточно примитивной и беспомощной. Достоянием исторической этнографии стал описываемый в романе феодальный быт — все эти осады, турниры, многолюдные охоты и празднества. Но эти наивные рассказы о кознях фей, о зловредных великанах, мудрых отшельниках, справедливых королях, бесстрашных и великодушных рыцарях, о любви светлой и самоотверженной продолжают волновать и манить. Потому что средневековый роман передал следующим эпохам высокое представление о человеческом долге, о чести и благородстве, о бескорыстии и подвижничестве, о доброте и сострадании. Передал представление о том, что затем стало называться трудно определимым, но всем понятным словом «рыцарственность».

А. Д. МИХАЙЛОВ

КРЕТЬЕН ДЕ ТРУА
ИВЭЙН, ИЛИ РЫЦАРЬ СО ЛЬВОМ

СОКРАЩЕННЫЙ ПЕРЕВОД СО СТАРОФРАНЦУЗСКОГО
В. МИКУШЕВИЧА

В палатах короля Артура,
Чья благородная натура
Для человеческих сердец
Являет редкий образец:
Любовь с отвагой в сочетанье,—
В палатах короля Бретани
(Извольте мне прилежней внять!)
На Троицу блистала знать.
Сначала в зале пировали,
Потом красавицы позвали
Всех рыцарей в другой покой,
Где разговор вели такой:
Теперь бы нам послушать были
О том, как в старину любили.
Любовь, по правде говоря,—
Подобие монастыря,
Куда строптивые не вхожи.
Уставов мы не знаем строже.
Тот, кто в служении ретив,
И в пылкой нежности учтив.
Они, конечно, были правы.
Грубее нынче стали нравы.
Теперь уже любовь не та:
Слывет побаской чистота,
Забыта прежняя учтивость,
Нет больше чувства, только лживость,
Притворный торжествует пыл,—
Порок влюбленных ослепил.
Оставив это время злое,
Давайте всмотримся в былое.
Строга была любовь тогда
И строгостью своей горда.

Повествовать — мое призванье.
Я рад начать повествованье
О безупречном короле,
Столь дорогом родной земле.
Среди различных испытаний
Не позабыт в своей Бретани
Отважный, добрый государь,
Любимый нынче, как и встарь.
В тот день устал он веселиться.
Он был намерен удалиться,
Чтобы немного отдохнуть
И после пиршества вздремнуть,
Но королева возражала.
Она супруга удержала,
Король словам ее внимал
И ненароком задремал.
При этом гости не скучали,
Беседовали, как вначале.
Свой продолжали разговор
В другом покое Сагремор,
Кей-сенешаль, чье злоязычье
Переходило в неприличье,
И доблестный мессир Ивэйн,
И друг его мессир Гавэйн.
Наслушавшись других историй,
Поведать о своем позоре
Им пожелал Калогренан,
Которому претит обман.
История Калогренана
Звучит причудливо и странно,
Так что монархиня сама
Заинтригована весьма.
Рассказу внять она решила
И сесть поближе поспешила.
Калогренан прервал рассказ
И перед нею встал тотчас.
Как будто с цепи Кей сорвался
И досыта поиздевался:
«Достойнейший Калогренан!
Какой талант вам богом дан!
Вы совершенство, сударь, словом,
Всегда везет пустоголовым,
Отсюда вечный ваш успех,
Поэтому вы раньше всех

Пред государынею встали.
Учтивостью вы так блистали,
Что я по совести скажу:
Я не заметил госпожу
Моими слабыми глазами.
Ослеплены мы, сударь, вами».
«Боюсь я, лопнете вы, Кей!
Пока на всех своих друзей
Вы желчь свою не изрыгнете,
Вы, Кей, свободно не вздохнете,—
Монархиня ему в ответ.—
Такая злоба вам во вред».
«Ах, государыня, простите,—
Промолвил Кей,— как вы хотите,
Так я себя и поведу,
Когда у вас я на виду.
Вы только нас не покидайте,
И недостойному вы дайте
Вас хоть на праздник лицезреть.
Мы все молчать готовы впредь,
Когда монархине угодно.
Однако начат превосходно
Калогренаном был рассказ.
Развлечь теперь он мог бы вас».
«Беседа может продолжаться.
С какой мне стати обижаться? —
Калогренан тогда сказал.—
Вы, Кей,— известный зубоскал.
Другим вы спуску не давали,
Довольно часто задевали
Тех, кто меня куда знатней
И, что греха таить, умней.
Хотя порой чужие свойства
Нам причиняют беспокойство,
Нетрудно все-таки понять:
Навоз не может не вонять.
Известно, что слепни кусают,
От них проклятья не спасают.
Кей с малолетства ядовит.
Пусть Кей друзей своих язвит,
Не вижу в этом оскорбленья.
Прошу я только позволенья
У государыни самой
Прервать рассказ докучный мой».

«Нет,— Кей промолвил в раздраженье,—
Хочу я слышать продолженье,
Весельем общим дорожа.
Не позволяйте, госпожа,
Увиливать Калогренану.
Я повторять не перестану:
Мое желание — не блажь.
Мой господин, а также ваш,
Король меня поддержит, знайте,
И на себя тогда пеняйте!»
«Калогренан, любезный друг!
Злословие — такой недуг,—
Проговорила королева,—
Что вашего не стоит гнева
Достопочтенный сенешаль.
Однако мне, конечно, жаль,
Что вам я, сударь, помешала.
Прошу, начните-ка сначала!
Послушать бы теперь как раз
О приключеньях без прикрас!»
«Сударыня, я покоряюсь.
Все рассказать я постараюсь.
Слова нейдут сегодня с губ.
Гораздо легче вырвать зуб.
Ну что же, господа, вниманье!
Не обвинит меня в обмане,
Надеюсь я, ни враг, ни друг.
Рассказ мне будет стоить мук.
Поверьте, бесполезны уши,
Пока не пробудились души.
Семь лет назад совсем один,
Как будто я простолюдин,
В пути без всяких поручений
Я днем и ночью приключений
Как рыцарь подлинный искал.
Я на коне своем скакал
Во всем своем вооруженье,
Не знал, какое пораженье
Сулит мне мой неверный путь,
И вздумал вправо повернуть.
И вот меня приводит случай
В Броселиандский лес дремучий.
В густую погрузившись тень,
Блуждал я лесом целый день.

Кругом боярышник, шиповник
И неприветливый терновник.
Возликовал я всей душой,
Приметив замок небольшой
И в этой галльской глухомани,
Уютный с виду, как в Бретани.
Авось найду я в замке кров.
Передо мной глубокий ров
И мост, как водится, подъемный,
И на мосту хозяин скромный.
Для поединка нет причин:
Передо мною — дворянин,
Миролюбивая десница,
Охотничья большая птица
На ней торжественно сидит,
На гостя пристально глядит.
Мне сам хозяин держит стремя,
Здоровается в то же время,
И, пригласив меня во двор,
Ведет учтивый разговор,
Успеха мне во всем желает,
И мой приезд благословляет,
И предлагает мне ночлег.
Какой хороший человек!
За доброту, как говорится,
Воздай, господь, ему сторицей!
Отлично помню до сих пор
Гостеприимный чистый двор.
Среди двора, предмет полезный,
Не деревянный, не железный,
Подвешен гонг, чтобы звенеть
Слышней могла литая медь.
Подвешен тут же молоточек.
В гонг безо всяких проволочек
Ударил трижды дворянин.
Все челядинцы, как один,
Из горниц выбежали сразу
И по хозяйскому приказу
Убрали моего коня,
Поклонами почтив меня.
Повсюду слуги: справа, слева.
Смотрю, передо мною дева,
Собой красива и стройна.
Меня приветствует она,

Снять помогает мне доспехи
(Нет в мире сладостней утехи,
Чем с ней побыть наедине).
Уже короткий плащ на мне.
Для зачарованного зренья
Он как павлинье опеоенье.
Вот вижу я зеленый луг,
Надежная стена вокруг.
Меня девица усадила,
Мой слух беседой усладила
Наедине, без лишних глаз,
Однако в этот поздний час
Уже готов был сытный ужин,
Который тоже был мне нужен.
Прервать пришлось беседу с ней,
Хоть это было мне трудней,
Чем с другом лучшим распроститься,
Так хороша была девица.
Признаться, впрочем, и потом,
Когда сидел я за столом,
Она передо мной сидела,
И созерцал я то и дело
Благословенные черты
Столь совершенной красоты.
Отец ее достопочтенный,
Гостеприимный и степенный,
Сидит со мною за столом
И повествует о былом.
Он мне поведал, как, бывало,
Отважных рыцарей немало
Случалось принимать ему
Здесь, в родовом своем дому,
И было бы ему приятно,
Когда бы, тронувшись обратно,
Я замок снова навестил
И хоть немного погостил.
Такое приглашенье лестно,
Отказываться неуместно,
И я промолвил: «Сударь, да,
Вас навестить я рад всегда».

Нельзя гостей принять радушней.
Я в замке был, мой конь в конюшне.

Смотрю, за окнами светло.
Я поскорее сел в седло,
С хозяевами распростился
И спозаранку в путь пустился.
Все гуще становился лес.
Деревья прямо до небес,
Сплошная крепь, куда ни гляну.
И заприметил я поляну.
Нет, не медведи там дрались,
Там дикие быки паслись.
Бодают яростно друг друга,
И содрогается округа.
Мычанье, топот, стук рогов,—
Свирепей в мире нет врагов.
Я, задержавшись в отдаленье,
Подумывал об отступленье,
В чем нет, по-моему, греха,
Как вдруг увидел пастуха.
Какая это образина!
Сидит на пне, в руках дубина,
Обличьем сущий эфиоп,
Косматый широченный лоб,
Как будто череп лошадиный
У этого простолюдина.
Густыми космами волос
Он весь, как дикий зверь, зарос.
Под стать громоздкой этой туше
Слоновые свисают уши
С продолговатой головы.
Кошачий нос, глаза совы,
Кабаний клык из волчьей пасти,
Всклокоченная, рыжей масти,
Засаленная борода.
Поверите ли, господа!
Он бородою утирался.
В грудь подбородок упирался,
Искривлена была спина.
Одежда не из полотна.
Конечно, при таком обличье
Носил он только шкуры бычьи.
Увидев издали меня,
Со своего вскочил он пня.
Слегка встревоженный, признаться,
Я был готов обороняться.

Однако дикий лесовик
Сражаться, видно, не привык.
Стоит он, словно ствол древесный,
Ну, прямо идол бессловесный.
Я говорю: «Кто ты такой?»
Знаком ему язык людской.
Сказало чудище лесное:
«Я человек. Не что иное,
Как человек».— «А что в лесу
Ты делаешь?» — «Я скот пасу,
Лесное стадо охраняю
И больше ничего не знаю».
«Клянусь апостолом Петром!
Не совладать с лесным зверьем.
Чтобы сберечь такое стадо,
Нужна, по-моему, ограда
Или какой-нибудь загон».
«В моих руках лесной закон.
Быкам позволил я бодаться,
Но не позволил разбредаться».
«Как ты пасешь быков таких?»
«Со мною бык бодучий тих.
Не то что слишком отдалиться,
Не смеет бык пошевелиться.
Любому шкура дорога.
Быка схвачу я за рога,
И содрогнутся остальные
И присмиреют, как ручные,
Притихнут, кроткие, вокруг,
Боясь моих могучих рук.
Чужих мои быки бодают,
На посторонних нападают.
Я господин моих быков.
А ты-то сам? Ты кто таков?»
«Я рыцарь,— говорю мужлану,—
Искать весь век я не устану
Того, чего найти нельзя.
Вот какова моя стезя».
«Ответь без лишних поучений,
Чего ты хочешь?» — «Приключений!
Я показать хочу в бою
Отвагу бранную свою.
Прошу, молю, скажи мне честно,
Не скрой, когда тебе известно,

Где приключение найти?»
«Нет, я не ведаю пути
В страну, где приключенья эти.
С тех пор, как я живу на свете,
Я не слыхал подобных слов,
Однако дать совет готов.
Источник в двух шагах отсюда.
Но берегись! Придется худо
Тому, кто на таком пути
Не знает, как себя вести.
Когда ты человек неробкий,
Езжай по этой самой тропке.
Поскачешь напрямик, вперед,
Куда тропа тебя ведет.
У нас в лесу тропинок много.
Лишь напрямик — твоя дорога.
Увидишь ты родник тогда.
Бурлит вода, кипит вода,
Однако можешь убедиться:
Как мрамор, холодна водица.
Большое дерево растет
И зеленеет круглый год
Над заповедной этой чашей.
Деревьев не бывает краше.
Видна цепочка меж ветвей,
Поблескивает ковш на ней.
Увидишь камень самоцветный,
Для проезжающих приметный
(Не знаю, как его назвать).
Там, право, стоит побывать.
Вблизи часовенка на диво.
Она мала, зато красива.
Возьми ты ковш в тени ветвей,
Водою камень тот облей,
И сразу дерево качнется.
Такая буря вмиг начнется,
Как будто бы обречены
Олени, лани, кабаны.
Сверкать начнет, греметь и литься.
Столетним деревам валиться,
Зверью несчастному страдать,
И человеку пропадать.
Когда вернешься невредимым,
Считай себя непобедимым».

И поскакал я напрямик
И в полдень отыскал родник.
Часовенка передо мною.
Залюбовался я сосною.
И вправду вечнозелена
Высокоствольная сосна.
Рассказа не сочтите басней,
Я не видал дерев прекрасней.
Не страшен дождик проливной
Под этой дивною сосной,
И под покровом этой хвои
Спастись могло бы все живое.
Был на сосне в тени густой
Подвешен ковшик золотой.
На наших ярмарках едва ли
Такое золото видали.
И камень тоже тут как тут:
Наиценнейший изумруд,
Обделан в виде чаши винной,
Четыре жаркие рубина,
Четыре солнца по краям.
Солгать я не посмел бы вам.
Покоя никогда не зная,
Вода кипела ледяная.
Хотелось бурю вызвать мне,
И вот я, подойдя к сосне,
Осуществил свою затею
(Об этом я теперь жалею).
Неосторожностью греша,
Облил я камень из ковша,
И мигом небо омрачилось.
Непоправимое случилось.
Я, поглядев на небосклон,
Был молниями ослеплен.
Дождь, град и снег одновременно,—
Убит я был бы непременно,
Я не остался бы в живых
Среди раскатов громовых.
Двоились молнии, троились,
Деревья старые валились.
Господь, однако, мне помог,
Для покаянья дал мне срок.
Гроза кругом угомонилась,
И небо, к счастью, прояснилось.

При виде солнечных небес
Из мертвых как бы я воскрес.
От радости забыл я вскоре
Недавнюю тоску и горе.
Благословив голубизну,
Слетелись птицы на сосну,
На каждой ветке птичья стая.
Красивее сосна густая,
Когда на ветках столько птиц.
Искусней не найти певиц.
Свое поет любая птица
Так, что нельзя ладам не слиться
В единый благозвучный строй.
И, словно в церкви пресвятой,
Внимая птичьей литургии,
Забыл я все лады другие,
И, как блаженный дурачок,
Я все наслушаться не мог.
Не знаю музыки чудесней,
Лишь в том лесу такие песни.
Вдруг слышу: скачут напролом,
Как будто снова грянул гром,
Как будто бы в лесах дремучих
Десяток рыцарей могучих.
Но появляется один
Вооруженный исполин.
Я сесть в седло поторопился.
Мой добрый меч не затупился.
Во всяких битвах до сих пор
Я недругам давал отпор.
Я принял вызов исполина.
Летел он с быстротой орлиной,
Свиреп, как разъяренный лев,
И в каждом слове — лютый гнев:
«Вассал! Вы дурно поступили,
Вас мысли злые ослепили.
Вы натворили много бед,
И вам за них держать ответ!
Нет, не одни раскаты грома,
Все эти горы бурелома
Свидетельствуют против вас.
Встречаю вас я в первый раз.
За что вы мне сегодня мстили?
Зачем вы бурю напустили

На мой прекрасный старый дом,
Бесчинствуя в лесу моем?
Вассал! С душой своей прощайтесь!
Грозит вам гибель. Защищайтесь!
Виновны вы передо мной.
Своею собственной виной
Преступник обречен злосчастный.
Увертки были бы напрасны.
Силен своею правотой,
Я вызываю вас на бой.
Вы мне внушаете презренье.
Нет между нами примиренья!»
И разыгрался бой потом,
Прикрылся я своим щитом.
Копье в его руках острее,
Конь боевой под ним быстрее.
Смотрю и вижу, сам не свой:
Он выше целой головой.
Тому, кто маленького роста,
Высоких побеждать не просто.
Удар ему нанес я в щит —
Мое копье как затрещит!
Так злой судьбе моей хотелось:
Копье в кусочки разлетелось.
Однако на коне своем
Мой враг по-прежнему с копьем.
В его руках не древко — древо.
В припадке бешеного гнева
Копьем ударил он меня,
И повалился я с коня.
Так потерпел я пораженье.
Беспомощного, в униженье,
Меня покинул враг лихой,
Взяв моего коня с собой.
Идти за ним я не решился,
Тогда бы жизни я лишился.
И смысла не было бегом
Гоняться за таким врагом.
И без того пришлось мне худо.
Убраться только бы оттуда!
Я под сосною прикорнул,
Душой и телом отдохнул,
Скорей совлек свои доспехи,
Чтобы ходить мне без помехи,

Покуда не сгустился мрак,
И потащился кое-как
Искать в чащобе дом старинный
Гостеприимца-дворянина.
До замка к ночи я добрел
И там пристанище обрел.
И были слуги вновь послушны,
И вновь хозяева радушны.
Как накануне все точь-в-точь,
Приветливы отец и дочь,
Я точно так же в замке встречен.
Позор мой как бы не замечен,
И мне по-прежнему почет
Хозяин добрый воздает.
Я благодарен дворянину.
Благословить я не премину
Его святую доброту.
Такую добродетель чту
И ничего не забываю.
С тех пор я свой позор скрываю.
И как я мог, не знаю сам,
Сегодня проболтаться вам!
Но так и быть! Пускай случайно,
Делюсь моей постыдной тайной».
«Клянусь моею головой!
Такое слышу я впервой,—
Ивэйн воскликнул в изумленье.—
В каком досадном ослепленье
Изволите вы пребывать:
Годами от меня скрывать,
Кузен мой, ваше пораженье!
Мой долг — отнюдь не одолженье.
Теперь за наш фамильный стыд
Моя десница отомстит!»
«Нам после сытного обеда
Всегда мерещится победа,—
Сказал неугомонный Кей,—
Винишка доброго попей,
Опорожни бочонок пива,
И в бой запросишься ты живо,
И победитель ты один,
Тебя страшится Нурэддин.
Ивэйн, скорей в седло садитесь!
Вооружиться потрудитесь!

Победный разверните стяг!
Разбить врага — для вас пустяк.
Вы всех и вся в бою затмите.
С собою нас, Ивэйн, возьмите,
Мы вас хотим сопровождать.
Научимся мы побеждать,
Когда вы доблестью блеснете.
А впрочем, скоро вы заснете,
И вам приснится сон плохой,
И предпочтете вы покой».
Сказала королева Кею:
«Наверно, никакому змею
Такого жала не дано.
И как вам, сударь, не грешно!
Такое жало горше смерти.
Почтенный сенешаль, поверьте:
Язык ваш — враг заклятый ваш,
Коварный раб, неверный страж;
Он ваши тайны расточает,
Сердца друзей ожесточает
Посредством ядовитых фраз,
И ненавидят, сударь, вас.
Когда бы мне язык подобный,
Лукавый, вероломный, злобный,
Он был бы мигом уличен
И, как предатель, заточен.
Наказывают виноватых,
Привязывают бесноватых,
Веревками в церквах святых
Порою связывают их».
«Сударыня,— Ивэйн ответил,—
Наш праздник слишком свят и светел,
Чтобы веселье омрачать.
Сегодня ссору грех начать.
Я никому не угрожаю
И сенешаля уважаю.
Он при дворе незаменим.
Не стоит ссориться мне с ним.
Предупредить, однако, смею,
Что меч в руках держать умею,
И все придворные подряд
Охотно это подтвердят.
Я никогда не лезу в драку,
И не похож я на собаку,

Которая не промолчит,
Когда другая заворчит».
Подобный разговор тянулся,
Когда король Артур проснулся
И вышел к рыцарям своим.
Все встали молча перед ним.
Монарху не на что сердиться.
Он разрешил гостям садиться
И, внемля разным голосам,
Сел рядом с королевой сам.
Потом замолкли гости снова,
И королева слово в слово
Пересказала без прикрас
Наиправдивейший рассказ,
Не уступающий роману.
Благодаря Калогренану
Узнал король про этот лес,
Где столько кроется чудес.
Внимал король и удивлялся.
Дослушав, он при всех поклялся
В лесу чудесном побывать,
И соизволил он позвать
С собою всех своих баронов,
Любезностью своею тронув
И добрых рыцарей, и злых,
И молодых, и пожилых.
Конечно, каждый согласился.
Весь королевский двор просился
В лесную глушь, где под сосной
Бурлит источник ледяной.
Придворные не замечали,
Что господин Ивэйн в печали.
Хотел он побывать без них
В таинственных местах лесных.
Ивэйну так велело мщенье.
Мессир Ивэйн сидел в смущенье:
Вдруг с незнакомцем вступит в бой
Насмешник дерзкий, Кей лихой?
Вдруг незнакомца покарает
Гавэйн, который сам сгорает
От нетерпения, когда
Свой вызов бросила вражда?
Медлительному нет прощенья.
Откладывать не стоит мщенья!

Мессир Ивэйн в решеньях скор.
Покинуть королевский двор
Без провожатых он старался.
В дорогу рыцарь собирался
И в этот неурочный час
Оруженосцу дал приказ:
«Готовь мое вооруженье!
Все боевое снаряженье
Понадобиться может мне.
В чужой неведомой стране
Мне суждено теперь скитаться.
С кем предстоит мне поквитаться,
Покамест я не знаю сам,
Однако приключенья там
И неприятельские ковы.
Нужны надежные подковы
В дороге моему коню,
Которого я так ценю.
Нам следует без промедленья
Закончить все приготовленья,
Чтобы не знал никто окрест
Про этот спешный мой отъезд».
Оруженосец отвечает:
«Нет, ваш слуга не подкачает!»

Ивэйн отважный рвется в бой.
Он покидает замок свой.
Отмстить задумал непременно
Он за бесчестие кузена.
Оруженосец между тем
Достал кольчугу, щит и шлем.
Хозяйскому послушный слову,
Проверил каждую подкову,
Пересчитал гвоздочки все.
Конь рыцарский во всей красе,
Он всадником своим гордится.
Мессир Ивэйн в седло садится,
Он в путь-дорогу снаряжен,
Он хорошо вооружен.
Не мешкал рыцарь ни мгновенья
И не искал отдохновенья.
Ивэйн скакал во весь опор
Среди лесов, лугов и гор.

Проехал много перепутий,
Встречал немало всякой жути,
В Броселиандский лес проник,
Разыскивая там родник,
Нашел, готовясь к поединку,
Среди терновника тропинку
И знал уже наверняка:
Он в двух шагах от родника.
Неподалеку ключ гремучий
С водой студеною, кипучей,
И камень близко, и сосна,
Которой буря не страшна.
В лесу безлюдно и пустынно.
В уютном замке дворянина
Мессир Ивэйн заночевал,
Трапезовал и почивал.
С почетом рыцаря встречали,
Благословляли, привечали.
Сознаться можно, не греша:
Была девица хороша,
Благоразумна и красива,
Ничуть при этом не спесива.
Румянец нежный, стройный стан.
Нет, не солгал Калогренан.
Покинув замок утром рано,
Наш рыцарь повстречал мужлана.
Неописуемый урод
Пред ним стоял, разинув рот.
И как натура сотворила
Такое пакостное рыло?
В чащобе рыцарь — начеку.
Он подъезжает к роднику,
Он видит ковшик на цепочке
И безо всякой проволочки,
Ковш наполняя в свой черед,
На камень смело воду льет.
И сразу налетела буря,
В лесу дремучем бедокуря.
Сто молний вспыхнуло подряд.
Холодный ветер, ливень, град.
Но буря быстро миновала,
И солнце восторжествовало.
Лишь под сосною вековой
Бурлил источник роковой,

Пока на ветках птицы пели.
Закончить птицы не успели
Обедни радостной своей,
Когда, грозы ночной слышней,
Раздался топот в отдаленье,
Как будто буйствуют олени,
Самцы, которым что ни год
Покоя похоть не дает.
Из чащи рыцарь выезжает.
Он проклинает, угрожает.
Всепожирающим огнем
Гнев лютый полыхает в нем.
Ивэйн, однако, не смутился,
С врагом неведомым схватился.
Нет, копья не для красоты!
Удар — и треснули щиты,
Разваливаются кольчуги,
Едва не лопнули подпруги.
Переломились копья вдруг,
Обломки падают из рук.
Но глазом оба не моргнули,
Мечи, как молнии, сверкнули.
Обороняться все трудней.
Щиты остались без ремней,
Почти что вдребезги разбиты.
Телам в сраженье нет защиты.
Удары сыплются опять.
Не отступая ни на пядь,
В бою неистовствуют оба,
Как будто бы взыскуют гроба.
Нет, не вслепую рубит меч,
А чтобы вражий шлем рассечь.
Разят без устали десницы.
Кольчуги, словно власяницы,
Дырявые, свисают с плеч,
И как тут крови не потечь!
Пускай в сражении жестоком
Людская кровь течет потоком,
Тому, кто честью дорожит,
В седле сражаться надлежит.
При мастерстве необходимом
Конь остается невредимым.
Противнику пробей броню,
Не повредив его коню.

Не зря закон гласит исконный:
В бою всегда красивей конный.
Бей всадника, коня не тронь!
И невредимым каждый конь
В кровавом этом поединке
Остался, будто на картинке.
Враг покачнулся, вскрикнул враг.
Ивэйн мечом ударил так,
Что в мозге меч, как будто в тесте.
Лоб рассечен со шлемом вместе.
Мозг на доспехах, словно грязь.
Судьбе враждебной покорясь,
Отступит каждый поневоле,
Когда темно в глазах от боли,
И сердце замерло в груди,
И пропадешь, того гляди.
Коня пришпорил побежденный
И, безнадежно убежденный
В том, что проигран этот бой,
Рванулся прямо в замок свой.
Уже распахнуты ворота,
Но не кончается охота.
Ивэйн за ним во весь опор
Погнался, не жалея шпор.
Судьбе своей беглец перечит.
За журавлем несется кречет,
На пташек нагоняя жуть.
Израненному когти в грудь
Он, кажется, уже вонзает,
Журавль, однако, ускользает.
Так полумертвый был гоним.
Мессир Ивэйн скакал за ним
И слышал тихие стенанья.
Беглец почти что без сознанья.
В плен можно раненого взять.
Но нет! Уходит он опять.
Собою, как всегда, владея,
Насмешки господина Кея
Мессир Ивэйн припомнил тут.
Неужто был напрасным труд?
И домочадцев и соседей
Он убедит в своей победе.
Поверит пусть любой мужлан:
Отмщен кузен Калогренан.

Отстать? Что это за нелепость!
Мессир Ивэйн ворвался в крепость.
Людей не видно у ворот,
Как будто вымер весь народ.
И в незнакомые ворота
Ивэйн врывается с налета.
Теснее не бывает врат.
Вдвоем проедешь в них навряд.
Один сквозь них едва въезжает.
И здесь беглец опережает
Преследователя на миг:
Он первым в замок свой проник.
Ивэйн за ним без остановки.
Вбегая в дверцу крысоловки,
Крысенок в ней не усмотрел
Настороженный самострел.
Однако лезвие стальное
Там наготове, потайное.
Приманку пробовать начнешь,
И беспощадный острый нож
Беднягу сразу разрубает,
Неосторожный погибает.
Такой же смертоносный вход
Вел в замок неприступный тот.
Того, кто не желает мира,
Дверь потайная, дверь-секира,
Всегда навешенная там,
Вмиг разрубала пополам.
И невозможно увернуться.
Не отбежать, не отшатнуться,
Не проползти, не проскользнуть,
От гибели не увильнуть.
Ивэйну с детства страх неведом.
За беглецом он скачет следом.
Погонею разгорячен,
Ивэйн в ловушку завлечен.
Вперед всем телом он тянулся.
Он беглеца почти коснулся,
Почти задел его седло.
Ивэйна храброго спасло
Воинственное напряженье.
Секира-дверь пришла в движенье,—
Как будто бы сам Вельзевул
Ее внезапно потянул,—

Седло с размаху разрубила,
Коня лихого загубила
Железом дьявольским своим.
Ивэйн, однако, невредим,
И без единого пореза
Скользнуло вдоль спины железо,
На пятках шпоры отхватив.
Наш рыцарь, слава богу, жив.
Вскочил он, страх превозмогая.
Тем временем уже другая
За беглецом закрылась дверь,
И не достать его теперь.
Судьба завистливая злая!
Взять в плен противника желая,
Сам рыцарь попадает в плен
Среди враждебных этих стен.
Ивэйна в плен коварством взяли.
Непобедимый заперт в зале.
Просторный, светлый этот зал
Прекрасной росписью блистал.
Рисунки, краски, позолота,
Художественная работа.
Искусством этим восхищен,
Ивэйн тревогою смущен.
Отторгнутый от всей вселенной,
Не тосковать не может пленный.
Грустит в неволе даже зверь.
Вдруг заскрипела рядом дверь,
И соизволила явиться
Весьма красивая девица.
Из тесной горенки своей
Она выходит поскорей,
Увидев рыцаря в кольчуге,
И говорит ему в испуге:
«Ах, сударь! Вам грозит беда!
Не в пору вы зашли сюда.
Вы, сударь, с нашим домом в ссоре,
И в нашем доме нынче горе.
Смертельно ранен господин.
А кто виновник? Вы один!
Он корчится в предсмертной муке.
Едва не наложила руки
Хозяйка наша на себя,
О рыцаре своем скорбя.

Вы — наших горестей причина,
Вы погубили господина.
Боюсь, придут сюда сейчас,
Чтобы прикончить, сударь, вас.
Вассалы вас убьют на месте
Из чувства справедливой мести».
Мессир Ивэйн ответил: «Да!
От них не скрыться никуда».
«Ну, нет,— промолвила девица,—
Отчаиваться не годится,
Ведь я не выдам вас врагу.
Конечно, вам я помогу.
Пока в моей вы, сударь, власти,
Не бойтесь никакой напасти.
Я благодарна, сударь, вам
И за добро добром воздам.
Вы при дворе меня встречали,
Меня вы часто выручали.
Сгорала там я со стыда:
Мне госпожа дала тогда
Ответственное порученье.
Уж вот мученье так мученье!
Была я чересчур скромна
И недостаточно умна,
Всех тонкостей не разумела,
Рта при дворе раскрыть не смела.
Другим девицам не в пример,
Стыдилась я своих манер.
И только вы один вначале
Меня любезно привечали.
Вас, рыцарь, вмиг узнала я.
Сын Уриена-короля,
Ивэйном, сударь, вы зоветесь.
Вы на свободу не прорветесь,—
Искать вас будут здесь и там,
Но повредить не смогут вам,
Пока на палец ваш надето
Волшебное колечко это».
И, поглядев ему в лицо,
Дала чудесное кольцо
Девица нашему герою.
Как будто дерево корою,
Невидимостью облечен
Счастливец тот, кому вручен

Подарок этот несравненный.
С таким колечком рыцарь пленный,
Незримый для враждебных глаз,
Пожалуй, был свободней нас.
Наш рыцарь вовсе не в темнице.
Попал он в горницу к девице.
О чем тут, право, горевать!
Роскошно застлана кровать.
Найди попробуй ткань дороже!
Улечься на такое ложе
Австрийский герцог был бы рад.
Не покрывало — сущий клад.
Мессир Ивэйн проголодался.
Недолго рыцарь дожидался.
Девица принесла вина
И жареного каплуна.
Какое вкусное жаркое!
Вино хорошее какое!
Вино прозрачнее слезы.
Наверно, лучше нет лозы.
Вновь после трудностей дорожных
Ивэйн отведать мог пирожных.
Он яство каждое хвалил
И вскоре голод утолил.
Внезапно шум раздался в зале:
Ивэйна рыцари искали.
Врага боялись упустить,
Они хотели отомстить.
Того, кому они служили,
В гроб домочадцы положили.
Девица говорит: «Мой друг!
Вы слышите галдеж и стук?
Всей нашей страже приказали
Разыскивать вас в этом зале.
Смотрите! Вот моя кровать!
Извольте сесть и не вставать!
На ней спокойно вы сидите!
Из горницы не выходите!
Искать вас тут — напрасный труд.
Пускай придут, пускай войдут,
Пускай себе проходят мимо,
Вы здесь находитесь незримо.
Увидите, как мимо вас
Несут в печальный некий час

Останки нашего сеньора
(Я знаю, похороны скоро).
Извольте же собой владеть!
На всех вы можете глядеть
Невозмутимыми глазами,
Когда невидимы вы сами.
Однако мне теперь пора.
Желаю, сударь, вам добра.
Для вас я честно потрудилась,
Вам, слава богу, пригодилась».
Едва простился рыцарь с ней,
Шум сделался еще слышней.
Ввалились прямо в зал вассалы,
У них в руках мечи, кинжалы,
Секиры, палицы, ножи.
Оруженосцы и пажи
Все закоулки оглядели.
Ну что за притча, в самом деле?
Коня нашли мгновенно там,
Разрубленного пополам,
А рыцарь в руки не давался.
Где спрятался? Куда девался?
Он через дверь пройти не мог.
Сбиваются вассалы с ног.
Неужто дверка сплоховала?
Она без промаха, бывало,
Казнит непрошеных гостей,
Отведав мяса и костей.
А впрочем, дверка не повинна:
За ней другая половина
Коня злосчастного нашлась.
Когда скотина не спаслась,
Неужто всадник жив остался?
И бестолково заметался
По замку весь дворовый люд.
Проклятья незнакомцу шлют,
Кричат: «Куда бы мог он скрыться?
Ведь не могли бы раствориться
Такие двери все равно.
Не то что в нашу дверь — в окно
И птица бы не пролетела.
А человеческое тело?
Попробуй в щелочку пролезь!
Пожалуй, не помогут здесь

Наихитрейшие уловки.
Ни землеройке, ни полевке,
Пожалуй, здесь не проскользнуть.
Закрыт гостям незваным путь.
И все же к нам проникло горе,
Хоть наши двери на запоре.
Скончался только что сеньор.
Убийца где же? Кроме шпор
И кроме туши лошадиной,
Улики, что ли, ни единой
И в спешке не оставил он,
В ловушку нашу завлечен?
Найти убийцу не пора ли?
Или нечистые украли
Его, зловредного, у нас?
Такое видим в первый раз!»
В пылу бессмысленного гнева
То вправо кинутся, то влево,
Суют носы во все углы,
Заглядывают под столы,
И под кровати, и под лавки,
Намяв бока друг другу в давке.
Бросаются во все концы,
Почти на ощупь, как слепцы,
В любую дырку тычут палки,
Рассудок потеряли в свалке
И лишь девицыну кровать
Стараются не задевать.
Вассалы не подозревали,
Кто там сидит на покрывале.
Вдруг рыцарь наш затрепетал:
Ни на кого не глядя, в зал
Вошла прекраснейшая дама.
Она была красивой самой
Среди красавиц всей земли.
Сравниться с нею не могли
Прекраснейшие христианки,
И здешние и чужестранки.
Была в отчаянье она.
Своею горестью пьяна,
Брела, не говоря ни слова,
Убить себя была готова.
Отмечен скорбью бледный лик,
В устах прекрасных замер крик.

Вошла, вздохнула, покачнулась,
Без чувств упала, вновь очнулась,
Рыдая, волосы рвала,
Супруга мертвого звала.
Лежал в гробу сеньор покойный.
При гробе капеллан достойный,
Он в облачении святом,
Как полагается, с крестом.
Свеча, кропильница, кадило.
Как провидение судило,
Бессмертный дух покинул плоть,
И да простит его господь.
Мессир Ивэйн внимал рыданьям.
Он тронут был чужим страданьем.
Подобный плач, подобный крик
Не для стихов и не для книг.
И посреди большого зала
Придворным дамам страшно стало:
Кровоточит мертвец в гробу,
Алеет снова кровь на лбу —
Наивернейшая примета:
Убийца, значит, рядом где-то.
И снова в зале беготня,
Проклятья, ругань, толкотня.
Так разъярились, что вспотели.
Ивэйну, впрочем, на постели
Досталось тоже под шумок.
Отважный рыцарь наш не мог
От палок длинных увернуться.
Нельзя ему пошевельнуться.
Вассалы бесятся, кричат,
А раны все кровоточат.
Мертвец как будто хмурит брови,
Окрашенные струйкой крови.
Сойти с ума недолго тут.
Никак вассалы не поймут,
Что происходит в этом зале.
Переглянулись и сказали:
«Когда убийца среди нас,
Его, наверно, дьявол спас
От нашей справедливой кары.
Тут явно дьявольские чары!»
И закричала госпожа,
От гнева дикого дрожа,

Рассудок в бешенстве теряя:
«Как? Не нашли вы негодяя?
Убийца! Трус! Презренный вор!
Будь проклят он! Позор! Позор!
Привык он действовать бесчестно.
Известно было повсеместно,
Что мой супруг непобедим.
И кто бы мог сравниться с ним?
Он был храбрец, он был красавец.
Ты обокрал меня, мерзавец!
Я не увижу никогда
Того, кем я была горда,
Того, кого я так любила.
Какая только мразь убила
Возлюбленного моего?
Твое напрасно торжество,
Ты нежить, погань, гад ползучий!
Подумаешь, какой везучий!
Ты призрак или дьявол сам,
Твоя победа — стыд и срам,
Ты трус без всяких оговорок!
Эй, невидимка, призрак, морок!
Сдается мне, что ты вблизи.
Обманывай, крадись, грози!
Тебя, мой враг, я проклинаю.
Я не боюсь тебя, я знаю:
Ты по своей натуре слаб.
Ты жалкий трус, ты подлый раб,
Ты притаился от испуга.
Как? Моего сразив супруга,
Явиться ты не смеешь мне?
Ты, присягнувший сатане,
Конечно, ты бесплотный морок!
Того, кто был мне мил и дорог,
Не победил бы человек.
Ты наказания избег,
Хранимый силой ненавистной,
Ты мне противен днесь и присно!»

Так проклинала госпожа
Того, кто, жизнью дорожа,
Почти что рядом с ней скрывался,
Таился и не отзывался.

Отчаяньем поражена,
Совсем измучилась она,
И в тягостной своей печали
Вассалы верные устали
Усердно шарить по углам,
Перебирая всякий хлам.
Исчез преступник. Вот обида!
Но продолжалась панихида,
И пел благочестивый хор.
Уже выносят гроб во двор.
За гробом челядь вереницей.
Скорбит народ перед гробницей.
Плач, причитания кругом.
Тогда-то в горницу бегом
Девица к рыцарю вбежала:
«Мессир! Как я за вас дрожала!
Боялась я, что вас найдут.
Искали вас и там и тут,
Как пес легавый — перепелку,
Но, слава богу, все без толку!»
«Досталось мне,— Ивэйн в ответ,—
Но только трусу страх во вред.
Я потревожился немножко
И все-таки хочу в окошко
Или хоть в щелочку взглянуть,
Каким последний будет путь
Столь безупречного сеньора.
Конечно, погребенье скоро!»
Ивэйну не до похорон.
К окну готов приникнуть он,
Нисколько не боясь последствий,
Пускай хоть сотни тысяч бедствий
Неосторожному грозят
За ненасытный этот взгляд:
Привязан сердцем и очами
Мессир Ивэйн к прекрасной даме,
Навеки дивный образ в нем.
И постоять перед окном
Ему позволила девица.
Ивэйн глядит не наглядится.
Рыдая, дама говорит:
«Прощайте, сударь! Путь открыт
Вам, сударь, в горние селенья
С господнего соизволенья.

Пускай замолкнет клевета!
Вы, господин мой, не чета
Всем тем, кто в наше злое время
Еще вдевает ногу в стремя.
Вы, сударь, веку вопреки,
Душою были широки,
И основное ваше свойство —
Неколебимое геройство.
Кто мог бы с вами здесь дружить?
Дай бог вам, сударь, вечно жить
Среди святых, среди блаженных,
Среди созданий совершенных!»
Отчаяньем поражена
Рыдает скорбная жена,
Свой несравненный лик терзает,
Себя жестоко истязает,
Как будто горе все сильней.
Ивэйн едва не вышел к ней.
Благоразумная девица
Ему велит остановиться
И говорит: «Нет, рыцарь, нет!
Вы позабыли мой совет!
Куда вы? Стойте! Погодите!
Отсюда вы не выходите!
Извольте слушаться меня!
На вас надежная броня.
Невидимость — вот ваши латы.
Бояться нечего расплаты,
Судьба победу вам сулит,
Надежда душу веселит.
В союзе с мудростью отвага
Восторжествует вам на благо.
Хранимы вы самой судьбой.
Следите только за собой,
За языком своим следите!
Не то себе вы повредите.
По-моему, не так уж смел
Тот, кто сдержаться не сумел,
Кто, наделенный вздорным нравом,
Пренебрегает смыслом здравым.
Таит безумие храбрец
И поступает, как мудрец.
Безумию не поддавайтесь!
Предусмотрительно скрывайтесь!

Не заплатить бы головой
Вам за проступок роковой!
Свои порывы побеждайте,
Мои советы соблюдайте!
Соображайте сами впредь!
За вами некогда смотреть
Мне в этот час, когда придворный
В своей печали непритворной
Сеньора должен хоронить.
Чтобы себя не уронить,
Чтобы не вызвать подозренье,
Я тороплюсь на погребенье».
Ушла. Глядит Ивэйн в окно.
Что хочешь делай, все равно
Из рук навеки ускользает
Все то, на что он притязает,—
Вернее, мог бы притязать,—
Дабы победу доказать,
Одним свидетельством бесспорным
Всем злопыхателям придворным
Заткнув завистливые рты
Во избежанье клеветы.
Куда теперь ему деваться?
Кей снова будет издеваться.
Ему прохода Кей не даст.
Всегда на колкости горазд,
Насмешник этот родовитый
Язык имеет ядовитый,
До глубины души доймет.
Но как он сладок, новый мед,
Еще неведомые соты,
Неизреченные красоты
Любви, которая царит
В сердцах, где чудеса творит.
Весь мир Любовь завоевала,
Повсюду восторжествовала
Она без боя и в бою,
И в ненавистницу свою
Ивэйну суждено влюбиться,
И сердцу без нее не биться,
Хоть неизвестно госпоже,
Что за покойника уже
Она жестоко отомстила:
Убийцу дерзкого прельстила.

Смертельно ранит красота,
И нет надежного щита
От этой сладостной напасти.
И жизнь и смерть не в нашей власти.
Острее всякого клинка
Любовь разит наверняка.
Неизлечима эта рана.
Болит сильнее, как ни странно,
Она в присутствии врача,
Кровь молодую горяча.
Ужасней всякого гоненья
Неизлечимые раненья.
Ивэйн Любовью побежден,
Страдать навеки осужден.
Любовь могла бы, как известно,
Обосноваться повсеместно.
И как Любви не надоест
Блуждать среди различных мест,
Оказывая предпочтенье
Обителям, где запустенье?
Как бы не ведая стыда,
Она вселяется туда,
Уходит и спешит обратно
Стократно и тысячекратно,
Жилья не бросит своего.
Такое это божество:
И в запустенье обитает,
Убожество предпочитает,
Довольная своим гнездом,
Как будто в наилучший дом
Она торжественно вселилась
И всей душой возвеселилась.
С высот нисходит прямо в грязь
Любовь, нисколько не стыдясь.
Так что нельзя не изумиться:
Любовь небесная срамится,
Разбрызгивая здесь и там
В зловонном прахе свой бальзам,
Цветет на самом скверном месте,
И ей позор милее чести.
Ее стряпню изволь вкушать!
И к желчи сахар подмешать
Порою пробует и даже
Подбавить меду к черной саже.

Любовь преследует царей,
Подвластен каждый рыцарь ей,
Смиренно служат ей монахи,
И перед нею дамы в страхе.
Любовь за горло всех берет,
И знает каждый наперед
Псалтырь Любви, псалмы святые.
Читайте буквы золотые!
Мессир Ивэйн перед окном.
Он помышляет об одном,
В мечтах отрадных забываясь.
Ивэйн глядит не отрываясь
На несравненный этот лик.
Прекрасней дама что ни миг,
Идет печаль прекрасной даме.
Владеет красота сердцами,
И можно только тосковать,
Не смея даже уповать.
Влюбленный думает, гадает
И сам с собою рассуждает:
«Нет, я, конечно, сумасброд,
Во мне безумье верх берет.
Опасней в мире нет недуга.
Смертельно ранил я супруга
И завладеть хочу вдовой.
Вот замысел мой бредовой!
Казнить она меня мечтает.
Какую ненависть питает
Она ко мне сегодня! Да,
Однако женская вражда
В один прекрасный день минует.
Мою красавицу взволнует
Иная пылкая мечта,
У каждой дамы больше ста
Различных чувств одновременно.
Меняются они мгновенно.
Нельзя надежду мне терять,
Фортуне лучше доверять.
Не знаю, что со мной творится,
Любви готов я покориться.
Ослушник был бы заклеймен.
До самого конца времен
Все говорили бы: предатель!
Так помоги же мне, создатель!

Благословляю госпожу,
Навеки ей принадлежу.
Скорей бы мужа позабыла,
Скорей бы только полюбила
Лихого своего врага.
О, как она мне дорога!
И я врагом ее считаюсь?
Оправдываться не пытаюсь.
Ее супруг был мной сражен.
Прекрасней нет на свете жен,
Красавиц краше не бывает.
Когда Любовь повелевает,
Не подчиниться — стыд и срам.
Мою любовь я не предам.
Любви смиренно повинуясь,
Я говорю, не обинуясь:
Ей друга не найти верней.
И пусть я ненавистен ей,
На ненависть я отвечаю
Одной любовью и не чаю
Иной награды, лишь бы мне
Служить пленительной жене.
Зачем она себя терзает
И как, безумная, дерзает
Рвать золотистые власы,
Подобной не щадя красы?
Нет, не со мной она враждует.
Она как будто негодует
На собственную красоту.
Ее счастливой предпочту
Увидеть, если так прекрасна
Она в тоске своей напрасной.
Зачем она себя казнит
И не щадит своих ланит,
Желанных, сладостных и нежных,
И персей этих белоснежных?
Мою красавицу мне жаль.
Конечно, никакой хрусталь
С прозрачной кожей не сравнится.
Натура — божья ученица.
Однако что и говорить!
Решив однажды сотворить
Прекрасное такое тело,
Натура бы не преуспела,

Когда бы, тварь свою любя,
Не превзошла сама себя.
Бог сотворил своей рукою
Мою владычицу такою,
Чтобы Натуру поразить
И сердце мне навек пронзить.
Тут сомневаться неприлично.
Не мог бы сам господь вторично
Такое чудо сотворить.
Нельзя шедевра повторить».
Обряд кончается печальный,
Народ уходит подначальный,
Двор постепенно опустел.
Когда бы только захотел
Наш рыцарь славный на свободу,
Его внезапному уходу
Не мог бы недруг помешать.
Ему бы впору поспешать,—
Открыты двери и ворота.
Совсем, однако, неохота
Ивэйну замок покидать,
Ивэйн предпочитает ждать.
Когда девица возвратилась,
Она как будто спохватилась:
«Как, сударь, время провели?»
«От всяких горестей вдали,
Понравилось мне в этом зале».
«Что, господин мой, вы сказали?
Понравилось вам тосковать
И жизнью вашей рисковать?
Быть может, сударь, вам по нраву,
Когда кровавую расправу
Над вами учиняет враг?»
«Нет, милая моя, не так.
Отнюдь не смерть меня прельстила.
Надежду жизнь мне возвестила,
Как только смерти я избег.
Не разонравится вовек
То, что понравилось мне ныне».
«Конечно, толку нет в унынье.
Не так уж, сударь, я глупа
И, слава богу, не слепа,—
Ивэйну молвила девица.—
Чему тут, сударь мой, дивиться!

А впрочем, заболтались мы.
Из вашей временной тюрьмы
Вам выйти можно на свободу».
«Там во дворе толпа народу,—
Мессир Ивэйн сказал в ответ.—
Спешить сегодня смысла нет.
Еще погонятся за мною.
Грех красться мне порой ночною!»
Наш рыцарь в замке как в раю.
Девица в горенку свою
Ивэйна пригласила снова
За неимением иного
Приюта для таких гостей.
Там в ожиданье новостей
Остался рыцарь утомленный.
Была достаточно смышленой
Девица, чтобы в сей же час
Уразуметь без лишних фраз,
Какая благостная сила
Ивэйна в зале покорила,
Преобразив его тюрьму,
Когда грозила смерть ему.
Девица шустрая, бывало,
Советы госпоже давала.
Не допустив ни тени лжи,
Наперсницею госпожи
Ее нередко называли.
Молчать она могла едва ли,
Когда для присных не секрет,
Что госпоже печаль во вред.
Девица наша не смутилась.
Она к хозяйке обратилась:
«Хочу, сударыня, спросить:
Вы господина воскресить
Своей надеетесь тоскою?»
«Ах, что ты! Нет, но я не скрою:
Сама хочу я умереть!»
«Зачем, скажите?» — «Чтобы впредь
Не разлучаться с ним!» — «О боже!
Так сокрушаться вам негоже,
Когда получше муженька
Бог вам пошлет наверняка!»
«Молчи! Не нужно мне другого!»
«Я замолчать всегда готова.

И почему не промолчать,
Чтоб госпожу не огорчать.
Я не пускаюсь в рассужденья,
Но ваши, госпожа, владенья
Какой воитель защитит?
Пусть вам замужество претит,
Пройдет еще одна седмица,
И к замку войско устремится,
По нашим рыская лесам.
Король Артур прибудет сам
В сопровожденье целой свиты.
Источник требует защиты,
Меж тем супруг скончался ваш.
Высокородная Соваж
В письме своем предупреждает,
Что короля сопровождает
Цвет рыцарства, тогда как нам
В придачу к дедовским стенам
Достались воины плохие.
Все наши рыцари лихие
Не стоят горничной одной,
Когда грозит нам враг войной.
Все наши рыцари исправны,
Однако слишком благонравны
И, что бы ни произошло,
Сесть не осмелятся в седло,
Предпочитая разбежаться,
Когда приказано сражаться».
Казалось бы, сомнений нет.
Однако правильный совет
Принять без всяких разговоров
Не позволяет женский норов.
Упрямством женщина грешит.
Отвергнуть женщина спешит
Все то, что втайне предпочла бы.
Прекраснейшие дамы слабы.
И закричала дама: «Прочь!
Меня ты больше не морочь!
Мне речь такая докучает!»
«Ну, что ж,— девица отвечает,—
Пожалуй, замолчать не грех,
Раз вы, сударыня, из тех,
Кого советы раздражают,
Когда несчастья угрожают».

Девицу дама прогнала,
Однако быстро поняла,
Что поступает безрассудно,
Хотя признаться в этом трудно.
Впредь нужно действовать мудрей.
Узнать бы только поскорей,
Кто этот рыцарь, столь достойный,
Что не сравнится с ним покойный.
Душою лишь бы не кривить
И разговор возобновить.
Терпенья, что ли, не хватило?
Не выдержала, запретила,
Вперед желая забежать,
Она девице продолжать.
Девица вскоре, слава богу,
Пришла хозяйке на подмогу
И продолжала разговор
Как будто бы наперекор.
«Хоть не к лицу мне забываться,
По-моему, так убиваться —
Пусть госпожа меня простит —
Для знатной дамы просто стыд.
И если рыцарь погибает,
По-моему, не подобает
Весь век скорбеть, весь век рыдать.
С собою нужно совладать,
О новом помышляя муже.
Найдутся рыцари к тому же,
Чья доблесть мертвого затмит.
Напрасно вас печаль томит!»
«Ты лжешь! Всему своя граница.
Никто не мог бы с ним сравниться!
И ты скажи попробуй мне,
Кто с ним сегодня наравне!»
«Молчать мне, правда, не годится.
А вы не будете сердиться?»
«Нет, говори, я не сержусь».
«Для вас я, госпожа, тружусь.
Свою служанку не хвалите!
Вы только соблаговолите
Стать вновь счастливой в добрый час,
Облагодетельствовав нас.
Могу продолжить без запинки.
Два рыцаря на поединке.

Кто лучше? Тот, кто побежден?
По-моему, вознагражден
Всегда бывает победитель,
Хоть рядовой, хоть предводитель.
А кто, по-вашему, в цене?»
«Постой, постой, сдается мне,
Меня ты заманила в сети».
«Ведется так на белом свете.
Извольте сами рассудить:
Дано другому победить
В сраженье вашего супруга.
Пришлось в бою сеньору туго,
И скрылся в замок наш сеньор.
Напоминанье — не укор,
И заводить не стоит спора.
Отважней нашего сеньора
Тот, кто сеньора победил».
«Язык твой злой разбередил
Мою мучительную рану.
Нет, больше слушать я не стану.
Ты хочешь боль мне причинить.
Не смей покойника чернить,
Иначе горько пожалеешь,
Сама едва ли уцелеешь!»
«Итак, по правде говоря,
Я с вами рассуждала зря.
Я госпоже не угодила,
Хоть госпожу предупредила:
Не сладко слушать будет ей.
Конечно, впредь молчать умней».
И поскорей — в свою светлицу,
Где ждал мессир Ивэйн девицу.
Девица гостю своему
Немного скрасила тюрьму.
Однако рыцарь наш томится,
К своей возлюбленной стремится,
Не знает пылкий наш герой,
Как в первый раз и во второй
Девица счастья попытала
И за него похлопотала.
Не может госпожа заснуть,
И ночью глаз ей не сомкнуть.
Ах, как ей нужен покровитель!
Какой неведомый воитель

Источник дивный защитит?
Несчастье кто предотвратит,
Когда несчастье угрожает?
Она девицу обижает,
На ней одной срывает зло,
Когда на сердце тяжело
И на душе не прояснилось,
А все-таки не провинилась
Девица перед госпожой.
Должно быть, рыцарь тот чужой
И впрямь герой — на то похоже.
Девице госпожа дороже
Любых проезжих молодцов.
Совет хорош, в конце концов.
С девицей нужно помириться,
Когда девица — мастерица
Советы мудрые давать.
А как бы рыцаря призвать —
Нет, не на тайное свиданье —
На суд, в котором оправданье
Высоких доблестей таких
В глазах завистливых людских.
Отвагу каждый уважает.
Перед собой воображает
Она влюбленного врага,
До невозможности строга.
«Добиться правды постараюсь.
Убийца ты?» — «Не отпираюсь.
Да, ваш супруг был мной сражен».
«Жестокостью вооружен,
Ты мне желал тогда худого?»
«Сударыня, даю вам слово,
Скорее умер бы я сам!»
«Благодаренье небесам!
В тебе не вижу я злодея.
Своим оружием владея,
Ты мужа моего сразил,
Который сам тебе грозил.
Отвага, стало быть,— не злоба.
И, очевидно, правы оба.
И справедлив мой суд земной:
Ты не виновен предо мной».
Нередко в жизни так бывает:
Огня никто не раздувает,

Огонь, однако, не заснул
И сам собою полыхнул.
Неугомонная девица
Теперь могла бы убедиться
В конечном торжестве своем.
Девица с госпожой вдвоем
Наутро, как всегда, осталась
И речь продолжить попыталась
(Ей, говорливой, не впервой).
И что ж? С повинной головой,
Как проигравшая сраженье,
В благоразумном униженье
Предстала дама перед ней.
Ей, госпоже, всего важней,
Свое лелея упованье,
Происхожденье и прозванье
Чужого рыцаря узнать:
«Извольте, милая, принять
Почтительные извиненья.
Я согрешила, без сомненья.
Я как безумная была,
Простительна моя хула.
Я вам готова подчиниться,
Навек я ваша ученица.
Скажите: храбрый рыцарь тот
От предков знатных род ведет?
Тогда... Что делать, я согласна.
И я сама ему подвластна,
И вся моя земля со мной,
Спасенная такой ценой,
Чтобы меня благодарили
И за глаза не говорили:
«Убийцу мужа избрала!»
«Благому господу хвала! —
Девица даме отвечала.—
Из всех, чей род берет начало
От Авеля, он лучший!» — «Да?
А как зовут его тогда?»
«Ивэйном».— «Рыцарь безупречный!
Никто не скажет: первый встречный!
Мессир Ивэйн, слыхала я,
Сын Уриена-короля?»
«То, что вы слышали, не ложно».
«Когда его увидеть можно?»

«Дней через пять».— «Чрезмерный срок!
И поспешить бы рыцарь мог,
Когда за ним я посылаю.
Ивэйна видеть я желаю
Не позже завтрашнего дня».
«Где, госпожа, найти коня,
Который устали не знает,
Небесных пташек обгоняет?
А впрочем, есть один юнец.
Он, быстроногий мой гонец,
Готов помчаться что есть мочи,
Чтобы добраться завтра к ночи
До королевского двора...»
«Ему отправиться пора
И надлежит поторопиться!
Ночами все равно не спится,
Такая полная луна!
Дорога при луне видна,
А тот, кто силы напрягает,
Все тяготы превозмогает.
При помощи ночных светил
Два дня в один бы превратил
Гонец, уверенный в награде».
«Не беспокойтесь, бога ради!
Проворному бежать не лень.
Я думаю, на третий день
Предстанет рыцарь перед вами
С почтительнейшими словами.
Но прежде чем торжествовать,
Вассалов следует созвать
(Не помешает свадьбе гласность).
Какая нам грозит опасность,
Скажите без обиняков,
И убедитесь вы, каков
Народец этот малодушный.
Вассалы будут вам послушны.
Не только сам король Артур —
Любой придворный балагур
Их всех пугает не на шутку.
Скажите вы, что, вняв рассудку,
Замужество вы предпочли
Бесчестию своей земли.
В подобном бракосочетанье —
Желанное предначертанье

Судьбы, спасительной для них.
Ваш непредвиденный жених
Им даст возможность не сражаться.
Им лишь бы только воздержаться
От столкновений боевых,
Оставшись как-нибудь в живых.
Тот, кто своей боится тени,
Падет пред вами на колени,
Благословляя госпожу».
«Я так же, как и вы, сужу,—
Сказала дама,— я согласна.
Вы рассуждаете прекрасно.
Во избежанье тяжких бед
Я принимаю ваш совет.
Так что же вы? Поторопитесь!
Пожалуйста, вы не скупитесь.
Пусть будет ваш посланник скор!»
На этом кончен разговор.
Тогда девица притворилась,
Что с посланным договорилась.
Окончив срочные дела,
Девица в горницу пошла.
Она Ивэйна умывает,
Причесывает, одевает.
Идет ему багряный цвет.
Наш рыцарь в мантию одет,
И отороченная белкой,
Ткань блещет редкостной отделкой.
На мантии роскошной той
Аграф сверкает золотой
И драгоценные каменья.
Благопристойность и уменье
Такие чудеса творят.
Отлично смотрится наряд.
Ивэйну службу сослужила
И сразу даме доложила:
«Вернулся верный мой гонец».
«Ах, слава богу! Наконец!
Сам рыцарь явится когда же?»
«Он здесь».— «Он здесь? Не надо стражи!
Не говорите никому
О том, что я его приму».
Девица торжество скрывает
И радость преодолевает.

Девица гостю говорит,
Что госпожой секрет раскрыт.
«Все госпожа уразумела.
Она кричит мне: как ты смела?
Мессир! Она меня бранит,
И упрекает, и винит.
И ваше местопребыванье,
И ваше славное прозванье
Теперь известны госпоже,
Что толку быть настороже!
При этом дама заверяет,
Что смертью вас не покарает.
Должны предстать вы перед ней.
Ведите же себя скромней!
Войдите к ней вы без боязни.
Мучительной не ждите казни,
Хотя могу предположить:
В плену придется вам пожить,
К неволе долгой приучаясь,
А главное, не отлучаясь
Душой и телом никуда».
Ответил рыцарь: «Не беда!
Я не боюсь такого плена».
«Я с вами буду неизменно.
Скорее руку дайте мне!
Поверьте, вы не в западне!
Вам, сударь, плен такой по нраву,
И заживете вы на славу.
Нетрудно мне предугадать,
Что не придется вам страдать».
Девица утешать умела,
Речистая в виду имела
Отнюдь не просто плен — Любовь.
Разумнице не прекословь!
Любовь и плен друг с другом схожи:
Скорбит влюбленный, пленный тоже.
Тот, кто влюблен, всегда в плену.
Такого плена не кляну,
Неволя счастью не мешает.
Меж тем девица поспешает,
Ивэйна за руку держа.
В своих покоях госпожа
На пышном восседает ложе.
И неприступнее и строже

Красавица на первый взгляд,
Когда приличия велят.
Не говорит она ни слова,
Величественна и сурова.
Смельчак не то что покорен,
Решил он: «Я приговорен!»
Он с места сдвинуться не смеет,
Язык от ужаса немеет.
Девица молвила тогда:
«Достойна вечного стыда
Служанка, если в гости к даме
Ведет она (судите сами!)
Того, кто смотрит чудаком
И не владеет языком,
Кто даже рта не раскрывает
И поклониться забывает
В смущенье, мыслей не собрав.—
Ивэйна тянет за рукав.—
Смелее подойдите к даме!
Вас, рыцарь (это между нами),
Никто не хочет укусить.
Прощенья нужно вам просить,
Пониже, сударь, поклонитесь,
Пред госпожою повинитесь,
Пал Эскладос, ее супруг.
Убийство — дело ваших рук».
И, словно каясь в преступленье,
Упал наш рыцарь на колени:
«Пускай надеяться грешно,
Сударыня, я все равно
С решеньем вашим примиряюсь
И вам с восторгом покоряюсь».
«А вдруг я вас велю казнить?»
«И это должен я ценить.
Я все равно доволен буду».
«Как верить мне такому чуду,
Когда без боя, сударь, мне
Вы покоряетесь вполне,
Хоть вас никто не принуждает?»
«И самых сильных побеждает
Та сила, что владеет мной
И мне велит любой ценой,
Когда возможно искупленье
(Такая мысль — не оскорбленье),

Утрату вашу возместить,
Чтоб вы могли меня простить».
«Как вы сказали? Искупленье?
Вы сознаетесь в преступленье?
Супруга моего убить —
Не преступленье, может быть?»
«Так с вашего соизволенья
Самозащита — преступленье?
По-вашему, преступник тот,
Кто недругам отпор дает?
Когда бы я не защищался,
Я сам бы с жизнью распрощался».
«Вы, сударь, правы! Решено!
Казнить вас было бы грешно.
Но только я бы вас просила
Сказать, откуда эта сила,
Которая велела вам,
По вашим собственным словам,
Моим желаньям подчиняться.
Садитесь! Хватит извиняться!
Я вас прощаю... Впрочем, нет!
Сперва извольте дать ответ!»
«Не скрою, сердце мне велело,
Как только вами заболело,
Подобных не предвидя мук».
«А сердцу кто велел, мой друг?»
«Мои глаза!» — «Они болели?»
«Нет, просто не преодолели
Той красоты, что так чиста».
«А что велела красота?»
«Мне красота любить велела».
«Кого же?» — «Вас!» — «Ах, вот в чем дело!
Любить меня! А как?» — «Да так,
Что мне других не нужно благ.
Не может сердце излечиться,
Не в силах с вами разлучиться,
Приверженное вам одной.
Навек вы завладели мной.
Меня доверием почтите!
Хотите, буду жить, хотите,
Умру, как жил, умру, любя.
Люблю вас больше, чем себя!»
«Я верю, сударь, но, простите,
Источник мой вы защитите?»

«От всех воителей земли!»
«К согласью, значит, мы пришли».
А в зале между тем бароны
Надежной просят обороны,
Своим покоем дорожа.
Проговорила госпожа:
«Там, в зале, видеть вас желают.
Меня вассалы умоляют
Скорее замуж выходить,
Беде дорогу преградить.
Я поневоле соглашаюсь.
Нет, отказать я не решаюсь
Герою, сыну короля.
Ивэйна знает вся земля».
Девица молча торжествует.
Достойных слов не существует.
Не знаю, как повествовать!
Мог рыцарь сам торжествовать.
Ивэйн в блаженстве утопает.
Он с госпожою в зал вступает.
Там в ожиданье госпожи
Бароны, рыцари, пажи.
Своей наружностью счастливой,
Своей осанкой горделивой
Наш рыцарь всех приворожил
И всех к себе расположил.
Почтительно вассалы встали
И торопливо зашептали:
«По всем статьям достойный муж!
Изъян попробуй обнаружь!
Вот это дама! Скажем смело,
Найти защитника сумела.
Кому претит подобный брак,
Тот государству лютый враг.
И римская императрица
Такому гостю покорится.
Не будем даму огорчать.
Их можно было бы венчать
Хоть нынче, рассуждая здраво».
Садится дама величаво.
Почел бы рыцарь наш за честь
У ног ее смиренно сесть.
Но госпожа не позволяет,
Сесть рядом с нею заставляет.

Когда замолк обширный зал,
Вассалам сенешаль сказал:
«Король идет на нас войною,
И этой новостью дурною
Делюсь я с вами, господа.
Вот-вот нагрянет он сюда,
Наш край родной опустошая
И самых смелых устрашая.
Защитник нам необходим,
Иначе мы не устоим.
Шесть лет не знали мы печали,
Шесть лет назад перевенчали
Сеньора с нашей госпожой.
Всегда выигрывал он бой
И не боялся нападенья.
И что ж! Теперь его владенье —
Тот крохотный клочок земли,
Где мы сеньора погребли.
Сражаться даме не пристало.
Кровопролитный блеск металла
Не для прекрасных женских рук.
Хороший нужен ей супруг,
И возместятся все потери.
Лет шестьдесят, по крайней мере,
Такой обычай здесь царил,
И нас пришелец не корил».
«Спасите»,— дружно все взмолились
И в ноги даме повалились.
Вздохнув, красавица сдалась.
Подождала и дождалась.
Она бы вышла замуж, впрочем
(Мы вас нимало не морочим),
И всем советам вопреки.
«Вот кто просил моей руки,—
Сказала дама,— рыцарь славный,
В любом сраженье воин главный.
Желает рыцарь мне служить,
И следует нам дорожить
Великодушным предложеньем,
Особенно перед сраженьем.
Он был мне прежде незнаком.
О смелом рыцаре таком
Я только слышала, не скрою.
Нет, не вредит молва герою,

И за глаза его хваля.
Сын Уриена-короля,
Ивэйн отважный перед вами.
Теперь вы посудите сами,
Насколько знатен мой жених,
Но только женихов иных
Всех без изъятья презираю,
Из всех Ивэйна выбираю».
В ответ вассалы говорят:
«Благому делу каждый рад!
Сегодня лучше повенчаться,
Пора венчанию начаться.
Грех потерять единый час,
Поторопитесь ради нас!»
И снова дама притворилась,
Что поневоле покорилась
Советам, просьбам и мольбам.
Я думаю, понятно вам:
Когда Любовь поторопила,
Покорно дама уступила
Самой Любви, не людям, нет,
Хоть настоятельный совет
И просьбы всей придворной знати
Пришлись, конечно, тоже кстати.
Известно было с давних пор:
Чтобы скакать во весь опор,
Нередко требуются шпоры.
Подхлестывают уговоры.
Итак, разумный сделан шаг.
Вступила дама в новый брак
С благословенья капеллана.
Ей ложе брачное желанно.
Мессир Ивэйн — теперь супруг
Самой Лодины де Ландюк,
Той гордой дамы, чей родитель,
Когда-то славный предводитель,
Великий герцог Лодюнет
В поэмах и в стихах воспет.
На свадьбу прибыли прелаты.
Не только здешние аббаты,
Сюда со всех концов страны
Епископы приглашены.
Ивэйна люди прославляют,
Сеньором новым объявляют.

Тот, кто Ивэйном был сражен,
Уже в забвенье погружен.
На свадьбу мертвые не вхожи,
И победитель делит ложе
С благоразумною вдовой.
Милее мертвого живой.
Ночь миновала. Рассветает.
Наутро в замок долетает
Не слишком радостная весть.
В лесной глуши гостей не счесть.
Над родником король со свитой,
С ним Кей, насмешник ядовитый,
Готовый сбить с придворных спесь.
Двор королевский тоже здесь.
Промолвил Кей: «Куда девался
Ивэйн, который вызывался
Источник первым навестить
И за кузена отомстить?
Известно всем, что страх неведом
Тому, кто выпьет за обедом.
Наш рыцарь выпил, закусил
И, как ведется, зафорсил.
Ивэйну показаться стыдно,
Вот почему его не видно.
Ивэйн в припадке хвастовства,
Конечно, жаждал торжества,
Однако преуспел едва ли,
Другие восторжествовали.
Кто храбрым сам себя назвал,
Тот незадачливый бахвал.
Других считая дураками,
Бахвалы треплют языками,
О подвигах своих кричат,
Тогда как храбрые молчат.
Тем, кто в сраженьях побеждает,
Хвала людская досаждает.
Зато бахвал готов приврать,
Чтобы в героя поиграть.
Герольды смелых прославляют
И без вниманья оставляют,
Как никудышную труху,
Бахвалов, преданных греху».
Гавэйн друзей не забывает,
Он сенешаля прерывает:

«Вы остроумны, как всегда.
Не ведаете вы стыда.
Однако, сударь, извините!
Зачем вы рыцаря черните,
Который неизвестно где?
Быть может, он теперь в беде!»
«Нет, сударь, вас я уверяю:
Впустую слов я не теряю,
А то бы я весь век молчал»,—
Насмешник дерзкий отвечал.
Король при этом не зевает,
Водой студеной обливает
Чудесный камень под сосной.
И сразу же в глуши лесной
Дождь, град и снег одновременно,
И появляется мгновенно
Могучий рыцарь на коне,
Готовый к яростной войне.
С врагом сразиться Кей желает.
Король охотно позволяет
И говорит ему в ответ:
«Немыслим был бы мой запрет!»
Намереваясь отличиться,
В седле заранее кичится
Кей, столь воинственный на вид.
При нем копье, и меч, и щит.
Кровь перед битвою взыграла.
Когда бы только в щель забрала
Кей мог противника узнать,
Он был бы счастлив доконать
Ивэйна в этом столкновенье.
Бой закипел в одно мгновенье.
Как рыцарский велит закон,
Берут противники разгон,
Чтобы не тратить время даром
И все решить одним ударом.
Когда столкнулся конь с конем,
Нанес Ивэйн удар копьем.
Кей в воздухе перевернулся
И, полумертвый, растянулся.
Ивэйн берет себе коня.
Обычай рыцарский храня,
Лежачего не добивает
И не корит — увещевает:

«Скажу я первый: поделом!
При вашем, сударь, нраве злом
Вы всех бессовестно чернили.
Урон себе вы причинили.
Надеюсь, нынешний урок
Вам образумиться помог».
Ведя спокойно за собою
Коня, захваченного с бою,
Ивэйн промолвил королю:
«Я, государь, коня хвалю,
Однако вы коня возьмите,
Свое добро назад примите!»
«А как вас, рыцарь, величать?»
«Я не посмею промолчать.
Как подобает, вам отвечу,
Благословляя нашу встречу».
Мессир Ивэйн себя назвал
И вновь сердца завоевал.
Кей над придворными глумился
И сам сегодня осрамился.
Ивэйн разделал в пух и прах
Того, кто всем внушает страх.
Кей-сенешаль один тоскует,
Весь королевский двор ликует.
Мессир Гавэйн счастливей всех.
Гавэйна радует успех,
Которого Ивэйн добился.
Ивэйн Гавэйну полюбился.
Известно всем давным-давно:
Ивэйн с Гавэйном заодно.
Наш рыцарь сроду не был скрытным.
Поведал рыцарь любопытным
О том, как в битве победил,
О том, как в замок угодил,
Как помогла ему девица
(Весь королевский двор дивится),
Как в замке с некоторых пор
Он повелитель, он сеньор,
Плоды сладчайшие вкушает,
И в заключенье приглашает
Он государя погостить,
Поскольку можно разместить
Всех рыцарей и всех придворных
В покоях светлых и просторных.

Король Артур отнюдь не прочь.
Не только нынешнюю ночь
Он в замке проведет охотно,
В гостях пируя беззаботно.
Неделю можно погостить.
Ивэйн супругу известить
Заблаговременно желает,
Сокольничего посылает
Он прямо в замок, чтобы там
Обрадовались новостям.
Ивэйном госпожа гордилась,
Счастливая, распорядилась
Гостей торжественно встречать,
Монарха в замке привечать.

Встречали короля Бретани
Благонадежные дворяне,
И на испанских скакунах
Бароны, стоя в стременах,
С почетом короля встречали.
Вассалы радостно кричали:
«Добро пожаловать, король!
Тебя приветствовать позволь!
Гостям желанным честь и слава!»
Народ повсюду, слева, справа,
Народ шумит, народ кричит,
Навстречу музыка звучит.
Дорога застлана шелками,
Как будто небо облаками,
И под копытами ковры,
И, защищая от жары,
Висят повсюду покрывала.
Подобных празднеств не бывало.
Когда, прогнав заботу вон,
Певучий колокольный звон
Все закоулки оглашает,
Он гром небесный заглушает,
Пускаются девицы в пляс.
Какое пиршество для глаз!
Кругом веселые погудки,
Литавры, барабаны, дудки,
Прыжки забавников-шутов.
Возликовать весь мир готов,

Сияют радостные лица.
Одета дама, как царица.
Нарядов не сыскать пышней.
Сегодня мантия на ней,
Мех драгоценный горностая.
Венец, рубинами блистая,
Красуется на белом лбу.
Благословить могли судьбу
Все те, кто даму видел ныне.
Она прекраснее богини.
Когда приблизился король,
Свою ответственную роль
Сыграть красавица старалась,
Гостеприимно собиралась
Монарху стремя подержать.
Услуг подобных избежать
Король галантный не преминул,
Поспешно сам седло покинул.
Сказала дама: «Государь —
Здесь гость желанный, как и встарь.
Наш замок удостойте чести
Вы, государь, и с вами вместе
Мессир Гавэйн, племянник ваш,
Владений ваших верный страж».
Красавице король ответил:
«Да будет неизменно светел
Ваш, госпожа, прекрасный лик,
Чей свет я только что постиг.
Дай бог, чтобы осталось цело
Прекрасное такое тело».
Он праздника не омрачил,
В объятья даму заключил
По предписаньям этикета,
И дама оценила это.
И продолжались торжества.
Что делать! Все мои слова
В подобных случаях бледнеют
И, недостойные, тускнеют.
Повествованье жаль бросать.
Я постараюсь описать
Благоразумным в назиданье
Не просто встречу,— нет, свиданье
(Все краски в мире мне нужны),—
Свиданье солнца и луны.

Повествованью не прерваться.
Достоин солнцем называться
Тот, кто над рыцарством царит,
Чистейшим пламенем горит.
Я продолжаю, как умею.
Гавэйна я в виду имею.
Он солнцем рыцарству светил,
Все добродетели вместил.
Всю землю солнце освещает,
Святую правду возвещает.
И полуночница луна
От солнца не удалена.
Однажды солнцем восхитилась
И тем же светом засветилась,
Согрелась, если не зажглась.
Луна Люнеттою звалась.
Красивая девица эта,
Темноволосая Люнетта,
Была любезна и умна,
И без труда к себе она
Гавэйна вмиг расположила.
Гавэйна с ней судьба сдружила.
И, не сводя с девицы глаз,
Он выслушал ее рассказ,
Правдивый с самого начала.
Разумница не умолчала
О том, как с помощью кольца
Отчаянного храбреца
От лютой гибели спасала.
Все достоверно описала:
И как задумала, и как
Ускорила счастливый брак,
Значенья не придав помехам.
Гавэйн смеялся громким смехом.
Ему понравился рассказ.
«На все готов я ради вас,—
Он молвил,— если вы не против,
Гавэйна к службе приохотив,
Считайте рыцарем своим
Того, кто был непобедим,
Как я считаю вас моею.
Помыслить о других не смею».
Разумница благодарит.
«Спасибо, сударь»,— говорит.

Одну из всех избрать не просто,
Когда прелестниц девяносто.
Ничуть не меньше было там
Предупредительнейших дам
Знатнейшего происхожденья,
И все сулили наслажденье.
Одну Гавэйн своей назвал,
Гавэйн других не целовал.
Он всем одну предпочитает
И с нею время коротает,
Покуда в замке пир горой
И в первый день, и во второй.
Уже кончается седмица,
Но разве можно утомиться,
Когда нельзя не пировать?
Сумела всех очаровать
Очаровательная дама,
Хотя сказать я должен прямо:
Напрасно в них кипела кровь.
Любезность — это не любовь.
Однако время распрощаться
И восвояси возвращаться.
В гостях годами не живут.
Король и рыцари зовут
С собой Ивэйна в путь обратный,
Его прельщая жизнью ратной.
«Неужто, сударь, вы из тех,
Кто слишком падок до утех,—
Гавэйн промолвил,— кто женился —
И раздобрел и обленился?
И вы — супруг, и вы — сеньор!
Не что иное, как позор
В покое брачном затвориться!
Сама небесная царица
Подобных рыцарей стыдит.
Блаженство, сударь, вам вредит.
Вам рыцарствовать недосужно?
Нет, совершенствоваться нужно,
Красавицу завоевав.
Скажите, разве я не прав?
На помощь разум призовите
И недоуздок ваш порвите!
Проститься лучше вам с женой
И снова странствовать со мной.

Свою же славу защищайте!
Турниры, друг мой, посещайте!
Силен в науке боевой
Тот, кто рискует головой.
Слывет изнеженность виною.
Вам надлежит любой ценою
Себя в турнирах закалить,
Чтоб слишком нежным не прослыть.
Былую приумножьте славу!
Затеем бранную забаву,
Потешим смелые сердца!
Останьтесь нашим до конца!
Извольте внять предупрежденью:
Вредит привычка наслажденью.
Мой друг, в придачу к торжествам
Разлука — вот что нужно вам.
Подобный опыт пригодится,
Чтобы полнее насладиться.
Рассудок здравый говорит:
Тем жарче дерево горит,
Чем долее не разгоралось
И сохранить себя старалось.
Гораздо жарче будет впредь
Любовь законная гореть,
Когда разумный срок промчится.
Советую вам разлучиться!
Друг-рыцарь! Я не стану лгать:
Любовь свою превозмогать,
Как вам, пришлось бы мне с тоскою,
Когда красавицей такою
Мне довелось бы обладать.
Красавиц трудно покидать.
Господь — свидетель! Может статься,
В безумье легче мне скитаться.
Но лучше рыцарь-сумасброд,
Чем проповедник жалкий тот,
Который сразу нарушает
Все то, что сам провозглашает».
Гавэйн Ивэйна пристыдил
И наконец-то победил.
Готов наш рыцарь согласиться.
Он только хочет отпроситься
Перед отъездом у жены,
Как поступать мужья должны.

Волнение превозмогая,
Ивэйн промолвил: «Дорогая!
Вы — жизнь моя, моя душа.
Ни в чем пред вами не греша,
Рискуя честью поплатиться,
Я вынужден к вам обратиться!»
«Извольте, сударь, продолжать!
Не смею вам я возражать,
Похвальны ваши устремленья».
И просит рыцарь позволенья
Уехать на короткий срок,
Тогда бы доказать он мог
На всяком рыцарском турнире,
Кто самый лучший рыцарь в мире.
Честь нужно рыцарю хранить.
Иначе неженкой дразнить
Начнут счастливого супруга,
Как жертву вечного досуга.
Сказала дама: «Так и быть!
Но вас могу я разлюбить.
Когда вы в срок не возвратитесь,
Навек со мной вы распроститесь.
Вы поняли меня? Так вот:
В распоряженье вашем год.
Во избежание обмана
Ко дню Святого Иоанна
Седмицу присовокупим
И клятвой договор скрепим.
Год проведу я в ожиданье.
Однако, сударь, опозданье
(Я говорю в последний раз)
Моей любви лишает вас».
Ивэйна скорбь одолевает.
Наш рыцарь слезы проливает.
Вздыхает он: «Ужасный срок!
Как жаль, что я не голубок.
Я прилетал бы то и дело,
Тогда бы сердце не болело.
Нельзя мне в небесах летать,
О крыльях можно лишь мечтать.
Извилисты пути мирские.
Бог весть, опасности какие
В дороге могут угрожать.
Скитальца могут задержать

Болезнь, ранение, леченье,
Безжалостное заключенье
В жестоком вражеском плену.
К вам в сердце я не загляну,
Но где же ваше состраданье?
И это — просто опозданье?»
Сказала дама: «В добрый час!
Могу заверить, сударь, вас:
Невзгоды бог предотвращает.
Влюбленных, тех, кто обещает
И обещание хранит,
В дороге бог оборонит.
Свои сомнения уймите!
Кольцо мое с собой возьмите!
Не забывайте обо мне
И победите на войне!
Кто не забыл своей супруги,
Тот не нуждается в кольчуге.
Кто дышит верностью одной,
Тот сам железный, сам стальной.
Какой там плен, какая рана!
Любовь — надежная охрана!»
Ивэйн в слезах простился с ней.
Пора садиться на коней.
Попробуйте не разрыдаться!
Не может больше дожидаться
Столь снисходительный король.
Рассказ мне причиняет боль,
Как будто сам я, повествуя,
Вкушаю горечь поцелуя,
Когда к непрошеным слезам
Примешан гибельный бальзам.

Копыта конские стучали.
Ивэйн в тоске, Ивэйн в печали.
Год безотрадный впереди.
Какая пустота в груди!
Отправилось в дорогу тело,
А сердце в путь не захотело.
Не избежавшее тенет,
К другому сердцу сердце льнет.
Все это любящим знакомо.
Ивэйн оставил сердце дома.

Своих тенет оно не рвет,
И тело кое-как живет,
Пока душою обладает,
Томится, бедствует, страдает.
Кого угодно удивит
Невероятный этот вид:
Без сердца двигается тело.
Несчастное осиротело.
Не повинуется уму,
Влечется к сердцу своему,
Блуждает, бренное, в надежде
Соединиться с ним, как прежде.
Разлука сердце бередит,
На свет отчаянье родит.
Отчаянье беду пророчит,
Сбивает с толку и морочит
На перепутиях дорог,
И позабыт предельный срок.
Пропущен срок, и нет возврата:
Непоправимая утрата!
Я полагаю, дело в том,
Что, странствуя своим путем,
На бой отважных вызывая
И состязанья затевая,
Гавэйн Ивэйна развлекал
И никуда не отпускал.
На всех турнирах побеждая,
Свою отвагу подтверждая,
Ивэйн сподобился похвал.
Год незаметно миновал,
Прошло гораздо больше года.
Когда бы мысль такого рода
Ивэйну в голову пришла!
Нет! Закусил он удила.
Роскошный август наступает,
Весельем душу подкупает.
Назначен праздник при дворе.
Пируют рыцари в шатре.
Король Артур пирует с ними,
Как будто с братьями родными.
Ивэйн со всеми пировал,
От рыцарей не отставал.
Внезапно память в нем проснулась,
Воспоминанье шевельнулось.

Свою провинность осознал,
Чуть было вслух не застонал.
Преступнику нет оправданья.
Он подавлял с трудом рыданья,
Он слезы сдерживал с трудом,
Охвачен скорбью и стыдом.
Безумьем горе угрожает.
Как вдруг девица приезжает
На иноходце вороном,
Казалось, ночь настала днем.
Дорога всаднице открыта.
Угрюмо цокают копыта,
Как будто в небе слышен гром.
Зловещий конь перед шатром.
Девица, сбросив плащ дорожный,
Вошла походкой осторожной.
О снисхождении моля,
Приветствовала короля,
Гавэйна храброго почтила.
Погрешностей не допустила
Красноречивая ни в чем
(Успех девице предречем).
Приказ девица исполняет,
Ивэйна громко обвиняет,
Бессовестного хитреца,
Неисправимого лжеца.
«Над госпожою надругался!
Любви законной домогался —
И поступил, как низкий вор.
Кто скажет: это оговор?
Проступков не бывает гаже.
Мессир Ивэйн виновен в краже.
Изменник чувствами играл
И сердце госпожи украл.
А тот, кто любит, не ворует.
Сама Любовь ему дарует
То, что презренный вор крадет.
За любящим не пропадет
То, что любимая вверяет.
Нет, любящий не потеряет
В дороге сердце госпожи,
Пересекая рубежи.
Изменник сердце похищает,
Он лицемерит, совращает.

Преступный пыл, дурная страсть
Сердца доверчивые красть.
Мессир Ивэйн виновен в этом,
Он вопреки своим обетам
Жестоко даму оскорбил,
Похитил сердце и разбил.
Изменник низкий не запнется,
Он в чем угодно поклянется.
Мессир Ивэйн сказал: «Клянусь,
Что ровно через год вернусь».
И забывает, как ни странно,
Он день Святого Иоанна.
Забыл? Нет, просто обманул,
На госпожу рукой махнул.
Она его не забывает,
Ночами слезы проливает,
В своей светлице заперлась,
Возлюбленного заждалась,
Молитвы про себя шептала,
Как в заточении считала
Такие медленные дни.
Вот что Любовью искони
На белом свете называют.
Любовь свою не забывают.
Ивэйн! Любовь ты осквернил,
Своим обетам изменил!
Измену дама не прощает,
Тебе вернуться запрещает,
Тебя, зловредного лжеца,
Лишает своего кольца
В ответ на эти оскорбленья.
Отдай кольцо без промедленья!»
Не в силах рыцарь отвечать.
Легко безмолвных обличать.
Разоблачила, уличила
И обвиненье заключила,
Сорвав кольцо с его перста.
А тот, в ком совесть нечиста,
Оправдываться не пытался,
С кольцом безропотно расстался,
Чтобы в безмолвии страдать.
Девица божью благодать,
Прощаясь, громко призывает
На тех, кто в боге пребывает.

Лишь тот, кто был разоблачен,
От бога как бы отлучен.
Кто оскорбил свою святыню,
Тот хочет убежать в пустыню,
Безлюдным вверившись местам,
Чтобы найти забвенье там.
Несчастный думает: «Исчезну!»
Навеки сгинуть, кануть в бездну,
Когда нельзя себе простить
И невозможно отомстить.
Однако верные бароны
Ему потворствовать не склонны.
Хотят Ивэйна сторожить,
Чтобы не вздумал наложить
Он руки на себя в печали.
Покуда стражу назначали,
Мессир Ивэйн рванулся прочь.
Не в силах горя превозмочь,
Бежал наш рыцарь без оглядки.
Остались позади палатки.
В нем вихрь жестокий бушевал.
Одежду рыцарь в клочья рвал.
Ткань дорогую раздирает,
Рассудок на бегу теряет.
Бежит в безумии бегом.
Поля пустынные кругом,
Кругом неведомая местность.
Баронов мучит неизвестность.
Ивэйна нужно разыскать,
Стеречь и впредь не отпускать,—
В такой тоске скитаться вредно.
Мессир Ивэйн пропал бесследно.
Искали в замках и в садах,
В селениях и в городах.
В пути судили да рядили,
Искали и не находили.
Ивэйна нет! Пропал, исчез!
Наш рыцарь углубился в лес.
Выздоровления не чает.
Как вдруг лесничего встречает,
И у лесничего из рук
Безумец вырывает лук.
Дичину в дебрях он стреляет
И голод мясом утоляет.

Среди пустынных этих мест
Ивэйн сырое мясо ест.
В лесах безумец наш дичает.
Однажды скит он замечает.
В скиту отшельник обитал.
Ивэйн врасплох его застал:
Пни корчевал пустынножитель.
Он спрятался в свою обитель,
Молитву на бегу творя,
Едва приметил дикаря.
Закрыл пустынник дверь со стуком,
Однако сразу хлеба с луком
Просунул в тесное окно.
Голодных не кормить грешно.
И хлеб и лук дикарь хватает.
Жует он, чавкает, глотает.
Он ел впервые хлеб такой.
Дешевой черною мукой
Пустынник добрый пробавлялся,
Зеленым луком разговлялся.
Дикарь дожевывает хлеб,
Не так он вроде бы свиреп.
Наевшись, мирно удалился.
Отшельник богу помолился,
Чтобы помог он дикарю.
(Отшельника я не корю.
Он поступил, как подобает.)
Безумец наш не погибает.
Теперь, сразив стрелою лань,
Отшельнику несет он дань,
Приносит ланей и оленей.
Без всяких специй и солений
Отшельник приготовит их,
Жаркого хватит на двоих,
И кое-что осталось даже:
Годятся шкуры для продажи.
Пустынник ел в глуши лесной
Ячменный хлеб и хлеб ржаной.
В лесах не требуются дрожжи,
Заквашивать себе дороже.
Безумцу нравится еда,
И хлеб, и мясо, и вода,
Вода живая ключевая.
Лежал он, в дебрях почивая,

Не внемля тихим голосам.
В то время дама по лесам
С двумя девицами гуляла.
Одна девица пожелала
На полоумного взглянуть,
Который вздумал тут заснуть.
Седло девица покидает
И в изумленье наблюдает:
Безумец нагишом лежит,
От холода во сне дрожит.
Пропали разом все приметы,
Поскольку человек раздетый.
Нет, не в убожестве таком
Девице рыцарь был знаком.
Роскошно рыцарь одевался,
Когда Ивэйном прозывался.
Теперь он голый... Стыд и срам!
Однако вот знакомый шрам —
Неизгладимый след раненья.
Ивэйн пред нею, нет сомненья!
Но что такое с ним стряслось,
Ей выяснить не удалось.
Испуганно перекрестилась,
Поспешно к даме возвратилась
И рассказала, вся в слезах,
Что в этих девственных лесах
Ивэйн раздетый, безоружный
И не иначе как недужный,
Свалившись, погрузился в сон.
От госпожи де Нуриссон
(Так эта дама прозывалась)
Ее девица добивалась,
Чтоб госпожа дала приказ
Помочь Ивэйну в сей же час:
«Сударыня, вы замечали:
Мы все безумствуем в печали.
Отчаянье — такая тьма,
Что сходит человек с ума.
Мессир Ивэйн, конечно, в горе.
Оно причина этой хвори.
Ивэйна следует лечить.
Вас, госпожа, не мне учить,
Но правды нечего стыдиться:
Нам с вами рыцарь пригодится».

Сказала дама: «Скорбь и гнев
В душе его преодолев,
Поможет рыцарю леченье.
Целительное облегченье!
Ивэйну я лекарство дам.
Мне подарила свой бальзам
Ведунья мудрая Моргана.
От непроглядного тумана
Он душу грешную спасет,
Ивэйну счастье принесет».
Скорее в замок поскакали,
Заветный ларчик отыскали.
Бальзам таинственный хорош.
Виски болящему натрешь —
И полумертвый воскресает.
От меланхолии спасает
Сей чудодейственный бальзам,
О чем спешу поведать вам.
Не хвастая благодеяньем,
Необходимым одеяньем
Решили рыцаря снабдить.
Неловко голому ходить.
Король бы мог носить с успехом
Дорожный плащ, подбитый мехом,
Камзол, рубашку и штаны,
Сапожкам новым нет цены,
И быстроногий конь в придачу,—
Слов понапрасну я не трачу.
Безумный рыцарь крепко спит,
Не слышит кованых копыт.
И на прогалине укромной,
Где возвышался дуб огромный,
Девица спрятала коней.
Бальзам целительный при ней.
Над рыцарем она склонилась
И натереть не поленилась
Ивэйна с головы до ног,
Чтобы скорей бальзам помог.
Пред госпожою согрешила,
До дна ларец опустошила —
Авось не выдаст лес густой.
Бальзама нет. Ларец пустой.
И поспешила удалиться.
Пора больному исцелиться,

Слепое бешенство прошло,
И снова на душе светло.
Наш рыцарь славный пробудился,
Опомнился и застыдился,
Увидев, что совсем раздет,
Однако мешкать смысла нет.
Наряд Ивэйну пригодился.
Оделся рыцарь, нарядился
И, не подумав отдохнуть,
Заторопился в дальний путь.
Наш рыцарь ехал в размышленье,
Как вдруг раздался в отдаленье
Не то чтобы звериный рык —
Отчаянный протяжный крик.
Кустарник дикий, глушь лесная,
В дремучих дебрях тень сплошная,
Нахмуренные дерева.
И заприметил рыцарь льва,
Когда кустарник расступился.
Громадный лютый змей вцепился
В хвост бедному царю зверей.
Огнем дышал при этом змей.
Мессир Ивэйн остановился
И, приглядевшись, удивился.
Чью сторону в бою принять?
Придется на себя пенять,
Ошибку допустив случайно.
Уж очень все необычайно!
В смертельной схватке лев и змей.
Попробуй-ка уразумей,
Кто помощи твоей достоин,
Когда ты сам примерный воин.
Рассудок здравый говорит:
Преступен тот, кто ядовит.
Перечить разуму не смея,
Ивэйн решил прикончить змея.
Ивэйн выхватывает меч.
Огнем лицо ему обжечь
Змей разъяренный попытался.
Ивэйн, однако, цел остался.
Ивэйна щит предохранил.
Расправу рыцарь учинил
Над ядовитым этим змеем,
Как над безжалостным злодеем.

Ивэйну пламя нипочем.
Он гадину рассек мечом,
Он змея разрубил на части,
Из этой кровожадной пасти
Не вырвав львиного хвоста.
Была задача не проста.
Решить задачу подобает.
Искусно рыцарь отрубает
Зажатый кончик, чтобы лев
Освободился, уцелев.
Должно быть, хищник в раздраженье
И нужно с ним вступить в сраженье.
Но нет! Колени лев согнул,
В слезах, признательный, вздохнул.
И рыцарь добрый догадался,
Что лев навек ему предался
И этот благородный зверь
Принадлежит ему теперь.
Мгновенья рыцарь не теряет,
Свой меч прилежно вытирает.
Он яд змеиный смыл с меча,
Сталь драгоценную леча.
Дорогу лев не преграждает.
Ивэйна лев сопровождает
Путем неведомым лесным.
Отныне лев повсюду с ним,
С ним вместе днюет и ночует,
Издалека дичину чует,
Усердный рыскает в лесу,
Подобно преданному псу.
Когда косулю загрызает,
Свою добычу не терзает,
Напьется крови и скорей,
Неукротимый царь зверей,
Обременив добычей спину,
Несет косулю господину.
Не жарят мясо без огня.
Ивэйн при помощи кремня
Сухой валежник зажигает.
Разделать тушу помогает
Умелый свежевальщик лев,
Смиряя свой голодный зев.
Со зверем кровожадным дружен,
Ивэйн себе готовит ужин,

На вертел мясо нанизал.
И прикоснуться не дерзал
Благонадежный лев к дичине,
Я думаю, по той причине,
Что господина слишком чтил.
Лев ни куска не проглотил,—
Покуда рыцарь наедался,
Лев терпеливо дожидался.
Жаркое нечем посолить,
И даже не во что налить
Вина, хотя среди пустыни
Вина, конечно, нет в помине.
Я речь мою к тому веду,
Что принимался за еду
Лев лишь тогда, когда, бывало,
Наестся рыцарь до отвала.
Усталый рыцарь крепко спит,
Подушку заменяет щит.
Лев на часах не утомился,
Покуда конь травой кормился,
Хоть на кормах подобных впредь
Едва ли можно разжиреть.
В глухих лесах без всякой цели
Они блуждали две недели.
И что же? Перед родником,
Который так ему знаком,
Случайно рыцарь оказался.
Какими думами терзался
Он под высокою сосной
Перед часовенкой лесной!
Чуть было вновь не помешался.
Он сетовал, он сокрушался,
Себя, несчастный, укорял,
В слезах сознанье потерял,
И наземь замертво свалился
Тот, кто недавно исцелился.
Как будто чтобы рядом лечь,
Сверкнул на солнце острый меч,
Внезапно выскользнув из ножен,
Куда небрежно был он вложен.
В кольчугу меч попал концом,
Разъединив кольцо с кольцом,
Ивэйну поцарапал шею
Он сталью хладною своею.

Ивэйну в тело сталь впилась,
И кровь на землю полилась.
Хотя не пахнет мертвечиной,
Сочтя беспамятство кончиной,
Лев стонет, охает, ревет,
Когтями, безутешный, рвет
Свою же собственную гриву.
Подвластен скорбному порыву,
Он жаждет смерти сгоряча.
Зубами лезвие меча
Из раны быстро извлекает
И рукоять меча втыкает
Он в щель древесного ствола,
Чтобы сорваться не могла,
Когда пронзит жестокой сталью
Он грудь себе, томим печалью.
Как дикий вепрь перед копьем,
Лев перед самым острием
На меч неистово рванулся,
Но в этот миг Ивэйн очнулся,
И лев на меч не набежал,
Свой бег безумный задержал.
Очнувшись, рыцарь наш вздыхает.
Пожар в душе не утихает.
Не может он себе простить,
Как мог он время пропустить,
Назначенное госпожою,
Сбит с толку прихотью чужою.
Надежду кто ему вернет?
Мессир Ивэйн себя клянет:
«Загублена моя отрада.
Убить себя теперь мне надо.
Не стоит жизнью дорожить,
Когда на свете нечем жить.
Темницу бренную разрушу,
На волю выпуская душу.
Когда страдать обречено
С душою тело заодно,
Душа болит, и телу больно,
Расстаться лучше добровольно,—
Быть может, порознь боль пройдет.
Нетерпеливо смерти ждет
Тот, кто сокровища лишился.
Покончить жизнь я не решился

Самоубийством до сих пор,
Хотя такая жизнь — позор!
Я должен был бы, безусловно,
Себя возненавидеть кровно.
Ведь это по моей вине
Любовь моя враждебна мне.
На льва душа моя сошлется:
Мой лев пытался заколоться,
Решив, что смерть моя пришла.
Я сам себе желаю зла,—
Я был счастливее счастливых,
Был горделивей горделивых,
И я себя не покарал,
Когда, безумец, обокрал
Я сам себя, навек теряя
Все радости земного рая!»
Вздыхал он, сетовал, стонал,
Себя, рыдая, проклинал,
Как будто был он всех виновней.
Не ведал рыцарь, что в часовне
Несчастная заключена,
Не знал, что с трещиной стена.
Внезапно голос вопрошает:
«Кто это бога искушает?»
«А вы-то кто?» — Ивэйн спросил.
«Рассказывать не хватит сил.
Вы видите: я в заключенье.
Всех мук страшней мое мученье».
«Молчи! — мессир Ивэйн вскричал.—
Придурковатых я встречал,
Но ты, видать, совсем шальная.
Мучений подлинных не зная,
Блаженство мукою зовешь.
В благополучии живешь
Ты по сравнению со мною.
Кто знался с радостью одною,
Тот горя не перенесет.
От горя сила не спасет.
И ты сама понять могла бы:
Всю жизнь свою плетется слабый,
Груз по привычке волоча,
Который сломит силача».
«Вы правы, сударь, я не спорю.
Однако подлинному горю

Ваш скорбный опыт — не чета.
Я здесь в часовне заперта,
А вы, мессир, куда угодно
Поехать можете свободно,
Тогда как я заключена
И умереть обречена».
«Но за какие преступленья?»
«Ах, сударь, нет мне избавленья!
Я, не повинная ни в чем,
Предстану перед палачом.
Меня в измене обвинили,
Оклеветали, очернили,
Назначили на завтра суд,
И приговор произнесут,
И по законоположенью
К повешенью или к сожженью
Они меня приговорят.
Найду защитника навряд».
«Конечно, мне гораздо хуже,—
Ивэйн откликнулся снаружи,—
Вас первый встречный защитит
И вам свободу возвратит».
«Нет, господин мой, только двое,
И то, когда бы за живое
Моя судьба задела их,
Могли бы супротив троих
Сразиться — каждый в одиночку».
«Тут лучше бы платить в рассрочку.
Неужто трое против вас?»
«Три обвинителя зараз».
«Не так уж это мало — трое.
А как зовутся те герои?
И где найдете вы таких?
Кто в мире супротив троих,
Отважный, выступить решится?»
«Подобных схваток не страшится
Достойнейший мессир Гавэйн
И доблестный мессир Ивэйн,
Из-за которого страдаю
И смерти завтра ожидаю».
«Из-за кого? Что слышу я?»
«Сын Уриепа-короля
Всему причиною невольной».
«Зачем же этот путь окольный?

Вы не умрете без меня,
В своей погибели виня
Ивэйна бедного, который
Пустые эти разговоры
По неразумию ведет,
Тогда как вас погибель ждет.
Ведь это вы меня спасали
В прекрасном зале, в страшном зале,
Когда я голову терял,
Когда себе не доверял.
Без вас я спасся бы едва ли,
Меня бы там четвертовали.
И вас хотят они казнить?
И вас в измене обвинить
Клятвопреступники дерзнули?
На добродетель посягнули?»
«Мессир, не стану я скрывать:
Приходится мне горевать
Из-за того, что выручала
Я, сударь, вас, когда сначала
Намеревались вас казнить.
Вас я надумала женить
На госпоже, но бог — свидетель,
На вашу глядя добродетель,
Я думала, что госпожу
Подобным браком одолжу.
Вы вскоре странствовать пустились,
Обратно в срок не возвратились,
Отсутствовали через год.
Пошли тогда наветы в ход.
Я постепенно убедилась,
Что дама на меня сердилась,
Как будто бы моя вина
В том, что она оскорблена.
А тут интриги, сплетни, козни.
Добиться между нами розни
Коварный сенешаль мечтал,
И подходящий миг настал.
Бесстыдных совесть не стесняет.
Меня в измене обвиняет
При всех лукавый клеветник
И заявляет, что проник
Он, бдительный и неподкупный,
В наш с вами замысел преступный,

Как будто вам я предалась,
От нашей дамы отреклась.
Как можете вы догадаться,
Довольно трудно оправдаться,
Когда судья несправедлив.
И закричала я, вспылив:
«Всех мой защитник побеждает,
Один с троими совладает».
Мой ненавистник не дремал,
На слове враг меня поймал,
Хоть подобает отказаться
В бою неравном состязаться
С одним воителем втроем.
Настаивая на своем,
Меня порочат, оскорбляют
И, наконец, предоставляют
Отсрочку мне на сорок дней.
Оправдываться все трудней.
О вас я, сударь, тосковала,
И при дворе я побывала.
Как мне найти дорогу к вам,
Никто сказать не мог мне там
И мне помочь не торопился».
«Как! Неужели не вступился
Гавэйн достойнейший за вас
И неповинную не спас?»
«Об этом я сама мечтала,
Гавэйна там я не застала.
Державу обесчестил вор:
Однажды королевский двор
Какой-то рыцарь посещает
И королеву похищает,
Куда-то скрылся лиходей.
Замешан в этом деле Кей.
Король в безумном огорченье
Дает Гавэйну порученье
Похищенную разыскать
(Отважному не привыкать
К наитягчайшим испытаньям
И продолжительным скитаньям).
Перед кончиною не лгут,
Меня, злосчастную, сожгут
За то, что вам я помогала
И ради вас пренебрегала

Благополучием своим».
«Такой исход недопустим! —
Воскликнул рыцарь.— Боже правый!
И совесть, и рассудок здравый
На вашей будут стороне.
За вас приличествует мне
Душой и телом поручиться.
Худого с вами не случится,
Покуда ваш защитник жив.
Упреки ваши заслужив,
Свою провинность искупаю,
За вас в неравный бой вступаю.
Не смея думать об ином,
Прошу я только об одном:
Кто я такой, не открывайте,
По имени не называйте
Ни в коем случае меня,
Инкогнито мое храня».
Ответила девица: «Что вы!
Вы защищать меня готовы,
А я за вас не постою?
Не беспокойтесь: утаю
Я ваше имя, умирая;
И завтра, заживо сгорая,
Не выдам вас я палачу
И напоследок промолчу.
У вас я не прошу защиты,
И так мы, сударь, с вами квиты,
Когда вы рады жизнь отдать,
Чтобы за вас не пострадать
Одной несчастной заключенной.
Мне, на погибель обреченной,
Погибель ваша не нужна.
Когда погибнуть я должна,
Вам, сударь, вовсе нет причины
Искать безвременной кончины».
Ответил рыцарь: «Полно вам!
Позор, проклятье, стыд и срам
Тому, кто друга покидает,
Когда в неволе друг страдает
И на погибель обречен.
Судьбою вашей удручен,
Я помогу вам, так и знайте!
Нет, вы меня не прогоняйте!

Оставить вас я не могу,
Когда пред вами я в долгу.
В бою погибнуть благородней,
А впрочем, с помощью господней,
Урон троим я нанесу.
Придется ночевать в лесу:
Мне больше негде приютиться,
Когда полночный мрак сгустится».
«Прощайте, сударь! Добрый путь!
Дай бог вам, сударь, отдохнуть,
Достигнув дружеского крова,
Когда судьба не так сурова».
. . . .
Ивэйн пришпоривал коня
И в первой половине дня
К часовне все же возвратился,
Душою рыцарь возмутился,
В негодовании смотрел:
Костер губительный горел.
Девицу накрепко связали,
Как будто вправду доказали
Ее смертельную вину,
Рубашку белую одну
С безжалостным пренебреженьем
Оставив ей перед сожженьем.
Наш славный рыцарь оскорблен
(Умом и чувством обделен
Тот, кто сегодня провинился,
Когда в рассказе усомнился).
Мессир Ивэйн уверен в том,
Что победит в бою святом.
Господь виновных осуждает,
Невинного не покидает.
Ивэйна лев сопровождал.
Нет, рыцарю не досаждал
Сподвижник этот благородный,
Оруженосец превосходный.
Ивэйн во весь опор скакал,
Конем своим зевак толкал.
Кричит он: «Стойте, погодите!
Безвинную освободите!
Прочь, подлецы! Злодеи, прочь!
В костер не дам ее волочь!»

И расступаются в испуге
Безукоризненные слуги.
Народ покорно присмирел,
И рыцарь снова лицезрел
Красавицу, черты которой
Среди вселенского простора
В разлуке сердцем созерцал.
Нет, этот светоч не мерцал,
Сиял он, смертных ослепляя,
Такое пламя в грудь вселяя,
Что сердце чуть не сорвалось,
Обуздывать его пришлось
Наикрепчайшею уздою,
Как скакуна перед ездою.
Затих всеобщий шум и гам,
Лишь слышен плач придворных дам.
Люнетте дамы сострадали,
Вздыхали, плакали, рыдали:
«Ах, позабыл нас, видно, бог.
Застигла нас беда врасплох.
Судьбу в слезах мы укоряем:
Подругу лучшую теряем,
Люнетта помогала нам,
Не забывала бедных дам,
Родных сиротам заменяла
И госпоже напоминала
С такою милой добротой:
Пошлите бедной даме той
Накидку беличьего меха.
Богатству щедрость — не помеха.
Попробуй платья поищи!
Где мы возьмем себе плащи,
Где мы себе достанем юбки
Без нашей ласковой голубки?
Понять могла она одна,
Как жизнь придворная трудна.
В ответ на слезное прошенье
Теперь услышим поношенье,
О ней, заботливой, скорбя.
Сегодня каждый за себя,
Никто другим не порадеет,
Когда богатством завладеет».
Мог рыцарь убедиться сам,
Внимая скорбным голосам:

Девицу искренне жалели.
Хотя законы не велели
Приговоренную жалеть,
Печали не преодолеть.
Но толку нет в слезах и пенях.
Уже девица на коленях
В своих покаялась грехах,
Превозмогла смертельный страх.
Как вдруг защитник появился.
Он перед ней остановился
И произнес: «Девица! Где
Тот, кто в своей слепой вражде
Вас всенародно обвиняет?
Пусть на себя теперь пеняет!
Когда от всех своих клевет,
Опровергая свой навет,
Он в сей же час не отречется,
В сраженье кривда пресечется».
Девица только в этот миг
Могла увидеть, что возник
Пред ней защитник долгожданный,
Как бы самим всевышним данный.
«Мессир! — девица говорит.—
Вы видите, костер горит,
И если бы вы запоздали,
Злодеи бы не подождали,
Уже была бы я золой.
Солгал мой обвинитель злой,
Меня вы, сударь, защитите
И мне свободу возвратите!»
Лишь сенешаль невозмутим.
Два брата в седлах рядом с ним.
И сенешаль промолвил грозно:
«Теперь оправдываться поздно,
Не на словах опровергать,—
Таковских надобно сжигать.
Оставь ты нас, глупец, в покое!
Смотри, перед тобою трое.
Сдается мне, ты слишком смел.
Проваливай, покуда цел!»
«Пускай спасается трусливый,—
Ивэйн ответил,— тон хвастливый —
Скорее свойство клеветы,
Чем верный признак правоты.

Я никого не оскорбляю,
Лишь всенародно объявляю:
Девице верю я вполне.
Дала девица клятву мне,
Что верность госпоже хранила,
Не только ей не изменила,—
Не помышляла изменить.
Безвинную грешно винить.
Тот, кто девицу обвиняет,
Себя в моих глазах роняет.
Втроем напрасно мне грозят.
Взять обвинения назад
Я предлагаю сенешалю,
Своих противников не жалю
В словесных стычках языком.
Нет, мне язык мечей знаком.
Меня сраженье не пугает.
Бог в битве честным помогает,
Я верю, что в союзе с ним
Не уступлю в бою троим».
Тут сенешаль провозглашает,
Что лев сражению мешает.
Убрать, мол, подобает льва.
Один защитник, а не два.
С одним должны сразиться трое.
Как быть! Условие такое —
И нечего терять слова.
Ивэйн ответствовал, что льва
В сражение не вовлекает,
Хотя при этом допускает,
Что лев ничуть не согрешит,
Когда вмешаться сам решит.
Перечит сенешаль: «С тобою
Готовы мы сегодня к бою,
С тобою, только не со львом,
На этом лучше спор прервем.
Зачем напрасно раздражаться,
Когда не хочешь ты сражаться?
В огонь изменнице пора.
Быть может, в пламени костра
Не наказанье — искупленье
Неслыханного преступленья».
Ответил рыцарь: «Нет, постой!
Меня подвигнул дух святой

На эту битву, и сегодня
Со мною благодать господня».
На льва мессир Ивэйн взглянул,
И лев перечить не дерзнул.
Он, выполняя повеленье,
Ложится, смирный, в отдаленье.
И сенешаль, повеселев,
Поскольку выбыл страшный лев,
Немедля к братьям обернулся.
Он с братьями перемигнулся,
И каждый со своим копьем
На поединок, но втроем,
Воинственные, устремились.
Их копья вмиг переломились,
Отведав доброго щита.
(В неправом деле все — тщета.)
Копье в руках Ивэйна цело,
Надежный щит — святое дело.
У нападающих зато
Щиты как будто решето.
Назад наш рыцарь отъезжает
И сенешаля поражает
С разгону так, что не в седле —
На неприветливой земле
Противник жалкий без движенья,
Но продолжается сраженье.
Сверкнули длинные мечи,
Кровопролитные лучи.
Хотя грозят Ивэйну двое,
Не с ними счастье боевое.
Ивэйн отпор обоим дал,
Он в этой битве побеждал.
Тут сенешаль пошевельнулся,
Опамятовался, очнулся,
Вот-вот он сможет сесть в седло.
Дурному рыцарю везло,
Упал он, чтобы сил набраться.
Вновь сенешаль способен драться.
Наш рыцарь, не в пример другим,
В бою давал отпор троим
И в этой битве утомился.
Тогда-то с ревом устремился
К нему на помощь верный лев,
Сомнения преодолев.

Решимость бог ему внушает,
И лев запреты нарушает.
Должно быть, внял всевышний сам
Молению придворных дам.
В своей тревоге безоружной
Молились дамы богу дружно,
Чтобы приезжий победил
И, победив, освободил
Чистосердечную девицу,
Обиженную голубицу.
Лев жажду мести утолил,
Он сенешаля повалил.
В когтях кольчуга, как солома
В тяжелых лапах бурелома.
Нисколько не боясь меча,
Добрался мигом до плеча.
Ломая кости, в мякоть бока
Он когти запустил глубоко.
Не дав покаяться в грехах,
Когтями рылся в потрохах,
Кишки наружу выпускает.
Стеная, кровью истекает
В кровавой луже сенешаль.
Такие когти — словно сталь.
Клыки безжалостные скаля,
Напал на братьев сенешаля,
В сражении рассвирепев,
Неукротимый воин лев.
Досталось от него обоим,
Обоих бьет он смертным боем.
И всем запретам вопреки
Скрежещут львиные клыки
И в предвкушении расплаты
Насквозь прокусывают латы.
Но далеко до торжества:
Мечами братья ранят льва.
Мессир Ивэйн заметил это
И в ярости невзвидел света,
Такой обиды не стерпел.
Он сам, как лев, рассвирепел.
Свои раненья забывает,
Противников одолевает,
Обоих недругов теснит,
Клятвопреступников казнит.

В смертельном страхе задрожали,
Мечей в руках не удержали,
Доспехи все повреждены.
Несчастные принуждены
Чужому рыцарю сдаваться
И побежденными назваться.
Не стонет лев и не рычит,
Израненный кровоточит,
Вот-вот, пожалуй, околеет.
Ивэйн сподвижника жалеет,
Льву помощь хочет оказать
Он, прежде чем перевязать
Свои бессчетные раненья.
Теперь отпали обвиненья,
Девица освобождена,
Прощеньем вознаграждена.
Ее враги в огне сгорают,
Позорной смертью умирают,
Самих себя приговорив.
Закон старинный справедлив.
Девицу дама ублажает,
К себе, как прежде, приближает.
Вслух сенешаля все клянут,
К сеньору доблестному льнут,
От раболепства изнывая,
Сеньора в нем не узнавая.
Ивэйна не узнала та,
Чья царственная красота
Душою рыцаря владела.
Напрасно на него глядела
Пленительная госпожа.
Себя с достоинством держа,
Ивэйна в замок приглашает.
Прислуга льву не помешает.
Удобней в замке ночевать,
Раненья нужно врачевать.
Мессир Ивэйн тоской терзался,
Однако твердо отказался:
«Нет, госпожа! Далек мой путь,
И я не смею отдохнуть,
Виною собственной смущенный,
Моею дамой не прощенный».
«Такого рыцаря прогнать!
Насколько я могу понять,

Должно быть, сударь, ваша дама
Непозволительно упряма».
«Я все готов преодолеть.
Угодно госпоже велеть,
И рыцарь должен подчиниться.
Могу, однако, повиниться
Я в прегрешениях своих
Лишь тем, кто, кроме нас двоих,
Мои грехи сегодня знает
И в них скитальца обвиняет».
«Такие люди есть?» — «Увы!»
«Скажите, как зоветесь вы,
И вам я все долги прощаю,
Свободу вам я возвращаю!»
«О нет! Навеки я в долгу.
Поверьте, вам я не солгу,
Не хватит жизни для расплаты.
Мои пороки виноваты
В моем проступке роковом.
Зовусь я «Рыцарем со львом».
В моем земном существованье
Такое принял я прозванье».
«О вас, однако же, сеньор,
Я не слыхала до сих пор».
«Сударыня, скажу вам честно:
Мое прозвание безвестно».
«И вас мне, сударь, отпустить?
Нет, я прошу вас погостить».
«Сударыня, мой долг — скитаться,
Я с вами вынужден расстаться».
«Дай бог вам, сударь, обрести
Такое счастие в пути,
Чтоб ваше сердце встрепенулось,
Печаль блаженством обернулась!»
«Сударыня, услышь вас бог!» —
Он подавил глубокий вздох
И про себя добавил: «Мнится,
В заветном ларчике хранится
Мое блаженство про запас
И ключ, сударыня, при вас».
Ивэйн печальный уезжает.
Люнетта друга провожает.
И впредь Ивэйн просил скрывать,
Кто вздумал жизнью рисковать,

Спасая узницу от смерти.
«Свои сомнения умерьте,—
Люнетта молвила ему,—
Я все, что можно, предприму,
И перед госпожой не струшу,
И вашей тайны не нарушу».
Поддержку рыцарю сулит,
Отчаиваться не велит,
И не советует казниться,
И обещает не лениться,
Миг подходящий улучить
И сердце госпожи смягчить.
Ивэйн благодарит Люнетту,
Однако скверную примету
Он видит в том, что верный лев,
От ран глубоких ослабев,
Передвигаться не способен
И мертвецу почти подобен.
Израненный, совсем он плох.
Вполне годятся мягкий мох
И папоротник для подстилки.
Щит превращается в носилки.
Сам двигаясь едва-едва,
Усталый рыцарь тащит льва.
Весьма тяжелая работа!
Вдруг перед рыцарем ворота.
Стучится в них Ивэйн с трудом.
В лесу глухом отличный дом.
Вмиг появляется привратник,
По всем приметам бывший ратник.
Ворота настежь распахнул,
Чтобы скиталец отдохнул.
Мессир Ивэйн радушно встречен:
«Ночлег вам, сударь, обеспечен,
Сеньор такому гостю рад,
Отпустит завтра вас навряд».
Ивэйн сказал: «Я в затрудненье,
Усталость хуже, чем раненье.
Вы видите, я нездоров,
И мне, конечно, нужен кров».
Ивэйна слуги окружают,
Коня в конюшню провожают,
Овса ему не пожалев.
На мягком ложе верный лев

Покоится в тепле и холе,
Устав от нестерпимой боли.
Ивэйну помогли совлечь
С натруженных, усталых плеч
Его доспехи боевые.
Наш рыцарь славный здесь впервые,
Но принят он, как близкий друг,
И, поторапливая слуг,
Сеньор Ивэйна привечает,
Как будто в нем души не чает,
Обоих раненых целит,
Двум дочерям своим велит
Он безо всякого коварства
Готовить разные лекарства.
Как самым лучшим лекарям,
Ивэйна вверил дочерям,
Которые не оплошали:
Бальзамы редкие смешали.
От этих редкостных даров
Ивэйн здоров, и лев здоров.
Сил набирались понемногу
И вновь отправились в дорогу,
Враждебных не страшась угроз.
Тут господин де Шипороз
Сам оказался жертвой хвори.
Он заболел и умер вскоре.
Покойника не исцелить.
Наследство надобно делить.
Бог щедрым воздает сторицей,
Однако с младшею сестрицей
Не хочет старшая сестра
Делить отцовского добра.
Ни на кого не поглядела
И всем именьем завладела.
Спешит меньшая ко двору,
Чтобы на старшую сестру
Пожаловаться государю.
Мол, в грязь лицом я не ударю,
Не уступлю, пока жива,
И докажу свои права.
Сестрица старшая смекнула:
Недаром пташка упорхнула,
Судиться вздумала, видать.
Какой же смысл сидеть и ждать?

Делить отцовское именье?
Какое недоразуменье!
Принарядилась поутру
И поспешила ко двору,
Обогнала свою сестрицу,
Явилась первая в столицу
И, вняв столичным новостям,
Гавэйна доблестного там
Расчетливо облюбовала,
В защитники завербовала.
Однако было решено:
Не может быть разглашено
Его согласие девицей.
Защитник, выбранный истицей,
Заранее не должен знать,
С кем вздумал он себя равнять.
Спокойна старшая сестрица.
Вот появляется истица,
Короткий красный плащ на ней,
Найди попробуй ткань ценней!
Плащ горностаем оторочен.
(В подробностях рассказ мой точен.)
Как раз тогда в свою страну,
Пробыв немало дней в плену,
Смогла вернуться королева.
Приехала в столицу дева,
Когда вернулся Ланселот,
Изведав множество невзгод,
Герой, томившийся дотоле
В позорной тягостной неволе.
Всех новостей не перечесть.
Столицу облетела весть
О том, что злого великана
Смельчак безвестный, как ни странно,
В единоборстве победил
И пленников освободил.
Родню Гавэйна спас воитель,
А после боя победитель
Назвался Рыцарем со львом.
(И мы героя так зовем.)
В своих врагов он страх вселяет,
Привет Гавэйну посылает,
Хотя Гавэйну незнаком.
В столпотворении мирском

Решила бедная истица
К тому Гавэйну обратиться,
Который слабых защищал
И справедливых восхищал.
Гавэйн ответил ей: «Простите!
Меня коварным не сочтите!
Хоть вам я не желаю зла,
Другие ждут меня дела».
К монарху дева обратилась,
Когда с Гавэйном распростилась:
«Король! Я требую суда!
Поторопилась я сюда
Искать хотя бы наставленья.
Не в силах скрыть я удивленья:
Никто не внял моей мольбе,
И обращаюсь я к тебе.
Я никогда бы не скупилась,
Наследством я бы поступилась,
Сестрицу старшую любя,
Но если каждый за себя
И в ход пошли дурные средства,
Я тоже требую наследства».
Король не думал возражать:
«Согласен вас я поддержать,
Прошения не отвергаю,
Сестрице вашей предлагаю
Наследство с вами разделить».
Нет! Алчности не утолить,
И распре суждено продлиться.
Не хочет старшая делиться.
(Весь город может подтвердить:
Нельзя Гавэйна победить.)
«Нет, государь, я не согласна,
Лишь мне земля моя подвластна,—
Перечит старшая сестра.—
Ни перелеска, ни бугра,
Ни хуторочка, ни посада,
Куда там! Выгона для стада
Моей сестрице не отдам.
Пускай немедля скажет нам,
Кто защищать ее согласен,
Иначе долгий спор напрасен».
Король упрямицу прервал
И две седмицы даровал

Меньшой сестрице, чтоб меньшая,
Судьбы своей не искушая,
С господней помощью в пути
Защитника могла найти.
И старшая не возражает:
«Тот, кто монарха уважает,
Готов законы выполнять.
Решений ваших отклонять
Я, государь мой, не решаюсь,
Непослушанием гнушаюсь».
Сестрице младшей в путь пора.
Спешила младшая сестра
С монархом добрым распроститься.
Боялась дева загоститься,
В пути безрадостном своем
Искала Рыцаря со львом.
От бедствий рыцарь избавляет,
Гонимого не оставляет.
Девица странствует одна.
Она в дороге допоздна,
В местах различных побывала,
Нигде она не заставала,
К несчастью, Рыцаря со львом,
Лишь ходит слух о таковом.
Девица наша прихворнула,
Когда к знакомым заглянула.
В постели надобно лежать,
Когда нельзя не продолжать
Все время розыски героя.
Девице бедной нет покоя,
Томится ночи напролет.
В отчаянье больная шлет
На поиски свою подругу,
Объехать нужно всю округу.
Подруга, выехав чуть свет,
Напала за полночь на след.

. . . .

И по дорогам и по тропам
Скакала всадница галопом.
Скакун измученный в пыли.
Как вдруг увидела вдали
Она того, кого искала.
Издалека не окликала

Девица Рыцаря со львом,
Себе, однако, с торжеством
На всем скаку она сказала:
«Я не напрасно истязала
Коня усталого в пути —
Достигла цели я почти.
Он предо мною, слава богу,
Тот, о котором всю дорогу
Могла я разве что мечтать.
Теперь бы только не отстать».
Конь пену хлопьями роняет.
С трудом великим догоняет
Девица Рыцаря со львом,
Который нам давно знаком.
Девицу рыцарь замечает,
Он ей любезно отвечает:
«Привет, прекрасная, привет!
Храни вас бог от всяких бед!»
«Я, сударь, к вам в беде взываю,
На вас я, сударь, уповаю.—
Девица едет рядом с ним.—
Все те, кто беден, кто гоним,
К вам чувства нежные питают,
Защитником своим считают
Вас, рыцарь, потому что вы
Сегодня баловень молвы.
Вы, сударь, слабым помогали
И постоянно подвергали
Себя опасностям, когда
Грозила слабому беда.
Я, сударь, вас найти мечтала,
В дороге, сударь, я устала,
В различных я была местах.
Прозванье ваше на устах
У встречных и у поперечных,
У бессердечных и беспечных —
О вас толкует целый свет,
Подобных вам героев нет.
Наперекор лихой судьбине,
Среди пустыни на чужбине
Не покидала я седла
И все же, сударь, вас нашла.
Несчастия не допустите!
Мою подругу защитите!

Девицу нужно защитить,
Когда наследство захватить
Решила старшая сестрица.
Вообразите, что творится!
Корыстным совесть не указ.
Моя подруга просит вас
За правое вступиться дело,
Добиться честного раздела.
Разыскивала вас она,
Теперь она совсем больна,
Лежит недужная в постели.
Любезный рыцарь! Неужели
Мы с вами деву предадим?
Защитник ей необходим!»
Ответил рыцарь: «Несомненно!
Настолько правда драгоценна,
Что вам я счастлив обещать
Подругу вашу защищать.
Я сил своих не пожалею,
Всех супостатов одолею,
Когда поможет мне господь
Несправедливость побороть».
Скакали рядом, совещались,
А тени между тем сгущались.
Пустынен лес, безлюден, дик.
Внезапно в сумраке возник
Пред ними замок Злоключенья.
Исполнены ожесточенья,
Ивэйну стражники кричат:
«Эй, поворачивай назад!»
Предупреждают хриплым хором:
«Таких гостей клеймят позором
И заколачивают в гроб.
Поклясться может в этом поп!»
«И вам не стыдно, подлым хамам? —
Ивэйн в ответ.— Подобным гамом
Привыкли вы гостей встречать?
Не смейте на меня кричать!»
«Вы сами, сударь, не бранитесь!
Подняться к нам не поленитесь,
И вам подробно разъяснят,
Зачем приезжего чернят».
К воротам рыцарь устремился
И поневоле изумился.

Вновь горло стражники дерут,
Как бесноватые, орут:
«Хо-хо! Куда ты прешь, несчастный?
Сужден тебе конец ужасный,
Неописуемый конец.
С позором сгинешь ты, глупец!»
Сказал Ивэйн: «Вы взбеленились?
Так люди сроду не бранились.
Зачем ругаться и кричать?
Зачем приезжим докучать?
С какой вы стати мне дерзите?
Какими карами грозите?
Гостей бессмысленно кляня,
Чего вы ждете от меня?»
Сказала дама пожилая,
Приезжему добра желая:
«Любезный друг! Ты не сердись!
Подумать лучше потрудись!
Тебе не просто досаждают:
Разумного предупреждают,
Чтобы не вздумал человек
Сюда проситься на ночлег.
Они приезжего ругают,
Неосторожного пугают,
Отпугивают горемык,
Сказать не смея напрямик,
Что смертные сюда не вхожи
И в замке ночевать негоже.
Сам догадайся — почему.
Чего ты хочешь, не пойму.
Конечно, можешь ты свободно
Войти, когда тебе угодно,
Однако лучше уезжай!
Нет, рыцарь, ты не возражай!»
Мессир Ивэйн ответил даме:
«Сударыня, не спорю с вами,
Однако время отдохнуть.
Готов я в сторону свернуть,
Скажите только мне — в какую».
«С тобой напрасно я толкую,
Коль разуменьем ты юнец,
Ночуй, где хочешь, наконец.
Входи сюда без позволенья,
Готовый слушать оскорбленья.

Должна тебя предупредить:
От них гостей не оградить».
Ивэйн ответствовал: «Признаться,
Привык я сердцу подчиняться,
А сердце мне войти велит.
Напрасно чернь меня хулит».
Ивэйна лев сопровождает,
Он рыцаря не покидает.
Девица тоже вместе с ним.
«Ужо тебя мы угостим,—
Как пес цепной, привратник лает.—
Кто в замок наш войти желает,
Тот слепотою поражен.
Что ж, сударь, лезьте на рожон!»
Привратник в замок приглашает,
А сам приличья нарушает,
Стараясь гостю нагрубить,
Ивэйна хочет оскорбить.
Ивэйн скрывает возмущенье.
Наш рыцарь в странном помещенье.
Зал? Впрочем, нет, скорей загон.
Ограда с четырех сторон
Из кольев длинных, заостренных:
Застенок для приговоренных.
В том помещенье триста дев,
Искусством редким овладев,
Без устали прилежно ткали,
И ткани золотом сверкали.
Работа, видно, не легка.
Переливаются шелка.
Однако бедные ткачихи
На вид совсем не щеголихи.
На них самих плохая ткань:
Обноски, нет, лохмотья, рвань.
Обнажены худые груди.
Предрасположены к простуде
Девицы в рубищах своих.
Ивэйну стыдно за ткачих.
Одеты в грязные рубашки,
Сидят и плачут замарашки,
Измождены, истощены,
Его приходом смущены.
Ивэйн уйти намеревался,
На воздух выйти порывался.

Привратник выход преградил:
«Тому, кто в замок угодил,
Войдя сюда неосторожно,
Отсюда выйти невозможно.
Войти? Как хочешь, как велишь!
Отсюда выйти? Нет, шалишь!»
«Оставим, братец, эти байки.
Ты отвечай мне без утайки.
Я видел только что девиц,
Непревзойденных мастериц.
Их ткани шелковые — чудо.
Скажи ты, братец, мне: откуда
Девицы родом? Почему
Они попали к вам в тюрьму?
И за какие прегрешенья
Они должны терпеть лишенья?
Таких красавиц поискать!
Кто смеет ими помыкать?»
Привратник буркнул: «Вам на это
Я не решаюсь дать ответа,
Пусть отвечает кто другой».
И, на него махнув рукой,
Ивэйн к девицам обратился,
Среди которых очутился.
Несчастные сидят и ткут,
И слезы по щекам текут.
Он поклонился мастерицам,
Он пригляделся к бледным лицам
И молвил: «Полно тосковать!
Дай бог вам всем возликовать!
Давайте веровать, что вскоре
Блаженством обернется горе».
«Услышь господь всевышний вас,—
Не поднимая скорбных глаз,
Одна девица отвечала,—
Спросить бы, сударь, вам сначала,
Откуда мы свой род ведем.
Вопроса вашего мы ждем».
«Я сам задать его желаю,
Печали ваши разделяю».
«Печали горше с каждым днем.
Девичьим островом зовем
Мы нашу милую отчизну,
В жестоком рабстве укоризну

Названью древнему придав.
Последствий не предугадав,
В дорогу наш король пустился
И в этом замке очутился.
А в замке с некоторых пор —
Не думайте, что это вздор,—
Нечистая гнездится сила.
Здесь в замке два сатанаила,
Которых демон породил.
Он ведьму двойней наградил.
Сатанаилы не зевают,
На бой монарха вызывают.
Монарху восемнадцать лет,
Сопротивляться силы нет.
Беднягу черти наказали,
Едва в клочки не растерзали.
И чтобы смерть предотвратить,
Он выкуп вынужден платить.
Чертям работниц поставляет,
Он ежегодно посылает
В проклятый замок тридцать дев,
Урон великий потерпев.
Король в ловушке оказался
И супостатам обязался
Платить неслыханный оброк,
Пока никто не превозмог
Двух дьяволов на поле брани,
Избавив от несносной дани
Девичий остров, чтобы мы
Из этой непроглядной тьмы,
Возликовав, освободились
И снова жизнью насладились.
Но мы не смеем уповать,
Обречены мы горевать.
Мечтать могли бы только дети
Вновь побывать на белом свете.
А наше дело, сударь, ткать,
К неволе вечной привыкать.
В уплату ненавистной дани
Ткем день и ночь такие ткани,
Что любо-дорого глядеть.
А что прикажешь нам надеть?
Работа наша все труднее,
А мы, ткачихи, все беднее.

В отрепьях нищенских сидим,
Мы хлеба вдоволь не едим,
Нам хлеб отвешивают скупо.
Надеждам предаваться глупо.
Нам платят жалкие гроши:
И так, мол, все вы хороши.
И понедельной нашей платы
Едва хватает на заплаты.
Сегодня грош, и завтра грош —
Скорее с голоду помрешь,
Чем наживешь себе чертоги.
Весьма плачевные итоги!
Нам полагается тощать,
Чтобы других обогащать.
Мы день и ночь должны трудиться.
Нам спать ночами не годится,—
Ленивых могут наказать,
Усталых будут истязать.
Мы терпим вечное глумленье,
За оскорбленьем оскорбленье!
Не стоит и перечислять.
Здесь любят слабых оскорблять.
Вздохнуть бы хоть на миг вольнее!
Однако нам всего больнее,
Когда какой-нибудь герой
С двумя чертями вступит в бой,
И торжествуют супостаты,
Поскольку гибельной расплаты
За этот роковой ночлег
Никто покуда не избег.
Так в замке дьявольском ведется.
Вам, сударь, одному придется
Сражаться против двух чертей.
Ужасней в мире нет смертей!»
«Когда поможет царь небесный,—
Ивэйн ответил,— враг бесчестный
Не устоит передо мной,
И возвратитесь вы домой».
«Услышь небесная царица»,—
Перекрестилась мастерица.

. . . .

Ивэйн пораньше встать решил,
В часовню рыцарь поспешил,

Благие помыслы питая,
Как церковь нам велит святая.
С благочестивым дух святой.
Силен своею правотой,
Наш рыцарь богу подчинялся
И доблести преисполнялся.
Сатанаилы ждут гостей.
Обоих мерзостных чертей
Натура страшно исказила.
У них дубины из кизила.
При этом нужно разуметь:
Закован каждый дьявол в медь,
Своею машет булавою,
Однако с голой головою
Корявый черт, кривой, косой.
В доспехах дьявол, но босой.
Два черта с круглыми щитами.
Готов схватиться лев с чертями.
Таких противников узрев,
Хвостом свирепо машет лев,
Очами яростно вращает,
Поганых демонов стращает.
Ивэйну черти говорят:
«Здесь, в нашем замке, не хитрят.
Вассал, скорее уберите
Отсюда льва, не то смотрите:
Вас, рыцарь, подлым трусом тут,
Не долго думая, сочтут.
Да, просто трусом прирожденным.
Себя считайте побежденным,
Когда, завидев нас едва,
На помощь вы зовете льва».
Ивэйн ответил: «Право слово,
Я не похож на зверолова.
Словами нечего играть,
Извольте сами льва убрать!»
Сатанаилы отвечали:
«Мы тоже львов не приручали,
Убрать его придется вам,
Поскольку здесь не место львам.
К нам лев не должен приближаться.
С одним воителем сражаться
Здесь полагается двоим.
На этом твердо мы стоим».

«Когда пред ним вы так дрожите,—
Ивэйн ответил,— укажите,
Куда его мне поместить,
Хотя, конечно, напустить
Я льва на вас не собирался.
Всегда с врагами сам я дрался».
Ивэйн прервал на этом спор.
Льва запирают па запор.
Мессир Ивэйн вооружился,
И весь парод насторожился.
Ивэйн, спокойствие храпя,
На боевого сел коня.
Противнику желая смерти,
Ходили перед боем черти
На льва в темнице посмотреть
И дверь покрепче запереть.
Как будто волею судьбины
Вмиг сатанинские дубины
Ивэйну раздробили шлем,
Щит раздроблен почти совсем.
Попробуй с дьяволами биться!
Щит под ударами дробится,
Как ноздреватый лед весной.
Пробоины величиной
С большой кулак, по крайней мере.
Сатанаилы — словно звери.
Все силы рыцарь наш папряг,
Не отступает лютый враг.
Мессир Ивэйн слегка встревожен:
Дурной исход вполне возможен.
Неужто рыцарь обречен?
В сражепии разгорячен
Мессир Ивэйн стыдом и страхом.
Дубины вражьи взмах за взмахом
Готовы череп раздробить.
Чертей попробуй истребить!
В своей темнице лев томится,
Конечно, верный лев стремится
Ивэйну помощь оказать
И супостатов растерзать.
Царапал двери в озлобленье,
Кусал он камни в исступленье,
Изнемогая взаперти.
И пачинает лев скрести

Когтями землю под порогом,
Как будто вразумленный богом.
С чертями трудно воевать,
Отпор приходится давать
Двум беспощадным исполинам.
Тяжелым дьявольским дубинам
Ивэйн ответствует мечом.
Меч супостатам нипочем,
Сражаться черти не устали,
Чертовский щит прочнее стали,
Нечистых вряд ли меч пронзит.
Погибель рыцарю грозит.
Как вдруг нарушило молчанье
Победоносное рычанье.
Лев подкопался под порог,
Чтобы нечистым дать урок.
Лев на бегу не оступился,
Он в горло дьяволу вцепился,
Сатанаила повалил,
И встать не мог сатанаил.
И в замке все возликовали,
Все, как один, торжествовали.
Лев подвиг этот совершил.
Сатанаил другой спешил
Помочь поверженному брату,
Но было страшно супостату.
Нездешней силою храним,
Не отступает перед ним
Лев благородный разъяренный.
Поддержкою приободренный,
Ивэйн готов чертей казнить.
Сам черт боится льва дразнить,
От страха черт изнемогает.
Не рыцарь — лев его пугает.
Лев так нечистого страшит,
Что дьявол держит круглый щит
Перед раскрытой пастью львиной.
Во многих мерзостях повинный,
Стоял он к рыцарю спиной,
И рыцарь, молнией стальной
Хватив мечом по голой шее,
Пресек зловредные затеи, —
И покатилась голова.
В когтях воинственного льва

Другой сатанаил остался,
И лев с нечистым поквитался.
Отважный лев не сплоховал,
Плечо злодею разорвал,
Споспешествуя господину.
Нечистый выронил дубину,
В переговоры не вступил.
Нет! Побежденный возопил:
«Уймите, сударь, льва, уймите!
В плен лучше вы меня возьмите!
Готов признать я вашу власть,
Готов я в рабство к вам попасть,
Я, сударь, в полной вашей власти,
Боюсь я злобной львиной пасти.
Вам подобает пощадить
Тех, кто не в силах вам вредить.
Моленью моему внемлите!
Льва поскорее удалите!»
«Мне отозвать не трудно льва,—
Ответил рыцарь,— но сперва
Признай себя ты побежденным
И подлым трусом, принужденным
Самою трусостью своей
Страшиться доблестных людей».
«Боюсь я львиного укуса,
И я ничуть не лучше труса.
Я в этой битве побежден
И в званье труса утвержден».
«Тебя я пощадить согласен.
Лев побежденным не опасен».
Бежит народ со всех сторон,
Весельем буйным окрылен.
Все рыцаря благословляют,
Благодарят и прославляют.
Он лишних слов не говорил,
Он двери настежь растворил,
Освободил он заключенных,
Своим несчастием сплоченных.
Довольно пленницам страдать!
Настало время покидать
Освобожденную обитель.
Сам доблестный освободитель
Во всеоружье у ворот,
Где собирается народ.

Ивэйну люди поклонились,
Смиренно стражники винились
В том, что дерзнули нагрубить,
Посмев приличия забыть.
Ивэйн в ответ: «Грубить негоже,
Однако я забывчив тоже.
Тот, кто намедни мне грубил,
Сегодня тем любезней был».
Ответом люди восхитились
И с победителем простились.
Девицам виден путь прямой,
Дорога верная домой.
И все девицы-мастерицы
Теперь свободны, словно птицы,
Которые всегда летят
Туда, куда они хотят.
Свобода пленниц окрыляет.
Наш рыцарь доблестный желает
Девицам доброго пути.
Довольно плакать взаперти!
Задерживаться недосужно.
Девицы пожелали дружно
Ивэйну радость обрести,
Всех погибающих спасти.
Поторопиться не мешает.
Неутомимо поспешает
Ивэйн со спутницей своей,
Стремясь доехать поскорей.
Сестрица младшая хворает,
Надежду, бедная, теряет.
Вдруг закричали с торжеством:
«Встречайте Рыцаря со львом!»
Печальная развеселилась
И от недуга исцелилась.
Взволнована, восхищена,
Встречает рыцаря она.
Заговорить намеревалась,
Однако слишком волновалась,
Не смея гостя в дом позвать.
Остался рыцарь ночевать.
Им поутру коней седлают,
Всего хорошего желают.
Весь день в дороге провели,
И замок вечером вдали

Они, усталые, узрели.
В том замке около недели
Король с гостями пировал.
Он праздника не прерывал.
Девица при дворе гостила,
Что своего не упустила,
Обидев младшую сестру.
Возликовала ввечеру:
Срок, слава богу, истекает.
Сестрице старшей потакает
Сама Фортуна, так сказать.
Мол, не пристало притязать
На драгоценное наследство
Девчонке, глупой с малолетства.
Ну, что ж, посмотрим, поглядим!
В конце концов, непобедим
Гавэйн, боец неустрашимый.
Господь — судья непогрешимый.
Приезжие спокойным сном
Заснули в домике одном,
Между собою сговорились
И ранним утром вместе скрылись
От любопытных зорких глаз,
Пока еще не пробил час.
Мессир Гавэйн скрывался тоже.
Друзья ближайшие не вхожи
В его таинственный приют,—
Не то что любопытный люд.
Изволил рыцарь затвориться,
И только старшая сестрица
Могла видаться с ним порой.
Хранит инкогнито герой.
Пятнадцать дней Гавэйн скрывался.
Так рыцарь замаскировался,
Когда поехал ко двору
(Греха на совесть не беру),
Что даже сродники едва ли
Воинственного узнавали.
Гавэйн как будто бы немой.
«Вот, государь, защитник мой! —
Девица гордо объявила.—
Сестра душою покривила,
Меня хотела припугнуть.
Намеревалась посягнуть

Сестрица на мои владенья
И довести до оскуденья
Исконный родовой удел,
Которым батюшка владел.
Меня на бедность обрекала.
Моя сестра не отыскала
Себе защитника нигде.
Процесс мой выигран в суде
И безо всякого сраженья.
Чтобы избегнуть униженья,
Не появляется сестра.
Пусть на язык она остра,
Не дам я ни одной полушки
Несчастной этой побирушке».
Какие злобные слова!
Была девица неправа,
Сестру девица обижает.
Король, однако, возражает:
«Нет, милая, покамест я
Здесь повелитель и судья.
И всем неправым в устрашенье
Я принимаю здесь решенья.
Я срок истице даровал,
И этот срок не миновал».
Король девице отвечает
И ненароком замечает:
Сестра меньшая скачет к ним
С каким-то рыцарем чужим.
Вам вынужден сказать я кратко:
Наш рыцарь выехал украдкой,
Тайком с девицей уезжал,
Чтоб лев за ним не побежал.
Король Артур возвеселился,
Возрадовался, умилился,
Поскольку был он всей душой
На стороне сестры меньшой.
Сказал он: «Здравствуйте, девица!
Я рад, что крепкая десница
За вас поднимется в бою.
Я ваше право признаю».
Сестрице старшей дурно стало,
Девицу злую зашатало,
Лицом она земли черней.
Защитник сестрин перед ней.

Сестра приблизилась меньшая,
Торжественно провозглашая:
«Храни всевышний короля,
От всяких горестей целя!
Бог суесловить запрещает.
Вот этот рыцарь защищает
Мои законные права.
Его натура такова.
Он защищает оскорбленных,
Обиженных и обделенных.
Итак, защитник мой со мной.
С моей сестрицею родной
Я не хотела бы судиться.
Сестрице незачем сердиться.
Мою сестрицу я люблю
И ни за что не оскорблю.
Чужих владений мне не надо,
Своим владеньям буду рада.
Нет, не обижу я сестру,
Ее владений не беру».
«Оставь пустые рассужденья!
Какие у тебя владенья? —
Сестрица старшая в ответ.—
У нищенки владений нет.
Ты, сколько хочешь, проповедуй!
Отсюда не уйдешь с победой!
Удел твой — вечная тоска.
Скитайся в поисках куска!»
Куда любезнее меньшая!
Двору симпатию внушая,
Разумница произнесла:
«Сестрице не желаю зла.
От битвы лучше воздержаться.
И то сказать, зачем сражаться
Двум славным рыцарям таким,
Как будто спор неразрешим?
Я с детства распрями гнушаюсь,
Я ни на что не покушаюсь,
Раздела правильного жду».
«Да что ты мелешь ерунду! —
Сестрица старшая вскричала.—
Пускай сожгут меня сначала!
Я не согласна, так и знай!
Скорее Сона и Дунай

В поток единый могут слиться,
Чем соглашусь я разделиться!
И с кем делиться мне? С тобой?
Нет, начинайте лучше бой!»
«Хотя с тобой, моя сестрица,
Я предпочла бы помириться,
Нельзя мне все тебе отдать,
Чтобы самой весь век страдать.
Ну, что ж, когда нельзя иначе,
Храни господь от неудачи
Того, кто без красивых слов
Сражаться за меня готов.
С ним не встречались мы доселе,
Поговорить едва успели.
Мне рыцарь этот незнаком.
Он правдой чистою влеком».
И начинается сраженье.
И весь народ пришел в движенье,
Теснятся зрители толпой,—
Всем хочется взглянуть на бой.
Расположиться не успели,
Лихие кони захрапели.
Следит за рыцарями знать.
Друг другу рыцари под стать,
На каждом крепкая кольчуга.
Неужто рыцари друг друга
Узнать, однако, не могли?
А может быть, пренебрегли
Два друга дружбою старинной,
Вражде поддавшись беспричинной?
Позвольте мне заверить вас,
Прервав для этого рассказ:
Они друг друга не узнали,
Когда сражаться начинали.
Им в битву стоило вступить,
И не замедлил ослепить
Обоих пыл неукротимый.
Узнать бы мог невозмутимый
И в битве друга, но вражда
Невозмутимости чужда.
«Вражда»,— сказал я сам с испугом.
Ивэйн Гавэйна лучшим другом
Всегда, бывало, называл.
За друга верного давал

Он голову на отсеченье.
Нет, просто умопомраченье!
Друг друга преданно любить —
И попытаться отрубить
Мечами головы друг другу,
Подобный бой себе в заслугу,
Не долго думая, вменить,
Чтобы потом себя винить.
Ивэйн Гавэйну всех дороже.
Ивэйн Гавэйну враг? О боже!
Кровавый между ними спор,
Когда в сражении позор
Самой погибели страшнее,
Хоть неизвестно, кто грешнее.
Нет, я хорошего не жду.
Уж если дружба на вражду
Не повлияла перед боем,
Страстей в бою не успокоим.
Вы спросите, когда и где
Случалось дружбе и вражде
Под кровом общим приютиться,
В одном жилище разместиться,
Друг другу не грозя войной?
Могли под крышею одной
Вселиться в разные светлицы
Две беспокойные жилицы.
И все-таки вражда сильней.
В укромной горенке своей
Покорно дружба затворилась.
Вражда в жилище воцарилась.
Вражда на улицу глядит,
Друзьям, коварная, вредит,
Безмолвной дружбой помыкает.
Вражда в сердцах не умолкает.
Эй, дружба! Где ты? Отзовись!
Слепцам враждующим явись!
Дурные ветры в мире дуют,
Между собой друзья враждуют.
Ты, дружба, людям дорога,
Однако друга во врага
Вражда внезапно превращает.
А разве дружба укрощает
Неумолимую вражду?
Я речь мою к тому веду,

Что дружба тоже развратилась
И до потворства докатилась.
Враждою дружба растлена,
Поругана, ослеплена.
Друзья в борьбе междоусобной
Охвачены враждою злобной.
Сама смертельная вражда
Не ведает, что за нужда
Сражаться другу против друга,
Так что друзьям обоим туго.
В повествовании не лги!
Друзья? Нет, лютые враги!
Друзья друзей не убивают
И кровь друзей не проливают.
Враги? Но нет, не может быть!
Намеревается убить
Ивэйн Гавэйна в этой схватке?
Не разберусь в такой загадке.
Гавэйн Ивэйну — лютый враг?
Не слушайте подобных врак!
Друзьям на дружбу покушаться!
Ивэйн с Гавэйном не решатся
Друг другу нанести урон,
Когда бы даже римский трон
Им вдруг за это предложили.
Друзья друг другом дорожили.
Не верьте мне! Я вам солгал!
Жестокий бой опровергал
Мои напыщенные сказки,
Одну вражду предав огласке.
Что делать! Истина строга.
Вступили в битву два врага.
Нет, копья неспроста ломают,
Недаром копья поднимают.
Удар вернее рассчитать!
Сразить, повергнуть, растоптать!
И жаловаться не пристало,
Когда сама судьба втоптала
С позором в мерзостную грязь
Того, кто, в битве разъярясь,
Противника сразить старался
И сам вначале собирался
В бою победу одержать.
Судьбе не стоит возражать,

К себе теряя уваженье.
И если в яростном сраженье
Гавэйн Ивэйна победит,
Не будет на него сердит
Ивэйн, воитель посрамленный,
Когда поймет он, изумленный:
В пылу безжалостной войны
Противники ослеплены.
Так друг на друга устремились,
Что копья вмиг переломились.
Приличествует смельчаку
Разить копьем на всем скаку.
Между собой не объяснились,
Отвагою воспламенились,
А между тем хотя бы звук,—
И распознал бы друга друг.
Взаимное расположенье
Предотвратило бы сраженье,
Друзья тогда бы обнялись
И за мечи бы не взялись.
Нет! Кони бешено рванулись,
И вновь противники столкнулись,
И поединка не прервать.
Щитам в бою несдобровать,
Щиты мечами раздробили,
Друг другу шлемы разрубили,
Забрала даже рассекли,
Потоки крови потекли
Тут по доспехам рассеченным.
Воителям разгоряченным
Не дрогнуть и не отступить.
Не так-то просто затупить
Мечи надежные стальные.
Давно бы дрогнули иные,
А эти — нет! Скорей умрут.
Расколешь даже изумруд
Подобным яростным ударом.
Бушует битва с прежним жаром.
Ударами оглушены,
Однако не сокрушены,
Пощады рыцари не просят
И ни за что мечей не бросят.
Так рубятся за часом час,
Что искры сыплются из глаз.

И как у них не лопнут жилы!
Какие требуются силы,
Чтобы работали мечи!
Других попробуй научи
Не только в седлах красоваться —
И нападать и отбиваться.
То слышен лязг, то слышен стук.
Остатки жалкие кольчуг,
Щитов и шлемов раздробленных
Едва ли могут утомленных
Героев наших защитить.
Сраженье лучше прекратить.
И самый сильный отдыхает,
Когда сраженье затихает.
Короткий роздых — и опять
Им надлежит мечи поднять.
И что же! Оба нападали,
Хотя в сраженье пострадали.
Упорство в топоте копыт,
Неистовее бой кипит.
«Такое видано едва ли,—
Между собою толковали
Придворные,— в конце концов,
Два храбреца из храбрецов
Равны друг другу, очевидно,
И помириться не обидно».
Словам подобным рады внять,
Бойцы не стали бы пенять
На королевское решенье,
Когда бы только в отношенье
Наследства, спорного дотоль,
Решенье мог принять король.
Готова младшая сестрица
Со старшею договориться,
Однако старшая сестра
Упряма слишком и хитра.
Нет, старшая не соглашалась.
Тогда монархиня вмешалась,
Просила дело рассмотреть
И четверть или даже треть
Владений родовых бесспорных
По настоянию придворных
Сестрице младшей присудить,
Дальнейший бой предупредить,

Дабы друг друга поневоле
Воители не закололи,
Хотя (считаю так я сам)
Почетный мир — отнюдь не срам.
Король Артур не против мира.
Сестрица старшая — задира,
Не хочет разуму внимать,
Никак ее не уломать.
И поединок продолжался,
И каждый доблестно сражался.
Однако наступает ночь,
Сражаться рыцарям невмочь.
Не поединок — просто чудо.
Воителям обоим худо.
Кровь под ударами течет.
Обоим рыцарям почет
Такая битва доставляет,
Во всех восторг она вселяет.
И согласиться все должны:
Друг другу рыцари равны.
И воздается не без права
Обоим честь, обоим слава.
Желанный длится перерыв,
Кровопролитный пыл смирив.
Не мудрено. Бойцы устали
И отдохнуть предпочитали.
И каждый склонен был считать:
«Мой супротивник мне под стать».
В подобной мысли укрепились,
Бой продолжать не торопились,
Поскольку ночь уже близка
И проиграть наверняка
В душе побаивались оба.
Такая гибельная проба
Кому угодно страх внушит.
Ивэйн, однако, не спешит
С врагом достойным расставаться.
Чтобы знакомства добиваться,
Ивэйн достаточно учтив,
И, случая не упустив,
Заговорил он первым смело,
Как мужество ему велело.
И в этом рыцарь преуспел,
Хотя не говорил — хрипел,

Охрипнув от потери крови.
Гавэйну голос этот внове,
По голосу не узнавал
Гавэйн того, кого назвал
Ближайшим другом он когда-то,
Кого любил он больше брата.
Сказал Ивэйн: «Уже темно.
Я полагаю, не грешно
Прервать жестокое сраженье.
Сердечное расположенье
Вам, сударь, выразить хочу,
Любая битва по плечу
Тому, кто так мечом владеет,
Что меч в бою, как пламя, рдеет.
Искусством вашим изумлен,
Впервые так я утомлен.
Поверьте мне, без вероломства
Ищу я вашего знакомства,
Когда признать я принужден,
Что в этой битве побежден.
Удары ваши оглушают,
Последних сил в бою лишают».
Гавэйн в ответ: «Последних сил
Меня подобный бой лишил,
Отнюдь не вас. Вы, сударь, били
Так, что едва не зарубили
Меня, тогда как, чуть живой,
Я защищался сам не свой.
Все, что мне в битвах причиталось,
Сегодня мне от вас досталось
И даже, кажется, с лихвой,
Хоть мне сражаться не впервой.
Нет никакого основанья
Скрывать от вас мое прозванье.
Скрывать его не стоит: я
Гавэйн, сын Лота-короля».
Мессир Ивэйн, услышав это,
В отчаянье невзвидел света.
У рыцаря безумный вид.
Расколотый бросает щит,
Бросает меч окровавленный
Он, прямо в сердце уязвленный.
Бог знает, что произошло.
Спешил покинуть он седло.

Воскликнул он: «Ах я несчастный!
Нет! Это случай самовластный
Ввел в заблуждение меня,
Слепого грешника дразня.
Когда бы знал я, с кем сражаюсь!
Я, полоумный, обижаюсь
На собственную слепоту.
Прослыть я трусом предпочту,
В рассудке здравом поврежденный.
Я в этой битве побежденный!»
«Да кто же вы?» — вскричал Гавэйн.
«Не узнаете? Я Ивэйн.
Вы всех на свете мне дороже,
И вы меня любили тоже,
Не уставали прославлять
И мне утехи доставлять.
Я прегрешенье искупаю,
Победу вам я уступаю.
Я не любитель тайных ков,
Сдаюсь я без обиняков».
«Нет, не пристало вам сдаваться,—
Поторопился отозваться
Гавэйн любезный,— посему
Я вашей жертвы не приму.
Сам потерпел я пораженье,
И это ваше достиженье».
«Нет, мне перечите вы зря,
Когда, по правде говоря,
Мне на ногах не удержаться,
Хоть в этом, сударь, не божатся».
«Нет, сударь, не перечьте мне,—
Гавэйн ответил,— на войне
Я так не мучился доселе.
Вы доконать меня сумели.
Я пораженье потерпел
И не настолько отупел,
Чтоб в этом вам не сознаваться.
Мне полагается сдаваться».
И покидает он седло.
И в сумерках друзьям светло.
Друг друга крепко обнимали,
Как будто копий не ломали.
Ивэйн Гавэйна целовал,
Как будто с ним не воевал.

Ивэйн с Гавэйном в умиленье,
Двор королевский в изумленье.
Конечно, все поражены
Таким концом такой войны.
Ведь это надо умудриться
Хоть напоследок помириться!
Король промолвил: «Господа!
Где ваша прежняя вражда?
Вы так упорно враждовали,
Кровь целый день вы проливали,
Чтоб дружбу в битве завязать?»
«Вам, государь, спешу сказать,—
Гавэйн ответил,— чтó случилось.
Сознанье наше помрачилось,
И мы в безумный этот бой
Вступили по причине той,
Что зренья как бы нас лишили,
Зеницы нам запорошили.
Судьбе вопроса не задашь,
И я, Гавэйн, племянник ваш,
Сражался, не подозревая,
Что в бой, меня не узнавая,
Мой друг Ивэйн вступил со мной.
Ошибкой нашею двойной
Вовлечены мы в битву были,
Друг друга чуть не загубили.
Лишился я последних сил,
Когда Ивэйн меня спросил,
Как я, несчастный, прозываюсь.
Победы я не добиваюсь,
Греха на совесть не возьму,
Сдаюсь я другу моему.
По мне, пристойнее сдаваться,
Чем на погибель нарываться».
Ивэйн ответил: «Никогда!
Мне мысль подобная чужда.
Я в этой битве побежденный.
Свидетель непредубежденный,
Король, конечно, подтвердит,
Что я сегодня был побит».
Вновь начинают состязанье,
Смиряя прежнее дерзанье:
«Нет, я побит!» — «Нет, я!» — «Нет, я!»
Великодушные друзья

Друг другу норовят сдаваться
И побежденными назваться.
Тот, кто сегодня побежден,
Как верный друг не превзойден.
Король, всевышним умудренный,
Внимает, удовлетворенный.
Прекрасен дружественный спор,
Но кровь струится до сих пор
Из многочисленных ранений,
И, значит, не до объяснений
И дело нужно завершить,
При этом лучше поспешить.
И произнес король: «Сеньоры!
Я вижу, невозможны ссоры
Для преданных таких друзей,
Которые душою всей
Друг другу жаждут покориться.
Я помогу вам помириться,
Чтобы грядущая хвала
Нам по заслугам воздала».
Друзья готовы к соглашенью,
И королевскому решенью
Они перечить не хотят.
Им разногласия претят,
Наследством надобно делиться.
«Где,— говорит король,— девица,
Которая хитра и зла,
Которая обобрала
Сестру родную для начала?»
«Я здесь»,— девица отвечала.
«Ответ понятен таковой,
Вас выдает он с головой.
Вы приговор предупредили,
Вы всенародно подтвердили,
Что замысел у вас дурной».
«Простите, государь, со мной
Так не пристало обращаться.
От вас мне стыдно защищаться.
Грешно девицу оскорблять,
Обмолвкой злоупотреблять».
Король в ответ без промедленья:
«Любые злоупотребленья
Намерен я предотвратить
И вам наследство захватить

Поэтому не позволяю.
Я никого не оскорбляю,
Не нужно дела затемнять.
Готовы рыцари признать
Меня судьею беспристрастным,
Своим сражением напрасным
Последних сил себя лишив
И все же дела не решив,
Друзья друг другу рады сдаться.
Чего же сестрам дожидаться?
Согласно божьему суду,
Я сам раздел произведу.
А если вы не согласитесь,
Вы попусту не заноситесь.
Тогда признать мне смысл прямой,
Что побежден племянник мой».
Сказал он это в устрашенье,
Хотя подобное решенье
Заведомо исключено,
Однако понял он давно:
Корысть в ответ на просьбы злится,
Лишь страх заставит поделиться
Сестрицу старшую с меньшой.
Смысл в уговорах не большой,
Когда в почете только сила.
И старшая заголосила:
«Вам, государь, я подчинюсь!
Я за богатством не гонюсь!
Я покоряюсь не без боли,
Я уступаю против воли.
Когда проиграна игра,
Пускай берет себе сестра
Так называемую долю.
Себе я спорить не позволю
С премудрым нашим королем».
«Мы ваше право признаем
И суверенное главенство,—
Король ответил,— верховенство
Всегда за старшею сестрой,
И надлежит сестре второй
Почтить вас преданным служеньем,
Повиноваться с уваженьем».
Итак, закончен долгий спор,
И помирил король сестер,

Которым время подружиться.
И рыцарям разоружиться
Король радушно предложил.
Обоими он дорожил.
Друзей вассалы окружают,
Измученных разоружают,
Усердия не пожалев.
Как вдруг огромный страшный лев
Из темных дебрей выбегает
И самых доблестных пугает,
И разбегается народ,
И всех придворных страх берет.
Ивэйн промолвил: «Не пугайтесь!
Нисколько не остерегайтесь!
Мой лев на вас не нападет,
Несчастья не произойдет.
Мой лев меня сопровождает
И на друзей не нападает.
Мой лев со мною, я со львом,
Мы с ним в согласии живем».
На льва придворные глядели,
Когда вассалы загалдели.
Толпятся зрители кругом,
Деянья Рыцаря со львом
Наперебой перечисляют,
Ивэйна громко восхваляют.
Он великана победил
И самых смелых пристыдил.
Гавэйн промолвил виновато:
«Ах, сударь, сударь! Плоховато
Сегодня вам я отплатил.
Ваш лев меня совсем смутил.
Убить я вас намеревался,
Победы в битве добивался,
А вы спасли мою родню.
Я, сударь, подвиг ваш ценю:
Вы победили великана.
Поверьте мне, любая рана,
Что мною вам нанесена,
Лишить меня могла бы сна,
И сам я вдоволь настрадаюсь,
Пока совсем не оправдаюсь
В моем проступке роковом
Я перед Рыцарем со львом».

Между собой друзья толкуют,
И все придворные ликуют.
Предупредителен и тих,
С довольным видом лев при них.
Друзьям вассалы угождают
И раненых препровождают
В просторный чистый лазарет.
Им перевязка не во вред.
Обоим следует лечиться,
Тогда худого не случится.
Король друзьям врача послал,
Который выше всех похвал.
Заверить вас я не премину:
Знал этот лекарь медицину.
Он, костоправ и книгочей,
Был самым лучшим из врачей.
Ранения зарубцевались,
Лишь горести не забывались.
Врачом искусным исцелен,
Ивэйн по-прежнему влюблен.
От этого не исцелиться,
Душою не возвеселиться.
Нет, рыцарю несдобровать!
Погибели не миновать,
Когда за годом год промчится —
И сердце дамы не смягчится.
И, погружен в свою тоску,
К таинственному роднику
Мессир Ивэйн решил вернуться.
Пускай в окрестностях начнутся
Гроза и ливень, снег и град,
Он бурелому будет рад,
Не испугается бурана.
И днем и ночью беспрестанно
Он бурю будет вызывать,
Деревья с корнем вырывать.
Недолго рыцарь наш гадает.
Двор королевский покидает
Ивэйн по-прежнему тайком,
Любовью вечною влеком,
Разлукой долгою измучен.
С ним лев навеки неразлучен.
Ивэйн источника достиг
И вызвал бурю в тот же миг.

Свирепо буря завывала,
Деревья с корнем вырывала.
(Поверьте, вам я не солгу,
Не пожелал бы я врагу
Блуждать в такую непогоду.)
И старожил не помнил сроду
Таких раскатов громовых.
Остаться только бы в живых!
И в замке дама трепетала.
Твердыню древнюю шатало,
Вот-вот с лица земли сметет.
Скорее турок предпочтет
В плен беспощадным персам сдаться,
Чем смерти в замке дожидаться.
И перепуганная знать
Готова предков проклинать:
«Будь проклят варвар-прародитель,
Поставивший свою обитель
Здесь, где любой проезжий хам
Разгромом угрожает нам.
Другого места нету, что ли?
Иль, засидевшись на престоле,
Рассудком пращур захромал,
Чтобы потомков донимал
Любой бродяга для забавы?»
«Отчасти ваши люди правы,—
Люнетта даме говорит.—
Нам столько бедствий натворит
Любой бродяга, каждый странник,
Что некий доблестный избранник
Обязан замок охранять.
Нет! Нужно что-то предпринять,
Поскольку в нашем славном войске
Никто бы не дерзнул по-свойски
Гостей незваных проучить.
Такое дело поручить
Вассалам вашим невозможно.
Не скрою, на душе тревожно.
Не знаю, где страшнее мне:
Здесь, в замке нашем, или вне.
Ах! Беззащитная обитель!
Когда бы доблестный воитель
Мученья наши прекратил,
Чужого в бегство обратил,

С господней помощью, без боя!
Нам, беззащитным, нет покоя».
Взмолилась дама: «Дай совет!
Смышленая, ты знаешь свет.
Совету внять я буду рада».
«Сударыня, подумать надо.
Задача трудная весьма,
Тут мало моего ума.
И следует вам поскорее
Найти советчика мудрее.
Поверьте, худо мне самой,
Когда покрыто небо тьмой
И вихри замок сотрясают.
От вихрей вздохи не спасают.
И мне, признаться, невдомек,
Кто замок защитить бы мог
От этой гибельной напасти.
Спасение не в нашей власти».
Сказала дама: «Не секрет:
Защитников достойных нет
Средь рыцарей моих придворных,
Таких учтивых и покорных.
Им родника не защитить,
Им бурю не предотвратить.
А я заслуг не забываю
И к вам в отчаянье взываю,
Не видя помощи нигде.
Мы познаем друзей в беде».
«Грех с госпожою пререкаться,
Когда бы мог он отыскаться,
Тот, кто, казня врагов своих,
Однажды победил троих!
Найдем его, но вот в чем горе:
Он со своею дамой в ссоре,
И не приедет он сюда,
Пока подобная вражда
Его преследует в дороге.
Порою дамы слишком строги.
Да что об этом говорить!
Влюбленных нужно помирить.
Он может умереть в разлуке,
Конца не видя этой муке».
Сказала дама: «Так и быть!
Отважного грешно губить,

Помочь я рыцарю готова.
Дала бы я, пожалуй, слово
Не притворяться, не хитрить,
Героя с дамой помирить,
И если только я способна
Вражде загадочной подобной
Конец желанный положить,
Не стоит рыцарю тужить».
«Вполне способны вы на это,—
Сказала шустрая Люнетта.—
Вы всех могли бы помирить.
Вас будут все благодарить,
Но только вы не поленитесь
И, если можно, поклянитесь!»
Сказала дама: «Поклянусь
И уж, конечно, не запнусь».
Дождавшись этого ответа,
Ковчежец принесла Люнетта.
Святыню нужно почитать,
Пришлось прекрасной даме встать
Ввиду таких приготовлений,
Как подобает, на колени.
Обряд внушителен и строг.
Люнетта ей дает урок
И наставляет ученицу:
«Извольте, госпожа, десницу,
Согласно правилам, поднять.
Грех на меня потом пенять,
Не для себя же я стараюсь,
Вам помогать я собираюсь.
Обряд извольте соблюдать,
Мне потрудитесь клятву дать.
Мне в этом деле подчинитесь
И перед богом поклянитесь
В согласье полном с божеством
Утешить Рыцаря со львом,
Не отвергать его служенья,
Вернуть ему расположенье
Той дамы, что ему мила».
Десницу дама подняла:
«Во всем тебе я покоряюсь,
Нисколько я не притворяюсь,
От рыцаря не отвернусь,
Утешить рыцаря клянусь,

Когда могу я поручиться,
Что сердце дамы вновь смягчится».
Итак, Люнетта дождалась:
Как должно, дама поклялась.
И, не преминув снарядиться,
Разумница в седло садится,
Надеясь на своем коне
Хоть в чужедальней стороне,
Бесплодных замыслов не строя,
Догнать гонимого героя.
И что же? Рыцаря со львом
Над заповедным родником
Узрела сразу же Люнетта.
Какая добрая примета!
Люнетте просто повезло.
Она покинула седло
И к рыцарю заторопилась,
При этом чуть не оступилась.
Ивэйн узнал ее тотчас.
Не в первый, слава богу, раз
Люнетту рыцарь наш встречает.
Учтиво дева отвечает,
Услышав дружеский привет,—
Люнетта наша знает свет.
«Мессир! — Люнетта восклицает.—
Судьбы своей не порицает
Тот, кто с Фортуною в ладу.
Могла ли думать, что найду
Я вас на ближнем повороте,
Как будто здесь меня вы ждете?»
«А вы меня искали?» — «Да,
И этим я весьма горда.
Я, сударь, послана за вами.
Вы можете вернуться к даме.
Прощенье кару завершит,
Иначе дама согрешит,
Дерзнув на клятвопреступленье».
Ивэйн в блаженном изумленье:
«Как! Неужели я прощен?
Поверьте мне, я восхищен.
Благословляю вашу дружбу,
Вам сослужу любую службу».
«Способствую вам, как могу:
Навек пред вами я в долгу,

Меня вы, сударь, защитили
И за меня вы отомстили».
«А кто меня когда-то спас?
Я должен больше в триста раз!»
«Я знаю, вы не поскупитесь,
Однако же поторопитесь!»
«Я, право слово, как шальной.
Послала госпожа за мной?»
«Нет, сударь, слишком вы спешите.
Предупредить вас разрешите:
К себе на помощь мы зовем
Не вас, а Рыцаря со львом».
Скакали рядом, толковали,
На бога дружно уповали.
Лев путников сопровождал
И никакой беды не ждал.
Вот в замок наконец въезжают.
Привратники не возражают,
Весьма довольны сторожа.
Обрадовалась госпожа,
Любезно рыцаря встречает,
Гостеприимно привечает.
Прекрасней нет на свете лиц.
Упал пред нею рыцарь ниц
Во всем своем вооруженье.
«Немыслимо пренебреженье
К такому рыцарю, когда
Нам с вами вновь грозит беда.—
Люнетта госпоже сказала.—
Советов я бы не дерзала
Вам, госпожа моя, давать.
Однако смеет уповать
На вас одну в своем смущенье
Наш гость, надеясь на прощенье».
Герою дама встать велит,
Поддержку искренне сулит:
«Я, сударь, подтверждаю снова:
Помочь я вам всегда готова,
Когда помочь мне вам дано».
«Спасенье рыцарю одно,—
Люнетта сразу же вмешалась.—
Сказать я долго не решалась,
Однако, так и быть, решусь,
Хотя, быть может, напрошусь

На ваши, госпожа, упреки.
Боюсь я, слишком вы жестоки.
Сказать я все-таки должна:
Спасти вы можете одна
Того, кто перед вами ныне
Наперекор своей гордыне.
И вам совет мой не во вред,—
У вас надежней друга нет.
Дай бог вам с другом помириться,
И в замке счастье воцарится.
Он перед вами, верный друг,
Ивэйн, достойный ваш супруг».
И дама вся затрепетала,
Как будто даме дурно стало:
«Помилуй, господи, меня!
Так, значит, это западня!
Меня ты дерзко оскорбила,
Желая, чтобы я любила
Того, кто мною пренебрег,
Не возвратившись точно в срок.
Отвечу я на это гневно:
Нет, лучше бури ежедневно!
Я ни за что бы не сдалась,
Когда бы я не поклялась
В безумном этом ослепленье.
Нет! В гнусном клятвопреступленье
Я ни за что не провинюсь,
Господней воле подчинюсь,
Хоть сердце не преодолеет
Того, что втайне вечно тлеет,
Напоминая жар былой
Под равнодушною золой».
Воскликнул рыцарь восхищенный:
«Умру в разлуке, непрощенный.
Сударыня, я согрешил
И в том, что слишком поспешил,
Явившись к вам без разрешенья.
Мои былые прегрешенья
Простить могли бы вы одна,
Гнетет меня моя вина.
Я к вам, сударыня, взываю,
На вашу милость уповаю».
«Придется, видно, вас простить,
Грехов нельзя не отпустить,

Иначе клятву я нарушу,
Свою же погублю я душу.
Грех покаянием смягчен,
Мир между нами заключен».
«Я благодарен вам, поверьте!
Я предан вам до самой смерти,
Плененный вашей чистотой,
Чему порукой дух святой».
Возликовал Ивэйн влюбленный,
От всех страданий исцеленный.
Наш рыцарь дамою любим,
И да пребудет счастье с ним.
Люнетта добрая ликует,
Никто на свете не тоскует.
На этом кончился роман,
Другие россказни — обман.
Кретьен повествовать кончает,
А за других не отвечает.
Таким кончается стихом
Роман о Рыцаре со львом.

РОМАН О ТРИСТАНЕ И ИЗОЛЬДЕ

ПЕРЕВОД С ФРАНЦУЗСКОГО
Ю. СТЕФАНОВА

РОЖДЕНИЕ ТРИСТАНА

Весь день и всю ночь промучилась в родах королева. И на рассвете разрешилась пригожим мальчиком, ибо так было угодно господу богу. И, разрешившись от бремени, сказала она своей служанке:

— Покажите мне моего ребенка и дайте его поцеловать, ибо я умираю.

И служанка подала ей младенца.

И, взяв его на руки и увидев, что не бывало еще на свете ребенка краше ее сына, молвила королева:

— Сын мой, сильно мне хотелось тебя увидеть! И вот вижу прекраснейшее создание, когда-либо выношенное женщиной; но мало мне радости от твоей красоты, ибо я умираю от тех мук, что пришлось мне ради тебя испытать. Я пришла сюда, сокрушаясь от печали, печальны были мои роды, в печали я родила тебя, и ради тебя печально мне умирать. И раз ты появился на свет от печали, печальным будет твое имя: в знак печали я парекаю тебя Тристаном.

С этими словами она поцеловала его. И едва успела поцеловать, как изошла ее душа из тела, ибо умерла она, как я вам о том рассказываю.

Так родился Тристан, прекрасный и добрый рыцарь, которому потом пришлось вынести столько мук и тягот из-за любви к Изольде.

И Мелиадук, король Лоонуа, попросил показать ему младенца и спросил, успели ли его крестить.

— Да, сир,— отвечает служанка,— он наречен Тристаном. Это имя дала ему мать, когда умирала.

Тогда король взял младенца и вверил его Гувернапу. И тот приказал отыскать ему достойную кормилицу и стал беречь его как зеницу ока, так что никто не мог ни в чем его упрекнуть.

ДЕТСТВО ТРИСТАНА

Овдовев, король Мелиадук женился на дочери Нантского короля Хоэля, женщине прекрасной, но коварной. И поначалу она возлюбила Тристана. А ему уже минуло семь лет, и был он пригож, как сам Ланселот. Все любили его, и оттого обуяла мачеху великая зависть. Не замыслила ли она извести ребенка, за которым смотрит Гувернал? И случилось, что вскоре умер король Мелиадук, и Тристан горько оплакал своего отца.

А Гувернал заметил, что королева Лоонуа возненавидела Тристана, и убоялся он, как бы не погубила она его своим коварством. И вот приходит он к Тристану и молвит ему:

— Тристан, мачеха ваша ненавидит вас лютой ненавистью, и уж давно сжила бы вас со свету, если бы не опасалась меня. Уедем же отсюда в Галлию, ко двору короля Фарамона. Там послужите вы ему и поучитесь придворному вежеству и учтивости, как то пристало всякому благородному отроку. И когда по воле господней примете вы рыцарское посвящение и разойдется повсюду добрая о вас слава, тогда, если будет вам угодно, сможете вы вернуться в королевство Лоонуа, и не найдется там никого, кто дерзнул бы вам перечить.

— Господин мой,— отвечает Тристан,— я поеду за вами всюду, куда вам заблагорассудится.

— Тогда завтра же утром отправимся мы в путь,— молвит Гувернал.

На следующий день встали они до рассвета, сели на коней и ехали до тех пор, пока не достигли Галлии, где жил в своем замке король Фарамон. Гувернал наказал Тристану, чтобы тот никому не обмолвился, кто он таков, и откуда едет, и кто его родители, а на все расспросы отвечал бы, что он-де чужестранец.

— Будь по-вашему, господин мой,— говорит Тристан.

И вот поселились они в замке короля Галлии.

И всем на удивленье вырос Тристан и похорошел. Так умело играл он в шахматы и тавлеи, что никто не мог поставить ему мат, и не было ему равных в искусстве владения мечом, и стройнее всех держался он в седле. И так он во всем преуспел, что был безупречен в любом деле, за какое бы ни взялся. И в свои двенадцать лет отличался таким мужеством и красотой, что все дивились ему. Не было во дворце галльского короля такой дамы или девицы, что не почла бы за честь, если бы Тристан удостоил ее своей любви. И служил он королю верой и правдой, а тот ценил его превыше всех своих приближенных.

И да будет вам ведомо, что никто не знал, кто он такой, кроме бога да Гувернала, его наставника.

МОРХУЛЬТ ИРЛАНДСКИЙ

Знайте также, что на жителях Корнуэльса лежала ежегодная дань в сто девушек, сто юношей, достигших пятнадцати лет, и сто чистокровных лошадей. И была эта дань установлена двести лет назад, во времена короля Тонозора Ирландского, и взималась каждый год сполна вплоть до времени короля Марка. А при нем прекратились эти поборы, ибо прекрасный Тристан, добрый рыцарь, сразил Морхульта, брата ирландской королевы, прибывшего в Корнуэльс, чтобы вытребовать эту дань; он убил его на острове Святого Самсона, как будет о том поведано в нашей повести.

Тристан отправился к королю Марку, своему дяде, и попросился к нему на службу. И король пожелал узнать, кто он таков.

— Отрок из дальних краев,— отвечает Тристан,— что готов послужить вам, если будет на то ваше согласие.

— Даю его с превеликой охотой,— молвит король,— ибо мнится мне, что ты хорошего рода.

И Тристан зажил у своего дяди, как пришлец, и повел себя так, что скоро ни одного отрока при дворе не ставили по сравнению с ним ни в грош.

Ездит он с королем в лес и прислуживает ему во время охоты. А тот ценит его превыше всех своих приближенных и шагу не хочет ступить без него, ибо за что бы ни взялся Тристан, все умеет он довести до конца. Столь пригож он с виду и столь ловок во всяком деле, что придворные смотрят на него с завистью, ибо во всем он их превосходит. Так служил Тристан у короля Марка до тех пор, пока не минуло ему пятнадцать лет. И стал он к тому времени так силен и отважен, что не сыскать было равных ему по силе и отваге.

Гувернал счастлив видеть, что воспитанник его так вырос и возмужал, ибо теперь ему впору принять рыцарское посвящение. И если примет он его, немало славных дел удастся ему свершить.

Тогда случилось, как я уже вам говорил, что в начале мая Морхульт Ирландский с великим множеством своих людей явился требовать дань, которой жители Корнуэльса были обязаны ирландскому королю. И вместе с Морхультом прибыл один рыцарь, доблестный и храбрый, но еще молодой; звали его Гайерет, и был он дружинником Морхульта.

Как раз в то время воцарился король Артур; совсем недавно возложил он на себя корону.

Узнав, что ирландцы прибыли за данью, опечалились жители Корнуэльса великой печалью, и поднялся повсюду стон и плач. Принялись рыдать дамы и рыцари и так говорить о своих детях:

«На горькое горе были вы рождены и вскормлены, ибо суждено вам стать рабами в Ирландии. Земля, почему не разверзлась ты и не поглотила наших детей? Видеть это было бы для нас меньшим бесчестьем, чем смотреть, как ирландцы увозят их в рабство. Коварное и жестокое море! И ты, изменчивый ветер! Почему не потопили вы ирландские корабли в пучине?»

И так громко стонут они и рыдают, что в ту пору не расслышать было бы и грома с небес.

И Тристан спрашивает у одного рыцаря, отчего подняли они такой шум, и кто этот Морхульт, о котором они говорят. И тот ему отвечает, что Морхульт приходится братом ирландской королеве, что он один из лучших рыцарей на свете и что явился он в Корнуэльс, чтобы вытребовать дань. И получил наказ вступить в единоборство с любым, кто дерзнет ему воспротивиться. Но только никто не посмеет с ним сразиться, ибо очень уж он могучий и храбрый воин.

— А что будет,— спрашивает Тристан,— если кто-нибудь осилит его в схватке?

— Клянусь честью,— отвечает рыцарь,— тогда жители Корнуэльса будут избавлены от дани.

— Клянусь именем господним,— молвит Тристан,— легко же им от нее избавиться, если выкупом за всех служит жизнь одного человека.

— Нет, им это не под силу,— говорит рыцарь,— ибо не найдется в этой стране ни одного храбреца, что дерзнул бы сразиться с Морхультом.

— Клянусь честью,— молвит Тристан,— нет на свете более жалких трусов, чем жители этой страны!

И вот идет он к Губерналу и говорит ему:

— Господин мой, у жителей Корнуэльса заячьи души, ибо нет среди них такого храбреца, что дерзнул бы сразиться с Морхультом и положить конец этим поборам. Будь я рыцарем, я вступил бы с ним в поединок, чтобы вызволить их из рабства. И если с божьей помощью удалось бы мне осилить Морхульта, покрыл бы я славой весь свой род и тем паче самого себя на всю свою жизнь. Но что вы думаете об этом деле? В этой битве я сумею доказать, суждено ли мне когда-нибудь сделаться настоящим мужчиной. А если не сумею, пусть убьет меня Морхульт, ибо лучше пасть от руки столь доблестного и славного рыцаря, чем жить среди этих трусов: больше будет мне в том чести!

Губернал, любивший Тристана, как никого на свете, отвечает:

— Тристан, милый мой сынок, хороши твои слова. Но Морхульт — рыцарь, коему не сыскать равных. А ты еще так молод и ничего не смыслишь в ратном ремесле.

— Господин мой,— молвит Тристан,— если не осмелюсь я на это дело, считайте, что обманул я ваши надежды и никогда не стать мне настоящим мужчиной. Отрадно мне было узнать от вас, что отец мой слыл одним из лучших рыцарей на свете. Само естество требует, чтобы мы с ним были похожи, и, даст бог, я не посрамлю его имени!

Услышав эти речи, застыл от изумления Гувернал, а потом говорит ему:

— Делай как хочешь, сынок!

— Спасибо, господин мой,— отвечает тот.

Тогда идет Тристан к королю, своему дяде, который пребывал в великом гневе, ибо досадно было ему видеть, что не нашлось в его замке ни единого рыцаря, пожелавшего сразиться с Морхультом и положить конец поборам, ибо не было в Корнуэльсе такого храбреца, который дерзнул бы ему противостоять.

И вот преклонил Тристан колена перед своим дядей и говорит ему:

— Сир, долго я служил вам, как мог, и прошу вас в награду за мою службу посвятить меня в рыцари и сделать это сегодня или завтра. Так долго ждал я этой награды, что ваши придворные стали надо мной смеяться.

Король отвечает:

— Друг мой, я охотно посвящу вас в рыцари, коли вы у меня того просите; и было бы это посвящение великим праздником, если бы не приезд ирландцев, что привезли нам дурные вести!

— Сир,— молвит Тристан,— не печальтесь о том, ибо господь избавит нас и от этой напасти, и от многих других!

Король протянул руку, поднял Тристана и приказал Динасу, своему сенешалю, позаботиться о нем и отыскать и приготовить все, что ему потребуется, ибо решил он завтра же посвятить его в рыцари.

Всю ночь молился Тристан во храме Богородицы. А наутро король Марк посвятил его в рыцари с такими почестями, какие только возможны. И бывшие при том говорили, что не было еще видано в Корнуэльсе столь прекрасного рыцаря, как Тристан.

И в ту пору, как праздновалось посвящение Тристана, явились во дворец четверо рыцарей, мудрых и велеречивых, и от имени Морхульта обратились к королю, не удостоив его поклоном:

— Король Марк, мы посланы к тебе Морхультом, славнейшим рыцарем на свете, чтобы истребовать дань, которую ты должен ежегодно платить ирландскому королю. Поторопись же, чтобы мог он получить ее не позже, чем через неделю. Если же ты откажешься, мы бросаем тебе вызов от его имени. Берегись прогне-

вать его, ибо тогда не останется у тебя ни клочка земли и весь Корнуэльс будет разорен.

Услышав эти речи, так опешил король Марк, что не мог вымолвить ни слова.

Но тут поднялся Тристан и спокойно отвечает:

— Господа посланцы, передайте Морхульту, что вовеки не видать ему этой дани. Деды наши были простаками и безумцами, но мы умнее их и не желаем расплачиваться за их глупость! А если Морхульт утверждает, что мы — его должники, я готов сойтись с ним в поединке, чтобы доказать, что жители Корнуэльса — свободные люди и ничего не обязаны ему платить!

Тогда посланцы говорят королю:

— От вашего ли имени обратился к нам этот рыцарь?

— Клянусь честью,— отвечает король,— не я приказывал ему так говорить, но раз была на то его воля, я положусь на него и на господа бога и благословлю его на этот поединок, в котором решится судьба всего королевства!

Услышав эти слова, Тристан облобызал стопы короля, а потом обратился к ирландским послам:

— Теперь вы можете передать Морхульту, что не получит он этой дани, если только не добудет ее мечом.

— А кто вы такой,— вопрошают послы,— чтобы бросать вызов Морхульту?

— Я чужестранец,— отвечает Тристан,— столь верно служивший королю, что он посвятил меня в рыцари.

— Хорошо, а какого вы роду и племени?

— Скажите Морхульту,— молвит в ответ Тристан,— что сколь бы ни был знатен его собственный род, ему далеко до моего. Ибо если даже в его жилах течет королевская кровь, то я — сын короля. Мелиадук, король Лоонуа, был моим отцом, а король Марк, сидящий перед вами, мой дядя; меня зовут Тристаном. И пусть ваш господин знает, что, если ему хочется мира, он его получит, а если нет, пусть готовится к битве.

И тогда они ответили, что передадут его вызов.

И вот покинули они дворец короля Марка, и отправились к Морхульту, и сообщили ему эту новость.

— А где должна состояться битва? — спрашивает Морхульт.

— Клянемся честью,— отвечают они,— он не сказал нам об этом.

— Тогда возвращайтесь к королю и спросите его, где ей быть.

— Охотно, сир,— отвечают они.

И король им говорит:

— Неподалеку отсюда, на острове Святого Самсона. Пусть каждый сядет в свою ладью и сам добирается до острова. Ведь у них не будет провожатых...

И всю ночь молились жители Корнуэльса, чтобы смиловался господь над Тристаном и послал ему храбрости и мужества избавить королевство от долгого рабства, в котором оно пребывало с давних пор. А Тристан бодрствовал во храме Богородицы. И лишь перед самым рассветом прилег, чтобы набраться сил перед схваткой с Морхультом. И, поднявшись, облекся в доспехи и отстоял заутреню, а потом вернулся во дворец.

И король Марк подошел к нему и сказал:

— Тристан, милый мой племянник, цвет и украшение юношества, отчего же так долго таился ты от меня? Будь мне известно, кто ты такой, не дал бы я тебе позволения на эту битву; уж лучше бы Корнуэльс навсегда остался в рабстве! Если ты погибнешь, вовеки не будет мне радости, и всем нам станет еще хуже, чем было прежде.

— Не бойтесь, государь,— отвечает Тристан,— а молите бога о помощи, и он услышит нас, ибо правда на нашей стороне.

— Милый мой племянник,— говорит король,— будем надеяться, что внемлет господь нашим молитвам и избавит Корнуэльс от великой напасти.

И в то время, как они говорили, дошла до них весть, что Морхульт уже на острове и готов вступить в схватку. Тогда Тристан попросил, чтобы подали ему шлем; сам король затянул на нем ремни. Вооружившись, Тристан вскочил в седло, подъехал к своей ладье, сел в нее и поплыл к острову. И, выйдя на берег вместе с конем, отпустил ее на волю волн, и она скрылась из виду.

Морхульт спросил у него, зачем он это сделал.

— Затем,— говорит Тристан,— что, если буду я убит, ты положишь мое тело в свою ладью и отвезешь туда, откуда мы приехали.

— Не хочу я твоей смерти,— отвечает Морхульт,— ибо сужу по твоим словам, сколь ты разумен. Почему бы не отказаться тебе от этой схватки, не оставить затею, на которую ты решился только по молодости лет и горячности? Я возьму тебя к себе, и мы станем друзьями.

Но Тристан молвит:

— Избавь жителей Корнуэльса от тех поборов, что ты с них требуешь, и я охотно откажусь от схватки, а иначе не могу с тобой помириться.

— Раз так,— говорит Морхульт,— я вызываю тебя на битву.

— Я готов,— отвечает Тристан,— ведь ради этого я сюда и приехал.

Тут пустили они своих коней вскачь и столь яростно скрестили копья, что те согнулись у них в руках. И знайте, что не миновать бы смерти ни тому, ни другому, если бы не разлетелись вдребезги наконечники их копий. А сами они сшиблись грудь в грудь с такой силой, что рухнули наземь, и не отличить бы им было в ту пору день от ночи. И, поднявшись, оба увидели, что тяжело ранены.

Тристан был поражен отравленным копьем Морхульта, а Морхульт — чистым копьем Тристана. Тут выхватили они мечи и принялись рубиться столь ожесточенно, что через малое время изнемогли от полученных ударов; и доспехи, что на них были, не спасали их от ужасных и тяжелых ран; и оба они истекали кровью.

Морхульт, мнивший себя одним из лучших рыцарей на свете, оторопел от страха перед мечом Тристана. Но знайте, что и Тристана объял такой же страх перед Морхультом. А смотревшие на них издали уверяют, что никогда не видели столь могучих бойцов.

Оба они наводили страх друг на друга, но дрались из последних сил, ибо дошла их схватка до того предела, когда один должен вот-вот одолеть другого. И нападали они один на другого с обнаженными мечами в руках и рубились еще исступленней и яростней, чем прежде. И столь тяжка была эта битва, что и тот, кто получил меньше ран, не чаял выйти из нее живым. И вот Тристан с таким остервенением обрушил удар на шлем Морхульта, что меч его рассек до половины голову противника. Так силен был этот удар, что большой осколок лезвия засел в черепе Морхульта, а на мече Тристана осталась глубокая зазубрина.

Почуяв смертельную рану, Морхульт бросил наземь щит и меч и пустился бежать к своей ладье. И, сев в нее, поспешил отчалить от берега. Так доплыл он до своих кораблей, и дружинники, опечаленные и раздосадованные таким исходом битвы, приняли его на борт.

И Морхульт сказал им:

— Выходите в море и гребите что есть сил. Я смертельно ранен и боюсь умереть, прежде чем достигнем мы Ирландии.

Они исполнили его приказ, поставили паруса и вышли в море.

И, увидев, что они отплывают, жители Корнуэльса закричали им вслед:

— Убирайтесь восвояси, и чтобы духу вашего здесь больше не было, и да сгинете вы все в пучине морской!

А король Марк видит, что племянник его Тристан, выигравший битву, остался один на острове, и говорит своим людям:

— Привезите мне племянника моего Тристана. Господь в ми-

лосердии своем даровал ему победу. Доблестью Тристана Корнуэльс отныне избавлен от рабства, в котором так долго пребывал!

Тут жители Корнуэльса бросились к лодкам, поплыли к острову и увидели, что Тристан так ослабел от потери крови, что едва держался на ногах; они взяли его с собой и отвезли к королю.

И, увидев Тристана, король стократно расцеловал его и спросил, как он себя чувствует.

— Я ранен, сир,— отвечает тот,— но если будет угодно господу, он пошлет мне исцеление.

Король ведет его в церковь, чтобы воздать хвалу Спасителю за милость, оказанную ему сегодня; потом все возвращаются во дворец с великой радостью и ликованием.

А Тристан падает на свою постель. Так страдает он от яда, проникшего в тело, что не лежит у него душа ни к веселью, ни к радости. И отказывается он от еды и питья.

ТРИСТАН БЛУЖДАЕТ ПО МОРЮ

К Тристану пригласили врачей; они принялись лечить его разными травами, и через малое время все его раны зажили, кроме той, куда проник яд.

Так мучился в ту пору Тристан и страдал, что не знал покоя ни днем, ни ночью; он не принимал пищи и совсем исхудал. От раны его исходило такое зловоние, что никто, кроме Гувернала, не мог оставаться с ним рядом. А Гувернал ухаживал за ним, не гнушаясь ничем. И оплакивал он Тристана и печалился столь великой печалью, что жалко было на него смотреть. И тот, кто видел Тристана прежде, не узнал бы его теперь, так он стал плох. И все добрые люди сокрушались и говорили:

— Ах, Тристан, вот какой ценой пришлось тебе заплатить за свободу Корнуэльса! Смертной мукой обернулось для тебя то, что принесло нам великую радость!

Однажды Тристан лежал в своей постели, такой исхудавший и бледный, что жалость брала всякого, кто бы на него ни взглянул. И была подле него одна дама, и горько оплакивала она его, и говорила:

— Тристан, диву даюсь я тому, что ни у кого не испросите вы совета о вашей судьбе. Будь я на вашем месте, я отправилась бы в иные края, раз не могу обрести исцеления в этой стране. Как знать, не помог бы мне там господь или кто другой?

— Госпожа моя,— молвит Тристан,— но как это сделать? Я не могу ехать верхом и не потерплю, чтобы меня несли на носилках.

— Ах, Тристан,— отвечает дама,— я вам в том не советчица. Пусть сам господь вас надоумит!

И с тем она вышла от него.

И Тристан попросил, чтобы его перенесли к окну, из которого было видно море. И долго смотрел вдаль и предавался раздумьям. И, поразмыслив, позвал к себе Гувернала и молвит ему:

— Отправляйтесь к моему дяде и скажите ему, что я хочу с ним поговорить.

Гувернал пошел к королю и сказал:

— Сир, Тристан хочет с вами поговорить.

И король пришел к нему и спросил:

— Милый племянник, чем я могу помочь вам?

— Сир,— молвит Тристан,— я хочу попросить вас об одной услуге, которую вам нетрудно будет мне оказать.

— Как бы трудно это ни было,— отвечает король,— я окажу ее вам, ибо нет ничего на свете из того, чем я обладаю, ни великой вещи, ни малой, что я пожалел бы для вас.

— Сир,— говорит Тристан,— много мук и тягот вытерпел я с тех пор, как сразил Морхульта и освободил Корнуэльс. Но все понапрасну: в этой стране я не могу ни жить, ни умереть. И раз это так, хочу я отправиться в иные края: кто знает, не будет ли угодно господу послать мне исцеление там, если он не послал его здесь?

— Милый племянник,— отвечает король,— но как же отправишься ты в иные края? Ты не в силах ни ехать в седле, ни идти пешком и не потерпишь, чтобы тебя несли на носилках.

— Дядя, вот каково мое желание: прикажите построить для меня крепкую лодку с парусом, которым я смогу управлять по своему желанию, и шелковым пологом, что послужит мне защитой от солнца и дождя. Потом прикажите нагрузить ее съестными припасами, чтобы было мне чем поддержать себя в долгом плаванье. И еще положите туда мою арфу, роту и все мои инструменты. Когда все будет готово, поставьте туда мое ложе, перенесите меня на него и отпустите лодку в море. И я поплыву по нему, одинокий и всеми забытый. И если господу будет угодно, чтобы я утонул, великим утешением покажется мне смерть, ибо давно уже изнемог я от страданий. А если мне удастся выздороветь, я вернусь в Корнуэльс. Вот чего я хочу. И молю вас со слезами на глазах, чтобы вы поторопились и чтобы лодка моя была готова как можно скорее, ибо не будет мне радости до тех пор, пока не исполнится мое желание и не выйду я в море.

Когда Тристан кончил свои речи, зарыдал король и говорит ему:

— Милый племянник, неужто вы хотите покинуть меня?

— Я не могу поступить иначе,— отвечает Тристан.

— А что станется с Губерналом? — спрашивает король.— Если бы взяли вы его с собой, это было бы вам немалой подмогой.

— Конечно,— молвит Тристан,— но только не хочу я теперь подмоги ни от кого, кроме господа. А что до Губернала, то, если я умру, пусть отойдет ему моя земля, ибо он столь знатного рода, что сумеет ею управлять, когда примет рыцарское посвящение.

Понял король, что не переспорить ему Тристана; и вот приказал он построить лодку согласно замыслу своего племянника. И когда судно было построено и оснащено, в него перенесли Тристана.

Вовеки не было видано столь великой скорби, как при этом отплытии! И когда увидел Тристан, как все о нем горюют, невмочь ему стало медлить. Приказал он столкнуть лодку в море и поднял парус. И за малое время отнесло его так далеко от берега, что уж не разглядеть ему было ни короля, ни своих друзей, а им его — и подавно.

Две недели блуждал Тристан по морю, пока не прибило его ладью к берегам Ирландии, неподалеку от замка Хесседот.

Там обитал ирландский король и его жена, сестра Морхульта.

И дочь их, Изольда, жила вместе с ними. И была эта Изольда прекрасней всех женщин на свете, и не сыскалось бы в те времена никого, кто превзошел бы ее в искусстве врачевания, ибо ведомы ей были все травы и их свойства. И минуло ей в ту пору четырнадцать лет.

Когда Тристан очутился в гавани, исполнилось радости его сердце, оттого что увидел он перед собой неведомую землю, и еще оттого, что избавил его господь от гибели в морской пучине. Тогда взял он арфу, настроил ее и принялся наигрывать столь сладостную мелодию, что ею заслушался бы всякий, кто ее услышал.

Ведь тогда у рыцарей, томимых печалью, была привычка играть на арфе и петь, чтобы разогнать тоску.

Долго играл Тристан и окончил свою игру на грустный лад:

Я сердце потерял, плененный.
Израненный, без рук, без ног,
Я без любви живу, влюбленный.
И что ж! Умру неисцеленный?

Умру, влюбленный, без любви.
Но нет! Велит любовь: «Живи!»
Любовь пытает, сокрушает.
Любовь казнит и воскрешает.

Любовью был мой путь направлен.
Весь век охочусь я за нею.
Себе признаться я не смею,
Что сам я, словно зверь, затравлен.

Однажды счастье посулив,
Любовь мне принесла напасти,
Однако у нее во власти
Останусь я, пока я жив [1].

Король стоял у окна и слышал эти звуки; видел он и приставшую к берегу ладью, столь дивно оснащенную, что можно было подумать, будто она приплыла из страны фей. Он указал на нее королеве.

— Сир,— молвит королева,— пойдемте и с божьей помощью узнаем, что это такое.

И вот король и королева, одни, без свиты, вышли из дворца и отправились на берег. И слушали Тристана до тех пор, пока тот не кончил игру и не положил подле себя свою арфу.

И тогда спросил он их, как зовется та земля, куда он прибыл.

— Клянусь честью,— отвечает король,— это Ирландия.

Тут пуще прежнего опечалился Тристан, ибо понял, что, если узнают в нем убийцу Морхульта, не миновать ему смерти. И король спросил у него, кто он таков.

— Сир,— молвит в ответ Тристан,— я бедный и больной человек из города Альбины, что в королевстве Лоонуа. Я пустился наугад по морю и прибыл в эту землю в надежде отыскать здесь исцеление от своего недуга. Ибо пришлось мне испытать столько мук и страданий, сколько не доводилось вынести никому, и до сих пор томлюсь я от них так, что лучше бы мне было умереть, чем изнывать от этого недуга!

— Рыцарь ли вы? — спрашивает у него король.

— Да, сир,— отвечает Тристан.

Тогда молвит ему король:

— Оставьте же ваши тревоги, ибо прибыли вы в такое место, где сможете отыскать исцеление: есть у меня дочь, весьма сведущая во врачебном искусстве, и если кому-нибудь суждено вас вылечить, то кому, как не ей, это сделать? Я попрошу ее позаботиться о вас во имя божие и во имя милосердия.

— Да возблагодарит вас господь, сир,— молвит Тристан.

Король и королева вернулись во дворец. И призвал король своих слуг и приказал им отправиться на берег за бедным рыцарем, перенести его в королевские покои и уложить на мягкую постель. И те исполнили все, что им было приказано. И когда уложили Тристана в постель, король попросил Изольду осмотреть его; и та осмотрела и бережно ощупала его раны и приложила к ним целебные травы. И сказала ему, чтобы он ни о чем не беспокоился, ибо скоро с божьей помощью станет совершенно здоров.

---

[1] Перевод В. Микушевича.

Десять дней пролежал томимый недугом Тристан в отведенном ему покое. И десять дней не отходила от него Изольда, но ему становилось все хуже и хуже, ибо травы не приносили ему ничего, кроме вреда. И, увидев это, изумилась Изольда и прокляла свои знания и свое врачебное искусство. И сказала себе, что ничего не смыслит в том, в чем мнила себя самой сведущей на свете.

Но потом пришло ей на ум, что одна из ран Тристана могла быть поражена ядом и оттого не поддается лечению. И сказала она себе, что если это так, то ей непременно удастся исцелить Тристана, а если нет — ей остается только опустить руки, а его уже ничто не спасет.

Тогда приказала Изольда вынести его на солнце, чтобы осмотреть эту рану как можно внимательней, и, осмотрев, убедилась, что она и впрямь поражена ядом, и воскликнула:

— Ах, сир! Копье, которым нанесли вам эту рану, было отравлено. Вот почему не смогли залечить ее те, кто за это брался: ведь не знали они о яде. Но теперь, когда я знаю, в чем дело, мне, с божьей помощью, нетрудно будет поставить вас на ноги; можете в том не сомневаться.

Весьма обрадовался Тристан ее словам. А она отправилась за теми снадобьями, что, по ее разумению, больше всего подходили для того, чтобы изгнать яд. И трудилась не покладая рук до тех пор, пока не был он изгнан. И Тристан поднялся на ноги, начал есть и пить, и стала возвращаться к нему сила и красота. Столь прилежно ухаживала за ним Изольда, что не прошло и двух месяцев, как он совершенно выздоровел и стал еще краше, чем прежде.

И тогда решил Тристан, что пора ему возвращаться в Корнуэльс, ибо, если дознаются ирландцы, кто он такой, не миновать ему позорной и мучительной казни за то, что убил он Морхульта.

БИТВА С ДРАКОНОМ

Поселился в ирландской земле змей, который опустошал и разорял всю страну. Дважды в неделю появлялся он возле замка, пожирая всех, кого мог схватить, так что никто не решался выйти за ворота из страха перед змеем. И король приказал объявить, что тому, кто сумеет одолеть змея, отдаст он все, что тот ни попросит, половину своего королевства и дочь свою Изольду, если тот пожелает ее взять.

И случилось так, что дракон появился у замка в тот самый день, когда был оглашен королевский указ. И при виде его разбежались с криками и воплями все, кто оказался за воротами.

И Тантрис (таково было имя, под которым скрывался Тристан) спросил, что случилось. Ему рассказали о том, что вы уже знаете, и о королевском указе. Тогда Тантрис тайком вооружился, так что никто об этом не проведал, и вышел из замка через боковые ворота, и отправился навстречу змею.

И, едва заметив Тантриса, змей бросился на него, а тот на змея. И вот завязалась между ними жестокая и беспощадная битва. Змей вонзил когти в щит Тантриса и порвал на нем ремни и все, что мог достать. Но Тантрис отпрянул и, выхватив меч, ударил змея. И увидел, что сталь не берет змеиную чешую. Тогда задумал он пойти на хитрость. И когда змей, разинув пасть, бросился на него, чтобы его пожрать, Тантрис, который только того и ждал, всадил меч прямо ему в глотку и вогнал в брюхо, разрубив пополам сердце. Тут змей издох, а Тантрис отрезал у него язык, спрятал к себе в карман и отправился в замок.

Но, не успев сделать и нескольких шагов, рухнул как подкошенный от яда, что источал змеиный язык, лежавший у него в кармане.

У короля Ангена был сенешаль по имени Агенгеррен Рыжий. Идя в замок, наткнулся он на мертвого змея, отрезал ему голову и решил, что отдаст ее королю, а потом попросит у него дочь его Изольду и половину королевства, ибо задумал он уверить короля, будто змея убил он сам.

И вот приходит сенешаль к королю и приносит змеиную голову. И приветствует его и говорит:

— Я убил змея, опустошавшего эту страну. Вот его голова. И за это прошу у тебя дочь твою Изольду и половину твоего королевства, как было условлено.

Диву дался король и молвит ему:

— Сенешаль, я поговорю с дочерью моей Изольдой и узнаю, что она об этом думает.

Тут идет король в опочивальню королевы, и застает там ее и дочь свою Изольду, и рассказывает им, что сенешаль убил змея.

— Он принес мне его голову, теперь надлежит мне исполнить обещание, объявленное через глашатых.

Весьма разгневались королева и Изольда, услышав эти слова. И сказала Изольда, что вовеки не согласится она на это и что лучше уж ей умереть, чем принадлежать этому рыжему трусу и обманщику.

— Скажите ему, сир, что вы посовещаетесь со своими баронами и через неделю объявите свою волю.

Тогда король пошел к сенешалю и передал ему эти слова, и тот с ним согласился.

А королева молвит дочери своей Изольде:

— Дочь моя, идемте потихоньку взглянем на мертвого змея: не верится мне, чтобы у сенешаля хватило храбрости его убить.

— Охотно, госпожа моя,— молвит Изольда.

И вот вышли они, взяв с собой только двух оруженосцев, Перениса и Матанаэля. И шли до тех пор, пока не отыскали мертвого змея, и принялись его разглядывать. И, обернувшись в сторону дороги, заметили Тристана, что лежал у обочины, как труп. Они подошли к нему, но не узнали его, ибо он распух, как хорошая бочка. И молвила Изольда:

— Этот человек либо мертв, либо отравлен змеиным ядом. Мнится мне, что он-то и убил змея, а змей погубил его.

И, движимые состраданием, они с помощью обоих оруженосцев перенесли его к себе в опочивальню. И когда стали раздевать, нашли у него в кармане змеиный язык. И, осмотрев этого человека, рассудила Изольда, что он еще жив; она дала ему выпить противоядие и принялась ухаживать за ним столь усердно, что скоро спала его опухоль, и выздоровел он, и вернулась к нему прежняя красота. Тогда они узнали в нем Тантриса, своего рыцаря, и весьма тому обрадовались.

По прошествии семи дней сенешаль приходит к королю за наградой. А король успел испросить совета у своих баронов, и те сказали ему, чтобы он исполнил обещанное.

Проведав об этом, опечалилась Изольда великой печалью и сказала, что скорее даст себя четвертовать, чем отдастся этому трусу. И в разгар ее печали спрашивает у нее Тантрис, что с ней и отчего она так убивается. И та говорит ему, что сенешаль требует ее в жены и просит у ее отца половину королевства, утверждая, что он убил змея.

И, узнав о том, молвит ей Тристан:

— Не тревожьтесь, я избавлю вас от него, ибо он солгал. Скажите мне только, где змеиный язык, что был у меня в кармане, когда меня сюда принесли?

— Вот он, сир,— говорит Изольда.

И Тристан взял язык, пошел во дворец и объявил во всеуслышанье:

— Где тот сенешаль, который хочет получить Изольду и утверждает, что убил змея? Пусть он выйдет, и я уличу его в обмане, и в доказательство готов сойтись с ним в поединке, если будет в том нужда!

И сенешаль выступил вперед и повторил свою ложь.

Тогда молвит Тантрис королю:

— Взгляните, сир, не вырезан ли язык из пасти змея? И знайте, что убил змея тот, кто его вырезал.

Тут осмотрели змеиную пасть и убедились, что в ней нет

языка. И Тантрис достал язык, приложил его туда, откуда он был отрезан, и язык пришелся к месту. Тогда сенешаль был опозорен, и брошен в темницу, и лишен своих имений. А Тантрис удостоился почестей и похвал, ибо все узнали, что он убил змея.

ЗАЗУБРИНА НА ЛЕЗВИИ

Однажды Тантрис отправился мыться. Изольда и Бранжьена и много других девиц прислуживали ему весьма учтиво. И случилось туда зайти одному юноше, родственнику королевы. Взглянув на ложе, заметил он на нем драгоценный меч Тантриса, тот самый, коим был сражен Морхульт. Он вынул его из ножен и остолбенел, увидев зазубрину на лезвии. Ведь не иначе, как от этого меча был отколот тот кусок стали, что засел в черепе Морхульта и теперь, завернутый в шелковую ткань, хранился в ларце у королевы. И когда он разглядывал лезвие, подошла к нему королева и спрашивает, чей это меч. И он отвечает, что это меч Тантриса.

— Отнеси его ко мне в опочивальню,— молвит она.

И когда принес он его, отомкнула королева свой ларец и достала осколок лезвия, вынутый из черепа Морхульта. И, приложив к зазубрине, убедилась, что он отлетел от того меча, которым Тристан убил ее брата.

— О боже,— воскликнула королева,— да ведь это Тристан, убийца моего брата! Долго же он скрывался от нас! Но теперь не миновать ему смерти от того самого меча, которым был сражен Морхульт!

И вот пошла она к Тристану, который ни о чем не подозревал, и вскричала:

— Ах, Тристан, племянник короля Марка, открылась ваша хитрость! Не жить вам больше на свете. Этой рукой и этим мечом убили вы моего брата. И теперь примете смерть от моей руки и от этого же меча!

И вот заносит она меч, чтобы его зарубить.

И Тристан замер на месте, словно охваченный страхом, а потом говорит:

— Ах, госпожа моя! Клянусь именем господним, не к лицу такая смерть лучшему рыцарю на свете! Да и вам негоже убивать меня: ведь вы женщина. Оставьте суд надо мной за королем: он сумеет мне отомстить.

Но никак не хочет уняться королева, так что Тристану пришлось ее удержать. И поднялся тут такой крик и шум, что король и его бароны сбежались посмотреть, в чем дело. И молвит королева:

— Ах, сир! Вот вероломный убийца Тристан, что так долго скрывался среди нас: это он убил Морхульта, моего брата. Убейте же его или дайте убить мне. Вот меч, которым был сражен Морхульт; я хочу, чтобы от него и принял смерть убийца.

Король, который был мудр и рассудителен, отвечает ей:

— Успокойтесь, госпожа моя, и оставьте суд над ним за мной; я свершу его так, чтобы не навлечь на себя хулы.

— Спасибо, сир,— молвит она,— вы утешили меня.

— Дайте мне этот меч,— говорит король.

И она отдала ему меч и вышла.

И король обращается к Тристану и спрашивает:

— Вы тот самый Тристан, что убил Морхульта?

— Да, сир,— отвечает он,— это так. Поистине, я тот самый Тристан. Но никто не вправе хулить меня за то, что я убил его; ибо надлежало мне это сделать. И он убил бы меня, если бы смог.

— Не жить вам больше на свете,— молвит король.

— Вы вольны казнить меня или помиловать,— отвечает Тристан.— От вас зависит моя жизнь и смерть.

— Одевайтесь,— прибавляет король,— и ступайте во дворец.

И Тристан одевается и идет во дворец. И, представ перед баронами, устыдился он и покраснел и оттого сделался еще прекрасней. И видящие его провозглашают, что жаль было бы осудить на смерть столь прекрасного и доброго рыцаря за то, от чего не мог он уклониться.

А королева взывает к супругу:

— Сир, отмстите вероломному Тристану за смерть моего брата!

И король отвечает:

— Тристан, вы опозорили меня и покрыли бесчестьем, убив Морхульта; и все же было бы мне жаль убить вас. И не сделаю я этого. Я дарую вам жизнь, ибо есть на то две причины: одна из них в том, что вы добрый рыцарь, другая в том, что в моей земле спаслись вы от смерти. И совершил бы я величайшее вероломство, если бы казнил вас после того, как избавил от гибели. Ступайте же прочь из моего замка, и покиньте мою землю, и впредь сюда не показывайтесь: ибо, если вы появитесь здесь еще раз, я прикажу вас казнить.

— Сир,— молвит Тристан,— от всего сердца благодарю вас за все то добро, что я от вас видел.

Тут король приказал дать ему коня и доспехи. Тристан сел в седло и уехал. И Бранжьена тайком отправила с ним двух своих братьев, чтобы они ему служили.

Приехал он в гавань, сел на корабль и плыл до тех пор, пока не добрался до Тентажеля в Корнуэльсе, где жил король Марк.

И, увидев Тристана, король и его бароны приняли его с великой радостью, словно господа бога, сошедшего с небес.

Король расспросил Тристана обо всем, что с ним сталось. И Тристан ему поведал, как был он исцелен Белокурой Изольдой и как случилось ему быть на волосок от гибели. И сказал, что нет на свете девушки краше Изольды и что как никто сведуща она в искусстве врачевания. И народ Корнуэльса весьма обрадовался этим добрым вестям, и велико было его веселье и ликование. И король поставил Тристана начальником и управителем своего замка и всего, чем обладал, и из-за того все стали его бояться и страшиться сильнее, чем прежде.

СВАТОВСТВО КОРОЛЯ МАРКА

В скором времени возненавидел король Марк Тристана, ибо страшился его сильнее, чем прежде. И охотно предал бы его смерти, если бы мог это сделать так, чтобы никто о том не проведал. Не может изгнать его король, ибо тогда все скажут, что Тристан пострадал невинно; не может и оставить при себе, ибо все так любят Тристана, что, случись между ними распря, придется пострадать королю. Долго размышляет над этим король, но все безуспешно. И тут приходит ему на ум одна мысль, и не может он от нее отвязаться, и думает над тем, как бы избавиться ему от Тристана. Не все ли ему равно, останется Тристан в живых или умрет? Ведь счел бы он за благо видеть его не живым, а мертвым.

Спустя некоторое время случилось королю восседать среди своих баронов, и Тристан стоял перед ним. И бароны говорят королю, что диву они даются, отчего он до сих пор не женился. И Тристан молвит, что и ему было бы по сердцу, если бы король взял себе жену.

И король отвечает:

— Тристан, я возьму себе жену, когда вам это будет угодно, ибо вы один сумеете добыть ту красавицу, о которой мне говорили; на ней-то и хочу я жениться.

— Сир,— отвечает Тристан,— коли за мной одним дело, я сумею вам ее добыть, ибо лучше уж мне умереть, чем вам ее лишиться.

— Чем же докажете вы это, Тристан?

Тогда Тристан простирает руку в сторону часовни и клянется, что, если бог поможет ему и благословит его, он сделает все, что в его силах. И король благодарит его от всего сердца.

— А теперь хочу я сказать вам,— молвит король,— кого я у вас прошу. Вы сами много раз мне говорили, что, если решу я жениться, надлежит мне взять такую девицу, чтобы мог я наслаж-

даться ею и найти отраду в ее красоте. А вы всегда восхваляли за красоту всего одну женщину и уверяли, что краше ее нет никого на свете. Ее-то я и хочу; и уж коли должен я жениться, пусть женой моей будет Белокурая Изольда, дочь короля Ангена Ирландского. И вам надлежит привезти ее сюда, как вы мне обещали. Возьмите же себе в моем замке такую свиту, какая вам пристала, и не медля отправляйтесь в путь и постарайтесь добыть мне Изольду.

Услышав эти слова, понял Тристан, что дядя посылает его в Ирландию не за Изольдой, а за смертью. Но не смеет он ему отказать. А король спрашивает у него с притворной улыбкой:

— Милый мой племянник, неужто не сумеете вы мне ее добыть?

— Сир,— молвит Тристан,— я сделаю все, что в моих силах, даже если придется мне из-за того умереть.

— Благодарю вас, милый мой племянник. Торопитесь же в путь, ибо время не ждет: не будет мне радости до тех пор, пока вы не вернетесь и не привезете Белокурую Изольду!

Отказался бы Тристан от этой поездки, будь на то его воля. Но не может он этого сделать, ибо принес клятву перед столькими добрыми людьми. И потому смолчал он, хоть и знал, что едет в Ирландию на верную смерть, ибо это такое место на свете, где ненавидят его лютой ненавистью за то, что убил он Морхульта.

— Будь что будет,— молвит себе Тристан,— ведь всем на свете правит случай!

И отобрал он тогда сорок рыцарей среди высокороднейших юношей, что жили в замке короля Марка. И не меньше его были они опечалены и возмущены и согласились бы потерять свои земли, лишь бы не ехать в Ирландию. Ибо понимали, что, если их опознают, не миновать им смерти. И все же собрались и сели на корабль вместе с Тристаном и Гуверналом.

И Гувернал оплакивает Тристана и говорит:

— Теперь видите вы сами, как вас любит ваш дядя! Замыслил он это дело не для того, чтобы добыть себе жену, а чтобы погубить вас!

— Утешьтесь, дорогой мой наставник,— молвит Тристан.— Пусть ненавидит меня мой дядя: если будет на то воля господня, сумею я смягчить его сердце, так чтобы вовеки не питал он ненависти ко мне. И он утешится тоже: даст бог, сумею я достать ему эту девицу, каких бы трудов мне это ни стоило.

— Дай-то бог,— говорит Гувернал.

Тут вышли в море Тристан и его спутники, и весьма они сокрушались, ибо знали, что плывут навстречу неминуемой смерти. А Тристан ободрял их и говорил, чтобы они утешились. И так

доверяли они ему, что отлегло у них от сердца. Ибо мнилось им, что, пока Тристан с ними, нечего им бояться никакой беды.

И плыли они по волнам до тех пор, пока не поднялась нежданно-негаданно столь сильная буря, что стали они прощаться с жизнью. И корабельщики не знали, что делать, и корабль понесся по воле ветра, а Тристан и его сотоварищи принялись взывать к господу о спасении. Двадцать дней и одну ночь длились их муки, а потом усмирилось море, и увидели они, что очутились у берегов Британии, в одной миле от Камалота, куда часто наезжал король Артур, ибо город этот был удобно расположен и не было в нем недостатка ни в чем необходимом. И Тристан спрашивает корабельщиков, знают ли они, куда их занесло.

— Сир,— отвечают они,— мы в Британии, земле короля Артура.

— Тогда нечего нам здесь опасаться,— молвит Тристан.

И вот сошли они с корабля и разбили на зеленой лужайке шесть прекрасных и роскошных шатров.

Оттуда отправился Тристан ко двору ирландского короля и много подвигов совершил у него на службе, участвуя в жестоких и ужасных битвах, прежде чем довелось ему снова увидеть своих товарищей.

И здесь в этой повести говорится, что, когда Тристан сразил Блоапора и вернулся к шатрам своих спутников, те встретили его с превеликим ликованием. И спросили, удачной ли была его поездка, и он ответил, что удачной и что вместо короля принял он вызов на поединок и одержал в нем победу. И они возблагодарили за это господа бога. А потом спрашивают его, не ранен ли он.

— Да,— отвечает Тристан,— но не смертельно.

И они обрадовались этой вести и помогли ему снять доспехи. А король сошел с коня, обнял Тристана и облобызал его и молвил:

— Вы столько сделали для меня, что я у вас в неоплатном долгу. Но скажите мне, ради бога, не ранены ли вы?

— Будь у меня искусный врач,— отвечает Тристан,— не стал бы я тревожиться о своей ране.

— Будет у вас такой врач, какой вам надобен,— говорит король.

И приказал он пригласить врача, весьма искусного в своем деле, и тот принялся лечить Тристана, и за малое время поставил его на ноги.

Тогда обратился Тристан к королю и молвил ему:

— Сир, теперь надлежит вам исполнить то, что вы мне обещали, как я исполнил обещанное вам.

— Вы правы,— говорит король.— Просите же у меня все, что я в силах дать, и не будет вам отказа.

— От всего сердца благодарю вас, сир,— отвечает Тристан.— Но скажите мне прежде, куда вы теперь намерены отправиться?

— Будь вы в добром здравии,— молвит в ответ король,— я отправился бы в Ирландию и попросил бы следовать за мной вас и ваших спутников.

— Если это будет вам угодно,— говорит Тристан,— я охотно последую за вами.

Тогда спрашивает Тристан у корабельщиков, благоприятен ли ветер для отплытия.

— Да, сир,— отвечают они.— Мы ждем только королевского и вашего повеления.

И король возрадовался этим словам, ибо сильно ему хотелось вернуться в Ирландию.

И вот вышли в море рыцари Ирландии и Корнуэльса. И примирились между собой те, кто были прежде заклятыми врагами. И плыли до тех пор, пока не достигли Ирландии и не прибыли в замок, где жила королева. С какой радостью их там приняли! Возликовал народ Ирландии, увидев своего владыку, а королева и дочь ее Изольда пуще всех.

— Госпожа моя,— молвит король,— не благодарите за мое возвращение никого, кроме господа бога да Тристана, что стоит перед вами. И знайте, что, не случись ему быть в Ирландии, никогда не вернуться бы мне домой. Ибо некий ужасный исполин по имени Блоанор обвинил меня в вероломстве и вызвал на поединок. И знайте, что не миновать бы мне позора, если бы Тристан, вспомнив то добро, что я некогда для него сделал, не принял вместо меня этот вызов. Он-то и сразил Блоанора, избавив меня от позорного навета. И если бы не великая доблесть, коей, как вам ведомо, исполнен Тристан, быть бы ему мертвым, а мне опозоренным. И благо теперь он наш гость, надлежит нам в свой черед окружить его заботой и почетом, чтобы воздать сторицей за все, что он для нас сделал.

— Сир,— молвит королева, а с ней в один голос и все остальные,— согласны мы с вашей волей и хотим, чтобы примирились народы Ирландии и Корнуэльса и были впредь друзьями.

И было тогда великое празднество и ликование в честь Тристана и его спутников.

И остался Тристан у Изольды, и она врачевала его раны до тех пор, пока не выздоровел он и не окреп. И когда исцелился Тристан и увидел красоту Изольды,— а она была так прекрасна, что молва о ее красоте обошла всю землю,— пал он духом и помутились его мысли. И решил он, что попросит ее в жены себе и никому другому, ибо тогда достанется ему прекраснейшая женщина, а ей — прекраснейший и славнейший рыцарь на свете. Но

потом рассудил, что будет это величайшим вероломством: разве не поклялся он перед столькими добрыми людьми, что привезет Изольду своему дяде? И если не сдержит он своего слова, то будет навеки опозорен. И порешил он, что лучше сберечь свою честь, уступив Изольду королю, чем завладеть Изольдой и тем навлечь на себя бесчестье.

Однажды, когда король был во дворце, предстал перед ним Тристан вместе со своими благородными и прекрасными сотоварищами и молвил:

— Сир, хочу я получить обещанную награду.

— Вы ее заслужили,— отвечает король.— Просите у меня что угодно.

— От всего сердца благодарю вас, сир,— говорит Тристан.— Дайте же мне дочь вашу Изольду. И знайте, что я прошу ее не для себя, а для короля Марка, моего дяди, который пожелал на ней жениться и провозгласить ее королевой Корнуэльса.

Король ему отвечает:

— Тристан, вы столько сделали для меня, что заслужили Изольду. И я отдаю ее вам для вас или для вашего дяди. Пусть все свершится по вашей воле: таково мое желание.

И призвал король Изольду и вручил ее Тристану, сказав:

— Можете увезти ее, когда захотите, ибо я знаю, что столь благородному рыцарю, как вы, можно доверить ее без страха.

Так Тристан добыл Изольду для короля Марка, своего дяди.

Тогда началось там столь великое ликование, словно господь сошел с небес на землю. Радуются ирландцы, ибо мнится им, что этот союз восстановит мир между ними и народом Корнуэльса. А рыцари Корнуэльса радуются тому, что благополучно исполнили свое поручение и удостоились почестей и похвал от тех, кто их больше всего ненавидел.

ЛЮБОВНЫЙ НАПИТОК

Когда Тристан собрался в путь, король вручил ему Изольду и с нею множество девушек из ее свиты, чтобы она не скучала. И знайте, что, покидая Ирландию, Изольда взяла с собой столько нарядов и драгоценностей, что по ним всякому было видно, сколь знатного она рода. И король с королевой плакали при расставании.

Королева призывает Гувернала и Бранжьену и молвит им:

— Возьмите этот серебряный сосуд с волшебным питьем, что я приготовила собственными руками. Когда король Марк возляжет с Изольдой в первую ночь, дайте испить его сначала королю, а потом Изольде и выплесните остаток. И смотрите, чтобы никто,

кроме них, не пил его, ибо от этого может приключиться великое горе. Питье это именуется любовным напитком: как только изопьет его король Марк, а вслед за ним и моя дочь, полюбят они друг друга столь дивной любовью, что никто не сможет их разлучить. Я сварила его для них двоих; смотрите же, чтобы никто другой к нему не прикасался.

И Бранжьена с Губерналом клянутся, что исполнят ее наказ.

Пришло время отплытия; Тристан и его сотоварищи вышли в море и с великой радостью пустились в путь. Три дня дул попутный ветер, а на четвертый Тристан играл в шахматы с Изольдой, и стояла в ту пору столь нестерпимая жара, что захотел он пить и попросил вина. Губернал с Бранжьеной пошли за вином, и попался им на глаза кувшин с любовным напитком, что стоял среди других серебряных сосудов. И взяли они его по ошибке и оплошности. И Бранжьена подала Губерналу золотую чашу, а он налил в нее питья, что было похоже на прозрачное вино. Оно и в самом деле было вином, но было к нему подмешано колдовское зелье. И Тристан осушил полную чашу и приказал, чтобы налили этого вина Изольде. Ей подали чашу, и она выпила. О боже, что за напиток!

Так ступили они на путь, с которого не сойти им вовеки, ибо выпили собственную погибель и смерть. Каким добрым и сладостным показался им этот напиток! Но никогда еще сладость не была куплена такой ценой. Сердца их дрогнули и забились по-иному. Ибо не успели они осушить чашу, как взглянули друг на друга и остолбенели и забыли о том, что делали раньше. Тристан думает об Изольде, Изольда — о Тристане, и не вспоминают они о короле Марке.

Ибо Тристан не помышляет ни о чем, кроме любви к Изольде, а Изольда не думает ни о чем, кроме любви к Тристану. И сердца их бьются в лад и так будут биться до конца их дней. Тристан любит Изольду, и ей это в радость, ибо кому, как не этому прекраснейшему из рыцарей, могла она подарить свою любовь? Изольда любит Тристана, и ему это в радость, ибо кому, как не этой прекраснейшей из девушек, мог он отдать свое сердце? Он пригож, она прекрасна. Он благороден, она знатного рода: они под стать друг другу по красоте и благородству. Пусть король Марк поищет себе другую невесту, ибо Изольду влечет к Тристану, а Тристана — к Изольде. И так долго не сводят они глаз друг с друга, что каждому становятся ясны помыслы другого. Тристан знает, что Изольда любит его всем сердцем, Изольда знает, что она по душе Тристану. Он не помнит себя от радости, и она тоже. И говорит он себе, что не бывало еще рыцаря счастливей его, ибо он любим самой прекрасной девушкой на свете.

Когда выпили они любовный напиток, о котором я вам поведал, Гувернал узнал сосуд и остолбенел и так опечалился, что хотел бы умереть. Ибо догадался он, что Тристан любит Изольду, а Изольда — Тристана, и понял, что в том повинен он сам и Бранжьена. Тогда зовет он Бранжьену и говорит ей, что они оплошали.

— Как это? — спрашивает она.

— Клянусь честью,— отвечает Гувернал,— мы поднесли Тристану и Изольде любовный напиток, и теперь они волей-неволей будут любить друг друга.

И показывает ей сосуд, в котором был напиток.

И, увидев, что так оно и есть, заплакала она и сказала:

— Что же мы наделали! Ничем, кроме беды, не может это обернуться!

— Беда уже пришла,— отвечает Гувернал,— и нам еще доведется увидеть, чем все это кончится.

Так сокрушаются Гувернал и Бранжьена, а Тристан и Изольда, вкусившие любовного напитка, пребывают в радости. Смотрит Тристан на Изольду и все сильней влюбляется в нее, так что не хочет ничего, кроме Изольды, а Изольда — ничего, кроме Тристана. И Тристан открывает ей свое сердце и говорит, что любит ее, как никого на свете. И она отвечает ему тем же.

Что вам здесь сказать? Видит Тристан, что Изольда готова исполнить его волю. Они наедине друг с другом, и нет им ни в чем ни помехи, ни препятствия. И делает он с ней все, что хочет, и лишает ее звания девственницы. Таким образом, как я вам рассказываю, влюбился Тристан в Изольду, да так сильно, что уж больше никогда не разлучался с ней и не любил и не знал других женщин. И из-за того напитка, что он выпил, пришлось ему вынести столько мук и тягот, сколько не выпадало на долю ни одного влюбленного рыцаря.

Гувернал спросил Бранжьену, что она думает о Тристане и Изольде. И та ему отвечает, что остались они наедине.

— И мнится мне, что Тристан лишил Изольду девственности: я видела, как они лежали рядом. Король Марк разгневается, когда узнает, что она не такова, какой должна быть, и велит казнить ее, а заодно и нас, ибо нам был поручен присмотр за ней.

— Не бойтесь,— молвит Гувернал,— я сумею отвести эту беду. И знайте, что не придется нам держать за нее ответ.

— Дай-то бог! — говорит Бранжьена.

А Тристан и Изольда ничего об этом не ведают; им весело и хорошо вдвоем, и любят они друг друга так, что не могли бы расстаться и на один день.

И так держат они путь прямо к Корнуэльсу. И давно бы уже его достигли, если бы не задержала их в пути буря.

БРАНЖЬЕНА ЗАМЕНЯЕТ ИЗОЛЬДУ

И дальше в нашей повести говорится, что, когда Тристан вышел в море и покинул Замок Слёз, он плыл до тех пор, пока не добрался до Тентажеля, где обитал король Марк. Королю донесли, что племянник его Тристан вернулся и привез Изольду.

Проведав о том, король так разгневался, что не захотел его видеть. И, однако, пришлось ему притвориться, будто он рад его приезду, и принять его как подобает. Бароны вышли из замка, отправились на берег и встретили Тристана с великим ликованием. И король Марк обнял Тристана и его сотоварищей.

Придя во дворец, Тристан взял Изольду за руку и молвил:

— Король Марк, примите Изольду, которую просили вы у меня в этом дворце. Вручаю ее вам.

— От всего сердца благодарю вас, Тристан,— отвечает тот.— Вы столько для меня сделали, что достойны всяческой похвалы.

И ради великой красоты, которой блистала Изольда, король провозгласил, что хочет на ней жениться. Тогда оповестил он всех своих баронов, чтобы явились они на празднество в Тентажель, ибо восхотел он взять Изольду в жены и сделать ее королевой Корнуэльса. И в тот день, когда король праздновал свою свадьбу, собрались отовсюду бароны, дамы и девицы. Велика была радость и безмерно ликование жителей Корнуэльса.

А Тристан призывает Гувернала и Бранжьену и молвит им:

— Что нам делать? Ведь вам ведомо, что произошло между Изольдой и мной. Если король увидит, что она потеряла девственность, он велит ее казнить. И если не надоумите вы меня, как того избежать, я убью короля, а потом покончу с собой.

Бранжьена отвечает, что постарается ему помочь, насколько хватит у нее сил.

А Гувернал говорит Бранжьене:

— Клянусь честью, тогда я скажу вам, что нужно сделать. Когда король отправится в опочивальню, погасите свечи и ложитесь рядом с ним, а Изольда пусть останется подле ложа. И когда король сделает с вами то, что будет ему угодно, вы покинете ложе, а Изольда займет ваше место.

И Бранжьена говорит, что исполнит все, что они пожелают, чтобы спасти их и свою госпожу. И был в замке великий праздник, как я уже вам говорил. А потом настала ночь, и король отправился в опочивальню. И когда он взошел на ложе, Тристан погасил свечи, и Бранжьена легла рядом с королем, а Изольда осталась подле ложа.

— Почему погасили вы свечи? — спрашивает король.

— Сир,— отвечает Тристан,— таков ирландский обычай, и мать Изольды приказала мне его соблюсти: когда мужчина ложится с девицей, должно гасить свечи.

Тут Тристан и Гувернал покинули опочивальню. И король познал Бранжьену и нашел ее девственной и потом лег с ней рядом. И она сошла с ложа, а Изольда заняла ее место. Наутро король поднялся, призвал Тристана и сказал ему:

— Тристан, вы сберегли для меня Изольду. Потому назначаю я вас своим спальником и управителем замка. И после моей смерти жалую вам Корнуэльс в ленное владение.

И Тристан его благодарит.

И король не догадался о подмене и ничего не заметил.

БРАНЖЬЕНА В ЛЕСУ

Король Марк любит Изольду великой любовью, а она не любит его, ибо всем сердцем предана Тристану. И обходится с ним ласково лишь затем, чтобы не заподозрил он ни ее, ни Тристана и чтобы скрыть от него их любовь.

И боится одной лишь Бранжьены, которая может ее выдать; и думает, что, будь Бранжьена мертва, некого ей было бы опасаться. И потому призывает она к себе двух рабов, привезенных из Ирландии, и приказывает им:

— Отведите Бранжьену в лес и убейте ее, ибо она повинна предо мной в том, что спала с королем.

И те отвечают, что исполнят ее повеление.

Тогда зовет она Бранжьену и молвит ей:

— Идите в лес с этими двумя слугами и наберите для меня целебных трав.

— Охотно, госпожа моя,— отвечает Бранжьена.

И отправилась она в лес вместе с двумя рабами. И когда зашли они в самую чащу, один из них говорит ей:

— Бранжьена, в чем провинились вы перед Изольдой, раз приказала она вас убить?

И поднимают они мечи на Бранжьену.

И, увидев это, устрашилась она и говорит им:

— Да поможет мне бог, господа мои! Никогда ни в чем не была я перед ней повинна, разве что в том, что, когда госпожа моя Изольда покидала Ирландию, был у нее цветок лилии, который должна была она вручить королю Марку, а у одной из ее служанок — другой такой же цветок. И госпожа моя потеряла свой цветок, и неласково принял бы ее король Марк, если бы та служанка не передала ей через меня свою лилию и тем спасла ее.

Вот за это доброе дело и хочет она меня казнить, ибо нет к тому иных причин. Не убивайте же меня ради милосердия божьего, а я обещаю вам и клянусь, что скроюсь в таком месте, где никогда больше не услышит обо мне ни моя госпожа, ни вы.

Рабы сжалились над ней и привязали ее к дереву, оставив вместе с дикими зверями, а сами окунули свои мечи в кровь собаки, что была с ними, и вернулись к Изольде.

И, увидев их, спросила она, убили ли они Бранжьену.

— Да, госпожа,— отвечают рабы.

— А что сказала она перед смертью? — спрашивает Изольда.

— Ничего, госпожа, кроме таких-то и таких-то слов.

И, услышав их речи, так опечалилась Изольда, что не знала, что ей делать. Отдала бы она теперь все на свете, чтобы вернуть к жизни Бранжьену. И молвит она рабам:

— Как гнетет меня ее смерть! Возвращайтесь в лес и принесите мне хотя бы ее тело.

И те вернулись, но не нашли Бранжьену.

ТРИСТАН ПОД ЛАВРОМ

Тристан видится с королевой Изольдой, когда может, но не часто ему это удается, ибо ее держат под строгим надзором. За ней без устали присматривает Одре; поклялся он королю Марку убить Тристана, если тот войдет к королеве; а Тристан не преминет это сделать. И король говорит, что ничего бы ему так не хотелось, как смерти Тристана. По тому, как смотрит Тристан на Изольду за трапезой и как она смотрит на него, догадывается король, что они безумно влюблены друг в друга. А они и впрямь так сгорают от любви и так преисполнены взаимного желания, как никогда. И король Марк приходит в такой гнев, что чуть не задыхается от злобы. Так люто ненавидит он Тристана, что не может больше его видеть; и охотно убил бы он его, если бы то было в его власти. Но не знает он, как ему это сделать, ибо Тристан слишком уж славный и доблестный рыцарь.

А Тристан пребывает в радости и веселье, ибо, как строго ни следят за Изольдой, ему все равно удается видеться с ней. Король догадывается об этом и оттого так скорбит, что желает собственной смерти. И если кто спросит у меня, где Тристан виделся с Изольдой, я ему отвечу, что встречались они в саду под башней, ибо сама эта башня так строго охранялась, что Тристану не удалось бы пробраться в нее без великих трудов и тягот.

Это был обширный и прекрасный сад с множеством деревьев разных пород. И росло среди них лавровое дерево, столь высокое

и густое, что во всем Корнуэльсе не сыскалось бы ему подобного. Под этим деревом была лужайка; на ней-то и встречались любовники, когда спускалась ночь и все в замке засыпало. Там беседовали они между собой и делали все, что им хотелось.

Одре, который давно о том подозревал и страстно желал смерти Тристана, заметил их раньше, чем кто другой. И проведал, что встречались они в саду под деревом, и пришел к королю, и доложил ему об этом. Король был весьма опечален такой вестью. И не знал, что ему делать, ибо не мог в открытую напасть на Тристана, зная его рыцарскую доблесть. Не мог он и удержать Изольду, ибо это было не в его власти. И, помолчав, Одре спросил его:

— Сир, как подобает нам поступить?

— Доверьте это дело мне, ибо я сам сумею довести его до конца и спасти свою честь.

И вот однажды вечером взобрался король Марк на лавровое дерево, вооружившись луком и стрелами, ибо замыслил он убить Тристана. Тристан пришел на свидание первым. Луна светила ярко, и потому он увидел и узнал короля, сидевшего на дереве. И когда в свой черед явилась Изольда, она тоже заметила короля. И обратилась к Тристану с такими словами:

— Мессир Тристан,— молвила Изольда,— что могу я для вас сделать? Ведь вы просили меня, чтобы пришла я с вами поговорить. И я дерзнула прийти, хотя вы знаете, что, если проведает о том король Марк, не миновать мне бесчестья, ибо подумает он, что пришла я сюда с недобрым умыслом. Давно уже злые языки Корнуэльса твердят ему, будто полюбила я вас безумной любовью и вы меня тоже. Правда, что я люблю вас и буду любить всю жизнь, как и пристало благородной даме любить славного рыцаря, то есть следуя заповедям божьим и дорожа супружеской честью. Видит бог, и вы знаете, что возлюбила я вас так, как заповедано господом, и что вовеки ни я не согрешала с вами, ни вы со мной.

— Госпожа моя,— отвечает Тристан,— истинны ваши слова; всегда вы осыпáли меня почестями (да возблагодарит вас за это господь!) и сделали мне больше добра, чем я того заслужил. И что же получили вы в награду за свою доброту? Злые и бесчестные люди принялись твердить моему дяде о том, чего я никогда не делал и не сделал бы даже за половину королевства Логрийского. Всеведущий и всезнающий господь свидетель, что я никогда и не помышлял полюбить вас безумной любовью и никогда о том не помыслю, если будет на то господня воля. Ибо как тогда покажусь я на глаза дяде своему, королю Марку?

— Поистине,— молвит она,— если бы полюбили вы меня столь безумной любовью, как мнится королю, должно было бы считать вас самым бесчестным рыцарем на свете.

— Справедливы ваши слова, госпожа моя; да хранит меня господь всевышний от таких дел и помыслов!

— Но скажите мне, Тристан, зачем попросили вы меня прийти сюда в столь поздний час?

— Госпожа моя,— отвечает он,— сейчас я вам все скажу. Когда покидали мы с дядей королевство Логрийское, дал он мне слово, что какая бы размолвка между нами ни приключилась, не станет он питать ко мне злобы и ненависти и навеки оставит все дурные помыслы. А теперь до меня дошло, что вновь ищет он моей смерти; потому-то и восхотел я попросить вас о встрече, как того велит бог и человеческое разумение. Если ведомо вам, что король и впрямь ненавидит меня столь лютой ненавистью, как о том идет молва, не скрывайте этого от меня. Тогда надлежит мне поостеречься и покинуть эту страну. Ибо лучше мне до конца дней моих не видеть Корнуэльса, чем нечаянно убить короля, моего дядю.

Обрадовалась королева, услышав эти речи, ибо догадалась по словам мессира Тристана, что и он заметил сидящего на дереве короля.

И тогда обратилась она к нему, как подобает, и молвила:

— Мессир Тристан, не знаю я, чем ответить на вашу просьбу. Вы мне говорите, что дошло до вас, будто король Марк изо всех сил жаждет вашей смерти. Но, поистине, ничего я о том не знаю. Если же и впрямь ненавидит он вас и желает вам зла, ничего в этом нет удивительного, ибо мало ли в Корнуэльсе подлых душ, которые завидуют вам, как лучшему рыцарю на свете, и ненавидят вас столь лютой ненавистью, что не говорят о вас ничего, кроме дурного; потому, мнится мне, король и возненавидел вас. Великий это грех и великая обида; и если бы знал он всю правду о вас и о вашей любви, как то знает господь бог и мы сами, возлюбил бы он вас, как ни одного рыцаря на свете, и меня, как ни одну женщину на земле. Но не знает он этого и потому ненавидит вас и меня тоже, хоть и не заслужили мы его ненависти; такова уж прихоть моего господина.

— Госпожа моя,— молвит мессир Тристан,— тяжко гнетет меня эта ненависть, особливо же потому, что я ее не заслужил.

— Поистине,— отвечает королева,— и на мне тоже лежит она тяжким бременем. Но раз уж ничего нельзя с этим поделать, надлежит мне ее претерпеть: такова королевская воля, такова моя судьба, предначертанная господом богом.

— Госпожа моя,— молвит Тристан,— раз вы говорите, что король ненавидит меня лютой ненавистью, уеду я из Корнуэльса в королевство Логрийское.

— Не уезжайте,— говорит королева,— побудьте здесь еще! Может статься, король взглянет на вас не так, как смотрел до сих пор, и сменит гнев на милость. Стыдно было бы вам столь поспешно покидать эту землю; ваши завистники решат, что вы уезжаете из страха и по недостатку мужества. А тем временем господь надоумит вас, как вам быть дальше.

— Госпожа моя,— говорит он,— встретимся ли мы еще?

— Клянусь честью,— отвечает она,— конечно.

Тут расстался Тристан с королевой и вернулся к себе, радуясь тому, что сумели они встретиться на глазах короля Марка. Ибо король уже не будет думать о них так плохо, как думал раньше; за королевой будут меньше следить, Тристана больше любить, а клеветникам меньше доверять.

Почему бы в один прекрасный день не увезти ему королеву Изольду из Корнуэльса? Она с радостью на это согласится. Так думает Тристан, и утешают его эти мысли.

А королева, расставшись с Тристаном, отправилась к себе в опочивальню и увидела там Бранжьену, которая ее поджидала. Все остальные служанки спали, ибо им ничего не было ведомо.

— Бранжьена! Бранжьена! — молвит Изольда.— Вы не знаете, что с нами произошло? Знайте же, что приключилось со мной этой ночью самое необычайное происшествие из тех, что когда-либо приключались с женщинами.

— Поведайте мне о нем, госпожа моя,— отвечает Бранжьена.

— Говорю вам,— молвит Изольда,— что король Марк решил подстеречь нас этой ночью. И удалось нам, благодарение богу, его заметить, и повели мы себя не так, как прежде, и заговорили на иной лад.

И рассказала ей Изольда, как им это удалось.

— И расстались мы с ним таким образом, что теперь король Марк не станет замышлять против нас ничего дурного, а обратит свой гнев против наветчиков. Вот увидите, что Одре не миновать опалы. Король Марк навеки лишит его своей благосклонности и возненавидит его всем своим сердцем. Прекрасный Тристан будет возвеличен, а Одре унижен. Да будет благословенна та ночь, в которую решил подстеречь нас король Марк, ибо благодаря ей долго мы будем пребывать в радости.

Велика радость, безмерно ликование королевы, Бранжьены и Тристана. Но вот приходит король.

И, услышав его шаги, ложится королева и притворяется спящей.

ОДРЕ В ОПАЛЕ

На следующий день король поднялся весьма рано и отправился к заутрене в свою часовню, а потом вернулся во дворец. И, увидев Одре, повел его в свои покои, и Одре тотчас спросил короля:

— Сир, что удалось вам разузнать о Тристане и Изольде?

— Мнится мне,— отвечает король,— что разузнал я о них всю правду, ибо видел их собственными глазами. А что до вас, то вы — самый бесчестный рыцарь и подлый обманщик во всем Корнуэльсе. Вы нашептывали мне и говорили, будто Тристан, мой племянник, бесчестит меня с моей женой: это оказалось величайшей ложью! Изольда приветлива и ласкова с Тристаном не потому, что любит его, а потому что так велит бог, учтивость и рыцарская доблесть, которой преисполнен мой племянник. И теперь, когда мне доподлинно известно все, что было между ними, возлюблю я еще сильнее Изольду и Тристана, моего племянника, а вас возненавижу за ваше коварство. Тристан — самый преданный рыцарь из всех, коих я знаю, и самый лучший на свете, как это всякому ведомо, а вы — бесчестнейший из всех рыцарей Корнуэльса! Вот почему говорю я вам и клянусь богом и своим рыцарским достоинством, что, не будь мы с вами связаны кровными узами, опозорил бы я вас перед всем светом и повелел бы глашатаям повсюду протрубить о вашем вероломстве, чтобы вы таким образом за него поплатились. Убирайтесь же прочь из моего замка и впредь сюда не показывайтесь!

Стоит ли спрашивать, как опечалился и огорчился Одре от этих слов? Король повелел ему удалиться, и он ушел, ибо не осмелился оставаться из страха перед королем.

Тем временем король велит позвать Тристана, и тот приходит веселый и довольный, ибо знает, что услышит новости, которые будут ему по сердцу. И король говорит ему перед лицом всех своих придворных и так громко, чтобы каждый мог его расслышать:

— Тристан, милый мой племянник, что мне вам сказать? Я и впрямь поверил, будто вы обманывали меня и хотели навлечь на меня бесчестье, посягнув на то, что мне дороже всего на свете. Но я испытал вашу верность и теперь доподлинно знаю, что вы мне преданы и дорожите моей честью и что лгали мне те, кто обвинял вас в вероломстве. Я разгневан на них, и гнев мой не пройдет вовеки, ибо по их наущению причинил я вам великую обиду, в чем раскаиваюсь теперь от всего сердца; столь славному рыцарю, как вы, никто не мог бы нанести большей обиды, чем я это сделал. И раз я в том повинен по малому разумению своему и греховности своей, то теперь прошу у вас за то прощения и хочу, чтобы вы сами сказали, чем загладить мне эту обиду.

Тристан отвечает на его слова и говорит:

— Раз признаете вы, сир, что обиды, которые случалось мне от вас терпеть, вы причиняли не по своей воле, а по наущению клеветников, что старались меня перед вами оболгать, я охотно прощаю их вам перед лицом всех добрых людей, которые здесь собрались, но лишь при том условии, что вы дадите мне свое королевское слово впредь не преследовать меня и не потерпите, чтобы кто-нибудь меня обижал.

И король дает ему свое твердое слово.

Так примирился король Марк с Тристаном, а Тристан с королем. И все добрые люди Корнуэльса возрадовались и возликовали. А клеветники смутились и приуныли, видя радость добрых людей. Тристан всем доволен, ибо может теперь видеть королеву в любой час, когда ему вздумается. И нет ему ни в чем ни помехи, ни препятствия. Он в почете и милости у короля Марка и королевы Изольды, и так боятся его все в Корнуэльсе, что делают все, что он ни прикажет. Клеветники умирают от зависти и досады; так они удручены, что не знают, что и делать. Одре пребывает в ссоре с королем и не осмеливается показаться при дворе, и король не хочет его вернуть. А Тристан и Изольда преисполнены радости. Все, что они делают, нравится королю. И так доверяет он Тристану, что ему одному поручает присмотр за Изольдой.

Ликуют и веселятся оба любовника, и все им благоприятствует. Вовеки не было на свете никого счастливей их. Поминая приключившиеся с ними горести и напасти, радуются они тому, что теперь могут быть вместе и делать все, что им вздумается. Великим счастьем было бы для них, если бы могли они всегда жить в такой радости и довольстве. Сам господь бог оставил бы свой рай ради такой жизни!

МЕСТЬ ОДРЕ

Одре, пылавший злобой к Тристану и королеве, только и помышлял о том, как бы застать их врасплох. И придумал он такую уловку: взял острые косы и разбросал их ночью у постели королевы. Если Тристан придет к Изольде, останется на нем такая отметина, по которой его можно будет уличить. Тристан и Одре охраняли спальню королевы. И Тристан не подозревал о том, что Одре приготовил ему эту ловушку. А король Марк был утомлен и спал в другом покое.

Ночью, увидев, что Одре задремал, Тристан тихонько поднялся, пошел к ложу королевы и, наступив на косу, поранил себе ногу. Кровь хлынула струей из широкой раны, но Тристан не за-

метил этого и лег рядом с королевой. А королева почувствовала, что простыни намокли, и поняла, что Тристан ранен.

— Ах, Тристан,— молвит она,— идите в свою постель, ибо мнится мне, что за нами следят.

Тристан удалился так осторожно, что Одре ничего не заметил, и перевязал свою рану. А королева, сойдя со своего ложа, в свой черед, наступила на косу и поранилась. И тогда закричала она:

— На помощь, на помощь! Бранжьена, я ранена!

Сбежались служанки, зажгли факелы и, увидев косы, сказали, что их разбросали после того, как она заснула.

— Тристан и Одре, хранители королевской опочивальни, неужто хотели вы погубить королеву? Позор королю, если не прикажет он вас казнить!

Тристан говорит, что ничего о том не знает, так же отвечает и Одре. Тут приходит король и спрашивает у Изольды, кто это сделал.

— Я не знаю, сир, но думаю, что Тристан или Одре решили меня погубить, и прошу вас отмстить за меня.

И король притворился, что обуял его гнев.

— Сир,— молвит Тристан,— вы говорите, что это сделал один из нас, но я вам отвечаю, что я в том не повинен; а если Одре станет утверждать, что и он не виноват, я вызову его на поединок и его смертью докажу свою правоту.

Когда король Марк увидел, что Тристан хочет расправиться с Одре, который действовал по его наущению, он сказал:

— Не подобает вам, Тристан, враждовать с Одре. Оставим распри и попробуем отыскать правду.

Так была совершена уловка с косами.

Изольда долго страдала от этой раны, и Одре приметил, что Тристан тоже ранен. И донес о том королю. Тогда король пуще прежнего возненавидел Тристана и приказал Одре захватить его врасплох вместе с королевой.

— И если удастся это сделать, я велю его казнить!

— Сир,— отвечает Одре,— я подскажу вам, как его уличить. Запретите ему входить в опочивальню королевы, и он мигом попадется...

Тогда король приказал, чтобы ночью никто, кроме дам и служанок, не смел входить в спальню королевы; тому, кого там застанут, не миновать смерти. Но Тристан решил проникнуть в опочивальню, несмотря на все запреты. А королева все уговаривает его поостеречься:

— Пока вы живы, король не посмеет причинить мне никакого вреда, ибо знает, что, если я умру, его дни тоже будут сочтены. И потому, милый друг мой, я заклинаю вас именем господним, чтобы вы поостереглись.

Но Тристан склонен подчиняться скорее любви, чем королю.

Одре, не желавший Тристану ничего, кроме зла, попросил рыцарей, которые тоже его ненавидели, чтобы явились они, как только он их позовет. И была там одна девица, по имени Базилида, которая некогда пыталась добиться любви Тристана; но он счел ее безумной и отверг; потому возненавидела она его лютой ненавистью. И вот говорит она Одре:

— Одре, Тристана не видно в покоях; значит, он не иначе как в саду. Стоит ему взобраться на такое-то и такое-то дерево и пролезть в такое-то и такое-то окно, как он окажется в опочивальне королевы.

— Я тоже так думаю,— отвечает Одре.— Знайте же, что, если он на это решится, мы его схватим.

— Посмотрим, как вам это удастся,— молвит она,— ибо, если он от вас ускользнет, не ждите милости от короля.

Ночью Одре провел в один из покоев, что выходил в сад, двадцать рыцарей, недругов Тристана. Сам он тоже был с ними и сказал им:

— Господа, дайте Тристану без опаски взойти на ложе королевы; когда он уснет, к вам придет служанка и оповестит вас. Смотрите только, чтобы он от вас не ускользнул!

— Не беспокойтесь,— отвечают те,— ему от нас не ускользнуть!

Луна светила ярко, и то было не на руку Тристану. Долго пробыл он в саду, пока наконец не убедился, что за ним не следят. На нем не было доспехов, он взял с собой только меч. И когда рассудил он, что все уже заснули, то взобрался на дерево и прыгнул в окно, так что подстерегавшие его заметили это. Тристан же их не видел. Он подошел к ложу королевы, обнаружил, что она спит, и разбудил ее; Изольда приняла его с великой радостью.

И когда Тристан был с королевой, подошла к нему Бранжьена и сказала:

— Поднимайтесь: двадцать рыцарей подстерегают вас в соседнем покое.

— Поистине, придется им об этом пожалеть! — отвечает Тристан.

— Ах, Тристан,— рыдает королева,— мнится мне, что не миновать вам смерти.

— Не бойтесь, госпожа моя, сумею я ее избежать, если будет на то воля господня!

Тут поднялся Тристан и прошел в тот покой, где притаились рыцари, готовые на него броситься. И ударил одного из них по голове, и убил насмерть, и ринулся на остальных, крича:

— Трусы! На свою погибель явились вы сюда. Не ждите от меня пощады!

И он ударил другого рыцаря и убил его. И когда увидели они это, объял их такой страх, что у многих попадали из рук мечи.

А Тристан ударил еще одного и отсек ему левую руку, и та упала наземь. А потом вернулся к себе в покои и рассказал своим сотоварищам, как попал в засаду и как из нее вырвался.

— Сир,— молвит Гувернал,— я боюсь за вас.

— Не бойтесь, господин мой,— отвечает Тристан.— Ибо ищущие моей смерти умрут раньше меня, если будет на то моя воля!

Так Тристан избежал гибели. Его сотоварищи ликуют, а друзья убитых печалятся великой печалью. И король, увидев мертвые тела, подумал, что Тристан был бы и впрямь доблестным рыцарем, если бы не совершил против него измены.

— Ах, Изольда,— говорит он,— не миновать тебе смерти! Но, потеряв тебя, я потеряю и свою честь!

Тут король Марк возвращается в свои покои и начинает оплакивать Тристана. И, призвав к себе Одре, спрашивает у него, как Тристан, на котором не было доспехов, мог ускользнуть от вооруженных рыцарей.

— Государь,— отвечает Одре,— это удалось ему благодаря его доблести, коей нет равных.

— Поистине,— молвит король,— надлежит, чтобы он был схвачен, и я поручаю это сделать вам.

— Сир,— отвечает тот,— я сделаю все, что в моих силах.

И мертвых рыцарей предали земле.

Тогда король идет к королеве и говорит ей:

— Госпожа моя, вы не стремились ни к чему, кроме моего позора и бесчестья. И красота ваша будет виной вашей смерти и смерти Тристана. Ибо он заслужил ее так же, как и вы.

Королева не проронила ни слова. И король вернулся в свои покои и повелел заточить королеву в башню, чтобы она не могла видеть Тристана. И пребывала она в такой печали, что хотела умереть.

ОПОЧИВАЛЬНЯ ИЗОЛЬДЫ

Тристану сообщили, что королева заключена в башню и что никто не может с ней видеться без разрешения короля. И он сокрушается и говорит себе, что вовеки больше не знать ему радости. И начинает сетовать и стенать:

— Увы, я мертв и опозорен, ибо потерял свою госпожу! Ах, Амур, отчего ты радуешь других, а мне даруешь одни мучения?

Так жестоко страдает Тристан, что не может ни есть, ни пить. И не хочет больше появляться при дворе, ибо не может встретиться там с Изольдой. И так он ослабел, что сотоварищи его боятся, как бы он не умер.

Когда король проведал о недуге Тристана, призвал он его к себе и принялся рыдать, говоря:

— Тристан, милый мой племянник, на свое горе отдали вы сердце любви, ибо ведомо мне, отчего вы умираете. Вовеки не будет для Корнуэльса большей утраты, чем ваша смерть.

— Сир,— отвечает Тристан,— невелика будет утрата, если умру я от любви: от нее умер Авессалом, от нее претерпели немало скорби Соломон и силач Самсон. Ахилл, что в ратном деле был искусней меня, пал жертвой любви, а кроме него — добрый рыцарь Фабий и мудрец Мерлин. И если умру я от любви, великой честью будет мне иметь в сотоварищах столь славных мужей. И когда я скончаюсь, тело мое не должно остаться в Корнуэльсе.

— Куда же его отвезти? — спрашивает король.

— Я хочу,— отвечает Тристан,— чтобы меня перенесли во дворец короля Артура, к знаменитому Круглому столу, ибо там обретается цвет рыцарства. Страстно я хотел стать одним из сотрапезников Круглого стола, но раз не удалось мне это при жизни, то пусть удастся хотя бы после смерти. Нет сомненья, что сотрапезники окажут мне эту честь и найдут для меня место за Столом, не столько из-за моей доблести, сколько из-за своей учтивости!

Потом он прибавил:

— Ах, Тристан, зачем явился ты на свет, если в жизни твоей не было ни единого счастливого дня, кроме того, когда убил ты Морхульта! И уж лучше было бы тебе умереть в тот самый день, ибо не страдал бы ты тогда от тех мук, от которых страдаешь теперь. Ах, смерть, приходи за Тристаном и положи конец его мукам!

И король Марк не в силах его больше слушать. Расстается он с ним и уходит. И повторяет про себя, что великим позором будет для него смерть Тристана.

И знайте, что Тристан томился без Изольды столь же сильно, как и она без него. И когда услышала она, что Тристан умирает, то объявила, что покончит с собой.

И сказала Бранжьене:

— Я придумала, как Тристан может пробраться ко мне. Пойдите к нему, переоденьте его в женское платье и приведите сюда, а на все расспросы отвечайте, что это девушка из Ирландии, у которой есть ко мне дело.

— Охотно, госпожа моя,— отвечает Бранжьена.

Отправляется она в дом Тристана, приветствует его от имени своей госпожи и просит прийти к ней, переодевшись в женское платье. Услышав эту весть, так обрадовался Тристан, что позабыл про свои горести и муки; целует он Бранжьену, и обнимает ее, и восклицает:

— Бранжьена, вам вручаю я Тристана целым и невредимым; верните же его в целости и сохранности!

— Охотно, сир,— отвечает Бранжьена.

И Тристан отправился с Бранжьеной, переодевшись в женский наряд. Но под плащом был у него спрятан меч. И прошли они мимо короля, и тот не узнал Тристана.

Так дошли они до башни, в которой была опочивальня королевы, вошли в нее и заперли за собой дверь.

Велика была радость королевы при виде Тристана. И оставался он у нее три дня. А на четвертый Базилида увидела его спящим в опочивальне и не осмелилась будить, боясь, как бы он ее не убил. И сказала она Одре:

— Милый друг, Тристан наверху, он спит. Посмотрим, что вы сумеете с ним сделать!

— Клянусь головой,— отвечает Одре,— не уйти ему отсюда без великого позора!

ПРЫЖОК ТРИСТАНА

Тут Одре идет к недругам Тристана и говорит с ними, и те отвечают, что готовы ему помочь. И, условившись с ними, Одре просит девицу оповестить его, когда наступит подходящее время.

И вот пятьдесят рыцарей во главе с Одре идут к башне и входят в дверь.

Девица бежит к Одре:

— Поторопитесь, сир,— говорит она,— ибо Тристан спит с королевой.

— Господа,— молвит Одре,— раз он спит, не вырваться ему больше от нас.

Тут зажигают они толстые восковые свечи и подходят к королевскому ложу. И видят, что Тристан спит на нем в одной рубашке. И один из рыцарей спрашивает Одре:

— Не убить ли мне его, пока он спит?

— Нет,— отвечает тот,— король приказал взять его живым.

Тут они набросились на него и связали по рукам и ногам, говоря:

— Теперь вам от нас не уйти. Вас ждет позор, а королеву — погибель.

Когда Тристан увидел, что он предан и схвачен, опечалился он великой печалью. А рыцари говорят ему, что наутро отведут к королю и его и Изольду. И плачет Изольда столь горькими слезами, что Тристан приходит в несказанный гнев.

Наутро Одре явился к королю и молвил ему:

— Сир, мы взяли Тристана вместе с Изольдой.

— Как это вам удалось?

Одре обо всем ему рассказал.

— Клянусь именем господним,— воскликнул король,— позор на мою голову. Да не носить мне больше короны, если не смою я его! Ступайте и приведите их ко мне!

Так и было сделано.

Когда четверо сотоварищей Тристана о том проведали, пришли они к Гуверналу и принесли ему вести о Тристане. И был он тем весьма опечален. И условились они устроить засаду в зарослях возле того места, где свершались казни над преступниками. Если приведут туда Тристана, они спасут его или погибнут сами. И вот вооружились они и засели в засаде вместе с Гуверналом.

А Тристан и Изольда предстали перед королем.

— Тристан,— молвит король,— я окружил тебя почетом, а ты отплатил мне за него бесчестьем. И никто теперь не попрекнет меня, если я предам тебя позорной казни. На этот раз ты у меня в руках, и никогда больше не удастся тебе причинить зло ни мне, ни другим.

И король повелел, чтобы на морском берегу сложили костер и сожгли на нем Тристана и Изольду.

— Ах, сир,— говорят ему корнуэльские бароны,— отмстите королеве не костром, а худшим наказанием. Отдайте ее прокаженным. С ними испытает она больше мук, чем на костре; а Тристана пусть сожгут одного.

И король объявил, что согласен с ними.

Костер был сложен неподалеку от того места, где притаились четверо сотоварищей. Король приказал Одре сжечь Тристана, а королеву отдать прокаженным, и тот ему ответил, что охотно это сделает. И Одре вручил Тристана десяти негодяям, а Изольду — десяти другим.

Но, увидев, как уводят Тристана и Изольду, король так опечалился, что не мог на них смотреть, и ушел к себе в опочивальню, чтобы выплакать свое горе. И сказал себе так:

— Я гнуснейший и подлейший из королей, ибо отдал на смерть племянника моего Тристана, с которым никто на свете не мог сравниться в доблести, и жену мою Изольду, с которой никто на свете не мог сравниться в красоте.

И проклял он Одре и прочих наветчиков, ибо пожалел, что отдал Изольду прокаженным: лучше бы уж принадлежала она ему самому.

Так сокрушался король.

А Тристана и Изольду влекут к костру. И народ, видя, что Тристан идет на смерть, кричит:

— Ах, Тристан, если бы вспомнил король, сколько мук испытал ты, убив Морхульта и вернув свободу Корнуэльсу, не посылал бы он тебя на смерть, а приблизил к себе и окружил почетом!

И Тристана довели до старой церкви, что стояла на морском берегу. Посмотрел он на нее и подумал, что бог надоумил бы его, как спастись, если бы удалось ему в нее попасть. Тут изловчился он, порвал путы и веревки, которыми был связан, бросился на одного из негодяев, что его вели, выхватил у него меч и отсек ему голову. Увидев, что Тристан освободился от пут и что в руках у него меч, остальные не посмели на него напасть; разбежались они и оставили его одного. А Тристан устремился к церкви и, выглянув в окно, что выходило на море, увидел с высоты сорока туазов, как разбивались о скалу волны. И подумал, что нет ему спасения от подлых корнуэльских рыцарей и что лучше уж броситься ему в море на их глазах, чем снова попасть в их руки.

И Одре, подоспевший к церкви вместе с двадцатью рыцарями, крикнул:

— Ах, Тристан, никуда вам теперь не деться, вы в наших руках!

— Если я и умру,— отвечает Тристан,— то не от руки такого труса, как вы! Лучше уж мне потонуть в море.

Тогда они ринулись на него с обнаженными мечами. И Тристан ударил одного из них и убил насмерть. Но остальные набросились на него со всех сторон.

И понял Тристан, что не выстоять ему против них, ибо он почти наг, а они в доспехах. И прыгнул он из окна церкви в море. И видевшие это решили, что он утонул.

И прыжок этот может быть назван «Прыжком Тристана».

ЛОГОВО ПРОКАЖЕННЫХ

А Изольду ведут в логово прокаженных. И молит она Одре:

— Заклинаю вас господом богом: убейте меня, прежде чем отдать столь подлому люду. Или дайте мне свой меч, и я сама убью себя!

Но прокаженные хватают Изольду и волокут за собой. А Одре уходит. И случилось там быть одной из служанок королевы. Уви-

дев, что госпожа ее отдана прокаженным, испугалась она и бросилась прямо к тем зарослям, где скрывались Гувернал и четверо его сотоварищей. И, увидев ее, Гувернал сказал:

— Не бойтесь нас!

Узнав Гувернала, успокоилась девица и принялась его умолять:

— Ах, Гувернал, госпожа моя отдана прокаженным. Спасите ее, ради бога!

— А нет ли у вас,— спрашивает тот,— каких-нибудь вестей о Тристане?

— Никаких.

Когда четверо сотоварищей проведали о том, что сталось с Изольдой, сказали они Гувернлу:

— Поспешим на помощь королеве!

— Охотно,— отвечает Гувернал.

И говорит девушке:

— Ведите меня туда, где оставили вы королеву.

И девушка привела их к тому месту, где была королева. Тут Гувернал отбил ее у прокаженных, усадил перед собой в седло и отвез к зарослям.

— Госпожа,— вопрошают ее сотоварищи,— нет ли у вас вестей о Тристане?

— Я видела,— отвечает она,— как вошел он в старую церковь и бросился из окна в море. И мнится мне, что он утонул.

При этих словах объяла их великая печаль.

— Клянусь господом,— говорит Гувернал,— нужно нам попытаться отыскать его тело, и если это удастся, отвезем мы его во дворец короля Артура к знаменитому Круглому столу. Ибо не раз просил он меня отвезти туда его тело, если он умрет.

И те говорят, что охотно это сделают.

— Я скажу вам,— молвит Гувернал,— что нам нужно предпринять. Ламберг и Дриан пусть останутся здесь охранять королеву. А я сам с Фергюсом и Никораном поеду к часовне искать Тристана.

И все с ним согласились.

Трое отправились к часовне, а двое остались с королевой Изольдой.

Зайдя в часовню, выглянули они в то окно, из которого выпрыгнул Тристан, увидели крутизну и дивно глубокое море и решили, что невозможно остаться в живых тому, кто совершил такой прыжок. Но тут заметили Тристана, который стоял на небольшой скале, держа в руке меч, отнятый у одного из негодяев.

— Клянусь именем господним,— говорит Фергюс,— я вижу Тристана, он цел и невредим.

— Клянусь головой,— вторит ему Никоран,— и я тоже. Как же нам его оттуда вызволить? Нам к нему не спуститься, а он может добраться до нас разве что вплавь.

Тогда Фергюс крикнул ему:

— Сир, как нам до вас добраться?

Увидев их, обрадовался Тристан и сделал им знак, чтобы шли они вправо, к скале. А сам бросился в море и поплыл к своим сотоварищам. И те спустились к берегу, обняли Тристана и принялись расспрашивать, как он себя чувствует.

— Слава богу,— отвечает он,— хорошо. Но скажите мне, есть ли у вас вести об Изольде?

— Не сомневайтесь, сир, мы вручим ее вам целой и невредимой.

— Если это так, не о чем мне больше беспокоиться,— заключает Тристан.

Тут вскочил он на лошадь Гувернала, а тот сел за спину одного из своих сотоварищей. И так ехали они до тех пор, пока не достигли того места, где Изольда сокрушалась о Тристане, ибо думала, что он погиб. И, увидев его, обрадовалась она так, что невозможно описать.

И спрашивает королева Тристана, здоров ли он и хорошо ли себя чувствует.

— Да, благодарение богу,— отвечает Тристан,— ибо и вас вижу я невредимой и в добром здравии. И потому ничто уж не может больше меня обеспокоить. И раз сам бог нас соединил, мы будем вовеки неразлучны.

— По сердцу мне ваши слова,— отвечает Изольда,— ибо лучше жить с вами в бедности, чем без вас в богатстве.

И радуются они тому, что господь помог им встретиться.

Так избежали гибели Тристан и Изольда.

ЛЕС МОРУА

— Скажите мне,— молвит Тристан своим сотоварищам,— где бы нам сегодня заночевать?

— Неподалеку отсюда,— отвечают они,— есть хижина лесника. Если удастся нам до нее добраться, он охотно нас приютит.

— Правда ваша,— говорит Тристан,— я ведь и сам знаю эту хижину.

Сели они на коней и добрались до хижины лесника, который принял их с великим радушием. И, узнав Тристана, от которого видел он много добра, возрадовался лесник и молвит ему:

— Сир, располагайте мной и всем, что у меня есть, как вам будет угодно. Я готов охранять вас ото всех, кто замышляет вашу гибель.

— Не беспокойтесь об этом,— молвит в ответ Тристан,— им придется еще раскаяться в своих помыслах. И знайте, что не покину я этого места, не отомстив за себя.

Были они в ту ночь окружены всяческим почетом и уважением. И лесник подарил Тристану одежду, а Изольде — платья и коня, за что Тристан остался ему весьма благодарен.

И знайте, что лес, в который они заехали, назывался лес Моруа, и был это самый большой лес в Корнуэльсе. И, пробыв там столько, сколько было угодно Тристану, простились они с лесником и уехали.

Тристан задумался, сидя в седле. И, поразмыслив хорошенько, молвит он королеве Изольде:

— Госпожа моя, что нам теперь делать? Если отвезу я вас в королевство Логрийское, то прослыву предателем, а вы — изменницей, а если мы отправимся в королевство Лоонуа, заслужу упреки за то, что отнял жену у собственного дяди.

— Тристан,— отвечает Изольда,— поступайте так, как вам заблагорассудится, ибо я сделаю все, что вам будет угодно.

— Госпожа моя,— говорит Тристан,— сейчас я скажу вам, как мы поступим. Есть неподалеку отсюда замок, именуемый Замком Премудрой Девы; и если поселимся мы там вместе с Губерналом и вашей служанкой, нечего нам будет опасаться, что кто-нибудь похитит наше счастье. И как это господь не надоумил нас поселиться там еще год или два назад?

— Ах, Тристан, как же мы будем жить в такой глуши, не видя никого: ни рыцаря, ни дамы, ни девицы!

— Поистине,— отвечает Тристан,— когда вижу я вас, нет мне нужды ни в дамах, ни в девицах и ни в ком другом, кроме вас. Ибо ради вас хочу я оставить свет и поселиться в лесу.

— Сир,— молвит Изольда,— я исполню вашу волю.

Тристан, Губернал, Изольда и ее служанка ехали до тех пор, пока не добрались до замка, о котором шла речь. Это был великолепный замок, построенный одним корнуэльским рыцарем для девицы, которую он любил; и жили они в нем до самой смерти. И девица эта была весьма сведуща в колдовстве. Когда приезжали к ним в гости их друзья, не видели они ни замка, ни их самих, а могли только с ними разговаривать.

И когда прибыли туда Тристан и Изольда, он спросил у нее, нравится ли ей это место.

— Поистине,— отвечает Изольда,— оно прекрасно. Хотелось бы мне, чтобы вовеки мы его не покидали!

— Да, госпожа моя,— молвит Тристан,— оно прекрасно; здесь бьют источники и водится немало дичи. И Гувернал позаботится, чтобы не было у нас недостатка ни в чем остальном.

Так поселился Тристан в лесу Моруа вместе с Гуверналом, Изольдой и ее служанкой, которую звали Ламида. И сказал он однажды Гуверналу, что, будь при нем его конь Быстроног и пес Острозуб, ничего ему больше не было бы нужно.

— Клянусь именем господним,— отвечает ему Гувернал,— я отправлюсь к королю Марку и скажу ему, чтобы он их вам прислал.

Сел он на коня и ехал до тех пор, пока не добрался до Норхольта, где встретил короля Марка, который был сильно разгневан тем, что Тристан и Изольда от него ускользнули. Ибо весьма опасался он Тристана, и его бароны тоже: ведь им было известно, что, попадись кто-нибудь из них в его руки, не миновать ему смерти.

Представ перед королем, Гувернал сказал ему, не удостоив его поклоном:

— Король Марк, Тристан просит, чтобы ты прислал ему его коня Быстронога и пса Острозуба.

— Охотно,— ответил король.

И велел отдать их ему. И спросил его, где живет Тристан, но Гувернал ответил, что не скажет ему этого.

Тут расстался Гувернал с королем, и пустился в путь, и ехал до тех пор, пока не вернулся к господину своему Тристану. И, увидев его, обрадовался Тристан великой радостью.

И с тех пор стал что ни день ездить на охоту и травить зверя. И были его утехами охота и общество Изольды, и так вел он свою жизнь, не вспоминая о прошлом. Тогда-то и приучил Тристан своего пса гнать дичь, не подавая голоса, чтобы не привлечь внимания королевских лазутчиков.

Король Марк знал, что Тристан живет в лесу Моруа, но не знал, где именно. И потому не осмеливался показываться в этом лесу, не взяв с собой охрану хотя бы в двадцать вооруженных рыцарей. Случилось ему однажды проезжать через лес Моруа в окружении большой свиты, и объявил он, что умрет, если не отыщет Изольду, и что готов лишиться половины своего королевства, только бы снова быть с нею вместе и не разлучаться вовеки. И повстречались ему у ручья четверо пастушков, и спросил он у них, не знают ли они человека, что живет в этом лесу и ездит на крупном рыжем коне. И дети безо всякого злого умысла ответили ему:

— Уж не Тристана ли, племянника короля Марка, вы ищете?

— Да,— молвит он.

— Он живет в Замке Премудрой Девы,— говорят они ему,— а с ним вместе дама, служанка и конюший.

Король спросил у своих людей, слышал ли кто-нибудь из них об этом замке.

— Да, сир,— отвечают они.

— Так поспешим туда,— говорит король.

И вот отправились они в замок, где, как на грех, не было в ту пору ни Тристана, ни Гувернала. И король приказал своим людям войти туда и привести ему Изольду, а Тристана, если он посмеет ее защищать, убить. Они вошли в замок и увидели, что там нет никого, кроме Изольды и служанки, схватили их и привели к королю. И королева Изольда кричала:

— Ах, Тристан, на помощь, на помощь!

— Тристан вам больше не поможет!

И они отдали ее королю.

И, получив ее, король сказал:

— Поедемте же отсюда: ведь теперь я добился того, чего желал. А Тристан пусть поищет себе другую Изольду, ибо этой не видать ему вовеки.

Тут пустились они в обратный путь и ехали до тех пор, пока не добрались до Норхольта.

Король приказал облачить Изольду в самые лучшие наряды, какие только у него были, и заключил ее в башню. И всячески ублажал и ласкал ее, но все без толку: подари он ей хоть весь белый свет, не в радость был бы ей этот подарок без Тристана. Тогда приказал король объявить по всему Корнуэльсу, что тому, кто доставит ему Тристана живым или мертвым, он пожалует лучший город в королевстве. И, услышав тот клич, стали собираться корнуэльцы, где по двадцать человек, где по тридцать, а где и по сорок, чтобы сообща отправиться на поиски Тристана. И ободряли себя тем, что нет с ним никого, кроме Гувернала.

Тристан проведал о том, что они его ищут, и охотно вышел бы сам им навстречу, если бы был здоров. Но в тот день, когда потерял он Изольду, случилось ему задремать под изгородью, и не было с ним Гувернала. Мимо проходил королевский слуга, вооруженный луком и стрелами. И когда заметил он Тристана и узнал его, то сказал себе:

— Тристан, ты убил моего отца, и теперь я отомщу тебе за него.

Но потом подумал, что было бы вероломством убить Тристана во сне. И решил он разбудить его и, когда тот проснется, пустить в него одну за другой несколько стрел. И воскликнул слуга:

— Тристан, готовьтесь к смерти!

Услышав его слова, пробудился Тристан и вскочил на ноги. Но не успел он подняться, как тот всадил в него отравленную стрелу. Тогда Тристан бросился на него, поймал и так жестоко

хватил головой о скалу, что у того треснул череп. А Тристан вытащил стрелу из плеча, думая, что не причинила она ему никакого вреда. Но не успел сделать и нескольких шагов, как увидел, что плечо его вздулось, и понял, что стрела была отравлена, но и тут не стал горевать, ибо знал, что Изольда сумеет быстро залечить его рану. Вернулся он к Гуверналу, туда, где его оставил, и рассказал ему, что с ним случилось. Сели они на коней и поехали к своему замку. Но, войдя в него, увидели, что там никого нет.

— О боже,— воскликнул Тристан,— я потерял Изольду! Ее увез король, в том нет сомненья. Я хочу умереть, ибо вовеки больше не видеть мне радости!

Ищут они Изольду повсюду, но не могут ее отыскать и потому сильно печалятся. И Тристан сокрушается и говорит, что покончил бы с собой, если бы не сочли его за это малодушным; ибо заслужил он смерть, оставив Изольду одну и без защиты.

Как томительна была для них эта ночь! А на следующее утро, едва рассвело, Тристан взглянул на свое плечо и увидел, что стало оно толще бедра, и оттого нашел на него страх.

— Сир,— молвит ему Гуверпал,— вам грозит смертельная опасность, если вы останетесь без подмоги.

— Конечно,— отвечает Тристан,— но не знаю я, у кого мне искать подмоги, ибо утратил я Изольду.

— Клянусь именем господним! — восклицает Гуверпал.— Если будет на то ваша воля, я поеду и поговорю с ней.

— Отправляйтесь,— молвит Тристан,— а я провожу вас до края леса.

Сели они на коней и ехали до тех пор, пока не добрались до опушки; там повстречалась им служанка Изольды, приходившаяся родственницей Бранжьене. Тристан поздоровался с ней, и, узнав его, залилась она слезами. А Тристан спросил, нет ли у нее новостей об Изольде. И девица ответила, что король заточил ее в ту башню, где она томилась раньше, и что никому не дозволено ее видеть.

— О боже,— молвит Тристан,— чем же мне ей помочь? Вы видите, что я ранен и мне самому впору искать подмоги.

— Не знаю, сир, чем вам помочь, ибо нет с вами Изольды. Но если бы удалось вам переговорить с Бранжьеной, она бы вас надоумила, как вам быть.

— Спасибо на добром слове,— говорит Тристан.

Тут рассталась с ним девица и вернулась во дворец, где поведала Бранжьене, что Тристан хочет ее видеть. Выслушав ее, Бранжьена села на коня, покинула дворец и приехала к Тристану. И встретил он ее с великой радостью.

И, увидев, что Тристан получил столь тяжкую рану, молвит ему Бранжьена:

— Ах, сир, вас ждет смерть, если только кто вам не поможет. Но не от кого здесь ждать вам подмоги, ибо потеряли вы свою госпожу.

— О боже,— говорит Тристан,— значит, придется мне умереть из-за такой пустяковой раны.

— Нет,— отвечает Бранжьена,— я скажу, что вам нужно сделать. Отправляйтесь в Бретань, во дворец короля Хоэля, у которого есть дочь по имени Белорукая Изольда; она так сведуща во врачебном искусстве, что непременно вас излечит.

Услышав это имя, Тристан исполнился радости, и показалось ему, что он уже выздоровел.

— Я отправлюсь туда,— говорит он,— раз вы мне это советуете. А вас я прошу передать привет моей госпоже и сказать ей, что посылает его Тристан Недужный.

И расстались они в великой печали.

Тристан сел на коня и ехал до тех пор, пока не добрался до Бретани, где стоял замок, называемый Хабуг. Там отыскал он короля Хоэля, а тот в то время приказывал запереть ворота замка, ибо один из его соседей, по имени Агриппа, пошел на него войной. Тристан встречает короля у ворот и приветствует его, а тот отдает ему приветствие. И спрашивает у него, кто он таков.

— Сир,— молвит в ответ Тристан,— я чужеземный рыцарь, страдающий от тяжкой раны, и дошло до меня, что есть у вас дочь, которая может быстро меня исцелить, если будет на то ее воля.

Король оглядел Тристана и увидел, что тот ладно скроен и был бы на диво пригож, если бы не томил его недуг. И подумал, что славный из него выйдет воин, когда удастся ему излечиться. И молвит он Тристану:

— Хоть и не знаю я, сир, кто вы такой, но все же охотно прикажу своей дочери о вас позаботиться и попрошу ее, чтобы постаралась она вас излечить.

— От всего сердца благодарю вас, сир,— отвечает Тристан.

Король зовет Изольду и говорит ей:

— Дочь моя, этот чужеземный рыцарь страдает от тяжкой раны; позаботьтесь же о нем, как позаботились бы обо мне самом.

— Охотно исполню вашу просьбу, сир,— молвит она в ответ.

Тут берет она Тристана и ведет к себе в покои. Там осмотрела она его плечо и увидела, что оно поражено ядом:

— Но не бойтесь, сир, ибо за малое время сумею я вас исцелить, если будет на то господня воля.

Тут принесла она подобающие снадобья и приложила их к ране. И Тристан стал быстро поправляться, и выздоровел, и обрел прежнюю силу и красоту.

И засмотрелся он на эту Изольду, и влюбился в нее, и подумал, что если бы мог он на ней жениться, то забыл бы ради нее другую Изольду. И мнится ему, что может он оставить другую Изольду по многим причинам, и прежде всего потому, что она ему принадлежала вопреки закону и рассудку: кто, проведав об этом, не счел бы его изменником и злодеем? И решил он, что лучше всего будет ему взять эту Изольду и оставить ту.

А эта Изольда, ни о чем не подозревая, ухаживала за ним так старательно, что он выздоровел. И когда увидел он, что может носить оружие, то возрадовался, возвеселился и возликовал. И все смотревшие на него говорили:

— Не будь он добрым рыцарем, можно было бы подумать, что ненавидит он свое прекрасное тело.

Ибо Тристан был так пригож и прекрасен, что Изольда, еще не знавшая, что такое любовь, была от него без ума и ни о ком, кроме него, не помышляла.

У этой Изольды был брат, добрый рыцарь, доблестный и могучий, и звали его Каэрдэн. Славнее его не сыскалось бы рыцаря во всей Бретани. Он-то и вел войну с Агриппой, помогая своему отцу; без него давно бы проиграли они эту войну.

Когда Тристан выздоровел, король Хоэль выступил против графа Агриппы, но был разбит и потерял немало своих воинов и рыцарей. Сам Каэрдэн был ранен, и когда принесли его в замок на щите, многие решили, что он убит. Тогда король приказал запереть городские ворота. А Изольда, узнав, что ее брат ранен, приложила все старания, чтобы его излечить. Граф Агриппа осадил город и выстроил перед ним десять полков, по пятьсот человек в каждом. Два первых полка расположились у самого города, а восемь других — неподалеку в лесу. И горожане заперли ворота и поднялись на крепостные стены, изготовившись к защите.

Тут король приходит к своему сыну и принимается рыдать:

— Ах, сын мой, если бы граф не проведал, что вы ранены, не решился бы он на осаду. Милый сынок, пока вы живы, жива и моя надежда на победу, но если вы умрете, вместе с вами потеряю я и свои земли!

И, увидев, как сокрушается король, молвит ему Гуверпал:

— Ах, король, не теряй мужества, ибо сам господь посылает тебе подмогу. Ведь у тебя в замке живет славнейший рыцарь на свете.

— Неужто? — восклицает король.— Я и не знал, что есть в моей земле столь же славный рыцарь, как сын мой Каэрдэн.

— Клянусь честью,— отвечает ему Гувернал,— тот, о ком я говорю, вдвое отважней вашего сына.

— Так скажите мне, ради бога,— вопрошает король,— кто он такой?

— Я скажу вам это,— отвечает Гувернал,— но держите мои слова при себе, ибо не велено мне о том говорить.

— Клянусь вам,— молвит король,— что буду держать их при себе.

— Так вот,— говорит Гувернал,— рыцарь этот — мой господин. Не могу я открыть его имени, но говорю вам, что поистине он лучший рыцарь на свете; и если бы вышел он из ворот с небольшим отрядом, то мигом разбил бы всех осаждающих.

— Слава богу,— молвит король,— что приютил я у себя такого рыцаря! Непременно попрошу у него помощи.

— Вы о том не пожалеете, сир,— говорит Гувернал.

Тогда король Хоэль спросил, где чужеземный рыцарь. И ему ответили, что он на городской стене.

— Приведите его ко мне поскорей,— приказал король.

И за ним отправились.

А Тристан смотрел на жителей города, которые не осмеливались показаться за ворота, и закипала в нем ярость.

«Господи боже,— думал он,— давненько же я не брался за оружие. Я терял время в любви к Изольде, а Изольда — в любви ко мне. Ах, Ланселот Озерный, будь вы здесь, уж вы бы непременно вышли за ворота! Ведь вам случалось совершать и не такие подвиги, когда вы сражались с воинами Галеота и повергли их к стопам короля Артура...»

Тут спустился он со стены другим путем, так что разминулись с ним те, кто его искал. И, придя к себе в опочивальню, позвал Гувернала и говорит ему:

— Подайте мне мои доспехи! Покажу я тем, кто собрался за стенами, как надо владеть копьем и мечом!

Гувернал приносит ему доспехи, и Тристан садится на коня.

А Гувернал спешит к королю Хоэлю и молвит ему:

— Сир, прикажите вашим людям взяться за оружие, ибо господин мой хочет выйти за ворота, но не желает, чтобы кто-нибудь об этом проведал.

— Клянусь головой,— отвечает король,— не останется он без подмоги!

И приказал он трубить в трубы и букцины и призывать горожан к оружию. И, услышав этот призыв, собрались перед дворцом все, кто мог носить оружие. Король выстроил их в ряды и велел открыть ворота.

А Тристан, который уже выехал из города, опустил копье, налетел на племянника Агриппы, звавшегося Альгином, и нанес ему столь жестокий удар, что пронзил его насквозь. А потом заметил подъезжавших вражеских рыцарей и ринулся на них, как волк на стадо овец. И принялся всадников и лошадей рубить, шлемы с голов сбивать, щиты из рук вырывать и так в том преуспел, что все только диву давались и воззвали к королю:

— Во имя господа, спешите на подмогу столь доброму рыцарю и не дайте ему погибнуть!

Тогда вышел король со своим войском и направил его на противника. Но как луна блещет среди звезд, так блистал среди остальных рыцарей Тристан. Ибо сумел он в одиночку сбить спесь с графа Агриппы и столько подвигов совершил, сколько от него и не ждали. Обратил он в бегство людей графа, и набросился на них, и великое множество из них истребил, как волк истребляет овец.

Король Хоэль следовал за Тристаном, чтобы подивиться чудесам, которые тот совершал. И спросил он у одного из своих приближенных:

— Как по-вашему, кто этот чужеземный рыцарь?

— Клянусь честью, сир, никогда еще не было видано на этой земле столь доблестного бойца. Мнится мне, что это Ланселот Озерный, о котором идет молва на весь свет.

Тут поднялись великие вопли и крики, ибо один из родичей короля Хоэля только что сразил графа Агриппу. И когда его люди увидели, что он мертв, бросились они врассыпную и были вконец разгромлены с помощью Тристана.

Так король Хоэль вернул себе утраченные земли и победил всех своих врагов.

РЫЦАРЬ КАЭРДЭН

После той победы всем захотелось узнать, кто же этот рыцарь и как его зовут. И когда Белорукая Изольда услышала, как все вокруг воздают ему хвалы, полюбила она его во сто крат сильнее, чем прежде. Ибо вскружилась у нее голова, оттого что охотно проводил он с ней время, и решила она, что он в нее влюбился. А Тристан бывал с ней лишь из-за ее красоты и ради ее имени.

Случилось однажды королю Хоэлю сидеть за столом во время трапезы, и заметил он, что Тристан настроен как нельзя благодушней. И спросил его:

— Если будет на то ваша воля, откройте мне ваше имя, ибо весь здешний люд весьма хочет его узнать.

Улыбнулся Тристан и ответил:

— Я сирый и безвестный человек родом из Лоонуа, а зовут меня Тристаном.

Каэрдэн, который к тому времени выздоровел, весьма почитал Тристана за его рыцарскую доблесть. И вот ехали однажды Тристан и Каэрдэн стремя в стремя. И так крепко задумался Тристан о королеве Изольде, что не знал и сам, спит он или бодрствует. Каэрдэн это заметил, но поостерегся его тревожить. А тот замечтался так сильно, что испустил глубокий вздох и воскликнул:

— Ах, погубила ты меня, прекрасная Изольда!

И без чувств свалился с седла наземь.

И когда пришел он в себя, подобно человеку, пробудившемуся ото сна, стало ему стыдно перед Каэрдэном. И молвит ему Каэрдэн:

— Кто много думает, тому не мудрено потерять рассудок.

— Истинны ваши слова,— отвечает Тристан,— но диво ли заговориться тому, над кем властвует его собственное сердце?

— Сир,— продолжает Каэрдэн,— я видел, что задумались вы пуще меры, и мнится мне, что причиной тому какая-нибудь дама или девица. И если соблаговолите вы открыть мне эту причину, обещаю я вам помочь, насколько хватит у меня сил, и даже жизни своей не пожалею, чтобы исполнить вашу волю!

— Хорошо,— отвечает Тристан,— я вам ее открою. Я так влюблен в Изольду, что чахну и умираю от любви, как вы сами это видели. И не будь ее на белом свете, давно не было бы на земле и меня. Ах, как был бы я счастлив, если бы смогли вы соединить меня с ней!

Возликовал Каэрдэн, услышав эти слова, ибо подумалось ему, что Тристан говорит о его сестре Изольде: ведь о другой Изольде он ничего не знал. Было бы ему по сердцу, если бы Тристан взял ее в жены, ибо не сыщется для нее лучшей пары, чем столь доблестный рыцарь; и брак этот был бы честью для всей Бретани.

И говорит ему Каэрдэн:

— Тристан, отчего же так долго скрывали вы это от меня? Знай я раньше, в чем ваша воля, не пришлось бы вам вытерпеть столько мук из-за любви к Изольде. Охотно отдам я ее вам в жены, как только мы прибудем во дворец.

Понял Тристан, что Каэрдэн хочет отдать ему сестру свою Изольду, о которой он и не думал. И нельзя ему от нее отказаться, ибо он и впрямь просил у него Изольду. И не посмел он ему открыться и поблагодарил его. Тут пустились они в обратный путь и прибыли во дворец.

Каэрдэн идет к отцу и рассказывает ему, как сильно Три-

стан любит Изольду. И, узнав о том, возрадовался король Хоэль и сказал:

— Я бы отдал ему не только Изольду, но и нас с тобой в придачу, а с нами и всю Бретань. И принадлежи мне весь белый свет, я и его отдал бы ему, ибо он того достоин!

Тут призвал король дочь свою Изольду и вручил ее Тристану. И тот принял ее с великой радостью.

И знайте, что если другая Изольда любила его, то эта любила в сто крат сильнее. Так женился Тристан на Изольде. И был устроен свадебный пир и пышное празднество.

Настала ночь, когда Тристан должен был возлечь с Изольдой. Помыслы о другой Изольде не дают ему познать ее, но не мешают обнимать и целовать. И вот лежит Тристан рядом с Изольдой, и оба они наги, и светильник горит так ярко, что может он разглядеть ее красоту. Ее шея нежна и бела, глаза черны и веселы, брови круты и тонки, лицо нежно и ясно. И Тристан обнимает ее и целует. Но, вспомнив об Изольде Корнуэльской, теряет всякую охоту идти дальше.

Эта Изольда здесь, перед ним, но та, другая, что осталась в Корнуэльсе и что дороже ему самого себя, не дозволяет ему совершить измены. Так лежит Тристан с Изольдой, своей женой. И она, не ведая о том, что есть на свете иные наслаждения, кроме объятий и поцелуев, спит на его груди до утра, когда приходят их проведать дамы и служанки.

Тут поднялся Тристан и отправился во дворец. И, увидев его, король идет ему навстречу и молвит:

— Друг мой Тристан, вы столько для меня сделали, что по праву заслужили королевство Бретонское. Жалую его вам и дарю в присутствии всех, кто здесь собрался.

И Тристан от всего сердца благодарит его.

Гувернал пребывает в радости, ибо мнится ему, что ради этой Изольды Тристан забыл другую и что наслаждается он с ней, как и должно мужчине с женщиной. Что мне здесь вам сказать? Изольда любит Тристана всем своим сердцем, а Тристан любит Изольду из-за ее имени и ради ее красоты. И когда спрашивают Изольду, как она любит Тристана, та отвечает, что любит его больше всего на свете. И потому все думают, что он познал ее, как мужчина женщину.

И дальше говорится в нашей повести, что, когда король Марк вернул себе Белокурую Изольду, он заточил ее в башню. И, увидев, что потеряла она Тристана, опечалилась Изольда великой печалью и принялась рыдать и проклинать день и час своего рождения. И так исчахла она от своей великой печали, что диву давались все видевшие ее.

Король Марк, любивший ее сильнее, чем себя самого, был так этим огорчен, что не знал, что и делать. Принялся он осыпать ее ласками, чтобы забыла она свою печаль. Но все понапрасну: нет ей утешения ни в чем, кроме Тристана. Он — ее смерть, он — ее жизнь, он — ее радость и здоровье. И нет для нее больше на свете ни радости, ни счастья, ибо утратила она Тристана.

Бранжьена, любившая ее всем сердцем, утешала ее, говоря:

— Госпожа моя, пожалейте себя, ради бога, не терзайтесь так сильно. Знайте, что когда-нибудь Тристан вернется: если бы даже целый свет стал преградой на его пути, он и тогда сумел бы возвратиться. А когда он вернется, вы отыщете способ его повидать.

Так утешала Изольду Бранжьена.

Но однажды дошла до Корнуэльса весть о том, что Тристан женился на Белорукой Изольде.

Король Марк весьма тому обрадовался, ибо подумал, что Тристан никогда больше не вернется. А королева Изольда, услышав о том, так опечалилась, что едва не лишилась чувств. Сразила ее эта новость. Ничто на свете не может ее больше утешить. И решила она покончить с собой и позвала Бранжьену:

— Ах, Бранжьена! Слыхали ли вы, что Тристан, коего я любила сильнее всего на свете, предал меня? Ах, Тристан, Тристан, Тристан, как решились вы изменить той, которая любит вас больше, чем себя самоё? О Амур, бесчестный и лживый обманщик, вот как вознаграждаешь ты тех, кто верно тебе служит! И раз это так, раз все, кроме меня, радуются их любви, я прошу господа послать мне скорую смерть и тем избавить меня от скорби и печали...

ЗАМОК КОРОЛЯ ДИНАСА

Однажды Тристан и его сотоварищи вышли в море и на третий день достигли Тентажеля. Там вооружились они и высадились на берег.

— Куда мы отправимся, Гувернал? — спрашивает Тристан.

— Сир, — отвечает тот, — мы отправимся в замок, что стоит неподалеку и принадлежит королю Динасу; он радушно примет нас, если окажется у себя.

Тут пустились они в путь и ехали до тех пор, пока не достигли замка.

Тристан остался в саду, а Гувернал отправился к Динасу, который весьма обрадовался его приходу и спросил, нет ли у него новостей о Тристане.

— А приняли бы вы его у себя? — спрашивает в свой черед Гувернал.

— Охотно,— отвечает Динас,— ведь я люблю его больше всех рыцарей на свете.

— А хотели бы вы видеть его в своем замке? — снова вопрошает Гувернал.

— Будь он здесь,— отвечает Динас,— а король Марк со всем своим воинством — у моих стен, я, видит бог, скорее умер бы, чем допустил, чтобы с Тристаном приключилась какая-нибудь беда.

— Знайте же,— молвит Гувернал,— что он в вашем замке.

— Ради бога, проведите меня к нему,— просит Динас.

И Гувернал ведет его в сад, где остался Тристан.

Увидев Тристана, бросился к нему Динас, обнял его, и поцеловал, и повел в замок, говоря:

— Можете оставаться здесь сколько вам будет угодно, ибо в ваши руки вручаю я самого себя и все, что мне принадлежит.

— Благодарю вас, сир,— отвечает Тристан.— Вы оказали мне великую честь. Теперь я хочу, чтобы госпожа моя узнала, что я в вашем замке.

— Побудьте здесь, сир,— молвит Динас,— а мы с Каэрдэном отправимся ко двору, и я повидаюсь с госпожой королевой.

— Спасибо на добром слове,— отвечает Тристан.

И на следующий день Динас с Каэрдэном отправились ко двору. Король Марк встретил Каэрдэна с великим почетом, ибо принял его за странствующего рыцаря. А Каэрдэн, увидев Изольду, влюбился в нее так сильно, что с той поры и до самой смерти не покидала она его сердца. И Динас рассказал королеве о прибытии Тристана. И знайте, что она весьма обрадовалась этой вести.

БЕЗУМИЕ ТРИСТАНА

И дальше в нашей повести говорится, что отправился однажды Тристан со своим племянником прогуляться на берег моря. И, вспомнив о королеве Изольде, своей возлюбленной, воскликнул:

— Милый друг мой, как бы мне повидаться с вами, оставаясь неузнанным?

— Сир, не терзайтесь понапрасну,— говорит ему племянник.— Вы сумеете с ней повидаться. Вспомните, что голова у вас обрита, а на лице шрам: вы больше похожи на сумасшедшего, чем на рыцаря.

— Правду ли ты говоришь? — спрашивает Тристан.

— Истинную правду, сир,— отвечает отрок.

Тут Тристан и его племянник вернулись в Карэ.

Наутро Тристан приказал кое-как и на скорую руку скроить себе плащ без швов и застежек. Взял с собой пригоршню медя-

ков, да и был таков. По дороге встретился ему мужик с длинным посохом. Тристан отнял у него посох, повесил себе на шею и пошел босиком вдоль берега: ни дать ни взять — сумасшедший!

Добрался он до гавани и увидел там корабль, что принадлежал одному купцу из Тентажеля; тот как раз собирался отплыть на родину. Тристан вытащил свои медяки и принялся разбрасывать их во все стороны, как настоящий безумец. И, увидев его, сжалились над ним моряки и взяли на борт, а он отдал им оставшиеся гроши.

Плыли они до тех пор, пока не добрались до Тентажеля. И король Марк вышел к причалу, чтобы поразвлечься и позабавиться. А Тристан стащил голову сыра из бочки и спрыгнул на берег со своим посохом на шее. Увидев Тристана, король окликнул его, и тот бросился на короля, словно в припадке безумия. И королю вместе со своей свитой пришлось бежать прямо в замок. И там заперся он от него, так что Тристан остался за воротами.

Тут король вместе с королевой Изольдой выглянул в окно. А Тристан, мучимый любовным томлением, вытащил свой сыр и принялся его жевать.

И король подозвал безумца и спрашивает:

— Эй, дурак, что ты думаешь о королеве Изольде?

— Думаю,— отвечает Тристан,— что, если бы удалось мне переспать с ней хоть единую ночь, вернулся бы ко мне рассудок, который я из-за нее потерял.

— Дурак, а откуда ты родом?

— Из Англии,— отвечает тот.

— А кто твой отец?

— Сивый мерин.

— А мать?

— Невинная овечка. И отец мой послал меня сюда наставить тебе рога.

Тут покраснела королева и закрыла лицо руками, ибо эти слова напомнили ей о Тристане.

— Дурак,— спрашивает король,— а откуда у тебя эта рана?

— Я получил ее,— отвечает безумец,— при взятии твоего замка.

— А случалось ли тебе бывать на турнирах? — молвит король.

— Да,— отвечает безумец,— многие сотни рыцарей уложил я на турнирах в Бретани и Корнуэльсе.

Тут засмеялись король с королевой и говорят, что он, видно, и уродился дураком. И король велел позвать его и приютил у себя в замке и весьма полюбил за его прибаутки.

Однажды, отстояв службу в церкви, король Марк сел играть

в шахматы с королевой Изольдой. Тристан вперил в нее взор, сгорая от любви; она же его не узнавала. И вот занесла она руку, чтобы влепить ему затрещину, прикрикнув:

— Дурак, отчего ты так уставился на меня?

— Оттого, госпожа моя,— отвечает Тристан,— что я и впрямь дурак. И знайте, что вот уже больше недели я валяю ради вас дурака, но если бы разделить нам с вами мою дурь пополам, вы одурели бы не меньше моего. И заклинаю вас именем господним и любовью к Тристану, что у вас в сердце, не бить меня; напиток, что испили вы с ним вдвоем на корабле, не так горек вашему сердцу, как сердцу безумного Тристана!

Он сказал все это так тихо, что никто его не услышал, кроме королевы Изольды.

А она, услышав эти слова, разгневалась, бросила игру и ушла к себе в опочивальню. И позвала Камиллу, свою служанку, и та спросила у нее о причине ее гнева.

— Свыше меры разозлил меня этот дурак,— отвечает Изольда.— Он попрекнул меня Тристаном, и не будет у меня на сердце покоя до тех пор, пока не проведаю я, откуда он о нем узнал. Король должен вскоре отправиться на охоту; когда он уедет и весь замок опустеет, поищи этого дурака и приведи ко мне, ибо хочу я проведать, кто ему это сказал и откуда пошел такой слух.

— Охотно, госпожа моя,— молвит Камилла.

Когда король уехал в лес на охоту, Камилла отыскала безумца и привела его в королевскую спальню. И королева подзывает его и говорит:

— Подойдите ко мне, дружок. Я ударила вас в шутку и прошу за то прощения.

Тут берет она его за руку и усаживает подле себя:

— Поведайте мне, дружок, от кого вы узнали, что Тристан меня любит?

— Госпожа моя,— отвечает он,— вы сами мне о том сказали.

— Когда же? — вопрошает она.

— Меньше года тому назад, госпожа моя,— отвечает он.

— Так кто же ты такой?

— Я Тристан, госпожа моя.

— Тристан?

— Да, госпожа моя.

— Клянусь честью,— молвит Изольда,— вы меня обманываете. Вы на него не похожи. Убирайтесь отсюда прочь; только дура станет связываться с таким дураком! Ибо вы солгали мне: вы не Тристан!

Увидев, что королева хочет выдворить его с таким позором, Тристан надел себе на палец то самое кольцо, которое она пода-

рила ему, когда он должен был вручить ее королю Марку. И, показав ей это кольцо, молвил:

— Оно и хорошо, госпожа моя, что вы меня не признали: теперь я понимаю, что вы любите другого. И не могли вы сказать мне о том яснее, чем выставив меня за дверь. Так не печальтесь и вы, если узнаете, что я, вернувшись в свою землю, полюбил другую. Помню я время, когда любили вы меня всем сердцем, но женское сердце — увы! — непостоянно. Женщина любит не того, кто умеет быть верным и преданным в любви, а того, кто сумеет причинить ей больше стыда. По праву называют меня дураком, ибо вырядился я в дурацкий наряд, оставил свою страну и свою землю, терпел брань и побои от низкой черни, питался объедками, валялся на голой земле, как собака,— и все это из любви к той, которая не то, чтобы признать, а и взглянуть на меня не захотела!

Но когда увидела королева Изольда это кольцо и услышала эти речи, она признала Тристана. И обняла его, и стократно расцеловала, и он ее тоже.

И поведал ей Тристан, откуда у него эта рана, из-за которой не смогли его узнать ни она, ни другие, и рассказал ей о своих приключениях. А Изольда дала ему платье и белье, ибо ни от кого, кроме нее, не желал он его получать.

Тут королева говорит привратнику, чтобы он, ради божьего милосердия, постлал безумцу постель в сенях или другом месте.

И тот бросил в закоулок под лестницей охапку соломы и прикрыл ее двумя простынями, которые дала Тристану королева.

Там проводил Тристан дни и ночи. А когда король Марк отправлялся на охоту, он спал с королевой, но никто об этом не ведал, кроме Камиллы. Так пробыл Тристан в Тентажеле два месяца, и никто его не узнал.

Однажды вышел король Марк прогуляться перед замком. И прибыл к нему гонец от короля Артура и передал, что тот просит его приехать к нему в Карлеон, ибо у него есть к нему дело. Услышав повеление короля Артура, своего сеньора, король Марк ответил, что приедет непременно. И вот собрался он и отправился в путь. И как только он уехал, Тристан поднялся и пошел к королеве.

Услышав, как он встал, привратник потихоньку заглянул в закоулок под лестницей и увидел, что его там нет. Тогда пошел он вслед за Тристаном, который направлялся в спальню королевы Изольды. Вот вошел он туда, и Камилла, которая его поджидала, заперла за ним дверь, ибо он пришел, чтобы возлечь с королевой.

Привратника разобрало любопытство: захотелось ему узнать, что надо безумцу в королевской опочивальне. Заглянул он в щель, что была в стене, и увидел, что тот лежит с королевой. И когда

увидел он их лежащими вместе, то понял, что безумец этот — не кто иной, как Тристан, и вернулся к себе. А Тристан не догадался, что за ним следили.

На следующий день привратник рассказал спальникам, что видел безумца на ложе королевы, и добавил:

— Знайте же, что это был Тристан.

Проведав о том, спальники пришли в великий гнев и порешили расставить в опочивальне Изольды зорких соглядатаев и сделать это так ловко, чтобы она ничего не заметила. Едва настала ночь, Тристан вернулся к королеве и сел подле нее. И невдомек ему было, что в спальне прятались соглядатаи.

— Госпожа моя,— говорит Тристан королеве,— настало мне время покинуть вас, ибо я разузнал, что меня выследили. Если король вернется и схватит меня, придется мне умереть позорной смертью. Вчера я слышал, как привратник говорил обо мне со спальниками.

И, услышав, что Тристан заговорил об отъезде, обратилась к нему Изольда с ласковой речью и сказала:

— Ах, Тристан, ненаглядный и милый друг мой, я доподлинно знаю, что в этой жизни не суждено мне больше видеть вас, а вам — меня. И потому я прошу вас и умоляю именем господним исполнить одну мою просьбу.

— Охотно, госпожа моя,— молвит в ответ Тристан,— скажите только, в чем она состоит.

— Ненаглядный и милый друг мой, если случится вам умереть прежде меня или смертельно занемочь, прикажите положить себя на корабль и привезти сюда. И пусть половина парусов на том корабле будет черного цвета, а половина — белого. Если вы умрете или будете при смерти, пусть черные паруса будут подняты на передней мачте; а если будете в добром здравии, то на передней мачте должны быть белые паруса, а на задней — черные. То же сделаю и я, если случится мне умереть раньше вас. И едва корабль войдет в гавань, я отправлюсь туда навстречу своей великой скорби или безмерной радости, обниму вас и осыплю бессчетными поцелуями, а потом умру, чтобы быть похороненной вместе с вами. Ибо если при жизни были так крепки узы нашей любви, то порвать их будет не под силу и самой смерти. И знайте, что, если я умру прежде вас, я сделаю то же самое.

— Я исполню вашу просьбу, госпожа моя,— отвечает Тристан.

Условившись об этом, обнялись они, и тогда расстался Тристан с королевой Изольдой и покинул ее, уверенный в том, что никогда больше не придется им увидеться на этом свете.

Расставшись с Изольдой, отправился Тристан к морю и повстречал одного купца из Карэ, который хорошо его знал и креп-

ко любил; и тот взял его к себе на корабль. И вышли они в море и плыли до тех пор, пока не достигли гавани Карэ.

На следующее утро, едва занялась заря, соглядатаи явились к спальникам и подтвердили, что человек, выдававший себя за безумца, это и впрямь Тристан и что спал он с королевой.

— О боже,— воскликнули те,— если проведает о том король, наш владыка, он прикажет нас казнить и предать смерти за то, что не схватили мы Тристана и не задержали. Нам остается только скрыть от него все это, чтобы ничего он о том не узнал, ибо если узнает он об этом, то предаст нас позорной смерти!

И порешили они ничего ему не говорить.

РИВАЛЕН И ГАРЖОЛЕНА

И в этом месте нашей повести говорится, что, когда Тристан покинул королеву Корнуэльскую Изольду, свою возлюбленную, жену короля Марка, своего дяди, и когда воротился он в Карэ, возликовали и возрадовались его подданные, ибо уж не чаяли увидеть его в живых. И приняли его с великим почетом и устроили ради него пышное празднество.

Случилось однажды Тристану сойтись с Риваленом, и принялись они беседовать о своих возлюбленных. Тут заглянул к ним Гудри, кузнец, и принес выкованные им ключи; он отдал их Тристану, а тот связал их вместе шелковым шнуром. И сказал Ривалену:

— Друг мой, поедем навестить Гаржолену, вашу подругу.

Сели они на коней и отправились в путь, не взяв с собой иного оружия, кроме мечей.

О боже, что за напасти поджидали их в тот день! На голове у Тристана была шляпа, украшенная веткой лавра, и ехал он, веселясь и распевая; и не знали они с Риваленом, что едут навстречу смерти.

А Бедалис, муж Гаржолены, отправился в тот день на охоту, взяв с собой свиту из тридцати рыцарей. Тристан и Ривален подъезжают к замку и видят, что подъемный мост поднят и заперт на ключ, который Бедалис взял с собой. Тогда Тристан сходит с коня, достает свои ключи, отмыкает цепь, державшую мост, и начинает осторожно опускать его. И в то время, как мост опускался, Тристан обронил свою шляпу: с того-то и начались все их беды. Но вот открыли они ворота и остальные двери и проникли в опочивальню Гаржолены. Опочивальня эта была устлана свежим зеленым тростником и украшена великолепнейшим и прекраснейшим пологом, на котором были вытканы все подвиги ко-

роля Артура и то, как завоевал он королевство Бретонское, а также Семь Искусств.

Войдя в опочивальню, Ривален опустился на ложе вместе с Гаржоленой, своей возлюбленной, а Тристан отошел в сторонку, чтобы оставить их наедине. И, развалившись на полу среди зелени, набрал он охапку тростника и принялся метать тростинки в полог, за которым скрылись любовники.

Ах, знать бы ему, какой бедой обернется эта забава! Но он о том не ведал и продолжал свои проказы. А Ривален тем временем предавался любви с Гаржоленой.

Тут затрубили рога, возвещая, что Бедалис только что затравил оленя. И, услышав этот звук, Тристан понял, что Бедалис вот-вот вернется. И говорит он Ривалену:

— Друг мой, пора нам ехать. Бедалис только что затравил оленя: я слышал звуки рогов.

Тут расстались они с Гаржоленой и уехали.

О боги, как случилось, что на Тристане и Ривалене не было доспехов? Они так пригодились бы им в тот день! И ехали Тристан с Риваленом, перешучиваясь и пересмеиваясь.

А Бедалис, воротившийся в свой замок под оглушительный рев рогов, отомкнул мост и заметил шляпу, оброненную Тристаном; и зашевелились в нем подозрения. И вот вошел он в замок, запер за собой все двери, увидел жену свою Гаржолену, обнял ее, поцеловал и, даже не стащив с себя сапог, повалился на ложе. И тут заметил тростинки, застрявшие в пологе, и вздрогнул, ибо догадался, что это дело рук Тристана. И, вскочив, схватил жену свою Гаржолену и обнажил меч, говоря, что убьет ее, если не поклянется она ему головой своего отца открыть всю правду.

— Ибо знаю я,— молвит он,— что здесь был Тристан.

— Да,— отвечает она,— он был здесь вместе с Риваленом, и Ривален взял меня силой.

Услышав эти слова, пуще прежнего рассвирепел Бедалис и вскричал:

— Ах ты тварь! Не лги: все было не так! Скажи мне правду, или я тебя убью! А если скажешь, прощу тебе мой позор.

— Что ж,— отвечает она,— в твоей власти меня убить; но мне это все равно. Уж лучше мне умереть, чем томиться в той тюрьме, куда ты меня запер. И если убьешь ты меня, люди поймут, что виной моей смерти была твоя ревность, и позор падет на твою голову. Изволь, я скажу тебе правду, а после этого можешь делать со мной, что хочешь. Знай же, что Ривален спал со мной и наслаждался любовным наслаждением. И не могла я ему воспротивиться, ибо я — всего лишь женщина, одинокая и беззащитная...

Узнав, что Ривален соблазнил его жену, Бедалис пошел к своим людям, и все им рассказал, и обвинил Тристана и Ривалена в том позоре, что они на него навлекли, и поклялся, что не будет ни пить, ни есть до тех пор, пока им не отомстит. Тут вскочили они на коней и помчались по следам двух сотоварищей, которые тем временем забавлялись в лесу: встретили лань с оленятами и пустились за ней вдогонку, но так и не поймали. Не к добру затеяли они и эту забаву!

Ибо тут и нагнал друзей горящий местью Бедалис со своими людьми. Тристан увидел их и спрятался за куст, и они проехали мимо, не заметив его. И Бедалис настиг Ривалена, на котором не было доспехов, и пронзил его мечом. Но у того хватило сил обнажить свой меч, и ударить одного из людей Бедалиса, которого звали Отон, и отсечь ему голову. И, увидев это, брат Отона, Кадио, в свой черед, вытащил меч, и ударил Ривалена, и отрубил ему голову. И Ривален пал мертвым.

И, увидев, что Ривален мертв, Тристан выскочил из-за кустов, ударил Кадио и убил его; убил другого, третьего. Но вот выступил вперед Бедалис, держа дротик с отравленным наконечником, и метнул его в Тристана. Наконечник вошел в бедро до самой кости, пронзив кожу, мясо и жилы; и древко засело в теле.

Господи боже, что за горе для всей земли Бретонской!

И когда Тристан увидел, что он ранен, Ривален мертв, а у Бедалиса столько людей, то понял, что нет у него иного выхода, кроме бегства. И поскакал в сторону Карэ. Долго гнались за ним Бедалис и его люди, но не смогли настичь, ибо у Тристана был добрый конь; и повернули вспять.

С того дня ни один из них не осмеливался показаться в этой земле. Ибо Бедалис, убив Ривалена и ранив Тристана, сказал своим людям:

— Пора нам бежать из этой страны, ибо, если выживет Тристан, покроет он нас позором и предаст мучительной казни.

Тогда собрались они и вышли в море. И плыли до тех пор, пока не достигли гористого острова Шосей, прекрасной и благородной земли, окруженной морем. И говорится в нашей повести, что было их семьдесят человек, и все они стали морскими разбойниками.

И с тех пор ни один купеческий корабль, проплывавший мимо этого острова, не избежал разграбления, а корабельщики — смерти.

И в этом месте нашей повести говорится, что, когда Бедалис убил Ривалена и ранил Тристана, Тристан поскакал в сторону Карэ, оставляя за собой кровавый след.

Когда Тристан добрался до Карэ и люди его увидели, что он весь в крови, они оторопели и поспешили проводить его до замка,

чтобы узнать, что с ним приключилось. Но, доехав до ворот, Тристан без чувств рухнул к их ногам, ибо потерял много крови. И, придя в себя, рассказал, что Бедалис убил Ривалена и смертельно ранил его самого. Тут жена его Изольда и все остальные опечалились столь великой печалью, что при виде их дрогнуло бы от жалости самое жестокое сердце на свете.

И Тристан поведал им, где искать тело Ривалена. Сели они на коней, и поехали по кровавым следам, и отыскали мертвого Ривалена с отрубленной головой.

Тут поднялся столь громкий стон и плач, что услыхала его Гаржолена из своего замка. И тотчас вышла, и прибежала на крики, чуть живая от предчувствий, и нашла своего милого мертвым. И горе ее было так велико, что свыше ста раз падала она на его тело без чувств, а придя в себя, сказала:

— Ах, рыцарь Ривален, сын короля, ты умер из-за меня; но и я умру из любви к тебе, и душа моя соединится с твоей, и нас похоронят вместе, бок о бок.

С этими словами упала она без чувств, и сердце ее разорвалось, а душа оставила тело. Тогда люди сладили носилки из цветущих веток, положили на них оба тела и, сокрушаясь о том, что произошло, с великой печалью отнесли их в церковь. Архиепископ отслужил над ними заупокойную службу, и их предали земле, одного рядом с другой, в двух невиданно богатых гробах.

Так умерли и были похоронены в одной могиле Ривален и Гаржолена, его возлюбленная.

НЕДУГ ТРИСТАНА

Тристан приказал созвать отовсюду врачей, чтобы они залечили его рану.

Среди них нашелся один, по имени Агар, которому удалось вытащить древко; но железный наконечник так и остался в ране. На свою беду пригласил к себе Тристан такого врача! А тот взял яичный белок и приложил его к ране, но это не помогло: она продолжала кровоточить. Тогда сделал он пластырь из листьев подорожника, сельдерея и укропа, перетертых с солью, и приложил к ране, и тут кровь унялась, но само бедро сделалось чернее угля.

День и ночь кричит и стонет бедный Тристан и держится за рану; и вот однажды удалось ему нащупать наконечник. Тогда зовет он жену свою Изольду и говорит ей:

— Госпожа моя, потрогайте вот здесь: чувствуете наконечник, что так меня мучит? Ради бога, позовите же поскорей врача, пусть он его вытащит.

Изольда потрогала и нащупала наконечник, а потом позвала врача; тот поспешил прийти и выдернуть его. Но и тогда не унялись муки и страдания бедного Тристана!

Вытащив наконечник, врач смазал рану мазью, но она не подействовала, ибо он ничего не смыслил в своем ремесле. Какая жалость: ведь все, что он ни делал, шло Тристану только во вред! Врачи приезжали отовсюду и с великим усердием прописывали Тристану те средства, что, по их разумению, должны были ему помочь. Был среди них один бедный врач, только что окончивший Салернскую школу. Поглядел он на своих знаменитых собратьев и сказал им:

— Господа, вы сами не знаете, что делаете. Так Тристан никогда не излечится. Его бедро уже воспалилось, а когда воспаление перейдет за сустав, поздно уж будет искать лекарства!

Услышав его речи и увидев, что он так беден, врачи принялись насмехаться над ним, говоря:

— Ах, сир, если столько у вас ума, то почему пуста сума?

— Господа,— молвит он в ответ,— что с того, что я сейчас беден? Когда богу будет угодно, он вознаградит меня. А ум не в кошельках и нарядах, а в сердце, куда его вложил сам господь. Что ж, я уйду, а вы останетесь с этим горемыкой, которому еще придется из-за вас пострадать. Ибо вы ведете его прямо к смерти, и я уверен, что так он долго не протянет.

Тогда врачи пригрозили, что, если его не прогонят, они уйдут сами и больше ни за что не вернутся.

Тут его и вытолкали за дверь: ведь вы сами знаете, что бедному человеку нигде нет веры. Но Изольда, жена Тристана, дала ему на дорогу марку серебра, приличное платье и доброго коня; с тем он и уехал.

Ах, как жаль, что его не оставили! Ибо ему удалось бы в скором времени вылечить Тристана. А другие врачи, те, что остались подле него, сколько ни бьются — все понапрасну. И, поняв, что нечего им попусту терять силы, отступились они от Тристана.

И, увидев это, пробормотал он сквозь зубы:

— Господи, что же мне делать, если ни один врач не в силах мне помочь? Одно я знаю наверняка: будь у меня человек, с которым мог бы я послать весточку прекрасной Изольде, моей возлюбленной, она приехала бы сюда и вылечила меня, как вылечила когда-то.

Тут вспомнил Тристан, что есть у него в городе кум — корабельщик по имени Женес, и попросил поскорее за ним послать. Тот пришел и сел рядом с Тристаном.

— Женес,— молвит Тристан,— милый мой куманек, я позвал вас потому, что вы один можете вернуть мне здоровье, если того

захотите. Вы знаете, как я вас люблю; знайте же, что если я выживу, то дам богатое приданое вашей дочери, а моей крестнице Изольде и вас вознагражу тоже.

— Я к вашим услугам, сир,— отвечает Женес,— и готов исполнить вашу волю и на суше и на море.

— Большое вам спасибо, Женес! — молвит Тристан.— Отправляйтесь же в Корнуэльс к королеве Изольде и попросите ее приехать сюда, чтобы исцелить меня, и расскажите, как я был ранен, и передайте вот этот перстень, чтобы больше было веры вашим словам. И если приедет она с вами, поднимите на своем корабле белые паруса, а если нет — черные.

— Я охотно сделаю все это, сир,— говорит Женес.— Мой корабль стоит в гавани, готовый к отплытию; вы же, ради бога, присмотрите за моей дочерью, вашей крестницей.

— Не беспокойтесь,— молвит Тристан,— я буду беречь ее, как берег бы собственную дочь. Поторопитесь же.

Тут Женес расстался с Тристаном и покинул его. И пришел в гавань, где стоял его корабль, оснащенный и нагруженный, и поднялся на борт. И приказал своим людям ставить паруса и держать путь в порт Бомм, что в Корнуэльсе. И вышли они в море, и плыли столько дней и ночей, сколько нужно было, чтобы достичь Бомма.

Король Марк проведал, что в гавани стоит судно, прибывшее из Бретани, и отправился взглянуть, что на нем за товары. И, увидев короля Марка, Женес сошел на землю и поклонился ему. И король спросил его, откуда он прибыл.

— Сир,— отвечает Женес,— я привез товары из Бретани для продажи в этой стране и других подвластных вам землях.

Королю пришлась по сердцу учтивость Женеса, и говорит он ему:

— Братец мой, вот каково мое желание и повеление: всякий раз, когда случится тебе здесь бывать, приходи обедать за моим столом; и знай, что я забираю все твои вина и тотчас прикажу с тобой расплатиться.

— Премного вам благодарен, сир,— отвечает Женес,— но я ем и пью только у себя на корабле, ибо, расставаясь с женой, поклялся ей и побожился, что не стану искать на стороне то, чего у меня самого вдоволь.

Улыбнулся король и сказал, что на такого мужа, как он, можно положиться.

Тут вернулся король к королеве Изольде, и та принялась расспрашивать его, где он был. И он рассказал ей, что был в гавани, куда прибыл корабль из Бретани.

— Я купил все вина, которыми он гружен, но больше всего

на том корабле приглянулся мне перстень, что носит на руке корабельщик.

— Что же это за перстень, сир? — спрашивает королева.

— В жизни не видывал я ничего ему подобного, госпожа моя,— отвечает король.— У него широкая дужка, и украшен он несравненной красоты смарагдом.

Услышав его рассказ, догадалась Изольда, что это тот самый перстень, который она подарила Тристану, и поняла, что Тристан прислал ей какую-то весть.

— Сир,— молвит она,— пригласите этого корабельщика отобедать за нашим столом.

— Госпожа моя,— отвечает король,— он не придет, ибо перед отплытием дал своей жене зарок не искать на стороне то, чего у него самого вдоволь. Но я попрошу его прийти и поговорить с вами; кто знает, не захочет ли он уступить вам этот перстень?

— Спасибо на добром слове, сир,— молвит королева.

И когда корабельщик предстал перед королем, тот сказал ему, что с ним хочет поговорить королева; и Женес отправился к ней.

Увидев Женеса, королева усадила его подле себя и спросила, откуда он прибыл.

— Госпожа моя,— отвечает Женес,— я прибыл из Бретани по поручению Тристана; он шлет вам поклон и просит сделать все, что в ваших силах, чтобы приехать к нему и залечить его рану, которую нанес ему Бедалис и от которой умирает он в тяжких муках; и скоро умрет, если не придете вы ему на помощь. Ни один врач не смог ему пособить; все от него отступились. А в подтвержденье моих слов примите это кольцо, которое вы когда-то вручили Тристану, сказав, что не поверите ничему, что бы о нем ни говорилось, не увидев этого кольца.

— Клянусь честью,— молвит королева,— все это правда. Завтра утром король Марк должен уехать в Карлеон Уэльский, ибо его призывает туда король Артур. Как только он уедет, я скажу Одре, что хочу отправиться на охоту. И когда мы с ним окажемся на берегу и увидим ваше судно, я спрошу его, кому оно принадлежит, как будто ничего о вас не знаю. И он ответит, что вам. Вы же тем временем приготовьтесь к отплытию и спустите на берег сходни. И пригласите меня на корабль, чтобы посмотреть, что на нем есть. Но прошу вас не причинять никакого вреда Одре.

— Охотно, госпожа моя,— отвечает Женес.

Тут расстался он с королевой и удалился от нее, оставив ей перстень. А она пошла к королю Марку, своему господину, и сказала, что купец продал ей свой перстень. И король благодарит Женеса и всячески его расхваливает; а надо бы ему гнать его прочь из своего королевства!

Наутро следующего дня король Марк уехал к королю Артуру, который призвал его к себе. И как только он уехал, королева Изольда говорит Одре, что хочет отправиться на охоту. Тот приказывает готовить собак и ловчих птиц; потом садятся они на коней и выезжают в поле в окружении большой свиты, и, выехав в поле, подняли они фазана. Одре пустил на него сокола, но тот промахнулся и взмыл в небо. А погода в ту пору стояла ясная и солнечная. И королева Изольда подзывает Одре и говорит ему, что видела, как сокол сел на мачту корабля, который стоит в гавани, и спрашивает, чей это корабль.

— Госпожа моя,— отвечает Одре,— это корабль Женеса, бретонского купца, того самого, что уступил вам вчера свой перстень.

— Поедем же туда и заберем нашего сокола,— молвит королева.

И отправились они к кораблю.

Женес перебросил на берег сходни, приблизился к королеве и говорит ей:

— Госпожа моя, не угодно ли вам будет подняться на мой корабль и осмотреть его и все, что на нем есть; и если какая-нибудь вещь у меня вам приглянется, можете считать ее своей.

— Благодарю вас, Женес,— отвечает королева.

Тут сошла она с коня, ступила на сходни и поднялась на корабль. Одре двинулся за ней. Но Женес, стоявший на сходнях с веслом в руке, ударил его по голове, и тот рухнул в море. Одре попытался было уцепиться за весло, но Женес еще раз ударил его и отбросил в море, сказав:

— Хлебни морского рассола, предатель! Пришло тебе время расплатиться за все беды, что вытерпели по твоей вине Тристан и королева Изольда!

Тут купец вернулся на свой корабль и вышел в море. И повсюду поднялся крик, что Женес увозит королеву. Все бегут к судам и галерам, чтобы пуститься за ним в погоню. Но куда им до него: так и не смогли они его настичь! И волей-неволей вернулись в гавань, где нашли Одре, раздувшегося от соленой воды. И они подобрали его и похоронили, ибо ничего больше с ним нельзя было поделать.

СМЕРТЬ ЛЮБОВНИКОВ

И в этом месте нашей повести говорится, что, расставшись с Женесом, поехавшим за Изольдой, Тристан целые дни, с утра до вечера, проводил в гавани Пенмарка, глядя на приходящие суда и гадая, скоро ли покажется корабль, на котором Женес привезет королеву Изольду, его возлюбленную, по которой он так скучал.

И так истомился он от ожидания, что уж невмоготу ему было больше там оставаться; и скрылся он к себе в опочивальню, подальше ото всех. И до того ослаб, что не мог ни держаться на ногах, ни пить, ни есть. Боль терзала его так жестоко, что он то и дело терял сознание. И все окружавшие его плакали от жалости и печалились великой печалью.

Тогда подзывает Тристан свою крестницу, дочь Женеса, и молвит ей:

— Милая крестница, вы знаете, как сильно я вас люблю. Знайте же, что, если удастся мне оправиться от этого недуга, я выдам вас замуж и одарю богатым приданым. Не открывайте же никому того, что я вам скажу и о чем попрошу. А попрошу я вас вот о чем: отправляйтесь каждое утро в гавань и оставайтесь там до вечера и смотрите, не появится ли корабль вашего отца. Я скажу вам, как его распознать: если везет он мою милую Изольду, на нем будут белые паруса, а если нет — черные. Смотрите же во все глаза и, как только его увидите, скажите мне.

— Охотно, сир,— отвечает девочка.

И принялась она каждое утро ходить в гавань Пенмарка и проводить там весь день, а вечером возвращалась к Тристану и рассказывала обо всех кораблях, что проплывали мимо. Диву далась Изольда, жена Тристана, видя, что девочка целыми днями просиживает в гавани, и захотелось ей узнать, о чем это они шепчутся с Тристаном. И решила она, что проведает о том непременно. И вот приходит Изольда в гавань, где сидела крестница Тристана, и спрашивает у нее:

— Милая крестница, не я ли воспитала тебя, как родную дочь, у себя в покоях? Открой же мне, ради бога, что ты делаешь здесь целыми днями?

— Госпожа моя,— отвечает та,— не в силах я ни видеть, ни слышать, как терзается от великих мук и страданий мой крестный; потому и прихожу сюда и провожу время, глядя на проплывающие корабли.

— Сразу видно, что ты мне лжешь,— молвит Изольда.— О чем бы тебе тогда шептаться по вечерам с крестным? Если не скажешь ты мне этого, прогоню я тебя из дворца, а если скажешь, тебе же будет лучше!

И оробела девочка перед своей госпожой и говорит ей:

— Знайте же, что крестный послал моего отца в Корнуэльс за Изольдой, своей возлюбленной, чтобы приехала она и вылечила его. И если она приедет, на корабле будут подняты белые паруса, а если нет — черные. И я прихожу сюда смотреть, не покажется ли этот корабль, а как только он покажется, мне нужно бежать к крестному и сказать ему об этом.

Когда услышала королева эти слова, обуял ее великий гнев:

— Горе мне! Кто бы мог подумать, что Тристан любит другую! Но вовеки не вкушали они столько радости, сколько придется им теперь вкусить скорби и муки!

Тут взглянула Белорукая Изольда на морской окоем и увидела вдалеке корабль под белыми парусами. И говорит крестнице Тристана:

— Оставайся здесь, а я пойду во дворец.

А Тристан совсем изнемог от своих страданий. Не ест он, и не пьет, и ничему не внемлет. И, придя в себя, подзывает аббата Камдонского и других людей, что были подле него, и молвит им:

— Добрые господа, не жилец я на этом свете, ибо чую, что близка моя смерть. И потому прошу вас, если вы хоть сколько-нибудь меня любите, вот о чем: когда я умру, положите меня на корабль, а вместе со мной — мой меч и вот этот ларец. А потом отправьте меня в Корнуэльс, к дяде моему, королю Марку. И смотрите, чтобы никто не читал записки, привязанной к рукояти моего меча, доколе я не умру.

С этими словами он снова впал в беспамятство. Тут поднялся в опочивальне великий крик, и как раз в это время вошла туда его злая жена и принесла ему недобрую весть, сказав:

— Была я в гавани и видела корабль, плывущий издалека; мнится мне, что сегодня вечером причалит он к пристани.

Услышав, что его жена говорит о каком-то корабле, Тристан приоткрыл глаза и, с превеликим трудом повернувшись к ней, прошептал:

— Скажите мне, ради бога, сестрица, а какого цвета паруса на том корабле?

— Клянусь честью,— отвечает Изольда,— они чернее тутовых ягод.

Увы, зачем она ему это сказала! Весь бретонский люд должен возненавидеть ее за это.

А Тристан, услышав, что Изольда, его возлюбленная, не приехала, повернулся к стене, сказав:

— Ах, Изольда, милый друг мой, вручаю вас божьему попечению, ибо никогда уж больше не видеться вам со мной, а мне — с вами. Прощайте же! Я отхожу и шлю вам привет.

Тут исповедался он и причастился, и душа его изошла из разорвавшегося сердца.

Тогда поднялся вокруг великий стон и крик, ибо весть о смерти Тристана облетела весь город и достигла гавани. Большой и малый плачут и рыдают и столь громко изливают свою скорбь, что не расслышать было бы в ту пору и грома небесного.

И королева Изольда, бывшая в море, молвит Женесу:

— Вижу я, что люди на берегу мечутся и кричат что есть сил. И боюсь я, как бы не сбылся сон, что видела я этой ночью: снилось мне, будто держу я на коленях голову огромного вепря и она заливает кровью мое платье. Уж не умер ли Тристан? Поднимите же, ради бога, все паруса и ведите судно прямо в гавань!

Женес приказал спустить на воду лодку, сел в нее вместе с королевой, и поплыли они к берегу И, сойдя на землю, спрашивает Изольда у одного конюшего, который заливался горькими слезами, что там происходит и куда это бежит весь люд.

— Госпожа моя,— отвечает он,— я оплакиваю Тристана, своего господина, который только что умер; и весь люд бежит взглянуть на него.

Услышав эти слова, Изольда пала без чувств на землю. И Женес поднял ее. И когда пришла она в себя, поспешили они в опочивальню Тристана и увидели, что он мертв. Тело его лежало на столе, и графиня де Монтрель уже обмыла его, и обтерла, и обрядила в погребальный наряд.

И, увидев простертое перед ней тело Тристана, своего милого, Изольда приказала всем оставить опочивальню и рухнула без чувств на его тело. И, придя в себя, приложила ухо к его груди, но не услышала биения сердца, ибо душа уже изошла из него. И тогда сказала она:

— Тристан, милый друг мой! Как тяжка была эта разлука для нас обоих! И вот приехала я, чтобы исцелить вас, но лишь понапрасну потратила время и силы, ибо не застала вас на белом свете. И раз вы умерли, не жить больше и мне. Но если мы так любили друг друга при жизни, то будем любить и после смерти.

Тут обняла его Изольда и, крепко прижав к своей груди, пала без чувств на его тело. И душа ее изошла из разорвавшегося сердца

Так умерли Тристан и Изольда.

КРЕСТ ТРИСТАНА

Увидев, что произошло, Женес выбежал из опочивальни, горько рыдая, и возвестил, что королева Изольда испустила дух на теле Тристана. Тогда все собрались туда и подняли столь громкий стон и плач, что при виде их дрогнуло бы от жалости самое жестокое сердце.

И это был конец.

Оба тела приготовили к погребению и стали совещаться, как предать их земле.

— Во имя божие,— молвит аббат Камдон,— Тристан объявил

нам, что к рукояти его меча привязана записка, которую надлежит огласить после его смерти. Тут принесли меч и прочли записку, и вот что в ней говорилось:

«Тристан наказывает всем, кто его любит, чтобы тело его было отправлено в Корнуэльс, к дяде его, королю Марку, вместе с мечом и ларцом, и чтобы никто не смел касаться ларца, доколе король Марк не отомкнет его и не увидит, что в нем есть».

И все согласились с тем, чтобы оба тела были с пышностью и почестями препровождены в Корнуэльс, но порешили, что в Бретани должны остаться хотя бы внутренности Тристана. Тут вскрыли его тело, и достали внутренности, и похоронили их в гавани, и воздвигли над ними роскошный крест, именуемый Крестом Тристана. К тому кресту приставлен был рыцарь, который подновлял его каждый год и получал за то хорошую плату, а если бы он этого не делал, то лишился бы ее.

Тело Тристана было набальзамировано и зашито в оленью шкуру, а тело Изольды — в другую. Потом оба тела забили в бочку и погрузили ее на корабль. В изголовье и в изножии поставили по две зажженных свечи, а между распятиями и филактериями положили меч Тристана и его ларец, предоставив тела покойных попечению господню.

Тут моряки поднялись на борт и плыли до тех пор, пока не достигли гавани Тентажеля; там сошли они с корабля, вынесли тела и с великими почестями положили их на берегу. В изголовье и в изножии покойных расставили распятия и филактерии, а сами тела прикрыли роскошнейшими и прекраснейшими золочеными покрывалами.

Тут повстречалась корабельщикам старушка, собиравшая в горах хворост. И, увидев столь роскошные распятия и столь богато убранные тела, спросила она у корабельщиков, чьи это тела. И те ей ответили, что это тела Тристана, племянника короля Марка, и Изольды, жены короля. И, узнав об этом, старушка принялась оплакивать их так горько, как ни одна женщина никогда не оплакивала. И корабельщики дали ей десять грошей, чтобы она присмотрела за телами, и вернулись в свою страну.

ПОСЛАНИЕ ТРИСТАНА

И дальше в нашей повести говорится, что, когда корабельщики оставили тела покойных на попечение старушки, та принялась оплакивать их, поминая все сказанное и сделанное Тристаном. И окрестные жители сбежались на ее стоны и крики и спросили, чьи это тела, и она им ответила, что это тела Тристана и

прекрасной Изольды, жены короля Марка. И снова подняла столь великий плач и стон, что в ту пору не расслышать было бы и грома небесного.

И случилось там быть одному грамотею, который прочел записку Тристана, гласившую, что не должно хоронить его тело и касаться ларца, привязанного к мечу, доколе король Марк не отомкнет этот ларец. И тогда окрестные жители возвели над телами часовню, и окружили ее стеной, и стерегли их денно и нощно. И решили послать за королем Марком, и послали за ним одного отшельника, мужа святого и благочестивого. Отшельник отправился в путь и шел до тех пор, пока не повстречался с королем Марком в Кашенесе; тот возвращался от короля Артура и вез от него в подарок Изольде обезьянку. Увы, он не знал, что Изольда мертва и Тристан, его племянник, тоже.

Отшельник поклонился королю и сказал:

— Тот, кто хранит в сердце своем злопамятство и умирает во гневе, сам разлучает себя с богом, предавая душу свою и тело дьяволу. Потому я и прошу тебя не поддаваться гневу, какие бы вести ни пришлось тебе от меня услышать.

Король внял увещеваниям отшельника и ответил ему:

— Если будет на то воля господня, постараюсь я сдержать свой гнев, чтобы не обрели надо мной власти адские силы.

— Мудры ваши слова, сир,— молвит отшельник.— Знайте же, что Тристан, ваш племянник, и Изольда, ваша жена, мертвы и что тела их привезены к вам из Бретани. И Тристан оставил записку, гласящую, чтобы никто, кроме вас, не смел касаться ларца, привязанного к его мечу. И знайте, что Тристан изнемогал от тяжкой раны, которую не мог залечить никто, кроме Изольды, и что послал он за ней Женеса и тот привез ее. Но не успела она приехать, как Тристан умер; тогда умерла от скорби и она. И тела их были отправлены сюда и вверены попечению господню; вот уже три дня, как лежат они в гавани. Поспешите же взглянуть, что скрывает в себе ларец, а потом делайте с телами все, что вам будет угодно.

Услышав эти вести, так опечалился король, что упал бы с коня, если бы отшельник не поддержал его. И сказал он:

— Ах, Тристан, милый мой племянник, сколько бед пришлось мне вытерпеть из-за тебя! Ты покрыл меня позором, ты отнял у меня жену! И потому клянусь я прахом своего отца, что вовеки не покоиться твоему телу в моей земле!

Тут король пустился в путь и ехал до тех пор, пока не добрался до Тентажеля, где лежали в гавани тела покойных. Люди прослышали о клятве, которую он дал, и взмолились в один голос:

— Ах, король, бери все, что у нас есть, только похорони с честью того, кто избавил от рабства тебя и твою землю и освободил всех нас, ибо ты и сам хорошо это знаешь!

И, услышав эти мольбы, сжалился король. Взял он ларец и отпер его. Внутри лежала грамота, скрепленная печатью Тристана. Король попросил архиепископа прочесть ее. И вот что она гласила:

«Моему дорогому дяде, королю Корнуэльса Марку, от Тристана, его племянника,— привет. Сир, вы послали меня в Ирландию, чтобы я привез вам в жены Изольду. Когда раздобыл я ее и была она отдана мне, чтобы я доставил ее вам, ее мать приготовила напиток из настоянного на травах вина, и свойство этого напитка таково, что испивший его должен непременно полюбить ту, кто изопьет его вслед за ним, и та тоже. И знайте, сир, что вверила она кувшин с тем напитком Бранжьене и заповедала ей, чтобы никто не пил его, кроме вас и дочери ее Изольды; а вы с ней должны были испить его в первую брачную ночь. И когда были мы в море, стояла такая жара, что, мнилось мне, вся вселенная вот-вот от нее задохнется. И я возжаждал и попросил пить, и Бранжьена по оплошности подала мне этот напиток, и я испил его, а вслед за мной Изольда, и с той поры влюбились мы друг в друга. Теперь вы сами видите, сир, что не по своей воле полюбил я Изольду, а был к тому приневолен. Делайте же теперь все, что вам заблагорассудится, и да хранит вас господь!»

— Сир,— добавил архиепископ,— как же намерены вы поступить, выслушав это послание?

Когда король Марк узнал, что Тристан полюбил Изольду не по своей воле, а был к тому приневолен чарами колдовского напитка, опечалился он и залился слезами:

— Горе мне! Отчего не узнал я об этом раньше? Тогда скрыл бы я ото всех, что Тристан любит Изольду, и не стал бы преследовать их. А теперь потерял я племянника своего и свою жену!

ЧУДО С ТЕРНОВНИКОМ

Тогда приказал король Марк перенести оба тела в часовню и похоронить их там со всей пышностью, какая пристала людям столь знатного рода. И повелел он изготовить два гроба, один из халцедона, другой — из берилла. Тристана положили в халцедоновый гроб, а Изольду — в берилловый, и были они преданы земле, под плач и слезы, один рядом с другой, в часовне.

Перенис был болен и лежал в постели, когда услышал эти вопли; и, услышав их, встал и пошел к часовне. И, узнав, что

Тристан и госпожа его Изольда умерли и погребены в этой часовне, принялся он столь горько рыдать на их могилах, что жалость брала всякого, кто бы на него ни взглянул. Ибо сказал он, что не оставит их до самой своей смерти. И, увидев, что не хочет он их покидать, король Марк приказал выстроить для него подле часовни маленький домик.

А Острозуб, пес Тристана, рыскал по лесу, выслеживая ланей; и бросил он свою забаву, и прибежал в гавань, где раньше лежали оба тела, и принялся выть и лаять, и помчался по следу прямо к часовне, где их предали земле. И, увидев Перениса, Острозуб бросился к нему, а потом, почуяв, где похоронен его хозяин, стал скулить столь жалобно, что все только диву давались.

И пребывали Острозуб и Перенис на могиле Тристана, не принимая ни еды, ни питья; а когда оплакали Тристана, перешли на могилу Изольды.

Перенис известил Гувернала и Бранжьену, пребывавших в Лоонуа, о смерти Тристана и Изольды. И когда дошла до них эта новость, сели они на коней и ехали до тех пор, пока не добрались до Корнуэльса, и нашли Перениса и Острозуба в часовне, где были погребены оба тела. И, едва взглянув на Острозуба, Гувернал понял, где лежит тело его хозяина, а посмотрев на Перениса, догадался, где похоронена королева Изольда.

И из могилы Тристана поднялся прекрасный терновый куст, зеленый и пышнолиственный, и, перекинувшись через часовню, врос в могилу Изольды. Окрестные жители проведали о том и сообщили королю Марку. Трижды приказывал король срезать этот куст, но всякий раз на следующий день он являлся столь же прекрасным, как и прежде.

Такое чудо свершилось на могилах Тристана и Изольды.

Тогда Гувернал и Бранжьена принялись рыдать в один голос и горько оплакивать господина своего Тристана и госпожу свою Изольду. Король Марк хотел оставить при себе Гувернала с Бранжьеной и сделать Гувернала управителем всей своей земли. Но они не пожелали остаться и покинули его, взяв с собой Перениса и Острозуба. Гувернал стал королем Лоонуа, Бранжьена — королевой, а Перенис — сенешалем всей их земли. Так жили они вместе до тех пор, пока господь не соизволил призвать их к себе. Да будет так же и с нами!

Аминь!

ОКАССЕН И НИКОЛЕТТА

ПЕРЕВОД СО СТАРОФРАНЦУЗСКОГО
АЛ. ДЕЙЧА

1

Слушайте искусный стих
И рассказ из уст моих
О влюбленных молодых
Николетте с Окассеном —
Как пришлось ему томиться
И тревожиться бессменно
О подруге светлолицей.
Эти песни и рассказ
Мной составлены для вас.
В мире сыщется ль такой,
Кто, измученный тоской,
Не обрел опять покой,
Не забыл свои страданья
При моем повествованье? —
Так оно прекрасно!

2

Теперь говорят и сказывают-рассказывают

Граф Бугар Валенский вел с графом Гареном Бокерским ужасную, жестокую, смертоносную войну, каждый божий день появлялся он у городских стен, у ворот и застав с сотней рыцарей и десятью тысячами конных и пеших воинов: все вокруг предавали они огню и мечу — опустошали земли, убивали жителей.

Граф Гарен Бокерский был стар и слаб, и миновало его время. Был у него сын, единственный наследник, а больше ни сына, ни дочери. Я опишу вам его. Звался он Окассеном. Приветлив он был, и высок, и прекрасен: изящные ноги и все тело и руки, белокурые

кудри, живые и веселые глаза, светлое, тонкое лицо, прямой, красивый нос. Словом, так хорош, что не было в нем никакого недостатка.

Но был он настолько покорен всевластной любовью, что не желал стать рыцарем, взяться за оружие, сражаться на турнирах,— делать все положенное. Отец и мать говорили ему:

— Сын, возьмись же за оружие, и садись на коня, и защищай свою землю, и помогай своим людям. Если они тебя увидят рядом с собой, они будут храбрее защищать и себя, и свои владения, и твою землю, и мою.

— К чему теперь говорить об этом, отец? — отвечает Окассен.— Пусть господь будет глух ко всем моим мольбам, если я стану рыцарем, и сяду на коня, и ринусь в бой или в стычку, и буду поражать рыцарей и они меня,— прежде чем вы дадите мне в жены Николетту, нежную мою подругу, которую я так люблю.

— Сын мой,— говорит ему отец,— ты просишь невозможного. Забудь о Николетте! Ведь она пленница, привезенная из чужой земли,— виконт нашего города купил ее у сарацин, и привез в этот город, и воспитал ее, и окрестил, и сделал приемной дочерью, а скоро даст он ей молодого мужа, честно зарабатывающего свой хлеб. Здесь тебе нечего делать, а если хочешь жениться, я дам тебе в жены дочь короля или графа. Нет во Франции столь знатного человека, чтобы не отдать тебе своей дочери, лишь бы ты захотел.

— Ах, отец,— отвечает Окассен,— разве не заслуживает Николетта, моя нежная подруга, самой высокой чести в мире? Да будь она хоть императрицей Константинопольской или Германской, королевой Франции или Англии, и этого мало — так она благородна, изящна, приветлива и одарена всеми достоинствами.

3

Теперь поют

Жил в Бокере Окассен
За оградой гордых стен.
Полюбил он Николетту,
Захотел женою взять,
Но отец невесту эту
Сжить готов совсем со свету,
Увещает сына мать:
«Ты безумец! Пусть она
И прекрасна, и стройна,
Только знай: она из плена
Куплена близ Карфагена.

Не роняй свою ты честь —
Познатней невесты есть».
«Мне других невест не надо,
В ней одной моя отрада,
Весела она, красива.
Сердце радует на диво,—
Так она любима!»

4

Теперь говорят и сказывают-рассказывают

Видит граф Гарен Бокерский, что никак не отвлечь сына от любви к Николетте, и отправляется к виконту города, своему вассалу, и так говорит ему:

— Господин виконт, уберите отсюда Николетту, вашу приемную дочь! Да будет проклята земля, откуда она вывезена в нашу страну! Ведь из-за нее теряю я Окассена. Он не хочет ни стать рыцарем, ни исполнять ничего, что ему положено. Так знайте, будь на то моя воля, я бы сжег Николетту на костре, да и вам бы несдобровать.

— Господин мой,— отвечает ему виконт,— мне самому не нравится, что сын ваш ходит сюда и разговаривает с ней. Я купил ее, и воспитал, и окрестил, и сделал приемной дочерью. На этих днях дам ей молодого мужа, который будет честно зарабатывать свой хлеб. Сыну вашему, Окассену, нечего будет делать здесь. Но если такова ваша воля, то я отошлю ее в далекую страну, где он ее никогда уже не увидит.

— Так попомните,— отвечает ему граф Гарен.— Иначе может с вами случиться большая беда.

Они расстались. А виконт был очень богат, и в саду стоял у него роскошный дворец. В светелку на самом верху виконт приказал посадить Николетту, а с нею — старушку для компании и беседы, и еще велел отнести туда хлеба, и мяса, и вина, и всего, что может понадобиться. Затем приказал запечатать дверь, чтобы не было ни входа, ни выхода, так что осталось лишь окошечко в сад, очень маленькое, в которое проникало немного свежего воздуха.

5

Теперь поют

Заперта Николь в светлицу,
Ей на волю не пробиться.
Низкий свод сложен на диво
И раскрашен прихотливо.

Вот на мрамор у окна
Опирается она.
Белокура, светлолица,
Брови тонки, ясен лик,
Локон по ветру струится —
Кто прекрасней в этот миг?!
Поглядела в сад, а тут
Розы пышные цветут.
Птички весело поют.
И сиротка зарыдала,
Жалко ей свободы стало:
«Горе, горе, я пропала!
Окассен, владыка мой,
Только вы добры со мной...
Стала вашей я рабой,
Полюбила вас — и вот
Как печально жизнь течет!
Как гнетет ужасный свод.
Но клянусь Христом — не лгу:
Из тюрьмы я убегу,
Как-нибудь сумею».

6

Теперь говорят и сказывают-рассказывают

Как вы уже слыхали и поняли, Николетта была упрятана в светелку. По всей земле и по всей стране пошли шум и молва, что Николетта погибла. Одни говорили, будто она бежала из страны, а другие говорили, будто граф Гарен Бокерский приказал умертвить ее. Если кто-нибудь и радовался этому, то Окассену не было весело, поэтому он отправился к виконту города и так сказал ему:

— Господин виконт, что вы сделали с Николеттой, моей нежной подругой, которую я люблю больше всего на свете? Похитили вы ее у меня, украли! Знайте же, если я умру от этого, месть падет на вас, и это будет вполне справедливо. Ведь это вы меня убили своими руками, ибо отняли у меня то, что я любил больше всего на свете.

— Прекрасный господин,— отвечал виконт,— не говорите так! Николетта — пленница, я привез ее из чужой страны, купив за деньги у сарацин, и воспитал ее, и крестил, и сделал своей приемной дочерью, и выкормил, и дам ей вскоре молодого мужа, который будет честно зарабатывать свой хлеб. Что вам от нее надо?

Возьмите себе в жены дочь короля или графа. И подумайте, чего вы добьетесь, если сделаете ее своей наложницей? Мало будет вам радости, ибо до конца жизни тело ваше будет опоганено, а душа ваша низвергнется в ад: никогда не попасть вам в рай!

— Не нужен мне рай! Я туда не стремлюсь, лишь бы была со мной Николетта, моя нежная подруга, которую я так люблю. Я скажу вам сейчас, кто попадает в рай. Старые попы, и дряхлые калеки, и убогие, что дни и ночи ползают перед алтарями и криптами, и те, кто едва прикрыт лохмотьями или жалкими монашескими одеяниями, а то и вовсе ходит голый и босый, и те, кто умирает от голода, жажды, холода и нищеты. Эти все отправляются в рай; с ними мне делать нечего. А вот в ад я хочу, ибо в ад уходят прилежные ученые, доблестные рыцари, павшие на турнирах и в грозных сражениях, и славные воины, и благородные люди. С ними мне будет хорошо. Прекрасные обходительные дамы, имевшие двух или трех возлюбленных, кроме своего мужа, и золото, и серебро, и драгоценные, пышные меха, тоже уходят в ад, идут туда арфисты, и жонглеры, и короли. Вот с ними хочу я быть, но сейчас отдайте мне Николетту, мою нежную подругу.

— Напрасно говорите вы так,— сказал виконт,— ведь вы никогда не увидите ее. А если бы вы поговорили с ней и ваш отец узнал об этом, он сжег бы на костре и меня и ее, да и вы сами могли бы тоже опасаться за себя.

— Горе мне! — сказал Окассен и в печали пошел прочь.

7

Теперь поют

Окассен идет домой
От страданий сам не свой.
Неужель навек лишиться
Николетты светлолицей?
Кто подаст совет благой?
На судьбу лихую зол,
Вот он к замку подошел,
И, взойдя к себе в покой,
Стал без меры тосковать,
Содрогаться и рыдать
И подругу призывать:
«Николетта, ты одна
Так прекрасна и стройна,

Ты — услад моих родник,
Как забыть твой светлый лик,
Поцелуев легкий рой,
Смех веселый и простой?
Как мне жить теперь без вас?
Мне и свет не мил сейчас,
Нежная подруга!»

8

Теперь говорят и сказывают-рассказывают

Пока Окассен сидит у себя в спальне и тоскует о Николетте, своей подруге, граф Бугар Валенский не перестает воевать. Он собирает своих воинов, пеших и конных, и идет на замок, чтобы осадить его. Тогда поднимаются крики и шум, рыцари и воины берутся за оружие и спешат к воротам и стенам на защиту замка, а горожане всходят на выступы стен и бросают оттуда камни и острые копья.

Осада становилась все сильней и жесточе, и тогда граф Гарен Бокерский пришел в покой, где Окассен печалился и тосковал по Николетте, своей подруге, которую он так любил.

— Сын мой! — сказал граф,— сколь ты жалок и несчастен, если можешь смотреть, как осаждают твой замок, самый лучший и крепкий из замков. Знай, если ты лишишься его, то останешься без наследства. Сын, возьмись за оружие, и садись на коня, и защищай свою землю, и помогай своим людям,— иди в бой! Пускай ты даже никого не сразишь и никто не сразит тебя, но люди, увидев тебя рядом, будут доблестно защищать свое добро, и свою жизнь, и землю твою и мою. Ты такой большой и сильный — исполняй свой долг!

— Отец,— сказал Окассен,— к чему вы это говорите? Пусть господь будет глух ко всем моим мольбам, если я стану рыцарем, и сяду на коня, и ринусь в бой, если буду поражать рыцарей, а они — меня, прежде чем вы дадите мне в жены Николетту, нежную мою подругу, которую я так люблю.

— Сын мой,— сказал отец,— ты просишь невозможного. Я предпочту лучше быть разоренным и лишиться того, что имею, чем видеть ее твоей женой, твоей супругой.

Он повернулся. И когда Окассен увидел, что отец уходит, он позвал его.

— Отец, вернитесь,— сказал Окассен,— я хочу предложить вам доброе соглашение.

— Какое, милый сын?

— Я возьму оружие и пойду в бой, но с условием: если господь вернет меня живым и невредимым, вы позволите мне повидать Николетту, мою нежную подругу, перекинуться с нею двумя-тремя словами и хоть один раз поцеловать ее.

— Согласен,— ответил отец.

Он дал ему обещание, и Окассен возрадовался.

9

Теперь поют

Окассен уже волнуем
Предстоящим поцелуем,
Это впрямь судьбы подарок,
Он дороже тысяч марок!
Вот теперь не укорят:
Окассен сражаться рад!
Панцирь он надел двойной,
Шлем приладил боевой,
С рукояткой золотой
Меч он выбрал дорогой,
Захватив копье и щит,—
На коня вскочить спешит,
Ноги вставил в стремена,
Весь отвагой он горит,—
Так любовь его нежна! —
И, сверкнув броней, летит,
Шпорой тронув скакуна,
За ворота, где война,
　　　　Где кипит сраженье.

10

Теперь говорят и сказывают-рассказывают

Окассен, облаченный в доспехи, поскакал на своем коне, как вы уже слыхали и поняли. Боже! Как красил его щит у груди, и шлем на голове, и перевязь меча на левом боку! Юноша был высок, силен, красив, строен, конь под ним был быстр и проворен, и рыцарь направил его прямо в ворота. Но уж не думаете ли вы, что он хотел угнать быков, коров или коз или сразиться с врагами? Ничуть не бывало! Ни о чем подобном он и не помышлял: так погружен он был в мысли о Николетте, своей нежной подруге, что забыл о поводьях и о том, что ему надлежало делать. Конь же,

почувствовав шпоры, понес его в битву и устремился в самую гущу врагов. Они протянули к нему со всех сторон руки, схватили его, отняли щит и копье, и потащили его, застигнутого врасплох, и по дороге уже обсуждали, какой смерти его предать.

И Окассен услышал их речи.

— Иисусе сладчайший! — воскликнул он.— Ведь это мои смертельные враги уводят меня, чтобы отрубить голову! Но если отрубят мне голову, то не смогу я говорить с Николеттой, моей нежной подругой, которую так люблю. Однако есть еще у меня хороший меч, и сижу я на добром скакуне, успевшем отдохнуть. Так буду же защищаться из любви к милой, и если только бог меня любит, то поможет мне, а не им!

Юноша был силен и высок, и конь, на котором он сидел, был резв. И Окассен взялся за меч и стал наносить удары направо и налево, и разрубал он шлемы и забрала, руки и плечи, и растеклась вокруг него лужа крови, подобно той, какая бывает вокруг дикого кабана, когда собаки нападут на него в лесу. Так он убил десять рыцарей и семерых ранил. Стремительно вырвался он тогда из битвы и галопом понесся назад с мечом в руке.

Граф Бугар Валенский слыхал, что собираются повесить Окассена, его врага, он подъехал поближе, и Окассен тотчас узнал его. Он занес меч и ударил графа по шлему так, что вдавил в голову. Граф был оглушен и свалился на землю. Окассен протянул руку, поднял его, взял за забрало и повел к своему отцу.

— Отец,— сказал Окассен,— вот ваш враг, который долго воевал с вами и причинил столько вреда! Ведь двадцать лет длилась эта война, которую не мог никто завершить.

— Славный сын,— сказал отец,— вот такими подвигами отличаться бы тебе с детства, а не думать о пустяках.

— Отец,— сказал Окассен,— не читайте мне проповедей, а исполните наше условие.

— А? Какое условие, славный сын?

— Ого, отец! Вы его забыли? Клянусь головой, уж кто-кто, а я его не хочу забывать; ведь оно глубоко в моем сердце. Разве вы не обещали, когда я взялся за оружие и пошел в бой, что, если господь меня вернет живым и невредимым, вы мне дадите видеться с Николеттой, моей нежной подругой, и я смогу перемолвиться с ней двумя-тремя словами и поцеловать ее хоть один раз. Это обещали вы мне, и я хочу, чтобы вы сдержали слово.

— Я? — сказал отец.— Да не поможет мне бог, если я сдержу такое обещание. Если бы твоя Николетта была здесь, я бы сжег ее на костре, да и тебе бы не поздоровилось.

— Это ваше последнее слово? — спросил Окассен.

— Да поможет мне господь,— отвечал отец.

— Поистине,— сказал Окассен,— мне весьма тягостно, что человек в вашем возрасте лжет. Граф Валенский, я взял вас в плен?

— Разумеется, господин мой,— ответил граф.

— Дайте мне вашу руку,— продолжал Окассен.

— Охотно, господин мой.

Он подал ему руку.

— Поклянитесь мне,— сказал Окассен,— что сколько бы вы ни жили, не пройдет ни одного дня, чтобы вы не оскорбляли моего отца и не посягали на его жизнь и имущество.

— Ради бога, господин мой,— сказал граф,— не издевайтесь надо мною, но назначьте мне выкуп. Я дам вам все, что вы потребуете, будь это золото и серебро, скакуны или простые лошади, разные драгоценные меха, собаки или птицы.

— Как? — сказал Окассен.— Вы не хотите признать, что вы — мой пленник!

— Хочу, господин мой,— сказал граф Бугар.

— Да накажет меня господь, если я не сниму с вас голову,— воскликнул Окассен,— раз вы отказываетесь дать клятву.

— Ради бога,— сказал граф,— я поклянусь во всем, что вам угодно.

Тогда Окассен посадил его на коня, сам сел на другого и проводил графа до места, где тот был в безопасности.

11

Теперь поют

Убедился граф Гарен,
Что не хочет Окассен
Добровольно разлучиться
С Николеттой светлолицей.
«Нет, добьюсь я перемен! —
Граф сказал.— Из крепких стен
К Николетте не пробиться».
И в темницу, под землей,
Сын упрятан молодой.
Стал взывать он со слезами,
Вот, послушайте вы сами:
«О Николь, лилея сада,
Светлолицая отрада,
Ваших сладостных лобзаний
Может ли мне быть желанней
Сок пьянящий винограда!
Знал я как-то пилигрима.

Лимузен забыв родимый,
Страшной мукой одержимый,
На постели он стонал
Без движения — от боли.
Вы же мимо проходили,
И подол свой подхватили —
И мантильи край соболий,
И рубашки белый лен,—
И при виде ножки милой
Сразу стал он исцелен,
Позабыл свой стон унылый.
Преисполнен свежих сил,
Он, бодрей чем раньше был,
Восвояси поспешил...
О подруга, о лилея,
Кто в движениях плавнее,
В играх сладостных — славнее?
Кто в беседе веселее,
В поцелуях кто нежнее?
Кто вас может не любить!
Из-за вас я обречен
В подземелии тужить,
Где навеки заточен!
Мне до смерти слезы лить
Из-за вас, подруга!»

12

Теперь говорят и сказывают-рассказывают

Окассена заключили в темницу, как вы уже слышали и поняли, а Николетту заперли в светелке. Это было в мае, когда дни стоят жаркие, длинные и светлые, а ночи — тихие и ясные. Однажды ночью, лежа в своей постели, увидела Николетта, как ярко светит луна в оконце и услышала, как поет соловей в саду, и вспомнила об Окассене, друге своем, которого так любила. Она стала думать о графе Гарене Бокерском, который смертельно ненавидел ее, и решила, что не останется больше здесь: ведь если бы кто-нибудь донес на нее и граф Гарен узнал о ней, то предал бы ее злейшей смерти. Она прислушалась: оставленная с ней старушка спала. Николетта встала, надела платье из прекрасного шелка, взяла с постели покрывала и холщовые простыни, связала их, скрутила из них веревку, такую длинную, какую только могла, прикрепила ее к подоконнику и спустилась по ней в сад. Приподняв одеж-

ды одной рукой спереди, а другой сзади, пошла она по саду, прямо по росистой траве.

У нее были светлые кудри, живые, веселые глаза, тонкое лицо, прямой красивый нос, алые губки, подобные вишне или розе в летнюю пору, белые мелкие зубы. Упругие маленькие груди приподымали ее одежду, как два волошских орешка. Стан был строен, и обнять его можно было двумя ладонями. Маргаритки, кланявшиеся ее стопам, когда она проходила мимо, казались темными по сравнению с ее ногами — так была она белоснежна. Она подошла к калитке, открыла ее и пошла по улицам Бокера. Она старалась идти в тени, потому что луна светила слишком ярко. Долго Николетта бродила, пока не подошла к башне, где находился ее друг. Башня эта местами дала трещины, и она, спрятавшись за колонну, закутанная в свой плащ, прижала голову к щели ветхой и древней башни и услышала, как рыдал там Окассен, как страшно скорбел он и тосковал о подруге, которую он так любил. И, наслушавшись, она заговорила:

13

Теперь поют

Николетта у колонны,
Чуть луною озаренной,
Окассена слышит стон:
По подруге плачет он.
И тогда она сказала:
«Славный друг, достойный витязь,
Вам ведь плакать не пристало,
Окассен, приободритесь
И тоскою не томитесь,
Чем упорствовать в печали,
Лучше старшим покоритесь.
Невзлюбили ведь меня
И отец ваш, и родня.
С вами быть я не могу:
В край заморский убегу...»
И она от светлых кос
Отрезает прядь волос.
И в восторге эту прядь
Стал несчастный целовать,
И темница нипочем!
А потом он стал рыдать,
Снова слезы бьют ключом —
Все из-за подруги.

14

Теперь говорят и сказывают-рассказывают

Когда Окассен услыхал слова Николетты о том, что она хочет уехать в другую страну, он страшно опечалился.

— Прекрасная, нежная подруга,— сказал он,— нет, вы не уедете, иначе я умру. Первый, кто вас увидит и кто только сможет, сейчас же схватит вас и положит на свою постель и сделает вас своей наложницей. А после того, как вы разделите ложе не со мной, а с другим человеком, не думайте, что я буду ждать, пока попадется мне нож — нанести себе удар в сердце и умереть. Нет же, я вовсе не стану дожидаться этого, но при первом удобном случае, лишь я увижу каменную стену или серый камень, я так сильно ударюсь головой, что глаза мои выскочат и вытекут мозги. Лучше мне умереть такой страшной смертью, чем услышать, что вы разделили чужое ложе.

— Ах,— сказала она,— я не могу поверить, что вы меня так любите, как вы говорите, но я вас люблю еще больше!

— О прекрасная, нежная подруга! — воскликнул Окассен,— не может быть, чтобы вы любили меня даже так же, как я вас. Женщина не может так любить мужчину, как мужчина женщину. Ведь любовь женщины в ее очах, и в кончиках грудей, и в ступнях ног, а любовь мужчины покоится в сердце, и уйти оттуда она не может.

Пока Окассен и Николетта беседовали между собой, городская стража с обнаженными мечами под плащом прошла вдоль по улице. А дело было в том, что граф Гарен приказал воинам убить Николетту, если они смогут схватить ее. И страж, находившийся на башне, видел их и слыхал, как они говорили о Николетте и собирались убить ее.

— Боже! — воскликнул он,— как жаль будет прекрасную девицу, если они убьют ее. Было бы очень добрым делом, если бы я незаметно для воинов посоветовал ей остерегаться их. Ведь если они ее убьют, умрет господин мой Окассен, а это будет очень горько.

15

Теперь поют

Благороден сторож был,
И умен, и добр, и смел.
Песню тихо он пропел,
В ней Николь предупредил:
«О красотка, ты смела,
Ты прекрасна и мила.

Золотятся волоса,
Светел лик, блестят глаза!
Сразу я узнал тебя!
Окассен готов, любя,
С горя умертвить себя.
Слышишь, я тебе пою —
Береги ты жизнь свою:
Старый граф хитер и крут,—
Слуги рыщут там и тут,
Под плащом мечи несут —
Прячься поскорее!»

16

Теперь говорят и сказывают-рассказывают

— Ах,— сказала Николетта,— да упокоятся в блаженном мире души отца твоего и матери твоей за то, что ты так красиво и благородно подал мне весть. Я буду остерегаться, если это угодно богу, и да хранит он меня.

Она завернулась в свой плащ и притаилась в тени колонны, пока дозор не прошел мимо, и простилась с Окассеном, и пошла дальше, пока не достигла крепостной стены.

Стена была полуразрушена и заделана плетнем. Николетта перелезла через нее и очутилась между стеной и рвом. Поглядела вниз и увидела, как глубок ров, и ужаснулась.

— Ах, боже! —воскликнула она,— Иисусе сладчайший! Если я свалюсь вниз, я погибну, если же останусь здесь, утром меня схватят и сожгут на костре. Но лучше умереть здесь, чем быть завтра выставленной на общее позорище!

Она перекрестилась и стала скользить вниз по склону, а когда оказалась внизу, ее прекрасные руки и ноги, не знавшие доселе ран, были исцарапаны и исколоты, и кровь лилась по меньшей мере в двенадцати местах. Но она так сильно испугалась, что не испытывала ни боли, ни огорчения.

Если ей трудно было спуститься на дно, то еще труднее было выбраться оттуда. Она решила все же не оставаться там, нашла заостренный кол, который бросили защитники замка, и стала карабкаться с большим трудом, пока не вышла наружу.

На расстоянии двух выстрелов из арбалета находился лес, который тянулся почти на тридцать миль в длину и ширину. В нем водились дикие звери и всякие змеиные отродья.

Она боялась войти в лес, чтобы ее не растерзали звери, но помнила и о том, что если ее найдут, то отведут в город и тогда ей не миновать костра.

17

Теперь поют

Николетта чуть жива
Еле вышла изо рва —
Стала жалобно рыдать,
Иисуса призывать:
«Сжалься, господи, владыка!
Я не ведаю пути:
В лес густой боюсь идти,
Чтоб на льва не набрести.
И кабан так страшен дикий,
Страшен волка жадный взор!
Ну, а тут дождаться дня,
Могут выследить меня...
Как спасусь я от огня?
Знаю, ждет меня костер!
Что же делать, правый боже?
Хоть в лесу мне страшно тоже
С кровожадными волками,
С кабанами и со львами,—
В городе страшнее все же!
Не пойду туда я!..»

18

Теперь говорят и сказывают-рассказывают

Николетта горько печалилась, как вы уже слышали. Она положилась на бога и побрела дальше, пока не пришла в лес. Не посмела войти в самую чащу из-за диких зверей и змей и забилась в густой кустарник, где охватил ее сон, так что она проспала до рассвета, когда пастухи явились из города и пригнали стада пастись между лесом и рекой. Сами они отошли к прекрасному ключу, бившему на опушке леса, разостлали плащ на земле и разложили на нем хлеб. Пока они ели, Николетта проснулась от пения птиц и пастушьих криков и приблизилась к ним.

— Милые дети,— сказала она,— да поможет вам господь бог!

— Да благословит вас бог! — ответил один из пастухов, что был поречистее остальных.

— Милые дети, знаете ли вы Окассена, сына графа Гарена Бокерского? — спросила она.

— Да как же не знать!

— Ради бога, милые дети, передайте ему, что в этом лесу есть один зверь,— продолжала она,— пусть придет охотиться на него; и если он его поймает, то не отдаст даже частицы от него ни за сто золотых марок, ни за пятьсот, ни за любые сокровища.

А они глядели на нее, пораженные такой красотой.

— Чтобы я передал ему это? — сказал пастух, что был поречистее других.— Пусть будет проклят тот, кто хоть заикнется об этом, не только все перескажет. Ведь то, что вы говорите,— выдумка. В этом лесу нет ни оленя, ни льва, ни кабана столь дорогого, чтобы частица его стоила больше двух или, от силы, трех денье, а вы говорите о столь огромной цене. Пусть будет проклят тот, кто вам поверит и передаст ему ваши слова. Вы — фея, и нам с вами дружить нечего. Идите своим путем.

— Ах, милые дети,— продолжала она,— вы все-таки исполните мою просьбу. У зверя есть такое лекарство, что Окассен исцелится от своей болезни. Со мною в кошельке есть пять су, возьмите их и перескажите ему мои слова. И пусть он охотится три дня, и если он за три дня не найдет зверя, то уже никогда его не увидит и никогда не исцелится от своей болезни.

— Клянусь,— воскликнул пастух,— деньги мы возьмем, и лишь бы он пришел сюда, мы ему все скажем, но искать его не пойдем.

— Ради бога,— сказала она.

Потом простилась с пастухами и ушла.

19

Теперь поют

Николетта хоть не скоро,
Но добилась после спора
С пастухами уговора,
И уже не сводит взора
С леса темного она.
В путь! Тропа едва видна.
Вдруг — распутье: семь дорог
Вдоль идут и поперек.
Стала бедная гадать,
Как бы другу весть подать?
Нарвала она лилей
Со стеблями подлинней,
Наломала и ветвей,—

Вместе все она плетет,—
И шалаш уже растет!
«Окассен сюда придет,—
Сладко думается ей,—
Он шалаш увидит мой,
Отдохнет в тени густой.
А ему не будет рад,
Сам он будет виноват».

20

Теперь говорят и сказывают-рассказывают

Николетта устроила шалаш, как вы уже слыхали и поняли. Он был очень красив и приятен и убран внутри и снаружи цветами и листвой. Сама же она спряталась за шалашом, в густом кустарнике, чтобы узнать, что будет делать Окассен.

А повсюду в той стране пошел шум и молва, что Николетта исчезла. Одни говорили, что она бежала, другие — что граф Гарен приказал убить ее. Если кто-нибудь и радовался ее исчезновению, то вовсе не Окассен. Граф Гарен Бокерский велел выпустить сына из темницы, созвал со всей страны рыцарей и знатных дев, приказал устроить пышный праздник, думая развлечь этим Окассена. Хотя праздник был очень веселый, Окассен терзался и вздыхал, прислонясь к колонне. Все были исполнены радости, но Окассену было не до веселья, ибо не было перед ним той, кого он любил. Один рыцарь заметил это, подошел к нему и окликнул по имени.

— Окассен,— сказал он,— я страдал тем же недугом, что и вы. Я вам дам хороший совет, если вы захотите довериться мне.

— Большое спасибо, господин мой,— сказал Окассен.— Я дорого оценю хороший совет.

— Сядьте на коня,— продолжал тот,— и скачите вдоль того леса, чтобы развлечься: ведь вы увидите и цветы и травы, услышите пение птиц. Может быть, услышите вы и словечко, от которого вам станет легче на душе.

— Господин мой! — сказал Окассен.— Большое вам спасибо! Я так и сделаю.

Он покинул залу, сошел с лестницы и отправился на конюшню, где стояла его лошадь. Он велел оседлать и взнуздать ее, вдел ногу в стремя, вскочил на нее и выехал из замка. Скакал до тех пор, пока не достиг леса. Он подъехал к ключу и застал там пастухов как раз в начале девятого часа. Они разостлали плащ на траве, ели свой хлеб и весело болтали.

21

Теперь поют

Пастушки собрались все:
Эсмере и Мартине,
Фрюэлин и Жоанне,
Робешон и Обрие.
Говорит из них один:
«Окассен, наш господин,
Спору нет, хорош на взгляд,
Но и та, что в лес ушла,
Белокура, весела,
Тонок стан, глаза горят.
А какой на ней наряд!
Три денье она дала:
Купим ножик и рожок,
И свирели, и свисток,
А в придачу — пирожок!
Боже, дай ей счастья!»

22

Теперь говорят и сказывают-рассказывают

Когда Окассен услыхал песню пастухов, он вспомнил о Николетте, нежной подруге, которую так любил, и подумал, что это она была там. Он пришпорил коня и подъехал к пастухам.

— Да поможет вам бог, милые дети!

— Да благословит вас господь! — сказал тот, что был поречистее остальных.

— Милые дети,— продолжал Окассен,— повторите песню, что вы пели сейчас.

— Мы не повторим ее,— сказал тот, что был поречистее остальных,— и да будет проклят тот, кто споет ее вам, прекрасный господин.

— Милые дети,— сказал Окассен,— да знаете ли вы меня?

— Конечно, мы отлично знаем, что вы — Окассен, наш молодой господин, но мы принадлежим не вам, а графу.

— Милые дети, спойте, я вас прошу.

— Ах, черт побери! — воскликнул пастух.— Зачем я буду петь для вас, если я не расположен. Ведь во всей стране нет, кроме графа Гарена, столь сильного человека, который застал бы моих быков, коров и овец на своих лугах и осмелился бы их прогнать без опаски, что ему выцарапают глаза. Так для чего же я буду вам петь, если я не расположен?

— Да поможет вам бог, милые дети, вы сделаете это! Со мною десять су,— вот, возьмите.

— Деньги мы возьмем, господин мой, но петь я не стану, потому что уже дал клятву. Но я вам все расскажу, если вы желаете.

— Ради бога! — воскликнул Окассен.— Чем вовсе молчать, хотя бы расскажите!

— Господин мой, мы были здесь между первым и третьим часом и ели наш хлеб у этого ключа, как делаем это теперь. И пришла сюда девица, прекраснее всех на целом свете, и мы подумали, что это фея, и весь лес озарился от нее, и она нам дала много денег, и мы ей за это обещали, если вы придете сюда, сказать вам, чтобы вы поохотились в этом лесу: будто здесь живет зверь, от которого вы и частицы не отдадите, если сумеете только его поймать, ни за пятьсот серебряных марок, ни за какие другие сокровища. А у зверя есть такое лекарство, что, получив его, вы исцелитесь от своей болезни. А должны вы взять зверя за три дня, иначе никогда больше его не увидите. Теперь охотьтесь, если желаете, а не желаете — не надо! Я же исполнил то, что обещал ей.

— Милые дети,— молвил Окассен,— вы мне достаточно сказали, и бог да поможет мне найти зверя!

23

Теперь поют

Окассен внимал рассказу,
Словно тайному приказу
От подруги светлолицей,
Исполнять готовый сразу,
С пастухом спешит проститься,
Подгоняет скакуна.
Окассен все дальше мчится,
Песенка его слышна:
«Николетта дорогая,
В эти дебри проникая,
Не оленей, кабанов —
Ваших я ищу следов!
Стройный стан ваш, блеск очей,
Сладость ласковых речей —
Мне утех любых милей,
Вас я в чаще отыщу
И уже не упущу,
Милая подруга!»

24

Теперь говорят и сказывают-рассказывают

Окассен поехал по лесным дорогам, и быстро нес его конь. Не думайте, что репейник и шипы щадили его. Вовсе нет! Они раздирали его платье, не оставляя ни одного живого места, и кровью покрыты были его белые руки, все тело, и ноги, и струилась она из тридцати или сорока ран, так что по следам крови на траве можно было узнать, где проехал рыцарь.

Но он так был погружен в мысли о Николетте, своей нежной подруге, что не чувствовал ни боли, ни огорчений, и все искал ее, но напрасно. Когда же увидел, что близится вечер, то стал плакать, что не нашел ее. Он свернул на старую, заросшую травой дорогу, и посредине пути огляделся, и заметил человека — такого, как я вам опишу. Он был высокий, чудной и безобразный. Громадная голова чернее угля, между глазами поместилась бы добрая ладонь; толстые щеки и огромный плоский нос с широкими ноздрями; большие губы краснее сырого мяса, зубы — широкие, желтые, страшные. На ногах чулки и башмаки из бычьей кожи, подбитые лыком и доходящие до самых колен. Он был завернут в двойной плащ и опирался на огромную дубину.

Окассен подъехал к нему и испугался, разглядев его.

— Да поможет тебе бог, славный брат!

— Да благословит вас господь,— ответил тот.

— Что ты тут делаешь с божьей помощью?

— А вам что до этого? — спросил тот.

— Да ничего,— отвечал Окассен,— но я ведь от чистого сердца спрашиваю.

— А почему вы плачете? — спросил тот.— И почему у вас такой печальный вид? Вот уж если бы я был таким богачом, как вы, ничто в мире не заставило бы меня плакать.

— Вот как! Вы знаете меня? — спросил Окассен.

— Да, я отлично знаю, что вы Окассен, графский сын, и если вы мне скажете, почему вы плачете, я вам скажу, что я делаю здесь.

— Конечно,— ответил Окассен,— я вам все готов сказать. Я охотился сегодня утром в этом лесу, и у меня была с собой белая левретка, прекраснейшая в мире, и я потерял ее. Поэтому я плачу.

— Ого! — воскликнул тот.— Что за господские прихоти! Вы плачете из-за дрянной собачонки. Проклятье тому, кто вас похвалит за это. Ведь во всей этой земле нет такого богача, который охотно и даже с радостью не достал бы вам десять, пятнадцать

или двадцать собак, если ваш отец ему это прикажет. Это мне вот следует плакать и горевать.

— А тебе о чем, братец?

— Господин мой, я вам расскажу. Я был нанят богатым крестьянином обрабатывать его землю плугом. У него было четыре быка. Три дня назад со мной случилось большое несчастье: я потерял лучшего из этих быков, Роже, лучшего изо всей упряжки, и теперь бегаю в поисках. Я ничего не ел и не пил вот уже три дня, потому что не смею вернуться в город. Ведь меня посадят в тюрьму: мне нечем заплатить за быка. Все, что у меня есть на свете, вы видите на мне. А еще у меня есть больная мать, у той не было ничего, кроме скверного тюфяка, но и его вытащили у нее из-под спины, и теперь лежит она прямо на соломе, и о ней я горюю еще больше, чем о себе. Добро появляется и исчезает, и то, что я потерял теперь, я заработаю в другой раз и верну деньги за быка, когда смогу, и потому я не плачу. А вы льете слезы из-за дрянной собачки. Да проклятие тому, кто похвалит вас за это!

— Верно! Ты, братец, хорошо утешил меня. Будь благословен. А сколько стоит твой бык?

— Господин мой, за него требуют двадцать су, но у меня ничего нет за душой.

— Ну вот тебе от меня двадцать су,— сказал Окассен.— Ты и заплатишь за твоего быка.

— Господин мой,— сказал тот,— большое вам спасибо! И да поможет вам бог найти то, что вы ищете.

И человек ушел. Окассен поскакал дальше. Ночь была светлая и тихая, и он все ехал и приехал к тому месту, где расходились семь дорог, и увидел шалаш, который, как вы знаете, сложила Николетта. Он был украшен цветами и снаружи, и внутри, и спереди, и сзади и был так прекрасен, что лучше быть не может. Когда Окассен увидел шалаш, он мигом остановился, а лунный луч осветил все внутри.

— Ах, боже! — воскликнул Окассен.— Это сделала Николетта, моя нежная подруга, своими прекрасными руками. Ради ее доброты и любви к ней сойду с коня и отдохну здесь ночью.

Он вытащил ногу из стремени, чтобы слезть с коня, но конь был большой и высокий. Окассен задумался о Николетте, своей нежной подруге, и упал на камень, да так неудачно, что вывихнул плечо. Он почувствовал себя тяжко раненным, но напряг все свои силы и привязал лошадь другой рукой к кусту шиповника, лег на спину, и так он вполз в шалаш. Взглянул в отверстие крыши, увидел звезды на небе, заметил одну, самую яркую, и начал говорить:

25

Теперь поют

«Вижу рядышком с луной
Тихий свет звезды ночной.
Знаю, звездочка, дружок,
Николетта там с тобой.
Взял ее на небо бог,
Чтоб твой скромный огонек
Разгореться ярче мог.
Николетта, я б хотел
Взвиться в горний ваш предел —
Пусть назад бы я слетел,
Лишь успеть бы вас опять
Хоть разок поцеловать.
Будь я сыном короля,
Так же вас любил бы я,
Милая подруга!»

26

Теперь говорят и сказывают-рассказывают

Когда Николетта услыхала голос Окассена, она пришла к нему, потому что была совсем недалеко. Она вошла в шалаш, обвила его шею руками, стала его целовать и обнимать.

— Милый, нежный друг, какое счастье, что я нашла вас!

— Какое счастье, что я вас нашел, прекрасная, нежная подруга!

Они целовались и обнимались, и велика была их радость.

— Ах, нежная подруга,— сказал Окассен.— Я только что тяжело ранил себе плечо, но теперь не чувствую ни боли, ни страданий, раз вы со мной.

Она ощупала ему руку и нашла, что плечо вывихнуто. Так долго гладила она плечо своими белыми руками, так долго растирала, что с помощью бога, который любит любящих, она вправила плечо. А потом она собрала цветы, и свежую траву, и зеленые листья и, оторвав полоску от своей рубашки, привязала их к плечу, и Окассен совсем выздоровел.

— Окассен,— сказала она,— посоветуемся, что нам делать. Если ваш отец прикажет завтра обыскать этот лес и меня найдут, не знаю, что будет с вами, но меня-то сгубят.

— Да, милая, нежная подруга, это было бы для меня большим горем. Но если мне удастся то, что я задумал, вас не схватят.

Он сел на коня, посадил подругу впереди себя, целуя и обнимая ее, и они понеслись в открытое поле.

27

Теперь поют

Окассен красив, влюблен,
Белокур и ловок он.
Он с подругой дорогой
Покидает лес густой.
Лоб целует, очи ей,
Розы щек и прядь кудрей.
Николетта все грустней:
«Окассен, мой дорогой,
Скоро ли в стране какой
С вами мы найдем покой?»
«Я считать не стану дней,
Лишь бы только поверней
Приютил нас край глухой».
Долго скачут по лесам,
По горам и городам,—
Море видится вдали,—
Наконец с коня сошли
На песок прибрежный.

28

Теперь говорят и сказывают-рассказывают

Окассен и его подруга сошли с коня, как вы уже слышали и поняли. Он вел лошадь под уздцы, а подругу вел за руку, и они шли вдоль берега. И Окассен увидел, что плывет корабль, и заметил, что купцы, сидящие на нем, гребут к самому берегу. Он подал им знак, и они подъехали к нему. Он сторговался с ними, и купцы взяли их на корабль. И когда они вышли в открытое море, поднялась сильная, чудовищная буря, которая швыряла их то туда, то сюда, пока они не прибыли в чужую страну и не вошли в гавань замка Торлор. Тогда они спросили, что это за земля, и им сказали, что это владения короля Торлорского. Потом Окассен спросил, что он за человек и не ведет ли он войну, и ему ответили:

— Да, большую войну.

Окассен прощается с купцами, те оставляют его, поручив богу. Он садится на коня, опоясавшись мечом, сажает подругу впереди себя и едет к замку. Спрашивает, где король, а ему отвечают, что тот рожает ребенка.

— А где же тогда его жена?

И ему отвечают, что она ушла с войском и увела с собой всех жителей страны.

Когда Окассен услышал это, он очень удивился, приблизился ко входу во дворец и сошел с коня вместе с подругой. Она осталась держать лошадь, а он, опоясанный мечом, вошел во дворец и ходил там повсюду, пока не набрел на покой, где лежал король.

29

Теперь поют

Торопливою стопой
Окассен вошел в покой.
Видит он — постель стоит,
А на ней король лежит.
Окассен ему кричит:
«Что ты делаешь, дурак?»
А король ответил так:
«Мне родить приходит срок,
Будет у меня сынок.
А когда его рожу,
Я обедню отслужу,
Как обычай мне велит,—
Вот потом за край родной
Постою я головой —
Славно повоюю!»

30

Теперь говорят и сказывают-рассказывают

Услышал Окассен, что говорит король, стянул с него все покрывала и расшвырял их по спальне. Увидел поблизости палку, схватил ее и чуть ли не до смерти избил короля.

— Славный господин мой! — закричал король.— Что вы хотите от меня? С ума вы сошли, что ли? Колотите меня в моем же доме!

— Черт побери! — вскричал Окассен.— Жалкий ублюдок! Я убью вас, если вы не поклянетесь мне, что больше никогда ни один мужчина не будет рожать детей в вашей стране.

Король поклялся ему, и когда он поклялся, Окассен сказал:

— Теперь, господин мой, ведите меня к войску, где находится ваша жена.

— Охотно, господин мой,— ответил король.

Он сел на своего коня, а Окассен на своего. Николетта же осталась в покоях королевы. Король с Окассеном отправились в путь и прибыли туда, где была королева. Они застали там битву,— бились печеными яблоками, яйцами и свежими сырами. Глядит на все это Окассен и очень удивляется.

31

Теперь поют

Окассен глядел с седла:
Вот так битва там была!
Все припасы боевые —
Не простые, а съестные:
Там кидают на врагов
Груды яблок, и сыров,
И орехов, и грибов.
Не сверкают там клинки,
А летают колобки,
Во врагов не мечут копья,
А швыряют теста хлопья.
Чем отважней этот бой,
Тем сильнее визг и вой.
Кто же славу там стяжал?
Тот, кто всех перевизжал!
Окассен хохочет.

32

Теперь говорят и сказывают-рассказывают

Когда Окассен увидел это диво, он подошел к королю и обратился к нему.

— Господин мой,— сказал Окассен,— это все ваши враги?

— Да, господин мой,— ответил король.

— Хотите, я вступлюсь за вас?

— Да,— ответил тот,— хочу.

И Окассен берет в руки меч, бросается в гущу врагов и начинает рубить их, и убивает множество людей. Когда король увидел, что он их убивает, он удержал его за поводья и сказал:

— Ах, государь мой, не убивайте их понапрасну!

— Как? — спросил Окассен.— Разве вы не хотите, чтобы я вступился за вас?

— Господин,— сказал король,— вы переусердствовали. У нас вовсе нет обычая убивать друг друга.

Враги обратились в бегство. И король с Окассеном вернулись в замок Торлор. И люди той страны стали уговаривать короля прогнать Окассена за пределы их земли, а Николетту отдать в жены королевскому сыну,— она им казалась дамой знатного рода. Но Николетта, узнав об этом замысле, вовсе не обрадовалась и сказала так:

33

Теперь поют

«Вам должна я дать отпор,
О король земли Торлор!
Не лишилась я ума.
Мне наследник ваш не мил.
Окассен меня пленил.
Вот обнимет он за шею,
И от радости шалею.
Хороводы, пляс веселый,
Скрипки, арфы и виолы
Мне и не нужны!»

34

Теперь говорят и сказывают-рассказывают

Окассен жил в замке Торлор в радости и наслаждении, ибо была с ним Николетта, нежная подруга, которую он так любил. И пока он жил в такой радости и наслаждении, отряд сарацин явился с моря, осадил замок и силой взял его. Сарацины захватили все богатства страны и увели пленников и пленниц. Схватили они и Николетту с Окассеном, и связали Окассена по рукам и ногам, и бросили его на один корабль, а Николетту на другой. Буря поднялась на море и разлучила их. Корабль, на котором находился Окассен, швыряло по бушующему морю, пока не прибило к замку Бокер, и жители прибежали на берег — захватить добычу по береговому праву. Они увидели Окассена и узнали его. Тогда они очень обрадовались. Так как Окассен провел в замке Торлор целых три года, а его отец и мать тем временем умерли, повели Окассена в замок Бокер, присягнули ему в вассальной верности, и он стал мирно управлять своей страной.

35

Теперь поют

Вот теперь, по крайней мере,
Окассен — опять в Бокере,
Правит он своей страной,—
Тишина вокруг, покой.
Но не сладит он с тоской,
Все грустит о Николетте.
Видит бог, на целом свете
Драгоценней для него
Не найдется никого.
Восклицает он, стеная:
«Как несчастен я и сир!
Я прошел бы божий мир
Весь, от края и до края,
Если б мог найти вас!»

36

Теперь говорят и сказывают-рассказывают

Но оставим теперь Окассена и расскажем о Николетте. Корабль, на котором увезли Николетту, принадлежал королю Карфагенскому, а он приходился ей отцом, и было у нее двенадцать братьев — всё принцы и короли. Когда они увидели, как прекрасна Николетта, они ей оказали большие почести, устроили праздник для нее и стали расспрашивать, кто она такая, так как она казалась им очень благородной дамой знатного происхождения. Но она сама не могла сказать, кто она: ведь ее похитили в раннем детстве. Вот прибыл корабль в город Карфаген. И когда Николетта увидела стены замка и все вокруг, она вспомнила, что росла здесь, а затем была похищена. Все же не была она тогда столь мала, чтобы теперь не вспомнить о том, что она — дочь короля Карфагенского и вскормлена в этом городе.

37

Теперь поют

Тихо, поступью степенной
На берег она идет.
Увидала замки, стены
И дворцы красы отменной,—

Но, тоскуя, слезы льет:
«Что мне мой высокий род,
Что мне пышный Карфаген!
Пусть эмиру я родня,
Но ведут сюда меня
Дикари в жестокий плен!
Рыцарь славный, Окассен,
Снова я по вас рыдаю,
И томлюсь, и изнываю.
Дал бы мне пресветлый бог
Хоть единственный разок
Вас увидеть, и обнять,
И в уста поцеловать,
Властелин любимый!»

38

Теперь говорят и сказывают-рассказывают

Когда король Карфагенский услыхал, что говорила Николетта, он обнял ее за шею.

— Милая, нежная девица! — воскликнул он.— Скажите мне, кто вы такая? Не бойтесь меня.

— Господин мой,— сказала она,— я дочь короля Карфагенского и была похищена в раннем детстве, лет, должно быть, пятнадцать тому назад.

Когда все услыхали это, то поняли, что она сказала правду, и приветствовали ее, и повели во дворец с большим почетом, как дочь короля. В Карфагене провела она три или четыре года. Однажды ее хотели выдать замуж за богатого языческого царя, но она и помыслить не желала о свадьбе. Она стала обдумывать, с помощью какой хитрости найти ее Окассена. Раздобыла виолу и научилась играть на ней. Ночью она прокралась из дворца и пришла в гавань, и поселилась там на берегу у одной бедной женщины. Там достала она одну траву и натерла себе голову и лицо, так что стала совсем черной. И заказала себе одежду — плащ, рубашку и штаны, нарядилась жонглером. Захватила с собой виолу, пошла к одному моряку и сторговалась с ним, чтобы тот взял ее на свой корабль. Они поставили парус и плыли в открытом море до тех пор, пока не прибыли в страну Прованс. И Николетта сошла с корабля, взяла виолу и пошла, играя, по всей стране, пока не пришла в замок Бокер, где жил Окассен.

39

Теперь поют

Это было летним днем
Возле башни, где кружком
Собрались его бароны.
Птицы пели с высоты,
Яркие вокруг цветы
И травы ковер зеленый...
Тут он вспомнил о своей
Милой сердцу Николетте,
И тогда печаль о ней
Стала в нем еще сильней,
Он забыл про все на свете.
Но со звонкою виолой
Тут как тут жонглер веселый.
«Вы, бароны, все внимайте!
Откровенно отвечайте —
Не хотите ль, чтоб для вас
Я пропел один рассказ?
Не хотите ли узнать,
Что пришлось перестрадать
Окассену с Николеттой?
Он в разлуке с ней страдал,
Но в лесу ее сыскал,
И, скача во весь опор,
Он увез ее в Торлор.
Да попал оттуда в плен —
И пропал наш Окассен!
А красотка Николетта
В Карфагене — знаю это.
Там открылось наконец,
Что король — ее отец.
А отец, крутой и властный,
Вздумал дочери несчастной
Дать язычника в мужья,—
Но надеется напрасно,—
Достоверно знаю я.
Николетта неизменно
Жаждет только Окассена
И клянется, что она
Будет век ему верна,
Встречи ожидая!»

40

Теперь говорят и сказывают-рассказывают

Когда Окассен услыхал такие слова Николетты, он очень возрадовался и отвел ее в сторону и стал расспрашивать.

— Милый, славный друг,— сказал Окассен,— не знаете ли вы еще чего-нибудь об этой Николетте, о которой вы пели здесь?

— Да, господин мой, я знаю, что она самое благородное, милое и умное создание, когда-либо рожденное на земле, что она дочь короля Карфагенского, который взял ее в плен, когда и Окассен был взят, и повез ее в город Карфаген, а там узнал, что она — его дочь. Он ей оказал большие почести, и теперь он со дня на день собирается дать ей в мужья одного из могущественнейших королей во всей Испании. Но она скорее даст себя повесить или сжечь, чем взять его в мужья, как бы он ни был богат.

— Ах, милый, славный друг,— сказал граф Окассен,— если бы вы могли вернуться в ту страну и сказать ей, чтобы она приехала сюда! Я дам вам из моих богатств все, что вы захотите. И знайте, из любви к ней я не желаю взять в жены никого, даже самой высокородной девицы. Так что я жду ее, и у меня не будет жены, кроме нее. И если бы я знал, где она, я давно бы уже нашел ее.

— Господин мой,— сказала она,— если это так, я разыщу ее ради вас и ради той, которую я очень люблю.

Она дала ему такое обещание, и тогда он велел наградить ее двадцатью ливрами. Она собралась уже уходить, и тут он заплакал от любви к Николетте. И когда она увидела его слезы, она сказала ему:

— Господин мой, не отчаивайтесь: ведь я скоро приведу вам ее в этот город, и вы увидите ее.

И когда Окассен услышал это, он сильно возрадовался. И она ушла от него и отправилась в город, в дом виконтессы, ибо виконт, крестный отец ее, уже умер. Она поселилась там, и стала разговаривать с виконтессой, и доверилась ей. И виконтесса узнала ее и вспомнила, что это Николетта, которую она воспитала. Она взяла ее к себе на целую неделю и велела ей мыться и купаться. А потом Николетта достала травку, называемую чистотелом, и натерлась ею, и стала такой красавицей, какой не была даже раньше. Она оделась в пышный шелковый наряд, каких много было у виконтессы, и села на кровать, на шелковый ковер, позвала даму и попросила ее сходить за Окассеном, ее милым. Виконтесса так и сделала. И когда она пришла в замок, она застала Окассена пла-

чущим и тоскующим по возлюбленной Николетте из-за того, что та медлит явиться. Виконтесса окликнула его и сказала:

— Окассен, не отчаивайтесь больше, но пойдемте со мной, и я вам покажу то, что вы больше всего любите на свете,— это Николетта, ваша нежная подруга, которая пришла к вам из далеких стран.

И Окассен возрадовался.

41

Теперь поют

О подруге, столь желанной,
Услыхав такую весть,
Он от радости нежданной
Дух не может перевесть.
С виконтессою вдвоем
Ко дворцу спешит бегом.
Торопливою рукой
Распахнул он дверь в покой,—
Видит он: вскочила с ложа,
Пуще прежнего пригожа,
Милая его подруга.
Мигом обняли друг друга,
Стал подругу он ласкать,
Стал тихонько целовать
Ей и очи и уста.
Быстро ночь промчалась та!
С Окассеном в час рассвета
Обвенчалась Николетта,
Госпожой Бокера стала.
Радостей ждало немало
Окассена вместе с ней,—
После бед минувших дней
Их любовь торжествовала.
Я на том их покидаю,
Песню-сказку я кончаю,—
Все и так понятно!

ВОЛЬФРАМ ФОН ЭШЕНБАХ
ПАРЦИФАЛЬ

СОКРАЩЕННЫЙ ПЕРЕВОД СО СРЕДНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКОГО
ЛЬВА ГИНЗБУРГА

I

Кого склоняет злобный бес
К неверью в праведность небес,
Тот проведет свой век земной
С душой унылой и больной.
Порой ужиться могут вместе
Честь и позорное бесчестье.
Но усомниться иногда —
Еще не главная беда:
Ведь даже и в утрате веры
Возможно соблюденье меры.
Найдется выход для сердец,
Что не отчаялись вконец...
Иные люди, как сороки:
Равно белы и чернобоки,
И в душах этих божьих чад
Перемешались рай и ад,
Оставив два различных цвета,
Из коих каждый есть примета...
Но тот, в ком веры вовсе нет,
Избрал один лишь черный цвет,
И непременно потому
Он канет в ночь, в глухую тьму.
А не утративший надежды
Рядится в белые одежды,
И к праведникам он примкнет...
Но всяк ли мой пример поймет?
Нет, строки, что сейчас прочли вы,
Для глупых слишком торопливы,
Чтоб их в сознанье удержать.
Так заяц тщится убежать,

Когда свое изображенье
Узрит в зеркальном отраженье.
(Меня наш *Готфрид* понимает,
И все ж он «зайца» не поймает,
Хоть Готфридом воспет *Тристан!*)
Но разве зеркало — обман?!
Стекло покрыто сзади цинком,
Чтоб отражаться в нем картинкам
Да и явлению любому...
Во сне мерещатся слепому
Черты неясного лица.
Но — жаль несчастного слепца! —
Изображенье тут же тает,
Поскольку зренья не хватает...
И мной зачитанные строки
Об оперении сороки
Содержат попросту намек
На образ, что весьма далек
И кажется неуловимым...
Считаю я необходимым
Здесь привести на свой манер
Хотя б еще один пример.
Допустим, вы щипать мастак,
А все ж не выщипать никак
Вам волоска с моей ладони:
Со дня рожденья и доныне —
Могу сказать наверняка —
Там не растет ни волоска.
В чем суть подобного примера?
В том, что всего важнее — вера!
Есть волосок, нет волоска —
Была бы вера высока!..
...Кому не хочется из вас
Узнать скорей, о чем сейчас
Пойдет сие повествованье?
О встрече или расставанье,
О бегстве в ночь, покрытом тьмой,
О возвращении домой,
О славе или о пороке,
О том, добры мы иль жестоки,
О всех превратностях судьбы
В разгар немыслимой борьбы
Меж черной мглой и ясным светом...
Кто устоит в боренье этом,

Спасенью душу отворя?
Для тех старался я не зря,
Кто ничего не проморгает.
Пусть эта повесть помогает
Им в жизни истину найти,
Фальшь и неверье отмести,
Тем избежав мучений ада,
И знать, что высшая награда
Вернейшего из верных ждет...
Рассказ о *Верности* пойдет,
О настоящей, не фальшивой...
Порой бывает верность лживой,
Такая верность коротка,
Что хвост у одного быка,
Нет, ошибаюсь, у коровы.
Она сбежала в глубь дубровы,
Укус не выдержав слепня...
Примеров много у меня.
На сем вступление кончаю.
Все, что сказал, предназначаю
Отнюдь не для одних мужчин.
Нет, признаюсь не без причин,
Что все мои призывы к вере
Должны касаться в равной мере
И наших женщин дорогих.
Не дурно, чтобы и у них
Яснее стало пониманье,
Что́ значит доброе деянье,
Кого им надо предпочесть,
Чтоб подарить любовь и честь...
. . . .

Ну, а теперь сочтем уместным
Начать о доблестном и честном,
О гордом рыцаре рассказ...
Услада он для женских глаз,
Для сердца женского — утеха.
Ничто герою не помеха.
Отвагой славен, он потом
Еще прославится умом.
Он ни в одном лихом сраженье
Еще не ведал пораженья,
А все, что дальше будет с ним,
Мы постепенно объясним,

С теченьем нашего рассказа,
Но по порядку, а не сразу...

...Издревле у племен романских,
А нынче также у германских,
Весьма суровый есть закон.
В своих статьях содержит он
Наследных прав установленья:
Коль умирает властелин,
Его корону и владенья
Приобретает старший сын.
А младший, тот, лишась всего,
Не получает ничего.
Так у родительского гроба
Вскипают вмиг вражда и злоба.
Садится старший на престол,
А младший брат, с отцом прощаясь,
В отверженного превращаясь,
Бредет по свету, нищ и гол.
Нет, мы отнюдь не против старших
Достойных сыновей монарших.
Напротив, вот вам крест святой,
Мы всей душой приходим в ярость,
Когда беспомощную старость
Отягощают нищетой.
Здоровье юности дано!
Младые не страшатся бедствий,
Но им отказывать в наследстве
Несправедливо все равно.
Где тот король, тот князь и граф,
Который вник бы в наши просьбы,
И младшим детям не пришлось бы
Скитаться без наследных прав!
Виновник многих зол и бед
Тот, кто детей страдать заставил...
В Анжу стал жертвой этих правил
Прекрасный, юный *Гамурет*.
Его родитель всемогущим
Был королем... Но отчего
Он безземельным, неимущим
Оставил сына своего?
Дурной закон всему виною...
В край, сотрясаемый войною,

Пришла ужаснейшая весть:
Король убит! Он пал за честь
Родной земли... Сия кончина
Ведет на трон старшóго сына...
Ах, что за плач вокруг поднялся:
Король убит! Король скончался!
Наследник получает трон!
Неужто не поделит он
Свои богатства с младшим братом?
Ужель без сердца старший брат?..
В краю, отчаяньем объятом,
Рыдал в ту пору стар и млад.
Но молвил новый повелитель:
«У нас с тобой *один* родитель,
И рождены мы, брат родной,
С тобою матерью *одной*!
Не уподоблюсь я злодею!
Отринем смело, что старо!
Владей же всем, чем я владею.
Мое добро — твое добро.
Не оскверним себя позором
Братоубийственной войны.
Ведь пред господним приговором
И перед жизнью мы равны!..»
Услышав эту речь, вассалы
Вскричали: «Отчая земля,
Господня милость ниспослала
Тебе такого короля!»
Но, к изумленью паладинов,
Ответил младший сын *Гандинов:*
«Мой брат любезный и король!
Из всех богатств твоих дозволь
Взять снаряжение стальное.
Мне ни к чему все остальное.
Кольчугу мне стальную дай,
Вели стальные дать мне латы.
И, рвеньем рыцарским объятый,
Отправлюсь я в далекий край.
Делами ратными своими
Хочу твое прославить имя,
И пусть в той дальней стороне
Молва пройдет и обо мне,
Как о твоем отважном брате,
Разбившем вражеские рати».

И Гамурет с улыбкой милой
Сказал, достоинство храня:
«Шестнадцать душ сыздетства было
Оруженосцев у меня.
Теперь нужны мне для похода
Еще четыре молодца —
Красавцы княжеского рода,
Вассалы нашего отца.
И, вознося молитвы богу,
Мы днесь отправимся в дорогу.
Знай: обо мне услышит мир!
Уверен, не один турнир
Умножит славу Гамурета.
И пусть наградою за это
Мне будет женская любовь,
Которую добуду с бою,
Благословляемый тобою...
Ах, как в груди клокочет кровь!..
Мой добрый брат, не мы ли вместе
В краю родимом возросли,
Не посрамив при этом чести
Своих отцов, своей земли.
Мы вместе тяготы делили,
В походы долгие ходили.
И кто был рыцарь, кто был вор,
Когда, в любви нетерпеливы,
Мы похищали торопливо
Иных красавиц пылкий взор?»
Тут произнес король, рыдая:
«Ужели ты не шутишь, брат,
Мне грудь словами раздирая,
В мое вселяя сердце ад?
Мой кровный брат, мой брат любимый,
Мой друг до гробовой плиты,
За что меня караешь ты
Разлукой непереносимой?
Я все с тобою разделю,
Тебе отдам я полнаследства,
И ты, кто был мне дорог с детства,
Сам станешь равен королю!
Но коль жестокий рок сильней,
Чем королевские веленья,
Бери любых моих коней,
Доспехи, золото, каменья.

И лучших слуг моих возьми,
Дабы, расставшись с отчим краем,
Ты был в пути сопровождаем
Моими верными людьми.
Пусть бог пошлет тебе удачу.
Прощай... Я безутешно плачу...»
И брату старшему в ответ
Промолвил юный Гамурет:
«Не надо плакать и стенать.
Потороплюсь утешить мать.
Высокая видна мне цель,
Меня пьянит победы хмель.
И сердце в левой половине
Моей груди стучит не зря,
Чтоб, целью высшею горя,
Мне отличиться на чужбине!»

. . . .

И, плача, мать провозгласила:
«Под сердцем я тебя носила,
И для того ли ты возрос,
Чтоб стать причиной горьких слез
Несчастной матери своей?
Неужто милых сыновей
На свет мы призваны рожать,
Чтоб их в походы провожать?
О, бремя горестных судеб!
Ужель господь столь глух и слеп?
Ужель, кто верит в милость божью,
Себя напрасно тешит ложью?»
«О королевская жена,
Твоя душа погружена
В печаль о доблестном Гандине.
Но не грусти о младшем сыне,—
Промолвил юный Гамурет.—
Я дал всевышнему обет
Наш гордый род в бою прославить
И принужден тебя оставить.
Поскольку мною выбран путь,
Я не смогу с него свернуть».
И отвечала королева:
«О плод родительского древа!
Ты добрым вскормлен молоком!
Прекрасной Дамой ты влеком!..

Прими мое благословенье.
И с моего соизволенья
Возьми четыре сундука:
В них бархат, кружева, шелка
Нетронуты у нас хранятся.
Тебе в пути они сгодятся.
Ступай! Будь смелым до конца.
А я останусь ждать гонца
С отраднейшей для сердца вестью,
Что скоро снова быть нам вместе!..»
. . . .

В поход героя снарядили,
По-королевски нарядили,
Преподнесли ему подарок
Ценою в много тысяч марок
От благороднейшей из дам.
Он припадал к ее стопам,
А ныне простирал к ней руки,
Томимый горечью разлуки,
При этом ставши богатеем,
На зависть алчным иудеям.
Он обнял мать, он обнял брата,
Родной земле сказал: «Прощай!»
Неужто нет ему возврата
В родимый дом и в отчий край?
Ни с кем он не забыл проститься
Пред тем, как в странствие пуститься.
За самый малый знак вниманья
Он всех и вся благодарил:
Не в силу княжеского званья
Людьми он обожаем был,
А в силу скромности безмерной
И прямоты нелицемерной,
Той благородной чистоты,
Не признающей суеты...
Вот отчего вошли в преданья
Его высокие деянья,
Что были им совершены
Далеко от родной страны.

Он, окруженный громкой славой,
Ей не кичился никогда.
Душа его была тверда,

Как ясен был рассудок здравый.
Служить хотел он... Но кому?
Не коронованным особам,
Не кесарям высоколобым,—
А только богу одному!
Своей высокой цели ради
Свершил он подвиг не один...

В ту пору в городе Багдаде
Жил всемогущий властелин,
Что подчинил себе полмира.
Его считали за кумира
Почти во всех концах земли.
Пред ним иные короли
Подобно слугам трепетали...
Носил он прозвище *Бару́к*.
И лицезреть его мечтали
Все, обитавшие вокруг.
Священным наделенный саном,
Он предназначен был творцом
Стать для язычников отцом,
Как папа римский — христианам.
И так же, как к воротам Рима
Из разных стран, земель, краев,
В Багдад тянулись пилигримы
За отпущением грехов.
И сей обычай сохранен
В веках до нынешних времен...

Взрастил двух братьев Вавилон:
Помпей был да *Ипомидон*.
Барук напал на тех двоих,
Забрав Ниневию у них.
Так сговорившись меж собой,
Два брата вновь вступают в бой.
Теснят Барука их войска...
Но вдруг к нему издалека
Пришла нежданная подмога:
То был наш славный Гамурет.
И хоть ему немного лет,
Достоинств у него премного.
«Тебе, Барук, я послужу,
Как друг, как рыцарь, как мужчина.
Я — сын покойного Гандина

И нынче прибыл из Анжу!..»
Тут повелел Барук всесильный
Ему сменить свой герб фамильный,
И новым он щитом снабжен,
Где якорь был изображен,
Как символ плаваний, скитаний
И стойкости средь испытаний.

. . . .

И наш герой уплыл далёко:
Сражался в Персии, в Марокко —
О нем в Алеппо и в Дамаске
Доселе сказывают сказки.
Его копье врагам грозило,
Не одного оно сразило.
В песках зарыты их останки,
Поглощены волной морской...
Но вот он бросил якорь свой
В стране чудесной — в Зазаманке.

. . . .

Его на берег вынес шквал.
Он богу чуть не отдал душу
И лишь успел вступить на сушу,
Как некий город увидал.
Вокруг военные палатки,—
Наверно, битва здесь была.
И в поле, после жаркой схватки,
Валялись мертвые тела.
И Гамурет велит гонцу
Скакать немедля ко дворцу,
Дабы узнать: что здесь творится?
Как именуется столица?
И через несколько секунд
Гонец приносит донесенье:
«Мы прибыли в Паталамунд,
Народ нуждается в спасенье!
Халифы начали войну.
Враг справа движется и слева.
И умоляет королева
Спасти злосчастную страну!..»

За королеву наш герой
Решил тотчас же встать горой,
Сим доказав, что в мире есть
И долг, и рыцарская честь.

Врагов жестокий ждет удар!..
И всяк, будь молод он иль стар,
Здоров иль хвор, богат иль беден,
Добросердечен иль зловреден,
Героя принялся хвалить,
Алмазы, золото сулить.
«О рыцарь! Можешь взять свободно
Все, что душе твоей угодно!..» —
Так весь народ воскликнул дружно...
Услышав это, Гамурет,
Чуть поклонившись, молвил: «Нет!
Мне ничего от вас не нужно!..»
И люди грянули в литавры:
«До гроба мы тебе верны,
Хоть наши лица и черны!»
(Там, в Зазаманке, жили мавры.)
Все зашумели, загалдели,
Надежда к ним влилась в сердца.
И жены черные глядели
На светлокудрого бойца.
Глазами черными блистая,
Смотрели девы на него,
Любуясь мантией его
Из дорогого горностая.

. . . .

В город наш герой въезжает,
Его безмерно поражает
Неутолимой скорби вид.
Здесь все о смерти говорит.
Дороги вздыблены, разрыты,
Гербы на зданиях разбиты,
И раненых протяжный стон
Доносится со всех сторон:
Их с поля битвы ввозят в город,—
И мы их видим пред собой:
Один лежит мечом распорот,
Копьем насквозь пронзен другой...
О, сколь судьба неумолима!
Сколь осажденный город нищ!..
Хромых коней проводят мимо
Давно неприбранных жилищ,
Где, корчась на своей постели,
Хозяин дышит еле-еле —
Какой ему поможет врач?..

Стенанья, вопли, женский плач...
Такою с самого начала
Сия страна пред ним предстала...
Он принят был персоной важной.
Бургграф — рубака преотважный,
Родного города оплот,
Охранник городских ворот —
Его с любовью ввел в свой дом,
Попотчевал вином
И ласково приветил...
Здесь много раненых он встретил.
И в самом деле: не один
Высокородный паладин
Носил на перевязи руку,
Бинт окровавленный на лбу,
Познав военную судьбу,
А также бранную науку...
И, гостя юного обняв,
Расцеловал его бургграф:
«Наш избавитель долгожданный!
Ты в этом доме гость желанный!
Моею вотчиною всей
Распоряжайся и владей!»
Он в раззолоченную залу
Повел его к жене своей:
«Се — отпрыск славных королей!»
Она его поцеловала.
И к королеве во дворец
Бургграф отправился с докладом:
«К нам прибыл доблестный боец!
Спеши к нему! Спасенье рядом!
В наш край явился Гамурет,
Защитник нашего народа!..»
«Скажи, он княжеского рода? —
Она промолвила в ответ.—
Должна я точно это знать:
Могу ль его поцеловать?»
«О королева, этот воин
Самим Баруком удостоен
Высоких званий и наград!
Могу побиться об заклад,
О нем прослышал я впервые
В сраженье при Александрии.
Мне говорили: это — он,

Кем урезонен Вавилон!
К тому же славный рыцарь сей —
Дитя анжуйских королей,
Но держит это под секретом.
Иди! Встречай его приветом
От имени родной земли,
Чтоб с ним вовек не разлучиться.
И всем придворным повели
Как подобает облачиться...»
И маршал, прискакав домой,
Промолвил юному герою:
«Пред королевою самой
Сейчас предстанем мы с тобою!»
Тот словно солнышко зарделся,
Весьма богато разоделся.
Червонным золотом горя,
На нем сверкали якоря —
Герб достославного Барука,
Нетленной верности порука.
Затем, доспехами звеня,
Он сел на гордого коня,
Который, как другие кони,
Ему достался в Вавилоне.
Затем садятся на коней
Бургграф со свитою своей
И ко дворцу стрелою мчатся,
Чтоб с королевой повстречаться...
Меж тем владычица их ждет,
Навстречу рыцарю идет
В сопровождении пажей,
И государственных мужей,
И величавых дам придворных,
Очаровательных, но черных...
...И королеву в знак приязни
Герой целует без боязни.
Она, ступивши чуть вперед,
Героя за руку берет
Своей нежнейшею рукою,
Ведет его в свои покои,
Где в окна мягкий льется свет.
И вот на бархате дивана
Сидят отважный Гамурет
И королева *Белакана*.
Он знал высоких жен немало,

И та, сидевшая пред ним,
Всем королевам остальным
Нисколечко не уступала:
Ни горделивою осанкой,
Ни речью властной, ни умом.
И лишь черна была лицом
Та, что владела Зазаманкой.
Но ярче звезд на небосклоне
Сиял рубин в ее короне.

. . . .

И дама рыцарю сказала:
«О вас мы слышали немало,
О вашей славе неспроста
Молва идет из уст в уста.
Вы слабым женщинам опора.
И, полагаю, без укора
Вы мой воспримете рассказ
О том, что столь печалит нас».
И Гамурет сказал: «Поверьте,
Я предан вам до самой смерти,
И я на поединок выйду
С любым, кто вам нанес обиду,
Посмев нарушить ваш покой.
Но кто же, кто же он такой,
Подвергший вас жестоким бедам?
Увы, он мне пока неведом!..

. . . .

Скажите прямо: кто ваш враг?
Откуда? Из какого стана?»
И королева Белакана
Герою отвечала так:
«Узнайте жребий мой ужасный:
Служил мне юноша прекрасный,
Чистейшим сердцем наделен,
Душою девственно-невинной,
Он обладал отвагой львиной
И был... Он был в меня влюблен.
Да, пылко, слепо, беззаветно
И, признаюсь, не безответно:
Я втайне любовалась им,
Отважным рыцарем моим,
Моим вернейшим паладином,
Ценя его высокий сан,—
Его отец был властелином

Одной из мавританских стран.
Но я невольно согрешила,
Я испытать его решила,
Сказав: «Геройством заслужи
Благоволенье госпожи!
Доспехи — мужеству помеха.
Без них добейся ты успеха!»
И — горе мне! — войдя в азарт,
Доспехи скинул *Эйзенгарт*...
Оставив грудь незащищенной,
Он дрался, смерти вопреки.
Но смерть пришла: копьем пронзенный,
Он пал от рыцарской руки.
Но за мгновенье до кончины,
Успев собрать остаток сил,
Он в грудь соперника вонзил
Копье... Так действуют мужчины!..
Ах, я жестоко поплатилась
За прихоть дерзкую мою.
Вокруг молва распространилась
О том, что не в честно́м бою
Пал мой избранник ненаглядный,
А что рукою кровожадной
Сплела я заговора сеть,
Чтоб, устранив с дороги сына
Страны соседней властелина,
Его землею завладеть.
И мигом вспыхнула война.
Моя страна разорена,
Огнем безжалостным объята.
Но хоть я плачу и казнюсь,
Богами нашими клянусь,
Что я ни в чем не виновата!..»
Почти не сдерживая плача,
Она вела свой разговор,
Украдкой за слезами пряча
Воспламененный страстью взор.
И Гамурет, сидевший рядом,
Ей отвечал таким же взглядом,
И разгоралось сердце в нем
Блаженно-сладостным огнем.
Меж тем владычица привстала,
Вина пригубив из бокала,
Давая рыцарю понять,

Что сим окончено свиданье,
Хоть оба, как гласит преданье,
Волненья не могли унять.

. . . .

И с увлажненными очами
Герой сказал высокой даме:
«О, пусть отныне этот меч
Мне даст возможность уберечь
От новых бедствий вашу землю.
С отрадой этот долг приемлю,
Всем сердцем вам принадлежа.
Моя святая госпожа,
Я вашу возмещу потерю!..»
Она шепнула: «Я вам верю...»
К бургграфу рыцарь возвратился.
Хозяин к гостю обратился:
«Мой друг, не хочешь ли, скажи,
Взглянуть на наши рубежи?
Предвидя вражье наступленье,
Войска возводят укрепленья.
Сейчас предмет моих забот
Шестнадцать городских ворот:
Враги в них ринуться готовы.
Шалишь! У нас крепки засовы!..» —
Так утешал себя бургграф.
Но, к месту битвы прискакав,
Наш рыцарь видит: дело худо,
Спасти их может только чудо.
Тесней сжимается кольцо,
И жадно дышит смерть в лицо.
Ужасен город осажденный,
Он, словно нá смерть осужденный,
Ждет в страхе часа своего.
Со всех сторон вокруг него
Противник дерзостный залег.
О нет, ни выкуп, ни залог,
Ни тонкость хитроумной лести
Не отвратят кровавой мести...
Кто сдержит вепрей разъяренных?..
И глянь: на вражеских знаменах
Убитый князь изображен,
Копьем предательским сражен.
Но как бы в виде возраженья
На лживые изображенья

Та, что невинна и чиста,
Два к небу поднятых перста
На стягах вышить повелела
И этим символом клялась,
Что за святое бьется дело
И что, богам своим молясь,
Скорбит о друге убиенном,
О дорогом, о незабвенном...
Бургграфа Гамурет спросил:
«Откуда столько свежих сил
У ваших недругов берется?
Как величать их полководца?
Кто покровитель пришлых банд?»
Бургграф ответил: *«Фридебранд,*
Главарь наемников-шотландцев.
Когда б не помощь иностранцев,
Давно б мы им свернули шею.
Я в том тебя заверить смею!
Вообрази: во вражьем стане
Средь мавров служат христиане,
И прочим воинам пример
Заморский рыцарь *Хютигер.*
Он в ратном деле исполин.
Из наших братьев не один
Его копьем насквозь проколот.
При этом он красив и молод,
Обворожителен весьма.
Всех наших дам он свел с ума.
А быть любимым женским полом —
Не меньше, чем владеть престолом!..»
Но вот за лесом солнце село,
То время трапезы приспело,
И старый маршал говорит:
«Поедем! Стол давно накрыт».
О, если вы узнать могли б
Об этом рыцарском обеде,
Где громоздились горы снеди —
От цапель жареных до рыб.
И всё, чтя святость ритуала,
Сама хозяйка подавала.
Явилась королева в дом,
Чтоб лично убедиться в том,
Что угощают Гамурета,
Не нарушая этикета.

Она колено преклонила.
Героя это удивило:
Не ждал он почести такой...
Затем она своей рукой
Отрезала кусочек цапли
И налила ему вина.
Он осушил бокал до капли:
«За вас, светлейшая жена!»
Тут зазвенели бубенцы,
Взялись за дело игрецы,
Закувыркались скоморохи,
Потешно прыгая, как блохи.
Но королева Белакана
Глаз не сводила с капеллана:
Его наш доблестный герой
Возил повсюду за собой.
Затем промолвил юный воин:
«О высочайшая из жен!
Я слишком щедро награжден
И этой чести недостоин».
И Белакана улыбнулась:
В ней жизнь воскресла, страсть проснулась,
И, обходя пажей и слуг,
Преподнесла им угощенья.
Зарделись люди от смущенья,
Приняв дары из *этих* рук!

. . . .

Она кивнула головой,
Произнося в прощальном тосте
Хвалу хозяевам и гостю,
И воротилась в замок свой.
Служанки с черными очами
Ей освещали путь свечами
В больших светильниках златых...
Она ушла... И дом затих...
Бургграф улегся на перинах.
И, как в сказаниях старинных,
Вокруг него пажи легли,
Что сон хозяйский стерегли:
Ведь супротивник недалече...
Не потухали в доме свечи,
И было в нем светло, как днем,
И спали все тревожным сном...
А Гамурет? Он в этот час,

И вовсе не смыкая глаз,
Метался на роскошном ложе.
Пылало гордое чело.
На подвиг рыцаря влекло
В честь королевы чернокожей.
В груди дыхание стеснилось,
Тревожно, тяжко сердце билось,
Им завладели в то мгновенье
Любовь и воинское рвенье,
Жгла сердце огненная рана.
И только утренний рассвет
В окно увидел Гамурет,
К себе призвал он капеллана,
Чтоб душу укрепить молитвой
Перед решающею битвой...
Герою панцирь принесли,
Коня лихого привели,
Что был не раз в бою испытан,
В конюшнях рыцарских воспитан
И от загривка до копыт
Надежным панцирем прикрыт...
Герой вдевает ногу в стремя.
Он полон ярости святой!
Сверкает бармица. На шлеме
Пылает якорь золотой.
Щит изумрудами украшен.
Из окон, с крыш, с дворцовых башен
Народ на рыцаря взирает,
У женщин сердце замирает.
И королева говорит:
«Да, он прекрасен беспримерно!
Так боги выглядят, наверно!»
(О, как лицо ее горит!)
И он, пустив коня в карьер,
Летит вперед на поле боя...
Меж тем отважного героя
Приметил рыцарь Хютигер.
И говорит, весьма встревожен:
«На сарацина не похож он!
Неужто с *ней* вступил в союз
Молвой прославленный француз?
Ну что же, некуда деваться!
Придется с ним посостязаться.
Кто сможет одолеть меня?»

И вот, вскочивши на коня,
Он, по условленному знаку,
Тотчас же ринулся в атаку...
Теперь сошлись они друг с другом.
Колотят копья по кольчугам,
И древки яростно трещат,
И щепки на́ землю летят.
Ах, в беспощадной этой рубке
Ждать не приходится уступки.
И неужель во цвете лет
Погибнуть должен Гамурет?
Ведь Хютигер одолевает...
Но в жизни всякое бывает,
И не во сне, а наяву,
С коня ударом сброшен,
Противник валится в траву...
Анжуец сильно огорошен:
Нельзя лежачего добить!
Но растолкуйте, как с ним быть,
Коль Хютигер не хочет сдаться.
Он, отдохнув, спешит подняться
С сырой земли и прямо в грудь
Копье противнику воткнуть.
«Э, не пройдет сия уловка!..»
И Гамурет пронзает ловко
Своим копьем плечо врага:
«Сдавайтесь, если дорога
Вам жизнь! Ведь глупо гнить в могиле!»
Тот говорит: «Вы победили!
Но объясните, мой герой,
Кем я пленен? Кто вы такой?»
И отвечает победитель:
«Король Анжуйский — мой родитель.
Я сын Гандина — Гамурет!»
И Хютигер сказал в ответ:
«Принять извольте от меня
Мой щит и моего коня,
Согласно благородных правил...
Со мной сдается мой отряд...»
Анжуец рыцаря отправил
Как пленника в престольный град.
И там, в столице Зазаманки,
Завидев пленника сего,
Ему за рыцарство его

Рукоплескали мавританки.
Но не успели кончить сечу,
Как новый враг спешит навстречу:
Героя вызвал на турнир
Нормандец доблестный *Гашир*.
Взметнулись копья, кони — в мыле,
Оруженосцы стяги взвили,
Звенят щиты, мечи гремят,
И в полчаса нормандец смят
И униженно просит мира.
Анжуец в плен берет Гашира
И молвит: «Повели-ка сам
Сдаваться в плен своим войскам».
Гашир молчит, не прекословя.
Что делать?.. Принято условье.

. . . .

И вновь отважный Гамурет
Берет копье и арбалет
И мчится к берегу морскому,
Дабы ударить по другому
Высокомерному врагу.
Стоял на этом берегу
Король надменный *Рацалиг*.
Он каждый час и каждый миг
Грозил расправой Белакане.
И в Зазаманке горожане
Страшились, что владыка тот
Столицу приступом возьмет.
Но Гамурет умел недаром
Врагов сражать одним ударом.
Герой противника настиг,
С коня свалился Рацалиг
И в униженье и в тоске
Лежит, как рыба на песке.
Его жена стенает, плачет,
К нему на помощь войско скачет,
И восемь боевых знамен
Уже застлали небосклон.
Но рек анжуец королю:
«Я вам немедленно велю
Домой вернуть свои дружины!»
Взвыл Рацалиг: «Мне все едино.
Ах, тот, кто вами побежден,
Повиноваться принужден!..»

Честной народ, ликуй и ведай:
Война окончилась победой!
Беду геройство отвело!..
У всех от сердца отлегло.
Но Гамурет свой бранный пыл
Пока еще не остудил.
Он рад бы снова в бой рвануться,
Однако вынужден вернуться:
Его домой зовет бургграф,
Свою жену за ним послав.
Освободивши от забрала,
Она его поцеловала,
Рукою нежной обвила
И к королеве повела.
А та сама навстречу скачет.
Не страшно! Пусть толпа судачит
И удивляются пажи
Иным причудам госпожи:
Любовь не ведает запрета!
Оруженосцам Гамурета
Она с улыбкой говорит:
«Хозяин вас благодарит!..
За вашу верность и заслуги
Вы будете награждены.
Но нам сегодня не нужны
Телохранители и слуги.
Итак, друзья мои, идите!
Коней в конюшню отведите
И спать ложитесь, не боясь,
Что пропадет ваш добрый князь,
О нем сама я позабочусь!..»
И удалились слуги тотчас...
Она сняла с него доспехи,
Придворных дам отправив прочь...
Любви высокие утехи
Герой познает в эту ночь.
Покрыто соболями ложе,
Струится лунный свет в окно.
Что значит разность цвета кожи,
Когда сердца слились в одно?

Меж тем на улицах столицы
Толпа шумит и веселится.
Надели жены украшенья,

Готовят жертвоприношенья,
Чтоб отблагодарить богов,
Сломивших полчища врагов.
И вот, вчера еще надменный,
А ныне кроткий и смиренный,
Явился Рацалиг — король,
Превозмогая в сердце боль.
Но к побежденному нет злости!
Его, как равного, как гостя,
Сажают рыцари за стол.
Ведь он с собою в плен привел
Своих оруженосцев конных,
И с соблюденьем прав исконных
Двадцать четыре молодца
Слагают копья у дворца.
Вот прибыл Хютигер на пир,
А вслед за ним — герой Гашир,
Чтобы в раскаянье смиренном
Предстать пред новым сюзереном.
Вдруг громко грянули тимпаны:
В сопровожденье Белаканы,
По-королевски разодет,
Выходит юный Гамурет.
И видят все: он был ей другом,
А за ночь стал ее супругом.
И молодая королева
Придворными окружена:
Теперь она уже не дева,
А венценосная жена.
И люди слышат госпожу:
«Отныне я принадлежу
Со всей моей землей родною
Сему отважному герою!»
И молвит храбрый Гамурет:
«Средь нас врагов в сем крае нет!
Да будет вечный мир меж нами!
А вас, кого я звал врагами,
Я попросить не премину
Поцеловать мою жену
В знак долгожданнейшего мира...
Прошу приблизиться Гашира!»
Гашир к устам ее приник,
Вслед за Гаширом — Рацалиг,
За Рацалигом Хютигер

Явил изящество манер...
Герой вернул свободу пленным,
Их обложив изрядным леном,
И, расточителен во всем,
Осыпал золотым дождем
Своих оруженосцев верных
В признанье их заслуг безмерных,
Всем удалиться приказал
И возвратился в тронный зал,
К той, что его, как жизнь, любила...
Но счастье их недолгим было.

. . . .

Прошло не так уж много дней,
Он все угрюмей, все мрачней.
Любовь страданьем обернулась —
В нем тяга к странствиям проснулась.
Душа охвачена влеченьем
К невероятным приключеньям,
И он готов оставить ту,
Чью красоту и доброту
Он оценил высоким сердцем,
Хоть не был ей единоверцем.
Но, королеву возлюбя,
Все ж превозмочь не смог себя...
Он сговорился с моряком,
Который был ему знаком
По прежним доблестным походам.
Моряк был из Севильи родом
И, к маврам злобой одержим,
Анжуйца причислял к своим.
«Коль нас не выдашь чернокожим,
Мы, господин, тебе поможем.
Едва отчалим от земли,
Нас никакие корабли —
Клянусь всевышним! — не догонят!
А тот, кто сунется,— потонет!»
И Гамурет пе возражает.
Он златом судно нагружает
И под покровом мглы кромешной
Бежит от женщины безгрешной.
Меж тем она уже была
Недель двенадцать тяжела,
Не ведая, что в сердце мужа
Недавний жар сменила стужа.

А утром некое лицо
Передало ей письмецо,
И хоть она могла едва
Читать французские слова,
С усердьем до последней точки
Прочла ужаснейшие строчки.
«Охвачен болью нестерпимой,
Пишу тебе, моей любимой.
Я от тебя бежал, как вор,
Украв последний твой укор.
Вина моя не знает меры.
Ах, будь с тобой одной мы веры,
Не совершил бы я побег
И вместе были б мы навек.
Но та, что правит Зазаманкой,
Увы, не стала христианкой,
И я с тобою расстаюсь
И богу за тебя молюсь.
Коль от меня родишь ты сына,
Запомни: сын твой — внук Гандина,
В нем кровь анжуйская течет,
Потомок он *Фата-Морганы*,
Что, растравляя в сердце раны,
На подвиг рыцарей влечет.
И знай: меня ты вновь обнимешь,
Когда мою ты веру примешь!»
Она кричит ему вослед:
«Вернись ко мне, мой Гамурет!
Коль ты готов на возвращенье,
Я хоть сейчас приму крещенье.
Разлуки яд в моей крови
Отравит плод твоей любви!
Моя печаль его иссушит!
О, как меня разлука душит!»
Ее измучила тоска —
Ничем душа не насладится.
Ведь горлица без голубка
На ветку чахлую садится.
Она затворницей жила
И в час урочный родила...
От Гамурета с Белаканой
На свет явился мальчик странный:
Он — видно, бог того хотел —
Был столь же черен, как и бел,

Пятнистой наделенный кожей,
На мать и на отца похожий.
И, белые целуя пятна
На теле сына своего,
Она звала, звала того,
Кто не вернулся к ней обратно.
Малыш со временем подрос.
Сквозь черноту его волос
Пробился золотистый локон.
Прекрасных дам к себе привлек он,
Высоких дев и знатных жен.
Для бранных подвигов рожден,
Он с детства внял походным трубам...
Его прозвали *Лесорубом:*
Являя в битвах чудеса,
Он копий целые леса
Ломал на рыцарских турнирах.
Щиты и латы были в дырах
У тех, кто смел сражаться с ним...
Да, в битвах был неукротим
Сей Лесоруб, сей рыцарь смелый,
Под стать сорокам черно-белый
(И белолиц и чернолиц),
Отважный воин *Фейрефиц.*

. . . .

А Гамурет, его отец,
В Севилью прибыл наконец,
Сдается нам — не меньше года
Он бороздил морские воды.
Была дорога нелегка.
Вознаградил он моряка
Червонным золотом... Богата
Была условленная плата...

II

В те дни испанская земля
Цвела под властью короля —
Высокочтимого *Кайлета.*
Он был сородич Гамурета,
В далеких странах побывал,
Весьма успешно воевал.
Наш друг искал его в Толедо,
Но венценосный непоседа,

Как нам поведало преданье,
Опять умчался на ристанье.
Тогда отважный Гамурет
Решил за ним пуститься вслед,
По-рыцарски вооруженный,
Своею свитой окруженный,
Украсив княжеское знамя
Тремя большими якорями.

. . . .

Его дорога привела
В престольный град Конвалуа,
Где *Герцелойда* молодая,
Без повелителя страдая,
Велела рыцарей созвать,
Чтоб мужа верного избрать.
Она, считаясь королевой,
Была не женщиной, а девой
И с целью выбора владыки
Турнир затеяла великий.
Так самых доблестных бойцов
Привлек ее высокий зов:
Ведь слаще не было приманки,
Чем сердце царственной испанки.
Она сказала: «Господа,
Пусть мудрость божьего суда
Поможет мне избрать супруга
Из благороднейшего круга.
Кто победит в честном бою,
Тому я руку отдаю
И две страны моих в придачу;
Да ниспошлет вам бог удачу!..»
Бросая на землю перчатки,
Бойцы сходились в пробной схватке,
Чтоб завтра снова выйти в бой,
Уже не в пробный, а — в большой!
И все ж турнир, пусть он и пробный,
Здесь был подобен битве злобной:
Вставали кони на дыбы,
Звенела сталь, сшибались лбы,
И князь, другим побитый князем,
Слетев с коня, валился наземь.

. . . .

Шатры раскинув недалече
От места предстоящей встречи,

Наш друг слегка перекусил,
Чтоб поднабраться новых сил.
А между тем слуга монарший —
Его оруженосец старший,—
Направившись в престольный град,
Уже проник в дворцовый сад,
Застыв в почтительном поклоне
Пред той, стоявшей на балконе.
Она, окрестность озирая,
Придворных спрашивала дам:
«Откуда, из какого края
Сей незнакомец прибыл к нам?
Взгляните на его дружины!
Французы там и сарацины
В одном сражаются строю.
О, я анжуйцев узнаю
По их особому наречью
И редкому чистосердечью...»
И дамы хором говорят:
«Сей рыцарь сказочно богат,
Он бедных щедро одаряет,
Прекрасных женщин покоряет,
И среди прочих ратных дел
Он в Зазаманке овладел
Державным скипетром и троном.
Но вскоре золотом червонным
Он нагрузил свои суда
И тайно двинулся сюда,
Чтоб покориться вашей воле,
Свои шатры раскинув в поле...»
И Герцелойда воскричала:
«Сей путь судьба предначертала!
Но объясните наконец,
Когда ж войдет он в мой дворец?»

. . . .

Почти во всех столицах мира,
Где совершаются турниры,—
Там с незапамятной поры
Справляют пышные пиры.
Свисают с каждого балкона
Приезжих рыцарей знамена,
И украшают их гербы
Дома, заборы и столбы.

Нет величавее картины!..
Грохочут гулко тамбурины,
И отвечают флейты им
Певучим голосом своим.
О, насладимся превосходной
Зовущей музыкой походной,
Однако надобно успеть
Нам Гамурета разглядеть.
Прекрасен он. Судите сами:
Плащ оторочен соболями,
Копье остро, а меч тяжел.
Зеленый бархатный камзол
Поверх сорочки белоснежной...
Он в позе царственно-небрежной
Сидит, откинувшись в седле.
Таких красавцев на земле
Доселе не было, пожалуй.
Рубином рот пылает алый,
Златые вьются волоса...
Слышны восторгов голоса:
«Да, не обижен он природой!»,
«Кто ж этот рыцарь безбородый?»,
«Ей-богу, он похож на льва!»...
И тут же разнеслась молва
О том, что рыцарь вновь прибывший,
От битв недавних не остывший,
Собой затмивший солнца свет,
Есть знаменитый Гамурет...
Меж тем, проехав мост дворцовый,
Предстать пред Дамою готовый,
Герой, что в битвах не шутил,
Внезапный трепет ощутил.
Так даже царственная птица
Силка охотника боится.
И вот, одолевая страх,
Наш друг привстал на стременах,
Приняв достойную осанку,
И в тот же миг узрел испанку:
Она в короне золотой
Сияла редкой красотой,
Что в песнях сладостных воспета...
Меж тем до короля Кайлета
Весть торопливо донеслась:
Мол, появился дивный князь

Близ Герцелойдовой столицы,
Мол, надо бы поторопиться,
Чтоб разузнать, кто он такой...
«То — Гамурет, сородич мой! —
Вскричал Кайлет, светлея ликом.—
О мужестве его великом
Идет повсюду разговор.
При этом он с недавних пор
Обласкан королевой черной...
Эй, где тут мой гонец проворный?
А ну-ка, мигом — на коня!
И не забудь к исходу дня
С моим сородичем вернуться!
Авось успеешь обернуться...»
Друг друга заключив в объятья,
Два короля сошлись как братья.
И вопрошает Гамурет:
«Каких гостей, коль не секрет,
В Конвалуа понанесло
И велико ли их число?»
И произнес король испанцев:
«Немало знатных иностранцев
И достославнейших персон
Сюда стеклось со всех сторон.
Британца *Утер Пендрагуна*
Весьма обидела фортуна.
Осуществилось колдовство:
Жена любимая его
И сын *Артур*, рожденный ею,
Попавшись в сети к чародею,
Исчезли... Скоро третий год,
Как он нигде их не найдет.
И Утер, взяв с собою зятя,
Ему свои доверил рати:
Король норвежцев — храбрый *Лот*,—
Добра и святости оплот,
Ревнитель чести, враг обмана...
Да ты слыхал ли про *Гавана*,
Его отважного сынка?
Он, правда, слишком юн пока,
Еще неопытен, но все же
Честь для него всего дороже.
Геройским духом наделен,
Он к высшей цели устремлен...

Есть и другие постояльцы:
Лихие парни провансальцы
Любого рады бы проткнуть!
О португальцах не забудь:
На славу и на женщин падки...
А вот раскинули палатки
На нашем берегу реки
Валлийцев грозные полки.
Сильны военным ремеслом,
Всех превзошли они числом,
Да и оружием надежным...
А в стане противуположном —
Войска враждебных королей.
Попробуй всех их одолей!
Там: повелитель арагонцев,
Король ирландцев, князь гасконцев
И асколунцев господин,
Морхольт и *Бранделиделин.*
Явились, тучами нагрянув,
Отряды гордых алеманов —
Дерется каждый за троих.
Ведет брабантский герцог их...
Ну, словом, всех не перечислишь.
Так что ж нам делать? Как ты мыслишь?
Могу ль рассчитывать в бою
На помощь братскую твою?»
И Гамурет ему ответил:
«Ты, кто душой и сердцем светел,
Поверь сейчас моим словам:
Мы всё поделим пополам —
И пораженья и победы.
Одни у нас с тобою деды,
Хоть наши разнятся гербы
По странной прихоти судьбы.
Так станем же сильнее вдвое!
Твой герб с змеиной головою
Отныне с якорем моим,
Как братья, мы соединим.
И нам драконий хвост не страшен,
Которым щит врага украшен.
Ну, а теперь хотя б чуть-чуть
Недурно бы и отдохнуть!»
Но только Гамурет прилег,
Как громкий шум его привлек:

То рыцари в турнире пробном,
Иным сражениям подобном,
Опять сошлись между собой,
Вечерний затевая бой
По группам и поодиночке...
Их пыл не ведает отсрочки!
Влечет их бранная игра...
Наш друг выходит из шатра
И скачет прямо к месту драки,
Где состязаются рубаки.
Он расстелить велит ковер
И с любопытством наблюдает:
Один соперник наседает,
Другой дает ему отпор.
Светло звенят мечи стальные,
Несутся кони как шальные,
И, вылетая из седла,
На землю валятся тела...
Так на ковре наш славный друг
Сидит в кольце вернейших слуг,
Которые, воздевши пики,
Стеною встали вкруг владыки.
О, как не терпится ему
Ввязаться в драку самому
И послужить прекрасной даме,
Что беспокойными глазами
Следит, воссевши на престоле,
За тем, что происходит в поле.
Один гнетет ее вопрос:
«Где тот, кого мне бог принес,
Чтоб стать очей моих усладой?
Ужель обещанной наградой
Я не смогла его привлечь
И рыцарь в ножны спрятал меч?..»
Но посмотрите! Что за диво!
Герой поднялся торопливо.
Усыпан яхонтами щит.
Плащ из богатых тканей сшит
И блещет золотом, как в сказке.
(Взлетел однажды гриф кавказский
На заповеданный утес
И золото в когтях унес.
Добыча редкостная эта
Считалась главным чудом света...)

Меж тем пробился наш герой
(А с ним — оруженосцев строй)
Сквозь рыцарей стальную стену
На знаменитую арену.

. . . .

Он бился яростно и зло.
Немало воинов легло
Под тяжестью его меча.
Иные корчились, крича
От страшной, нестерпимой боли.
Ей-богу, в незавидной роли
Сегодня оказались те,
Кого уносят на щите.
Великолепнейшие латы
Изрублены, доспехи смяты,
Плащи изодраны в куски,
На лбах и скулах — синяки,
Расплющенный ударом шлем
На шлем и не похож совсем.
Сочится кровь из ран и ссадин.
В бою анжуец беспощаден,
Но рыцарям, кто победней,
Он щедро раздает коней,
В лихом сражении добытых,
Наследство всадников побитых...
Огнем лицо его пылало.
Он приподнять решил забрало,
Чтоб мог коснуться ветерок
Его разгоряченных щек...
И с новой силой рвется в сечу.
Вдруг — капеллан ему навстречу,
Который прибыл из Анжу...
«Забыл свою ты госпожу!
Она, измучена тоскою,
Своею белою рукою
Передала мне письмецо,
Вложив в него свое кольцо,
При этом выразив желанье,
Чтоб ты прочел ее посланье».
И Гамурет, охвачен дрожью,
Вникает в смысл прекрасных слов:
«О ты, кто мне всего дороже,
Услышь моей печали зов!

С тех пор как я тебя узнала,
Любовь мне сердце истерзала.
Ах, я недаром слезы лью:
Я — нелюбимая — люблю.
Да, год за годом, мой любимый,
Живу, любимым нелюбимой.
Так отзовись! Вернись ко мне!
Стань королем в моей стране!
Недавно мой супруг скончался,
И мне престол его достался.
В слезах вступила я на трон
По совершенье похорон.
Теперь я сказочно богата:
Алмазы, серебро и злато
Лежали в мужних кладовых.
Отныне ты — владелец их.
Тебе, к кому душой пылаю,
Свою корону посылаю.
Носи ее! Пусть целый мир
Поймет, что ты вступил в турнир
Французской королевы ради,
Не помышляя о награде,
Обещанной другой женой...
Нет, не сравниться ей со мной!
Ведь я ее богаче вдвое,
И сердце мне дано живое,
Чтобы любимого любить
И чтоб самой любимой быть.
Вот отчего столь благосклонно
Дарю тебе свою корону...»
Вновь опустил герой забрало.
В нем чувство прежнее взыграло:
Да, верность женская не раз
Преумножает силы в нас.
Пусть Герцелойда обнаружит,
Что он своей *Анфлисе* служит
И в честь ее земли родной
Здесь совершает подвиг свой...
Меж тем, презрев закон турнирный,
Где супротивники — друзья,
Кровавый спор, отнюдь не мирный,
Ведут приезжие князья.
О, помрачение рассудка!
Война — не праздник, смерть — не шутка.

Святые попраны права,
И красной сделалась трава.
И вдруг ужасный вопль раздался:
«Глядите! *Якорь* показался!
Теперь голов не убсречь!..»
Наш Гамурет вздымает меч,
Сшибает недругов с налету
И скачет на подмогу к Лоту:
«Сюда! За мной! Вперед! Вперед!» —
И арагонца в плен берет
(Беднягу звали *Шафилор*)...
«Доколь терпеть нам сей позор?! —
Воскликнул *Леелин* надменный,
Преодолев испуг мгновенный.—
В куски сей *якорь* изрублю!
Сам в поединок с ним вступлю!»
И два героя без заминки
Сошлись в жестоком поединке,
Удары копий. Лезвий звон.
Кто победил? Кто побежден?
Князь Леелин свиреп и гневен,
И все ж удел его плачевен:
Он сброшен на землю конем
(Наш друг толкнул его копьем) —
И, побежденный, в плен сдается.
Какой позор для полководца!

. . . .

Но бой не кончен! Слева, справа
Несется рыцарей орава.
Слетают всадники с коней,—
Так груши падают с ветвей.
(Нет, я предпочитаю груши,
А не загубленные души.)
И вдруг ему навстречу — князь,
Весь словно дымкою подернут:
Копье дрожит, к земле клонясь,
Щит кверху острием повернут.
Недоброй вести скорбный знак...
Казалось: черной ночи мрак
На поле битвы опустился.
«Ты с чем, скажи, ко мне явился?»
И князь ответил: «Говорят,
Погиб твой венценосный брат.
Служа одной прекрасной даме,

Отважно бился он с врагами,
Но все ж не смог их побороть.
Его к себе призвал господь,
И он навек оплакан тою,
Кто для него была мечтою...»
И Гамурет, от горя нем,
С главы своей снимает шлем,
К шатру оставленному скачет,
И, плача горько, слез не прячет...
А бой все злее, все жесточе...
Но — хватит! Поздно!.. Дело к ночи...
Игра в потемках — не игра...
Авось дождемся до утра.
Мы нынче славно воевали,
Немало копий наломали,
Да и устали чересчур.
Ночного неба полог хмур,
Зато в шатре пылали свечи,
Прекрасные звучали речи:
То Зазаманки повелитель
Как самый главный победитель
В честь побежденных свой бокал
Великодушно поднимал.
«Пью,— говорил он,— эту чашу
За доблесть рыцарскую вашу!
Князья, мы больше — не враги!..»
Но вдруг послышались шаги,
И вот в шатре, залитом светом,
Предстала перед Гамуретом,
В сопровожденье дивных дев,
Чистейшая из королев...
«Мой друг, смущение отбросьте!
Здесь вы — хозяин, я здесь — гостья.
Однако помнить мы должны,
Что вы — лишь гость моей страны,
А я — владычица державы
И посему имею право
Облобызать вас и обнять.
Вы против? Как мне вас понять?»
«О нет, владычица! Не против!
Я счастлив... Выразить нельзя...
Но и сидящие напротив
Мои высокие друзья,
Что не сробели в состязанье,

Достойны вашего лобзанья!»
И, повинуясь Гамурету,
Что был судьбою послан ей,
Она, в знак дружбы и привета,
Целует пленных королей.
Затем промолвил славный витязь:
«Моя владычица, садитесь!..»
И тотчас с нею рядом сел...
О, трепет этих юных тел
В случайном соприкосновенье!..
Погасни свечи в то мгновенье,
В шатре не стало бы темно:
Так, изнутри озарено,
Лицо владычицы пылало,
Что свет ярчайший излучало...
Но вот и кравчие пришли,
Неся рубиновые кубки —
Наследство бедной той голубки,
Без друга страждущей вдали...
Затем, из плена возвратясь
(Их благородно отпустили),
Король Кайлет и гордый князь
Киллирьякаг в шатер вступили...
Кайлет отведал угощенья
И произнес не без смущенья:
«Послушай, милый Гамурет!
Ты мрачен, как анахорет,
В твоих глазах прочел я муку.
Меж тем везде молва идет,
Что Герцелойда отдает
Тебе страну свою и руку.
Ты, брат, печалишься напрасно!
Ведь ты сражался лучше всех,
И твой заслуженный успех
Все признают единогласно...
Твои дела подобны чуду.
Поверь: о том трубят повсюду.
Бретонцы, алеманы, франки
Склониться рады пред тобой
И славят все наперебой
Тебя — монарха Зазаманки!»
И тут анжуец произнес:
«Меня ты слишком превознес,
Чего я недостоин вовсе.

Стыдись высокой госпожи!
Уж лучше попросту скажи:
«К турниру главному готовься!»
Кайлет ответствовал, смеясь:
«Ты слишком скромен, милый князь!
Так знай же, доблестный воитель,
Что́ рыцарский решил совет:
В турнире надобности нет,
Когда известен победитель!»
Тут Герцелойда молвит: «Право,
Хоть я на вас имею право,
Мой друг, заверить вас спешу,
Что как о милости прошу
За мной оставить право это!
Но если ваша честь задета
Иль, верность той, другой, храня,
Вы днесь отвергнете меня,
То, покоряясь воле рока,
Я вас покину без попрека!»

Тут капеллан вскочил: «О нет!
Другой жене он дал обет!
Ее он любит больше жизни!
И я затем пустился в путь,
Чтоб повелителя вернуть
Моей возлюбленной отчизне.
О, если б знали вы, как та,
Чья безгранична доброта,
Тоскует, мучается, стонет,
Как заживо себя хоронит
Под бременем сердечных ран!..
(При всем своем чистосердечье
Был мудр достойный капеллан
Да и искусен в красноречье...)
Так сами рассудите здраво:
Кто на *него* имеет право?..
Со мной — три князя молодых.
Дозвольте вам представить их...»

. . . .

Три князя дружно воскричали:
«Забудь, король, свои печали!
И доблесть ратную яви
Во имя истинной любви!..»

. . . .

Она взглянула на послов,
Вникая в смысл столь дерзких слов,
Затем сказала величаво:
«Коли на вас имеет право
Та благородная жена,
Я предоставить вам должна
Возможность в битве отличиться!..
Теперь должна я отлучиться.
Но знайте: в завтрашнем бою,
В турнир вступив за честь *мою,*
Вы честь окажете тем самым
Не мне, а всем прекрасным дамам.
И я прошу вас, мой сеньор,
Не покидать нас до тех пор,
Покуда, в битвы завершенье,
Не оглашу свое решенье».
Он тут же согласился с ней.
Она велит седлать коней.
Кайлет в седло ее сажает
И госпожу сопровождает...
Когда вернулся он в шатер,
Наш друг сидел, потупив взор.
«Ты мнишь, награды я взыскую?
По Белакане я тоскую.
Как я ее покинуть мог?!
Я от разлуки изнемог.
Раскаянье мне сердце гложет.
Я полагал: война поможет
Мне исцелиться от тоски.
Грехи мои столь велики,
Что искупить своею кровью
Я их решил, сей крест влача.
Но, не погибнув от меча,
Стал жертвой подлого злословья.
Опутан ложью окаянной,
Я о себе самом узнал,
Что, обвенчавшись с Белаканой,
От черноты ее бежал!
Словами гнусного навета
Я на́смерть ранен неспроста:
Светлее солнечного света
Была мне эта чернота!
Однако есть еще причина
Того, что жжет меня кручина:

В бою мой старший брат убит.
Его, мечом промятый, щит
Повернут вверх... О, бог всесильный!
На том щите — наш герб фамильный.
Вчера я этот щит видал...»
Анжуец горько зарыдал,
И заливали слез потоки
Его обветренные щеки.
Так, сидя в глубине шатра,
Не мог уснуть он до утра...
Но вот и утро занялось.
Немало в поле собралось
Бойцов, и молодых и старых,
Понаторевших в битвах ярых.
Притом, заметить мы должны,
Все были так измождены,
Что даже думать не хотели
О предстоящем ратном деле.
И кони, под напором стали,
Не меньше всадников устали...
Вдруг Герцелойда появилась
И к полководцу обратилась:
«Прошу вас следовать за мной!»
И за высокою женой
Все устремились в град престольный,
Где наш анжуец богомольный,
Как нам преданья говорят,
Свершал молитвенный обряд.
Вот месса светлая пропета...
Едва успел умолкнуть хор,
Наш друг услышал приговор:
«Я выбираю Гамурета!»
И зазвучал со всех сторон
Всеобщий возглас одобренья...
Сказав слова благодаренья,
«О, горе мне! — воскликнул он.—
Обвенчан я с другой женою,
Дышу я только ей одною
И только ей принадлежу,
Ей повинуюсь, ей служу.
Но будь я даже неженатым,
Как птица вольным, и тогда
Могу быть только вашим братом,
А мужем... Мужем — никогда!

На то иная есть причина...»
«Вы говорите как мужчина.
И все же выкинете вы
Язычницу из головы,
Моей любовью укрощенный!
Как?! Обвенчаться с некрещеной?!
Ужель застлал вам очи мрак?
Ужель вы, христианский витязь,
От скверны не освободитесь,
Вступивши в христианский брак?..
Спасайтесь от господня гнева,
Пока не пробил страшный час!..
Но, может быть, прельщает вас
Земли французской королева,
Что посылает вам послов
С запасом сладкозвучных слов?..»
«О да,— ответил Гамурет.—
Скитальца с отроческих лет
К себе Анфлиса приручила,
К отваге в битвах приучила
И в годы бедности моей
Меня одаривала златом.
Но и сегодня, став богатым,
Я, верьте, нищего бедней.
Я, горемычней горемыки,
Познал утрату из утрат:
Восхúщен мой любимый брат
Рукою высшего владыки!
Моим слезам утрачен счет,
Скорбя, нуждаюсь сам в защите.
Ах, госпожа! Любовь ищите,
Где *Радость* пышная цветет!..»
«Ну, что ж, я выслушала вас,
Мой славный друг, не без вниманья,
Однако требует отказ
Законного обоснованья...»
«Я излагаю довод свой:
Вам победитель не достался,
Поскольку здесь как таковой
Большой турнир не состоялся».
«О, все уже давным-давно
Турниром *пробным* решено!
При этом у князей светлейших
Нет больше сил для битв дальнейших,

А тех, кто духом отощал,
Спор продолжать не приневолишь...»
«О королева, я всего лишь
Закон и совесть защищал,
И не один — со всеми вместе.
К тому же, признаюсь по чести,
Сии высокие князья
Сражались не слабей, чем я,
Своим достойнейшим оружьем.
На то, чтоб зваться вашим мужем,
Прав у меня особых нет.
Но все, кто верно вам служили,
Сегодня право заслужили
На благодарный ваш привет!»
«Пусть нас высокий суд рассудит —
Как он прикажет, так и будет!»
И тут пришлось ему и ей
Избрать двух доблестных князей
Для отправленья правосудья...
И вот что порешили судьи:
«Кто здесь явился перед всеми
С короной княжеской на шлеме,
Чье имя на устах у всех
И чей заслуженный успех
Единогласно признается,
Сим приговором отдается
В мужья прекраснейшей из жен!..»
Наш друг убит, наш друг сражен,
Слеза в глазах его мерцает,
Он бессловесен, как немой.
Тут Герцелойда восклицает:
«О Гамурет! Теперь вы — мой!
Пусть нас любви связуют нити!
Смелей к груди моей прильните,
И я клянусь, что ваше горе
Со мной забудете вы вскоре!..»
Грустил он несколько недель,
А между тем прошел апрель,
Луга вокруг зазеленели,
Ручьи в долинах зазвенели.
Май по дорогам кочевал —
Больные души врачевал.
И, пробужден дыханьем майским,
Весенним, теплым ветром райским,

Наш славный друг в крови своей
Услышал властный голос фей,
Прабабок голос всемогущий,
К любовным радостям зовущий:
«Заветов наших не забудь!
Люби! И сам любимым будь!»
И, вдохновленный этим словом,
В блаженном озаренье новом,
Он Герцелойде молвил так:
«Да будет прочен этот брак!
Но пусть отныне и вовеки
Не будет надо мной опеки!
Прошу вас внять моей мольбе
И не приковывать к себе.
Моя любовь к вам тем вернее,
Чем я в делах своих вольнее,
И в месяц — ну, хотя бы раз —
Позвольте покидать мне вас
Во имя рыцарских забав.
Что делать, уж таков мой нрав.
А нет,— поверьте, я не лгу,—
Опять не выдержу: сбегу,
Как от любимой Белаканы.
(Ах, мне не по сердцу капканы!)
О, как она меня ласкала,
Но ни на шаг не отпускала,
И бросить мне пришлось жену,
Ее народ, ее страну!»
Испанка молвит: «Вы свободны
Так поступать, как вам угодно.
Я только вам принадлежу,
Но вас насильно не держу».
«Чем я вольней, тем постоянней.
Жить не могу я без ристаний.
Раз в месяц — бой, то тут, то там,
Раз в месяц — копья пополам,
И славой мы любовь украсим!..»
Она ответила согласьем.
Так подружился он с женой
И завладел ее страной...
Молва ту новость принесла
В шатер французского посла.
И капеллан бежит тайком
К герою в замок, прямиком,

И тут же, как бы по секрету,
Тихонько шепчет Гамурету:
«Той, кем вы с детства дорожили,
О вас подробно доложили,
Ей было радостно узнать,
Что вы смогли завоевать,
В своем геройстве неустанны,
Двух королев сердца и страны,
Великий заслужив почет.
Теперь *она* вам отдает
В придачу к двум другим коронам
Себя, отечество свое...»
«Я научился у нее
Быть верным рыцарским законам.
И коль велел высокий суд,
Я принужден остаться тут!
Пускай мне боль терзает душу,
Законов чести не нарушу,
Своих отцов не оскорблю.
Слова ей передайте эти,
Добавив, что на белом свете
Я лишь одну ее люблю
И к ней стремиться буду вечно!» —
Так он сказал чистосердечно
И одарить хотел посла
Дарами, коим несть числа,
Но тот священник узколобый
Его дары отверг со злобой.
Зато три князя молодых
Слезами горько обливались,
Когда с анжуйцем расставались.
И он, рыдая, обнял их.

. . . .

Тут до анжуйских войск дошло,
Что́ с князем их произошло:
Пал властелин на бранном поле,
Но восседает на престоле
Его геройский младший брат,
Муж Герцелойды величавой,
Увенчанный военной славой,
О коей всюду говорят...
И к венценосцу самому
Явились рыцари с поклоном:
«Стань и для нас отцом законным!»

«Быть,— он ответил,— посему!
Хотя судьба неумолима,
А наша скорбь неутолима,
Ее должны мы превозмочь!
Живущий да к живым вернется,
И скорбь отвагой обернется!
Слезами горю не помочь.
Рожденный доблестным Гандином,
Я стану вашим властелином
С моей возлюбленной женой.
Отныне к верному причалу
Моя судьба меня примчала.
Здесь я бросаю *якорь* свой!
И, положась на доблесть вашу,
Пантерой этот щит украшу:
Пусть славный герб моих отцов
Вселяет в грудь моих бойцов
Неукротимую отвагу!..»
Все принесли ему присягу.

. . . .

Он, Герцелойдою влекомый,
В покой вступает незнакомый.
Дверь королева заперла
И в эту полночь отдала
Анжуйцу девственность свою.
Нет, я от вас не утаю,
Как наш герой, в боях суровый,
Рот целовал ее пунцовый,
Как оба не щадили губ,
И — пусть рассказ мой слишком скуп,—
Сменились радостью печали,
Те, что их душу омрачали...

А вскорости на целый мир
Был справлен ими брачный пир
И — господу благодаренье! —
Тем состоялось примиренье
Досель враждующих сторон...
Князь Гамурет, взойдя на трон,
Оставленный погибшим братом,
Всех одарил арабским златом:
От достославнейших бойцов
Вплоть до бродячих игрецов.

. . . .

Так завершилось торжество...
Не раз пантера,— герб его,—
Что щит анжуйский украшала,
Князей строптивых укрощала.
Носил герой поверх кольчуги
Рубашку царственной супруги,
В которую была она
В часы любви облачена,
И в той священнейшей рубашке
Он в битвах не давал промашки...
В конце свидания ночного
Рубашку получал он снова:
Их восемнадцать набралось,
Пронзенных копьями насквозь.

. . . .

Да, обделен он не был славой,
И княжество его цвело.
Зачем же снова в бой кровавый
Он поспешил, судьбе назло?
Назло судьбе, себе на горе,
Вновь переплыть решил он море:
Гонцов прислал за ним Барук.
(Здесь, выражая сожаленье,
Я сделать должен добавленье:
Князь поступил как верный друг...)
Барук — мы сведенья имеем —
Вновь атакован был Помпеем,
Не тем, которым славен Рим,
А тем, кто дядею своим
Взращен, *Навуходоносором,*
Тем властелином, о котором
Шумела глупая молва,
Что он — соперник божества
Из-за его завоеваний,
А ныне, не без оснований,
Посеявший раздоров семя,
Осмеян он и проклят всеми...

. . . .

Барук безмерно рад подмоге...
Идет нещадная война.
И знают разве только боги,
Чья одолеет сторона:
Помпея или Гамурета?
Дерется храбро та и эта...

Ах, кто под чьим падет мечом?
И Герцелойда молодая,
Домой супруга ожидая,
Еще не знает ни о чем.
Что ждет ее: добро иль худо?
Вестей тревожных нет покуда,
Беспечно жизнь ее течет.
Довольство, радость и почет
Испанку нашу окружают.
Все королеву обожают,
Ее вниманьем дорожат.
Нет королевы благородней
И благостней!.. Притом сегодня
Ей три страны принадлежат!..

. . . .

Ей ревность сердце не терзала,
Любя супруга своего,
Она с улыбкой узнавала
О похождениях его.
Пусть он иным любезен дамам,—
Ее не ранит он тем самым:
Какой ей может быть урон,
Коль всеми привечаем он?..
Меж тем прошло уже полгода,
А из далекого похода
Не возвратился Гамурет.
Вестей о нем все нет и нет...
Так радость горестью сменилась.
Душа тревогой стеснена.
Картина страшная приснилась
Ей в час полуденного сна:
Внезапно вспыхнул полог звездный,
Гром громыхнул грозою грозной,
Кругом пожар заполыхал,
Неслись хвостатые кометы —
Всемирной гибели приметы,
И серный ливень не стихал.
В том гуле, грохоте и визге
Метались огненные брызги...
Но вот ужасный этот сон
Другим ужасным сном сменен.
И снится бедной королеве:
Она дракона носит в чреве,
И девять месяцев спустя

На свет рождается дитя:
На голове его — корона...
Она злосчастного дракона
Своим вскормила молоком.
Но вскоре, к странствиям влеком,
Он мать родимую покинул
И вдруг исчез. Как будто сгинул...
Неотвратимую беду
По высшей воле *провиденья*
Ей предвещали сновиденья.
Она металась, как в бреду,
Пока ее служанкой верной
Не прерван был сей сон прескверный.
. . . .
Сокрылось солнце. Ночь настала.
Вдруг Герцелойда услыхала
Шум голосов и стук копыт.
Без короля вернулась свита:
«Отныне нам лишь бог — защита!
Восплачь, жена! Твой муж убит!»
Как смерть испанка побелела,
Скорбя, душа рвалась из тела.
Глава ее клонится вниз,
Глаза ее не видят света.
Но тут промолвил *Тампанис*,
Оруженосец Гамурета:
«Узнай, как пал твой муж достойный!..
Палил пустыню полдень знойный.
Король был сильно утомлен,
А шлем его — столь раскален,
Что снял свой шлем он на мгновенье,
Дав голове отдохновенье.
Вдруг подошел к нему один
Наемник, некий сарацин,
И кровь убитого барана
Из драгоценного стакана
Плеснул на королевский шлем,
И, не замеченный никем,
Отполз в сторонку... Но металл
Тотчас же мягче губки стал...
Долготерпение Христово,
Кто оскорбить тебя посмел?..
Меж тем взметнулись тучи стрел,
И бой кровавый вспыхнул снова.

Смешенье копий и знамен!..
Мы наседаем, враг сметен.
Бойцов восторженные клики
Звучат в честь нашего владыки.
Глядим: уже с коня слезает
Помпея брат — Ипомидон.
Неужто в плен сдается он?..
О нет! Герою шлем пронзает
Его коварное копье.
Вонзилось в темя острие.
Наш повелитель покачнулся
И все ж не выпал из седла.
Он, умирающий, очнулся,
И — вседержителю хвала! —
Хотя была смертельной рана,
Домчался он до капеллана,
Чтоб исповедаться пред ним:
«Святой отец, я был любим
И за любовь платил любовью...
И пусть моя истлеет плоть,
Да будет милостив господь
К *той,* что познает участь вдовью.
Прощанье с ней безмерно тяжко...
Отдайте же моей жене
Окровавленную рубашку,
Что в смертный час была на мне...
Благодарю, прощаясь с вами,
Всех воинов моих и слуг...» —
Такими кончил он словами.
Похоронил его Барук
По христианскому обряду.
На удивление Багдаду,
Король во гробе золотом
Лежит в могиле под *крестом...*
Ах, с сотворения времен
Таких не знали похорон!
Причем не только христиане
Рыдали в славном нашем стане:
И мавры — все до одного! —
Потерю страшную осмыслив,
К своим богам его причислив,
Скорбя, оплакали его...»
Вот что сказал оруженосец
Несчастнейшей из венценосиц...

Она едва не умерла,
Хотя беременна была
На восемнадцатой неделе.
Стучало сердце еле-еле...
Но как-то перед ней возник
Седой и сгорбленный старик,
Разжал он зубы королеве,
Живую воду влил ей в рот,
И тут же драгоценный плод
В ее зашевелился чреве.
Глаза усталые открыв
И отдышавшись понемногу,
Она сказала: «Слава богу!
Коль я жива, ты будешь жив.
Мой сын, мое родное чадо!..»
(Осталась ей одна отрада:
На белый свет родить того,
Кто цветом рыцарства всего
Взрастет, мужаючи с годами,
О чем узнаете вы сами...)
. . . .
И принести она велела
Рубашку с дорогого тела
И смертоносное копье —
Наследство скорбное свое.
Припав к рубашке той кровавой,
Насквозь проколотой, дырявой,
Лицо прекрасное ее
Вновь исказилось в страшном горе...
(Рубашка эта и копье
Погребены в святом соборе
Высокородными князьями,
Анжуйца первыми друзьями.)
Меж тем во многих странах света
Оплакивали Гамурета.
А дней четырнадцать спустя
Необычайное дитя
Она рожает в страшной муке.
Сын крепконогий, большерукий,
Богатырям иным под стать,
Красавец княжеской породы,
Едва не свел в могилу мать:
Ужасны были эти роды...
Но лишь теперь, стремясь вперед,

Моя история берет
Свое ископное начало...
Так что б все это означало?
Я долго шел кружным путем,
Чтобы начать рассказ о том
Великом муже достославном,
Кто станет здесь героем главным.
Мы говорили без конца
В повествовании предлинном
О подвигах его отца.
Пришла пора заняться сыном.
Мать берегла его от всех
Опасных рыцарских утех,
Чтоб оградить его от бедствий.
Военных игр не знал он в детстве.
Над ним придворные тряслись,
Мать над ребенком трепетала
И в упоении шептала:
«Bon fils, cher fils, o mon beau fils!» [1]
Рожденный доблестным отцом,
Подрос он славным *кузнецом:*
Душа взыграла в нем мужская,
Когда в избытке юных сил
Своим мечом он *молотил,*
Из шлемов искры высекая...
Возросший в королевском замке,
Он вскормлен был не грудью мамки,
А грудью матери своей.
О, сколь отрадно было ей
Младенцу милому в роток
Совать свой розовый сосок.
Так в незапамятное время
Пречистой девой в Вифлееме
Взлелеян был и вскормлен тот,
Кто спас наш человечий род
И, муку крестную принявши,
Своею смертью смерть поправши,
Призвал нас к верности и чести...
Но кто нарушил сей завет,
Тому вовек спасенья нет
От злой судьбы и божьей мести...
И, в эту мысль погружена,

---

[1] Славный сын, дорогой сын, о мой прекрасный сын! *(франц.)*

Высокородная жена
Слезами орошала зыбку.
И все же дамы во дворце
Читали на ее лице
Едва заметную улыбку.
Она младенцем утешалась,
В ней боль с отрадою смешалась...
Никто из вас, мои друзья,
Не знает женщин так, как я.
Ведь я — *Вольфрам фон Эшенбах,*
В своих прославленных стихах
Воспевший наших женщин милых.
Я лишь одну простить не в силах
И посему не стану впредь
Ей гимны сладостные петь.
Из сердца выдерну щипцами
Страсть к вероломной этой даме.

. . . .

Итак, с историей моею
Я познакомить вас спешу.
Но нет, не «книгу» я пишу
И грамоты не разумею.
Все, что узнал я и постиг,
Я не заимствовал из книг.
На это есть *поэт другой.*
Его ученым внемля строчкам,
Готов бежать я, как нагой,
Прикрывшись фиговым листочком...

III

Весьма прискорбно, господа,
Что среди женщин иногда
Нам попадаются особы,
От чьей неверности и злобы
Мы терпим много разных бед.
В их душах женственности нет,
Они коварны и фальшивы,
Жестокосердны и сварливы,
Но так же, как и всех других,
Мы числим *женщинами* их,
Иного не найдя названья...
Сии ужасные созданья

Порой страшнее сатаны...
На вид все женщины равны,
И голоса у них прелестны.
Однако, признаюсь вам честно,
Что, если бы достало сил,
Я женский пол бы поделил
На две различных половины.
Одни, как ангелы, невинны,
Смиренны, женственны, верны,
Другие — в помыслах черны,
В них фальшь гнездится и зловредность...
Вот говорят: ужасна бедность.
Но *той* великая хвала,
Что выбрать бедность предпочла
Во имя верности священной,
Не осквернив себя изменой.
Ну, кто из нас в расцвете лет
Решился бы покинуть свет,
Презреть несметные богатства,
Страшась греха и святотатства,
Земную власть с себя сложить,
Чтоб только господу служить
И заслужить прощенье бога?..
Увы, средь нас совсем не много
Столь праведных мужей и жен,
Чем я безмерно удручен...
Но Герцелойда порешила
(Ей Совесть эту мысль внушила),
Вкушая божью благодать,
Покинуть трон, корону снять
И скипетр свой сложить могучий,
Чтоб удалиться в лес дремучий...
Печали ей не превозмочь.
Ей все равно: что день, что ночь.
Столь сердце скорбью истомилось,
Что солнце для нее затмилось.
Тоскою скованную грудь,
Увы, не оживят ничуть
Ни луговых цветов цветенье,
Ни соловьев ночное пенье.
В лесу приют она нашла.
С ней горстка подданных ушла,
И, повелительнице внемля,
Они возделывали землю,

Большие корчевали пни...
Так потекли за днями дни.
У ней одна забота ныне:
О мальчике своем, о сыне
Хлопочет любящая мать.
И вот она велит созвать
Всех взрослых жителей селенья
И говорит без промедленья:
«Постигнет смертный приговор
Тех, кто затеет разговор
При нашем сыне дорогом
О рыцарях или о том,
Как совершаются турниры.
Я родила его для мира,
И чтоб не сделалась беда,
Он знать не должен никогда
О страшных рыцарских забавах
И о сражениях кровавых».
Умолкли все, боясь угроз...
А королевский мальчик рос
В своем глухом уединенье,
Вдали от рыцарских забав,
Ни разу так и не узнав,
Какого он происхожденья.
Из королевских игр одна
Была ему разрешена:
К лесным прислушиваясь звукам,
Бродил он с самодельным луком,
И, натянувши тетиву,
Пускал он стрелы в синеву,
Где резвые кружились птахи...
Но как-то раз он замер в страхе:
Была им птица сражена.
О, горе! Только что она
Так безмятежно песни пела —
И вдруг навек оцепенела.
Навзрыд ребенок зарыдал.
Как на себе он кудри рвал!
Как горевал и убивался!..
Он был красив, высок и прям,
Он, крепкий телом, по утрам
В ручье студеном умывался.
Он никаких не знал забот.
Но мальчик, выросший на воле,

Рыдал, бывало, в сладкой боли,
Едва лишь птица запоет.
Необычайное томленье
В нем вызывало птичье пенье.
В слезах он к матери бежит.
Он весь трепещет, весь дрожит.
Мать к сердцу прижимает сына:
«Скажи, в чем слез твоих причина?
С кем на лужайке ты играл?..»
Молчит — как в рот воды набрал
(С детьми случается такое...).
Мать не могла найти покоя
До той поры, покуда тайна
Вдруг не открылась ей случайно.
Она приметила, что сын
Гуляет по лесу один.
И только птицу он заслышит,
Волненье грудь его колышет,
Стремится ввысь его душа.
И, птичьим пеньем пораженный,
Стоит он, как завороженный,
И внемлет, внемлет, не дыша.
Полна отчаянья и гнева,
Повелевает королева,
Созвав крестьян своих и слуг,
Переловить лесных пичуг,
Их без разбора уничтожить,
Чтоб сына не могли тревожить.
Спешат крестьяне вместе с дворней,
Да птицы были попроворней,
Вспорхнули с веточек они —
Поди попробуй догони!..
Так многие спастись успели
И снова весело запели.
Тут мальчик матери сказал:
«Кто бедных птичек наказал?
(Ручьями слезы побежали.)
Вели, чтоб их не обижали!»
Сказала мать, целуя сына:
«Знай, перед богом я повинна
И плачу, блажь свою кляня.
Ах, почему из-за меня
Должны умолкнуть божьи птицы?
Нет, это вновь не повторится.

Раскаянье — тому залог...»
«Скажи мне, мать, что значит: *бог?..*»
«Мое любимое дитя,
Тебе отвечу, не шутя:
Он, сущий в небесах от века,
Принявши облик человека,
Сошел на землю, чтобы нас
Спасти, когда настанет час.
Светлее он дневного света.
И ты послушайся совета:
Будь верным богу одному,
Люби его, служи ему.
Укажет он тебе дорогу,
Окажет он тебе подмогу,
Мой добрый мальчик дорогой.
Но помни: есть еще другой.
Се — черный повелитель ада.
Его всегда страшиться надо.
Предстанет он в обличьях разных,
Чтоб ты погряз в его соблазнах.
Убойся их! От них беги!
И верность богу сбереги!
Так отличишь ты с юных лет
От адской тьмы небесный свет».
И мальчик, выслушав ее,
Вник в сущность мудрых наставлений...
Учился он метать копье
И столько уложил оленей,
Что мать и весь ее народ
Кормились ими круглый год.
Трава ли землю покрывала
Иль снеговые покрывала,
Он в чащу леса уходил
И там охотился отважно.
И вот, послушайте, однажды
Копьем в оленя угодил,
Что был громаден непомерно.
С такою ношею, наверно,
Не смог бы сладить даже мул.
А он и глазом не моргнул
И, на спину взваливши тушу,
Упорством укрепляя душу,
Явился в материнский дом,
Нисколько не устав притом...

Затем такой случился случай.
Он лесом шел над горной кручей,
К губам листочек прижимал
(Чтоб сей листочек дребезжал,
Служа приманкою оленям)
И вдруг услышал с удивленьем
Конский топот вдалеке.
Сильнее сжав копье в руке,
Он громким смехом разразился:
«Не сам ли черт сюда явился?
Я кое-что слыхал о нем.
Мать говорит: властитель ночи...
Что ж, поглядим, каков ты днем!
Должно быть, страшен, да не очень».
Так боевой священный пыл
В своем он сердце ощутил.
Но тут три рыцаря из чащи
Уже возникли перед ним.
О, как доспехи их блестящи,
О, как их взор неустрашим!
Все трое на богов похожи.
И мальчик на колени пал
И, просветленный, зашептал:
«О, помоги мне, правый боже!»
Но первый рыцарь рассмеялся:
«Откуда дурень этот взялся?
Клянусь, что валезиец он!
А ну-ка, убирайся вон!»
(Хоть мы не валезийцы с вами,
И нас, баварцев, дураками
Считают люди иногда.
Пускай считают. Не беда!
Нам, с нашим плохоньким умишком,
Хватает мужества с излишком,
И доводилось нам в бою
Не раз стоять за честь свою.)
Меж тем на взмыленном коне,
Весь распаленный, как в огне,
Возник внезапно всадник новый.
Поверх кольчуги — плащ парчовый.
Сей рыцарь тех троих искал.
Он издалека прискакал,
Гонимый чувством возмущенья:
Нет похитителям прощенья —

Трем воинам его дружины,
Что были в сговоре повинны,
Девицу и́з дому украв.
И *Ультерлек* — так звался граф —
Решил за ними вслед пуститься,
Надеясь вызволить девицу,
Что жаждала его подмоги.
Вдруг видит: мальчик на дороге.
«Эй, слышишь, парень, прочь с пути!»
Но тот, лишившись чувств почти,
Пал перед графом на колени,
Воскликнув в дивном просветленье:
«Прости меня, великий бог!..»
(Судить его не станем строго:
Граф был и впрямь похож на бога,
Сверкая с головы до ног.
На шлеме — капельки росы,
Лицо — божественной красы,
Огнем горят кольчуги кольца,
И золотые колокольцы
Свисают с правого плеча,
Чтоб при подъятии меча
Они своим чистейшим звоном
Врагу напомнили о том,
Кто кончит бой непобежденным —
Не на щите, а со щитом...)
И вопрошает Ультерлек:
«Скажи-ка, добрый человек,
Мне это знать необходимо:
Здесь, часом, не промчались мимо
Три рыцаря?.. Я их ищу.
Тебя я в тайну посвящу:
Те трое девушку украли
И, как мошенники, удрали,
Презревши рыцарскую честь.
За это их постигнет месть...»
Тут вспомнил отпрыск Гамурета,
Как ложь от правды, тьму от света
Высокороднейшая мать
Его учила отличать.
И, внемля всаднику сему,
Он понял: бог сошел к нему.
«Прости меня, о всемогущий,
Свет справедливости несущий!» —

В благоговенье он вскричал...
Граф головою покачал:
«Тебе я истинно скажу:
Не бог я, но *ему* служу...
Но ты мне так и не ответил:
Ты рыцарей моих не встретил?»
И мальчик восклицает снова:
«Что значит — *рыцарь?* Это слово
Доселе неизвестно мне...»
Граф, восседавший на коне,
Сказал: «Ты молод чересчур.
Но славный наш *король Артур*
Возводит в рыцарское званье
Всех, кем заслужено признанье
И покровительство его.
Кто не страшится ничего,
Кого геройство не покинет,
Тот при дворе Артура принят.
Спеши припасть к его стопам,
И рыцарем ты станешь сам!..»
И мальчик, перед графом стоя,
Коснулся панциря героя,
Спросив, как спрашивают дети:
«Что означают кольца эти?
Ты кольца носишь на груди?!»
Взглянув на маленького друга,
Граф рассмеялся: «Погоди!..
Не кольца это, а кольчуга.
Я ею прикрываю грудь,
Чтоб не могли меня проткнуть!..»
Промолвил мальчик с удивленьем:
«Такую шкуру бы — оленям,
Их не сразило бы мое
Неотразимое копье!»

. . . .

И рыцарь в путь пустился дале.
Его крестьяне увидали,
Что обрабатывали луг.
Немалый вызвал в них испуг
Вид неожиданного гостя:
Его копье, доспехи, меч.
Но без надменности и злости
Он обратил свою к ним речь:
«Да охранит вас божья милость!..

Скажите, вам не приходилось
Здесь встретить девушку одну?
Сию несчастную княжну
Злодеи подлые украли.
Я весь дрожу: не умерла ли
Она от страха и тоски?
Я разорвать готов в куски
Ее обидчиков проклятых,
Что мимо вас промчались в латах!»
. . . .
Лишь граф с крестьянами расстался,
Ужасный шум вокруг раздался.
Крестьяне стонут: «ах!» да «ох!».
Произошел переполох.
Всех охватил великий трепет:
«Ужо владычица нам влепит!
Да как же смели мы *его*
В лесу оставить одного!
Считай, отныне всем нам — крышка.
Возрос в неведенье мальчишка,
Лесную дичь копьем пронзал
И вдруг о рыцарях прознал!
Небось кровишка-то взыграла
При виде шлема и забрала,
А от кольчуги, от стальной,
Он весь, ей-богу, как шальной!..»
Вот мальчик к матери приходит,
Горящих глаз с нее не сводит
И все выпаливает вслух.
Едва не испустила дух
Она в немыслимой печали,
Спасибо — люди откачали.
А мальчик дальше речь ведет:
«Каких я четырех господ
У нас в лесу сегодня встретил!
Что свет небес, их облик светел!
Впервые я узнал от них
О славных рыцарях лихих
И короле Артуре гордом.
Кто, обладая духом твердым,
Не дрогнет в боевой игре,
Тот принят при его дворе.
Клянусь, что я не успокоюсь,
Покуда сам не удостоюсь

Стать верным рыцарем его!..»
Нет, матери-то каково
От сына слышать речи эти?
Не за него ль была в ответе
Она пред богом и людьми?
О, сжалься! Боль ее уйми
И смилуйся над ней, всевышний!..
Но вечно плакать — труд излишний.
Коль хочешь вовремя спастись,
Без хитрости не обойтись.
Порою хитрость — та же сила...
И вот схитрить она решила:
«Сын просит дать ему коня?
Что ж, он получит от меня
Коня — то бишь, слепую клячу —
И шутовской наряд в придачу,
А в одеянье дурака
Узнает он наверняка
Толпы насмешки и побои:
Мол, коли шут — не лезь в герои!..
И ненаглядный мальчик мой
Сам в страхе кинется домой...»
Так поступить она решила
И в тот же вечер сыну сшила
Из мешковины балахон,
Подобье неких панталон
И туфли из телячьей кожи,
Что и на туфли не похожи,
Да с погремушками колпак,
Что скажешь? — вылитый дурак!..
В путь уходил он на рассвете.
«О мой единственный на свете,—
Сказала мать, прильнув к нему,—
В дороге трудно одному,
Но с темными людьми не знайся,
Коварных бродов опасайся,
Друзей фальшивых избегай,
А добрым людям помогай.
Коль старца мудрого ты встретишь,
Его с почтеньем поприветишь,
Он верный даст тебе совет.
Внемли: в упрямстве толку нет!
А вспыхнет девичье сердечко,
Возьми заветное колечко,

Но обижать ее не смей.
Не оскверни души своей
Поступком, помыслом греховным.
Бог не простит таких грехов нам.
И навсегда запомни, сын:
Похитил гордый Леелин
Два княжества твоих великих.
Виновен он в бесчинствах диких:
Убит отважный *Туркентальс*,
Горит Валезия, Норгальс
Войсками вражьими захвачен.
Сей счет кровавый не оплачен,
И в рабстве стонет твой народ
Под гнетом пришлых воевод!..»
Воскликнул мальчик, не робея:
«Копьем своим клянусь тебе я
Врагу пощады не давать,
Коль доведется воевать!..»
Едва за дымкою тумана
Он скрылся хмурым этим днем,
Как в материнском сердце рана
Смертельным вспыхнула огнем.
И, словно в сердце сталь вонзая,
Ее пронзила боль сквозная,
В груди дыханье заперла.
И Герцелойда умерла,
Страдая без родного чада.
Любовь спасла ее от ада.
И пусть посмертная хвала
Сей образ светлый окружает
И Герцелойду провожает
Наш вздох: «Ты *матерью* была!..»
. . . .
А мальчик, волею небес,
Въезжает в Бразельянский лес.
Он у ручья остановился,
Который черной змейкой вился.
Не то что конь — петух и тот
Такой ручей перешагнет.
Но мальчик слыхивал, что в воду
Опасно лезть, не зная броду.
Иль не наказывала мать
Коварных бродов избегать,
Притом воды страшиться мутной?

И вот, усталый, бесприютный,
Весь день наш бедный дуралей
Искал водицы посветлей,
Покуда не увидел мели
И снова устремился к цели,
Как вдруг на правом берегу
Шатер приметил на лугу,
Богатым бархатом обшитый
Да кожаным чехлом покрытый,
Чтоб дождь сквозь крышу не пропик...
Наш мальчик скачет напрямик
К шатру, где сладко, как богиня,
Спала младая герцогиня
Необычайной красоты.
Сон обвевал ее черты,
Но и во сне была она
Амуром вооружена:
Пылают знойные ланиты,
Уста ее полуоткрыты,
А зубки дивной белизны,
Как из жемчужин созданы.
(*Ешутой* герцогиню звали...)
Меня, увы, не целовали
Столь бесподобные уста,
О чем тужу я неспроста...
Сползло соболье покрывало
И перси чуть приоткрывало.
Тут на ее руке кольцо
Увидел юный наш скиталец
И ухватил ее за палец,
Припомнив матери словцо
Насчет заветного колечка.
Ну, что за глупая овечка!..
Немалый вышел перепуг,
Когда она, очнувшись вдруг,
Узрела возмущенным взглядом
Сего юнца с собою рядом.
«Позвольте! Кто вы и откуда?!
Немедля прочь! Иль будет худо!
Гляжу, да вы и впрямь наглец!
Кто дал вам право, наконец,
Врываться к благородной даме?!
Да понимаете ль вы сами,
Что вы попали не туда?..»

Но глупый мальчик — вот беда! —
Не говоря дурного слова,
Над нею наклонился снова,
Ее в уста поцеловал,
С ее руки кольцо сорвал
И вдруг промолвил громогласно:
«Как быть? Я голоден ужасно!..»
«Ах, не меня ль вы съесть хотите?
У вас на это хватит прыти,—
Смеясь, воскликнула она.—
Но если вы не привереда,
У нас осталось от обеда
Немного хлеба и вина
И жареные куропатки...
Мы здесь, в лесу, живем в достатке.
Прошу вас оказать мне честь...»
И тут наш мальчик начал есть!..
Он ел так смачно, пил так жадно,
Проголодался он изрядно,
За кубком кубок осушал
И уходить не поспешал.
Хозяйка молвила в смущенье:
«Благодарю за посещенье,
Однако знайте, милый друг,
Вот-вот вернется мой супруг —
Орилус де Лаландер смелый,
И коль вам жизнь не надоела,
Прошу кольцо мое вернуть
И поскорей собраться в путь».
Мальчишка дерзко рассмеялся:
«Вот уж кого не испугался!
Но если тень падет на *вас,*
Готов я скрыться хоть сейчас!..»
И он отвесил ей поклон
И с драгоценною добычей
Без дозволенья вышел вон
(Нарушив рыцарский обычай).

. . . .

Домой спешит Орилус важный,
Закончив ратные труды.
Вдруг незнакомые следы
На мураве он видит влажной...
В шатер вбегает к герцогине,
Кричит Орилус: «Черт возьми!

Клянусь, что нового ami[1]
Вы тайно привечали ныне!
О, сколь жестоко я наказан,
Хоть всей душой был к вам привязан,
Но, благородства не ценя,
Вы опозорили меня!
О, я с ума сойду от боли!
Мне ль выступать в постыдной роли
Обманутого дурака?!
Нет! Пусть скорей моя рука
По воле господа отсохнет,
Чем месть в груди моей заглохнет!..»
Она промолвила в ответ:
«Сколь горько слышать сей навет!
Всему виной — ваш нрав горячий!..
Какой-то дурень, шут бродячий,
В наряде явно шутовском,
Ко мне в шатер проник тайком
И, не сказавши ни словечка,
Сорвал с руки моей колечко.
Затем, немного закусив,
Сбежал виновник злоключенья
В своем дурацком облаченье.
Не скрою: мальчик был красив
И статен, бог его помилуй!..»
Воскликнул герцог с новой силой:
«Мне все понятно наконец!
Вскружил вам голову юнец!
Мое вы осквернили ложе!..»
Она промолвила: «О боже!
Ужель бродячему шуту
Свою отдам я чистоту?»

. . . .
. . . .

И герцог молвил герцогине:
«Вы преисполнены гордыни,
Но вашу спесь я поубавлю,
От воздыхателей избавлю,
И жить вы будете в беде,
На черством хлебе и воде!
Забыв любовные объятья,
Носите нищенские платья.

---

[1] Друг *(франц.)*.

И в виде нищенки убогой
Вы на кобыле хромоногой
Поскачете за мною вслед!
И вам домой возврата нет,
Пока непрошеному гостю
Я не пересчитаю кости!..»
Благоразумию назло,
Он изрубил мечом седло,
Что в дни счастливые, бывало,
Коня Ешуты украшало...
И герцог рек: «Теперь — в погоню!
Я нечестивца урезоню!
Будь человек он иль дракон,
Зверь с огнедышащею пастью,
Я разорву его на части!»
Что ж. Слово герцога — закон...
И тут жена как зарыдает!
Не за себя она страдает:
Ей не себя — супруга жаль.
Ей тяжела *его* печаль.
Все претерпеть она готова
И даже рада умереть,
Чтоб ревностью жестокой впредь
Не мучить мужа дорогого!..
(И я с Ешуты грех снимаю,
Хотя прекрасно понимаю,
Что гнев всех женщин призову
На бедную свою главу.)

Меж тем, не зная ни о чем,
Герой спешит своим путем.
Кого в дороге он ни встретит,
С почтеньем юноша приветит:
«Моя возлюбленная мать
Мне так велела поступать!..»
В своем неведенье счастливом
Он скачет над крутым обрывом.
Вдруг женский голос слышит он.
Не голос, нет! Протяжный стон,
Вопль ужаса невероятный,
Плач о потере безвозвратной...
Сигуна — то она была,—
Полубезумная, рвала
Свои распущенные косы...

Здесь содрогнулись бы утесы:
В ее объятьях труп лежал.
А безутешный голос звал:
«Мой князь! Мой *Шионатуландер!*
Свою Сигуну ты забыл!..»
«Кто друга вашего убил?»
«Орилус! Герцог де Лаландер!..»
Он молвил: «Да хранит вас бог!
Но чем, скажите, я бы мог
Помочь ужаснейшему горю?
Хотите, я коня пришпорю
И, где б то ни было, найду
Того, кто вам принес беду,
Чтоб с ним сразиться в поединке?
Не мне ль приказывала мать
В несчастье людям помогать
И чутким быть к любой слезинке?..»
. . . .
Она сказала: «Мальчик мой,
Сколь дорог мне твой нрав прямой!
В себе соединяешь ты
Всю кротость детской доброты
С порывами бойца святыми!
Так назови свое мне имя,
Чтоб пожелать тебе удачи!..»
На это юноша сказал:
«Bon fils, cher fils, beau fils»... Иначе
Меня никто не называл».
Сигуна сразу поняла,
Кого судьба к ней привела:
То имя было ей знакомо...
И все же наступает срок,
Чтобы с последующих строк
Герой наш звался по-иному...
«Твое прозванье — *Парцифаль!*
Оно в веках тебя прославит:
Насквозь врага пронзает сталь,
Насквозь любовь сердца буравит.
Узнай, потомок королей,
Что сердце матери твоей
Любовь к тебе избороздила.
Ах, так судьба определила,
Чтобы родитель твой — король
Принес отчаянье и боль

Ее душе, безмерно кроткой.
Без хвастовства тебе скажу:
Была мне Герцелойда теткой...
Отец твой — родом из Анжу,
Мать — валезийская испанка —
Тебе однажды жизнь дала
В прекраснейшем Конвалуа...
Но ведома ль тебе изнанка
Роскошной жизни королей:
Коварство, зависть — смерти злей...
Властитель славного Норгальса,
Узнай, что верный твой вассал —
Князь Шионатуландер пал
При обороне Кингривальса —
Твоей столицы, где народ
Лишь твоего прихода ждет.
Два злобных рыцаря, два брата,
Жрецы насилья и разврата,
Тебе грозят... Из них один —
Надменный рыцарь Леелин,
Другой — Орилус знаменитый...
Здесь пред тобою — князь убитый.
Копьем Орилуса пронзен,
Ах, он при жизни был казнен
Моей холодностью чрезмерной.
Он нам обоим друг был верный.
Погиб он ради нас двоих...
Прости, несчастный мой жених!
Сколь рано ты со мной расстался!
Мне в женихи мертвец достался!
Самой мне умереть пора!..»
«О драгоценная сестра,—
Воскликнул мальчик потрясенный,—
Клянусь норгальскою короной,
Что заодно с тобой скорблю!
Я негодяев истреблю!
Они заплатят головою
За твой неутолимый плач!..
(Он был так молод, так горяч,
В нем чувство зрело боевое!)
Скажи мне, как найти их след?..»
Но, опасаясь новых бед,
Сигуна мальчика послала
На запад, а не на восток,

Где средь нехоженых дорог
Его бы смерть подстерегала.
По направленью на Бретань
Дорогой едет он мощеной.
Кругом — народ, куда ни глянь.
Купец и рыцарь, пеший, конный
Навстречу юноше спешат.
Он каждого приветить рад,
По материнскому совету
Стремясь душой к добру и свету...
Но вот и вечер наступил.
Наш мальчик выбился из сил.
Вдруг рядом хижину он видит.
Неужто мальчика обидит
Живущий в хижине рыбак?
Скажите, разве не пустяк —
Порой ненастною, вечерней,
Впустить озябшего в свой дом?..
Но никогда мы не поймем
Жестоких нравов подлой черни!..
Рыбак кричит ему в ответ:
«Жди год, жди два, жди тридцать лет,—
Здесь не пожрешь на даровщину!
Уж не тебя ли, дурачину,
Я должен потчевать винишком?
Иль враг я собственным детишкам?
Весь век живя своим трудом,
Мы никому не подаем...
Но кто мне денежек подкинет,
Как лучший друг, мной будет принят.
Ну, доставай свой кошелек!..»
И тут наш юноша извлек
Кольцо божественной Ешуты.
Крестьянин ахнул: «Фу-ты ну-ты!»
И, весь дрожа, заговорил:
«Ах, чудо-мальчик! Как ты мил!
Вот уж красавец так красавец,—
Мечта прелестнейших красавиц,
Мой дом открыт тебе всегда!
Питье найдется и еда,
Перинка мягкая из пуха!..
А ну, готовь постель, старуха!..»
Наш друг сказал: «Я не шучу,
Тебе я щедро заплачу,

Уж больно есть и пить хочу я
И у тебя переночую.
А завтра, рано поутру,
Ты мне к Артурову двору
Дорогу верную покажешь».
«Все будет так, как ты прикажешь,—
Сказал рыбак.— Уж как-нибудь
Мне хорошо известен путь
К дворцу великого Артура...
Твой гордый взгляд, твоя фигура,
Речь, благородна и смела,
Как раз — для *Круглого стола...*»
И вот, часу примерно в пятом,
Наш мальчик, вместе с провожатым,
Спешит к Артуру во дворец...
Гартман фон Ауэ, ты, певец,
Гиневре верный и Артуру,
Прошу тебя: не вздумай сдуру
Обидеть друга моего!
Зря выражает торжество
Твоя ехидная улыбка.
Мой друг — не арфа и не скрипка,
Чтобы могли играть на нем!
Эй, Гартман! Не шути с огнем!
Не то я сам твою *Эниту*
И мать Эниты — *Карснафиту*
При людях насмех подниму!
Хоть и слыву я острословом,
Но ранить друга острым словом
Я не позволю никому!..
Но вот они въезжают в Нантес.
Рыбак сказал: «Вы тут останьтесь,
А мне — я сам тому не рад —
Никак нельзя в престольный град.
Того закон не дозволяет.
По шее страж накостыляет
Иль кто другой намнет бока,
Едва увидит мужика.
Что ж... Ворочусь к своей хозяйке...»
Так скрылся с глаз простолюдин,
А бедный юноша, один,
Рысцой поехал вдоль лужайки.
Дворцовых нравов он не знал,
Галантным не был кавалером,

И *Карвеналь* не обучал
Его изысканным манерам.
Одежд он пышных не носил,
Не слыл любимчиком удачи
И в шутовском плаще трусил
На неуклюжей, тощей кляче.
(Да, не таким когда-то в свет
Вступал могучий Гамурет.)
Вдруг рыцарь перед ним возник,
Сияя, словно месяц ясный.
То был — скажу вам — *Итер Красный*,
Один из доблестных владык...
Явился он в доспехах алых,
На рыже-огненном коне.
Глаза горят. Лицо в огне.
Шишак — в рубинах и в кораллах.
Великолепный плащ на нем
Багровым светится огнем.
Как кровь, красно его копье.
Меч красной краскою покрашен
(Белеет только лезвиё).
Прекрасен облик. Взор бесстрашен.
Что жаркий пламень, кудри рыжи...
Подъехав к юноше поближе,
Он на почтительный поклон
Поклоном дружеским ответил.
И тут, немало изумлен,
Наш путешественник приметил
В руке у рыцаря бокал,
Что красным золотом сверкал...
Неужто с Круглого стола
Рука предерзкая взяла
Бокал, украшенный портретом,
Пылавший ярко-красным цветом?
И рыцарь молвит: «Друг мой юный,
Видать, обласкан ты Фортуной
И самой чистою из жен
Для славных подвигов рожден.
О, как же ты красив и статен!
Ты будешь славен, будешь знатен,
Ты создан волею творца,
Чтоб, ранив женские сердца,
Их дивным исцелять бальзамом
В служении прекрасным дамам.

Любовь бурлит в крови твоей.
Сейчас ты въедешь в город сей
И явишься к Артуру вскоре...
Увы, я нахожусь с ним в ссоре:
Земля захвачена моя.
Так доложи ему, что я,
Его двоюродный племянник,
Судьбой обиженный изгнанник,
Готов к последнему суду.
Скажи, что я турнира жду,
Где будет назван победитель.
Нет, я не вор, не похититель
И не какой-нибудь беглец.
Придя к Артуру во дворец,
Схватил я этот кубок дядин.
Поверь, он не был мной украден.
Я этот кубок взял в залог,
Покуда не вернут мне землю.
Я приговор любой приемлю.
Но знай,— тому свидетель бог! —
Гиневре милой — о, проклятье! —
Случайно пролил я на платье
Из кубка красное вино...
Там было рыцарей полно,
И все, кто находились в зале,
Позор мой страшный наблюдали.
Вот чем душа уязвлена!..
Коль на меня обозлена
Прекраснейшая королева,
Скажи: нет повода для гнева.
Ее обидеть не хотел
Тот, чей столь горестен удел...
И все ж одно мне непонятно:
Ужели кубок свой обратно
Артур не хочет получить?
Так из чего ж он станет пить?
Неужто и на самом деле
Мужи Артура оробели
И не решаются со мной
Вступить сегодня в смертный бой
Во имя возвращенья кубка?
Мне тягостна сия уступка!..»
Узнав об этом приключенье,
Тотчас исполнить порученье

Наш добрый юноша решил
И въехать в город поспешил,
Чтоб встретиться с Великим Мужем...
За незнакомцем неуклюжим,
Крича, бежала детвора.
Почти из каждого двора
Народ валил на площадь валом,
Смеясь над бедным нашим малым.
Он сквозь толпу едва пробился.
Но тут пред мальчиком явился
Красавец юный — *Иванет*.
«Господь храни вас много лет!
Мне матушка моя велела
Любое доблестное дело
Таким приветом начинать.
Я рыцарем желаю стать
И только этим озабочен!
Поэтому прошу вас очень
Скорей кого-нибудь найти,
Кто б мог меня произвести
Немедля в рыцарское званье...
Как мне проникнуть в это зданье,
К героям Круглого стола?
Скажите, вы из их числа?..»
Рек Иванет: «А ну, идем.
Сейчас мы, друг, с тобой найдем,
Кого ты ищешь не напрасно!»
И в зал, разубранный прекрасно,
Они вступили... За столом —
Гиневра рядом с королем
Средь знатных рыцарей сидела.
Наш мальчик, преступив порог,
Воскликнул: «Да хранит вас бог!
Так матушка моя велела
Приветить старших всякий раз...
Но все же: кто король средь вас?
Я доложить ему обязан,
Поскольку честным словом связан,
О бедном рыцаре одном.
Он взял у вас бокал с вином
И был бы рад любой расплате.
В турнир мечтает он вступить,
Свои владенья возвратить,—
Хотя без *умысла* на платье

Гиневре он вино плеснул:
Он сам мне в этом присягнул,
Во всем доверившись, как другу...
Когда бы мне его кольчугу
Король великий подарил,
Я вас бы век благодарил!..»

. . . .

Взглянув на юного глупца,
Король Артур, добрей отца,
Сказал: «Мой мальчик, я уверен,
Что ты героем стать намерен.
Мне по душе твой пылкий нрав.
Свою отвагу доказав,
Ты будешь рыцарем могучим.
Но мы сперва тебя научим
Любовь и Славу добывать...
Ну, а пока — не унывать!..»
Тут наш герой как разозлится:
«Ученье это год продлится!
А между тем для ратных дел
Я, говорят, давно созрел!»
Король смеется: «Не тревожься!
Ты, милый друг, всего добьешься...
Сама судьба к тебе добра.
Но потерпи хоть до утра —
И ты получишь снаряженье...»
«Как так?! — воскликнул в раздраженье
Мальчишка, выпятивши грудь.—
Не нищий я какой-нибудь,
Чтобы просить о подаянье.
Я только в *красном одеянье*
Хочу ходить, как рыцарь тот,
Что ожидает у ворот
Во всей своей красе и блеске...
А на обычные железки
Мне — слышите ли? — наплевать!
Моя возлюбленная мать
Мне и без вас подарит латы.
Мы с ней достаточно богаты:
Небось не нищенка она,
А королевская жена!»
Король ответил: «Ты не знаешь,
На чей ты панцирь посягаешь.
Ах, Красный Итер! Это он,

Кем я столь тяжко оскорблен.
Не я его владенья занял,
А он меня жестоко ранил,
Копьем вражды и клеветы
Пронзив кольчугу доброты.
О дерзкий, о строптивый витязь!»
«И вы, король, его боитесь,
Не смея у него забрать,
Что вам должно принадлежать?!»
Кей-сенешаль шепнул Артуру:
«Клянусь, с него он спустит шкуру!..
Мальчишка так и рвется в бой.
Приемлем тут исход любой:
Удачей дело обернется —
Глядишь, и кубок к нам вернется,
А если Итер победит,
То нас никто не пристыдит:
Ведь мальчик не из вашей свиты,
Он не просил у вас защиты,
Не вашим он снабжен мечом,
И мы, выходит, ни при чем!..»
Король сказал: «Пожалуй, верно,
Что этот мальчик храбр безмерно.
Но я за жизнь его страшусь
И с неохотой соглашусь
Его подвергнуть испытанью...»
И вот к желанному ристанью
Готовится наш юный друг...
Толпятся рыцари вокруг,
Ему давая наставленья.
Зеваки праздные галдят.
Из окон женщины глядят,
Как в дни большого представленья...
Меж тем как молодой и старый
К дворцу спешат со всех сторон,
Вдвоем выходят на балкон
Гиневра с гордой *Куневарой,*
Которая дала обет
До самой смерти не смеяться,
Коли не сможет повстречаться
С героем, что на целый свет
Себя прославит в ратном деле...
Но лишь глаза ее узрели
Мальчишку с дротиком в руке,

В смешном, дурацком колпаке
И в несуразном балахоне,
Как тут же, стоя на балконе,
Веселым смехом залилась
Она, которая клялась
Держаться строгого обета...
Кей-сенешаль, увидев это,
Схватил красавицу за косу:
«Такая честь — молокососу?!
Да это ж — рыцарству позор!..»
И вдруг молчальник *Антанор,*
Тот, что связал себя обетом,
Поклявшись перед целым светом,
Вовек не раскрывать свой рот,
Покуда смех не разберет
Прелестнейшую Куневару,
Подпрыгнув, словно от удара,
Вскричал: «Запомни, сенешаль,
Ты не уйдешь от страшной кары!
Два брата есть у Куневары!
(Все это слышит Парцифаль.)
Лаландер вместе с Леелином,
Как должно истинным мужчинам,
Тебе отплатят за сестру!..»
«Я в порошок тебя сотру!» —
Воскликнул Кей... Набравшись духу,
Он Антанору оплеуху
Влепил, нисколько не стыдясь
Свидетелей постыдной сцены...
(Мы распознаем постепенно
Разрозненных событий связь...)
. . . .
. . . .
Меж тем у городских ворот
Ждет поединка Итер Красный,
Еще не зная, сколь ужасный
Вдруг дело примет оборот.
Не видно рыцарей покуда...
Но что такое? Что за чудо?
Взамен достойного бойца
Того зеленого юнца
Он замечает в отдаленье —
И скрыть не может удивленья...
. . . .

И вот промолвил Парцифаль:
«Ах, славный рыцарь, мне вас жаль.
Готов поклясться небесами:
Никто не смеет драться с вами,
Возможно, за нехваткой сил.
Я их уламывал, просил,
Все говорил, что вы велели:
Насчет злосчастного вина
И что не ваша в том вина,
Что вы обидеть не хотели
Гиневру дерзостным поступком
(Я рассказал про случай с кубком),—
Все тщетно... Отменен турнир.
Артур предпочитает мир.
Притом — отнюдь не для потехи —
Он ваши дарит мне доспехи.
Как эти латы я надену,
Так стану рыцарем мгновенно...
Поторопитесь! Я спешу
И вас покорнейше прошу
Отдать мне ваше снаряженье,
Здесь неуместны возраженья!..»
«Ах, вот о чем Артур хлопочет!
Скажи, в придачу он не хочет
Тебе и жизнь мою отдать?
И все ж придется подождать.
Оставь напрасную надежду
И береги *свою* одежду:
Такой наряд как раз к лицу
Столь безрассудному глупцу!»

. . . .

Воскликнул Гамуретов сын:
«Не ты ли — злобный Леелин?
Мне мать однажды говорила,
Что наши земли разорила
Рать беспощадная твоя.
А ну, меня попробуй тронь-ка!..»
Тогда тупым концом копья
Князь дурачка толкнул легонько
(Мальчишке не желая зла,
А так, чтоб даром не хвалился)...
Наш дуралей с коня свалился,
Из носа кровь ручьем текла...
Что стало дальше с глупым малым?..

Охвачен гневом небывалым,
Он в тот же миг поднялся вновь,
Рукою утирая кровь,
И дротик свой метнул столь метко,
Что в глаз противнику попал.
И рыцарь на землю упал,
Как с древа срезанная ветка.

. . . .
. . . .

Да, смертным холодом сковало
Героя павшего уста...
Итак, сбылась твоя мечта!
Сними с убитого забрало
И латы красные его,
Не опасаясь ничего.
И меч возьми, и драгоценный
Шлем с этой бедной головы:
В нем не нуждается — увы —
Кукумберландец убиенный.
Чего ж ты медлишь, Парцифаль?
Ужель гнетет тебя печаль?
Неужто, выиграв сраженье,
Ты взять не хочешь снаряженье
Тобой убитого бойца?
Или страшишься мертвеца
Ты, славный отпрыск Гамурета?
Иль навыка не приобрел?..
«Сильнейшего ты поборол! —
Раздался голос Иванета.—
Здесь все тебе принадлежит:
Его копье, и меч, и щит,
И этот конь, и эти латы!..»
Он обнял юношу, как брата,
И снаряженье снял тотчас —
От наколенников до шлема —
С того, чей гордый дух угас
И чьи уста навеки немы.
(Пусть безутешных женщин стон
К нам долетит со всех сторон...)

. . . .
. . . .

«Теперь снимай свою хламиду! —
Промолвил юный Иванет.—

Ты не по-рыцарски одет
И просто шут бродячий с виду!..»
Наш мальчик не без огорченья
Внимал словам нравоученья:
«Одежду, что дала мне мать,
Я и не думаю снимать!
Доспехов мне любых дороже —
Пусть что угодно говорят —
Дурацкий, ветхий сей наряд
И туфли из телячьей кожи!..»
И Парцифаль надел впервые
Стальные латы боевые,
Сей символ доблести мужской,
Поверх одежды шутовской.
Затем уселся он картинно
На благородного коня
(О, несравненная картина!)
И молвил: «Выслушай меня,
Друг Иванет. Сейчас свершилось
Все то, что мне сыздетства снилось:
Долг рыцаря исполнен мной.
Но — господи! — какой ценой!..
Артуру доброму с приветом
Вручи украшенный портретом
Сей драгоценнейший бокал.
Скажи: не славы я искал.
Иные чувства — честь и вера —
Мою обуревали грудь.
Но заклинаю: не забудь
Злодейских козней лицемера!
Да внемлет жалобе моей
Светлейший среди королей,
И не избегнет страшной кары
Обидчик бедной Куневары.
Поверь: ее внезапный смех
Мне как бы предвещал успех.
Зачем же царедворец дерзкий
Свершил поступок свой премерзкий?
За что презренный этот пес
Удар невинному нанес?
(Я разумею Антанора...)
Не знаю, скоро иль не скоро,
Но отомщение грядет.
Всему на свете свой черед...

Однако мне пора в дорогу.
Прощай. Господь тебя храни!..»
И на прощание они
Смиренно помолились богу.

. . . .

Где Парцифаль? Простыл и след.
Уже он скрылся за горою...
А тело павшего героя
Покрыл цветами Иванет,
И по законам здешних мест
Соорудить решил он крест,
Всем видимый издалекá:
Злосчастный дротик Парцифаля
И поперечная доска
Сей скорбный крест изображали...
Он в Нантес возвратился вскоре.
Король Артур в великом горе
Воспринял юноши доклад.
Рыдали дружно стар и млад,
И всех окутал мрак могильный...
Господь, помилуй и прости!..
Артур велел перенести
Убитого в свой склеп фамильный.
И сам, как говорит преданье,
Присутствовал при отпеванье...

. . . .

Должно быть, Итеру назло,
И впрямь затмение нашло
На молодого Парцифаля.
Иначе, думаю, едва ли
Ввязался б он в столь дикий спор,
А Итер жил бы до сих пор.

. . . .
. . . .

Наш глупый мальчик в это время
Стремится вдаль своим путем.
Он не жалеет ни о чем.
Его не давит скорби бремя.
Кастильский конь его удал,
Испытан в зное он и в стуже,
Необычайно резв к тому же...
На третьи сутки увидал
Наш дурень крепостные башни:

«Ужель на королевской пашне
Такие крепости растут?
И для чего их сеют тут?..»
Вопрос был глуп, смешон, наивен,
Но дивный град был вправду дивен:
Там башни гордые росли,
Казалось, прямо из земли.
Князь *Гурнеманц* сим градом правил.
Вершитель многих громких дел,
Под сенью липы он сидел
И вдаль суровый взгляд уставил.
Вдруг видит: всадник перед ним,
Весьма похожий на ребенка.
«Будь, старче, господом храним! —
Сей незнакомец крикнул звонко.—
Моя возлюбленная мать
Мне старших привечать велела
И ради праведного дела
Советы их перенимать».
«Что ж,— князь промолвил.— В добрый час!
Ты здесь желанный гость у нас.
В какое ни войдешь жилище —
Ни в чем тебе отказа нет.
Но, думаю, мужской совет
Тебе всего нужней, дружище!..
Притом, надеюсь, мой урок
Ты не воспримешь как упрек...»
И в тот же миг с его ладони
Взмыл, колокольчиком трезвоня,
Ученый сокол, устремясь
В столицу, коей правил князь.
И, внемля дивному посланцу,
Сбежались к князю Гурнеманцу
Его покорные пажи.
«Князь! Что угодно, прикажи!»
И слышат княжеское слово:
«Примите гостя дорогого.
Его ко мне введите в дом,
Где позаботятся о нем!..»
Немедля к городским воротам
Мальчишку глупого с почетом
Сопроводил военный строй.
Так что ж он сделал, наш герой,
Прибывши к месту назначенья?

Не обошлось без приключенья...
Ему стараются помочь
Сойти с коня, а он им: «Прочь!
Я, ставши рыцарем законным,
Обязан оставаться конным.
С коня не смеет рыцарь слезть,
Иначе он утратит честь...
Но матушка моя велела
От всей души приветить вас...»
(Толпа вокруг остолбенела:
Где парень разум порастряс?)
Но снять пора бы снаряженье...
В ответ тотчас же — возраженье:
«Нет! Я свой панцирь не сниму!»
«Что с вами, рыцарь? Почему?»
Когда ж его уговорили,
Под красным панцирем открыли
Шута бродячего наряд...

. . . .

Князь, воротясь в столичный град,
Велел пришельца вымыть в бане.
Э! Гость-то прямо с поля брани:
Кровоподтек, два синяка...
И вот по приказанью князя
Бинтом с целительною мазью
Перевязали бедняка...
Однако же пора обедать.
«Чего изволите отведать?..»
Тут гость за стол без споров сел:
Он ведь с тех пор не пил, не ел,
Как в доме рыбака скрывался.
Теперь он до еды дорвался.
Ужасный голод утолял,
А князь ему все подбавлял —
Вино да жирное жаркое...
«Друг, вы нуждаетесь в покое,—
Промолвил князь.— Хотите спать?»
«Моя возлюбленная мать,—
Сказал юнец опять некстати,—
Поди, давным-давно в кровати».
Князь усмехнулся: да, простак...
И молвил: «Спите, коли так».

. . . .

. . . .

До полдня крепко спал наш соня,
Затем протер глаза спросонья,
Вскочил, увидел пред собой
На дивной ткани голубой
(Знак величайшего приятья) —
Подаренное князем платье:
То бишь, камзол расцветки алой,
Пошитый с роскошью немалой,
Штаны, а также пояс к ним
С отливом красно-золотым
И чудо-плащ, снегов белей,
С отделкою из соболей...
Восстав с постели, гость умылся,
В наряд свой новый облачился,
Всех живших в крепости смутив:
Он был воистину красив!
Тут вышел князь. «Ну, как вы спали?
Я видел, вы вчера устали.
Однако нам пора пойти
Молитву богу вознести».
И князь в часовню с гостем входит,
Где очи к небесам возводит
Служитель божий — капеллан...
С тех пор молитвы христиан
И христианские обряды
Герой усвоил навсегда,
О чем мы вам поведать рады...
Меж тем роскошная еда
И дорогие вина ждали
Прибывшего в дубовом зале...

. . . .

Во время трапезы старик
Спросил мальчишку напрямик,
Кто он таков, откуда родом,
Каким владеет он доходом.
И Парцифаль ему, конечно,
Все рассказал чистосердечно:
О Герцелойде и родной
Далекой стороне лесной.
Не позабыл и той минуты,
Когда он взял кольцо Ешуты,
Сигуну вспомнил, а потом,
Как он за Круглым был столом
У короля Артура в Нанте,

И под конец не умолчал
О воинском своем таланте:
О том, как Красный Итер пал...
И князь при этом прослезился.
Он гостя в сторону отвел
И рек: «Столь дивно ты расцвел,
Сколь и чудесно ты родился!
Ты славным рыцарем растешь
Под знаком божьей благодати,
Но иногда ты, рыцарь, все ж
Глупее малого дитяти.
Чти память матери, но, боже,
Мужчине, рыцарю, негоже
На каждом слове вспоминать,
Чему его учила мать.
Нет, до своих последних дней
Ты думай с трепетом о ней,
Но этот трепет спрячь глубо́ко,
Иначе высмеет жестоко
Тебя презренная толпа,
Что беспощадна и тупа...»
И мальчик понял: старец прав.
А тот, немного переждав,
Свою продолжил дальше речь:
«Стремись священный стыд сберечь,
Знай: без священного стыда
Душа — как птица без гнезда,
Лишенная к тому же крыл...»
И далее проговорил:
«Будь милосерд и справедлив,
К чужим ошибкам терпелив
И помни всюду и везде:
Не оставляй людей в беде.
Спеши, спеши на помощь к ним,
К тем, кто обижен и гоним,
Навек спознавшись с состраданьем,
Как с первым рыцарским даяньем...
Господне ждет благодаренье,
Кто воспитал в себе смиренье!..
Умерен будь! Сколь славен тот,
Кто и не скряга и не мот!..
С вопросами соваться бойся,
А вопрошающим — откройся.
При этом никогда не ври:

Спросили — правду говори!..
Вступая в бой, сомкни, мой милый,
Великодушье с твердой силой!..
Не смей, коль совесть дорога,
Топтать лежачего врага,
И если он тебе сдается,
То и живым пусть остается!
Ему поверив на́ слово,
Ты отпусти несчастного!..
Поверженных не обижай!..
Чужие правы уважай!
Учись, мой рыцарь, с юных лет
Блюсти дворцовый этикет,
А также рыцарский устав!..
Вернувшись с боя, панцирь сняв,
Умойся с тщанием, чтоб грязь
От ржавчины не завелась!..
Прекрасным женщинам служи!..
Любя, в любви убойся лжи!..»
С волненьем Парцифаль внимал
И молча, молча вспоминал
Мать, о которой на чужбине
Вслух говорить не мог отныне!..

. . . .

Затем отвесил старцу он
В знак благодарности поклон:
Урок был добрый им получен...
Рек Гурнеманц: «Ты неразлучен,
Сдается мне, с копьем своим?
Но как же ты владеешь им?
А щит как держишь? Нет, по мне,
Висел бы он лучше на стене!»
И старый князь воскликнул: «Ну-ка!
Сейчас поймешь ты, что есть — наука!
На плац! За мной! Сзывайте всех!
Вперед! Борись за свой успех!..»

. . . .

Наш Парцифаль сражался браво:
Колол налево и направо.
В нем, чья рука копье метала,
Кровь Гамурета всклокотала,
И признан был в конце концов
Он самым сильным среди бойцов.

. . . .

И люди на него глядели.
И вот уже в толпе галдели,
Что рыцарь, посетивший их,
И есть желаннейший жених...
Заметим: дочь была у старца.
Сия жемчужина Грагарца,
Как майский день, нежна была.
Увы! Одна она росла.
Ее три брата в битвах пали.
Красавицу *Лиасой* звали...

. . . .

В Грагарце славном, в самом деле,
Наш странник прожил две недели.
Как бедную Лиасу жаль!
Ее любимый Парцифаль
В Грагарце с нею не останется,
Он к новым похожденьям тянется,
К неведомым событьям.
Супругами не быть им!
Он ощущает странный зов,
Идущий прямо с облаков,
Зов, полный обещанья...
Так пробил час прощанья.

. . . .

. . . .

О, горемычная судьбина!
И Гурнеманц, свой рок кляня,
Воскликнул: «Знай, сегодня я
Четвертого теряю сына!..»

. . . .

Но Парцифаль сказал: «Лиаса,
Не плачь и жди иного часа,
И коль того захочет рок,
Я вновь вступлю на сей порог,
Но не с поникшей головою,
А рыцарства всего главою!
Я имя господа прославлю,
Христово рыцарство возглавлю,
И лишь тогда на тебе женюсь,
Если таким я сюда вернусь!..»
...Князь обнял дорогого гостя,
И слезы полились из глаз:
«В *четвертый* раз бросаю кость я,
Чтоб проиграть в *четвертый* раз!..»

IV

И дальше скачет Парцифаль,
На душе его печаль,—
Пусть добрый им урок получен,
Пусть правилам рыцарским он обучен,
Грызет и жмет его тоска,
Земная ширь ему узка,
А узкое широким кажется...
Одно с другим у него не вяжется.
Как все черно, серо вокруг! —
Меж тем пред ним зеленый луг.
В свой красный панцирь он одет,
Однако видит белый цвет
Заместо красного: то разум
Находится в разладе с глазом.
Сейчас герою моему
Все в целом мире ни к чему.
Любовь его томит, и в этом,
Бесспорно, схож он с Гамуретом...
Не зная сам, куда он едет,
Одним живет, одним он бредит —
Своею златовласой,
Прекрасною Лиасой...
Сквозь чащу путь его пролег.
Спасибо, конь хоть быстроног
И, видно, так дорогу чует,
Что здесь, в лесу, не заночует
Седок, покинувший Грагарц...

. . . .

И под вечер в страну Бробарц
Въезжает рыцарь благородный.
Там, над рекою полноводной,
Встал град престольный Пельрапер.
(Покойный ныне *Тампентер*
Был королем весьма достойным.
Вослед за тем как умер он,
Вступила дочь его на трон,
Оставленный отцом покойным...)
Переполох в престольном граде:
Враги теснят, народ в осаде,
Притом — еще одна беда:
Так поднялась в реке вода,
Что всех погубит наводненье.

Надежда лишь на провиденье.
Молясь спасителю Христу,
Вскачь по висячему мосту
Герой спешит, ведомый роком,
Над взбаламученным потоком...
Вода, ярясь, как зверь, рычала,
Шальная буря мост качала,
И он на самом деле
Напоминал качели —
Знакомый всем предмет игры
Неугомонной детворы,
Летящий вниз, летящий вверх...
Но этот мост был слишком ветх,
И слишком стар, сплетен из веток,
И создан вовсе не для деток...
Да, бушевал и выл поток,
Но стольный град уж недалек,
И над пучиной буйных вод
Герой наш движется вперед
К правобережным скалам,
Исхлестан ветром шалым...
Но вдруг он видит незнакомых
Бойцов в привязанных шеломах,
Числом примерно в шестьдесят.
«Эй! Стой! — кричат.— Нельзя! Назад!» —
Приняв за короля *Кламида*
Героя нашего, что с вида
И впрямь казался королем...
Крик. Лязг мечей. И тут с конем
Случилось нечто. Все видали:
Уперся конь, ни шагу дале.
Дрожа, ушами он прядает,
Храпит, копытом о́б земь бьет...
Тут Парцифаль с коня слезает
И под уздцы его ведет...
Охрану словно бы стряхнуло!
Изрядно воинство струхнуло,
Решив: король непобедим,
Уж верно, рать идет за ним.
(Сие смекнул начальник стражи
И — в город! Стражники — туда же!..)
Так Парцифаль защитный вал
Благополучно миновал.
Вот он в железные ворота

Стучит, гремя дверным кольцом:
«Открой!..» С испуганным лицом
В оконце появился кто-то.
И девушка, тонка, бела,
Словами зá сердце хватает:
«Коль нам желаете вы зла,
Нам и без вас его хватает!»
И Парцифаль вскричал в ответ:
«Желаю зла?! Поверьте — нет!
Своими докажу делами,
Что всей душой жалею вас,
А также то, что здесь, сейчас,
Слуга ваш верный перед вами!..»
Речь незнакомца услыхав,
Бежит привратница стремглав
К королеве во дворец
Поведать, что настал конец
Их бедам и невзгодам
С чудесного юнца приходом —
Венцом Христовой доброты...
И вот ворота отперты́,
И в город Парцифаль въезжает...

. . . .

Юное сердце его поражает
Вид этих улиц, этих лиц.
Здесь нет страданиям границ...
Взвалив оружие на спины,
Бредут усталые мужчины,
Защитники родной страны.
Их жены, словно смерть, бледны,
И малые их дети тают...
Людей от голода шатает:
Все перерезаны пути,
И крошки хлеба не найти.
И нет ни мяса там, ни сыра.
(Губами, что не знают жира,
На чаше с влагой никогда
Вы не оставите следа...)
О, эти немощные рты!
О, втянутые животы!
О, женщин высохшие груди!
Какую муку терпят люди!..
О, желтая на лицах кожа
(Что на мадьярскую похожа)!

О, складки скорбные морщин!..
И женщин жаль... И жаль мужчин...

. . . .

Но я-то что о них радею?
В том доме, коим я владею,
Где я хозяином зовусь,
Где, не спросясь, за стол сажусь,
Мышам приходится несладко.
На что их воровская хватка,
И ловкость, и проворство их,
Коль пусто в наших кладовых
И поживиться нечем?.. Я же,
Хоть не кормлюсь посредством кражи
И в кухню запросто вхожу,
Сам иногда не нахожу
Чего-либо съестного.
И в том даю вам слово,
Что часто голодает, ах...
Кто?.. Я! Вольфрам фон Эшенбах!

. . . .

. . . .

И так прознали жители
О молодом воителе,
Который прибыл в город к ним,
Ниспослан господом самим
И вновь надежда ожила
В них, чья судьба столь тяжела...

. . . .

С большими почестями он
Был к королеве приведен,
К прекраснейшей *Кондвирамур*...
Возвышеннейшая из натур,
Она, безмерно справедлива,
Была божественно красива,
Столь величава, столь мила —
Изольд обеих превзошла,
Столь красотою знаменита,
Что Куневара и Энита,
И все красавицы земли
С ней состязаться не могли...
На рыцаря она взглянула,
Ему приветственно кивнула,
А тот, застыв, молчит... Она
Удивлена, уязвлена.

Ее смущенью нет предела.
«Ужель свое свершили дело
Злосчастный голод и усталость?
И ничего уж не осталось
От прежней красоты моей?..
Мертвы ланиты без румянца...»
Слова запомнив Гурнеманца,
Молчит наш рыцарь перед ней.
(Нам с вами, стало быть, известно:
Герой решил не забывать
Совет, что рыцарю невместно
Вопросы первым задавать...
Итак, понявши, в чем причина,
К рассказу вновь перехожу...)
Сопровождали госпожу
Два седовласых паладина...
. . . .
Она подумала: «Ну, что ж,
Ты вправду молод и хорош,
Однако все молчать изволишь.
Молчи... Но ты здесь гость всего лишь,
А я хозяйка. Значит, я,
Обычай рыцарский храня,
Тебе свою оказываю милость,
В уста тебя поцеловав,
В сознанье королевских прав...»
И как ей вздумалось, так и случилось.
Затем промолвила она:
«Мой рыцарь, я спросить должна:
Откуда прибыли, и кто вы,
И нам ли вы служить готовы?..»
«Владычица, еще сегодня
С тем, кто всех в мире благородней,
Я распрощался... Доложу,
Что из Грагарца путь держу.
Князь Гурнеманц Грагарцем правит.
Разлука с ним мне душу давит.
Однако, волю дав слезам,
Ушел я странствовать... И к вам
Был занесен самой судьбою...
Я счастлив вашим стать слугою!..»
И, пораженная немало,
Кондвирамур ему внимала.
«Сейчас мне, рыцарь, не до шуток!

В пути вы пе были и дня,
А от Грагарца до меня
По меньшей мере трое суток!..
Но расскажите, бога ради,
Как там Лиаса? Что — мой дядя?
Князь Гурнеманц достойный —
Брат матери моей покойной.
Вы разве этого пе знали?..»
И Парцифаль ответил ей:
«Князь Гурнеманц в большой печали...
Трех потерял он сыновей...»
«Ах, за меня они сражались!
Я над убийцею не сжалюсь!
Коварство короля Кламида
Мной не простится никогда,
Поскольку тяжела беда,
Но трижды тяжелей обида!..
А вас я с радостью приму.
Вы, поступив ко мне на службу,
Могли бы дружбою на дружбу
Ответить дяде моему.
Наш край в несчастье пребывает:
К нам провиант не прибывает,
И хлеба, сыра, мяса
Кончаются запасы...
Кламидов сенешаль *Кингрун*
Наш город задушил осадой,
И каждый, стар он или юн,
Простился мысленно с пощадой.
Здесь умереть любой готов,
Но в рабстве жить нам нет охоты...»
«Примите дюжину хлебов
От дяди вашего *Кийота,*—
Промолвил старый паладин.—
Пусть поубавят ваши му́ки
Бочонки сих заморских вин
Да и окорока́. Три штуки...»
Подобный же подарок шлет
Другой сородич — *Манфилот.*

. . . .

Но Парцифаль, гласят преданья,
Просил распределить даянья
Средь голодающих людей,
Оставивши себе и ей

Всего лишь тонкий ломтик хлеба...
И пусть благословит их небо!..
Людьми полученный припас
Хоть скуден был, но многих спас.
Однако, всем на горе,
И он был съеден вскоре...
Народ в могилу погружался...
Один лишь Парцифаль держался,
Сил у него хватало
Жить... Жить во что б ни стало!

. . . .

Теперь пора бы рассказать,
Как Парцифаль улегся спать.
Быть может, на соломе
Уснул безвестный дворянин?
Нет! На мягчайшей из перин
У королевы в доме!
Сиянье свеч слепило взор,
И драгоценнейший ковер,
Что королевой послан,
Был на полу разостлан.
Он рыцарей отправил прочь...
Слуга спешит ему помочь
Разлечься, расстегнуться,
Раздеться и разуться...
Но вскорости проснулся он
Затем, что сладкий этот сон
Был прерван чьим-то плачем —
Потоком слез горячим...
Тут происходит то, о чем
Мы честный разговор начнем...
Прелестную Кондвирамур
Вел к Парцифалю не Амур.
Она блюла свой стыд девичий,
Не собираясь стать добычей
Злокозненной игры страстей...
Был в полной мере ведом ей
Священный трепет пред границей
Между женою и девицей.
И к Парцифалю дева шла
С надеждою, что в нем нашла,
Не пошатнув законов девства,
Оплот, защиту королевства.
Не муж сейчас ей нужен! Нет!

Мужской ей надобен совет.
За свой народ она просила,
Чтобы влилась мужская сила
В его слабеющую кровь...
И что ей страсти! Что любовь!..
Она идет походкой смелой
В одной сорочке тонкой, белой,
И это ей — вернейший щит,
Что от бесчестья защитит...
Она служанок отпустила,
Тихонько в комнату вступила,
Сама пылая, как костер,
И опустилась на ковер,
Рыданьем спящего тревожа,
Встав на колени подле ложа...

. . . .

Он пробудился — сон долой.
«Вы на коленях? Предо мной?
Стоять коленопреклоненной
Возможно лишь перед Мадонной
Да перед господом Христом
Или во храме пред крестом.
Я был бы счастлив, если б сели
Вы хоть на край моей постели...»

. . . .

И дева молвила тогда:
«Мой друг, лишь крайняя нужда
Мне обратиться к вам велела...»
Так вник наш рыцарь в сущность дела...
«Едва скончался мой отец,
Кламид пытался под венец
Меня насильно повести...
Я пытки адские снести
Была скорей готова,
Чем выйти за такого
Злодея, зверя, подлеца.
Отдать ему престол отца?!
Я, не моргнув и глазом,
Ответила отказом...

. . . .

Тут он мне объявил войну
И разорил мою страну,
И сенешаль его с ним вместе
Творят кровавые бесчестья.

Ах, нет надежды никакой —
На вечный разве что покой...
В тисках отчаянья и гнева
Я погибаю, видит бог...»
«Но чем, скажите, я бы мог
Полезным быть вам, королева?..»

. . . .

И, посмотрев на Парцифаля,
Она промолвила, моля:
«Избавьте нас от короля
И мерзостного сенешаля!..
Отпор противнику утроив,
Я лучших хороню героев.
Но, нашу не осилив рать,
Он мнит меня измором взять
И этот город осаждает.
Кондвирамур, он рассуждает,
Уступит!.. Радуйся, жених!..
Но лучше с башен крепостных
Всех нас пусть сбросят в ров бездонный,
Чем сделкой, якобы законной,
Скреплю бесчестье и позор!..»
К ней руки Парцифаль простер:
«Мне все равно,— он говорит,—
Кто сей Кингрун, француз иль брит,
Какого он происхожденья,—
Ему не будет снисхожденья!
Я призову его к суду,
С дороги правой не сойду
И стану вам служить всей силой,
Безропотно служить, пока
Удержит меч моя рука
Иль сам не буду взят могилой!..»
Кончалась ночь, забрезжил день,
Когда неслышная, как тень,
Она ушла без промедленья,
Исполненная умиленья
И благодарности к нему,
К Парцифалю моему,
С которого весь сон согнало.
А солнце между тем вставало
И зажигало небосклон.
И мерный колокольный звон
На башне зазвучал соборной,

Скликая в храм народ упорный
Сквозь дыма черную завесу
На утреннюю мессу.
И наш герой вступает в храм,
Где, обращаясь к небесам,
Народ святую молит деву
Спасти их край, их королеву.
И тотчас повелел герой:
«Оружье мне! И панцирь мой!»
Святая жажда стали
Проснулась в Парцифале.
Едва он сжал копье в руке,
Как показались вдалеке,
Без права и закона,
Кламидовы знамена.
Вновь супротивник наседал,
Всех впереди Кингрун скакал...
Но посмотрите, кто там
Помчался к городским воротам?
Воспрянь, несчастная земля!
Сын Гамурета-короля
Спешит на поле брани.
Молитесь, горожане,
За вашего спасителя,
Христовой доброты носителя!..
Итак, мы видим Парцифаля,
Летящего на сенешаля.
Их копи вздыбились... С натуги
На брюхе лопнули подпруги.
Что ж. Верно, суждено обоим
Довольствоваться пешим боем.
И лязгнули мечи... Причем
Впервые действовать мечом
Герою выпало сегодня.
(О, тайна промысла господня!..)

. . . .

Они сражались горячо.
Кингруну Парцифаль плечо
Насквозь пронзил с наскока
И наказал его жестоко:
Из раны кровь рекой течет.
Сколь прежний призрачен почет!
(Лишь оставаясь невредимым,
Слыл сенешаль непобедимым,

И тем он славу приобрел,
Что шестерых он поборол
Единственным ударом...)
Все это прах теперь! Все даром!
Кингрун от потрясенья нем.
Какой позор! Изрублен шлем,
И с головою обнаженной
Лежит он раненный, сраженный.
Нет, честь былую не вернуть!
Встал Парцифаль ему на грудь.
Кингрун, признавши пораженье,
Героя просит в униженье
Его, презренного, спасти.
Он, дескать, счастлив перейти
К такому рыцарю на службу,
Он явит преданность и дружбу,
Пусть Парцифаль его поймет,
К себе пускай его наймет...
На то последовал отказ.
«Пошлю я к Гурнеманцу вас.
Ему на верность присягнете
И этим честь себе вернете!»
«Нет,— молвил сенешаль-злодей,—
Уж лучше *ты* меня убей!
Я — страшных мук его причина,
Казнил его старшóго сына!»
Рек Парцифаль в немалом гневе:
«Так присягните королеве,
С Кламидом навсегда порвав!»
«О, сколь мой победитель прав!
Но буду ль принят здесь? Едва ли.
Меня бы люди разорвали
В куски за то, что столько слез
Я краю этому принес!..»
Какое тут принять решенье,
Когда одни лишь прегрешенья
В сей жизни сенешаль свершил?
И все же Парцифаль решил:
«Вы станете служить одной
Прекрасной даме, чтимой мной.
Ее обидели ужасно
Из-за меня... И громогласно
Вы скажете, явившись к ней,
Что в мыслях до скончанья дней

Я не расстанусь с Куневарой,
Что жаркий пламень мести ярой
В груди не только не угас,
А все сильнее каждый час.
Отмщение настанет!
Скажите, не устанет
Он, Парцифаль, мечтать о ней,
Которую обидел Кей.
И помните: я вам велю
Служить Артуру-королю.
Его не покидайте,
Поклон мой низкий передайте.
Вовеки слава и хвала
Героям Круглого стола!..»
Так, покорившись новой доле,
Кингрун печально съехал с поля.

. . . .

. . . .

И вражьи отошли войска,
Понявши, что наверняка
Взять город не придется:
Они — без полководца!..

. . . .

А Парцифаль спешит назад
К Кондвирамур в престольный град,
Где слух прошел средь горожан,
Мол, властелин нам богом дан,
Какого сроду мы не знали.
Он словно выкован из стали,
А сердцем добр и справедлив,
При этом молод и красив,
И ясно всем без спора:
Сыграют свадьбу скоро!..
Меж тем Кондвирамур сама
От Парцифаля без ума
И говорит народу:
«Глядели вы, как в воду.
Скажу вам без обману:
Его женой я стану.
Лишь он моя отрада,
И нам другого короля не надо!..»
И при всеобщем ликованье
Не поскупилась на лобзанье,
Героя крепко обняла,

Она доспехи с него сняла,
Омыла ключевой водою
Да угостила бы едою,
Но в городе на самом деле
Давно уж все припасы съели...
Нет хлеба и для короля!..
Вдруг два чудесных корабля
С коричневыми парусами
Под пасмурными небесами
Ко брегу буря принесла.
Людей господня длань спасла.
На кораблях — бесценный груз:
Питье, еда на всякий вкус.
Тут весь народ, и стар и мал,
Толпою в гавань побежал,
И все страшны были собой,
Все поражали худобой,
Как лист осенний невесомы,
Как ветром, голодом несомы.
Кричали все: «Еда! Еда!..»
И приключилась бы беда,
Когда бы маршал престарелый,
В таких делах понаторелый,
Не оградил в конце концов
От разграбления купцов,
А корабли от разоренья.
Он, с целью умиротворенья,
Купцам явиться повелел
К тому, кто городом владел...
Стоят купцы пред Парцифалем:
«Как буря стихнет, мы отчалим».
А он им говорит: «Ну, что ж.
Слыхать, товар у вас хорош.
Весь груз за три цены скупаю!..»
Эх, вот душа-то нескупая!

. . . .

Народ он щедро угощал.
Тем, кто особо отощал,
Велел он есть помалу —
Отнюдь не до отвалу,
А чтоб у этих горемык
Сперва желудок попривык,
Пред тем как стать набитым,
К кушаньям забытым...

Но вот пора ложиться спать...
«Вы с королевою в кровать
Совместно нынче ляжете?
Двоим стелить прикажете?»
Жених с невестой молвят: «Да...»
Ночная вспыхнула звезда...
С задумчивым и чистым взглядом
Лежит он с королевой рядом,
Лежит, почти не шевелясь
И прикоснуться к ней боясь.
При всем своем очарованье
Он вызвал бы негодованье
И озлобленье многих дам,
Что часто беспощадны к нам,
Своим любовникам желанным:
Прибегнув к способам обманным,
Притворно молят нас: «Не тронь!» —
Чтоб пуще в нас разжечь огонь...
Они нас нежат да голубят
И, ненасытные, нас губят,
Упав любовнику на грудь,
Полночи не дают уснуть...
Нет в этом чувстве настоящего!..
Кто любит, любит ненавязчиво,
И я еще открою вам
Приметы *благородных* дам...
Любезен им с извечных пор
Пред сном любовный разговор,
Не долгий и не краткий,
Но непременно сладкий...
А валезиец наш без дрожи
Сейчас лежит на брачном ложе.
Он Красным Рыцарем прослыл,
Но до поры сдержал свой пыл,
Кондвирамур сей ночью длинной
Оставив девою невинной.
И тем не менее она
Уже теперь его жена.
И чтобы видел весь дворец,
На голове ее — венец,
Особо достоверный знак
Того, что в ночь свершился брак...
И, щедростью своей горда,
Она супругу города

И баснословные именья
Дарует в вечное владенье...
Два дня, две ночи пролетели.
И вот к супружеской постели
Неслышно третья ночь идет.
Их близости настал черед.
Он вспомнил матери советы
И Гурнеманцевы заветы,
Что муж с женой — едина плоть
И так установил господь...
Сплелись их жаркие тела,
Их страсть, как пламя, обожгла,
И выпит был глоток медовый —
Обряд извечный и вечно новый
(Здесь трижды сладостный, тем боле,
Что дело обошлось без боли...)
. . . .
Но слушайте! Король Кламид
Еще близ крепости стоит.
Сил у него премного,
И покарать он хочет строго
Тех, кто пленил его Кингруна,
В надежде, что фортуна
Не подведет на этот раз.
Он войску отдает приказ:
«Вперед! Вперед! Не ждите!
Штурмуйте! Бейте! Жгите!..»
. . . .
Ну, что же! Коли бой, так бой!
Осатанелой бури вой.
Знамена и копья смешались,
Казалось, что все помешались.
На поле истерзанном здешнем
Меж внутренним войском и внешним
Идет беспощадная схватка,
Причем горожанам несладко.
Но духом они воспряли,
Услышав, как меч Парцифаля
По шлемам противника лупит,
И в крепость противник не вступит!
Смятенье во вражеском стане:
Отважные горожане,
Охвачены пылом борьбы,
Огромные валят дубы,

Канатами их обвивают,
В них острые колья вбивают.
Колеса вращают валы,
Со стен опуская стволы,
Подобие гребня тяжелого,
Штурмующим прямо на головы...
Но от рассказа о войне
Пора бы возвратиться мне
К Кингруну-сенешалю...
Его мы где-то затеряли.
А в это время сенешаль
Вступает в замок Карминаль,
В лесу дремучем Бразельянском,
В краю Артуровом, бретанском.
Пред Куневарой он предстал:
«Меня к вам Парцифаль прислал,
Все ваши исполнять веленья
И отомстить за оскорбленье,
Что было вам нанесено...
Не смыто черное пятно!
И Парцифаль скорбит об этом,
Мечтая с действенным ответом
К тем, кто обидел вас, прийти,
Все счеты наконец свести!»
И Куневара вся зарделась.
Поймите же, как ей хотелось
Сейчас обнять объятьем страстным
Того, кто Рыцарем стал Красным...
Вдруг сам король Артур явился.
Кингрун почтительно склонился
И пресмиренно доложил,
Кто он таков, кому служил
И по какой причине
Здесь пребывает ныне...

. . . .

А вскорости коварный Кей
Кингруну крикнул: «Кто там! Эй!
Кингрун?! Позволь! Да ты ли это?
Послушай, не конец ли света
Уже воистину настал?
Кингрун разбит! Кингрун устал!
Кингрун врагов не побеждает,
Своим врагам он угождает!
Слыхал я, ты сражался пешим...

Пойдем, несчастную утешим,
И возместим ей, бога ради,
Ущерб в размере двух оладий,
Я ей велю оладьи спечь,
Чтобы от мрачных дум отвлечь...»
Так он «раскаялся», проклятый,
Премерзкий соглядатай.

. . . .

А бой тем временем идет.
Не взявши городских ворот,
Кламид штурмует крепость с тыла,
И ненависть в нем не остыла...

. . . .

Но Парцифаль его теснит,
И вот, в отчаянье, Кламид
На поединок вызывает
Того, кто сердце ему разрывает,
Явив столь редкостное упорство.
Так пусть решит единоборство,
Кому достанется сей град!..
Парцифаль и горд и рад
Вновь проявить отвагу
В служенье истинному благу...

. . . .

. . . .

И вот сошлись они! Сошлись!
Земля и небо сотряслись.
Нет счета ранам и ушибам.
Из шлемов — искры! Мир весь — дыбом!
От конских тел — горячий пар!
Удар! Удар! И вновь удар!
Дышать сражающимся нечем,
Щитов прекрасных не сберечь им.
Кламид сначала напирал,
Но видят все: он проиграл.
И — поражения влиянье —
Случилось кровоизлиянье:
Кровь у Кламида, как ручей,
Течет из носа и ушей.
И, этой кровью обагренный,
Стал темно-красным луг зеленый...
Король сорвал с себя забрало —
В волненье сердце замирало,
Но Парцифаль спокойно рек:

«Умри хотя б, как человек,
О злой источник горьких слез,
Кто столько бедствий всем принес!
Но ты, наказанный с позором,
Грозить разбоем и разором
Моей жене не сможешь впредь.
Учись достойно умереть!..»
«О юный рыцарь благородный!
В моей груди, как смерть, холодной,
Иссякла давняя вражда...
Сим — предаюсь вам навсегда...
Так сжальтесь надо мной!.. Отныне,
Приняв господни благостыни,
Ваш край чудесно заживет,
Любая рана заживет.
А я... Я смерть ношу в себе,
Злосчастной отданный судьбе:
И ту, кого благословляю,
Вам я в супруги оставляю!..»
Тут Парцифаль припомнил снова
В Грагарце слышанное слово,
Как Гурнеманц учил его
Не трогать пленника того,
Который в плен живым сдается,
Мол, пусть живым и остается,
И рек: «Отцу моей Лиасы
Тотчас же, с этого же часа,
На верность свято присягни!..»
«Нет, нет! В дугу меня согни,
Убей, как жалкую собаку,
Топчи, распни меня, однако
Любую вынесу беду,
Но к Гурнеманцу не пойду!
Я — в том душа моя повинна —
Убил его меньшого сына!
За смерть он смертью мне заплатит...
Ах, неужели вам не хватит
Мне в отомщенье одного
Бесчестья злого моего?..»
«Ну, что ж, твой страх я поубавлю,
К Артуру-королю отправлю
Служить красавице одной.
Она когда-то надо мной
Беззлобно посмеялась.

За это ей досталось
От сенешаля Кея:
Рука сего злодея
В преступном гневе поднялась...
В тот миг во мне отозвалась
Боль, что познала Куневара.
И только месть, и только кара,
И только беспощадный суд
Обидчика отныне ждут!
Ничто не будет прощено.
Так выбирай из двух одно:
Служенье Куневаре нежной
Иль ужас казни неизбежной!..»
Кламид сказал: «Я жить хочу
И к Куневаре поскачу!
Зато сюда мне нет возврата...
Вот — справедливая расплата
За мной содеянное зло...»
А Парцифаль вскочил в седло:
Прыг! — ногу в стремя не вдевая!
И передышки не давая
Коню, он поспешил назад
К Кондвирамур в престольный град,
Где ликовало все и пело,
Предавшись радости всецело.

. . . .

. . . .

За Круглым сидючи столом,
Кламид рассказывал о том,
Что многие уже слыхали:
О валезийце Парцифале,
Который грозен, хоть и юн.
(Да, подтвердить бы мог Кингрун,
Сколь тяжелы его удары!..)
Нет меры счастью Куневары.
И только Кея-сенешаля
Все эти новости смущали...

. . . .

Но возвратимся вслед за мною
Туда, где Парцифаль страною
Достойно правил; где теперь
Взамен пожаров, бед, потерь
Все оживало, расцветало
И людям жить вольготней стало.

Слышны повсюду песни, смех,
Веселье на душе у всех.
Наследство Тампентера зять
Велел всем подданным своим раздать,
А пострадавшим — особливо.
И это было справедливо.
Он слугами любим своими.
Все славят Парцифаля имя.
При этом он не забывал,
Что кровью мир завоевал,
Что может всякое случиться,
И укреплять велел границы...
Так постепенно, день за днем,
Везде росла молва о нем...
А королева что? Конечно,
Супруга счастлива сердечно.
И впрямь: всю землю обойдешь,
Такого мужа не найдешь.
Лишь только им она дышала,
Ничто любви их не мешало...
Безмерно жаль мне тех двоих!
Да. Надвигается на них
Разлуки час неотвратимый.
Жену покинет муж любимый,
Который спас ее страну
И самое ее когда-то...
Но нет! *Она* не виновата.
Оставил *он* ее одну!
Итак, однажды, на восходе,
Король при всем честном народе
Сказал возлюбленной жене:
«Надеюсь, что ты веришь мне,
Что я души в тебе не чаю.
Но я без матушки скучаю,
Душа моя без нее иссохла,
Сердце мое без нее заглохло,
И жить не в силах я, не зная,
Где матушка моя родная.
Позволь ненáдолго уйти,
Дабы родную мать найти,
А если по пути случится
Мне в ратном деле отличиться,
То знай, что образом твоим
Я вдохновлен был и храним!..»

Кондвирамур его любила,
Словечко каждое ловила,
Что Парцифаль произносил.
Перечить у нее нет сил.
Она все стерпит, все снесет,
Но от тоски его спасет.
И говорит: «Иди, мой милый!
Лети, мой сокол быстрокрылый!»
При этом, как гласит преданье,
Смогла сдержать она рыданье,
Целуя мужа дорогого...
Так в дальний путь пустился снова
Отважный Гамуретов сын:
На этот раз совсем один...

V

Спешу заверить тех из вас,
Кому наскучил мой рассказ,
Что расскажу в дальнейшем
О чуде всепервейшем.
Но перед тем, как продолжать,
Позвольте счастья пожелать
Сыну Гамурета —
Причина есть на это.
Сейчас ему как никогда
Грозит ужасная беда:
Не просто злоключенья,
А тяжкие мученья.
Но я скажу вам и о том,
Что все закончится потом
Полнейшею удачей:
Не может быть иначе!..
К нему придут наверняка
Почет и счастье... А пока
Он скачет по лесу, томимый
Разлукою с женой любимой.
Сегодня путь его пролег
Среди нехоженых дорог,
Средь мхов, средь бурелома...
Чем дальше он от дома,
Тем больше топей и болот...
Он бросил повод. Конь бредет

Сквозь чащу еле-еле...
Ну, а на самом деле
Синица, взмыв под облака,
Не перегонит седока,
Который, сам того не зная,
Несется, ветер обгоняя,
И коль предание не врет,
Еще быстрей спешит вперед,
Чем он летел туда, в Бробарц,
Покинув княжество Грагарц.
Уж вечер... Скоро месяц выйдет.
Но что сквозь заросли он видит?
Там озера блеснула гладь.
Ладью на озере видать.
И рыбаков. А посередке,
В кругу мужчин, сидящих в лодке,
Он замечает одного,
Кто не похож ни на кого:
В плаще роскошном, темно-синем,
Расшитом золотом... С павлиньим
Плюмажем... Будь он королем,
Пышней бы не было на нем
И драгоценнее наряда.
Герой с него не сводит взгляда
И спрашивает рыбака:
Что, далека или близка
Дорога в здешнее селенье?
Но что он видит в удивленье?
Сколь опечалился рыбак!
В его очах — могильный мрак.
Он грустно молвит: «Милый друг,
На тридцать — сорок верст вокруг
Жилья не сыщете людского.
Здесь нет селенья никакого...
А впрочем, добрый господин,
Тут замок — слышал я — один
Невдалеке виднеется...
Вам есть на что надеяться!
Спешите же скорей туда,
Где скал кончается гряда,
Но будьте крайне осторожны:
Глядишь, и оступиться можно!..
Чтоб в замок вас могли впустить,
Вы попросите опустить

Сначала мост подъемный
Над пропастью огромной.
Опустят если — добрый знак...»
«Что ж. Я поеду, коли так...»
«Вам надо торопиться!
Но бойтесь заблудиться!
Я это говорю к тому,
Что нынче ночью вас приму
Как гостя в замке этом,
С почетом и приветом.
Страшитесь же прибрежных скал!..»
И, попрощавшись, поскакал
В тот странный замок Парцифаль...
«Коль этот юноша чудесный
Вдруг рухнет со скалы отвесной,
Клянусь, мне будет очень жаль...» —
Сказал рыбак, безмерно грустный...
Но мчится всадник наш искусный,
Господней милостью храним,
И видит — замок перед ним...
Не просто замок: чудо-крепость!
Попытка взять ее — нелепость.
Штурмуй хотя бы тридцать лет,
Обрушься на нее весь свет,
Вовнутрь ворваться невозможно:
Защита больше чем надежна...
Парцифаль при свете звезд
Глядит: подъемный поднят мост,
И только ветер или птица
Способны очутиться,
Перемахнувши через ров,
В одном из внутренних дворов...
Вдруг страж заметил Парцифаля;
И говорит: «Узнать нельзя ли,
Откуда вы? Кто вы такой?
Что наш тревожите покой?»
Парцифаль сказал тогда:
«Рыбак прислал меня сюда.
С ним встретясь волею судеб,
Заночевать, спросил я, где б...
Он мне дорогу показал
И на прощанье наказал,
Чтоб мост подъемный опустили
И в замок чтоб меня впустили...»

«О славный рыцарь! В добрый час!
Все будут рады видеть вас!
Все к вашим здесь услугам,
Коли Рыбак зовет вас другом!»
Страж мост подъемный опустил
И, как устав велит, застыл
Перед высокою персоной,
Сюда судьбою занесенной...
А Парцифаль во весь опор
Во внутренний влетает двор,
Угрюмой стражею допущен...
Но как же этот двор запущен!
Зарос крапивой и травой.
Души не видно здесь живой,
Давно здесь стычек не бывало,
И все зачахло, все увяло.
Плац с незапамятных времен
Не видел яркости знамен,
Давно здесь рыцари не бились,
Лихие кони не носились
(Так делать нечего бойцу
И в Абенберге, на плацу)...
Но пестрой, праздничной картиной
Был подменен сей вид пустынный...
С восторгом Парцифаль взирал,
Как все, кто был здесь, стар и мал,
Его приветливо встречали,
И клики радости звучали.
И, празднично одеты,
Пажи или валеты,
Готовящиеся в бойцы,
Коня хватали под уздцы,
Несли скамеечку для ног,
Чтоб спешиться удобней мог
Наш юный рыцарь вдохновенный,
Воистину благословенный...
Он ловко спешился. И тут
С почтеньем в дом его ведут.
От ржавчины и пыли
Его лицо отмыли.
Затем он получает в дар
Плащ, что пылает, как пожар:
То был арабский шелк блестящий,
Шуршащий, нежно шелестящий,

Тот плащ, что, по словам пажа,
Носила прежде госпожа,
Святая королева
Репанс — «Не Знающая Гнева»...
(Признаюсь вам, что и она
Была поражена
Красою Парцифаля...)
Все словно бы воспряли.
Печаль с угрюмых лиц сползла,
И словно Радости Посла
Скорбящие встречали,
Забыв свои печали...
И все заботятся о нем
И сладким потчуют вином.
С него доспехи сняли,
Чтоб плечи отдыхали,
И унесли копье и меч,
Но все ж, страшась нежданных встреч,
Он счел опасным и ненужным
Впредь оставаться безоружным...
Здесь случай вышел несуразный:
Ворвался некто безобразный
И, погремушками звеня,
Героя чуть ли не дразня,
Сказал ему: «Поди-ка,
Тебя зовет владыка!..»
Герой, оставшись без меча,
Ударил дурня сгоряча
Своим тяжелым кулаком.
Поверженный упал ничком,
Кровь из ноздрей бежала,
Спина его дрожала.
И рыцари все как вздохнут:
«О рыцарь! Он ведь только шут!
А с шуткою, пускай и вздорной,
Нам легче в этой жизни черной.
Мы извиненья вам приносим
И за него прощенья просим.
Слова ж его толкуйте так:
Вернулся с озера Рыбак.
И он уже, как нам сказали,
Вас ожидает в тронном зале...»
И вот вступает наш гордец
В досель не виданный дворец.

В роскошном королевском зале,
Наверно, сотни свеч сияли,
И сотней свеч освещена
Была здесь каждая стена.
И сотни в королевском зале
Перин пуховых разостлали,
Покрытых сотней покрывал...
Вот что наш рыцарь увидал...
В трех креслах восседали чинно
Три неизвестных паладина,
О чем-то говоря друг с другом,
Вблизи стоящих полукругом
Трех изразцовых очагов.
Огонь, достойный и богов,
Справлять свой пир не уставал
И яростно торжествовал
Над деревом Aloe Lignum —
Название дано из книг нам.
(Но в Вильденберге у меня
Нельзя согреться у огня.)
Вот на кровати раскладной
Внесен, усталый и больной,
Дворца роскошного хозяин.
Тяжелой хворью он измаян.
Глаза пылают. Хладен лоб.
Жестокий бьет его озноб.
У очага, что посредине,
Приподнялся он на перине
И с грустью на друзей взирал.
Чем жил он? Тем, что умирал,
Пусть в славе, пусть в почете,
Но с Радостью в расчете...
И тело хворое не грели
Ни печи, где дрова горели
Столь жарким, яростным огнем,
Ни шуба, что была на нем
С двойным подбоем соболиным,
Ни шапка с пуговкой-рубином,
Надвинутая на чело,
Чтоб было голове тепло,
Ни меховое покрывало —
Ничто его не согревало...
Но вопреки ужасной хвори
Он, с лаской дружеской во взоре,

Увидев гостя, попросил
Его присесть... Он был без сил,
Но добротой лицо лучилось...
И вдруг — нежданное случилось...
Дверь — настежь. Свет свечей мигает.
Оруженосец в зал вбегает,
И крови красная струя
С копья струится, с острия
По рукаву его стекая.
И, не смолкая, не стихая,
Разносится со всех сторон
Истошный вопль, протяжный стон.
И это вот что означало:
Все человечество кричало
И в исступлении звало
Избыть содеянное зло,
Все беды, горести, потери!..
Вдоль стен, к резной дубовой двери,
Копье оруженосец нес,
А крик все ширился и рос,
Но лишь за дверью скрылся он,
Тотчас же смолкли крик и стон
И буря умиротворилась...
Тут дверь стальная отворилась,
И в зал две девушки вошли:
Златые косы до земли,
Прекрасны, словно ангелочки,
На голове у них веночки,
Одеты в праздничный наряд,
В руках светильники горят.
С красавиц люди глаз не сводят.
Но вот за ними следом входят
Графиня со своей служанкой,
Лицом прелестны и осанкой.
Как восхитительны их черты!
Каким огнем пылают их рты!
И с восхищеньем видят гости
Скамейку из слоновой кости,
Что обе вносят в зал,
Где Муж Скорбящий возлежал.
Они смиренно поклонились
И к девам присоединились...
Но тут под сладостный напев
Вступают восемь новых дев.

Четыре девы в платьях темных
Несли в светильниках огромных
Громады свеч: их свет светил
Светлей надоблачных светил.
У четырех других был камень,
Ярко пылавший, как пламень:
Струилось солнце сквозь него.
Яхонт, гранат зовут его...
И девы устремились тоже
К тому, кто возлежал на ложе.
Уже поставлен перед ним
Стол с украшением резным.
Возникли чаши, кубки, блюда,
Драгоценная посуда,
И радовали взоры
Из серебра приборы...
Я сосчитал, что было там
Прекрасных восемнадцать дам,
В шелка и бархат разодетых —
Величественней в мире нет их.
Но, счет закончить не успев,
Я шестерых прибавлю дев,
Возникших посреди других
В двухцветных платьях дорогих...
И к трапезе приготовленье
Сим завершилось... И явленье
Чудесное произошло.
Не солнце ли вспыхнуло так светло,
Что ночь, казалось, отступила?
Нет! *Королева* в зал вступила!..
Лучезарным ликом все освещала,
Чудеса великие предвещала.
И был на ней, как говорят,
Арабский сказочный наряд.
И перед залом потрясенным
Возник на бархате зеленом
Светлейших радостей исток,
Он же и корень, он и росток,
Райский дар, преизбыток земного блаженства,
Воплощенье совершенства,
Вожделеннейший камень *Грааль*...
Сверкал светильников хрусталь,
И запах благовоний пряных
Шел из сосудов тех стеклянных,

Где пламенем горел бальзам —
Услада сердцу и глазам...

. . . .

Да. Силой обладал чудесной
Святой Грааль... Лишь чистый, честный,
Кто сердцем кроток и беззлобен,
Граалем обладать способен...
И волей высшего царя
Он королеве был дан не зря...
Она приблизилась к больному
(И не могло быть по-иному),
Поставила пред ним Грааль...
Глядит с восторгом Парцифаль
Не на святой Грааль... О нет!
На ту, в чей плащ он был одет...
Но дело к трапезе идет...
И слуги вносят для господ
Чаны с нагретою водою...
Рук омовенье пред едою
Свершает благородный круг.
И вот для вытиранья рук
Гостям подносит полотенца
Паж с кротким обликом младенца...
Дымится в чашах угощение:
Столов, наверно, сто — не менее.
Четыре гостя за каждым столом
(Гостей — четыреста числом).
Предивно убраны столы —
Скатерти что снег белы...

. . . .

Владыка на исходе сил
Сам перед трапезой омыл
Свои слабеющие руки.
И, верен рыцарской науке,
Парцифаль по зову чести
Со страждущим омылся вместе,
У многих вызвав умиленье...
И преклонил пред ним колени
Какой-то очень юный граф,
Обоим пестрый плат подав...
Но слушайте, что было дале!
У каждого стола стояли
Четыре кравчих... Из них двоим
Вменялось господам своим

И нарезать, и наливать,
А двум другим — все подавать...
Затем с достоинством, без спешки,
Вкатили кравчие тележки,
На коих не один бокал
Чистейшим золотом сверкал
И, ярким светом залитая,
Сияла утварь золотая...
Но вот вступает сотня слуг,
Чтоб совершить по залу круг.
Добавим, что в руках у них —
Сто белых скатертей льняных
(Зачем, узнаете впоследствии).
Гофмаршал возглавляет шествие...
Остановились пред Граалем,
И тотчас дал хлеба́ Грааль им.
(Здесь я рассказываю вам
Лишь только то, что слышал сам.)
Грааль в своей великой силе
Мог дать, чего б вы ни просили,
Вмиг угостив вас (это было чудом!)
Любым горячим иль холодным блюдом,
Заморским или местным,
Известным исстари и неизвестным,
Любою птицей или дичью —
Предела нет его величью.
Ведь Грааль был воплощеньем совершенства
И преизбытком земного блаженства,
И был основою основ
Ему пресветлый рай Христов.
О, сколько в чашах золоченых
Вареных, жареных, печеных
Яств у Грааля! Он готов
К раздаче мяса всех сортов.
Он разливал супы на диво,
К жаркому предлагал подливы
И перец, обжигавший рты,
Набив обжорам животы.
Он кубки наполнял искристым
Вином, и терпким и игристым,
Он, тот, пред кем склонялся мир,
Справлял гостеприимства пир,
И не случайно в этот зал
Он в гости рыцарей созвал!..

Но что же с молодым героем?
Он потрясен, смятен — не скроем.
Спросил бы: что творится здесь?
Однако скромность, а не спесь
Ему задать вопрос мешает
И права спрашивать лишает.
Ведь Гурнеманц предупреждал,
Чтоб Парцифаль не задавал
При неожиданных соблазнах
Вопросов лишних или праздных:
От любопытства кровь бурлит,
А *вежество* молчать велит!..
«Нет, любопытством не унижу
Честь рыцаря!.. А то, что вижу,
Мне объяснят когда-нибудь,
Лишь надо подождать чуть-чуть...»
Что ж, может быть иной вопросец
Порой и вправду ни к чему...
Но тут приблизился к нему
С мечом в руках оруженосец,
Меч Парцифалю преподнес,
Великую радость ему принес.
Сей радостный подарок
Стоил бы тысячу марок:
Вся из рубинов рукоять!
А лезвие! Не устоять
Врагу пред этой сталью!..
Тут с ласковой печалью
Негромко вымолвил больной:
«Был этот меч всегда со мной,
Всегда служил мне верно.
Теперь же дело мое скверно,
Рука не в силах меч держать.
И он тебе принадлежать
Отныне будет: воздаянье
За добрые твои деянья
И нечто вроде возмещенья
За скромность угощенья...»
Как речь столь странную понять?
Но Парцифаль молчит опять.
Молчит! Хоть все, кто были в зале,
Сейчас *вопроса* ожидали.
Он, очевидно, нужен всем.
Но Парцифаль, как прежде, нем...

А почему бы не спросить?
(Молчанья этого простить
Я Парцифалю не намерен!
Он в послушанье неумерен:
Задай вопрос он хоть один,
И сразу б ожил господин,
Которого мне жаль до слез.
Но на губах застыл вопрос
У сына Гамурета.
И я не делаю секрета,
Что сим — какой уж тут секрет? —
Не пользу он принес, а вред:
Ведь только при одном условье
Мог господин вернуть себе здоровье...)
Меж тем закончен странный бал,
И гости покидают зал,
Как бы спеша скорей отсюда.
И слуги кубки и сосуды
Уносят с каждого стола.
И кто последней в зал вошла,
Уходит первой... Парцифалю,
Владельцу замка и Граалю
Отвесив царственный поклон...
Герой понуро вышел вон.
(Ах, неспроста он так печален...)
Но вот в одной из ближних спален
Он примечает старика.
(Кто это? Помолчим пока.
Потом, когда настанет время,
Вы познакомитесь со всеми,
Кто вам доселе незнаком:
И с этим дивным стариком,
Чья борода была,
Как иней утренний, бела,
И с этим королем несчастным,
К моей истории причастным...)
Пока же слышит наш пришелец,
Как замка дивного владелец
Сказал: «Должно быть, вы устали
И, мнится мне, давно не спали.
Ступайте же! Уж поздний час,
Постель постелена для вас...»
Гость был сражен такой заботой.
Но сводит рот его зевотой,

И сон уже смежает очи.
Хозяин молвит: «Доброй ночи!»
И в спальню входит наш герой.
Клянусь, что не было второй
Такой роскошной спальни чудной:
Блеск золотой, свет изумрудный
Волшебно падал на постель...
Подумать только: неужель
Богатство в мире есть такое?
Не нахожу себе покоя,
Дворец описывая сей
При вечной бедности моей!..
Итак, он с королем расстался
И в комнате один остался,
Сказав послушной свите:
«Я спать ложусь. Вы тоже спите...»
Но тут пажи вбежали
И обувь с ног его усталых сняли,
И, скинув облаченье,
Почувствовал он облегченье.
Но сразу обомлел, узрев
Четырех прекрасных дев,
Возникших на пороге
В таинственном чертоге...
Он живо — шмыг под одеяло.
Но так лицо его сияло,
Что даже и не при свечах
Он отражался в их очах.
Смиренно девы попросили,
Чтобы, дремоту пересиля,
Он подкрепился перед сном
Сначала тутовым вином,
Затем пленительным, прохладным,
Пьянящим соком виноградным
И чтоб отведал от плодов,
Из райских присланных садов...
. . . .
Чуть закусив, он сном забылся.
Слуга тихонько удалился,
А вслед за ним и девы — прочь...
Так юный рыцарь встретил ночь.
Он спал... Но скверно, неуютно.
Из мрака выплывало смутно
Одно виденье за другим...

Храпит горячий конь под ним
И все куда-то мчится, мчится,
Не может приостановиться...
(Я даже умереть готов,
Чтоб не видать подобных снов.)
Вот он немного покачнулся:
Наверно, ранен?.. И очнулся.
В окно чудесный день глядел.
«Эй! Кто здесь? Кто меня раздел?
А слуги где? И свита?..»
В ответ — ни звука. Дверь закрыта.
Он ничего не понимал
И тотчас снова задремал.
Когда же он опять проснулся,
От удивленья ужаснулся:
Ярчайший полдень на дворе,
А у постели, на ковре,
Доспехи красные лежали,
Те, что ему принадлежали,
И тут же — два меча. Причем
Один меч — был *его* мечом,
Испытанным и старым,
Зато другой был — даром
Владельца замка. Вот в чем суть!..
Герою в сердце вкралась жуть:
«Сон, видимо, был в руку.
Я обречен на муку,
На испытание войной.
Войну сулил мне сон ночной,
И бой, возможно, грянет
Скорей, чем снова ночь настанет!..
Что ж, я с охотой бой приму,
В надежде угодить *ему*
И в угождение жене,
Чей дивный плащ сейчас на мне...
Однако сердцем и мечтой
Принадлежу не ей, а той,
Кого супругою зову,
Чьим светлым обликом живу,
Кто красотою вешней
Еще прекрасней здешней!..»
Он сделал все, что долг велел:
Доспехи бранные надел
И, опоясавшись мечами,

Сверкнул воинственно очами,
Готовый встретиться с врагом,
И вышел. Чуть ли не бегом
Через дворцовые покои.
Но диво, диво-то какое!
Во всем дворце нет ни души,
Все словно замерло в тиши.
И за окном нет никого,
Лишь быстроногий конь его
Стоит, привязанный к перилам.
Все выглядит мертвым и унылым.
Наш рыцарь в дом вбегает снова —
Молчанье, глуше гробового.
Герой спешит из зала в зал:
В оцепенении молчал
Дом, где вчера еще шумели гости.
Герой Парцифаль вскричал от злости
И с криком выбегает вон!
Вдруг нечто замечает он:
Распахнуты в саду ворота,
Как если б распахнул их кто-то.
Трава потоптана. Глядит —
Да тут все сплошь следы копыт!
Видать, ворота отворились,
Чтобы гости удалились...
Что ж, делать нечего. И он
Дворец покинуть принужден,
Причем без промедленья.
Вдруг страж, стоявший в отдаленье,
От посторонних скрытый глаз,
Мост опустив, сказал: «Для вас
Пусть день померкнет ясный!
Пришелец вы злосчастный,
Вас злобный рок сюда занес!
Вопрос! Всего один *вопрос*
Задать вам стоило, и круто
Все изменилось бы в минуту.
Но вы не для славы рождены
И слыть глупцом осуждены!..»
Герой Парцифаль чуть не плачет:
«Страж, что же это все значит?
Что за *вопрос?* Кому? Зачем?..»
Но страж молчит. Он снова нем,
Как если б сон объял его...

Не называет никого.
И понял Парцифаль в тот миг
(Хотя всего и не постиг),
Что он в полной изведает мере
Печали, несчастья, потери,
Судьбу беспредельно злую
В оплату за радость былую...
«Ну, а пока — вперед, вперед!
К тем, кто, наверно, бой ведет,
Предписанный всевышним.
Я там не буду лишним,
Средь тех, кого я полюбил,
Обласкан кем и принят был
(Мне вечер памятен вчерашний),
Драться я стану еще бесстрашней
За дорогую госпожу,
А господину докажу,
Сколь я ему благодарен
За меч, что мне им подарен...»
Он разглядел следы подков,
Сел на коня — и был таков,
Души моей герой любимый,
Бесчестья враг непримиримый.
И я его не оскорблю
Тем, что не скрою, сколь скорблю:
Пошто он в замке не остался?..
...Итак, сперва широкий стлался
Путь перед рыцарем моим.
Однако рок неотвратим,
Чем глубже в лес, тем путь все у́же,
Смеркаться начало к тому же,
Беда грозит со всех сторон.
Вдруг женский голос слышит он:
Дева на ветви древа сидела,
Набальзамированное тело
Убитого друга в объятьях держа.
(Слушая это, от горя дрожа,
Вы испытаете потрясенье —
Иначе вам не видать спасенья...)
Он сразу ее не смог узнать,
Хоть у их матерей одна была мать...
Верность!.. Но верность была здесь иная:
Не земная верность, а *неземная*...
И Парцифаль поклонился ей.

«Госпожа,— он сказал,— душою всей
Я сочувствую вашей печали безмерной.
Повелите служить вам — слуга я ваш верный!..»
Она благодарит с отчаяньем во взоре
(Как все благодарят сочувствующих в горе):
«Кто вы? Из какой вы земли?
Как в эту чащу вы забрели?
Люди чужие здесь редко бывали,
А заблудившихся убивали.
Мне приходилось видать самой
Тех, кто уже не вернется домой:
В крови лежали их тела.
Ужасные здесь творятся дела.
Скачите же прочь под покровом ночи!
И путь постарайтесь найти короче.
Вы молоды. И собой хороши.
Что же вы делали в этой глуши?»
«Госпожа, обо мне не думайте худо.
Но, пожалуй, не дальше версты отсюда
Замок стоит за стеной крепостной.
Странный случай вышел со мной...
Оказался я в зале волшебно богатом,
Где все жемчугами светилось да златом,
А какие там яства! И вина! О, боже!..
Это было все только вчера. Не позже...»
«Не шутите над девой несчастной.
Вы шутник, да притом опасный,
В этом я присягнуть готова.
Здесь за тридцать верст нет жилья никакого,
А не то чтобы за версту...
Вы — по вашему видно щиту —
Рыцарь явно не здешний, заезжий...
Ну, а замок-то, замок-то где же?
Клянусь, что ни ночью вчерашней, ни днем
Вы в нем быть не могли, да и не были в нем.
И, конечно, не тот вы имели в виду,
Где, на счастье одним, а другим на беду,
Всевозможнейших благ земных преизбыток:
Любое блюдо, любой напиток.
Но чтоб в замок этот попасть,
Не нужны ни усердье, ни власть,
Ни удача, ни разум могучий,—
Лишь судьбой уготованный случай.
В неведенье священном

Приходят к этим стенам.
Зовется замок *Мунсальвеш*,
А местность — Терредесальвеш,
Сия земля, которой
Анфо́ртас правит хворый...
Он смерти, говорят, бледней,
Он скован ею, дышит ей,
Болезнь его томит и гложет.
Ни ходить, ни стоять он не может,
Ни лежать, ни сидеть, ни скакать на коне,—
Лишь полулежать, прислонившись к стене.
Но если вправду вы попали
В Мунсальвеш и в тронном зале
Увидали бы короля,
Воспряла здешняя земля,
Поскольку ваше появленье
И означало б исцеленье
Анфортаса...» — «Я видел там,—
Рек Парцифаль,— прекрасных дам
Среди сверканья зала...»
И тут она его узнала
По голосу: «Ты — Парцифаль!
Так, значит, видел ты Грааль
И короля, что был столь мрачен?
Высокий жребий тебе назначен!
Спеши отраднейшую весть
Мне в утешенье преподнесть
И объяви: король спасен,
А ты навеки вознесен,
И с этого мгновенья
В твоем повиновенье
Весь мир, все земли, всё и вся.
Ты для чудесных дел родился
И станешь королем Грааля!..»
«Ка́к вы меня узнали?»
«Как?! Вспомни: это я была,
Кто Парцифалем тебя нарекла...
С тобой в родстве я состою,
Я чтила матушку твою,
Ей матушка моя — сестра,
Вся — святость, вся полна добра,
Она, оплаканная мной,
Была венцом красы земной...
Скажи, не ты ль мне сострадал,

Узнав, что бедный друг мой пал,
С кем я расстаться не могу
И смертный сон его стерегу,
Не ведая успокоенья.
Нет! С каждым днем мои мученья
Все тягостнее, все страшней!..»
Герой Парцифаль ответил ей:
«О, страшен мне твой лик усталый!
Стал мертв и бледен рот твой алый.
Ужель зовешься ты Сигуной,
Которую знал я прекрасной, юной?
Не в Бразельянском ли лесу
Свою оставила ты красу?
Кудри твои поредели,
Жизнь в тебе — на последнем пределе,
Лицо твое бескровно.
Мне ясно одно безусловно:
Предать земле сей труп должны мы!
Воистину невыносимы
Страданья, что познала ты,
Смиренный ангел доброты!..»

. . . .

Навзрыд Сигуна зарыдала:
«Я долго, долго ожидала
Предсказанного избавленья.
Так вот оно: в твоем явленье!
Коль тот *страдалец* исцелен,
Мой дух, что птица, окрылен,
И я упьюсь святой усладой.
Так молви, так обрадуй
Известием, что там, где был,
Вопрос задать ты не забыл!..»
«Спросить я не решился!..»
«Знай: ты *всего* лишился!..
О я, распятая судьбой,
Зачем я встретилась с тобой?
Зачем не промолчала
С самого начала?
Подумать только, что видали
Глаза твои в том волшебном зале!
Копье, сочащееся кровью,
Хозяина в странном нездоровье,
Рубины, золото, хрусталь,
Наконец, святой Грааль!

Ты блюда дивные едал,
Ты столько, столько повидал
И доброго и злого —
И не спросил ни слова?!
О, гнусное отродье волчье!
Душа, отравленная желчью!
Узревши короля в несчастье,
Вопрос, исполненный участья,
Ты должен, должен был задать!
Отныне ты не смеешь ждать
Ни снисхожденья, ни пощады!..
Будь проклят! И другой награды
Не жди, помимо этих слов!..»
«Сестра, я искупить готов
Свой тяжкий грех любой ценою.
Поверь мне, помирись со мною...»
«Нет, проклят, проклят, проклят будь!
И о родстве со мной забудь.
Забудь и Мунсальвеш, в котором
Ты рыцарство покрыл позором!..»
Так Парцифаль расстался с ней,
С бедною сестрой своей...
Он скачет далее... Одним
Раскаяньем герой томим.
Постигнув, сколь он грешен,
Он вправду безутешен...
А солнце жарит и печет,
Пот по лицу героя течет.
Дышать ему нечем стало,
Стесняет дух забрало...
Он это понимает,
Свой тяжкий шлем снимает
И едет, шлем держа в руке...
Вдруг видит, там, невдалеке
На тропке,— свежий след подков.
Не видно только ездоков.
И тут он замер, болью скованный:
На старой кляче, неподкованной,
Скакала женщина. Она
Была бледна, была бедна,
Куда-то поспешала,
А кляча чуть дышала
И не скакала, а плелась.
И паутина ей вплелась

В нечесаную гриву.
А в дополненье к диву,
Казалось, чуть ли не сползло
С кобылы старое седло.
Оно было без лу́ки.
Немыслимые муки
Перенесла, должно быть, та,
Чья бесподобна красота...
Был на прекрасной даме
Истерзанный шипами,
Вконец изодранный наряд
(Вы в нем узна́ете навряд
Роскошное когда-то платье).
О, горе! О, проклятье!
Несчастной нет защиты.
На платье дыры не зашиты.
И все ж сквозь рубище белело
Прекрасное нагое тело...
И рот по-прежнему пылал,
Как прежде, жарок был и ал,
Но — небо в том свидетель —
Святую добродетель
Она торжественно блюла,
Хоть зло обижена была
Напраслиной, наветом...
Подумайте об этом!..
...Я все о бедности твержу
Затем, что радость нахожу
Не в роскоши чванливых дам,
Что вечно досаждают нам,
А в неприкрытой плоти!
(Вы меня поймете...)
Но где ж красавец юный? Он,
Отвесив женщине поклон,
Был поражен ее словами:
«К несчастью, мы знакомы с вами.
Ах, слишком памятен тот час,
Когда пришлось мне из-за вас,
Несчастнейшей на свете,
Надеть лохмотья эти.
В измене я обвинена!
И ваша, ваша в том вина...»
Он на нее взглянул в упор:
«Мной не заслужен сей укор,

Поскольку,— верьте, я не лгу,—
Обидеть даму не могу...
Кто вы? Не угадаю...
Но вам я сострадаю!..»
Теперь она с ним рядом скачет
И горько, безутешно плачет.
Как градинки, как льдинки
Из дивных глаз слезинки,
Звеня, ей катятся на грудь...
Однако стоило взглянуть
Ей вновь на Парцифаля —
Слезы бежать перестали...
С нее он не спускает глаз
И говорит: «Дозвольте, вас
Плащом своим укрою
С подкладкой меховою,
Прекраснейшая госпожа!..»
Всхлипнула она, дрожа:
«Ваш плащ не смею я принять,
Вы в том должны меня понять.
Не жаль, что жизни *я* лишусь,
Несчастный, я за *вас* страшусь:
Коли на помощь мне придете,
Вы под *его* мечом падете!..»
Герой едва повел плечом:
«Как так паду? Под чьим мечом?
Мне сила господом дана,
И вражья сила ни одна
Меня не одолеет:
А кто дерзнет, сам пожалеет!..
Так кто ж он, супротивник мой?..»
«Он прежде звал меня женой.
Теперь же, если б мое тело
Его служанкою стать захотело,
Он прочь бы оттолкнул меня,
Измену мнимую кляня.
В его груди угасла вера...»
«Надеюсь, что найдется мера,
Чтоб к вере возвратить его.
Но много ль войска у него?..»
«Нет, с ним пока что я одна.
Но бойтесь! Месть его страшна!
Супруг шутить не любит,
Он вас в куски изрубит.

Да, он изрубит вас в куски,
А я исчахну от тоски,
Злосчастная Ешута!..»
Раздета и разута
Она Орилусом была,
И все же кротостью цвела,
Воистину святою
Женской чистотою...

. . . .
. . . .

Герой тотчас свой шлем надел
И словно ветер налетел
На герцога, что страшным взглядом
Смотрел, как некто скачет рядом
С его печальною женой...
Конь Парцифаля — вихрь шальной...

. . . .

Герои копьями дрались.
Ешута бедная, молись!
И впрямь: подобного турнира
Не знали с сотворенья мира.
Здесь все гремело, все звенело.
Они дрались осатанело.
(Ах, крови, что ль, про́лито мало?)
Ешута руки ломала...
Орилус храбрый был боец.
Да что поделаешь? Юнец
Его одолевает,
Сдаваться повелевает.
«Ах так? Не слушаться меня?!»
Взял и стащил его с коня
Могучими руками
(Что было с герцогом, судите сами)
И мигом, как мешок с овсом,
Швырнул его на бурелом,
Синяками лицо изукрасил
И нос ему расквасил.
Кровь из-под шлема льется.
Одно лишь остается
Орилусу: глаза смежить
И умереть... «Ты хочешь жить?
Все от тебя зависит.
Раскаянье возвысит
Тебя, и честь тебе вернет,

И с сердца тяжкий снимет гнет.
Проси же без смущенья
У этой женщины прощенья!
Свое доверье ей верни
И подозреньем не черни.
Тебе клянусь я свято:
Ни в чем она не виновата!..»
«Не виновата?! Кто?! Она?!»
«Да. Знай: во всем — моя вина.
В своей ребячьей дури
Навлек я гнева бури
На воплощенье чистоты...
Ее подозреваешь ты
В супружеской измене!
Но нет на ней вины ни тени!
Хочу, чтоб ты рассудку внял:
Кольцо с нее я силой снял
И, как бы в ослепленье,
Поцеловал без дозволенья...»
. . . .
Воскликнул герцог: «Я спасен!
Ужели это все — не сон?
Хоть я повержен и раздавлен,
От худшей казни я избавлен.
Мне пораженье принесло
Усладу дивную. Спасло
Меня сие известье.
Что подозрение в бесчестье
Отпало!.. Что моя жена
Господним ангелам равна
Своей небесной чистотою!
Безумец! Я ее не стою...
И все ж для ревности тогда
Был повод... В том-то и беда.
Она мне сердце разрывала
Тем, что восторга не скрывала
Перед твоею красотой.
А у меня-то нрав крутой.
Дурная мысль мне в мозг вонзилась:
Моя жена в тебя влюбилась,
Жена мне боле не верна!..
Из преопасного зерна
Взросло слепое подозренье,
Позор! Позор мне и презренье!

Но о прощении молю
Ее, что я, как жизнь, люблю!..»
Рек Парцифаль: «Тебя я пощажу,
Возблагодари же госпожу!
Взбодрись душой, с земли восстань!
Ты тотчас двинешься в Бретань.
И — клятву в том с тебя беру:
Придя к Артурову двору,
На верность деве присягнешь!
Какой? Сейчас меня поймешь:
Прелестной деве, кротчайшей,
О коей с болью, с тоской величайшей
Я воздыхать не позабыл.
Кей-сенешаль ее побил.
Из-за меня случилось это!
Удар остался пока без ответа.
Найди ж ее, поведай ей,
Что будет отомщен злодей,
Что он за все заплатит кровью...»
«Я рад твои принять условья,—
Ответил герцог.— Но сперва к жене
С повинною дозволь вернуться мне...»

. . . .

И примиренье состоялось.
Сердце Орилуса с горем рассталось.
И вскоре они в пещеру зашли,
Где с мощами святыми раку нашли,
И копье разноцветное там лежало —
Оно отшельнику принадлежало.
Отшельник *Треврицент* был брат
Анфо́ртаса... (Так говорят
Предания, по крайней мере.
В ту пору не было его в пещере...)
Над ракой вновь Парцифаль присягнул,
Что ни разу в жизни не посягнул
На честь иль достоинство герцогини,
Однако он горько жалеет ныне
О дерзком поступке (известном вам),
И он резнул себя по губам,
Что зло свершили, без спросу целуя,
Дабы кровью с них смыть печать поцелуя.
И, глядя герцогине в лицо,
Он с поклоном ей возвратил кольцо...

. . . .

И тут же доблестный рыцарь Орилус
(Чья душа для добра отворилась)
Супругу плащом драгоценным укрыл
И о любви своей заговорил
И о том, как виновен он перед ней,
Кто всех любезней ему и родней...
А Парцифаль с копьем разноцветным
Стоит, глядит на них взглядом приветным,
И радость его наполняет грудь...
Он решает в дальнейший пуститься путь.
Ах, напрасно супруг и супруга
Приглашают младого друга
С ними вместе в шатровый их град.
Словно бы приглашенью не рад,
Он простился с милой четою,
Снова движимый целью святою...

. . . .

А теперь я вам о том расскажу,
Как Орилус, обретший свою госпожу,
Ставши снова счастливым супругом,
К своим вернулся слугам
В шатровый город на лугу.
И вправду молвлю, не солгу,
В ту самую минуту,
Когда народ узрел Ешуту,
Восторга клики раздались.
Из множества сердец рвались
Те радостные клики:
День наступил великий...
Им поклонившись до земли,
Обоих в баню повели.
Двенадцать дев придворных,
Прилежных да проворных,
От грязи и от пыли
Владычицу отмыли.
И вот, умыта и свежа,
Вновь почивает госпожа
После скитаний длинных
На пуховых перинах.
Меж тем Орилус, в бане моясь
И ни о чем не беспокоясь,
Мечтает только об одном:
О скором отдыхе ночном.
Тут дорогому господину

Необычайную картину
Один старательный вассал
В таких словах живописал:
«Едва ты, герцог, удалился,
Король Артур сюда явился.
По обе стороны реки
Стоят Артуровы полки,
Кругом раскинуты палатки.
Герои так и рвутся к схватке.
Во имя доблести и славы
Придумывает он забавы:
Турниры, битвы без конца,
Пылают женские сердца.
Их здесь немало, дам прекрасных,
Любительниц сих игр опасных!..»
И герцог, словно бы в огне,
Воскликнул: «Снаряженье мне!
А герцогине — платье!..»
Не в силах передать я,
Как герцогине платье шло
И как лицо ее цвело!..
Затем на ложе они вдвоем сидели
И жареных пичужек ели...
Да жаль, ей герцог есть не давал,
Все беспрерывно целовал
Уста своей Ешуты,
Порвав раздора путы...

. . . .

И вот они пустились вскачь.
Конь под Орилусом горяч.
Орилус, герцог, был при всем
Вооружении своем,
Однако в этот час он
Не был подпоясан
Испытанным своим мечом,
Что говорило всем — о чем?
О том, что пораженье
Он потерпел в сраженье.
Меч поперек седла лежал.
Плененью герцог подлежал
И крайне странной каре:
Служенью Куневаре!..

. . . .
. . . .

Артур, приметив тех двоих,
С большим почетом принял их,
Как если б их давно здесь ждали.
Пажи Ешуту сопровождали
При въезде в лагерь, ко двору...
И вдруг любимую сестру
(О, возликуйте, божьи твари!)
Узнал Орилус в Куневаре...
Да и она, волнением объята,
Признала в нем тотчас родного брата.
Тут достославнейший Орилус
Поведал ей, что с ним случилось.
Не скрыл он также и того,
Какую клятву взял с него
Его бесстрашный победитель,
Заступник добру, а злу — обвинитель,
Который ему явиться велел
Сюда, чтоб положить предел
Бесчинствам сенешаля Кея...
Затем он воскричал, бледнея:
«Кей! Кей тебя ударить смог?!
Но если есть на небе бог,
Обидчик твой не уйдет от мести!
С героем величайшим вместе
За каждую твою слезу
Обрушим на него грозу!..»

. . . .

А королева в это время
С придворными своими всеми
Спешит облобызать Ешуту...
Артур пришел. Ну, а к нему-то
Вассалы, слуги так и льнут.
Все в умиленье слезы льют,
Счастливейшую видя пару
И вместе с ними Куневару,
Что прежде, словно тень, брела,
А нынче брата обрела
И расцвела красою бесподобной...
Но кто это с ухмылкой злобной
Стоит угрюмо в стороне?
Кей, ненавистный вам и мне!
Счастливцев вид его бесил,
И оттого он был без сил.
Вдруг он Кингруна примечает,

Править пиром ему поручает.
«Пойми,— он говорит тайком,—
При совпадении таком
Я за столом сидеть не вправе,
Душой и сердцем не лукавя.
Скорей я со стыда помру!
Ударив герцога сестру,
Себя я виноватым
Считаю перед братом.
Надеюсь, ты меня заменишь
И старой дружбе не изменишь.
Всех угости отменно, вкусно:
Ты это делаешь искусно.
Не ты ль закатывал обеды,
Когда одерживал победы
Твой достославнейший Кламид?..
Я верю, что не утомит
Тебя и это угощенье...»
...Отвесив герцогу поклон,
Печально удалился он,
Так и не заслужив прощенья...
. . . .
...Куневара всех потчевала на диво,
Брата родного — особливо.
Король Артур, скажу без лести,
Высокой их удостоил чести,
Когда, собравшись почивать,
Он доброй ночи пожелать
Соизволил недавним жертвам ссоры лютой...
Итак, покуда день расцвел,
Счастливейшую ночь провел
Орилус со своей Ешутой.

VI

Узнайте, что Артур-король,
Покинув замок Коридоль,
Расстался со своей страной...
Среди рожденных стариной
Поверий и сказаний
Немало указаний
На то, что он родную землю
Покинул, гласу мудрых внемля,
Мечтая в странствии, в пути

Младого рыцаря найти,
Того, кто звался Рыцарь Красный
И подвиг свой свершил ужасный,
Невольно Итера убив,
Затем, Кингруна победив,
Пленил Кламида без смущенья
И был достоин восхищенья!
Но что там слава и хвала!
К героям Круглого стола
Отважного причислить надо!
Не это ль высшая ему награда?
Но прежде чем пуститься в путь,
Король на верность присягнуть
Повелевает слугам
И молвит: «Кто друг с другом
Затеет драку или спор,
Пусть ведает, что с этих пор
Нам все решать придется миром —
Не поединком, не турниром:
Нам силы надобно сберечь
Для дальних странствий и для встреч
Негаданных-нежданных
В нам незнакомых странах.
Должны вы это понимать,
Излишний шум не поднимать.
В беде я не оставлю вас.
Так исполняйте мой приказ!
Мы своего добьемся!..»
Все молвили: «Клянемся!..»

. . . .

...Однако где же наш герой? ..
То было зимнею порой.
Снегами скоро все покроется...
Как?! Разве на дворе не Троица?
Ведь все весной напоено
И все цветет... А! Вот оно!
О, стародавние поэты,
Мне ваши ведомы приметы,
У вас в стихах король Артур —
Изнеженнейшая из натур.
Зефирами он обдуваем,
Он, как цветок: он дышит маем.
Весенний, майский, неземной,
Он только в Троицу, весной

По вашим движется страницам,
На радость голубым девицам...
Но нет! У нас он не таков!
С нас хватит «сладких ветерков»!
Мы сей рассказ соорудили,
Собрав бесчисленные были
И вымыслы. И так хотим,
Чтоб — пусть мороз невыносим —
Герой наш, столь любимый мною,
С Артуром встретился зимою...

. . . .

Артур со свитой скачут вдоль
Крутого берега Плимицоль.
Угрюм король и вся его свита
Зело на сокольничего сердита.
Случился нынче скверный случай:
Артуров сокол, самый лучший,
Был перекормлен до того,
Что есть не стал он ничего
При утреннем кормленье
И, в дерзком устремленье,
Рванулся, из виду исчез
И улетел куда-то в лес.
Ну, что тут делать станешь?
Чем сытого заманишь?..
Меж тем бесценный сокол сей
В лесу еловом средь ветвей
Был рядом с Парцифалем.
(За что его восхвалим!)
Да, сокол, улетевший прочь,
С героем рядом был всю ночь.
Трясло их от озноба,
И сильно мерзли оба.
А утром, только рассвело,
Герой увидел: замело
Лесные тропы до единой.
И этой зимнею картиной
Наш друг безмерно потрясен.
Он словно видит дивный сон...
Но как сыскать дорогу?
Он ощутил тревогу.
Теперь он скачет наугад...
Стволы, повалены, лежат.
Кругом — камней нагроможденье.

Так едет он в сопровожденье
Красавца сокола того
И сам не знает про него...
Над лесом ярко солнце рдеет.
Но постепенно лес редеет,
И вот уж впереди видна
Поляна белая одна,
И диких тысяча гусей,
Крича, проносится над ней...
Но сокол кинулся на них:
Какой-то гусь навек затих,
А остальные улетели...
Три капли на снегу алели,
Три капли крови на лугу,
Три алые капли на белом снегу...
Герой наш в думу погрузился.
И понял он, чей отразился
Здесь образ!.. Перед ним возник
Кондвирамур любимой лик.
И в памяти все ожило:
Как снег, ее лицо бело,
Как кровь, красны ее ланиты!..
«Кондвирамур! Меня к себе верни ты!
Beau Corps!.. Прекраснейшая телом,
Ты алое смешала с белым.
Твой лик, поклясться я готов,
Есть сочетанье двух цветов,
Двух красок: белой краски с красной!
Конд-ви-ра-мур!..» И вдруг безгласный
В сердечной боли он застыл,
Лишившийся душевных сил,
Как если б потерял сознанье...
О, горемычное созданье!..
...Застыл он, неподвижен, нем.
А по дороге между тем
В Лаланд стрелой летел Garçon
(Был Куневарой послан он)
И вдруг, смущением объятый,
Увидел чей-то шлем промятый
И щит, проколотый насквозь...
Но, может, все бы обошлось,
Когда бы не узрел гонец
(Garçon — неопытный птенец)
Героя Парцифаля,

Что, погружен в свои печали,
Пред ним возник невдалеке,
Причем сжимал копье в руке...
Да, весь в томленье погруженный,
Он спал. Но спал вооруженный.
Во сне таинственном застыв,
Он спал, копья не опустив,
Как если б он, задира,
Здесь, в чаще, ждал турнира
И вызывал на поединок
Кого-то здесь, среди лесных тропинок...
Garçon к Артуру в лагерь скачет.
Могу сказать: он едва не плачет.
«Беда! — кричит.— Беда! Беда!
Дерзновеннейший рыцарь проник к нам сюда!
Он держит копье свое наготове.
Клянусь: он жаждет чьей-то крови
И, видимо, желает зла
Героям Круглого стола!
А вы тут дремлете! Нет — спите!
Вы тут в бездействии сидите!
Ах, ах! Позор, какой позор!..»
...Прекрасный, юный *Сеграмор* —
Поистине судьбы избранник,
Гиневры сладостной племянник,
В шатер вбегает к королю:
«О дядя! Об одном молю,
Дозволь с тем рыцарем сразиться!
Слыхал, он всех нас смять грозится!
Он снаряжение надел...
Однако есть всему предел!..»
(Чтоб смысл понять сей пылкой речи,
Скажу вам: юноша ждал сечи,
Давно, давно он рвался в бой
И оттого с такой мольбой,
Столь пылко обращался к дяде,
Одной лишь бранной славы ради...)
Король ответить поспешил:
«Мой мальчик, я бы разрешил
Тебе в сражение вступить
И славу доблестью купить.
Но если ты откроешь бой,
То, уверяю, за тобой
Другие ринутся князья,

А силу нам дробить нельзя.
Мы Мунсальвеш должны найти,
Но нам неведомы пути,
И мы не знаем, как встречать
Анфортаса нас будет рать...»

. . . .

Тогда прекрасный Сеграмор
К Гиневре лучезарной взор
С мольбой смиренной обратил...
И королеве уступил
Король. И le Roi Сеграмор
Уже летит во весь опор
В огнем пылающей броне
На схожем с молнией коне...

. . . .

А Парцифаль был недвижим,
Поскольку завладела им
Любовь, которая не раз
Пытала и меня и вас,
С ума сводила, в бой звала
И сердце пополам рвала.
Ах, знаю я такую,
О коей я тоскую.
Я тоже безутешен
И вроде бы помешан...
Но все же вникнем в разговор,
Который начал Сеграмор...
«Высокочтимый господин,
Вы здесь, как видите, не один.
В чужие вторглись вы владенья.
Мы вправе ждать от вас извиненья.
Поверьте, жизнь я скорей отдам,
Чем себе позволю потворствовать вам!
Ответствуйте, из какой земли,
С какою целью сюда вы пришли?
И коль не хотите с жизнью расстаться,
Вам предлагаю почетно сдаться!..»
Однако Парцифаль молчал,
Он ничего не замечал
Да и не слышал ничего,—
Так одурманила его
Волшебница — госпожа Любовь...
И на снегу он все видит кровь...
Отъехал le Roi Сеграмор чуть-чуть,

Дабы с налета его проткнуть.
Но в этот миг Парцифаль проснулся:
Господин Рассудок к нему вернулся...
И Парцифаль-герой с улыбкою
Наклонил копье свое пестрое, крепкое, гибкое,
В пещере найденное им,
В щит Сеграмора с расчетом таким
Вонзив, чтобы выбить из седла
Того, в ком жажда славы жила,
И урезонить малость
И чтоб при этом копье не сломалось...
Вернулся в лагерь Сеграмор —
Ненужен утешений хор.
Он держится достойно
И говорит спокойно:
«Нет в жизни худа без добра.
Бой, поединок — все игра.
Коль проигрался в кости,
То относись без злости
К тебе назначенной судьбе.
Я это знаю по себе.
Бывает, что корабль и тот
Крушенье терпит, течь дает...
Удача ли, недоля —
На все господня воля...
Однако супротивник мой
Провел недурно этот бой,
И я скажу без униженья,
Что он достоин уваженья!..»
...Явился муж отважный — Кей
К славнейшему из королей,
Чтоб доложить о Сеграморе,
Который пребывает в горе,
Поскольку не повержен тот,
Кто новых поединков ждет
В лесу, на прежнем месте.
«Неужто он избегнет мести?
Дозвольте мне сразиться с ним!
Иначе все мы посрамим
Супругу вашу! Да, она
Всех более оскорблена
Сим беспримерным посещеньем!
Нельзя отделаться прощеньем!
Иль службу я с себя сложу,

Хоть верой-правдой вам служу
Не первый год!.. О, боже правый!
Ужель с былой простится славой
Ваш Круглый стол?! И так нелепо?!
Да будь все глухи, немы, слепы,
Вы быть не смеете слепым!..»
И король Артур согласился с ним
И дал ему соизволенье
На битву с тем, кто в отдаленье
Застыл в прибежище лесном...
Сейчас ему в бою честном
Сойтись придется с мужем грозным
Под снежным ветром, днем морозным...
Но Парцифаль недвижен вновь.
Героя госпожа Любовь
Опять околдовала.
Жертв ей, что ли, мало?..
...Скажите, госпожа Любовь,
За что вы пьете нашу кровь,
Зачем вы к нам являетесь
И нами забавляетесь?
Вы, исцеляя от тоски,
Нам сердце рвете на куски,
Вы столь искусно лечите,
Что на́смерть нас калечите.
Скажите, и не стыдно вам,
Вняв самым пламенным словам,
Куражиться над ними,
Над чувствами святыми,
И нашу боль не укрощать,
Но беспощадно превращать
Чистейшие стремленья
В предмет увеселенья?
Ужасна сила ваших чар
Для тех, кто молод и кто стар,
Мы все на этом свете
Попались в ваши сети.
Всем причинили вы беду.
Мы из-за вас — в сплошном аду,
Томимые нуждою,
Гонимые враждою.
Мы вас не в силах убедить,
Мы вас не в силах победить,
Напротив: вам в угоду

Бежим в огонь и воду...
Себе в служанки выбрав *Честь,*
Все ж позабыли вы, что есть
Угроза вашей власти
В живой, в горячей *Страсти!..*
О госпожа *Живая Страсть,*
Молю, не дайте мне пропасть
В плену Любви холодной,
Прекрасной, но... бесплодной!..
Другую б песню я сложил,
Коль от Любви бы заслужил
Расположенья крохи
За слезы, стоны, вздохи,
За все, что пережито мной...
Из-за кого? Из-за одной...
Но далее не смею
Песнею своею,
Весьма простонародной,
Любви касаться благородной,
Бессильный гнев свой изливать!..
Любовь достойно воспевать
Лишь *Генрих фон Фёльдеке* умеет.
Пред ним мой бедный язык немеет,
Поэтому я приуныл.
А Фельдеке Любовь сравнил,
Вняв сладостным напевам,
С большим, цветущим древом,
Хоть лучше бы изображать,
Как нам от нее бежать...
А впрочем, от Любви уберечь
Не могут нас ни щит и ни меч,
Ни латы наши стальные,
Ни стены крепостные.
Не ускакать от нее на коне,
От нее по морской не уплыть волне:
На море и на суше
Загубит наши души.

. . . .

Но, госпожа Любовь, мне жаль,
Что оказался Парцифаль,
К великому несчастью,
Под вашей строгой властью.
Ах, право, в неурочный час
Кондвирамур прислала вас

К нему из Пельрапера.
Скажу вам для примера
(Прости, всемилостивый бог!),
Что я бы вынести не мог
Подобного явленья...
Теперь без промедленья
Рассказ я продолжаю свой,
Чтоб не томился наш герой
Под сладким вашим игом,
А пробудился мигом...
...Итак, могущественный Кей,
Воинственнейший средь людей,
Закованный в такие латы,
Что столь надежны, сколь и богаты,
Свой к Парцифалю держит путь.
Не сомневаюсь я ничуть:
Достойный отпрыск Гамурета
Нашел бы способ для ответа,
И Кей бы замертво упал...
Но юный валезиец спал,
Его всего сковала дрема
(Которая и нам знакома),
Он не подъемлет головы...
О женщины! Виновны — *вы!*
Зачем рассудки нам туманите?
В какую вы нас пропасть тянете?..
Мне это видеть невтерпеж!
Скажите, разве не похож
Герой наш на самоубийцу?..
Кей подъезжает к валезийцу.
«Я,— молвит,— требую суда!
Вы нагло прибыли сюда.
Чье привело вас наущенье?
Неважно!.. Важно возмещенье
Непостижимого урона!
О, здесь оскорблена корона!
Но крови мы не жаждем, нет.
А посему благой совет
Без возмущения примите:
С себя оружие снимите,
Затем, смирив свой нрав горячий,
Ошейник — именно! — собачий
Наденьте... Да... Я так велю!
Я отведу вас к королю...

Ах, не хотите? Что ж, мой милый,
Тогда вас взять придется силой!»
Вот что промолвил злобный Кей.
Но госпожа Любовь сильней
Трезвого Рассудка:
Спит Парцифаль!.. Подумать жутко,
Что с Парцифалем может стать...
Кей закричал: «Ты смеешь спать,
Когда я говорю с тобою?!
Вострепещи перед судьбою!..»
Его по шлему стукнул он
Своим копьем... Раздался звон...
Но валезиец не очнулся,
Даже и не покачнулся.
«Ну, ждать я больше не могу!
Сейчас ты мертвым на снегу
Навеки спать уляжешься,
Коль следовать за мной откажешься!..
Тебя бы надобно кнутом
Полосовать, дабы потом
Мешки с мукой взвалить на спину!
Тебя, ленивую скотину,
Ничем иначе не проймешь!
Не понял? Ну, сейчас поймешь!
Избить! Избить до синяков!
Осел — так не жалей боков!
Тут не воздействуешь словами!..»
...О, боже! Что мы слышим с вами?!
Такое и у мужика
Слетает редко с языка,
А тут вот вдруг — у паладина!
Но кто ж во всем этом причина?
Не вы ли, госпожа Любовь?..
Я знаю: вам не прекословь...
Однако Парцифаль проснулся.
Вновь господин Рассудок к нему вернулся —
Развеялся ужасный сон,
И капель крови не видит он
На поляне белоснежной,
Готовый к битве неизбежной...

. . . .

. . . .

Теперь поведать вам могу,
Что приключилось на снегу:

Сперва казалось, грозный Кей
Героя нашего сильней
Да и ловчей немножко.
В его щите окошко
Своим мечом он прорубил,
Но в тот же миг наказан был,
Когда удар ответный
Ему нанес урон приметный.
С коня он в снег лицом упал
И ногу левую сломал,
А также руку правую...
Бегут к нему оравою
Оруженосцы и пажи...
Господь! Уста мне развяжи
И повели поведать людям,
Что пред господним правосудьем
Бессильны ненависть и зло!
Вы мните: Кею не везло?
Не в этом суть! Се — воздаянье
За черные его деянья,
Господь свой вынес приговор
За муки те, что Антанор
И Куневара вынесли...
...Из леса Кея вынесли...
Вот он в Артуровом шатре
На скорбном возлежит одре,
Вокруг слышны рыданья
И вздохи состраданья.
К изнемогавшему от ран
Племянник короля — Гаван
Собственной персоной
Прибыл, потрясенный...
Героя раненого жаль.
Но грозно молвил сенешаль:
«Довольно выть, хотя бы!
Или все вы бабы?!»
И рек, к Гавану обратясь:
«Послушайте, великий князь.
Вы — сын Артуровой сестры
И сердцем кротки и добры.
Не надо плакать обо мне:
Речь о родной идет стране!
О вашем дяде речь идет!
Ужель король Артур падет?!

Не за себя отмстить прошу,
Но вас предостеречь спешу,
Что враг еще не побежден.
Он ждет! Я в этом убежден.
Да, да! Не терпится ему
Нас всех разбить по одному,
Дабы над всеми возвышаться...
Так не пора ли вам вмешаться
И молвить: «Этому не быть!»
Вы... Вы должны его разбить!..
При вашем появленье
Не выкажет он удивленья,
И ни галопом и ни рысью
(Я разгадал его повадку лисью)
От вас он не ускачет прочь,
Решивши, что себе помочь
Он сможет способом иным:
Лишь явитесь вы перед ним,
Он вам сраженье не навяжет,
А женским волосом вас свяжет
И по рукам и по ногам.
(К иным доверчивым врагам
Он этот способ применяет.
Он связывает и сминает
На жалость падкого юнца!..)
Вы в мать пошли! Но не в отца!
Отбросьте кротость, нежность, томность.
Пусть я вам — раненный — запомнюсь,
Когда настанет ваш черед
В сраженье ринуться, вперед!..»
Все это словоизверженье
Не повергало в раздраженье
Высокочтимого Гавана.
Что значит окрик грубияна?
Подобный пыл нас веселит...
...Гаван коня седлать велит
И без оружья скачет к чаще,
Готовый к встрече предстоящей.
Но Парцифаля видит он,
Как прежде, погруженным в сон.
Тот ничего не замечает,
Тот ни на что не отвечает,
У госпожи Любви в плену...
Сорвать не в силах пелену

Сын Герцелойды с глаз незрячих...
О, сколько ж огненно-горячих
Потоков крови в нем кипит!
Спит Парцифаль. Зато не спит
В нем кровь потомков: бабок, дедов —
Мучительниц и сердцеедов,
Всех, всех, кто повторился в нем,—
И жжет его таким огнем,
Которым грудь его согрета.
И разве не от Гамурета —
Сия приверженность Любви?..
Зови его иль не зови,
Он спит. Он ничему не внемлет.
Любовный сон его объемлет...
...Сын Лота говорит ему:
«Я за обиду не приму
Сие упорное молчанье.
Я прибыл к вам не на ристанье,
Но вы обидели престол
Артура! Вами Круглый стол
В какой-то степени затронут!
Пусть в равнодушье вашем тонут
Мои слова, но объясненья,
Как вторглись в наши вы владенья,
Сейчас обязаны вы дать!..
Вы спите? Я согласен ждать,
Предоставляя вам отсрочку!..»
...В одну, Гаван приметил, точку
Уставил Парцифаль свой взор:
Где снеговой белел ковер,
Три капли огненно алели.
То кровь была на самом деле!..
Тогда Гаван бросает свой,
Подбитый желтою тафтой,
Великолепный плащ шелковый
(Поступок истинно толковый!)
На снег, где проступала кровь...
И тут же госпожа Любовь
Перед Рассудком отступила,
Из плена Разум рыцаря отпустила
(Но сердце его все держала в плену),
И Парцифаль призвал жену:
«О благороднейшая, где ты?
Томлюсь, терзаюсь, жду ответа.

Не я ль завоевал в бою
И руку и страну твою?
Кламида одолел не я ли?..
Так вспомни же о Парцифале,
Бедном сыне Гамурета,
Который солнечного света
Не видит в ослепленье странном...
Застлало мне глаза туманом...»
И вдруг он дико заорал:
«Эй! Кто копье мое украл?!
Куда копье мое девалось?!»
«Увы! В бою оно сломалось!» —
Смеясь, ответствовал Гаван.
«В бою?! И это не обман?!
Воистину невероятно!
Но дрался с кем я?! Непонятно!
Не с вами ведь. Вы безоружны.
Дешевой славы мне не нужно...
Да вы смеетесь надо мной!
Я просто видел сон дурной!..»
Но продолжал Гаван учтиво:
«Поверьте, говорю не лживо,
И хоть я с вами еще незнаком,
К вам дружбой искренней влеком.
Не вижу никаких препятствий
К тому, чтобы мы жили в братстве.
Пришел я вас не победить,
А к тем шатрам сопроводить,
Где множество господ и дам,
Покуда неизвестных вам,
Ждут вашего явленья...
Итак, прошу соизволенья
Вас проводить туда... в шатер...»
«Мне ваш приятен разговор.
Вы друг мне, так я полагаю,
И я вам дружбу свою предлагаю.
Но кто вы, смею ли узнать?..»
«Кто я? Меня Гаваном звать.
Сын Лота и сестры Артура...»
«Ах, ты и есть Гаван? Натура
Твоя известна... Но пока
Признаюсь: честь невелика,
Что *ты* мне хочешь быть полезен.
Со всеми ты людьми любезен!

Всем равно хочешь услужить!..
С тобой я соглашусь дружить
Лишь при условье, что за дружбу
В ответ мою ты примешь службу,
Чтобы понять, как ты был прав,
В свои друзья меня избрав!..
Однако кто же здесь владыка?»
«Король Артур! Ты погляди-ка
На тот шатер...» — «О, погоди!
Стеснение в моей груди!..
Я не могу пред королевой
Предстать, пока над чистой девой
Еще глумиться смеет тот,
Кем страшный не оплачен счет!..
Злосчастный, ненавистный Кей
(Из-за наивности моей)
Вкатил несчастной оплеуху!
Отмстить злодею хватит духу!
Возмездья час неотвратим!..»
«...Ты только что сражался с ним,
Причем, скажу, не без успеха.
И сон тебе, брат, не помеха!
Переломал ты Кею ногу
И руку... Словом, понемногу
Месть все же осуществлена
И полностью отомщена
Прекраснейшая Куневара!
Одно досадно: от удара
Разбилось в щепки и твое
Необычайное копье!..
Но не печалься. В битве правой
Ты победил, увенчан славой.
Послушай! Ликованья хор!
То ждет тебя Артуров двор...»
...Итак, теперь друзья до гроба,
Неторопливо скачут оба
Туда, к Артурову двору,
К королевскому шатру...
Хор ликованья громогласный
Раздался вновь, лишь Рыцарь Красный
В пределы лагеря вступил.
Он славу доблестью купил!..
Тут Куневара увидала,
Кого столь долго она ожидала,

Кто в битвах бился за нее,
Чье благороднейшее копье
Отмстило мерзостному Кею...
Была герцогиня Ешута с нею
И герцог де Лаландер, брат...
Как преданья говорят,
Валезиец был прекрасен:
Осанкой горд и взглядом ясен,
Лицо сквозь ржавчину сияло...
Он ехал, приподняв забрало...
Однако должен вас отвлечь,
Дабы вам дать послушать речь
Обретшей счастье и свободу:
«Сначала господу в угоду,
Затем уже на радость мне
Оказались в нашей вы стороне...
Покуда вас я не узрела,
Тоска-печаль в моем сердце зрела,
Но вот, в *тот* день увидев вас,
Я засмеялась... В первый раз
Смеялось сердце!.. Да!.. От счастья!..
Из черной зависти отчасти
Безмерно злобный Кей при всех
Меня избил за этот смех...
О славный рыцарь! Сколь приятно
Мне это вымолвить: стократно
Вы отомстили за меня!
Так вожделеннейшего дня,
Счастливица, я дождалась!..
Облобызать хочу вас, князь!
И жду ответного лобзанья...»
...Неимоверного терзанья
Злосчастный разомкнулся круг...
Куневара кличет слуг,
Чтоб принесли герою платья...
Теперь прошу вас отгадать я,
Что принесли они?.. Блестящ
Был меховой Кламида плащ,
С его отделкой несравненной.
Не просто плащ — трофей военный!
(Строптивым рыцарям урок...)
Да жаль: потерян был шнурок,
А без шнурка ходить неловко...
«Прошу вас взять мою шнуровку!..»

...В руках героя оказалась
Шнуровка эта, что касалась
Благоуханнейшего тела.
Того сама судьба хотела...
Мой валезиец, господа,
Прекрасен был как никогда...
Меж тем король благословенный
Обряд молитвенный, священный
Благоговейно совершал.
Он утро богу посвящал,
Молясь всевышнему владыке...
Но вот ликующие клики
И до Артура донеслись.
Он понял: люди дождались,
Красный Рыцарь появился!..
...Всяк поспешал, всяк торопился
За королем туда, в шатер.
Бежал вприпрыжку Антанор.
Зачем? Могу ответить:
Чтоб первым гостя поприветить...

. . . .

Все злоключенья пересилив,
Как светлый ангел (но без крыльев),
Прекрасный, юный наш герой
Встречал к нему спешащий рой.
Он был красив, любезен, весел.
Пришедшим он поклон отвесил,
И все поздравили его
(Вплоть до Артура самого)
Дружным хором полнозвучным
С прибытием благополучным.
Король с великой похвалою
Приблизился к герою.
Затем добавил: «Спору нет,
Что пользу, равно как и вред,
Моей земле вы принесли:
Ешуту верную спасли
От злобного навета.
Зачтется вам заслуга эта.
Высок ваш рыцарский порыв!
Ешуту с мужем помирив,
Вы благо совершили...
А с Кеем явно поспешили.
Когда бы мне вóвремя все рассказали,

Неужто б мы сами не наказали
Сенешаля своего?
Нашлась бы управа и на него!..
И все же просим вас поведать,
Чтó вас заставило проведать
Сии неблизкие края?
Нас ожидает, чую я,
Рассказ безмерно интересный...
Вступите, просим, в круг наш тесный
Героев Круглого стола.
Ведь ваши громкие дела
И ваша рыцарская слава
Вам обеспечивают право
Быть в нашу принятым среду
И в первом выступать ряду
Отважных паладинов,
Смущение отринув!..»

. . . .

И вот уж вынесен на луг
Из шелка вырезанный круг
(Круглого стола замена)...
Уселись подле сюзерена
Его вассалы, чтоб сейчас
Прекрасный выслушать рассказ...
(Король закон провозгласил,
Чтоб каждый рыцарь приносил
Из странствия иль с поля боя
Какой-нибудь рассказ с собою...)

. . . .

Сей лучший из земных столов,
Мы знаем, не имел углов.
Быть как бы во главе стола
Всем честь оказана была,
Всяк удостоен чести
Сидеть на главном месте!..
...К героям Круглого стола
Гиневра с дамами пришла:
У них глаза горели,
На рыцаря они смотрели,
Который всех очаровал...
И тут король Артур сказал:
«Мой друг младой, доставьте радость мне
И дорогой моей жене,

Которая нежностью к вам пылает
И вас облобызать желает,
Просьбу выполнив сию...
Я, конечно, сознаю,
Что вам нисколько не нужны
Лобзанья чьей-либо жены:
Целуют слаще в *Пельрапере!..*
Но если постучит к вам в двери
Когда-нибудь король Артур,
То пусть ему Кондвирамур
В лобзанье не откажет:
Весь век благодарить обяжет!..»
И вот, прекрасная собою,
Гиневра подошла к герою.
Она подставила уста
Для поцелуя неспроста:
Прощенье это означало!..
Ведь вы запомнили начало
Знакомства их, когда пронзен
Был Красный Итер... Но прощен
Виновник гибели напрасной
Владычицей его всевластной...
И все ж с ее сбежали глаз
Слезинки, ибо и сейчас
Здесь Итера не позабыли:
Все при дворе его любили...
Конец, конец былым обидам!..
Между Гаваном и Кламидом
Сидит мой славный Парцифаль,
Победоносно глядя вдаль.
Всех красотою превзошел он,
Отважен, благородства полон,
Как говорят — в расцвете лет.
И был необычаен цвет
И щек его и подбородка...
Он то восторженно, то кротко
Мужам Артуровым внимал...
Лик его напоминал
Щипцы!.. (Подобными щипцами
Дам, слишком ветреных сердцами,
Вполне возможно удержать:
Лишь надо посильнее жать!..)
Любовь и Нега, Власть и Сила
От Парцифаля исходила,

Все было дорого ему...
И вдруг — конец!.. Конец всему!..

. . . .

Чтоб правде вы в глаза взглянули,
Скажу: на тощем едет муле,
Наряд блистательный надев,
Одна из неизвестных дев.
Никто (я б в том не сомневался)
Ее любви не добивался,
Никто по ней не тосковал,
Из-за нее не рисковал.
Лицом весьма неблагородна,
Дева знала превосходно
Французский, мавров речь, латынь...
Но (боже правый, не покинь
Артура, что бы ни случилось!)
Зачем она сюда явилась?!
Что нужно ей в сиих краях?!
Посеять горе или страх?..
...Просвещенной до предела
Она была и овладела
И астрономией небесной,
И геометрией чудесной,
И вольно речь ее лилась...
Кýндри волшебница звалась...
Вся вызов госпоже Природе,
В накидке по новой французской моде,
В лондонской шляпе с пером павлиньим,
В изысканнейшем платье синем,
В плаще лазурно-голубом,
Она, как град, она, как гром,
Беспечность, радость сокрушала
И шум веселья заглушала...
Была она желтоглаза,
С глазами, что два топаза.
Коса с головы свисала,
Что «красотой» потрясала:
Коса была черной и длинной
И лишь со свиной щетиной
Могла бы сравниться нежностью...
Такой *восхитительной* внешностью
Из нас обладает не всякий:
Был нос у ней, как у собаки,
А уши-то, как у медведицы...

(Хотите ли к ней присоседиться?)
Ну правда, не хороша ли?
Ротик ее украшали
Два длинных кабаньих клыка,
Приметных издалека.
Не избежать описаний
Кожи ее обезьяньей,
И шерстью обросших ручек,
И умилительных штучек,
Что назывались *ногтями,*
Но львиными были когтями...
Не уставала она сжимать
Рубиновую рукоять
Длинной шелковой плети...
Страшней никого я не знал на свете...
Радости погубительница,
Великой скорби носительница,
Скача по зеленому лугу,
Приближалась к Артурову *кругу*...
Удар ужасный назревал!
Но кто о нем подозревал?!
Никто не ждал удара.
С Артуром Куневара
Беспечный разговор вела.
Радостью королева цвела,
Ну, а король тем боле:
Сиял, как на престоле!..
Кундри к Артуру подскакала
И по-французски ему сказала:
«Fils du Roi...» А впрочем, вот —
Вам мой немецкий перевод.
(Пришлось немало мук снести,
Чтоб эту речь перевести...)
«Сын Утерпендрагуна славный!
Узнай: ты сам виновник главный
Того, что твой унижен трон!
Бывало, шли со всех сторон
К тебе смелейшие из смелых.
Давно ль во всех земных пределах
За счастье бы любой почел
Хоть раз взглянуть на Круглый стол?
Была ли в мире выше честь,
Чем так с Артуром рядом сесть?
И все тебя боготворили,

Тебе любовь свою дарили...
Так что же вдруг произошло,
Что солнце славы твоей зашло?
Погибла честь, почет утрачен,
Твой жребий, как могила, мрачен...
Понять не можешь, в чем тут суть?
Скажу. Но уж не обессудь.
Хочу, чтоб все узнали:
Здесь дело в Парцифале,
Которому ты так мирволишь!
А он ведь негодяй всего лишь!
Им Красный Итер был убит.
Сей грех еще не позабыт:
Все плачут о достойном муже...
Но грех он совершил похуже!..»
...И к валезийцу подскакав,
Сказала: «Низок и лукав
Ваш нрав и темен разум.
Красавцем ясноглазым
Посмели вы прийти сюда.
Меж тем от вас — одна беда.
Я всем чудовищем кажусь,
Но лишь одним сейчас горжусь,
Что с вами мы не схожи.
Мы не одно и то же!
Вы сердцем, вы душой урод!..
Пошто трусливо смолк ваш рот?
Иль требуют сокрытья
Известные событья?..
Скажите, рыцарь: как же так?
Вам скорбный встретился Рыбак,
Несчастием томимый...
А вы? Промчались мимо!
В ту приснопамятную ночь
Лишь вы могли ему помочь,
Но вас не занимала
Чужая боль нимало...
(До чьей-то скорби снизойти?!
Куда там! Мне не по пути!
Того печаль изъела?
Но мне-то что за дело?!)
Вы даже не раскрыли рта!..
Но бог вам разомкнет уста
И вырвет, вырвет ваш язык

За тот невыкрикнутый крик
Простого состраданья!
И нет вам оправданья
Ни в этом мире и ни в том.
Вписали огненным перстом
Вас в некий страшный свиток
Для предстоящих пыток —
Кипенья в адовой смоле,
В геенне!.. Но и на земле
Пощады вам не будет!
Вас и земля осудит!
И проклянет вас *этот круг,*
В который вы попали вдруг:
Едва узнают, кто вы,
Все будут к вам суровы...
Вы честь мужскую оскорбили,
Свое достоинство сгубили,
Род опозорили людской...
Верьте, лекарь никакой
Вас не спасет от душевной хвори,
И жизнь свою вы проживете в горе.
Да понимаете ли вы сами,
Что значит грех, совершенный вами,
О бессердечный Парцифаль?
Пред вами пронесли Грааль,
Среди разубранного зала
Пред вами кровь с копья стекала!..
Узрев редчайшее из див,
Вы смолкли, даже не спросив,
Что все бы это означало...
Бессмертье вас бы увенчало,
Мир вас бы к звездам превознес,
Задай вы хоть один вопрос!
Словцо хотя бы оброните
Там, в Мунсальвеше!.. В Таброните
Великой славы и наград
Ваш пестрый удостоен брат.
Сбылись желанья Фейрефица...
Но с Мунсальвешем ли сравнится
Арабов город Табронит?
(Всевышний пусть оборонит
Престол достойнейшего брата!)
А вы, исчадие разврата,
Преступно пали до того,

Что господина моего
Меч, вам врученный, осквернили!
О, господи! Да вы верны ли
Хотя бы памяти отца,
Высокочтимого бойца?
Он, кто анжуйцем назывался,
Ах, как бы он сейчас терзался,
О вашей низости узнав!
Он, тот, чей благородный нрав
Был рыцарству всему известен,
Не вынес бы, что столь бесчестен
Его, им порожденный, сын!..
Да что там! Разве он один
Терзался бы? О нем горюя,
Сейчас в огне сама горю я
И гибну в дьявольском огне!
Всех жальче Герцелойду мне!..»
И Кундри в непомерной муке
Стенала, и ломала руки,
И слезы горькие лила:
Святая Верность ее вела.
(А Верность это — та же Сила!..)
И Кундри рыцарей спросила:
«Остался ли еще средь вас
Боец, кто рвется в этот час,
Душою не лукавя,
К Любви и к Бранной Славе?
Кто не забыл, что значит Честь?..
Так знайте: в мире замок есть,
Который скрыт от глаз людей.
Зовется он *Шатель Марвей.*
Четыреста прекрасных дев
На службе там у четырех королев.
И все четыре королевы
Еще прекрасней, чем их девы...
В Шатель Марвей тому почет,
Кого Любовь к себе влечет,
Кто одержим влеченьем
К высоким приключеньям.
Надеюсь, что, хоть и не без труда,
Сегодня еще попаду туда!..»
И, ни к кому не обратившись,
Ни с кем из рыцарей не простившись,
Печальная дева умчалась одна.

Потом вдруг на миг обернулась она
И уже безо всякой угрозы
Воскликнула сквозь слезы:
«Обитель скорби Мунсальвеш!
Твой дивный избавитель где ж?
В беде ли тебя он оставит
Или спасет да избавит?..»
Речь мудрой девы безобразной,
Как видим, не была бессвязной...
А что наш валезиец? Он
Убит, раздавлен, заклеймен!
Он знает: справедлива кара!..
...Очнувшись первой, Куневара
Ужасно зарыдала вдруг:
Ее спаситель, верный друг,
Всегда ведомый чувством долга,
Столь незаслуженно оболган!
Прошло рыданье среди дам,
И счету не было слезам...
...Умчалась Кундри... Но мгновенно
Явился, как бы ей на смену,
Какой-то рыцарь... Ах! Огнем
Пылала мантия на нем
И на коне сверкали бляхи...
В оцепененье, в горе, в страхе
Он застает Артуров круг...
Такой же след душевных мук
Лицо красавца отражало...
Невыносимой обиды жало
В младое сердце его впилось
И все отныне в нем сплелось:
Отвага с горем, страсть с тоскою.
Он тяжкий меч вздымал рукою
И вдруг взревел, как ураган:
«Где здесь Артур? Кто здесь Гаван?!»
...Рыдали дамы безутешно...
Тут кто-то из пажей поспешно
Ему обоих показал.
«Храни вас боже! — гость сказал.—
Всем вам привет свой посылаю.
Но одного найти желаю
Средь вас, кто станет мне врагом,
Кто в озлоблении слепом
Навек меня возненавидит!

Я знаю, *кто* он. Пусть он выйдет
Вперед! Его зовут Гаван!..
Святой обет мной богу дан
Великое свершить отмщенье!
О, неподвластна укрощенью
Меня терзающая боль!
Мой повелитель, мой король
Гаваном мерзостно заколот!
Он столь коварен, сколь и молод!
Без всяких видимых причин
Убит мой князь, мой господин,
Брат моего отца!.. При этом
Гаван с притворным шел приветом
К нему... И в грудь ему вонзил
Свое копье что было сил...
О, вот он, поцелуй иудин!
Убийца низкий! Ты подсуден
Неумолимому суду!
Так выйди! Я ответа жду,
Чтобы отмстить тебе жестоко!
Да! Зуб за зуб! За око — око!
И смерть за смерть!.. Не быть в долгу!..
Но, впрочем, может быть, я лгу,
Безвинного черня наветом?!
Что ж! Громко заяви об этом,
Свою невинность докажи,
Меня же смертью накажи
На предначертанном турнире.
Вдвоем нам тесно в этом мире,
И должен пасть один из нас!..
Ответствуй же!.. Но не сейчас...
Турнир во граде Шанпфанцуне,
В стране великой Аскалуне,
Назначен через две недели!
Ну, что ж. Сойдемся в ратном деле.
Готов, как видишь, подождать,
Пока тебе придется дать
Ответ достаточно подробный!..
О, я противник брани злобной
И не для ругани сюда
Пришел... Я требую суда,
Который кровью все решит!
Пускай господь свой суд свершит:
Иль чью-то жизнь он остановит,

Иль чью-то честь он восстановит!..»
...Король Артур сперва молчал,
Сначала он не отвечал,
Потом промолвил: «Рыцарь сей —
Любимый сын сестры моей.
Когда Гаван бы в битве пал,
То за него бы я предстал
В Шаппфанцуне пред судом,
Которого мы с болью ждем.
Однако мой племянник жив
И сам услышал твой призыв.
И сможет сам держать ответ.
Посмотрим: прав ты или нет?
Но одного я не пойму:
Такое бросивши ему
Ужаснейшее обвинение,
Ты не имеешь тем не менее
Необходимых доказательств,
А только — несколько ругательств!
Гореть ты будешь со стыда
По завершении суда!..»
...Вот что сказал король Артур...
Тут юный, гордый *Беакур*
(Он братом был Гавану)
Вскричал: «Я грудью встану
В бою за брата моего!
И на судилище его
Я представлять желаю!
И жаждой действия пылаю!»
Хоть на слова Гаван был скуп,
Он рек: «Я не настолько глуп,
Чтоб просьбу выполнить твою.
Сам за себя я постою
И род наш не унижу.
Но, честно говоря, не вижу
Причин для поединка.
Однако всякая заминка
Неверно будет понята́.
Так пусть господня доброта
Ни в чем нас не покинет.
Считайте: вызов принят!..»
Но Беакур все не сдавался...
Все своего он добивался...
И хмурый гость сказал тогда:

«О высокие дамы и господа!
Его не имею я чести знать
И вызов не смею его принять,
Вражды не чувствуя к нему.
Он — это видно по всему —
Силен, отважен, прекрасен собой,
Властен, верностью движим святой.
Так пусть он вложит в ножны меч,
Чтоб доблести сии сберечь
Для боле подходящих
Встреч, еще предстоящих.
А я, чье имя вам досель
Неведомо,— князь *Кингримурсель*,
Хочу сражаться лишь с одним
Гаваном!.. Всем же остальным
Желаю процветанья
И мира!.. Испытанья,
Судьбой назначенного, жду!..
Призвав виновного к суду,
Обязан я заметить,
Что мы готовы встретить
С почетом рыцарским его
В столице дяди моего
(Коль он прибыть туда согласен).
Никто не будет ему опасен,
Его поступку вопреки.
И только от *моей* руки
Падет он, мной наказан.
Я высшей клятвой связан!..»
Все словно бы оцепенели,
Услышав речь Кингримурселя.
Известно было это имя!
Делами славен боевыми,
Сей рыцарь так мечом владел,
Что равных в мире не имел...
Все трепетали за Гавана...
А князь, явившийся незвано,
Уже успел сокрыться с глаз...
Но мы продолжим свой рассказ.
...От Кундри рыцари узнали
Подробности о Парцифале:
Как валезийца величать
И кто его отец и мать...
Еще не поглотила Лета

В ту пору имя Гамурета.
Иной с ним вместе воевал,
Иной в Канвалуа бывал,
Иной, кто нынче стар годами,
Еще служил Прекрасной Даме —
Анфлисе Несравненной, той,
Что *куртуазии* святой
Анжуйца первой обучала...
И всех, конечно, огорчала
Обида, что в порыве зла,
Герою Кундри нанесла...
...У каждого — своя обида.
Ну, разве короля Кламида
Однажды не обидел рок
И не был мир к нему жесток?
Нет, Парцифаля и Гавана
Вовек не жгла такая рана,
Которая Кламида жгла:
Душа в тоске изнемогла,
И несть конца его печалям...
И вот с героем Парцифалем
Король вступает в разговор:
«Когда б дары Кавказских гор
Или земель арабских клады,
Монет златые водопады
И все сокровища Грааля
Вы в самом деле потеряли,
Все было б меньше той потери,
Что я изведал в Пельрапере,
Когда, разбив меня в бою,
Вы радость отняли мою.
И вот я состою отныне
При Куневаре... Для княгини
Я только жалкий пленник ваш...
О, тяжелейшей из пропаж
В ничтожнейшее возмещенье
Прошу мне даровать прощенье,
А Куневаре дать понять,
Что стоит от меня принять
Мою любовь, а также руку
В вознаграждение за муку,
Что столько времени терплю...»
«Ну, что ж... Я так и поступлю,
Чтоб вы хоть чуточку воспряли.

Ведь та, кого вы потеряли,
Теперь — моя Кондвирамур!..»
...Гиневра и король Артур,
Рыцари и сенешали
Кламида утешали,
И Куневара его поняла —
Любовь и руку его приняла.
И он, снисхожденьем ее покоренный,
Ее главу увенчал короной...

. . . .
. . . .

Герой Парцифаль промолвил так:
«Душу мою застилает мрак.
Вот здесь я стою перед вами
И выразить не могу словами,
Какой измучен я тоской...
Не нужно радости мне людской,
И я назад к вам не приду,
Пока Грааль вновь не найду...
Я сознаю, в чем я виновен:
Был непомерно хладнокровен.
Мне быть не может оправданья,
Поскольку выше сострадания
Законы *вежества* поставил!
И ради соблюденья правил
Молчал перед лицом несчастья,
Ничем не выразив участья
Анфортасу, кому в ту ночь
Я мог, обязан был помочь!..
Вопрос с моих не сорвался губ
Потому, что молод я был и глуп,
Но совестью клянусь моею,
Что *возмужаю, поумнею*
И подвиг свой святой свершу!..
Теперь прощайте!.. Я спешу!..»
...Удерживать его не стали.
Вокруг несчастного стояли
В печали дамы и мужи.
И рек Артур: «Не откажи
Мне в для меня священном праве:
Опорой быть твоей державе —
Союзником твоей жены
В час мира, как и в час войны!..»
...Мой господин Гаван сердечно

Поцеловал его: «Конечно,
Друг Парцифаль, *в таком* пути
От поединков не уйти,
От испытаний в жаркой схватке...
Но верю: будет все в порядке.
Бог милостив, хотя и строг...»
«Бог?! Бог?! Но что такое — *бог?!* —
Воскликнул валезиец гневно.—
Не наши ль судьбы так плачевны,
Чтоб мы не поняли того,
Сколь бесполезна власть *его,*
Сколь слаб и немощен всевышний!..
Служить ему? Нет! Труд излишний!
Я верен был ему и предан,
И я обманут им и предан.
Кто на него усердье тратит,
Тому он ненавистью платит.
Я ненависть его приму,
Но боле — не служу ему!..
О, есть иной предмет служенья!..
Эх, друг Гаван! В разгар сраженья
На помощь бога не зови.
Взывай к спасительной Любви,
Хранительнице нашей верной!
Прощай, мой друг нелицемерный,
И да хранит тебя Любовь!..
Кто знает, свидимся ли вновь?..»

. . . .

Так в этот день они расстались...
Но если бы вы попытались,
Прервав повествованья нить,
Мою историю сравнить
Со множеством других историй
(Пускай занятных, я не спорю),
Вы б поступили опрометчиво...
Охоты нет, так слушать нечего!
Но кто охоч до песен ратных,
Тот о почти невероятных
Узнает подвигах от нас...
Вперед наш движется рассказ
О похожденьях Парцифаля —
Наследника Грааля...

. . . .

. . . .

VII

Теперь поведать вам намерен
О юном рыцаре, кто верен
И совести и долгу
И, видимо, надолго
Вниманье ваше привлечет...
За что ж ему такой почет?
Скрывать от вас не стану,
Что к славному Гавану
Отныне обращен мой взор
И что до некоторых пор,
Пока Гавана повесть тянется,
Наш Парцифаль в тени останется,
Чтоб снова выступить вперед,
Когда придет его черед.
При этом извещаю,
Что труд свой посвящаю
Отнюдь не *одному* герою,
Как это делают порою,
Подняв *героя* до небес,
Чтоб пущий вызвать интерес
К избраннику поэта...
Хочу, чтоб повесть эта
Представила бы вашим взглядам
Всех, кто идет с героем рядом,
Кто им любим иль нелюбим,
Всех, кто под ним или *над ним*...

. . . .

Итак, с Артуром он распрощался.
(Король со свитой возвращался
В столицу, в Нант... Достойный *круг*
На время разомкнулся вдруг,
Чтоб вновь когда-нибудь сомкнуться
Для тех, кому суждено вернуться...)
Гавана ждал Кингримурсель.
И вот уж несколько недель
(Скажу: не менее пяти)
Гаван находится в пути...
В панцирь облачен блестящий,
Он долго едет темной чащей,
Сопровождаемый своей
Дружиною богатырей.
Средь зарослей густых поляна
Как бы легла к ногам Гавана,

А на поляне той — бугор.
Гаван летит во весь опор,
Чтобы, взобравшись на вершину,
Узреть нежданную картину —
Издалека ее видать:
Идет бесчисленная рать,
Вся ей заполнена дорога...
Но в сердце рыцаря тревога
Должна отвагу пробудить:
Не отступать, а победить!..
Сидит Гаван, могучий духом,
На *Грингульесе* красноухом.
Откуда взялся этот конь,
Что весь пылает, как огонь?
Из Мунсальвеша!.. Да! Поверьте!..
Ужасной, но геройской смертью
Однажды некий рыцарь пал,
А конь к Орилусу попал,
Затем подарен был Гавану...
Подробнее сейчас не стану
Рассказывать про это чудо.
Придется вам терпеть, покуда
Все не раскроет Треврицент.
(Настанет и такой момент...)

. . . .

...А рать все двигалась... Блистали
Доспехи, шлемы... Трепетали,
Наверно, тысячи флажков.
Стучали тысячи подков.
Шли тысячи животных вьючных
(В походах с нами неразлучных).
Тянулись тысячи подвод...
Кто ж это двинулся в поход?..
...Дошло до нашего бретанца,
Что это — войско *Мелианца,*
Могущественного короля.
Лиц — благодатная земля —
Ему принадлежала...
Однако войску надлежало
Взять крепость грозную — Барош...
Такую просто не возьмешь!
И нелегко за штурм приняться:
Липпаут умел обороняться!..
Он Мелианца ленник был,

Но Мелианца он любил
И пестовал когда-то,
Как своего меньшого брата.
Все сделал он, что обещал...
(Король усопший завещал,—
И это слышал исповедник,—
Чтоб юный Мелианц, наследник,
Был взят на воспитанье в дом
Того, о ком мы речь ведем:
Липпаута, верного вассала...)
У князя в доме подрастало
Две дочки. Звали дочерей —
Обийе и *Обилот*... Добрей
И чище их едва ли
В окрестных княжествах знавали...
Но, как ни странно молвить, зло
Из-за любви произошло:
Любовь Раздору послужила!..
Обийе приворожила
К себе младого короля.
О снисхождении моля,
Он на коленях перед ней:
«Обийе, внемли мольбе моей
И на любовь ответь любовью!..»
Она не повела и бровью
И строго отвечала:
«Должны вы заслужить сначала
Право на любовь мою!..
Еще вы не были в бою
И не дрались пока ни разу!..»
К столь дерзновенному отказу
Король был вовсе не готов.
И, сам не свой от этих слов,
Во гневе он проговорил:
«Тебя отец подговорил
Унизить государя!
Готовься к страшной каре!..
Перечить смеешь королю?!
Да я вас всех переколю
И всех вас уничтожу,
Со всех сдеру с вас кожу!..»
(Затмение нашло ли
На короля от сердечной боли,
Иль тут крутой сказался нрав,

Иль, вдруг рассудок потеряв,
Он просто разразился бранью?..
Коль верить древнему преданью,
Тут было все... Но сей рассказ
Дошел не полностью до нас,
А также до Гавана
От некоего мальчугана,
Пажа из свиты Мелианца,
Который, встретив чужестранца,
Поведал рыцарю о том,
Что мы сейчас передаем...)
...Итак, король стремится к бою!
Что с девою младою?
Что с добрым князем стало?
Униженный немало,
Липпаут сказал: «Я только ленник,
Но не предатель, не изменник.
Пусть Рыцарский решит совет,
Виновен в чем я или нет?..»
При этом всем добавить надо,
Что снисхожденья и пощады
У Мелианца он просил...
Но тот, однако, закусил,
Как говорится, удила!..
У князя все-таки была
Тогда еще одна возможность:
Ум проявив и осторожность,
Взять короля младого в плен...
Однако юный сюзерен
Был в этом доме как бы гостем.
А рыцари гостям и гостьям
Прислуживают, но не мстят —
Закон, что и поныне свят!..
Но Мелианц не унимался...
Однажды ночью он поднялся,
Чтобы со свитою, тайком,
Покинуть навсегда тот дом,
Где он был, в сущности, воспитан...
И вот теперь войскам велит он
Сию обитель штурмом взять,
Чтобы жестоко наказать
Тех, кто служил *его* короне!..
Однако к стойкой обороне
Был князь Липпаут готов вполне:

Да! Он был вскормлен на войне!..
...Вот что узнал Гаван об этом
Событье (под большим секретом)...
Осталось только выбирать —
Чью в споре сторону принять?
Обязан в битву он ввязаться,
Чтобы глупцом не показаться,
Чтоб трусом не сочли его!..
Но если драться, то за кого?
Где большей славы он добьется?
Где больших почестей дождется?..
Какой себе ты хочешь доли,—
Сам выбирай по доброй воле.
С кем будешь? За кого пойдешь?..
...Гаван отправился в Барош...
Но, боже правый, не посетуй!
Гаван решил ни той, ни этой
Не держаться стороны,
Попав в водоворот войны...
Он за *себя* еще не бился,
Не зря он в Шанпфанцун стремился,
Где от высокого суда
Он ждал сейчас, как никогда,
Погибели или почета...
...Сквозь неприступные ворота
Он въехал в город... Долгий путь
Отмерен был... Передохнуть
Гаван под липою тенистой
Решил, предвидя *путь тернистый*
Там, в аскалунской стороне!..
Меж тем на крепостной стене
Княгиня с дочерьми стояла
И вдруг Гавана увидала
Под липою, в густой тени.
«Обийе, прошу тебя, взгляни! —
К нам рыцарь прибыл на подмогу,
Благодаренье богу!..»
Обийе как рассмеется:
«Где рыцарь?! Мне сдается,
Не рыцарь это, а купец!..»
«О, помолчи же, наконец,—
Сказала Обилот в ответ.
(Сестрице было десять лет,
Но не по возрасту она

Была пытлива и умна.)
Взгляни на шлем его блестящий!
Он рыцарь! Рыцарь настоящий!
И на торговца не похож!
Взгляни, как он собой хорош,
Как молод, как прекрасен.
И коли он согласен
Стать верным рыцарем *моим*,
Навек он будет мной любим,
Чудесный мой избранник!..»
(Все это слышит странник,
Не подает лишь виду
И не таит обиду.)
«Твой злой язык, имей в виду,
Уже навлек на нас беду!
Сражен твоим отказом,
Король утратил разум!..
Идет прекрасный рыцарь к нам!..»
«Смешно внимать твоим словам!
Ты посмотри, сколь гадки
Приезжего повадки:
Разлегся около дворца!..
Мать, повели прогнать купца!
Во что бы то ни стало
Хочу, чтоб ты к нему пажа послала!..»
Пусть детский спор похож на шалость,—
Княгиня старая вмешалась:
«Не станем время тратить даром!
Коли он прибыл к нам с товаром,
Товар его приобретем,
И пусть идет своим путем!..
Но если рыцарь он, который
Нам смог бы послужить опорой
Среди нам всем грозящих бед,
Ему почтение и привет!..»
Промолвив это, госпожа
Тотчас направила пажа,
Своего питомца,
Проведать незнакомца...
(Хочу заметить: у Гавана
Была надежная охрана —
Дружина доблестных бойцов...
Нередко, впрочем, и купцов
Дружинники сопровождают...

И — *кто он?* — неспроста гадают
Сейчас княгиня и княжны:
Им доказательства нужны!..)

. . . .
. . . .

И вот, представ перед Гаваном,
Паж (под предлогом крайне странным)
Героя должен был спросить:
«Нельзя ль у вас коней купить?..»
Но, слава богу, устрашился,
Лезть с вопросом не решился,
Младого рыцаря узрев:
Того душил безмерный гнев,
И в озлобленье крикнул он:
«Мальчишка! Убирайся вон
Иль хочешь — ребра пересчитаю!..»
(Гаван был прав, я так считаю...)

. . . .
. . . .

По возвращении гонца
Просит Обийе отца
Пришельца в крепость залучить,
Чтобы в темницу заключить...

. . . .

Липпаут Гавана к себе призвал
И в полмгновения узнал,
Что это вовсе не купец,
А рыцарь!.. Так пришел конец
Досадным недоразуменьям.
Липпаут воскликнул: «Провиденьем
Вы, рыцарь, посланы сюда!..
Надеюсь, боле никогда
Подобное не приключится...
Коль вам угодно отличиться
В *моем строю,* я буду рад!..
О нет, не просто друг! Здесь — брат
Сейчас стоит пред вами
И просит со слезами
Помочь, хоть я не побежден...
Но враг сильней, я убежден.
И вы бесконечно меня обяжете,
Если мне помощь свою окажете!..»
И доблестный Гаван сказал:
«О, вам бы никогда я не отказал!

И я готов к любому бою.
Но только рисковать собою
Пока не смею!.. Не могу!..
Я у самой судьбы в долгу.
Мне бой *особый* предназначен,
Только этим я озадачен.
Навет я должен отмести!
Затем и нахожусь в пути!..»
Липпаут сказал: «Не для себя,
А дочерей своих любя,
В которых я души не чаю,
Я эту крепость защищаю!..
Великий бог мне не дал сына.
Но сделать сыном господина,
Вопреки дочерней воле,
Я не могу! И не позволю!
Дочь за него я не отдам!..»
«Так пусть господь поможет вам!..»
И снова князь героя начал
Просить о поддержке, чем озадачил
Отважного отпрыска Лота...
Ему ли не охота
Сойтись с врагом? Он весь горит!
И вот он князю говорит:
«Все взвесив, позже вам отвечу...»
...И вдруг бежит навстречу
Гавану, чей родитель Лот,
Прекраснейшая Обилот
И что-то робко произносит...
Она героя в гости просит!..
Так он побрел за ней вослед,
За девочкою в десять лет.
К прелестному ребенку
Зашел он в комнатенку
И, как бы ослепленный,
Стоял коленопреклоненный...
И девочка ему открылась:
«Мне говорить не приходилось
Еще с мужчиной ни с одним,
Разве что с отцом моим...
Надеюсь, вы без осужденья
Мои воспримете рассужденья
И не поставите мне в укор
Недолгий этот разговор...

Моя наставница, бывало,
Вершиной духа называла
Человеческую речь.
Но чувством меры пренебречь
Я не хочу и кратко
Все изложу вам, без остатка...
Как я вас благодарю:
Когда я *с вами* говорю,
Я говорю *с собою,—*
Вот что я вам открою...
Затем скажу вам, не тая,
Что *я — есмь вы, а вы — есмь я!..*
Я — девочка, вы — муж и витязь,
Но именем *моим* зовитесь,
Поскольку с вами мы — *одно.*
Мне это ведомо было давно.
Коль это не противно вам,
Я всю вам любовь свою отдам,
И *мне* служить вы будете,
А славу *себе* добудете!..
Меньшая княжеская дочь,
Молю вас отцу моему помочь,
Молю вас, как *любимого,*
Врага, досель неодолимого,
Разбить, не ведая пощады,
В предвиденье *моей* награды!..»
...Гаван сказал: «Еще вам нет
Пятнадцати заветных лет.
И хоть я от любви немею,
Пять лет я права не имею
Ни вам служить, ни вас любить...
Сам не ведаю, как быть...»
...Тут в сердце Гавана прозвучали
Слова, что слышал он от Парцифаля:
«В Любовь сильней, чем в бога, верь!..»
Зачем же именно теперь
Он речь припомнил эту?
Чтоб внять сему совету!..
И девочке Гаван сказал:
«Нас воедино рок связал.
Мы жизнью связаны *одной.*
Отныне станете вы мной.
Я в ваши руки отдаю
Мое копье и честь мою,

Чтобы средь бранной вьюги
С моим мечом, в моей кольчуге,
Сидя на моем коне,
Себя вы обрели во мне!..
И враг ваш вызов примет:
Вас за меня он примет,
И не снесет он головы,
Когда его лишите вы
Вчерашнего величья,
Приняв мое обличье!..»
...И молвит юная Обилот:
«Я ваша сила и ваш оплот,
Я панцирь ваш, и меч, и щит,
Моя любовь вас защитит.
Я с вами всюду и везде,
С вами в отраде я и в беде,
Я ваша твердыня и ваш очаг,
От вас не отойду я ни на шаг.
Вам одному принадлежа,
Я господин ваш и госпожа,
И ваша плоть, и ваша кровь,
И ваша надежда, и ваша любовь!..»
И говорит Гаван: «Я ваш
Слуга, защитник, верный страж!
Небесную усладу
Я обрету в награду!..»
...Так он, в канун сраженья,
Обрел *Предмет Служенья.*

. . . .

И Обилот бежит к отцу:
«Хвала милосердному творцу!
Тот рыцарь, что в наш град явился,
За *нас* сражаться согласился!
Он боле не покинет нас!..»
«О дочь! Благословен тот час,
Когда на свет ты родилась! —
В слезах воскликнул старый князь.—
Как мне его благодарить?..»
«Дозволь, отец, договорить!
Я дар бесценный обещала
(О боже! Что я верещала!)
Бойцу отважному сему!
Но где я этот дар возьму?
От горя, от стыда, от боли

Я жить на свете не в силах боле!
Умру, терзаясь и любя!..»
«Не бойся! Выручим тебя! —
Липпаут красавице ответил
(Он был сейчас, что солнце, светел,
Узнав столь радостную весть).—
Награда для героя есть!
А нет, так будет вскоре!
Ишь, выдумала горе!..»
И князь является к жене:
«Княгиня, помогите мне
Утешить бедную малютку...
Она влюбилась не на шутку
В того геройского бойца...»
«...Кого сочли мы за купца?!
Не может быть!..» — «В него, конечно,
Чему я рад чистосердечно:
Он молод и прекрасен
И в бой *за нас* вступить согласен!
Малютке надо поспешить
К началу битвы платье сшить
Такое, чтоб на самом деле
Все от восторга обомлели!..»
...Тут для портных нашлась работа!
Бархат из Трабалибота,
Из Табронита кружева
Достали ради торжества!
Кавказским золотом прекрасным,
С отливом дивным, темно-красным,
Редчайшая парча
Горит, как пламень горяча...
Когда портные платье сшили,
Князь с княгинею решили
Не пришивать один рукав,
Чтоб, рыцарю его отдав,
Снабдить героя талисманом...
Вам не должно казаться странным
Решенье это... Обилот
Не понапрасну слезы льет:
Она лишь куклой обладала,
С которою она играла
Вдвоем с подружкою *Клаудитой*...
Неужто рыцарь именитый
Столь жалкий примет талисман?

Пусть на своем щите Гаван
Ее рукав отныне носит
И далеко врага отбросит!..

. . . .

Нависла ночь над полем боя,
Чтобы привычно за собою
Повлечь живительный восход...
Но утра ясного приход
Отмечен был не птичьим пеньем,
А лязгом, грохотом, движеньем
В атаку рвущихся колонн,
Готовых князя взять в полон,
На гóре верным горожанам...
Тем временем Липпаут с Гаваном
В бой двинули свои полки...
...Летели дерева куски —
В щепы́ расколотые копья.
Кружились черной сажи хлопья,
Земля горела, кровь текла,
Смерть страшной плетью мир секла.
И кони пó полю носились,
Все в мыле, бешеные, силясь
Найти убитых седоков...
Немало, думаю, веков
Еще пройдет, но битву эту,
О коей шла молва по свету,
Не спишут внуки со счетов!..
О, лязг мечей! О, звон щитов!
О, стон земли и стен дрожанье!..
Отважно бились горожане,
Но Мелианца рать сильней.
Внезапно появился в ней,
Неведомый, но властный,
Могучий Рыцарь Красный...
Был беспощаден и жесток
Его удар, его наскок,
И горожанам снова
До вала крепостного
Пришлось пока что отступить...
Мечей булатных иступить
Герои не успели
И на врага насели!
Эй вы, держитесь, кто не зван!

Вступает в битву сам Гаван,
Пылающий румянцем.
И с храбрым Мелианцем
Отчаянно дерется!
Но тот хотел бороться
И не страшился никого!..
Тогда герой Гаван его
Ударил в локоть, в самый сгиб.
Мелианц чуть не погиб,
Весь кровью обливался...
Да, тот, кто не сдавался,
Шаута-короля птенец,
Гавану сдался наконец,
Стыд испытав и муку...
Бранную науку
Гаван недурно изучил:
В плен короля заполучил
И в тыл его направил,
Не нарушая правил...
Ликуют горожане,
А там, во вражьем стане,
Был Красный Рыцарь уязвлен
Тем, что король его пленен
И в правый локоть ранен,
А дерзкий горожанин,
Который перед ним дрожал,
Над ним победу одержал
И, начатый совсем недавно,
Бой завершился столь бесславно.
Но, впрочем, он не забывал,
Что *сам он* честно воевал
И взял немало пленных —
Рыцарей почтенных...
И Красный Рыцарь молвил им:
«Кляпитесь господом святым,
Что вы, едва покинув плен,
Добьетесь, чтоб Липпаут в обмен
Мне Мелианца возвратил
И этим распрю бы прекратил.
Но будут тщетными усилья
(Как бы вы князя ни просили),
То вы тогда за мной пойдете
И мне святой Грааль найдете!..»
И рыцари сказали:

«Поверьте, о Граале
Мы не слыхали никогда!»
«Ах, не слыхали? Ну, тогда
Другой есть выход. Например,
Явиться в город Пельрапер,
К Кондвирамур прекрасной,
И молвить: «Рыцарь Красный,
Тот, кто Кламида одолел,
Вам низко кланяться велел.
Живет он, лишь о вас заботясь,
И верит: вы его дождетесь!
Он молит его не забывать:
Грааль он жаждет завоевать...»
...Сии он произнес слова
И — божья воля такова —
С князьями распростился
И снова в дальний путь пустился,
Куда вела его мечта...
...А в это время со щита
Герой Гаван снимал *рукав*.
Его Клаудите передав
Для благородной Обилот,
Он ей поклон нижайший шлет...
Рукав был сильно продырявлен,
Но, как сокровище, доставлен
И, украшавший славный щит,
К платью девочки пришит...

. . . .

И вот за стол герои сели.
О, как там пили! Как там ели!
Гаван счел нужным попросить
И Мелианца пригласить
К столу, чтоб побежденный
Изведал, переубежденный,
Что значит благо истинного мира!..
Вдруг посредине пира
Те пленники вступили в зал,
Которых Красный Рыцарь взял,
И все, кто были в зале,
Явившимся внимали,
Как Рыцарь Красный их пленил,
Затем на милость гнев сменил,
Доспехи и копей оставил
И в город Пельрапер направил,

В далекую дорогу...
...Гаван в душе молился богу.
Давно уж он сообразил,
Кем этот Красный Рыцарь был...
О, по господней воле
Ему не пришлось на бранном поле
Вступить в кровавое единоборство
С тем, кто такое явил упорство —
С любимым другом своим Парцифалем...
(И мы всевышнего восхвалим!..)
Так жизнь друзей была спасена...
Заметим, что их имена
Здесь, в крепости, не знали...
Ни о прекрасном Парцифале,
Ни об отважнейшем Гаване
Не слыхивали горожане...
...Нет в мире худа без добра.
Гавану тоже в путь пора:
Цель у него одна ведь!..
Барон он вынужден оставить.
К прелестной, дивной Обилот
Он короля Мелианца шлет,
Причем с таким наказом:
Внимать любым ее приказам,
Знать, что ее слова — закон,
Не забывать, что пленник он,
По воле провидения,
И неповиновения
Ни в чем не смеет проявлять,
Чтоб *рыцарство* не оскорблять!..

. . . .

Но Мелианца Обилот
К Обийе, сестре своей, ведет
И молвит без гордыни:
«Служите *ей* отныне!
Я Обийе вас отдаю!
А волю выполнить мою
Вас в этом самом зале
Недавно обязали.
Так исполняйте ж мой приказ!..
Ведь *Обийе* любила вас,
И знаю я, что вскоре
О вашей глупой ссоре
Забудете вы оба,

Друг друга полюбив до гроба!..
Итак, сестра вам — госпожа!..»
Обийе, от счастья вся дрожа,
В объятья заключила,
Кого судьба ей возвратила,—
Храбрейшего средь королей!
Ах, Мелианц был дорог ей!
Она давно жалела,
Что так его задела,
В нем справедливый вызвав гнев...
Однако, все преодолев
И не утратив чести,
Они отныне вместе!..
Она к его прижалась ране —
Мелианц был как в тумане.
Он приложился к ее глазам,
И волю дала она слезам,
Охвачена порывом
Воистину счастливым!..
...К вам обращаюсь я с вопросом:
Кто это принес им
Вдруг столько счастья и добра?
Та, что, как этот мир, стара
И молода навечно!
Вы поняли, конечно,
Что это — госпожа Любовь,
Которая вернулась вновь,
Вся в солнечном сиянье,
В мое повествованье...
...Князь Липпаут в сие мгновенье
Влюбленным дал благословенье
На вскоре предстоящий брак...
А что Гаван?.. Он как-никак
В сию историю замешан.
Найдем его!.. Но где ж он?
О, у прелестной Обилот!..
Малютка горько слезы льет:
Пришла пора прощания!
Напрасны увещания
Князя и княгини:
Ей жизни нет отныне!..
И говорит она герою:
«Молю вас взять меня с собою!
О, сжальтесь! И спасет вас бог!..»

...Но взять он с собою ее не мог,
И девочку едва ли
Не силой оторвали
От в сталь закованной груди...
Что ждет героя впереди?

VIII

Ни в чем судьбой не обделен,
Прославлен, мужествен, силен,
Гаван мой тем не менее
Предчувствует сражение,
Не зная и не ведая,
Разгромом иль победою
Жестокий завершится спор...
О, как же глух и темен бор,
Как далека дорога,
Как велика тревога!..
Он едет несколько недель!
Все мох да мох, все ель да ель,
И лесу нет предела...
Вдруг чаща поредела —
И рыцарь поле увидал.
Свершилось то, чего он ждал.
Кровь вспыхнула в Гаване!..
Какие-то крестьяне
Ему сказали: «В Аскалун
Вы прибыли... А Шанпфанцун,
Готовый к грозной сече,
Отселе недалече...»
Поля... Долины... Горный склон...
Вдруг чудо-крепость видит он!
Как вся она сверкала,
Как взор она ласкала!
Клянусь, прекрасней этих стен
Не помнил даже Карфаген,
Когда вступил в него *Эней*
И где погибелью своей
Дидона доказала,
Как страсть ее терзала
И как она любила!..
...Давно все это было,
Однако, знаю, и сейчас
У многих в сердце не погас

Огонь любви высокой,
Прекрасной, хоть жестокой...

. . . .

Да... Крепость в предвечерней мгле
Вся золотилась на скале.
О камни море билось,
Ревело и бесилось.
Такую крепость не возьмешь!
В нее без спросу не войдешь,
Без спросу не покинешь —
Или в пучине сгинешь.
Ни славный город Акратон,
Ни — молвить страшно! — Вавилон,
Как мне передавали,
Такого не знавали!..
...Вдруг видит рыцарь: с тех высот,
Числом не меньше пятисот,
В плащи одеты огневые,
В долину скачут верховые.
То, как молва передала,
На журавлей охота шла
И на другую птицу...
(Быль или небылицу
Преданье донесло до нас,—
Гадать не следует сейчас:
Занятье бесполезное.
Но, господа любезные,
Вы, те, кто глуп и кто умен,
Рассказ свой из седых времен
Я продолжать не стану,
Коль к моему Гавану
Сочувствие вас не проймет.
Надеюсь, всяк меня поймет...)
Вот ужас-то! Вот страх-то!
Гаван увидел *Вергулахта*,
Отважнейшего короля,
Кем эта славилась земля.
Он на арабском скакуне,
В испанской взятом стороне,
Охоту возглавляет.
Лицо его пылает.
Он солнца жаркого ясней.
При этом он потомок фей
С предгорья Феймургана...

Он поразил Гавана,
К нему с приветом обратясь,
Безмерным сходством: отродясь,
Здесь князя не знавали,
Кто был бы так похож на Парцифаля...

. . . .

Король, как я уже заметил,
Гавана ласково приветил:
«Вы долго пробыли в пути,
И я прошу вас провести
Ночь в нашем доме без заботы,
Пока я не вернусь с охоты...
Итак, с прибытьем! В добрый час!
Гостеприимно встретит вас
Сестра моя — *Антиконúя...*»
(Увы, рассказывать начни я,
Каким был королевский дом,
Какой оказан был прием,
Что ел и пил наш юный витязь,—
Вы крайне удивитесь!..
Творцы сказаний, песен, саг
Не могут описать никак
Блеск королевского приема!
Искусство это им незнакомо...
Гартман фон Ауэ тот на что ж
Для данных случаев хорош,
Но даже он едва ли
Расскажет, как встречали
Гавана... Ну, и потому
Мне придется самому
Сии описывать событья...
А вы меня не торопите!..
Коль неохота слушать вам,—
Другому слово передам
И слух ваш не обижу...
Но вы *добры,* я вижу,
К Гавану, другу моему,
Что дорог сердцу и уму...)
Итак, въезжает отпрыск Лота
В дворцовой крепости ворота.
Рыцаря встречает там
Прекраснейшая среди дам,
Та, что и царственна была,
И, вместе, женственно мила.

Сплелись в ее обличье
И нежность и величье...
Ее Антиконией звали...
О нет! Я, думаю, едва ли
Ее достойно опишу,
О чем вас упредить спешу.
Жаль, бедный Фельдеке скончался:
Ведь он, бывало, отличался
Уменьем создавать портрет
Прекрасной дамы в двадцать лет...

. . . .

Она Гавана приглашает
В дворцовый зал и вопрошает:
«Какие приказанья есть?
Исполнить их сочтем за честь.
О, сердце я свое украшу,
Когда исполню просьбу вашу
И буду тем навек горда:
Ведь вас мой брат прислал сюда!
Так, рыцарь, требуйте же смело
Все, что угодно!.. Я б хотела
Облобызать вас в знак привета...
Вам не претит условность эта?..»
О нет! Нисколько не претит!
Клянусь: особый аппетит
Пухлые губы ее вызывали,
Что жгли, пылали, зазывали.
Гаван, к устам ее припав,
Едва рассудок не потеряв,
Успел смекнуть, что губы эти
Не о дворцовом этикете
С его устами говорят...
Весь нетерпением объят,
Он к ней придвинулся поближе
И голову склонил пониже,
Промолвил слышные едва,
Но всем знакомые слова
О страсти, о любовной муке,
О невозможности разлуки,
О том, что мучим он тоской
И потерял навек покой...
И хоть Гавана страсть терзала,
Антикония отказала,
И это — просьба и отказ —

Здесь повторялось много раз...
Дама начала сердиться:
«Вы преступаете все границы!
Угомонитесь, бога ради!
Покойный Гамурет — мой дядя —
Всю жизнь Анфлисой дорожил...
Но бо́льшего не заслужил,
Чем благосклонное вниманье.
А вы за краткое свиданье
Все захотели сразу взять!..
Не знаю даже, как вас звать,
Еще мне неизвестно, кто вы!
Ах да! Вы умереть готовы...
Но кто вы?..» — «Скрою до поры.
Отец мой — брат своей сестры...
И все. Пока — ни слова боле.
Не по своей молчу я воле.
Потом узнаете вы сами...»
И вновь прильнул он к дивной даме...
Погасли свечи и огни,
В сумраке они одни.
Он ей под платье сунул руку...
И оба испытали муку,
И что бы тут произошло,
Благоразумию назло,
Вам надо пояснять едва ли.
Но... тут влюбленным помешали!..
Все обернулось вдруг бедой!..
Ворвался в комнату седой
Или, вернее, сивый
Паладин спесивый.
Гавана тотчас он узнал,
Его по имени назвал
И средь глубокой ночи
Взревел что было мочи,
Гавана оскорбленьем зля:
«Вот он — убийца короля!..
О, вам, наверно, мало,
Что короля не стало!
Вы чуть не совершили
Над дочерью насилье!..
Готовьтесь с жизнью распрощаться!..»
«Увы, придется защищаться,—
Гаван Антиконии рек.—

Безумный этот человек
С ним в бой меня вступить заставил...
Но жаль, я меч внизу оставил...»
...Вдруг боевой раздался клич.
Гаван смог вовремя постичь,
Что жители сюда бегут
И что сейчас его убьют
В неистовстве слепого гнева...
Тут светлая сказала дева:
«Укроемся в одной из башен,
И, может быть, не так уж страшен
Нам будет натиск черни бешеной,
На жажде мщения помешанной!..»
...Меж тем со всех окраин града
На крепость движутся отряды:
Здесь и герои паладины,
И злобные простолюдины,
Мастеровые и купцы,
Седые старцы и юнцы...
Бушуют город и предместья.
Все просят, алчут, жаждут мести...
Поняв, что другу смерть грозит,
Антикопия говорит,
К штурмующим воззвав с балкона:
«Он здесь находится законно!
Ступайте с миром! Он мой гость!..»
Еще сильней взыграла злость:
Толпа, как разъяренный зверь,
Бежит по лестнице, чтоб дверь
Взломать... Но тут наш друг любезный
Взамен меча засов железный
Рукой могучею берет
И обезумевший народ
По спинам лупит хорошенько,
И кубарем, через ступеньку,
Штурмующие покатились.
А тех, кто не угомонились,
Тяжелой шахматной доской
(Что оказалась под рукой)
Разгневанная королева
Направо лупит и налево...
О, гляньте! Чудо, в самом деле!
То не каменья полетели
На тех, кто злобен чересчур,

А *глыбы* шахматных фигур:
Ладьи, и ферязи, и пешки...
Противник отступает в спешке!
От стен отхлынула толпа.
Носы, а то и черепа
У многих перебиты...
Нет никакой защиты!..
Так от погибели и зла
Дева рыцаря спасла,
Так, проявив любовь и жалость,
По-рыцарски она сражалась,
Так подтвердилось вновь и вновь,
Что чудеса творит Любовь...

. . . .

Меж тем и Вергулахт вернулся.
Не стану лгать: он ужаснулся,
Сию историю узнав.
Он счел, что обвинитель прав.
Хоть сам ни в чем не разобрался,
Разгневался он, разорался,
Пообещав поддержку тающим
Отрядам, в страхе отступающим...
...И я, что славил род Гандина,
Сего дурного господина,
Что также родом из Анжу,
Беспрекословно осужу!
Владелец скипетра и трона
Обязан действовать резонно,
Все трезво взвешивать, поправ
Порой свой слишком пылкий нрав.
Но Вергулахт мечтает драться!
Позволив буре разыграться
И не успев еще остыть,
Он сам желает в бой вступить
И в поединке бранном
Расправиться с Гаваном...
...А между тем Гаван взирал
На ту, из-за кого сгорал.
Верный бесподобной даме,
Ее очами и устами
И носиком ее пленен,
Он был донельзя распален.
Ах, как она была желанна!
Ах, как она звала Гавана!

О, голос, что у соловья!
О, талия, как у муравья!..

. . . .

И все же он подозревает,
Что штурм последний созревает:
Король войска решил вести
На штурм, чтоб начисто смести
Ту башню, где *они* засели...
...Вдруг слышен глас Кингримурселя:
«Обидеть гостя я не дам!
Скорее я погибну сам!
О, мерзостное прегрешенье!..
Мое принявши приглашенье,
С условьем прибыл он таким,
Что будет лишь со мной *одним*
Сражаться истины во имя!
Со мною, а не с остальными!
Что будет он для всех вокруг
Желанный гость, достойный друг,
С должным принятый почетом...
С таким я звал его расчетом,
Чтоб только божий суд решил,
Свершил он или не свершил
То, в чем его подозревали?..
Мы слишком долго прозревали!
Но сгинул сей недобрый сон:
Я вижу — невиновен он,
Коль бог *меня* призвал к защите!..
Не здесь виновника ищите!
Гаван, ты слышишь? Я с тобой!..
Держись! Мы выиграем бой!
И хоть пока еще нам туго,
Мы выручим друг друга!..»
Не замедлил Гаван с ответом,
И состоялся мир на этом
Между двумя бойцами,
Между двумя сердцами...
Кингримурсель призвал народ,
Штурм прекратив, начать отход.
Толпа мало-помалу
Его словам внимала,
И потому, что был он прав,
Да и ландграф был здесь бурггараф,
Пред коим не только дрожали,

Но коего и уважали,—
Толпа заметно поредела.
Король в смятенье: «Плохо дело!..»
К тому ж Кингримурсель пробрался
К Гавану, с которым он побратался...

. . . .

И Вергулахт своим князьям,
Испытанным своим друзьям,
Промолвил: «Взявши крепость с боем,
Отплатим им обоим!..»
Но тут раздался ропот:
Сказались разум да и опыт,
Накопленный с предавних пор,
Что не к добру ведет раздор
Меж родичами кровными...
И, будучи немногословными,
Князья сказали просто:
«Какой с невинных спрос-то?
Пойди на мировую!..»
...И вот я повествую
О наступившем мире
И о роскошном пире,
Который рыцарям был дан,
И как мой дорогой Гаван,
Очищен от наветов злобных,
Средь паладинов бесподобных
Внимал рассказам боевым
О тех, кто пал и кто живым
Вернулся, невредимым,
Притом непобедимым...

. . . .

И вдруг король сказал: «Увы,
Чуть не лишился и я головы,
Когда вступил со мной в сраженье
Рыцарь в красном снаряженье.
Он не известен здесь никому,
Но в мощи равных нет ему.
И вот я, побежденный, сдался...
Но тут такой приказ раздался:
Я должен до исхода
Нынешнего года
Святой Грааль ему добыть,—
А не добуду, как тут быть?
Тогда дойти до Пельрапера — града,

Где живет его счастье, его отрада,
Для него затмившая белый свет,
И передать ей его привет...
При этом лицо его все лучилось...
Все это совсем недавно случилось...
Что ж. Мне пора исполнить долг...»
...На этом Вергулахт умолк...

. . . .

...Гаван премного удивился
И рек: «Ты не освободился,
Король, от долга своего?
Так знай: я выполню его!
Обманывать не стану:
Святой Грааль достану,
Чтоб только вызволить тебя,
Антиконию возлюбя...»

. . . .

Гласит старинное преданье,
Что тяжким было расставанье
С Антиконией дивной,
Чей поцелуй призывный
Был ею снова повторен...
Гаван был ею покорен...
...Пересказать охота,
Что, по словам *Киота*,
Он сам когда-то прочитал...
Гаван не плакал, не причитал,
А рек не без сердечной боли:
«Я покорюсь господней воле,
Чтоб в путь далекий поспешить,
В надежде подвиг совершить,
Коль вы меня благословите!
Так будьте счастливы! Живите,
Не зная горя и забот...
Меня ваш образ поведет!..»
И королева отвечала:
«Когда б не столь постыдно мало
Я вам, мой рыцарь, помогла,
Я успокоиться б могла...
Вы, кто смогли бесстрашно биться,
Смогли бы большего добиться
И мира лучшего достичь,
Но как бы ни был грозен бич

Судьбы, что правит нами всюду,
В любой беде я с вами буду,
Вам сердце отдано мое,
Без *вас* мне в мире не житье...»
Она его облобызала
И этим сердце его терзала.
Не только он, да и она
Печаль изведали сполна...
...Те, кто Гавана сопровождали,
Коней пораньше оседлали
Под липой, в густой тени,
Чтоб отдохнуть могли они
Перед дорогой дальней...
Кингримурсель был всех печальней
И проводить хотел его
К границам графства своего...
...Гаван сказал ему: «Не стоит,
Пусть вас ничто не беспокоит.
Избрал я тяжкий жребий свой,
Но все еще верну с лихвой,
В заветный край пробьюсь, доеду
И одержу там *свою* победу...»
...Итак, пришло прощаться время.
Расцеловался Гаван со всеми —
От доблестных седых мужей
До робких юношей — пажей...
Затем, вскочив на Грингульеса,
Гаван исчез за кромкой леса...
О, то была отнюдь не тяга
К источнику земного блага,
О, то не набожность была,
Что странствовать его звала,
Свой подвиг совершить намерен,
Он долгу был при этом верен,
И влек героя интерес
К стране невиданных чудес...

IX

«Откройте!..» — «Кто здесь?..» — «Я — по пути...
В сердце свое меня впусти!»
«Да как же вы уместитесь в нем?»
«Надеюсь, как-нибудь смекнем».
«Но тесно в этом помещении...»

«Уж ты прости за посещение,
Но я тебя вознагражу:
Чудес премного расскажу!..»
«Ах, это вы, госпожа *Авентюра*!
Ну, как там юный друг Артура,
Я разумею — Парцифаль?
Нашел ли он святой Грааль?
Не скрою: жаль его мне стало,
Когда его Кундри так отчитала...
Но вынужден признаться вам:
У многих благородных дам
Рассказ наш вызвал нарекания,
Что от *такого* испытания
Я Парцифаля не уберег,
Что я к герою слишком строг...
Мне эти вздохи надоели...
Однако что на самом деле
С моим любимцем произошло?
Затменье ли вновь на него нашло
Иль, господу благодаренье,
Обрел широту он и ясность зренья?
Живет ли в счастье он иль муке?..
Прошу: в свои возьмите руки
Сего повествованья нить
И постарайтесь нас возвратить
Туда, где мы прервали
Рассказ о Парцифале.
Священный преступив рубеж,
Вернулся ли он в Мунсальвеш,
Чтоб там увидеть снова
Анфортаса больного?..
Утешьте ж сообщеньем нас,
Что короля от хвори спас
Герой вопросом долгожданным!
(О, как терзает грудь нужда нам!..)
Сладчайшей Герцелойды сын,
Он, тот, чьим дедом был Гандин,
Он, храбрый отпрыск Гамурета,
О ком поется песня эта,—
Где он? Что с ним? Каков он сейчас?..
Быть может, в нем давно погас
Огонь страстей... А может, вновь
В нем жарко вспыхнула любовь?
А может быть, в бою суровом

Сейчас он на́смерть бьется?.. Словом,
Мы все хотели б знать о нем...
Нам так не терпится!.. Начнем!..»
...И Авентюра рассказала:
Герой наш странствовал немало,
Скакал по суше на коне,
И по морской он плыл волне
На корабле под парусами,
Всегда хранимый небесами.
Он и на поединках дрался.
Кто б состязаться с ним ни брался,
Был тут же выбит из седла...
Весы природа создала,—
Чья перевешивает чаша:
Моя или, к примеру, ваша?
А та, где *слава* тяжелей!
Но это значит: не жалей
Сперва себя во время боя,
Будь властен над самим собою,
Не потакай себе ни в чем...
Вот так-то!.. Ну, а уж потом
И к недругу будь беспощаден!..
...Стал воистину громаден
Парцифаля перевес...
Но как-то раз в дремучий лес
Героя занесло случайно.
Во всем вокруг гнездилась тайна.
Был ранний час. Рассвет серел...
Вот Парцифаль-герой узрел
Пещеру и ручей журчащий,
Бегущий в глубь бескрайней чащи...
Нет, страха он не испытал!
В себе он волю воспитал,
Рад приключеньям и тревогам.
И был за то замечен богом.
Да, сам господь его снабдил
Запасом небывалых сил,
Чтоб укрепить в нем веру...
...Герой вошел в пещеру,
Где он отшельницу застал...
Господь любовь ей ниспослал.
И богу отдала она
Свое девичество сполна,
Бежала радостей земных,

Чтоб жить среди скорбей одних
И вновь и вновь стонать от боли,
У старой Верности в неволе...
Так Парцифаль, герой наш юный,
Снова встретился с Сигуной
(Сам не ведая того).
Притом героя моего
Ужасный охватил озноб.
Сигуна обнимала гроб.
Князь Шионатуландер в нем
Спал непробудным, вечным сном...
Так жизнь в Сигуне убывала...
И хоть на мессах не бывала
И на молебствиях она,
Вся жизнь ее была — одна
Заупокойная молитва...
Но ею выиграна битва
С неумолимою судьбой!
Навек пожертвовав собой,
Она не изменила
Тому, кого любила,
Оставшись верной до конца
Священной тени мертвеца!..

. . . .

. . . .

Вступив в пещеру, как в темницу,
Одетую во власяницу
Застал Сигуну наш богатырь...
Она, держа в руках псалтырь,
Его приветствовала словом
Ласковым, медовым...
...Колечка с пальца она не снимала —
Убитого друга вспоминала.
Камешек на кольце был богатым,
Сверкающим гранатом,
Пылавшим средь неимоверной
Кромешной темноты пещерной...
Вся бледная от нездоровья
(На голове — повязка вдовья),
С лицом, иссушенным тоской,
Сигуна (смертный страх какой!)
Герою почесть оказала
Тем, что рукою указала
На деревянную скамью,

И продолжала речь свою:
«Умоляю вас, присядьте.
Уставши, даром сил не тратьте...»
Поблагодарив ее за честь,
Он просит и ее присесть...
Но горькие слова отказа
Он слышит: «Ах, еще ни разу
Я при мужчине здесь не сидела...
И нет моим страданьям предела!..»
Воскликнул герой Парцифаль: «О боже!
Здесь в чаще, среди бездорожья,
Смертельной мучимы тоской,
Без всякой помощи людской,
Вы, беззащитная, умрете!..
Где пропитанье вы берете,
Когда здесь только лес да лес?..»
«О нет, по милости небес
Грааль дает мне пропитанье
В моем жестоком испытанье.
И хоть противна мне еда,
Приносит Кундри иногда
Мне кое-что оттуда,
Где торжествует чудо!..»
...Герой наш Парцифаль сперва
За шутку эти счел слова
И сам спросил не без улыбки:
«Скажите, вы не по ошибке
Кольцо столь дивное надели?
Не влюблены ли вы, в самом деле?
Тогда признайтесь, в честь кого
Вы в келье носите его?
Ведь как же так, вас люди спросят,
Колец отшельники не носят!
Да и амурничать — ни-ни! —
Нельзя им, боже сохрани!..»
И голосом своим печальным
Сигуна молвит: «Обручальным
Должно бы это стать кольцо.
Но словно буря — деревцо,
Смерть друга жизнь мою сломала.
Невеста, я женой не стала,
А стала скорбною вдовой...
Под этой сенью гробовой
Супруг почиет мой... Однако

Связали нас не узы брака.
Я ложа не делила с ним.
Он мужем не был мне земным.
И хоть давно его убили,
Друг друга мы не разлюбили:
С супругом я не расстаюсь,
Его женою остаюсь,
Чем бы мне это ни грозило!..
Копье Орилуса сразило
Того, кто пал из-за меня,
Святость Рыцарства храня!..
О Шионатуландер мой,
Жизнью мы живем одной
И перед господом чисты:
Ты — это я, а я — это ты!..»
И тут герой наш догадался,
С кем он нежданно увидался,
Что он Сигуну видит вновь,
Которая — сама Любовь...
Освободился он от забрала,
Чтоб и она его узнала...
Увидев цвет его лица,
Сигуна дивного юнца
Немедленно узнала
И тихо прошептала:
«Да... Узна́ю... Вы — Парцифаль.
Нашли ли вы святой Грааль?
Его вы разгадали свойства?
Пришло ли священное к вам беспокойство?
И, в стольких землях побывав,
Вы свой ли изменили нрав?..»
И деве Парцифаль ответил:
«Немало зла я в жизни встретил,
Друзей отважных хоронил,
Стенал над сотнями могил.
Грааль страдать меня заставил!
Ах, я из-за него оставил
Страну, где королем я был,
Жену, которую любил,—
Прекраснейшую из прекрасных!
Живя во власти грез напрасных,
Я к ней стремлюсь и к ней хочу,
Но жребий несчастнейший свой влачу...
Однако никогда доселе

Я так к иной не рвался цели:
Хотя б на миг Грааль узреть!
А нет — так лучше умереть!..
Сестра, Сигуна дорогая!
Взгляни, как я изнемогаю,
На слезы на мои взгляни,
Ну... и хотя бы... меня не брани
За то, что *прежде* было!..»
«Я все тебе простила!
Ты, кто столь скверно поступил,
Свой грех страданием искупил.
Ты самовлюбленностью был отравлен
И теперь от болезни сей избавлен!..»
«Сестра, ужасен твой удел.
Но верь, и я перетерпел
За время нашей с тобой разлуки
Немыслимые муки.
Мои страданья *выше всякой меры!..»*
«Всесильна мощь господней веры!
Пусть он, за нас принявший муку,
Свою спасительную руку
Над головой твоей прострет
И пятно позора с тебя сотрет!..
Не знаю, я права иль нет,
Но, может быть, ты сыщешь след,
В заветный Мунсальвеш ведущий,
Здесь, среди темной нашей пущи.
Назад тому четыре дня
Гостила Кундри у меня.
Следы копыт ее бедняги мула
Дождем не смыло и ветром не сдуло.
И этот след, коли он свеж,
Приведет тебя в Мунсальвеш!..»
С Сигуной Парцифаль простился
И пó следу вскачь пустился.
Но все непроходимей лес,
И след меж зарослей исчез,—
Внезапно как бы оборвался...
Так до Грааля не добрался
Герой наш и на этот раз...
Надеюсь, если бы сейчас
Добился Парцифаль удачи,
Повел бы он себя иначе,
И, даже выбившись из сил,

Он бы, я думаю, спросил...
О чем,— но это нам известно,
А повторяться неинтересно,
Хоть и приходится порой...
Пусть дальше скачет наш герой.
Куда?.. Я сам вам не отвечу...
...Вдруг кто-то скачет ему навстречу:
Муж с непокрытой головой,
Зато в кольчуге боевой,
При этом его латы
Сказочно богаты.
Он начал разговор прямой:
«Прошу ответить, рыцарь мой,
Как *вы* сюда, в наш лес, попали?
Иль вы ни разу не слыхали,
Что в Мунсальвеш проезда нет?
А нарушающий запрет
Сурово должен быть *наказан:*
Он жизнью заплатить обязан!..
Увы, таков и ваш удел...»
И всадник тут же шлем надел...

. . . .

Сталь в руке его сверкнула
И Парцифаля в грудь толкнула.
Но усидел герой в седле.
Зато — храмовник на земле
После ответного удара...
Наш друг умел сражаться яро
И победил не одного...
Вдруг, поскользнувшись, конь его
С обрыва в пропасть полетел...
К счастью, Парцифаль успел
За кедр руками ухватиться,
Иначе б нам пришлось проститься
С героем нашим навсегда...
...Ах, конь погиб! Но не беда:
Выходит из терновника
Конь побежденного храмовника,
Осталось только сесть в седло.
Так Парцифалю повезло...
И он тут же ускакал подале,
Так его не догнали
Храмовники те, кто Грааль стерегли...
Нет, мы пока что не смогли

До цели избранной добраться.
Рассказ наш вынужден продолжаться...
...Не знаю, две или три недели
С той бранной встречи пролетели,
Но Парцифаль все вперед спешил...
Снежок холодный порошил,
Суровый ветр по свету мчался,
А лес, казалось, не кончался,
Чреватый новою бедой...
Вдруг рыцарь, с белой бородой,
С лицом вполне, однако, свежим,
Бредет по сим краям медвежьим.
Да-да, босой бредет, пешком,
Со странническим посошком.
Его жена бредет с ним рядом,
Дырявым, нищенским нарядом
Едва прикрывши наготу...
Сию престранную чету
Две дочери сопровождали.
Они красотою своей поражали,
Хотя одеты были тоже
В плащи или в платья из старой рогожи.
Наверно, все семейство это,
Что было в рубище одето,
Шло средь лесных болот и мхов
За отпущением грехов
К вратам какого-нибудь храма...
Придворные — мужи и дамы —
В таком же рубище брели.
Их лица благость обрели,
Тела от холода дрожали...
Собачки впереди бежали...
Вид богомольцев жалок был...
Наш друг коня остановил
И поклонился им учтиво.
Одет был Парцифаль на диво,
В отличие от остальных,
Сияя блеском лат стальных,
Убранством шлема поражая,
Осанкой, взглядом выражая
Величие и торжество...
Слова приветные его
Вознаграждены были приветом.
Однако старец рек при этом:

«Святейший праздник на дворе,
А вы — в греховной мишуре —
Порочите господне имя!
Сегодня надобно босыми
Ногами хладный снег месить,
Не панцирь — рубище носить
И каяться, молить прощенья...»
Герой промолвил без смущенья:
«Откровенно вам скажу,
Что смысла я не нахожу
В занятиях такого рода...
Какое нынче время года,
Какой неделе счет пошел,
Кто от кого произошел
И что за день у вас сегодня —
То ли рождения господня,
То ль воскресения его,—
Клянусь: не знаю ничего!
Да! Мне *все это* неизвестно!...
Был некто... тот, кому я честно
Служил средь бурь, невзгод, тревог.
Мой господин — он звался *«бог»* —
Моих стараний не заметил,
Мне злобой на любовь ответил
И надругался надо мной!..
Так кто ж, скажи, сему виной?!
Ни в чем не отступив от веры,
Страдаю я сверх всякой меры,
Я к помощи взывал *его* —
Он не услышал ничего,
Сим доказав свое бессилье!..
Ах, на земле, на небеси ли,—
Нигде, нигде защиты нет!..»
И молвил пилигрим в ответ:
«*Твой бог* рожден святою девой?!
Так образумься, не прогневай
Сейчас, в день пятницы страстной,
Того, кто спас весь род людской!..
Христом испытанная мука,
Ответствуй, разве не порука
Его безмерной доброты,
Которую не видишь ты?..
О рыцарь! Если ты крещеный,
То, к общей скорби приобщенный,

Оплакать поспеши того,
Кто с нас со всех, до одного,
Ценой мучительной кончины
Пред богом снял грехи и вины,
Нам преградив дорогу в ад!..
Зачем бредешь ты наугад,
В потемках, выхода не зная?..
Сегодня — пятница страстная!
Так поспеши себя спасти
И от души произнести
Слова раскаянья и веры!..
Здесь, в этой чаще есть пещеры,
В одной из них, какой уж год,
Великий праведник живет...
Спеши!.. Он все еще исправит,
По верному пути направит...»

. . . .

Герой себя не поберег,
Благим советом пренебрег
И счел необходимым
Проститься с пилигримом.
Отвесив странникам поклон,
Поспешно удалился он,
Стремясь к заветной цели...
...Все его жалели...
Заметим, что недаром он
Был Герцелойдою рожден,
У Герцелойды переняв
Открытый, благородный нрав,
Способность к милосердью
И редкое усердье
Во всем, где речь идет о чести...
К нему вернулось благочестье.
Он весь раскаяньем охвачен.
Одной лишь мыслью озадачен:
Хочет *так* на свете жить,
Чтоб милость господню *заслужить*...
...Догнав идущих к богомолью,
Он молвил с искреннею болью:
«О горе! Как я был неправ,
Веру в бога потеряв!..
Меня догадка осенила:
Бог есть Любовь. Любовь есть Сила,
Та, что должна меня спасти

И в пещеру привести,
Где праведник живет, отшельник...»
...И вот уж конь въезжает в ельник,
Чтоб встать возле пещеры той,
Где Треврицент живет святой.
(В пещере сей был прощен Орилус,
Когда Ешута с ним помирилась.)
Отшельник с соблазнами мира простился:
Истово каялся, строго постился,
Не́ пил вина и хлеба не ел,
Ни мяса, ни рыбы не терпел,—
Ничего, что кровь в себе содержало
(От состраданья сердце дрожало).
В тиши смиренного уединения
Избег он диавольского наваждения...
Через отшельника до Парцифаля
Дошла священная тайна Грааля...
...И если кто меня бранил,
Зачем столь долго я хранил
Историю Грааля под секретом,
Пусть знает, что своим запретом
Связал меня великий мастер Киот,
Сказав, что он *один* найдет
Место, где он обо всем расскажет,
Когда ему Авентюра прикажет...
Киот, продолжая со мной беседу,
Сказал, что нашел в знаменитом Толедо
Сие удивительное сочинение
В первоначальном его изложении.
На арабском писано языке,
Оно хранилось в тайнике...
Хоть письменность у них другая,
К чернокнижию не прибегая,
Киот их азбуку постиг
Без помощи волшебных книг.
Он человеком был *просвещенным,*
Но, что важней: он *был крещеным!*
А лишь крещеному дано
Открыть, что для других — темно,
И силы неба охраняли
От некрещеных *суть Грааля...*
Язычник увидеть Грааль не может...
(Впрочем, нас это не тревожит...)
. . . .

Вернемся к нашему герою...
Итак, он зимнею порою
Вступил на тот клочок земли,
Где некогда цветы росли
И где Орилуса с Ешутой
Он со счастливою минутой
Поздравил... Между тем старик
Отшельник, дивно ясполик,
Воскликнул, чуть ли не стеная:
«Сегодня пятница страстная,
А вы — с оружьем! На коне!..
Помилуй, бог!.. Прошу ко мне!..
Присядьте к очагу скорее!..»
...И, с наслажденьем руки грея,
Герой поведал, по чьему совету
Явился он в пещеру эту:
«О наставлении вас прошу!
В себе я *тягчайший грех* ношу!..»
И далее герой добавил:
«Простите, коли вас заставил,
Сам не желаючи того,
Страшиться вида моего:
С копьем, в кольчуге да в шеломе!..»
«Эх, добрый рыцарь! В этом доме
Отвык бояться я людей.
Олень или медведь-злодей
Мои ближайшие соседи...
Но к ратным подвигам, к победе
И я в былые рвался дни!
Мечты тщеславные одни
Меня в ту пору занимали.
О рыцарь, если бы вы знали,
Какой любовью был влеком
Я в бытие своем мирском,
Как снисхожденья домогался
Той, перед коей преклонялся,
Терпел успех и неуспех,
Но, впав однажды в страшный грех,
От грешной жизни отказался
И вот навеки оказался
Здесь, где вы видите меня...
Однако вашего коня
Мы с вами привязать забыли!..
Пойдемте!.. Дней минувших были

Я в памяти еще храню...
Но корма зададим коню,
А нам, отшельникам, на ужин
Один лишь папоротник нужен.
Сейчас вот здесь его нарвем...
Растет он прямо надо рвом...»
...Конь и накормлен и привязан.
Рассказ, однако, не рассказан.
Пред вами я еще в долгу...

. . . .

Итак, герой стоит в снегу,
Он старца ждет и цепенеет:
Под сталью тело леденеет.
Вот старец наконец идет,
В пещеру рыцаря ведет,
Сесть ближе к у́глям предлагает,
Свечу смиренно зажигает...
Парцифаль доспехи снял
(Как бы укору старца внял)
И опустился на солому,
Почуяв сладкую истому:
В пещере сделалось тепло,
Хоть на дворе еще мело...
...Сейчас обоим было впору
Вернуться к разговору...

. . . .

«Так что ж, мой сын, тебя гнетет?..»
«Ах, вот уж скоро пятый год,
Как я отвергнут богом...
Когда я по дорогам
Скачу ли, езжу ли, хожу,—
Святые храмы обхожу,
Чтоб вид мой не обидел
Того, кто так меня возненавидел
И в помощи мне отказал...»
...Всхлипнув, Треврицент сказал:
«Когда б в своем уме ты был,
То одного бы не забыл:
Бог не помочь не может!
Пусть он и нам поможет...
И все ж, ответствуй, отчего
Ты от себя отторг его
И что с тобою стало,
Что сердце возроптало?..

Послушай, что тебе скажу —
Невинность божью докажу!
Тебе я сострадаю,
Но бога *оправдаю!..*
Я самоучкою постиг
Не что-нибудь, а книгу книг —
Писание Святое —
То дело не простое!..
Да я и сам писал потом,
Познав Писание, о том,
Сколь нам необходимо
Служить неколебимо
Тому, кто в мир пришел спасти
Нас, грешных, сбившихся с пути,
И неустанным оком
Следить, чтобы порокам
Нас в ад увлечь не удалось,
А чтоб воистину сбылось
Всеобщее спасенье —
Святое воскресенье!..
Бог это — *Верность*... Посему
Будь *верен* богу своему.
Бог — *Истина*... К безбожью
Идут, спознавшись с ложью...
Бог есть — *Добро*. А суть Добра
В том, чтоб душа была добра.
Что́ ни произошло бы —
Всё восприми без злобы.
Свой разум злобой осквернишь,—
Тем самым бога очернишь —
Терпение господне,
Как сделал ты сегодня!
Добро — есть свет, а зло — есть тьма.
И коль ты не сошел с ума,
Внемли сему совету:
Вернись к Добру и к Свету!..
А вот — не поученье ль нам?
Был создан господом Адам.
Затем возникла Ева —
Причина божья гнева...
От этих первых чад земли
Все бедствия произошли,
Все горести на свете.
У них родились дети,

Два сына... Старший грех свершил:
Он непорочности лишил —
Кого бы? — Мать своего отца!
Ах, наши бедные сердца
Скорбь и поныне гложет...»
«Такого быть не может! —
Воскликнул бедный наш простец.—
В твоих словах, святой отец,
Прости, коли обижу,
Я смысла, жаль, не вижу.
Могла ли девственницей быть
Жена, успевшая родить?..»
«Мой сын, твои сомнения
Исчезнут в полмгновения...
Земля, что *девственно* цвела,
Адаму матерью была.
Ну, а причиной срама
Стал Каин, сын Адама!
Когда он *Авеля* убил,
Он землю кровью обагрил,
И, кровью орошенная,
Невинности лишенная,
Земля от внука зачала
Первоисток земного зла.
И это означало
Всех наших бед начало...

. . . .

Ответ за Каина несет
Весь грешный человечий род.
И только в опрощенье —
Надежда на прощенье!
Кичливость прочь! Смирись! Молись!
Ниц перед господом вались!
И, каясь неустанно,
Пой господу осанну!..
Будь в вере тверд и чист в любви,
И даром бога не гневи
Ни грубым, богохульным словом,
Ни благолепием дешевым...
...Предсказывал еще Платон,
Что вступит Истина на трон.
В пророчествах Сивиллы
Явленье высшей силы,

Которой мир спасти дано,
Предсказано давным-давно...
Так с тихим умиленьем
Внемли *его* веленьям!..
Вот перечень его примет:
Господь — есть негасимый свет,
Кого он озаряет,
Того он одаряет
Любовью, лаской, теплотой!..
Но нет, не только добротой
Он землю покоряет:
Всесильный, он карает
Нас за преступные дела.
Он добр и *не приемлет* зла.
Но, чуждый жажды мщенья,
Дарует он прощенье
Всем, кто покается пред ним...
Коли приют необходим
Твоей душе в сей час тревожный,
Знай, что господь — приют надежный...»
...И Парцифаль сказал в ответ:
«Спасибо вам за благой совет.
Да будут мне во спасение
Ваши разъяснения.
Однако я юность свою провел
Среди одних только бед и зол,
И тот, кто так справедлив и так светел,
Мне на любовь враждой ответил!..»
Отшельник рек: «Не бойся
И мне до конца откройся,
В чем состоит твоя беда...
И, может, тебе помогу я тогда
Еще каким-либо добрым советом...»
«Я только и мечтал об этом —
Поведать вам свои печали...
Страдания из-за святого Грааля —
Один источник бед... Другой —
Разлука с моей женой дорогой.
Поверьте, без нее я таю...»
«Неплохо сказано, считаю!
Большое благо, веришь мне,
Страдать по *собственной жене!*
Кто чтит святые узы брака,
Адского избегнет мрака!..

Но вот Грааль... Каким путем
Ты, грешник, мог прознать о нем?
Лишь в небесах определяли,
Кто смеет ведать о Граале.
За что б тебе такая честь —
Знать, что Грааль священный есть?!
Нет, это — невозможно!
Так отвечай неложно:
В чем состоит твоя беда?..»
«Скажите: вы *там* были?» — «Да»,—
Старик ответствовал, бледнея...
Тут Парцифаль смекнул: «Умнее
Пока что скрыть, что и я *там* был...»
И он с почтением попросил:
«Так вы бы мне рассказали
О святом Граале...»
Отшельник рек: «Там все священно!
Святого Мунсальвеша стены
Храмовники иль тамплиеры —
Рыцари Христовой веры —
И ночью стерегут и днем:
Святой Грааль хранится в нем!..
Грааль — это камень особой породы:
Lapsit exillîs — перевода
На наш язык пока что нет...
Он излучает волшебный свет,
Пламя, в котором, раскинув крыла,
Птица *Феникс* сгорает дотла,
Чтобы из пепла воспрянуть снова,
Ущерба не претерпев никакого,
А только прекраснее становясь...
Вот она — взаимосвязь
Меж умираньем и обновленьем!
Все это схоже с одним явленьем,
Известным у птиц под названьем *линька.*
А ну, мозгами пораскинь-ка —
И ты проникнешь в сущность *дива!..*
...Слушай дальше терпеливо.
Грааль, он тем и знаменит,
Что человечью жизнь хранит.
Тот, кто на камень глянет,
Пусть знает: хоть побьют, хоть ранят,
Семь дней уж точно он не умрет!
Это известно наперед.

Достаточно лишь посмотреть —
И невозможно умереть
В течение недели!
Диво, в самом деле!..
...Исполнен к людям доброты,
Грааль сохраняет их черты
До самой старости молодыми,
Вот только делает седыми
С теченьем лет их волоса —
Знать, здесь бессильны все чудеса!..
В ночь на пятницу страстную
Грааль, о коем повествую,
Из-под заоблачных высот
Белоснежного голубя на землю ждет.
По заведенному порядку
На камень дивную облатку
Небесный голубь сей кладет.
Так повторяется из году в год...
Облаткою Грааль насыщается,
И сила его не истощается,
Не могут исчерпаться никогда
Ни его питье, ни его еда,
Ни сокровища недр, ни сокровища вод,
Ни что на суше, в реке или в море живет.
Несметны у Грааля богатства...
Но как же попасть в Граалево братство
И как о том, что ты *избран,* узнать?..
Надпись на камне умей прочитать!
Она появляется время от времени
С указанием имени, рода, племени,
А также пола того лица,
Что призвано Граалю служить до конца...
Служение это и есть испытание!
Зато уготовано место заранее,
Вернейшее место в господнем раю,
Тому, кто жизнь отдаст свою,
Но верность Граалю сберечь старается!..
...Чудесная надпись никем не стирается,
А по прочтенье, за словом слово,
Гаснет, чтоб появился снова
Дальнейший список в урочный час
И также, прочитанный, погас...
...Когда небеса сотрясало войною
Меж господом богом и сатаною,

Сей камень ангелы сберегли
Для лучших, избранных чад земли...»
. . . .
Отшельник вздохнул и промолвил дале:
«Анфортас стал королем Грааля,
Он правит Граалем до сих пор,
Хотя он немощен и хвор...
В далекой юности когда-то
Его душа была объята
Невыносимым честолюбьем,
Которым сами себя мы губим,
И алчностью в любовной страсти,
Что повергало весь мир в несчастье...
Всевышнему благодаренье:
Граалю надобно смиренье,
А не придворный этикет,
В котором святости-то нет!..
Служители Грааля — братья.
Отважны до невероятья,
Они со всех концов земли
Святой Грааль стеречь пришли,
Закрыв для посторонних входы...
Их снарядили все народы...
И все же,— продолжал старик,—
Недавно в Мунсальвеш проник
Какой-то рыцарь посторонний.
Наглейшее из беззаконий!..
Великий грех он совершил —
Перед Граалем согрешил!
Сойдясь с Анфортасом несчастным,
Он смел остаться безучастным
При виде столь ужасных мук!
Из уст его хотя бы звук
Участья вырвался наружу!..
Недостойнейшему мужу
Еще воздастся! Не забудь!..
А до него к Граалю путь
Хотел найти еще один...
Не слыхивал? — Roi Леелин!
Близ озера он был замечен
И верным *Либбеальсом* встречен.
То был отважный тамплиер,
Великой храбрости пример!..

Но бог *свой* вынес приговор:
Герой погиб... А тот, как вор,
Коня храмовника украл!
Убитого он обобрал:
Его седло увез с собою.
Там — герб Грааля... Бог с тобою,
Мне вдруг почудилось, мой сын,
Что... *Часом, ты не Леелин?!*
Господь и видит нас и слышит...
Зачем, поведай, голубь вышит
На боевом твоем седле?!
Известно ведь на всей земле
Чтó это значит: *Мунсальвеш!*
Казни меня или утешь!
Свершил ты это похищенье?
Зачем же ты молчишь в смущенье?
Нет, нет, я верю: ты не брал!..
...Впервые голубя избрал
Для славного герба Грааля
(Дабы сей герб не повторяли)
Король Грааля — *Титурель,*
Чьим сыном был *Фримутель,*
Отец Анфортаса больного...
Тебе всё это слышать ново,
А я... Но молви наконец,
Кто ты таков? Кто твой отец?!»
...Тут, может быть, не без испуга
Они взглянули друг на друга.
И с болью Парцифаль сказал:
«Отец мой в честной битве пал,
Священным связанный обетом...»
«А как он звался?» — «Гамуретом.
И родом был он из Анжу.
Я от него происхожу...
Поверьте, я не Леелин.
Но я... я, Гамурета сын,
Когда был молодым и глупым,
Глумясь над беззащитным трупом,
Свершил почти такой же грех,
Украв у мертвеца доспех —
Все снаряженье сняв с него...
Теперь поймите, отчего
Столь страшно в этой жизни маюсь,
Покуда не раскаюсь...

Сгорю я в адовом огне!
Отец! Кровь *Итера* на мне!..»
Не сдерживая слез,
Блаженный старец произнес:
«Жизнь мирская, сколь ты зла!
Сколь много мук ты принесла!
Сколь много бед ты совершила,
Сколько людей блаженства лишила!..—
Он продолжал: — Вот предо мной
Сын сестры моей родной!
Каким помочь ему советом?
И много ли будет проку в этом?
И как он должен поступить,
Чтоб грех столь тяжкий искупить?..
Так знай, племянник мой несчастный!
Поступок ты совершил ужасный.
Ты Красного Итера убил,
Который богом избран был
Стать образцом добра и чести!..
Ни фальши он не знал, ни лести.
Чист, как господень серафим,
Он повсеместно был любим
Чистейшими средь женщин мира!..
Ты, богом проклятый задира,
Чужд благородства и добра!..
Из-за тебя моя сестра
Смерть приняла, в тоске изнемогая!
О Герцелойда моя дорогая!
Смотри, как низко пал твой сын!..»
...«О благородный господин,
Что вы такое говорите?!
Что же вы со мной творите?
Я знаю: мать моя жива!
Но если вправду такова
Всевышнего святая воля,
Слезами изойду от боли
В ужаснейшем своем долгу...»
«Дитя, я никогда не лгу,
Обмана не постиг науку.
Не выдержав с тобой разлуку,
Твоя достойнейшая мать
Пред вседержителем предстать
Должна была, в вознагражденье
За верность, за долготерпенье...

Ах, вещий ей приснился сон!
Узнай же: *ты* был тот дракон,
Что ей в беременности снился!
Зачем на свет ты уродился?
Немало минуло годов,
Но все же помню: от родов
Сестра моя другая,
Шоизиана дорогая,
В тяжелых муках умерла...
Сигуна — дочь ее — росла
У Герцелойды во дворце,
Забывши о своем отце —
О герцоге *Кийоте*...
Росла в тепле, росла в заботе...
Да... Только третья из сестер
Жива-здорова до сих пор:
Репанс — владычица Грааля.
Тяжел сей камень, чтоб вы знали!
И не поднимет его, не возьмет
Купно весь человечий род,
Который свои прегрешенья множит:
Лишь *чистая* дева поднять его может!..
...Король Анфортас — мне брат родной,
Мне и прекрасной Репанс де Шой.
Наш старший брат Анфортас с детства
Граалем правит по наследству.
Сын Фримутеля старший,
Он скипетр получил монарший
И был его достоин... Да...
Мы были молоды тогда,
И веселы, и безбороды...
Но, как велит закон природы,
Мы оба начали мужать.
И тут борьбы не избежать
Меж Молодостью и Любовью,
Во вред душевному здоровью...
...Итак, Анфортас был влюблен
И столь любовью ослеплен,
Что позабыл о святом Граале.
Иные страсти в нем взыграли,
И словно боевой пароль —
«Амур!» — произносил король...
Он славно бился, смело дрался,
В любую битву так и рвался,

Что — прямо вынужден сказать —
Нельзя со святостью связать...
О, злые рыцарские игры!..
И вот язычник, родом с Тигра,
Отравленным пронзил копьем
Того, кто братом, королем
И сверстником мне доводился...
...Язычник жизнью поплатился,
Но, воротясь домой, король
Безумную почуял боль...
С тех пор не заживает рана:
Гноится, ноет постоянно,
Горит, как пламя, день и ночь...
Врачи стараются помочь,—
Увы, искусство их бессильно...
В те дни я слезы лил обильно
И дал всевышнему обет,
Что сам я, до скончанья лет,
В лесу отшельником пребуду,
О званье рыцарском забуду,
Лишь был бы брат мой исцелен!..
Все тщетно!.. С этих вот времен
В мученьях корчится твой дядя...
...Перед Граалем о пощаде
Он громко к господу взывал,
Чтоб тот к себе его призвал
И прекратил его страданья.
Но бог не вынес оправданья
Тому, кто дерзкой суетой
Смел осквернить Грааль святой...
Чего мы не предпринимали!
Каких врачей не нанимали!
Нам ни карбункул не помог
(Тот, кем владел единорог),
Ни кровь больного пеликана,
Которой смачивалась рана,
Ни заклинанья, ни густой
Из необычных трав настой...
Сил наших, видно, не хватает.
Проходят дни... Король все тает,
Он с каждым часом все слабей.
И наших не избыть скорбей!..
И вот однажды на Граале
Мы чудо-надпись увидали:

Де рыцарь счастье принесет
И нам Анфортаса спасет,
Вопрос несчастному задавши...
Пред камнем на колени павши,
Могу сказать, дыша едва,
Пытались вникнуть мы в слова,
Что друг за другом проступали
На избавительном Граале...
Вот смысл примерный этих слов:
Он будет лишь тогда здоров,
Когда вопрос, исполнясь ласки,
Задаст приезжий без подсказки
И чьих-то просьб, а целиком
Лишь состраданием влеком!..
Тогда с одра Анфортас встанет...
И... королем быть перестанет.
Грядут иные времена!
Так возвещали письмена...»

. . . .

Здесь прервана была беседа
Во имя скудного обеда.
Полакомился наш герой
Кореньями, травой сырой.
Сии дары угрюмой чащи
Казались лучших лакомств слаще...
И, старцу прямо в очи глядя,
Герой Парцифаль сказал: «О дядя,
Безгрешной Герцелойды брат!
Я беспредельно виноват!
Нет глупости моей прощенья!
Так воскипи от возмущенья,
Узнав, что твой родной племянник
И есть тот неизвестный странник,
Что в дом к Анфортасу проник
И тут же прикусил язык...
Задать вопрос я не решился
Не оттого, что устрашился,
Да и совсем не оттого,
Что не было мне жаль его.
О нет! Молчать меня заставил
Свод рыцарских старинных правил.
Так дурь сковала мне уста...»
«Ты словно снял меня с креста,
И я как будто ожил снова!

Племянник! Умысла дурного
Поступок твой не содержал.
Ты — *Юности* принадлежал:
Еще не наступила *Зрелость*...
Но Честность ты явил и Смелость,
Сумев к Анфортасу попасть...
Могу ли я тебя проклясть?!
Еще не раз ты ошибешься,—
Но верю: своего добьешься.
Сегодня ль, завтра, через год,—
Тебя всевышний приведет
К избранной тобою цели.
И что упущено доселе,
Ты наверстаешь все равно!..
Так в небесах предрешено!..»

. . . .
. . . .

Они беседу продолжали...
О братстве рыцарей Грааля
Теперь завел отшельник речь...
Земной любовью пренебречь
Обязаны Грааля слуги.
Ни у кого здесь нет супруги
(О том и помышлять грешно!),
Лишь королю разрешено
Вступать однажды в брак законный,
Христовой верой освященный,
И тем из братьев, коим дан
Приказ в какой-нибудь из стран,
Где нет монарха, по закону
Державную надеть корону...
Храмовники, прибегнув к силе,
Спасенье людям приносили.
Им запрещалось воевать,
Чтоб *просто славу* добывать...
«Я в юности (признаюсь в этом)
Строжайшим пренебрег запретом:
Не столько спасеньем души дорожил,
Сколько даме одной служил,
Дойдя до умопомраченья
В порыве юношеского увлеченья.
Был умереть за нее готов,
Искал турниров и боев.
Тогда мне было все едино:

Язычника ль, христианина
Или кого еще сразить,—
Только бы даму мою поразить
Отвагою непостижимой!
Я дрался словно одержимый.
С кем только я не воевал!
Три части света я повидал:
Европу, Африку и Азию,
Считая: «Нет голубоглазее
Моей восхитительной госпожи!..»
О, за какие рубежи
Меня несли Амура крылья!..
В Багдаде, помню, нет, в Севилье
Сдружился я с одним бойцом,
Который был твоим отцом,—
С анжуйцем славным, Гамуретом!..
И посейчас скорблю об этом,
Что он направился в Багдад
И так и не пришел назад...
О, рыцарь, полный благородства!..
Однажды он заметил сходство
Меж Герцелойдою и мной:
«В родстве ли ты с моей женой?
Не брат ли ты ей, признавайся!..»
Ну, как тут быть? Не сомневайся,
В конце концов пришлось сказать,
Что та, кого зовешь ты *«мать»*,—
Сестра моя родная...
И твой родитель, вспоминаю,
Мне дивный камень подарил,
Из коего я смастерил
Тобою виденную раку...
Упомянуть пора, однако,
Про *двадцать пять граальских дев*...
Из них воспитывают королев
Для самых знатных и достойных
Владык, прославившихся в войнах
Под знаком нашего креста
Во имя господа Христа...
И вот *Кастис*, один из них,
Был матери твоей жених.
Благоговением охвачен,
Он был Граалем предназначен
Супругом стать сестры моей

И преподнес в подарок ей
Норгальс, Валезию!.. Два царства!..
Но вот оно, судьбы коварство,
Еще жениться не успев
На лучшей из граальских дев,
Кастис погиб от старой раны...
И города его и страны
Сестра в наследство получила...
Да... Так судьба их разлучила,
Чтоб Герцелойде наконец
В мужья достался твой отец,
Что был прославлен повсеместно...
Мнишь, все тебе теперь известно?
Увы, мой друг, пока что — нет...
В оруженосцы Гамурет
Мне отдал племянника своего:
Красный Итер звали его!..
В Кукумберлендии он родился!..
Теперь не без ужаса ты убедился,
Что *родич* был тобою убит!..
И пусть урок сей не будет забыт!..
...Все это так... Но, каясь истово,
Избавишься ты от нечистого
И к богу обратишь свой взор
Не так, как бывало до сих пор...
В двух, разум жгущих, сердце рвущих,
В двух тяжких, к небу вопиющих,
Грехах повинен ты сейчас:
Ты отнял родича у нас,
Славнейшего из славных,
Которому нет равных.
В тебе же кроется причина,
Что слишком ранняя кончина
Твою достойнейшую мать
Свела туда, откуда ждать
Напрасно возвращенья!
Моли у господа прощенья!
Отъезд твой, чересчур поспешный,
Ей, нежной, любящей, безгрешной,
Удар губительный нанес...
И все ж еще один вопрос
Тебе сейчас задать я смею...
О, я от ужаса немею!..
Где взял ты своего коня?!

Нет, ты не скроешь от меня,
Что б дальше с нами ни случилось,
Как у тебя вдруг очутилось
С гербом Граалевым седло?!»
...Поведав, что произошло
(С храмовником лихая схватка),
Герой раскаялся без остатка,
Затем отшельника спросил:
«Зачем я плащ *ее* носил?
Что это было: подношенье?..»
«О нет! О нет! Не для ношенья
Искусно скроенный наряд,
В котором нас боготворят,
Не драгоценная обнова...
Репанс племянника родного,
Вручив свой дивный плащ, звала
Свершить великие дела!..
А дядя меч тебе вручил.
Его ты сильно огорчил
Своим губительным молчаньем!
Порадуй же его своим деяньем!..
Но полно!.. Спать давно пора!..»
...И у потухшего костра
На тощей, на сырой соломе
Они забылись в сладкой дреме
И спали не без наслажденья,
Презрев свое происхожденье...
...Герой наш долгих две недели
Провел в отшельнической келье.
Молитвенным словам внимал
И жизнь по-новому воспринимал.
Он с легкостью сносил лишенья
И уповал, что прегрешенья
Когда-нибудь ему простятся...
...Но вот пришла пора прощаться.
И Треврицент ему сказал:
«Твои грехи *себе* я взял.
Пред богом *за тебя* отвечу!..
А ты иди судьбе навстречу!
Задуманное соверши,
Прочь выкинь слабость из души,
Во всем господню слову следуй —
И дело кончится победой!..»

X

Теперь своим рассказом
Ваш взбудоражу разум:
И радость вам доставлю,
И мужества прибавлю...

. . . .
. . . .

Гаван Грааль не отыскал,
Хоть год прошел, как ускакал.
Чем время тратить втуне,
Остался б в Шанпфанцуне!..
Конечно, он не раз, не два,
Былого полон удальства,
В пути отважно дрался,
Но все же не добрался
До тех недостижимых мест...
Ну, словом, был его отъезд
Ненужным и поспешным,
А поиск — безуспешным...

. . . .

Но как-то раз пришлось Гавану
Через зеленую поляну
Скакать вперед, своим путем...
И вдруг, раздробленный копьем,
Он видит щит блестящий,
Среди травы лежащий.
Кому принадлежит сей щит?
Как знать?.. Но рядом конь стоит,
Привязан крепко к деревцу...
Принадлежал он не бойцу.
С таким седлом и стременами
Не рыцарю, а только даме
Мог этот конь принадлежать!..
С чего бы тут щиту лежать?..
Но, впрочем, иногда мы
Видали, что и дамы
К турнирам рвутся и боям...
О нет! Сражаться против дам
Во что бы то ни стало
Гавану не пристало!..
«Нет, драться с дамой на коне,—
Он размышляет,— не по мне.
Зато уж, коли спешимся,
То досыта потешимся!

Вот это будет бой так бой!
Катаясь по земле сырой,
Сольемся мы телами,
Пылая словно пламя!..
Уж тут-то я не уступлю,
Не пожалею — повалю!
А коль меня *она* повалит,
Меня и это не опечалит!..»
...Гаван разглядывает щит:
«Он насквозь копьем пробит,
Зияет в нем окошко...
Да, пострадал немножко
Владелец бедного щита.
Но коль земная жизнь — тщета,
То в ходе битвы рукопашной
Смерть не должна казаться страшной...
Что значит: жизнь?.. Одни заботы!
Вот щит, тот редкой был работы
И стоил дорого!.. (Походы
Вгоняют нас в одни расходы!..)»
...Так наш приятель рассуждал
И вдруг под липой увидал
Средь клевера зеленого
Рыцаря сраженного,
Который кровью истекал
И на коленях возлежал
У дивной женщины рыдающей,
Спасенья ожидающей...
Гаван кивнул ей. И поклоном
Был встречен, столь же благосклонным.
Прекрасней не встречал он лика...
У дивной женщины от крика
Немного голос поохрип:
Ведь рыцарь несчастный чуть не погиб...
...Нетрудно храброму Гавану
Перевязать любую рану,
Но чтоб уж всё — наверняка,
Он взял кусочек тростника
И в рану сунул, словно трубку.
(Хвала столь мудрому поступку,
Хвала умеющим *спасать!*)
Затем из трубки пососать
Он повелел прекрасной даме.
Свершилось чудо перед нами:

Сквозь трубку отсосали кровь —
И полумертвый ожил вновь!..
Все получилось словно в сказке...
А рыцарь после перевязки,
В приливе новых, свежих сил,
Гавана пылко попросил
Навеки с ним не расставаться!
Гаван не хочет оставаться
И задает лишь один вопрос:
«Кто такой удар тебе, рыцарь, нанес?..»
И тот ответил, чуть дыша:
«Рыцарь *Гевелиус Лишуа!*
Он шутки шутить не любит,
Он прямо насмерть рубит.
Ах, это вовсе не игра!
Ты рвешься в крепость Легруа?!
Но именно там меня сразили!
Я был почти в могиле,
Когда бы ты меня не спас!..
Я об одном прошу сейчас:
Чтоб не случилось худа,
Не жди напрасно чуда
И к крепости близко не подходи!..»
Но в пылкой, молодой груди
Гавана моего дорогого
Эти слова подобьем зова —
«На приступ!» — прозвучали...
Без страха, без печали
Он скачет с оружьем наготове,
Путь узнавая по каплям крови,
Раненым рыцарем пр́олитой
(Я бы не выдержал боли той!)...
. . . .
И вот перед взором его, на горе́,
Вся золотясь в предвечерней заре,
Крепость предстала чудесная
И скала совершенно отвесная...
Но, свято лелея свою мечту,
Герой поднимается в высоту
Скалистой, извилистой тропкою.
Ведет его сердце не робкое!..
Но он останавливается, узрев
Одну из самых прекрасных дев:
Глаза его лучшей не видели!

(Мы сим никого не обидели,
Но с необыкновенною девой той
Лишь Кондвирамур своей красотой,
Воистину небывалой,
Могла бы поспорить, пожалуй!..)
И, как донесла Авентюра до нас,
Был удивителен блеск ее глаз
И удивителен сладостный рот.
И сердце, любовных полно щедрот,
Влекло простодушьем обманным:
Для всех оно было капканом!..
...А страсть к ней — страшнее любой кабалы...
Сидела она у подножья скалы,
Под брызгами водопада,
Чаруя прелестью взгляда...

. . . .

«Ах, окажите мне высшую честь,
Позволив рядом с вами присесть! —
Воскликнул Гаван, пылая,
Ей огненный взгляд посылая... —
Прелестнее девы я не встречал! —
Гаван восторженно воскричал,—
И, видимо, лучшей не встречу!..»
«Ну, что вам на это отвечу? —
С насмешкой дева сказала ему.—
Надеюсь, вы правы... Но вот почему,
Коль вы воспылали любовью,
Должна я внимать пустословью?!
Дурак или умный, кривой и прямой,
Кого ни спроси — восхищаются мной.
Мне клятвам внимать надоело!
Я — слышите? — требую *дела!..*
Но в сердце моем нет места для вас...»
Он рек: «Заглянув в глубину ваших глаз,
Я понял: я раб ваш — навечно!
Послушайте: жизнь быстротечна...»
«Ну, что ж. Коли вы полюбили меня,
Тогда моего приведите коня,
Он там, на вершине, в дворцовом саду...
Я очень устала... Пешком не дойду...
Пожалуйста, поторопитесь!..»
И *поторопился* наш витязь:
Он, птице подобный, взлетел на скалу
И тем заслужил почет и хвалу,

Столь быстро добравшись до цели...
В саду танцевали и пели.
Было великое множество там
Отважных мужей и прекраснейших дам.
Гавана внезапное появленье
Всеобщее вызвало изумленье.
Смолкло веселье в просторных шатрах.
Многих объял безграничный страх.
Многие побелели:
«Еще одного?! Неужели?!»
Что все это значит: *«еще одного?!»*
Но понял Гаван: здесь жалеют его!
И впрямь: все его обнимают.
Беду его, что ль, понимают?..
Вот старый вояка вздохнул тяжело
И молвил: «Что, рыцарь, вас к нам привело?
Зачем вы явились к нам в крепость?
Чтоб испытать ее крепость?!
Не знаю: вы жизнью своей дорожите?..»
«...Где конь... там, в саду... покажите...
Я должен немедля его увести...»
Тут рыцарь воскликнул: «О боже, прости!
Вас хочет сгубить *Оргелуза!..*
Вы ищете с нею союза,
Иль красотой ее ослеплены,
Иль бесконечно в нее влюблены?
И разум ваш страстью сжигаем?..
Поверьте: мы все это знаем...
Но знайте и вы, господин дорогой,—
Ей кто-нибудь нужен: не вы, так другой,
Чье юное сердце не черство,
Чтоб с помощью злого притворства
Свести вас с ума, в свой силок залучить...
Из этого следует заключить:
Бегите отсюда! Спасайтесь!
И только ее не касайтесь!..
Я говорю вам без тени лжи:
Нет в мире ужасней моей госпожи!
Пусть хороша она ликом —
Порок в ее сердце диком!..
Как солнце сияют ее глаза,
Но вся она — молния, гром, гроза.
И на́смерть она поражает
Того, кто ей возражает...»

И молвил паладин седой:
«Все это кончится бедой,
Коли вы, рыцарь, не уйметесь,
Коли за ум вы не возьметесь!..»
...Гаван, однако, хохочет:
«Все будет, как бог захочет!..
Но где же сей конь ретивый?»
«В саду стоит, под оливой!..»
...Гаван под уздцы коня берет...
Тепло провожает его народ:
Успеха желает и счастья,
Исполнен к Гавану участья...
...Итак, под уздцы он ведет коня,
Ничего не страшась, никого не виня,
К счастью или к несчастью,
Только горя́ своей страстью,
Ведет он коня посерединке
Бегущей над пропастью узкой тропинки.
Достаточно чуть оступиться,
Чтоб в самом низу очутиться...
Но вот он дошел, он исполнил приказ
И слышит: «Эй, дурень! Приходится вас
Ждать чуть ли не час!.. Даже боле!..
Скажите, вы спятили, что ли?!
Я вас от себя прогоню, дурака!..»
...Гаван оробел: «Нет! Я ваш на века!
Прощения вашего заслужу.
Но дайте сперва вас в седло подсажу!..»
Она, преисполнена яда,
Сказала: «Спасибо. Не надо...
В сем деле пустяшном я справлюсь без вас...»
И прямо в седло вспорхнула тотчас.
Вот именно, что не *села:*
Вспорхнула или взлетела!..
И говорит ему в свой черед:
«Слышите, дурень! Скачите вперед!
А я поскачу вслед за вами!..»
(Влюбилась, иными словами...)
Не знаю, что там в душе у нее,
Зато язык говорит свое:
«Недурно бы, в самом деле,
Чтоб вы с коня слетели!..»
...Однако пора снисходительней нам
Взирать на причуды и прихоти дам.

И хоть их причуды большая обуза —
Пусть будет оправдана мной Оргелуза!..
...Меж тем с неприветливой миною
Спешит она светлою долиною...
И тут заметил наш друг Гаван:
Трава, полезная для ран,
Растет вблизи обочины...
Немного озабоченно
Гаван остановил коня,
Траву целебную ценя,
Чтоб травки нащипать пользительной
Тому, кто раною мучительной
Такую жалость вызвал в нем,
Герой Гаван смекнул притом,
Какою трава обладает силой!..
Вдруг слышит: «Господи помилуй!
Зачем бы вам пучок травы?!
Ах, вот в чем дело! *Лекарь* вы!
Ну и признались бы в этом сначала.
А то я за рыцаря вас считала!..»
Гаван почтительно ей ответил:
«Бойца я раненого встретил
Вот где-то здесь, невдалеке!..
О, жизнь его на волоске!
Трава его спасти способна!..
Жаль, мне пред вами неудобно...»
...И только это он сказал,
Как стук копыт он услыхал.
Оруженосец к герцогине,
Как ветер, несся по долине...
Сейчас вас познакомлю с ним:
Он Кундри братом был родным.
Малькреатюром его звали.
Черты его Кундри напоминали...
На человека едва похож,
Он волосом был чистый еж.
Глазища злобу излучали,
Из пасти два клыка торчали...
В стране чудес Трибалибот
Со стародавних пор живет
Несчастнейшее это племя —
Адамово дурное семя...
Да, прародитель наш Адам
Своим созревшим дочерям

Престрого запретил когда-то,
Что солоно иль горьковато
И вредно для пищеваренья
(К примеру, старые коренья)
Без крайней нужды брать в еду,
Чтоб не нанесть вреда плоду...
Куда там! Бабы — всюду бабы.
Отца послушались хотя бы!
Но что им человечий род?
Лишь бы полакомился рот!..
Так и возникло племя чудищ...
Беда! Но что тут делать будешь?..
Пересказал вам эту быль я...
А королева *Секундилья,*
Пред коей пал однажды ниц
Брат Парцифаля — Фейрефиц,
Страной далекою владела,
Где племя чудищ разглядела
Средь давних подданных своих...
И Кундри тоже была средь них...
Однажды люди рассказали
Секундилье о Граале:
Ни с кем в богатстве не сравним,
Король Анфортас правит им...
«Неужто он меня богаче?!
О, неотложней нет задачи,
Чем подобраться к королю!
Подарочек ему пошлю
В знак уважения и привета,
И нам откроется крепость эта!..»
Анфортасу был послан в дар
Гранат, пылавший, как пожар,
А купно с дорогим гранатом
Красотка Кундри вместе с братом...
Король Анфортас, говорят,
Был необыкновенно рад
Диковинным предметам...
Однако он при этом
Того, кто был страшней горилл,
В оруженосцы подарил
Герцогине Оргелузе,
С которой состоял в союзе...
Итак, переменив аллюр,
К Гавану Малькреатюр

Подъехал мелкой рысью...
Воздевши морду лисью,
Он исступленно заорал:
«Ты!.. Герцогиню ты украл!
Тебе сверну я шею,
Гнусному злодею!..»
...Ну, тут наш друг Гаван слегка
Утихомирил дурака.
Не повышая голоса,
Схватил его за волосы
И прямо на́ землю швырнул,
Чуть шею чудищу не свернул!
Жаль вот: рука о вóлос
До крови укололась.
Ладонь как бы прошило...
Даму это рассмешило...

. . . .

Вот наконец привел их путь
К герою, раненному в грудь,
Чтобы, излеченный травой,
Он встал, здоровый и живой...
И он вскричал, узрев Гавана:
«Сколь эта встреча мне желанна!
Где был ты? Или в сих краях
Пришлось прославиться в боях?
Но вижу: на тебе — ни шрама!
Зачем с тобою эта дама?
Она приносит лишь беду!
Гаван, имей это в виду!..
По милости сей герцогини
Я кровью истекаю ныне!..
Беги, я говорю, беги!..
Вооруженные враги
Куда, поверь мне, безопасней,
Чем эта, коей нет прекрасней!..
Но, впрочем,— молвит он Гавану,—
Как только на ноги я встану,
В любой беде, в любом бою
Я за тебя, друг, постою!..
Только подлечусь немного...
Гаван, послушай, ради бога,—
Здесь, если двигаться к реке,
Есть лазарет невдалеке...
Дай мне коня моей подруги...»

Как отказать в такой услуге?
Гаван подвел ему коня...
«Нет, он, боюсь, не для меня!» —
Промолвил рыцарь, и нежданно
Он прыгнул на коня Гавана
И ускакал, неудержим.
Его подруга — вслед за ним...
Разыграна дурная шутка!..
За что? За то, что сердце чутко?
За то, что раненому помог?
Он толком сам понять не мог...
Но чем сильней его досада,
Тем больше Оргелуза рада...
...«Ах, рыцарь!.. Скверные дела...
Я вас за воина сочла,
Вы рыцарем мне показались,
Но лекарем вы оказались.
Теперь, увидев «подвиг» ваш,
Не лекарь, вижу, вы, а паж!..
Я это сознаю вполне...
...А как насчет *любви ко мне?*
Меня вы чуть не убедили,
Что от любви с ума сходили?
Но все, надеюсь, улеглось?..»
О боже! Что тут началось!
Какие объясненья!..
Нет от любви спасенья!

. . . .
. . . .

Давно уже сказать пора,
Что песнопений мастера
В стихах сверх всякой меры
Славят власть Венеры!..
Нет, это, право, чересчур!
Венера, Купидон, Амур,
Их факелы, их стрелы —
Как это устарело!..
Вот посмотрите: Купидон.
Своей стрелой мне в сердце он
Целится напрасно —
Все это неопасно!..
Усвоить надобно сперва:
Любовь без *Верности* мертва!
Что там огонь Венерин?

Кто любит? Тот, кто *верен!*
Я только Верность, Верность славлю
И словно с праздником поздравлю
Того, кто Верность сохранил,
Любя, Любовь не уронил!..
Кто Верностью запасся,
Считай — навеки спасся!..

. . . .

Но дальше слушайте... Итак,
Наш друг Гаван попал впросак.
Здесь не отделаться смешком:
Он вынужден шагать пешком,
А дама скачет на коне!..
Об этом с тяжкой болью мне
Приходится рассказывать,
Как бы себя наказывать...
...И вот через недолгий срок
Они увидели поток,
Разлившийся широ́ко...
На левом берегу потока
Величественный замок встал,
Под солнцем золотом блистал,
Камнями драгоценными
Над валами пенными...
Поднималась к небесам
Огромнейшая башня там,
Где в окнах женщины сидели
И с умилением глядели
На множество земных красот.
Четыреста или пятьсот
Их было? Да. Не менее.
Все знатного происхождения...
Но продолжение — потом.
Пока ж — скорее на паром!
Скорее переправиться,
И все еще поправится!..
Вот и паромщик тут как тут...
Хоть прав у Оргелузы крут,
Она рукой слегка взмахнула
И грустно, глубоко вздохнула,
Мол, переправь, не откажи,
Свое усердье докажи.
...Гаван случайно оглянулся

И чуть в поток не окунулся:
Их некий рыцарь догонял!
Кто это? Он еще не знал.
Но было совершенно ясно,
Что рыцарь сей свиреп ужасно,
Что в силе он своей уверен
И меч щадить свой не намерен...
И Оргелуза молвит: «Ну-с,
Сам Лишуа Гивелиус
Решил пожаловать сюда!..
Никем, нигде и никогда
Еще он не был побежден.
В своей победе он убежден.
И вы его разубедите,
Лишь если сами победите!..
При этом следует сказать:
Свою мне верность доказать
Вы поклялись во что б ни стало.
Что ж. Испытание настало.
Смотрите, чтоб, не ровен час,
Штаны не лопнули у вас
Во время схватки с перепугу!
Ведь вам в бою придется туго...
Блюдите рыцарский закон:
Тут дамы смотрят из окон!
Явите выдержку и смётку!..»
...И Оргелуза села в лодку.
«Ужель,— вскричал Гаван тогда,—
Мы расстаемся навсегда?!
О герцогиня, погодите!..»
«Мой друг, сначала победите,
А уж потом поговорим...»
(Нет! Женский нрав неповторим!..)
Так отплыла она от брега...
Меж тем Гивелиус с разбега
На друга нашего напал.
Гаван сперва чуть не упал,
Но сам нанес удар прекрепкий.
Копье Гивелиуса — в щепки!
Затем копье Гавана — вдрызг!..
Осатанелой стали визг:
Герои действуют мечами,
Сверкая грозными очами
И с хрипом, тяжело дыша...

Гаван вцепился в Лишуа
И, заключив его в объятья
(Отважнейшее предприятье!),
Стянул с коня и — наземь — бух!..
О, как перехватило дух!..
«Убей меня! — несчастный просит.—
Смерть избавление приносит
Тем, кому жизнь уж не мила.
Честь, гордость, слава и хвала,
Все, все, что было мной добыто,
Твоей рукой навек разбито!
Я проклят богом и людьми!
Так смилуйся же, так сними
С меня тягчайшую обузу!
(Он намекал на Оргелузу.)
Так не раздумывай! Убей!
И сразу станет она твоей!..»
Подумал сын отважный Лота:
«Не ждал такого поворота!
Рехнулся этот господин.
Убить? Нет никаких причин!
Он дрался, как и я, несчастный,
Из-за любви своей напрасной,
Из-за мучительной любви...
Я не убью тебя! Живи!
И жизнь тебе дарую ныне
В честь обожаемой герцогини!..»

. . . .

Меж тем паромщик воротился,
И к сыну Лота обратился:
«Ваш подвиг доблестный ценя,
Вернуть вам вашего коня
Торжественно мне приказали!..
Ах, вы Гевелиуса взяли
С неповторимым блеском в плен!..»
«Возьмите же его взамен
Мне отданного Грингульеса...
Хотя бы ради интереса...»

. . . .

Паромщик ему благодарность принес
И на левый берег его перевез...
Однако ту, что так прекрасна,
Повсюду он искал напрасно.
Она исчезла без следа.

Никто не мог сказать — куда...
Узнавши об исходе боя,
Она от нашего героя
Сокрылась в сумраке ночном...
...В свой сказочно богатый дом
Паромщик пригласил Гавана...
Был приготовлен ужин званый.
Стол под яствами ломился,
Но наш приятель утомился.
Он мало пил и мало ел,
Он, очевидно, спать хотел...

. . . .
. . . .

И вправду наступила ночь...
Паромщик подзывает дочь
И, не позволяя ей прекословить,
Велит немедля приготовить
Для гостя славного кровать:
Мол, гость желает почивать...
Тут должен я заметить, кстати,
Роскошней, сказочней кровати
Никто, наверно, не знавал.
О, бархат этих покрывал!
Жар одеял и мягкость пуха
Подушек, в коих тонет ухо!
О, простыней прохладный лен!..
Жаль, что Гаван был утомлен.
С ним дочь паромщика осталась.
И если б не его усталость,
Отказа не было б ему...
Но он устал... И посему
В одно мгновенье слиплись очи...
А коли так, то — доброй ночи!
Пусть сон его господь хранит,
От зол его оборонит!..
Он спал... А за окном светало,
И утро новое настало.

XI

Спал наш Гаван самозабвенно,
Проспал бы сутки, несомненно,
И видел сладостные сны,
Когда бы солнышко стены

Лучом рассветным не коснулось...
Все в мире ожило, проснулось,
В окно вливался птичий гомон...
И, подойдя, увидел дом он —
Подобие огромной башни,
Где, повторяя день вчерашний,
Прильнуло к окнам столько дам!..
Как верить собственным глазам!
И что бы это означало?..
«Эх, дай-ка я посплю сначала»,—
Гаван, подумавши, решил
И вновь улечься поспешил...
Но удивился до предела:
Дочь перевозчика сидела
Перед постелью, на ковре,
Вся в золоте и в серебре...
Ну, тут уж не до сна, конечно!
Гаван вполне простосердечно,
Ни гнев не выказав, ни спесь,
Спросил: «Дружок, зачем ты здесь?!
Ведь на дворе еще так рано!..»
И дева молвила Гавану:
«Узнай веление судьбы!
Отныне мы — твои рабы!
Отец мой, мать и мы — их дети...
Еще никто на белом свете
Так много счастья и добра
Нам не принес, как ты вчера...»
Гаван, решив, что это шутка,
Спросил: «Скажи-ка мне, малютка,
Что значит тот высокий дом,
Зачем так много окон в нем,
Оправленных в большие рамы,
И кто такие эти дамы?
По-моему, здесь ни одна
Не *отлипает* от окна!..»
...Дева молвила в ответ:
«О сем не спрашивайте! Нет!
Я на вопрос какой угодно
Могу ответить вам свободно,
Но здесь останусь я нема!
Вы свели меня с ума
Вопросом, заданным некстати!..»
И, севши на пол, у кровати,

Она слезами залилась.
Стенала, плакала, тряслась,
Как бы в припадке вся дрожала...
Вбежал отец. И мать вбежала.
«Дочь дорогая! Что с тобой?
Наш покровитель дорогой
С тобою пошутил, возможно,
Ну... чуточку неосторожно!
Так ты уж, право, не серчай,
На ласку лаской отвечай...»
«О нет! Погибнуть мне на месте,—
Ее я не затронул чести! —
Гаван, бледнея, произнес.—
Я только задал ей вопрос
(Хоть он остался без ответа):
Что означает башня эта
И для чего столь много там
В окнах выставлено дам?
Я этой потрясен картиной...
Вопрос, как видите, невинный...»
Но простонал паромщик: «Нет!
Смерть означал бы наш ответ!
Ведь вы не знаете последствий...
Пред вами — бедствие из бедствий!..»
Гаван сказал: «Как вы упрямы!
Коли в беду попали дамы,
Я постараюсь им помочь!..
Но вас, а также вашу дочь,
Всего вопрос поверг в смятенье.
Мне странно ваше поведенье!..»
«О господин,— паромщик рек,—
Вы, столь бесстрашный человек,
Не успокоитесь на этом!
Поскольку мы своим ответом
Невольно распалим ваш гнев.
И вы, обдумать не успев,
Без промедления, сейчас
Начнете действовать!.. Для нас,
Вам преданных и благодарных,
То было б хуже снов кошмарных.
Мы вами слишком дорожим
И оттого за вас дрожим.
Я говорю без тени фальши...»
Но рыцарь наседает дальше:

«Скажите правду, все, как есть!
Поймите: *моя* задета честь.
Прямо вас предупреждаю:
Не скажете — сам все узнаю...»
«Ну, что ж. Пеняйте на себя.
Молчать мы решили, вас любя.
Спешите запастись щитом,
Чтоб поздно не было потом!..
Узнайте же, что берег сей —
Земля чудес — *Терремарвей.*
Мы не хотим от вас скрывать,
Здесь есть волшебная кровать
Или иначе — *Лимарвей!..*
(Ах, жизнью я поплачусь своей
За разглашение секрета!..)
Таинственная башня эта,
Почти достигшая небес,—
Шатель Марвей,— в стране чудес
Волшебный замок, о котором
Давно по всем земным просторам
Молва недобрая идет...
Когда б вы знали, что вас ждет!
Пред тем, что ждет вас, все мученья —
Невиннейшие развлеченья,
Все, что вас мучило порой,
Покажется детской вам игрой.
...Нет, вы не знали до сих пор,
Что злобный чародей *Клингсор,*
Волшебник и злодей отпетый,
Страною управляет этой,
Ярмо на подданных надев...
Четыреста прекрасных дев
Вы в окнах замка увидали.
Поймите: их заколдовали!
Клингсор! Он держит их в плену!..
Ах, бéз толку его кляну,
Поскольку все *от вас* зависит!..
Иль вседержитель вас возвысит
И силой вас снабдит такой,
Чтоб доблестной своей рукой
Смогли вы изверга обезглавить,
А сами нашей землею править,
Став нашим властелином впредь...
Иль суждено вам умереть,

Причем не просто, а с позором,
И пасть во прах перед Клингсором...

. . . .

. . . .

Я предостерегаю вас:
Бывало, рыцари не раз
Сих дев освободить хотели:
Давно их замки опустели.
Из этих рыцарей боевых
Не осталось почти никого в живых!..
Горько на судьбу я сетую...
И все ж, мой рыцарь, не советую
Напрасно жизнью рисковать.
Ведь та волшебная кровать
И многие другие вещи —
Воистину зловещи!..»

. . . .

Гаван промолвил: «Но бойцу
Страшиться смерти — не к лицу!
Цель моя священна —
Вызволить из плена,
Спасти от бед ужасных
Всех этих дев прекрасных!..
Что ж! С божьей помощью! Пора!..»
...Сказал паромщик: «Вы вчера
Гевелиуса одолели.
И, может быть, на самом деле
Освободить удастся вам
Несчастных, что томятся там
И чей удел — могила...
На то дана вам сила!..
Сильнее вас я никого
Не видел, кроме одного
Бойца, в исколотых, помятых,
Необычайно красных латах:
Он их у Итера добыл,
Когда он Итера убил!..
Вот это — настоящий воин!
А я был чести удостоен
Его через поток везти:
К нам заглянул он по пути,
Куда-то торопился очень,
Был чем-то сильно озабочен
И в сущность скорбных наших дел,

Как видно, вникнуть не успел...
Итак, его я переправил...
Он пятерых коней мне оставил
В награду за мои труды...
Я на его щите следы
Весьма жестоких битв заметил.
На мой вопрос он мне ответил,
Что пятерых поочередно
(Ну, это ли не превосходно?)
Он паладинов победил,
Их покориться убедил
И в Пельрапер послал... Слыхали?
Все спрашивал он о Граале...
Такого редко встретишь... Да...»
...«Куда он поскакал?! Куда? —
Вскричал Гаван с горящим взглядом.—
Да знал ли он, что я здесь рядом?!
О предстоящей битве знал?!»
«Клингсор его не занимал,
И я избег с ним разговора
Насчет проклятого Клингсора,
Его тревогою смущен:
Он был Граалем поглощен!..»
«Жаль, мы не встретили друг друга!..
Но полно!.. Где моя кольчуга?
Кольчугу! Шлем! Коня подать!
Настало время нападать!..»

. . . .

Доспех Гавана превосходен.
И меч остер. А щит — негоден,
Пробитый в схватке боевой...
Паромщик щит приносит *свой:*
«Возьмите, может пригодиться!
Незаменимая вещица.
Порой весьма полезен щит:
Коль не спасет, так защитит!..
Да и с мечом не расставайтесь.
Пугать начнут — не поддавайтесь!..
И вот еще о чем прошу:
Зайдите в лавку, к торгашу,
Там, возле крепостных ворот...
Коль примет скверный оборот
Задуманное вами дело,
На него положиться можно всецело.

Оставьте у него коня!..
И передайте поклон от меня...»
...Гаван семейство это
За добрые советы
И помощь поблагодарил —
Им настежь сердце свое отворил...
И прочь отправился, спеша
Найти сначала торгаша,
Дабы коня ему оставить...
Я мог бы многое добавить,
Скажу, однако, кратко:
Все шло сначала гладко...
Воскликнул радостно купец:
«Ну, наконец-то! Наконец!..
Не надо мне вознагражденья:
Мы заждались освобожденья!..»
...Лежат товары на прилавке,
Пасется чей-то конь при лавке...
А наш герой, чуть поуняв
Запальчивый свой, гордый нрав,
Пешком (поймите: это — к счастью ж!)
Вошел в распахнутые настежь
Ворота замка... Ни один
Слуга ли, страж ли, паладин
Ему не встретился... Все было
Безлюдно, тихо... Все таило
В себе неясную беду...
Герой наш постоял в саду
И осмотрелся постепенно.
Его смущали эти стены:
Их осаждай хоть тридцать лет,
Надежды на победу нет.
Здесь штурм напрасен. И преступен.
Поскольку замок — неприступен!..
...Все это так... Но отчего
Не видно в окнах никого?
Исчезли женские фигуры...
По утвержденью Авентюры,
Гаван, в раздумья погружен,
Был крышей замка поражен,
Столь светлой, пестрой и прозрачной.
(Он счел ее весьма удачной,
С павлиньим опереньем схожей,
И он преклонился пред волей божьей...)

...Заметим, что ни дождь, ни град,
Ни самый сильный снегопад
Не могут повредить узорам,
Представшим перед нашим взором...
...Гаван по лестнице идет
(Как знать, куда она ведет?),
А после, длинным переходом,
Под куполообразным сводом,
Он шествует из зала в зал.
Ну, хоть кого бы повстречал!..
Все комнаты — как нежилые.
Да люди есть ли здесь живые?..
И вдруг он главный видит зал,
Где пол сверкает, как кристалл...
Вот здесь — посередине зала —
Кровать волшебная стояла.
Ее четыре колеса,
Все — вот какие чудеса! —
Из настоящего рубина!..
Необычайная картина!..
Но пол, что выложил Клингсор
Дарами всех на свете гор,
Великолепным малахитом,
Гранатом, яшмой, хризолитом,
Любое диво затмевал!..
Клингсор недаром затевал
Свершить немыслимое чудо:
Собрать в свой замок отовсюду
Богатства всех краев земли!..
Тех, что вблизи и что вдали!..
...Был до кровати шаг — не боле.
Но пол — что ледяное поле.
Чуть только по полу пройдешь,
Как поскользнешься, упадешь...
Наш друг, проникнуть в зал пытаясь,
Едва не падая, шатаясь,
До цели чуть ли не добрел!..
Но трюк волшебник изобрел:
Кровать отъехала в сторонку!
Герой Гаван за ней вдогонку!
А та — проворно — от него!..
Вот что такое — волшебство!..
Гаван решил: «Пусть это — чудо,
Но бегать я за ним не буду!..»

Присел, пригнулся он и — *прыг!* —
Он — на кровати! В тот же миг,
Как он блаженно распластался,
Необычайный гром раздался.
Пред этим грохотом слаба
Была архангела труба.
Все грохотало, все гремело!..
Хоть действовал Гаван умело
И на кровать бесстрашно лег,
Он все равно уснуть не мог.
А гром ревел, а гром ярился...
Тогда Гаван щитом укрылся...
И сжалился над ним творец,
Внезапно положив конец
Своей спасительною дланью
Немыслимому грохотанью...
...Но тут из пятисот пращей
(Губительнее нет вещей!)
В Гавана камни полетели.
Герой наш, сидя на постели,
Наверно, помер бы на ней,
Попав под этот град камней,
Но мы-то ведь не забываем,
Что щит-то был непробиваем,
И камни, что пращи метали,
О щит ударясь, отлетали...
Но вот запас камней иссяк...
И тотчас — тоже не пустяк! —
В сопровожденье странных звуков
Из страшных, смертоносных луков
Посыпались вдруг тучи стрел.
Щит не поддался! Уцелел!
Гавана стрелы не задели!..
...Наверно, мы бы поседели,
Попав в подобный переплет!..
А вот Гаван на все плюет!..
Да... Мы, прости нас, правый боже,
Мы на Гавана не похожи:
Чуть что — нас страх в дугу согнул.
А *тот* и глазом не моргнул!..
...Но вдруг здоровый мужичина
(Лицо — ужасная личина),
Обросший рыбьей чешуей,
Вошел с дубиною большой.

Нет, не с большою, а с громадной!
Вид у него был кровожадный.
Не дай бог никому из нас
С таким вот встретиться хоть раз.
Но тешит нас соображенье:
Детина-то без снаряженья,
А рыцарь со щитом своим
Пока что был неуязвим.
Лишь увидал мужик Гавана,
Отвисла челюсть у мужлана.
Орет, проклятый, пасть раскрыв:
«Того не может быть! Он жив!»
«Боюсь, ты раньше околеешь!..»
«Ничем его не одолеешь,
А только влипнешь сам в беду!
Себе дороже! Я пойду!..»
...И вдруг донесся до Гавана
Неясный грохот барабана...
Нет, барабанов двадцать штук
Тревожный издавали звук.
И в зал огромный лев ворвался.
Он бешен был: проголодался
И человечины алкал.
Клингсор его поднатаскал!
К ремням щита он лапу тянет
(А барабаны барабанят),
Щит без надежного ремня —
Почти как всадник без коня!..
Но у Гавана был недаром
С собою меч!.. Одним ударом
Он зверю лапу отрубил.
Лев не взревел! *Он протрубил*
Крик дикой, небывалой боли!..
Но, повинуясь божьей воле,
Герой Гаван решает в грудь
Льву свой булатный меч воткнуть.
И мертвым лев свалился на пол...
Он лишь немного поцарапал
Героя... Но Гаван устал
И, обескровленный, упал
На львиный труп в изнеможенье...
И к тем пришло освобожденье,
Кого, ценой утраты сил,
От колдовства освободил

Герой, сражавшийся столь лихо...
Все смолкло... Всюду было тихо,
Пока, в окно не поглядев,
Одна из горемычных дев
Своими глазами не увидала
Мертвого льва посредине зала
И лежащего рядом со львом бездыханно
Героя — отважнейшего Гавана...
Пришлось дрожащей от страха деве
К *Арниве,* старой королеве,
Бежать, чтоб поскорей принесть
Необычайнейшую весть,
Что столь же непонятна,
Сколь и невероятна...
Скажите, вы понять могли б —
Погиб герой иль не погиб,
Когда бы вы не знали
О том, что было в зале?..
Арнива же была умна.
Двум юным пленницам она
Тотчас повелела
Разведать: в чем тут дело?..
...Как девы Гавана увидали,
Они безудержно зарыдали:
«Герой убит! Он недвижим!
Но мы ему принадлежим!..»
Сим преданность они явили...
И вдруг *дыханье* уловили,
Слетевшее с пунцовых губ!..
О, перед ними был не труп!..
Едва с него доспехи сняли,
Как с упоеньем слушать стали
Слова, что спящий лепетал...
При этом с уст его слетал
Звук, на чуть слышный стон похожий...
Спаси того, великий боже,
Кто вызволил нас из беды!..
«Скорей,— кричат,— воды! Воды!..»
Ему уста они разжали
(Алые губы его чуть дрожали).
Воды студеной влили в рот...
Но... Дальше слушайте!.. И вот
Глаза его раскрылись ясные.
Он видит: женщины прекрасные

Столпились около него
И все благодарят его
За возвращенную свободу...
Кто свежую приносит воду,
А кто — целительную мазь,
Чтоб смог скорей подняться князь
После невообразимых пыток...
Арнива сварила ему напиток,
Найдя целительную травку,
Чтоб дело быстрее пошло на поправку...
Герой с охотой пил и ел
И, пристально весьма, смотрел
На дев, чей облик был чист и светел...
Но Оргелузу свою он не встретил...
...О, как его благодарили!
Чего ему только не говорили!..
Но снова погрузился он
В целебный, благодатный сон...

XII

Кто спящего даром побеспокоит,
Великим позором себя покроет.
А тот, кто, *здесь* лежа, глаза смежил,
Воистину отдыха заслужил!..
Свидетельствует Авентюра,
Что отпрыск Лота, племянник Артура,
Хоть совершенно изнемог,
Славу свою преумножить смог!..
Мне даже сравнивать неохота
Дела его с подвигами *Ланцилота...*
Признайтесь сами: неужель
Известный вам всем король *Гарель*
Отвагой рыцарскою сравнится
С тем, кому сейчас так сладко спится?..
Ах, если б множество тех стрел,
От коих он столько перетерпел,
Собрать да взвалить на мула,
Животное б к земле пригнуло!..
Что там *Ивэйн?* Что там *Эрек?*
Иль полководец *имярек?..*
О господи, не стану
Прекрасному Гавану
Кого-то противопоставлять:

Зря только раны свои растравлять.
Ведь, победив в ристанье,
Душевные страданья
Мой славный рыцарь не избыл!
Увы! *Страдая,* он любил.
И сердце его не покидала
Та, что вершиной идеала
Для друга нашего была:
Оргелуза, источник зла!..
Подумайте только, что творится!
Способна ль вправду уместиться
Большая женщина в крохотном сердце?
Через какую такую дверцу
Она к Гавану в сердце вошла
И как дорожку туда нашла?..
Держать не стану я в секрете:
Дела проделывает эти,
Конечно, госпожа Любовь!..
Я с нею в спор вступаю вновь,
Хоть этот спор не мной навязан.
...За что так мучиться обязан
Наивернейший ваш слуга?
Жизнь всем, конечно, дорога,
Однако *вы* ему дороже!..
(Как дети на отцов похожи! —
Любовью жил бесстрашный Лот!..)
А разве юный *Илинот,*
Гавана родич, не был вами
Загублен при служенье даме?..
Ах, госпожа Любовь, зачем
Вы досаждаете нам всем
И наше губите здоровье?..
И эти капли алой крови
Я не припомнить не могу,
Что на белеющем снегу
Перед очами Парцифаля
Напоминанием предстали
О горестной *любви к жене...*
А смерть принявший на войне
Гамурет — его родитель —
Он разве был не *ваш* воитель?
Иль он погиб не из-за вас?!
...Пусть вам припомнятся сейчас
Гаван и все его родные!..

Прекраснейшая *Итония* —
Гавана дивная сестра.
Она чиста, умна, добра,
Как в вихре бешеного танца
Кружилась из-за *Грамофланца*,
Известного средь королей...
Вы были милостивы к ней?!
Сестра другая — *Сурдамур*...
Ее ли не сгубил Амур,
Влюбивши ее в Александра-царя,
Пред коим рассветная гаснет заря.
Вы всех терзали, всех казнили...
И вот острейшую вонзили
Стрелу в израненную грудь!..
Могу ли вас не упрекнуть
В преступной черствости к Гавану?!
Нет! Обвинять вас не устану...
...Поет Любовь избранник музы!..
Но бедный пленник Оргелузы,
Изведав злую вашу власть,
Навек вас должен был проклясть!..
Как много он стерпел лишений,
Одной из ваших став мишеней!..

. . . .

Ночь миновала. Рассветает...
Свечного света не хватает
Для состязания с дневным!..
...Гаван движением одним
Смахнул с себя оцепененье...
В окно вливалось птичье пенье.
И наш приятель ощутил
Прилив могучих свежих сил.
Затем он произнес тихонько:
«Однако же я спал долгонько!..
Но боже! Вот чему я рад!..»
Лежал новехонький наряд
Взамен его одежды грязной,
Забрызганной и безобразной,
Изодранной когтями льва...
Переодевшись, он сперва
Прошелся медленно по залам,
Любуясь блеском небывалым,
Хоть во дворцах живал не раз...
Хрусталь, рубин, смарагд, топаз

Чудесно стены украшали.
Каменья словно бы дышали
Средь беломраморных колонн...
Вдруг, потрясенный, видит он
Большую башню из камней,
Пылавших тысячью огней,
Переливавшихся, сверкавших,
Необъяснимо отражавших
В его обличии живом
Тот мир, в котором мы живем.
Увидел он моря и горы,
Разливы рек, полей просторы,
Луга и тучные стада,
Затем увидел города,
Где улицы, дома и люди...
Конечно, о подобном чуде
Гаван и помышлять не смел...
Признаемся: он онемел...
Но престарелая Арнива
И королевы дочь — *Сангива*
В сопровожденье юных внучек
(В глазах у каждой — солнца лучик)
Спешат к герою моему
С желанием внушить ему,
Что, хоть была пустяшной рана,
С постели подниматься рано,
Что надобно себя беречь
И всеми делами пока пренебречь,
Чтоб ране вновь не отвориться...
«О госпожа и мастерица,—
Гаван в ответ проговорил,—
Весь век бы вас благодарил!
Вновь приведен я в чувство —
То ваше сделало искусство!
Вас сам господь ко мне призвал!..»
«Так ты *мастерицу* во мне признал?
И благодарен мне безмерно?..
Ну, что же. Коли это верно,
Тебя хочу я обязать
Их, всех троих, облобызать...
Все трое — королевской крови...»
Он тотчас же, не прекословя,
С охотой выполнил приказ
И (говорю вам без прикрас)

Почувствовал выздоровленье,
С чем он и принял поздравленье...
И все ж глазами ищет он
Ту чудо-башню средь колонн
И страстно молит, чтоб Арнива
Сего не убирала дива...
...Она сказала: «Ну, так и быть.
Все, что можешь увидеть, увидь!» —
И пальцем ему погрозила...
И башня отразила
(Уж так была она устроена)
Прекрасную деву и гордого воина,
Которые мчались галопом
Сквозь лес, по запутанным тропам...
Правила дева горячим конем,
А рыцарь пылал благородным огнем,
И, чувствуя жаркое жженье,
Он, видимо, рвался в сраженье...
...О, если бы башня ему солгала!
Той девой — увы! — Оргелуза была,
И вид ее был так прелестен...
А рыцарь? Он нам неизвестен.
Я говорю: неизвестен *пока*.
Еще мы с ним встретимся наверняка.
Однако томить вас не стану —
Вновь возвращаюсь к Гавану...
Он молвит: «Там— рыцарь, я вижу его,
Торопит куда-то коня своего,
Воздевши копье боевое,
Он хочет рискнуть головою...
Ну, что же, коль хочет рискнуть, пусть рискнет!
Мое копье его проткнет!..
Не вы ли мне силы придали?..»
...Все четверо зарыдали:
«Мы не враги вам, а друзья.
Сражаться вам еще нельзя.
Вы не оправились от ран.
А этот паладин — *Флоран*,
Доселе был непобедимым,
О чем считаем необходимым
До вашего сведения довести,
Чтобы образумить вас и спасти...
Но будь вы даже вполне здоровы,
Сражаться вам смысла нет никакого,

Тут мнений быть не может двух,
Несмотря на ваш славный рыцарский дух,
И вы нам, пожалуйста, поверьте...
В случае вашей геройской смерти
Немедленно казнят и нас,
Которых ваш меч благородный спас...
И даже в случае *вашей* победы
Всех ждут ужаснейшие беды:
Под тяжестью железных лат
Вновь ваши раны закровоточат,
И, к торжеству себя готовя,
Умрете вы от потери крови!..»
...Как быть?.. Герой не хочет ждать!..
Он просит женщин не рыдать
И, обратив молитву к богу,
Собирается в дорогу,
Свой долг Любви отдать спеша...
...И вот Гаван у торгаша,
Где Грингульес покорно пасся,
Чтобы его хозяин спасся!..
Теперь — вперед — к другому дому,
К тому паромщику седому,
Который, как назначил рок,
Его переправил через поток...
Седой паромщик снова
Принял его как родного
И дал копье герою длинное,
Как тот волшебный щит — *старинное!..*

. . . .

И снова наступает срок
Переправить Гавана через поток.
Гаван еще слаб, Гаван еще болен,
Но разве рыцарю позволен
Трусливой слабости позор?!
Итак — всему наперекор!..
...Сын достославнейшего Лота
Сшиб супротивника с налета.
Не поднимая головы,
Средь блещущей росой травы,
Лежал он, сброшенный с коня
Толчком *старинного* копья,
И в безнадежнейшем положенье
Свое признал он пораженье...

. . . .

Гаван с паромщиком расстался.
Старик в обиде не остался,
Взамен волшебного копья
Забрав у рыцаря коня.
Однако, рассуждая здраво,
Старик имел на это право,
Гавана одарив щитом,
Копьем снабдив... Но не о том
Сейчас поговорить охота,
А о другом!.. Как сына Лота
Надменная Оргелуза встретила
И чем на восторги его ответила...
Итак, на Гавана она взирает:
«Вас, вижу, гордость распирает.
Вы возомнили о себе,
Что вы — герой!.. Но лишь судьбе
Слепой обязаны удачей!..
Однако нрав у вас горячий,
Не то б смогли вы сплоховать,
Попав в волшебную кровать!..
Ого! Вы даже льва убили!..
Но — полно! Разве вы забыли:
Вас в замке *ваши дамы* ждут,
И нечего вам делать тут!..
Иль, как вы сами говорите,
Вы, рыцарь, все еще горите
Любовью пылкою ко мне?..»
Гаван вскричал: «Я весь в огне!
Победный меч *вы* мне вручили!
Раны мои *вы* залечили!
Меня *ваш* светлый образ спас!
И жить я не могу без вас!..»
«Ну, что ж! Тогда поскачем вместе
Во имя Доблести и Чести.
Но нелегко придется вам...
Предупредите *ваших дам!..*»
Исполнен трепета священного,
Гаван направил в замок пленного,
Который предал все огласке...
У многих увлажнились глазки.
«Надежда наша, наш оплот,
Пусть радость господь тебе ниспошлет,
Пусть, нашему внимая плачу,
Бог ниспошлет тебе удачу!

Рыдать мы будем целыми днями
Из-за того, что расстался ты с нами!..»
...Сказала мудрая Арнива:
«Вот роза-то на вид красива,
Да больно колются шипы!
Ах, со спасительной тропы
Сошел наш друг, с дороги сбился.
И в сердце шип ему вонзился,
Хоть роза радует глаза.
О, да минует его гроза!..»
В волшебном замке, в дивном зале,
Навзрыд четыреста дев рыдали,
И этот плач не унимался...
...Меж тем герой за славой гнался...
С любимой встретившись, Гаван
Забыл про боль *телесных* ран.
Отныне дух его и разум
Поглощены ее приказом:
«Во избежание позора
Вы проберетесь в сад Клингсора,
Чтоб для меня венок сплести
И мне в подарок преподнести,
Любой — вы слышите? — ценою!
И будете любимы мною!..»
Промолвил Гаван: «Я в тот сад войду,
Все пересилю, любую беду,
Но венок на вас надену —
Высокую вы назначили цену!
Ведь за любовь и жизнь отдашь!..
Знайте: до самой смерти я — ваш!..»

. . . .
. . . .

Но вот невдалеке от сада
Они услышали шум водопада,
И хоть уже цель была близка,
Ее отделила от них река...
Оргелуза сказала: «Я буду здесь ждать...
За любовь собирались вы жизнь отдать,
Но жизни вашей мне не надо,
А, напротив, я была бы рада,
Если бы, дорогой дружок,
Вам удалось в один прыжок
Эту реку перепрыгнуть
И волшебного сада Клингсора достигнуть.

Тогда бы воистину то сбылось,
Что никому из рыцарей не удалось.
И вы бы *меня* получили в награду!..»
Они подъехали к водопаду...

. . . .

И герой Гаван изо всех своих сил
Шпоры коню в бока вонзил,
И конь только черною гривой тряхнул —
И через реку перемахнул
Одним, как говорится, махом...
А Гаван и не соприкоснулся со страхом...
...И все же, хоть конь казался крылатым,
Прыжок оказался коротковатым.
Коня и всадника поток
Вниз по течению поволок...
...Несчастнейшая герцогиня
(Куда подевалась ее гордыня?)
Стенает, льет слезы, ломает руки
Потому, что не выдержишь этой муки,
Когда должно взирать твое око
На то, что уносит вода потока
Кого-то по *твоей* вине...
...(Оргелуза сгорала в любовном огне...)

. . . .

Между тем Гаван, уцепившись за ветку
(Чудеса происходят не так уж редко)
И ловко орудуя копьем,
На сушу выбрался вместе с конем...
...Вскоре, не страшась засад,
Гаван проник в заветный сад
И листьев нарвал, сплел чудесный венок
И решил, что он в мире не одинок...

. . . .

Он спешил к любимой. Он был влюбленным...
Вдруг какой-то рыцарь в плаще зеленом
Появился невдалеке
В дивной шляпе и с ястребом на руке...
Рыцарь был без оружья, без снаряженья.
Но, однако, не скрыл своего раздраженья.
На поклон Гавана отвесив поклон,
С добрым утром пришельца приветил он
И спросил хоть и грозно, но не лукаво:
«Где, скажите, вы взяли такое право
Здесь ломать деревья, венки плести?!

Я не в силах этого перенести...
Оргелуза, конечно, вас подослала...
Сколько рыцарей гибнет, а ей — все мало!..
Но не бойтесь, дорогой господин,
Я ни с кем не сражаюсь *один на один,*
А люблю рисковать головою:
Я — один, а противников — *двое.*
Иногда я, один, вызываю *троих*
И пока что всегда побиваю их!..»
...Пробежал по спине Гавана холод...
Говоривший с ним не был ни стар, ни молод,
Королевской осанкою поражал...
Гаван его слушал, не возражал,
Он и сам поединок считал здесь ненужным:
Незнакомец-то был *безоружным!..*
Но Гаван был уверен, что час придет —
И поединок меж ними произойдет!..
Затем незнакомец сказал Гавану:
«Лишь с одним я драться стану
Один на один, лицом к лицу,
Чей отец моему дорогому отцу
Нанес однажды смертельную рану...
Я отмстить обязан Гавану!..
Может быть, вы слыхали о том,
Что Гаван у Артура за Круглым столом
Средь любимцев его пребывает!
В жажде мщенья душа моя изнывает!
Я — король *Грамофланц!..* Обет мною дан
Отмстить за отца!..» И отважный Гаван
Отвечает такими словами:
«Отпрыск Лота, *Гаван* перед вами!..
Я готов хоть сейчас поединок начать,
До конца за отца моего отвечать,
С безоружным лишь драться не стану!..»
...«О, неужто я вижу *Гавана?!* —
Грамофланц с удивлением произнес.—
Ты мне боль причинил и усладу принес...
Поединок с тобою начни я —
И отвергнет меня *Итония!..*
Обещай перед тем, как сраженье начать,
Итонию, сестру твою, в жены отдать
Мне, кто любит ее больше жизни самой!..»
«...Так жестоко, так злобно шутить надо мной
Вам, король Грамофланц, не пристало:

Итопия бесследно пропала!..
Много лет не могу отыскать ее след,
И надежды на это, мне кажется, нет,
И откроется правда не скоро!..»
«...В заколдованном замке Клингсора
Итония любимая мною живет!..
Да! Она меня любит! Она меня ждет!..
Знай же: господу было угодно —
Итония отныне свободна!
Говорят, что умер волшебник Клингсор!..
Неужели все эти слухи — вздор?!»
Гаван спешит с ответом:
«Я был сегодня в замке этом,
Переходил из зала в зал
И только не подозревал,
Любви отравлен ядом,
Что Итония — рядом!..»
«Как? Ты в волшебном замке был?!
Так это *ты* освободил
Четыреста дев из Клингсорова плена?!
Да будет имя твое священно! —
Воскликнул Грамофланц-король.—
Тогда еще с одной дозволь
Нижайшею просьбой к тебе обратиться:
В Клингсора замок возвратиться,
Чтоб Итонию повидать
И ей колечко передать!..»
...И Гаван отвечает такими словами:
«Когда же мы сразимся с вами?
Кольцо сестре я передам,
Но *кровь* свою я должен вам...»
...«Во имя той, кто мне всех родней,
Мы встретимся через шестнадцать дней,
С сегодняшнего дня считая,
То воля господа святая!..
В долине, возле Иофланца
Битва Гавана и Грамофланца,
Я полагаю, соберет
Прекрасных дам, благородных господ.
Мы, как на праздник, их созовем,
Знамена мы свои взовьем.
Король Артур к нам в гости прибудет.
И спор отцов наших кровь рассудит!..»
. . . .

Вновь переправившись через поток,
Гаван Оргелузе вручил венок.
Она к ногам его припала,
Слова благодарственные шептала.
Он целовал ее в уста,
Но молвил: «Святостью *щита*
Помыкать не смейте!..
Хоть целый мир осмейте —
И все ж одна *святыня* есть:
Это — рыцарская честь.
За что же вы над ней глумитесь?..»
...«Мой доблестный, любимый витязь,
Простите, грешницу, меня...
Судьбу жесточайшую кляня,
Любви я вашей недостойна.
Но выслушайте меня спокойно...
Когда-то, не изведав зла,
Я тихой скромницей была
И только всем добра желала,
Покуда ненависти жало
Не тронуло груди моей...
Один из здешних королей,
Грамофланц по имени,
Лишил моей любви меня,
Убив того, кто был мною любим,
Считался женихом моим,
Дабы остатний путь земной
Прошли мы вместе: муж с женой.
И вот, когда погиб мой князь,
Торжественно я поклялась
Своей загубленной любовью
Мстить рыцарскому сословью!..
Кто бы в любви ни клялся мне,
Был обречен в могильном сне
На веки вечные забыться...
Я своего смогла добиться!..
Вы — первый, первый среди них,
Кто — слава господу! — в живых,
На радость мне, остался...
И отныне с мщеньем мой дух расстался...
...Примите же, рыцарь, мою любовь.
С вами и я воспряла вновь...

. . . .

Но теперь я вам тайну тайн доверю.
Ужасную познав потерю,
Я долго думала: как мне быть,
Чтоб короля Грамофланца убить?..
Его я требовала крови!
И это страшное условье,
Мой столь безжалостный призыв,
Меня безумно полюбив,
Король Анфортас принял некий...
Об этом бедном человеке
Я вспоминаю иногда:
Из-за меня — его беда...

. . . .

Без мщенья жизнь мне сделалась постыла.
С Клингсором в заговор я вступила,
Чтобы добиться торжества
Хотя бы с помощью колдовства...
Все было зря. Все было тщетно...
Летело время незаметно,
И я, исполненная зла,
Все лишь отмщением жила...
И никого я не любила,
Влюбленных рыцарей губила...
Ах, кто сюда бы ни попал,
Любовью страстной ко мне пылал
И сразу после объясненья
Уж мог не надеяться на спасенье!..
И, помню, только одного,
Кто не сказал мне ничего,
Полюбила я когда-то...
Он, видимо, спешил куда-то,
О чем-то думал все и молчал,
Меня почти он не замечал...
Ходил он в ярко-красных латах...
Решив, что он — из неженатых,
Я вспыхнула любовью вдруг...
Не осуждайте меня, мой друг,
Но в том, кого я полюбила,
Была таинственная сила...
Он верных стражников моих
(Один пошел на пятерых!)
Взял в плен вот здесь, на переправе,
Хотя ничуть не рвался к славе...
Паромщику отдал он их коней...

И я полюбила еще сильней...
Наверно, никем я так не дорожила,
Но когда я все ему предложила:
И замок свой, и владенья свои,
И весь жар нерастраченной, юной любви,—
Он молвил голосом печальным:
«Поверьте, в Пельрапере дальнем
Ждет меня королева, что мной
Навеки избрана женой.
А сам зовусь я Парцифалем.
Не вами, а святым Граалем
Всецело разум мой поглощен!..
Мой грех!.. Он будет ли мне прощен?..»
Скажите, что же это было:
Я недостойного любила,
И вы разлюбите меня,
Безумие мое кляня?!»
...Гаван ответил: «Не казнитесь!
Достойнейший, честнейший витязь
Вас, благородная, привлек!..
Ах, где он? Близок ли? Далек?
Я сам ищу его повсюду
И вас не только корить не буду,
А — в этом торжественно клянусь —
Пред вашим чувством преклонюсь!..
...Теперь скажу о Грамофланце:
На плацу, при Иофланце,
Я, в том себя надеждой льщу,
На поединке отомщу
Тому, кто принес вам столько боли!..
Через шестнадцать дней! Не доле!..»
...И к замку вместе они поскакали,
И влюбленным взором друг друга ласкали,
И ни для нее, и ни для него,
Кроме них, в мире не было никого!..
...Но вот показались зубчатые стены,
И Гаван промолвил: «Непременно
Должны мое вы имя скрыть
И никому не говорить,
Кто я такой, иду откуда —
Так надобно покуда...
Во имя спасенья своей сестры
От посторонних до поры
Свое я имя скрою...

...Увидевши героя,
Кто льва волшебного одолел,
Весь замок восторженно загудел,
Все рыцаря встречали,
И крики радости звучали.
И даже воины Клингсора
Восторженного взора
Не захотели отвести
От рыцаря, кто смог спасти
Дев столь прекрасных, сколь и невинных,
Когтей не убоявшись львиных...
Да, с незапамятных времен
Так много флагов и знамен
Над башнями не вилось...
Все пело, веселилось...
Паромщик с дочерью младой
С напитками прибыли и с едой...
По приглашению красотки
Гаван и Оргелуза к лодке
Вдвоем торжественно пошли
И там бочонок с вином нашли.
Бочонок был прозрачный —
Подарок для новобрачной!
Отказа не было в еде!..
Плыли они по синей воде,
Закусывая вкусно —
Все было преискусно!..
Плыли влюбленные вдвоем,
И о ранении своем
Гаван и думать позабыл,
Ту обретя, кого он любил!..
Прекрасным было их возвращенье,
Отменным было угощенье,
Волшебный замок пировал:
Гаван всем свободу даровал!..
Пир приготовила на диво
Многомудрая Арнива.
И получил Гаван гонца —
Весьма проворного юнца...

. . . .
. . . .

Покуда в зале громыхал
Веселый, пестрый, шумный бал,
Покуда в этом зале

Рыцари с дамами танцевали,
Гаван с пергаментным листком
Из зала выбежал тайком,
Чтоб написать Артуру тайно
Послание, важное чрезвычайно.
(Он, откровенно говоря,
Учился грамоте не зря:
Не было в записке
И крохотной описки.)
«Гаван, племянник ваш и вассал,—
Он в возбуждении писал,—
Вам кланяется низко...—
Так начиналась его записка.—
И хоть не на одной войне
Я дрался в дальней стороне,
Я вас не забываю...
Сейчас я пребываю
В том самом замке, где Клингсор
Был властелином с давних пор
И где (по различным причинам)
Я стал отныне господином
С женой возлюбленной моей...
Однако через шестнадцать дней
Под знаменитым Иофланцем
Со знаменитым Грамофланцем
Мне поединок предстоит!..
О, пусть господь меня простит!..
Ввиду сего событья
Жду вашего прибытья
В сопровождении двора...»
И молвил он гонцу: «Пора
В дорогу собираться!
Не так легко добраться!..»
...Едва гонец успел уйти,
Его повстречала на пути
Премудрая Арнива,
Спросила торопливо,
Куда он послан и зачем,
Но мальчик оставался нем,
Не мог он секрета выдать чужого
И поэтому не проронил ни слова...
Любимым послан господином,
Спешил он к Артуровым гордым дружинам...

XIII

А во дворце тимпанов звон
С летящими со всех сторон
Восторга возгласами смешан...
По стенам не один развешан
Дар величайших мастеров...
Великолепие ковров
Красой узоров привлекало...
Здесь все искрилось и все сверкало...
Ну, а мягчайшие сиденья —
Сидел на них бы целый день я!
А кубки, полные вина!..
...Послеобеденного сна
Час благодатный миновал...
Дам бесконечно волновал
Вопрос: в каком наряде явится
Тот, кто такою отвагой славится?..
Вот распахнулась дверь... Он входит,
Горящим взором дам обводит,
Волшебный излучая свет
(Он в золотой камзол одет)...
Подходит к Итонии прямо
(Уязвлены другие дамы),
Берет ее под локоток
И тихо отводит в уголок,
Молвит ей: «Вы так невинны!
Неужто же в груди мужчины
Успели вы любовь разжечь
И тем его не уберечь?»
...Она хитровато сказала: «Что вы?!
Досель с мужчинами ни слова
Я даже не произнесла.
Сама судьба меня спасла
От с ними всякого общенья.
И, признаюсь, не без смущенья
Я с вами — первым — говорю...»
Гаван кивнул: «Благодарю...—
И молвил: — Значит, вам неведом,
Кто благодаря своим победам
Любовь и славу завоевал?!
Он *ваше сердце миновал?..»*
Итония отвечает:
«Вопрос ваш, стало быть, означает —

Люблю иль не люблю я *вас*,—
Пока что рыцарей у нас
Вам не встречали равных,
Столь молодых и славных...»
«А вы знакомы с Грамофланцем?»
...Лицо ее вспыхнуло румянцем,
Затем покрылось все белизной...
Гаван сказал: «Прошу, со мной
Говорите откровенно...
Нас не услышат даже стены...—
И он ей посмотрел в лицо.—
Я вам привез от него кольцо!..»
...При виде этого подарка
Ей стало холодно и жарко,
Шепчет она, как бы в огне:
«То я — ему, а то он — мне
Колечко это посылаем...
Любовью друг к другу мы пылаем
И — вам известен ли наш секрет? —
Друг другу нашу любовь и привет
Передаем с колечком этим...»
(Гаван не гневался, заметим...)
«О господин,— сказала дева,—
Я не заслуживаю гнева...
И все же виновна я в одном —
В греховных мыслях... Только сном
Все это было... Снилось мне,
Что в заповедной тишине
По дивной воле *высших* сил
Он получил то, что просил
И что, любя его без предела,
Я только ему отдать хотела...
И стали мы неразлучны отныне...
А Оргелузу-герцогиню
Я ненавижу всей душой.
Грех совершила я большой...
Вы, появившись в этом зале,
Всем облобызаться с ней приказали...
Так, исполняя ваш приказ,
Я согрешила в первый раз —
Сколь мерзок поцелуй иудин!
(О, ваш приказ был безрассуден.)
Сей поцелуй мне губы жжет,
И все во мне бесстыдно лжет:

Лжет рот, лгут губы, лжет все тело!..
Так слушайте! Поправьте дело!
Готова к вашим припасть стопам,
О доблестный рыцарь! Служите *нам!*
Ваш ум столь гибок, дух столь отважен!
Ваш каждый совет нам будет важен!..»
...Зачем не молвил наш герой:
«Узнайте же! Мы — брат с сестрой!»?
Скрывая это так упорно,
Виновен мой Гаван бесспорно.
За многое его ценю,
А здесь — прощенья нет! Виню!..

. . . .

Но вот и пир!.. Что снег белы,
Покрыли скатерти столы,
Они у левой стены стояли
Для дам, находившихся в этом зале
(Поскольку так повелел Гаван)...
Вот Лишуа... За ним — Флоран
В волшебном зале появился...
(Так Гаван распорядился.)
...Вдоль правой стены сидели чинно
За длинным столом одни мужчины,
А слуги вносили за блюдом блюдо,
И все это было похоже на чудо...

. . . .

Уж к вечеру начал клониться день,
Уже на замок пала тень,
Уже завели в темном небе танцы
Ясные звезды — ночей посланцы,
Уже — едва настала тьма —
Гостеприимные дома
Всё — от дверей и до объятий —
Раскрыли для прибывших ратей...
...Уже вносили свечи в зал —
Темный вечер наступал,
И все ж вносили их напрасно!
Бессильна тьма и безопасна,
Поскольку Оргелузы лик,
Сияя, в сумраке возник
И дивных глаз ее сиянье
Тьму сокрушило до основанья...
И это правда: свет очей
Могущественней тьмы ночей!..

...Все было так на самом деле.
И у гостей глаза горели
Желаньем, страстью молодой.
Я думаю, что не водой
Такое гасят пламя,
Изведанное всеми нами...

. . . .

И наш герой Гаван *пылал* —
Горящий взгляд *ей* посылал...

. . . .

Да, пламя глаз и жар речей
Порой заменят нам свет свечей.
Их свет воистину *не нужен!*..
...Но вот уже закончен ужин,
Достойный всяческой хвалы,
И вот уже убраны столы,
И герой Гаван, не без улыбки,
Дал знак... И заиграли скрипки
Необычайнейший мотив,
В котором — жизнь, любовь, порыв!..
О, этот сладостный, огненный танец
На лицах зажигал румянец,
В сердцах надежду возбуждал,
Слова высокие рождал...
О, музыки волшебной звуки!
Жаркие в пожатьях руки!
О, ночь любви! О, сердца трепет!
Робких уст невнятный лепет —
Клятвы в страсти неземной!..
(Все это было и со мной...)

. . . .

Но что Гаван?.. А он прижался
К своей любимой... Приближался
Тот незабвенный, заветный час,
Который бывал у всех у нас,
Когда рука сжимает руку
И счастье вызывает муку
В огне высокого порыва...
...Тут многомудрая Арнива
Сказала: «Господин Гаван,
Вы не оправились от ран!..
Вам отдохнуть пора в постели
И до утра прервать веселье.
Еще, мой рыцарь, вы больны

И крепко выспаться должны.
Возможно, милая герцогиня,
Исполненная благостыни,
Сиделкой, не смыкая глаз,
Ночь скоротает подле вас?..
Так что ж молчите вы? Спросите?
А коль откажет, попросите
Об этом... ну, хотя бы меня —
Ваш сон постеречь до начала дня...»
...«О, не тревожьтесь, королева,—
С улыбкою сказала дева,—
Уж позабочусь я о том,
Чтоб сон его был добрым сном...
И после моего *ухода*,
Еще до моего ухода,
Надеюсь, будет он здоров!..
Желаем вам приятных снов!..»

. . . .

И в комнате дворцовой, дальней,
Которая им стала спальней,
Покрывалами белели
Две удивительные постели...
Арнива, перед тем как выйти,
Еще раз сказала: «Помогите
Больному, чтобы здоров он стал
И сладко эту ночь проспал.
И помните, что пламя —
Под этими бинтами,
Которыми перевязаны
Раны, что мазью целебной смазаны...»

. . . .

Она ушла, закрывши дверь.
И, к сожалению, теперь
Повествование прерываю,
Хоть искренне подозреваю,
Сколь интересно вам узнать
О том, что непристойно знать!..
Нет, мы достоинства своего не уроним
И не расскажем посторонним
Подробности того, что было,
Когда влюбленных ночь соединила...
Я ничего не расскажу,
Страшась обидеть госпожу,
Открою лишь, что благотворен

Был истинно целебный корень,
Который все недуги снял...
(Кто этот корень принимал,
Сам по себе наверно знает:
Сие лекарство помогает!
Умей лишь пользоваться им!..)
...Итак, скорее поспешим
С героем нашим утро встретить,
Но предварительно заметить
Считаю здесь необходимым:
Ночные бдения с любимым
(Хоть тысячу ночей подряд!..)
Ничуть здоровью не вредят!..

. . . .

Так безо всяких забот пролетели
Две распрекраснейшие недели.
Шла ночь за ночью, шел день за днем,
Мешаясь в празднике *одном.*
Конца нет играм да гуляньям!..
Но вот однажды, утром ранним,
Когда, влекомые покоем,
Все разбрелись по своим покоям,
Сидели в нише у окна,
В которое была видна
Река в подножии обрыва,—
Гаван сидели и Арнива,
И рыцарь королеву-мать
С почтеньем просит рассказать,
Как замок сей Клингсор построил,
И как он *это все подстроил,*
И главное,— о том и речь! —
Как смог он стольких дев завлечь,
Не дав им выбраться отсюда?
Как совершил он все это чудо?..
Арнива, хоть и была седой,
Дух сохранила весьма молодой
И непосредственность девичью,
Что не пошло во вред величью...
Она промолвила в ответ:
«Ну, чуда тут большого нет
В сравнении с чудесами теми,
Что происходят в наше время,
И что свершал Клингсор не раз,
Как у других, так и у нас...

Во многих землях он известен...
Конечно, твой вопрос уместен:
Как он нас всех завлек сюда?..
Но такое случается иногда:
И сманивают, и уводят,
И до безумия доводят,
И держат хуже чем в плену
Даже законную жену!
Любовь порой приносит горе...
Но расскажу тебе о Клингсоре...
В самом Неаполе рожден,
В Терра де Лабур он сел на трон...
Он — отпрыск вполне знаменитых фамилий.
Дед его — неаполитанец *Вергилий* —
Чуть ли не с детства волшебником слыл,
Да, он великим кудесником был...
Клингсор же в Капуе был князем
Благодаря своим тайным связям...
Но князя юного манила
Не власть, не рыцарская сила,
А лишь объятья баб дурных...
Он сутки проводил у них...
За кем он только не волочился?
У него рассудок помрачился!..
Когда бы видел ты его!
Хотел он только *одного,*
Считая *это* высшим благом!
И ради *этого* стал магом,
Чтоб не было ни разу
Его домогательствам отказа...
Гнев всех мужей Клингсор навлек...
Но тут содержится намек
На некое его *отличье.*
Однако требует приличье
Нам этот обойти предмет...
А впрочем, почему бы нет?..
Я расскажу тебе все, что знаю...
В Персиде, я припоминаю,
Нет, нет, не в Персиде, а в Калот-Эмболот
Один король принес ему много хлопот.
Клингсор спал с его женой!
И король, явившись в час ночной,
Застал любовников в постели.
Те и подняться не успели,

Как сталь сверкнула и — долой
То, чем любовник удалой
Пред женщинами похвалялся!..
С тех пор Клингсор скопцом остался
И сделался безмерно зол!
О, сколько он понаделал зол!
Лишь злом душа его дышала,
Все доброе ему мешало.
Став непригодным для любви,
Он, с жаждой мщения в крови,
Употребил свое искусство
На убиенье в людях *чувства,*
И в заточенье держит он
Тех, кто любим и кто влюблен.
И в этом для него едины
Как женщины, так и мужчины.
Средь наших бедных полонянок
Язычниц ты и христианок
Одновременно встретить мог...
Да, всех он запер на замок,
И мы надеемся отныне
Сказать «навек прощай!» чужбине
И разбежаться по домам...
Отчизна греет сердце нам,
А на чужбине сердце стынет...
Тот, кто родину покинет,
Найти обратный должен путь!..
Прекрасна *возвращенья* суть!..
О, тот, кто землею и звездами правит,
Пусть нас, идущих домой, не оставит!..
Любимую дочь рожает мать,
Дабы дочери матери матерью стать.
Льды происходят от воды,
И опять водой становятся льды.
Была я в радости взращена
И к радости буду возвращена.
Так плод всегда порождает плод,
К брегам отрады ладья плывет,
И кто понимает мой намек
От брега блаженного недалек...

. . . .

Давно когда-то выпал мне
Счастливейший жребий... В моей стране
С дочерью моею вместе

Была я большой удостоена чести,
Любви и верности благородной...
Была королевою я народной:
Ко всем справедлива, со всеми добра,
Любому страждущему — сестра...
Одною мыслью теперь я живу,
Добраться дó дому наяву,
Навек распрощавшись с чужбиной постылой...
Лев побежден твоею силой,
Волшебная усмирена кровать,
Тебя по праву называть
Мы можем нашим господином...
Так возвратиться домой разреши нам,
Выпусти на волю нас!..
Ответствуй, близок ли этот час,
Когда вновь сына обниму,
Когда к груди своей прижму
Высокородного Артура?..»
И, как повествует Авентюра,
Великое свершилось диво:
Сын благороднейшей Арнивы,
Король Артур издалека
В Шатель Марвей свои войска
Вел, получив письмо Гавана...
Мой господин Гаван нежданно
Увидел множество флажков —
Цвета Артуровых полков.
Под солнцем весело блистали
Кольчуги и мечи из стали.
При каждом рыцаре лихом
Скакала прекрасная дама верхом,
И вскоре, в шахматном порядке,
Были расставлены палатки
И королевские шатры,
А также зажжены костры
И флаги подняты высóко
На левом берегу потока...

. . . .

Гавана радость распирала:
Нет, *куртуазия* не умирала!
И верность рыцарству жила,
Как бы порой ни тяжела
Бывала рыцарская доля...
...Итак, посередине поля,

На левом берегу реки,
Артуровы расположились полки;
В долину Иофланца
Пришли войска бретанца...
...Тут дорогой господин мой Гаван,
Хоть в гости он пока не зван,
Решает распорядиться
Четырем приближенным своим разрядиться.
Обдумав хорошенько,
Он маршала, затем мундшенка,
Конюшего и камергера берет
И устремляется вперед!..
...С великим множеством даров
Он близ Артуровых шатров
Велит остановиться,
А маршалу велит явиться
К королю Артуру самому,
С почтеньем доложив ему,
Что здесь — пусть не тревожится —
Гавана лагерь расположится...

. . . .

Рано утром, лишь проснулись,
Артур увидел: потянулись
Гости дражайшие к нему
(Теперь-то знал он, что к чему).
О, как они отважны, право!
Им не опасна переправа...
Но отчего так много там
Воистину прекрасных дам?!
Неужто в замке их так много?
Поясните, ради бога!..
...Присматриваясь к каждой даме,
Сравнить их с яркими цветами
В зеленом поле я готов...
Но всех прекраснее цветов,
Поверьте, эти дамы были,
Которых из замка освободили...
Так, вырвавшись из злой неволи,
Они заполонили поле,
Всемерно радуя наш взор,
Былой беде наперекор!..

. . . .

Артур с племянником сошелся.
«Гаван! Ты наконец нашелся!

Мой дорогой племянник жив,
Льва-людоеда победив!..
Но кто, ответь мне, эти
Прелестнейшие божьи дети?
И кто, скажи, я знать желаю,
Та королева пожилая?..»

. . . .

«Кто эта дама, ты хочешь знать?
Узнай: твоя родная мать,
Мудрейшая королева Арнива.
А это — дочь ее Сангива:
Она мне — мать, тебе — сестра.
Пришла желанных встреч пора!
Вновь обрели мы матерей,
Которые к нам всех добрей,
Которые, хоть в плен попали,
Все ж не погибли и не пропали.
Так что ж на свете превосходней
Безграничной милости господней?!
А вот выходит из шатра
Моя любимая сестра,
Твоя племянница — Итония!..»
...Тут слезы полились сплошные:
Артур сам плакал, как дитя,
Мать, сестру и племянницу обретя!
Кто хотел бы познать хоть отчасти,
Что значит *Истинное Счастье,*
Того я должен был вовлечь
В сей Праздник Долгожданных Встреч,
Позвать на этот Пир Свиданий
После тревог, разлук, скитаний:
Словами ведь не передашь
Миг Обретения Пропаж!..
Пусть вам поможет воображенье
Увидеть счастья выраженье
На этих лицах, мне дорогих,—
Искренне я обожаю их!..
...Король Артур сквозь плач и смех
Спросил: «Но кто ж красивей всех
В кругу твоих красавиц?
Ответь-ка мне, красавец!
Давно бы мне узнать пора...»
«Оргелуза де Логруа!

Она воистину прекрасна!» —
Гаван ответил громогласно,
И кликами со всех сторон
Был в тот же миг поддержан он...

. . . .

Так не смолкал веселья хор...
А Гаван вернулся в свой шатер,
Чтоб снаряжение примерить.
Сначала он хотел проверить,
Раны ли не заболят
Под тяжестью железных лат.
Надел он панцирь и забрало,
Тут ретивое в нем взыграло!
Эх, снова меч бы в руки взять,
Эх, вновь себя бы показать
Пред дамами и господами,
Как он служить умеет Даме,
Готовый всех врагов смести!..
...Коня велит он привести,
В седло одним садится махом
И — прочь!.. (С волнением и страхом
Я говорю про сей отъезд
Из этих, нам известных мест...)

. . . .

Он скачет полем, скачет лесом,
Несомый верным Грингульесом,
Которого обрел он вновь...
Вдруг в нем остановилась кровь.
Он видит рыцаря пред собою
Над рекой полноводною, голубою.
Был несравненный рыцарь тот
Отваги рыцарской оплот,
Всех рыцарских доблестей воплощенье.
Он только чувства восхищенья
Своею верностью вызывал.
Он долга рыцарского не забывал.
В нем порывы священные не стихали.
Вы, безусловно, о нем слыхали
И, безусловно, узнаете дальше
Об этом сердце, не знающем фальши.
И, воздав восхищение рыцарю оному,
Наш рассказ возвращается к руслу исконному...

XIV

Коль правда, что, рискнув собой,
Гаван начать решится бой,
То я, признаться, очень
Его судьбою буду озабочен.
Еще ни разу, никогда
Так не грозила ему беда,
Урон достоинству и чести...
Нет, на его оказаться месте
Не пожелаю и врагу!..
Но не отметить не могу,
Что и противнику Гавана
Завидовать пока что рано.
Меня, однако, не страшит
Его судьба... Он сокрушит,
В сраженье равный рати целой,
Кого угодно дланью смелой.
Он *войску* равен был *один!*..
На нем, краснее, чем рубин,
Доспехи алые сияли,
Из дальней вывезены дали,
Наверно, из заморских стран...
От многих смертоносных ран
Или от гибели возможной
Щит охранял его надежный,
На коем не сочтете дыр...
По явной видимости, мир
Давно был рыцарю неведом
На тягостном пути к победам,
Которыми себя он тешил...
И вдруг мой герой Гаван опешил,
Узрев на шлеме чужестранца
Цветущую ветку Грамофланца...
И понял рыцарь потрясенный,
Что это — собственной персоной
Король Грамофланц возник пред ним,
Жаждой сражения одержим...
Как быть?.. Увы, придется драться,
Хоть битвою полюбоваться
Не сможет дама ни одна
С балкона или из окна,
Что сожаления достойно...
Турниры, схватки, даже войны

Привыкли дамы наблюдать.
Обычай надо соблюдать!..
А эти, коих рок заставил
Сойтись, не нарушали правил
Военных игр, избави бог!
Здесь каждый сызмальства берег
Святые рыцарские нравы.
При этом, рассуждая здраво,
Меня никто не убедит,
Что, кто в турнире победит,
Не понесет по меньшей мере
Наибольшие потери...
Велик ущерб, я бы сказал,
А выигрыш ничтожно мал.
И часто заслоняют беды
Сияние самой победы...
Слепая ненависть сильней
Приятья, дружбы давних дней...
...Но слушайте! Они столкнулись!..
Сначала кони их взметнулись,
На землю сбросив седоков
С великим множеством синяков...
Поднявшись, принялись они снова
Колошматить один другого,
Орудуя мечами,
Как мужики — цепами...
Смешались в битве той роковой
Обломки щитов с зеленой травой...
Давно б дерущихся разняли,
Но в замке-то не знали,
Что между ними бой идет,
А также *кто* здесь бой ведет:
Все в замке сном забылись,
Пока герои бились...
Спохватятся покуда,—
Обоим будет худо!..

. . . .
. . . .

К утру Артуровы посланцы
Явились в крепость к Грамофланцу,
И ждет он вести от послов:
Гаван-де встретиться готов,
Он-де ваш вызов принимает,
О чем-де и напоминает...

...В ту пору Грамофланца рать
Большое пространство смогла занять
Меж крепостью и морем,
Что было выгодно, не спорим...
...Пестро у короля во стане!
Здесь рыцари, и горожане,
И лучники, и конники,
И дамы, и их поклонники...
Особенно много — прекрасных жен!
Король ими прямо-таки окружен
Как бы живым забором...
Меж тем все одержимы сбором
В поход, туда, под Иофланц,
Где достославный Грамофланц
Гавана встретить хочет:
Мечи дружина точит...
...Итак, велит он собираться,
Лежа на пальмовом матраце
В своем роскошнейшем шатре,
Прохладном при такой жаре...
Над ним всё дамы колдовали,
На него набедренники надевали,
И наколенники, и наплечники,
Чтоб стрел и копий наконечники
Пронзить монарха не могли...
И тут как раз послы вошли...
На гордеца взглянувши хмуро,
Рек старший: «Короля Артура
Мы паладины и гонцы.
Идет молва во все концы
О славном нашем государе
И о его прекрасном даре
Врагов строптивых побеждать.
Вас, полагаем, убеждать
В его могуществе не стоит...
Тем более нас беспокоит,
Как вы осмелились и отчего
Племяннику его
Свой дерзкий бросить вызов,
Тем самым короля унизив?!
Пусть даже он виновен в чем,
Ваш спор не разрешить мечом,—
Напрасно только меч иступится:
Весь Круглый стол за Гавана вступится,

Мы все здесь братья его и друзья!..»
...Король ответил: «Нет, нельзя
Наш спор окончить миром.
Сегодняшним турниром,
Который будет весьма кровав,
Сама судьба решит: кто прав,
Покрытый в битве правой
Презреньем или славой!..»

. . . .

И с ложа Грамофланц восстал.
Король доспехами блистал...
Двенадцать дев для господина
Принесли подобие балдахина,
Плат распластав над его главой
Во время скачки верховой...
Две девы, что красой сияли,
С князем рядышком скакали.
Он ласково взирал на них,
На красавиц молодых.

. . . .

. . . .

И продолжает Авентюра:
Посланцы короля Артура
Назад спешили, в лагерь свой.
Вдруг их глазам открылся бой!..
Гаван (как он сюда пробрался?!)
С каким-то паладином дрался.
Послов безмерный страх объял:
Гаван держался, но сдавал...
Знать, нелегко пришлось герою.
Противник был сильнее втрое.
И, весь в крови от свежих ран,
Был сдаться вынужден Гаван...
Послы, едва его узнали,
Его по имени назвали.
«О господин *Гаван!..*» И вдруг
Противник выронил из рук
Копье в тоске невероятной
И отшвырнул свой меч булатный.
И, зарыдав, воскликнул он:
«Я проклят! Я приговорен!
Счастье навек от меня отвернулось!..
(Вот ведь как дело-то обернулось!)
Средь всех грехов моих, *средь всех*,

Я совершил тягчайший грех!
С себя вины я не снимаю,
Хотя, конечно, понимаю —
Вновь на рассудок мой лег туман...
Так, значит, это был — Гаван?!
Я, стало быть, с Гаваном дрался?!
Мой друг Гаван! Не *он мне* сдался,
А я своей беде сдаюсь
И побежденным остаюсь!..»
Услышав эти зовы,
Гаван воскликнул: «Кто вы?
За что вы так добры ко мне?..
Всё происходит как во сне.
Когда б вы сначала все это сказали,
То битву бы я проиграл едва ли...
Однако знать желаю я,
Кем слава отнята моя
И у *кого* мне ее найти,
Коль наши скрестятся пути.
И я заклинаю вас всеми святыми:
Свое мне назовите имя!..»
«Так знай же, сородич мой дорогой,
Я — *Парцифаль*, и не кто другой!..»
Гаван сказал: «Поистине,
Кривыми путями пришли мы к истине!
Два простодушных сердца злоба
Едва не довела до гроба.
Твоей рукой побеждены,
Мы для любви возрождены,
Для верности блаженной,
Для радости священной.
Так, выиграв со мною бой,
Победу ты одержал над собой!..»
...И тут Гаван, лишившись сил,
К небу очи закатил
И пал на землю бездыханным...
Послы склонились над Гаваном,
Который бледен был и нем...
С него тотчас же сняли шлем
И стали махать над Гаваном
Его павлиньим султаном.
От этого маханья
К нему вернулось дыханье,
А вскоре вернулась и сила...

Так *Верность* его воскресила!..
...Тем временем под Иофланц
Спешил с дружиной Грамофланц.
(Согласно правилу, любое
Король мог выбрать место боя,
И это было оттого,
Что *вызвал он*, а — не *его*...)
. . . .
Но вот уже видна поляна,
Где Грамофланц проткнет Гавана...
Вдруг — что такое?.. Под кустом
Его противник, сняв шелом,
Лежит изранен да измучен...
Ого! Да тут, видать, получен
Удар, при этом — не один!..
Ужель сей юный господин
Опередил своим турниром
Того, кто признан целым миром?!
Кто эта странная особа?!
Но *те* молчали оба...
...Понятен Грамофланца гнев.
Но, жженье ран преодолев,
Герой Гаван с земли поднялся.
Сражаться он не отказался.
Напротив!.. Без излишних слов
Он рек: «Извольте... Я готов...»
Но Грамофланц был недоволен:
«Гаван, ты ранен или болен,
И мне, признаться, жаль до слез,
Что раны тебе не я нанес...
И все-таки о бранной встрече
Сейчас не может быть и речи...
Со слабыми я не дерусь,
Скорее с бабами берусь
Сражаться, чем с твоим бессильем.
Победу не возьмешь насильем:
Такой победе — грош цена!..
Приятного желаю сна!
А после отдыха ночного
С тобой мы в битву вступим снова!..»
...Сей речи Парцифаль внимал.
Он не ослаб, он не устал,
Он был собою превосходен
И явно для ристанья годен.

Когда король на него поглядел,
Парцифаль уже снова свой шлем надел
И рек с любезностью отменной:
«Прошу вас не спешить с отменой
Ристанья славного сего.
Я вместо родича моего
Готов под вашим ударом пасть,
Коль того возжелает господня власть,
Или, напротив, вашей кровью
Отмыть Гавана от злословья!..»
Но Грамофланц промолвил: «Нет!
Он должен *сам* нести ответ!..
Вы, по всему видать, герой,
Но не вам предназначен этот бой!..»
. . . .
Герой Парцифаль, скажу вам без лести,
Не посрамил сословной чести,
И рассуждали знатоки
О доблести его руки:
«Да, равных нет ему, пожалуй!
А этот выпад небывалый!
А этот натиск! А удар!
Здесь — вне сомнений — божий дар!..»
...Теперь сказать необходимо,
Как возвратились побратимы,
Прервавши бранную игру,
Назад, к Артурову двору.
Героев радостно встречали,
Им славу трижды прокричали,
А Парцифаль был столь прелестен,
Столь среди рыцарства известен,
Столь обожаем и любим,
Что все склонились перед ним.
Все только на него глядели...
...Герои на себя надели
Новые наряды,
Чему они были крайне рады...
...Повсюду слух распространился:
«А Парцифаль-то возвратился!
Тот самый?!» — «Да неужто он?!» —
Так слышалось со всех сторон...
...Гаван сказал ему: «Ответь,
Ты не хотел бы посмотреть
На четырех высоких жен,

Обладательниц корон?
При этом все они, вчетвером,
С тобою связаны родством...
Однако и помимо них
Здесь много прелестных дам других.
Их красоту всем сердцем славлю!
Идем же, я тебя представлю!..»
Но отпрыск Гамурета рек:
«Гаван, ты добрый человек
И мне добра желаешь, зная,
Как судьба меня всюду преследует злая.
Но едва ли порадует женский взор
Меня, на коего позор
В долине Плимицоля лег...
И чем, скажи, я их так привлек?..
Спасибо за великодушье,
Но, как от страшного удушья,
Я погибаю от стыда
И перед дамой никогда
Отныне не предстану!..»
Вот что сказал Парцифаль Гавану.
Тогда Гаван сказал: «И все ж
Со мною ты к ним сейчас же пойдешь!»
Он говорил с притворным гневом
И привел его к четырем королевам.
И не презренье, не наказанье
Героя ждали, а лобзанья!..
...Оргелуза тоже не удержалась,
А лобзая героя, сердцем прижалась
К нему, кто так много ей принес
И радости, и горьких слез.
И стыд ее снедал жестокий...
Но как ее пылали щеки!
Как всю ее эта встреча жгла!..
Себя она еле превозмогла...

. . . .

Текла приятнейшая беседа.
Меж тем пришла пора обеда.
Гаван Оргелузу просит честь
Оказать Парцифалю, с ним рядом сесть.
И она отвечает: «Не желаю,
Слишком многое пережила я.
Он, беспощаден, строг, суров,
Нас, женщин, высмеять готов.

Мы для него предмет издевок.
На то и молод он, и ловок,
Да и могуч, как всем видать,
Чтоб бедным женщинам страдать...
Увы! Нет с болью в сердце сладу...
Но, коль вам угодно, я с ним сяду,
Боясь произнести хоть слово,
Чтоб он меня не обидел снова!..»
Рек Парцифаль: «Не может быть,
Чтоб смел я даму оскорбить...»
. . . .
Едва закончился обед,
Распространяя дивный свет,
Артур с Гиневрой прискакали,
Чтобы узнать о Парцифале...
«Ну, здравствуй же, наш Рыцарь Красный!
Ты путь проделал весьма опасный!
Но, слава богу, ты жив-здоров
И снова под наш вернулся кров!..»
Королевскую чету,
Излучавшую силу и доброту,
Дамы и рыцари сопровождали
И с восхищеньем увидали
Героя... «Гляньте! Вот он — сам!
В окружении самых прекрасных дам!..»
...Он был воистину красив!..
...Соизволенья не спросив,
Все лобызать героя начали,
Чем Парцифаля озадачили.
И он Артуру говорит:
«Король! Тягчайшей из обид,
В бесчестье страшным обвиненьем
(То явью было, не сновиденьем!)
Меня — увы! — смогли заставить
Круг рыцарей твоих оставить...
И я ушел в далекий путь,
Стремясь достоинство вернуть
И честь, казалось бы, утраченную...
Ушел, чтоб плату, мне назначенную,
За грех мой полностью внести
И этим честь свою спасти...
Ах, столь огромен был залог,
Что, полагаю, всякий мог,
Будь на моем он месте,

Вообще утратить остатки чести.
Так молвите, правды не тая:
Неужто столь порочен я,
Столь несчастен и столь смешон,
Что *всяких* достоинств судьбой лишен?
Или мне все-таки дано
Достоинство, хотя бы *одно*?!
Несчастен я... Но тем не менее
Приму любое ваше мнение
Как справедливый приговор!..»
И тут всеобщий раздался хор,
Все заговорили разом,
Что, видно, он утратил разум,
Коль сам достоинств своих не зрит!..
О нем полмира говорит,
И он настолько славен,
Что никто с ним в славе не равен,
И на славе его — ни пятна, ни крапинки,
Ни самой малой царапинки...
И королю сказал наш друг:
«Тогда верни меня в свой круг
Героев Круглого стола,
Коль вновь к тебе меня привела
По воле господа бога
Жизненная дорога!..»

. . . .

Он был, конечно, возвращен...
И все ж, как прежде, поглощен
Желанием сразиться
С тем, кто Гавана сразить грозится.
...И он говорит Гавану:
«Я с Грамофланцем биться стану,
Свое искусство применю
И тебя, мой родич, подменю
В поединке предстоящем,
Смертной гибелью грозящем.
Ведь я тоже в сад его попал
И ветку с дерева тоже сорвал.
Мне честь моя возвращена,
Так пусть она будет воплощена
В нашем святом, едином деле —
Ради него мы кольчуги надели!..
С Грамофланцем мы бились оба,
Нас обоих готова казнить его злоба.

Так не все ли равно, *кто* с ним вступит в бой?..
...Мы состоим в родстве с тобой,
Друг другу всех родней мы в мире целом,
Одним мы стали целым!..
Я Грамофланца накажу
И правоту твою докажу!..»
...Но мой Гаван ответил строго:
«Сородичей у меня слишком много,
И, слава богу, братья есть...
Мне приказывает *честь*
Вступить в поединок самому,
Не отдавая никому
Законнейшего права
Познать позор иль славу!..»
...Ночь приближается... Густой
Земля окрашена темнотой...
Лишь кое-где огонь горел...
Свои доспехи осмотрел
Парцифаль, благородный воин:
Нет ли в шлеме где пробоин,
Кольчуга ли совсем цела,
Так, чтоб в бою не подвела,
Достаточно ли щит надежен?
Но нет! На щит и не похож он:
Весь продырявлен, весь пробит.
Такой от стрел не оградит,
А от копья — тем боле...
Пришлось ему поневоле
(Чтоб Грамофланца победить!)
Оруженосца разбудить:
«Ну, что глаза таращишь?!
Мне новый щит притащишь!..
И — понял? — оседлав коня,
Здесь до рассвета жди меня...»
...И рыцарь спать улегся,
Покуда не зажегся
Рассветным заревом восток...
Он сил почувствовал приток.
Пред ним лежали его доспехи,
И он не сомневался в своем успехе!..
...Но Грамофланца вспомнить надо...
Терзала, грызла его досада:
Как оказался он слепым?!
За что судьба так шутит с ним?!

Став жертвою самообмана,
Как смог принять он за Гавана
Сына могущественного Гамурета?
В чем тут причина?.. Но ответа
Он должного не находил...
...Вот по шатру он походил,
Затем, лишь только день зарделся,
Разрядился, разоделся
В наряд сверкающий, стальной
(Во имя девушки одной!)
И поспешил на место схватки,
Пылая, словно в лихорадке,
Весь жаждой боя распален...
Но не Гавана видит он,
А все того же — Парцифаля,
Чьи очи местность озирали...
Могуч и грозен, весь в броне,
Сидел он на своем коне —
Величественная фигура!..
(Герой из лагеря Артура,
Надевши панцирь свой и шлем,
Ушел, не встреченный никем...)
...Итак, не проронив ни слова,
Один копьем толкнул другого,
Но знайте: о *надежный* щит
Ударившись, копье трещит.
И вскоре щепки полетели...
Однако мира не хотели
Дерущиеся нипочем!..
Копье сломал — рази мечом! —
Гласит одна из древних истин...
Как Грамофланцу ненавистен
Наш друг, герой наш — Парцифаль!..
Но нам не Парцифаля жаль
(Пустяк: царапины, ушибы!)...
И с Грамофланцем не смогли бы
(Какой ни есть, а все ж — король)
Сейчас его оплакать боль.
Нам жаль,— скрывать от вас не стану,—
Что исковеркало поляну
Со множеством цветов, цветков
Железо рыцарских подков!
Нам внятна боль иного рода:
Войной осквернена природа!

Что значат доблесть, долг, права,
Когда потоптана трава?!
...Меж тем Гаван спешит на битву.
Он богу сотворил молитву,
Ему епископ мессу пел,
Чтоб он в сраженье преуспел,
Ему прекрасными платками,
Держа их дивными руками,
Махало столько знатных дам!..
(Жаль, правда, что я не был там...)
И вдруг донесся слух зловредный,
Что Парцифаль исчез бесследно.
Как так исчез? Не для того ж
(Гавана охватила дрожь),
Чтобы на милость свой гнев сменить
И всех враждующих примирить!..
Нет, подозренье это ложно!
Нет, это было б невозможно!
Скорей всего, он *там* опять
Решил за друга постоять!..
...Итак, под шум рукоплесканий,
Под звуки всхлипов и рыданий,
В доспехи яркие одет,
В сознании благих примет,
Летит Гаван на зов судьбы,
Туда, в кипение борьбы!..
...К поляне стягивались рати...
Артур, в сопровожденье знати,
За поединком наблюдал.
Сын Гамурета наседал,
А Грамофланц сопротивлялся,
Но ясно было: похвалялся
Он перед рыцарями зря,
Еще недавно говоря,
Что лишь с двумя, с тремя, не менее,
Достоин он вести сражение,—
А тут дерется он с *одним*
И справиться не в силах с ним.
(Один тот шестерых заменит!
Король его еще оценит...)
Где спесь, бахвальство, страсть? — Исчезли!..
...С коней своих герои слезли,
Чтобы, вступивши в пеший бой,
Закончить спор между собой.

Их лица зноем полыхали,
Мечами руки их махали,
Менялись, в воздухе звеня,
Во время взмаха лезвия...
Одно, однако, было ясно:
Сраженье продолжать напрасно,
К нему утрачен интерес,
Поскольку явен перевес...
Оружие решило спор!..
Но вот летят во весь опор
На поле битвы с двух сторон
Пять достославнейших персон
С непокрытыми главами.
Торжественными словами
Они сейчас объявят тут,
Что порешил высокий суд...
И вот Судейского Совета
Решенье: «Отпрыск Гамурета
Победу в битве одержал!»
Нет, Грамофланц не возражал.
Он Парцифалю сдался...
Так, стало быть, ни с чем остался
Сын Лота, наш Гаван, наш друг!..
И рыцарь произносит вдруг:
«Король! Вчера, как все видали,
Вы на ночь мне передышку дали
И, отличаясь истинным благородством,
Своим не воспользовались превосходством...
Сегодня я вам тем же самым отвечу,
На завтра перенеся нашу встречу,
Чтоб вы оправились от ран...»
Так сказал Грамофланцу Гаван...
Противник, согласившись с ним,
Тотчас отправился к своим...
И все вокруг оцепенело...
Но тут Артур вмешался в дело.
Парцифалю он сказал:
«Ты Грамофланца наказал,
Однако с помощью обмана:
Себя ты выдал за Гавана.
И — я скажу тебе в укор —
От нас ты ускользнул, как вор,
Сбежал! Иначе — не посетуй —
Битвы не было бы этой.

Но вышло так: ты — победитель,
Гавановой славы похититель.
Но пусть Гаван не обижается,
Час новой битвы приближается!..»
Гаван сказал: «Поверь, я рад,
Что названый мой брат
Победы доблестью добился.
Он честно и бесстрашно бился.
Что касается меня,
Дождаться завтрашнего дня
Только бы достало сил,
Чтоб я погиб или победил!..»
...И в лагерь кони их помчали,
Где дамы и девы их всех встречали...

. . . .

Меж тем о доблестном Парцифале
В войсках противника узнали,
Что, мол, на всей земле герой
Такой не сыщется второй:
Славнейший среди славных,
Ему нет в мире равных.

. . . .

Король меж тем всю ночь не спал,
Письмо возлюбленной писал,
Чтоб Итонии своей с гонцом
Послать послание с кольцом...

. . . .

И утром, с помощью посланца,
От доблестного Грамофланца
Не к Артуру пришло донесенье,—
К Итонии пришло объясненье.
И я его на память вам
Почти дословно передам...
«Прими мой привет, о привета достойная!
Твой образ пронес сквозь беды и войны я.
Прелестная дева, речь идет о тебе —
Моем утешенье в безутешной судьбе.
Моя любовь сплелась с твоей
Наподобие корней.
Ты сердце верностью укрепила,
Живой водой его окропила...
Верность в тебе заключена,
Неверности ты лишена.
В твоей любви заложен совет,

Как различать мне, где — мрак, а где — свет...
О ты, кто мною, как жизнь, любима,
Твоя добродетель неколебима,
Она, Южной подобна Звезде,
Светит мне всюду и везде...
Наши любви не должны разлучиться,
Чему бы в мире ни случиться!
Всю жизнь поклоняться себе заставь
И в трудный час меня не оставь!..
Я знаю: тот, кого злоба точит,
Меня разлучить с тобою хочет.
Но ты подумай о нас двоих
И уговоров не слушай злых.
Моя любовь тебя не порочит,
Она только верность твою упрочит.
Не забудь меня, своего слугу!
Клянусь служить тебе, как смогу!..»
...Итония утром, часу в восьмом,
Пришла к Артуру с этим письмом.
Слезы ее заливали щеки...
Артур прочитал Грамофланца строки
И молвил так: «Дорогая племянница,
К тебе он, как видно, всем сердцем тянется.
С тех пор как род существует людской,
Возможно, любви не бывало такой...
Над этим письмом ты не плачь и не смейся,
А *с ним* в едином страданье слейся,
Его в испытании не оставь,
А все остальное — мне предоставь...
Чтоб высушить эту твою слезинку,
Я воспрепятствую поединку,
И твой возлюбленный будет жив,
Твое снисхождение заслужив...
И все ж одного я никак не пойму:
Клингсор тебя заточил в тюрьму,
А Грамофланц пребывал на воле.
Чувство меж вами вспыхнуть могло ли?..
Да ты хоть видала его когда?..»
Дева ответила: «Никогда,
Я с ним ни разу еще не видалась
И вся поэтому исстрадалась.
А чувство возникло само собой...
Я, дядя, к вам обращаюсь с мольбой:
Если я смею об этом просить,

Молю Грамофланца сюда пригласить,
И я его наконец увижу
И, думаю, сим никого не унижу...»

. . . .

. . . .

О, пусть возликуют ваши сердца!
К Артуру привели гонца,
И чрез того молодого посланца
Он в гости к себе пригласил Грамофланца...
Как преданья говорят,
Грамофланц был безмерно рад.
Он был Счастием оглушен,
Поскольку в гости приглашен
Был как бы к Счастию самому,
И счастливейший жребий выпал ему!..
С немногочисленною свитой,
Однако достаточно именитой,
Он тотчас же пустился в путь...
Здесь следует упомянуть,
Что все одеты были с толком,
Блистая бархатом и шелком
С отделкой темно-золотой...
Король сокольничих с собой
На всякий случай прихватил.
Казалось, Грамофланц спешил
На соколиную охоту
(Хоть он испытывал охоту
Совсем не к ловле соколов,—
Король был все отдать готов,
Одним желанием томимый —
Скорее встретиться с любимой)...
...Меж тем скакал ему навстречу
(Зачем скакал, я вам отвечу)
Со свитою король Артур.
С ним был юный Беакур,
Глазами, локонами, нежной кожей
С Итонией, сестрой своей, схожий.

. . . .

Скакали лесом и полями.
И наконец меж королями
Встреча желанная происходит!..
Всех красотою превосходит,
Конечно, юный Беакур.
(Все верно рассчитал Артур...)

Грамофланц спросил кого-то:
«Кто этот юноша?» — «Сын Лота!
Юный рыцарь Беакур...
Как он красив, как белокур!..»
...И Грамофланц, услышав это,
Смекнул: «Так вот они, приметы,
По коим я его сестру
Узнаю, если не умру!..
Из-за нее сюда я прибыл
На радость или же на погибель!..»
И он с волненьем руку сжал
Тому, чью сестру он обожал...

. . . .

Итак, примчались в лагерь... Там
Артур собрал сто прекраснейших дам,
Сто вернейших подруг, сто чистейших сестер,
Пригласив их в самый большой шатер...
И Грамофланц, входя, притих:
Ведь его Итония была среди них!..
Вошла Гиневра дорогая,
Гостям и рыцарям предлагая
Сердечно их облобызать,
Чтоб им приятье свое доказать...
...Но собрались здесь не на танцы!
Артур промолвил Грамофланцу:
«Прошу, оглянитесь по сторонам,
Поскольку стало известно нам,
Что вы одну особу ждете...
И если вы ее найдете,
Узнаете, кто здесь — *она,*
Возможность будет вам дана
С ней тотчас же облобызаться!..»
...Тут я хотел бы вам признаться:
Король еще по письмам знал,
Как выглядит его Идеал,
Затем он видел Беакура,
Которого сама госпожа Натура
Сделала с Итонией схожим,
И, как мы догадаться можем,
Узнал он деву без труда,
Чтоб стать ее супругом навсегда...
Но жар их первого лобзанья
Хранят и песни и сказанья...
...И сразу грянуло веселье!

Гости радостно шумели,
И, как у нас заведено,
Уже рекой текло вино...
Звенят бокалы... Гости пьяны...
...Меж тем Артур к шатру Гавана
Торопит своего коня...
«Племянник, выслушай меня!
И ты послушай, Оргелуза...
Вражда — тяжелая обуза.
Ее должны мы сбросить с плеч,
Дабы не дать себя вовлечь
В какие-либо злоключенья...
Восславим мира заключенье
Меж Грамофланцем и тобой,
И незачем Гавану в бой
Вступать, еще не отдышавшись!..»
...На уговоры его поддавшись,
Оргелуза гнев на милость сменила
И своего Гавана к миру склонила...

. . . .

В предвкушении брачного пира,
Отказался и Грамофланц от турнира,
А Итония, говорят,
Воскликнула: «Гаван — мой брат,
А Грамофланц мне станет мужем!
И не враждуем мы, а дружим!..»
...Так, своих не жалея сил,
Король Артур всех примирил,
Чего доселе не бывало...
Кругом любовь торжествовала
Над ненавистью и враждой,
Так же как счастие — над бедой!..
Сей мир ничем не омрачился...
Итак, Грамофланц с Итонией своей обручился,
И свадьба сыграна была...
Герои Круглого стола,
А также воины Клингсора
Отвести не в силах были взора
От этой пары молодой...
Гиневра всех потчевала едой
И удивительными винами.
Затем они рядами чинными
Все разошлись по своим шатрам.

А что происходило там,
Мы так и не узнали...
...Поговорим-ка о Парцифале.
Все это пиршество ему
Сегодня было ни к чему:
Герой непобедимый,
Он думал о любимой,
О ласковой своей жене,
Скучавшей в дальней стороне...
Что значит — *«благоверный»?* —
Во имя *блага верный!*
Великой Верностью он был
Связан с той, кого любил
Горячо, сердечно,
Преданно, навечно.
Тоскою сердце истерзать
Он мог скорее, чем связать
Себя в час беззаботный
Любовью мимолетной
С одной из дам или из дев...
Нет! Столько мук преодолев,
Одной Кондвирамур он верен,
С другими знаться не намерен...
...И рассуждал он про себя:
«Рожден в любви, я жил, любя,
Любви бы на весь мир хватило...
Но чем Любовь мне отплатила?
Одной любовью поглощен,
Люблю, любви своей лишен...
И что мне ратные успехи?..»
(Он глянул на свои доспехи,
Которые лежали рядом,
Внимательным и грустным взглядом...)
«Святой Грааль стремясь найти,
Я должен был от нее уйти,
Уйти, во имя долга!
Все это слишком долго!..
Мой взор тоскует по ясноликой,
Мучусь мукою великой,
Рвусь к возлюбленной жене,
Все радости недоступны мне!..
Если бы дух мой колебался,
Я бы, наверно, другим улыбался,
Но Кондвирамур, мою Верность храня,

Неверность похитила у меня,
И, неспособный на прегрешенья,
Я все равно не найду утешенья!..
Господь лишил меня услады,
Я обречен, не зная пощады,
Цепи скорби своей влачить...
Скорбящего сердца не излечить!..
И я, который безмерно страдаю,
Сей край отрады покидаю!..»
И тут же сразу без услуг
Оруженосцев или слуг
Герой в доспехи облачился,
Взял меч, копье и в путь пустился,
Сам оседлав своего коня...
...Брезжил рассвет — начало дня...

XV

Пусть тот, кого нетерпенье мучит,
К терпению себя приучит,
Пусть тот, кто спрашивать страшится:
«Чем же все это завершится?» —
Узнает, что уж близок час,
Когда закончу свой рассказ
Великой благости явленьем:
Анфортасовым исцеленьем!

. . . .

Пока же вас перенесу
В то место, где в глухом лесу
Герой наш — лгать не буду —
Воистину приобщился к чуду.
Навстречу мавр скакал один,
Годами юный господин,
На вид молодцеватый
И сказочно богатый.
Как описать, *что* он носил?..
Я, нищий, не найду ни сил,
Ни должного уменья,
Чтоб описать каменья,
Горевшие на нем
Ослепительным огнем.
Всю жизнь проживши нищим,
Пред этим золотищем

Я откровенно трепещу...
И равного не отыщу
Ни в том, ни в этом стане,
Ни в Англии, ни в Бретани...
Он, видимо, Любви служил.
Он от рожденья ею жил.
Все эти украшенья —
Любовниц подношенья...
К тому ж еще, страшней грозы,
Он на турнирах брал призы,
Другим не уступая
(Разумно поступая)...
...Да, молодец был недурен,
К тому ж рассудком одарен,—
Не выиграть сраженья
Без соображенья!..
...Невдалеке шумел прибой.
Мавр корабли привел с собой,
Ну, а на каждом — кстати —
По мавританской рати.
Число не трудно сосчитать:
Всего их было двадцать пять,
Тех кораблей, груженных
Многими сотнями вооруженных...
Заметить надобно: войска
Не понимали языка
Чьего-либо другого,
Кроме своего родного.
Прибывши из одной земли,
Они друг с другом не могли
Словами объясниться.
(Все скоро объяснится...)
Да, хоть земля у них одна,
Различны были племена,
Пришлось разноплеменным
Служить *одним* знаменам.
Он был королем *единым*
Всем маврам и всем сарацинам...
...Он был и молод, и удал,
И, скажем правду, обладал
Диковинным оружьем
(Мы это обнаружим)...
...Итак, сошедши с корабля,
Король увидел короля.

Поскольку короли они,
Пусть спорят меж собой одни:
Мы столь великим людям
Ни в чем мешать не будем!..
...Из них был каждый, страх презрев,
Душою — агнец, сердцем — лев.
...Зачем судьба была столь зла
И этих королей свела,
Свела причем случайно:
Земля ведь так бескрайна?!
...Но я за Парцифаля спокоен.
Мало того, что он истинный воин,
Вовек живет в его крови
Верность Граалю и Любви...
...Их силе воздавая дань, я
Страшусь: не хватит дарованья,
Отпущенного мне судьбой,
Чтоб описать этот дивный бой
Весомо, точными словами
(Заранее каюсь перед вами).
Но так скажу: вначале
Их лица засияли
В порыве увлеченья
Подобием свеченья.
Но сердце на двоих одно
Им было господом дано:
Каждый, по воле духа святого,
Носил в груди своей сердце другого.
И хоть им обоим отрадно было,
Сердце у них болело, ныло:
Отважное сердце бойцовское,
Единое сердце отцовское...
...Итак, хоть корень их един,
Язычник и христианин
Столкнулись меж собою...
Не мне им быть судьею.
Я сознаю: решать не мне,
На чьей победа стороне.
Я лишь желаю, чтобы
В живых остались оба...
Однако бой уже идет...
Кто первым нá землю падет,
С коня кто первым свалится?
(О, сколь душа печалится!)

Но я немало удивлен:
Безмерно был толчок силен,
Но оба в самом деле
В седлах усидели...
И вновь они столкнулись...
Их копья не согнулись...
Язычник впал в великий гнев,
В седле противника узрев,
Что было непривычно:
Своих соперников обычно
Разил он с первого удара,
Исполнен огненного жара...
И так же были горячи
Их раскаленные мечи,
Которыми они махали —
И ярость, страсть в них не стихали...
Кони сильно утомились,
От жара их бока дымились,
Но, распаляясь все сильней,
Сошли противники с коней
И битву продолжали стоя,
Дыша священным жаром боя...
Крещеный явно уступал
Язычнику... Тот наступал,
Клич выкликая: *«Табронит!»* —
И этот клич его звенит,
И перед каждым взмахом новым
Бодрит себя он этим зовом.
Так, восклицая: «Табронит!» —
Он супротивника теснит!..
Но не сдавался и крещеный.
Взгляд к Пельраперу обращенный,
Был чист и светел, как хрусталь.
И перед ним сиял Грааль...
...Мавр знал Любовь. Любви служенье
Не раз вело его в сраженье,
И так он навык приобрел
И всех противников борол...
Как нам уже известно, он
Был королевою пленен,
Прекраснейшею Секундильей,
И не жалел усилий,
Чтобы награду заслужить
Той, для кого хотел он жить...

И Парцифаль изнемогал.
Лишь дух геройский помогал
Ему порой с колен подняться
И все еще обороняться,
Теперь уж — из последних сил...
И он пощады не просил...
Они сражаются... *Они?!*
Нет, истине в глаза взгляни:
Здесь в испытанье боевое,
Казалось бы, вступили *двое,*
Но *двое,* бывшие — *одним.*
Мы их в *одно* соединим:
Две кровных половины,
Два брата двуедины...
...Итак, язычник побеждал.
Но Парцифаль не смерти ждал —
Великой ждал услады...
И тут мы вспомнить рады,
Как Треврицент ему внушил,
Что он пред богом согрешил
И что одна дорога
К спасенью — вера в бога!..
И он постиг, что бог — везде:
Как в отраде, так и в беде,
И того, кто господа славит,
Всевышний не оставит,
И он предвкушал усладу:
Всевышнего пощаду!
Но с каждым криком: «Табронит!»
(Град Секундильи, что стоит
В предгории Кавказа) —
Язычник как бы сразу
Мощь и отвагу набирал
И с новой силой напирал
На христианина,
Отважнейшего паладина,
Кого еще никогда доселе
Враги никакие не одолели...
А нынче силы в нем иссякали...
Но мечи еще все высекали
Искры из шлемов и лат...
О господи! Брата погубит брат!
О господи, слыша и видя это,
Оставь в живых дитя Гамурета!

(Я обоих братьев имею в виду
И для *обоих* пощады жду,
Для язычника и для христианина,
Ибо плоть их и кровь их едина...)
Но о чем шла в этой битве речь?
О том, чтоб Любовь и Верность сберечь.
Не будь у Парцифаля
Кондвирамур и Грааля,
Давно бы грянул приговор,
И ни к чему б весь разговор...
Язычник же, воин необоримый,
Силен был Любовью неукротимой.
Итак, Любовь — это сила одна.
Но ему и другая была дана:
Эта сила — его каменья,—
Укреплявшая в нем уменье
Вести кровавый, тяжкий бой
И совладать с самим собой...
Но я судьбой крещеного обеспокоен:
Изнемог, истомился бесстрашный воин.
О, взбодрись же, достойнейший Парцифаль!
Но если ни Кондвирамур, ни Грааль
Не способны дух твой взбодрить отныне,
То подумай о *Кардейсе* и о *Лоэрангрине*,
О твоих двух мальчиках дорогих,
Кондвирамур под сердцем носила их,
Когда в поход тебя провожала...
Не хочешь ли ты, чтоб сиротства жало
Вонзилось в милых твоих детей?
Так выживи! Так не ослабей!..
...И, словно внемля чутким слухом
Сиим словам, воспрял он духом
И вспомнил о своей жене.
Он вспомнил и о той войне,
Когда у стен Пельрапера-града
Большая досталась ему награда
И побежден был король Кламид...
...Язычник кричал: «Таббронит! Таброннт!» —
В свою судьбу и победу веря.
Парцифаль же вспомнил о Пельрапере
И воскликнул в отчаянье: «Пельрапер!» —
И тут же, являя геройства пример,
Разбил в куски щит некрещеного,
Посыпались каменья с оного,

Я думаю, каждый кусочек щита
Стоил марок не меньше ста...
Сказать, что дальше было там?..
Меч Парцифаля пополам
О шлем язычника разбился...
Так господь бог распорядился
(И этим пощадил бойца):
Меч, отнятый у мертвеца,
Не должен приносить удачу!..
(О Красном Итере я плачу...)

. . . .

Язычник тут же встал с колен.
Он не спешил сдаваться в плен,
Он грозным выглядел, жестоким,
Но духом обладал высоким...
...Свойство боя таково,
Что не узнаешь: кто — кого?
(О наших думая героях,
Радею я о них обоих...)
Язычник, видимо, знаком
Был и с французским языком.
Владея им вполне свободно,
Он молвил: «Нет, неблагородно
Своим мечом рубить сплеча
Оставшегося без меча!..
Отважный муж, скажи мне — кто ты?
С тобой мне драться нет охоты.
Меч твой сломался, а не то б
Меня бы уложили в гроб,
Да и тебе пришлось бы туго...
Дадим же отдохнуть друг другу...»
Они присели на траву,
Подвластны кровному родству.
И молвил некрещеный,
Взаправду восхищенный:
«Поверь, что равного тебе
Отвагой, стойкостью в борьбе
Я не встречал в былых походах...
Да... Нам потребовался отдых...
Иначе битвы не начать...
Но, можешь мне не отвечать,
Я знать твое хотел бы имя:
Откуда ты, кого своими
Родителями ты зовешь?..»

«Меня превратно ты поймешь,
Коль поспешу с ответом:
Ведь ты усмотришь в этом
Мою готовность сдаться...
А я готов еще сражаться
Во имя Истинной Любви!..
Себя *ты* первым назови!..»
И мавр ответствовал герою:
«Пусть я стыдом себя покрою,
Но честно все тебе скажу:
Я — *Фейрефиц*... Мой род в Анжу
Берет свое начало...
Владыки не бывало
Богаче и сильней, чем я...
Куда ни глянь — моя земля...
В моем владенье — страны...»
Наш друг ответил: «Странно...
Не может быть, чтоб из Анжу...
К анжуйцам я принадлежу...
Анжуец по наследству,
Зовусь анжуйцем с детства!..
Узнай же: пред тобою — я,
Сын Гамурета-короля!
Имеешь ли понятье,
Кто он такой?..» — «Мы — братья,
Мы братья сводные с тобой!
Отец наш, занесен судьбой
В языческие страны,
Был мужем Белаканы,
Черной матери моей...»
«Забрало подними скорей!..

. . . .

. . . .

Я слышал, люди говорят,
Есть у меня *пятнистый* брат
В далеких странах где-то.
Посмотрим: ты ли это?»
И, восхищенья не тая,
Язычник рек: «Да. Это — я...»
Забрало поднял Фейрефиц:
И белолиц и чернолиц
Он был на самом деле.
Глаза его горели.
И, *в нем* узнав *свои* черты,

Рек Парцифаль: «Да. Это — ты...»
...Двухцветный, как сорока,
Растроганный глубоко,
С себя язычник панцирь снял —
Мир между братьями настал...
И те, что друг с другом сражались,
Теперь облобызались...
Так восторжествовала вновь
Святая Верность и Любовь.
Язычник рек: «Не сон ли это?
Я вижу сына Гамурета!
Мы встретились, назло врагам!..
Хвала, хвала моим богам!
Ко мне вы благосклонны,
Юпитер и Юнона!..
Хвала, хвала планетам,
Чьим благодатным светом
Был озарен мой путь сюда,
Где встретились мы навсегда!..»
. . . .
. . . .
И поскакали оба брата,
В лучах вечернего заката,
Куда? — К Артуру-королю!
(Я им прекрасный пир сулю
И ошибусь едва ли.
Героя в лагере ждали...)
...Так в лагерь въехали они,
Во всех шатрах горят огни.
К ним, выстоявшим сечу,
Гаван спешит навстречу,
Затем из каждого шатра
Весь цвет Артурова двора
Выходит к ним, обоим
Прославленным героям...
Конечно, не секрет для вас,
Что с мавра не сводили глаз,
Дивясь лицом его пятнистым
И взглядом, мужественным и чистым,
Да небывалой епанчой,
Расшитой дивною парчой...
Дамы млели от восхищенья,
Глядя на каменья,
Светло пылавшие на нем

Удивительным огнем...
(Те камни, как мы уже говорили,
Были подарком Секундильи...)
Едва он плащ и латы снял,
Гаван их под охрану взял,
Чтоб то, что так сверкало,
Случайно не пропало...

. . . .

Вдруг грянули литавры:
Посмотреть на мавра
Артур с Гиневрою вошли.
Они сородича в нем нашли.
С ним все облобызались...
Гости собирались...
За славные свои дела
В герои Круглого стола
Зачислен некрещеный,
Но к Истине приобщенный...
(Ему открыты двери
К святой, Христовой вере...)
Сидели все вокруг стола...
И в этот миг в шатер вошла
В драгоценнейшем наряде,
С великою мольбой во взгляде,
Некрасивая дева младая.
Могу сказать вам, не гадая,
Что это — мудрая Кундри была...
Итак, в шатер она вошла
И пала пред героем ниц...
И Парцифаль и Фейрефиц
Зарделись от смущенья...
Она пришла молить прощенья
И не сердиться на нее
За речь недобрую ее...
Тогда сказали оба брата:
Она ни в чем не виновата,
Хоть Парцифаль, свидетель — бог,
Обиды ей простить не мог,
Но, чтобы сей не портить пир,
Он предпочел отмщенью — мир...
...Хочу сказать, ей не в обиду,
Кундри была ужасна с виду.
Такая же, как в Плимицоле.
(Все дело тут — в господней воле...)

Все так же она желтоглаза,
С глазами — что два топаза,
Все так же она длиннозуба,
Все так же сколочена грубо,
Все так же выглядит жутко
Рот ее, синий, как незабудка...
И дева сказала вот это:
«Хвала тебе, сын Гамурета!
Хвала тебе, Герцелойды сын!
Хвала тебе, доблестный паладин!
Привет и тебе, Фейрефиц пятнистый,
Ты с юных лет был воин истый,
Мечом своим Секундилье служа.
Была она и мне госпожа...»
И, посмотрев на Парцифаля —
Искателя Грааля,
Она торжественно произнесла:
«О ты, чьим доблестям несть числа,
Будь верен себе в час великой отрады!
Высочайшей ты удостоен награды!
Твоих испытаний окончен срок,
И тобой заслужен победный венок.
Счастливейший жребий тебе уготован.
Ты вскоре будешь коронован
Первейшей из земных корон,
Вступивши на Граалев трон.
На камне письмена сказали,
Что небеса *тебя* назвали
Владыкой, избранным судьбой!
Твоя Кондвирамур с тобой
Граалем вместе будет править.
При этом я должна добавить
Мужское имя — *Лоэрангрин*...
То — новорожденный твой сын.
Твоим наследником он станет,
Когда урочный час настанет...
Так, вместе с сыном и женой,
Владей короной всеземной!
Когда умрешь иль станешь старцем,
Другой твой сын — *Кардейс* — Бробарцем
Законно станет володеть...
Но — главное — преодолеть
Ты хворь Анфортасу поможешь!..
Да, Парцифаль! *Теперь* ты сможешь

Вопрос спасительный задать,
Чтобы страдальцу не страдать,
И сим несчастного спасти,
И в мир блаженство принести!..»
...Вот что Кундри возвестила.
Всех радость безмерная охватила.
А у счастливейшего сына земли
Слезы по щекам текли...
Но Кундри мудрая сказала:
«Теперь — пора! Но, помни: мало
На это сил одних *твоих*.
Мунсальвеш зовет *двоих*.
Необходим тебе провожатый,
Рвеньем рыцарским объятый!..»
...И Фейрефиц воскликнул: «Брат!
Любовью я к тебе объят,
А также волей к бою!..
Возьми меня с собою!..»

. . . .

. . . .

И по прошествии трех дней
Братья сели на коней.
Всех одарили, обласкали
И вслед за Кундри ускакали...

XVI

Анфортас в это время
Все той же боли бремя
Средь рыцарей Грааля нес...
Их верность трогала до слез.
Когда б не эта верность дивная,
Давно печаль бы неизбывная
В гроб Анфортаса свела.
Жизнь ему вовсе уж не мила...
Но те, кто состояли
В священном братстве Грааля,
Поддерживали силу в нем
Одним-единственным путем:
Ему Грааль давали зреть,
Тем не давая умереть...
Но рыцарям Анфортас рек:
«Злосчастнейший я человек!

В чем ваша верность? В чем — любовь?
Чтоб час за часом, вновь и вновь,
Мои страданья длились?..
Я тщетно убедить вас силюсь:
Только смерть меня может спасти,
Избавление принести.
Изнемогаючи от боли,
Не заслужил я этой доли,
Чтоб вы, кто знал меня в бою,
Жизнь бесполезную мою
С таким упорством сохраняли!..»
Те молча слушали... Не знали,
Что отвечать... Ведь он был прав,
Тягчайшие из мук познав...
Исполнить, что ли, приказанье?!
Но Тревризента предсказанье
И надпись на самом Граале
От рокового шага их удержали.
Сказано было: час грядет —
И рыцарь доблестный придет,
Участливо: «Что с вами?» — спросит,
И вмиг Анфортас сбросит
С себя своих страданий груз,
Освободясь от страшных уз...
Однако рыцарь все не являлся...
Анфортас умереть старался.
Лежал, закрывши очи,
Дабы привыкнуть к вечной ночи
И вновь очей не открывать...
Тогда несли его кровать
К священному Граалю
И насильно глаза ему вновь открывали...
В часы сближенья двух планет
Страдал Анфортас так, что нет
Слов у меня для описанья
Испытанного им страданья...
От страшной боли он кричал,
Чем беспредельно огорчал
Всех своих придворных,
Исходивших в слезах непритворных...
Им целый мир казался адом,
Но они не знали, что радость — рядом...
Да, они этого даже не предполагали
И к различным способам прибегали,

Чтоб смягчить его муки невероятные.
Разбросали травы кругом ароматные,
Терпентином курили и душистой гвоздикою,
Чтобы как-то с болью справиться дикою,
И при этом должны были воскурения
Подсластить ужасающий запах гниения...
Возлежал он на матраце пунцовом,
На шелку на пальмовом и тростниковом,
Возлежал под стеганым он одеялом,
Которое шелком горело алым,
А каменья, что украшали кровать,
Я бы хотел здесь вам назвать.
Итак, это были: карбункул, агат,
Сапфир, изумруд, аметист, гранат,
Берилл, опал, халцедон, алмаз,
Турмалин, бирюза, рубин, топаз...
...Одни каменья радуют взгляд,
Другие — сердце веселят,
Третьи — с давних времен и поныне
Успешно служат медицине.
И, мнится, именно они
Анфортаса продлили дни...
Да. Много с ним хлебнули горя...
Но всех вас ждет веселье вскоре:
Заветный перейдя рубеж,
Явились в Терра де Сальвеш
Из Иофланца трое:
Два брата, два героя
(Парцифаль — одного из них имя),
И некая дева с ними...
Мне достоверно не сказали,
Была дорога далека ли,
Но, появившись здесь, любой
Вступает с одним из храмовников в бой...
И если б не было Кундри рядом,
То со сторожевым отрядом
Пришлось бы им повоевать,—
Никак бы стычки не миновать.
Но старший понял, слава богу,
Что не угрозу, а подмогу
Мудрая Кундри привела.
Одета вестница была
В платье с белыми голубями.
Начальник стражи поднял знамя

И громко крикнул: «Наконец
Всем нашим горестям — конец!..»
Признаемся, что Фейрефицу
Хотелось со стражником сцепиться,
Да, к счастью, Кундри не дала
И ласково произнесла:
«Неужто вы их не узнали?
Все это — рыцари Грааля,
И каждый воин сих рядов
Повиноваться вам готов,
Хоть вы турниром не потешились...»
...Храмовники тотчас же спешились
И с непокрытою главою
Приветствовали братьев стоя.
С увлажненными очами
(Волненье их представьте сами)
Препроводили они гостей
В таинственнейшую из крепостей,
В обитель Счастья и Печали,
Где братьев толпами встречали
И достославные мужи,
И благородные пажи,
И стражники, и свита...
Дверь во дворец открыта.
Их с трепетным волненьем ждут
И вверх по лестнице ведут,
Туда, где, как известно, в зале
Ковры бессчетные лежали
И где, как будто в полусне,
Анфортас, прислонясь к стене,
Сносил чудовищные муки...
Но, увидав вошедших, руки
Он к ним приветливо простер...
(Надежды ли вспыхнул в нем костер?..)
Явным было его оживленье
От столь нежданного явленья...
«С тех пор как я вас увидал,—
Он молвил тихо,— я все ждал,
Когда вы возвратитесь,
Благородный витязь!..
О, вы пришли меня спасти,
От чар Грааля увести,
Чтоб жизнь моя не длилась доле.
Нет отдыха мне от страшной боли!..»

Душой к Анфортасу припадая,
Парцифаль спросил его, рыдая
(Вопрос явился сам собой):
«О дядя! Молви, что с тобой?!»
. . . .
И тут судьба его решилась,
И чудо из чудес свершилось:
Анфортас исцелился вмиг,
И перед всеми вдруг возник
Как бы Анфортас новый,
Красивый, сильный, здоровый.
Нет, даже Парцифаль-герой
С ним не сравнится красотой,
Не может с ним сравниться видом
Авессалом, рожденный царем Давидом,
Ни Вергулахт, ни Гамурет,—
В красоте Анфортасу равных нет!..
...И вот теперь, в избытке сил,
Анфортас громко провозгласил
Отважного Парцифаля
Владыкою и королем Грааля,
Согласно письменам священным...
Я считаю несомненным,
Что, так или иначе,
В мире нет никого богаче
Парцифаля и брата его Фейрефица
И в этом никто с ними не сравнится...
Скажу, подробностей не зная,
Что Парцифаля жена родная —
Кондвирамур — в конце концов
Услышала супруга зов,
И скоро в путь она пустилась
И в Мунсальвеше очутилась...
...Вполне достоверно известно мне,
В какой они встретились стороне.
За королевою супруг
Пришел на тот заветный луг,
Где он, судьбе не прекословя,
Узрел три алых капли крови
На свежевыпавшем снегу...
И я напомнить вам могу,
Что для него в часы печали
Эти знаки означали...
...Теперь он, радостный, скакал

Навстречу той, кого искал,
Кому молился неизменно,
Кто для него была священна...
Но был далек ли, близок путь,
Он по дороге заглянуть
К Тревриценту обязался —
И вот в пещере лесной оказался...
...Отшельник выслушал рассказ
О том, как Анфортаса он спас,
И молвил: «Вновь я зрю сегодня:
Таинственны пути господни!
Господней власти нет границы!
Се не пустые небылицы...
Вот всякой мудрости итог:
Бог есть слово, а слово есть бог.
Бог это — сын, и бог — отец,
Неизмеримо добр творец.
Господу вечное благодаренье:
В твоей душе он поселил смиренье!..»
...И Парцифаль сказал в ответ:
«Жену я не видел пять долгих лет
И еду теперь за нею,
За Кондвирамур моею.
Она меня ждет, может статься...
Дозволь с тобой, дядя, расстаться...»
...Он с Тревріцентом распростился
И той же ночью в путь пустился.
Недолго ли, долго ли он скакал —
Вдруг в поле лагерь увидал.
И понял он, что почти уже дома:
Гербы и знамена ему знакомы.
Стояли там войска Бробарца...
...Благороднейшего старца
Король Грааля узнает.
То старый герцог был, Кийот,
Несчастный пасынок Фортуны,
Муж Шозианы, отец Сигуны...
С почтением отвесил он
Монарху своему поклон.
И, видно, избранный судьбой,
Повел монарха за собой
В шатер ковровый, где жила
Кондвирамур и все ждала,
Когда блаженный миг наступит:

Порог муж переступит!..
...Когда вошли, она дремала.
На нее накинуто было одеяло.
Она была в одной сорочке...
Рядом с ней спали ее сыночки...
Отважившись ее коснуться,
Кийот попросил ее проснуться...
Меж тем пажи проворно сняли
Доспехи с Парцифаля...
И тут, широко глаза раскрыв,
Королева воскликнула: «Ты жив!..»
И Парцифаль наконец — пред нею,
Пред королевою своею,
Пред той, к которой он так спешил,
Кого чуть жизни не лишил
Своим отсутствием ужасным...
Теперь жена объятьем страстным
Мужа родного обняла,
Вернувшегося приняла,
Дурного слова не сказала,
А, как я слышал, облобызала...
...Но тут заплакали оба сына.
Кардейса и Лоэрангрина
Парцифаль впервые увидал
И любовно их расцеловал...

. . . .

Итак, нашли они друг друга
Вблизи заснеженного луга,
Где Парцифаль лишился слуха и зренья
Из-за любовного оцепененья,
Любовью в сердце пораженный,
В мечту о своей Кондвирамур погруженный...
...Полагаю, что неспроста
Захотел он увидеть вновь эти места...
...Муж и заботливый родитель,
В Мунсальвеш — свою обитель —
Отправил он жену и сына,
Кондвирамур и Лоэрангрина...
...Дорога через лес вела.
«Здесь,— молвил Парцифаль,— когда-то была
Пещера близ ручья лесного,
Туда б хотел зайти я снова,
Тем более что по пути...
Нельзя ли нам ее найти?..»

...Пещеру эту люди знали
И Парцифалю рассказали,
Что там дева одна жила,
Чья участь безмерно была тяжела.
Она стенала над гробом любимого,
Полна страданья неутолимого...
И вот они эту пещеру нашли,
Но только лишь в нее вошли,
Сигуну мертвой увидали...
Подобной верности в мире не знали.
Она — подобье тени —
Преклонив колени,
Застыла, обнимая гроб...
Парцифаля бил озноб...
Он повелел открыть крышку гроба,
Чтоб в нем отныне лежали оба:
Шионатуландер, красавец юный,
Рядом со своею бедной Сигуной...
...Кондвирамур причитала над ними:
Ведь они приходились ей родными...

. . . .

Путь выбрав покороче,
Все той же самой ночью
Явились в Мунсальвеш, где брат
Был обнять Парцифаля рад.
В ночь сей желанной встречи
Пылали в замке свечи.
Казалось, лес свечей горел...
Лоэрангрин своего дядю узрел
И закричал неистово,
Боясь поцеловать пятнистого.
Фейрефица это рассмешило,
Но в чем-то участь его решило...

. . . .

Успел он воспылать душой
К прекраснейшей Репанс де Шой.
И вот, вступив в кипенье зала,
Она Анфортаса облобызала,
С чудесным поздравив его исцеленьем.
Затем своим повеленьем
Она заставила Фейрефица
Приблизиться к ней, поклониться
И в уста ее поцеловать...
(Мне бы в том замке побывать!)

...Меж тем уже приготовляли
Возношение Грааля.
Грааль (так вот дошло до нас)
Не выставляли напоказ —
Лишь в праздник, в день для всех священный,
Камень показывали бесценный...
Ночь эта — господу хвала! —
Великой радостью цвела...
От горя следа не осталось...
...Несмотря на усталость,
Кондвирамур, дорожное сняв одеянье,
Предстала во всем своем сиянье.
Фейрефиц встречал ее у дверей...
Величественней, красивей, добрей
Он женщины не видал ни разу...
На ней сверкали алмазы
И платье, золотом тканное
(Покроем — чужестранное)...
Всех в восторг ее вид приводил...
Фейрефиц владычицу в зал проводил...
...Я вам рассказывал о том,
Как перед прежним королем —
Анфортасом — Грааль явился...
Обряд сей снова повторился.
Мне ж повторяться смысла нет.
Тот, чей родитель Гамурет,
И та, чей родитель Тампентер,
Являя Верности пример,
Все чудеса Грааля
С волнением наблюдали
И от начала до конца
Душою славили творца...
...Итак, сменялось чудом чудо.
И снова полнились сосуды
Разнообразнейшим вином,
И снова быль казалась сном,
И снедью наполнялись блюда...
(Тут, право, вспомнить бы не худо,
Как в Пельрапере, в пору бед,
Скуднейший дорог был обед!..)
Лишь Фейрефиц не понимает:
Кто эти кубки наполняет?
Не может он уразуметь:
Кто добывает эту снедь?..

...Красавец Анфортас, сидевший с ним рядом,
Его окинул добрым взглядом
И некрещеного спросил:
«Источник наших благ и сил,
Святой Грааль лежит пред вами.
Но видите ль его вы сами?..»
«Святой Грааль?! Не вижу... Нет...» —
Фейрефиц сказал в ответ...
Но дело не в его ответе:
В Любви губительные сети
Репанс анжуйца завлекла.
Кровь в нем вскипела, потекла,
Беснуючись, по вздутым жилам.
Все стало для него немилым,
Кроме нее — Репанс де Шой —
Богатство, слава, край родной
И Секундилья-королева...
Исполнен страсти, боли, гнева,
Герой к Юпитеру воззвал:
«За что меня ты так наказал?!»
И на его пятнистом теле
Белые пятна совсем побелели...
...Меж тем Анфортас Парцифалю
Сказал с немалою печалью:
«Ваш брат любимый, как ни жаль,
Не в силах разглядеть Грааль.
Неужто бог его так обидит
И всех благ источник он не увидит?..»
Фейрефиц слова подтвердил его,
Сказав, что не видит здесь ничего,
И об этом тотчас узнали
Собравшиеся в зале.
«Как? Быть не может! Неужель?!»
И только старый Титурель
Нашел простое объясненье:
Здесь дело — не в изъяне зренья,
Но в том, что взгляд его смещен,
А в том, что рыцарь — не крещен!
«Едва лишь примет он крещенье,
Произойдет с ним превращенье,
Грааль откроется пред ним,
Как он открылся остальным
Храмовникам христолюбивым!»
...Сочтя все это справедливым,

Рек Парцифалю Фейрефиц:
«В прекраснейшую из девиц
Влюблен я безутешно.
И я крещусь поспешно,
Не стану я терять и дня,
Коль она выйдет за меня!..»
«Но кто счастливейшая эта?!» —
Воскликнул отпрыск Гамурета.
«*Репанс!* Анфортаса сестра!
Однако мне узнать пора,
Как совершается крещенье?
То, видимо, мечей скрещенье,
Великий, видимо, турнир?
Или особый это пир?..»
Услышав сей вопрос,
Анфортас хохотал до слез,
И Парцифаль смеялся тоже:
«Подобным образом негоже
У нас крещенье принимать...
Ты вот что должен понимать:
Чтоб стать христианином,
Слейся с богом триединым,
Найди к Христовой вере путь
И о Юпитере забудь,
Оставь и Секундилью —
И мечта твоя станет былью!..»

. . . .

Принял Фейрефиц крещенье.
Бог даровал ему прощенье:
В купель погрузился он слепым,
Грааль был для него незрим,
И вот покрыла его вода —
И он увидел Грааль тогда...
Так разум его наконец созрел,
Так взгляд его наконец прозрел...
А вскоре, как гласит преданье,
Свершилось и бракосочетанье
С прекраснейшей Репанс де Шой...
Да, путь широкий, путь большой
Открыт христианину
На дальнюю чужбину...
Тем временем на Граале
Надпись прочитали:
«Кому наказ господень дан

Стать королем одной из стран,
Не может спрошен быть народом,
Как звать его и кто он родом.
А кто вопроса не избежит,
Тому немедля надлежит
Отречься от княжения...»
...В знак предостережения
Господь к молчанью принуждал
За то, что слишком долго ждал
Анфортас, боль едва осиля,
Чтоб его спросили,
Кто он, что с ним,— хотя бы раз!..
Велик сей божеский указ!..

. . . .

А Фейрефица тянуло вдаль,
И он промолвил: «Парцифаль,
Иду я царствовать одной
Восточной, дивною страной.
Я ухожу с женой вдвоем...
Коли дозволишь, мы возьмем
С собой Лоэрангрина...»
«Нет, дорогого сына
Не смею с вами отпустить.
Суждено ему служить
Священному Граалю,—
Так письмена сказали...»
...Когда прошло двенадцать дней,
Фейрефиц оседлал коней
И распрощался с братом,
Глубокой скорбью объятым...
...А вскоре в Мунсальвеш пришла
Кундри, известие принесла:
От горя Секундилья
Скончалась... Но всесилье
Репанс отныне обрела...
Страною Индия была,
Где Фейрефиц достойно правил...
Господь бездетными их не оставил.
Репанс младенца родила,
Его *Иоанном* назвала.
(Он людям из восточных стран
Известен как «монах Иоанн».
От монаха Иоанна пошли
Все христиане-короли,

Что правят на Востоке...
Мы знаем, *где* истоки...)

. . . .

Лоэрангрин меж тем возрос.
Он рыцарь был, он жаждал гроз.
Во многих битвах бился смело...
Но юным сердцем завладела
Брабанта дивная жена.
В богатстве, в славе рождена,
Красотою она сверкала,
Но беспощадно отвергала
Всех, жаждавших ее руки,—
Пусть титулы их высоки.
Какое до них ей дело?
Она любви хотела...
...И вот из Мунсальвеша к ней
Белейший среди лебедей
В Антверпен рыцаря привез.
Он строен был, светловолос
И сердцем безупречен...
Он был с любовью встречен...
И разумеется, что он
Вступил на королевский трон.
В Брабанте и поныне
Помнят о Лоэрангрине,
Хоть он себя и не назвал...
Он в первый день жене сказал
И пояснил ей здраво,
Что не имеет права
Поведать, кто он и откуда,
Иначе им придется худо...
«Увы, все под секретом...
Но спрашивать не смей об этом!..»
И, движимая любовью,
Она блюла сие условье.
Но день пришел — *она спросила...*
И грозно ей судьба отмстила.
Едва она задала *вопрос,*
Явился лебедь и увез
В неведомые дали
Сына Парцифаля...

. . . .
. . . .

Немало стоило труда
Рассказ *Кретьена де Труа*
Здесь выправить с таким расчетом,
Чтоб то, что было нам Киотом
Поведано, восстановить
И эту быль возобновить,
Не высосав ее из пальца...
Узнали мы от провансальца
Всю сложность длинного пути,
Что Герцелойды сын пройти
Обязан был по божьей воле,
Пока воссел он на престоле,
Грааля ставши королем...
В повествовании своем
Я, разбираясь мало-мальски,
Что сказано по-провансальски,
Вам по-немецки изложил,
Но неизменно дорожил
Киотовой первоосновой,
Страшась рассказ придумать новый.
Да, я, Вольфрам фон Эшенбах,
За совесть пел, а не за страх
И за своим героем следом
От поражений шел к победам...
Но высшая из всех побед —
Проживши жизнь, увидеть свет,
Не призрачный, а настоящий,
От чистой Правды исходящий,
Не просто по миру брести,
А Истину вдруг обрести...
...Все это изложивши вам,
С волненьем жду от наших дам
Бестрепетного приговора,
С надеждой тайной, что, коль скоро
Все это для *одной* сложил,
Ее хвалу я заслужил!..

ГАРТМАН ФОН АУЭ
БЕДНЫЙ ГЕНРИХ

ПЕРЕВОД СО СРЕДНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКОГО
ЛЬВА ГИНЗБУРГА

На свете рыцарь Гартман жил,
усердно господу служил
и читывал, бывало,
мудреных книг немало.
Иная повесть давних дней
стара как мир, но скрыто в ней
не просто развлеченье —
скорбящему леченье
и утешенье в трудный час,—
но и молитва про запас,
а также в равной мере
призыв к любви и к вере...
Да, Гартман выдумал не сам
рассказ, что он расскажет вам:
здесь все из книжек взято,
им читанных когда-то.
Но не сочтите за порок,
что он в начало этих строк
вписал *свое* прозванье,
в надежде на признанье
и на заслуженный почет,
чтоб вы, кто труд его прочтет,
воскликнули бы с жаром:
«Сей Гартман жил недаром!
Недаром жил, писал не зря,
и пусть небесного царя
с ним будет милосердье
за все его усердье!..»
Так, из истории одной,
рожденной швабской стариной,

проведал Гартман ныне
о юном господине:
он был красив, изыскан, смел,
он недостатков не имел,
нет, люди в нем приметили
одни лишь добродетели.
Ничем судьбой не обделен,
высокороден, щедр, умен,
богат и, как известно,
прославлен повсеместно,—
он всем богатствам предпочесть
мог незапятнанную честь
и неподкупность совести,
как явствует из повести.

Он звался Генрих... Здесь у нас
мы, в графстве Ауэ, много раз
слыхали это имя
не наряду с другими,
а средь отважнейших бойцов,
кто до конца стоять готов,
не отступив ни шагу,
служа добру и благу...
Итак, продолжим наш рассказ.
Был Генрих верности алмаз,
зерцало чистой радости,
венец беспечной младости,
корона скромности святой
в соединенье с добротой,
щит и опора слабым...
Недаром был он швабом!

Он в каждом деле меру знал
и всякий труд воспринимал
как доброе деяние
и щедрое даяние,
ниспосланное нам творцом...
И, наконец, он был певцом,
в стихах любовь воспевшим
в искусствах преуспевшим:
его столь внятный, честный слог
любое сердце тронуть мог,
и чуть ли не полсветом
он признан был поэтом...

И вот, когда, казалось бы,
сей юный баловень судьбы
мог цвесть, почет вкушая,
стряслась беда большая.
Беда стряслась, и грянул гром,
и Генрих, как Авессалом,
скорбя, познал мгновенно,
что все на свете бренно,
что и на пиршестве подчас
подстерегает гибель нас,
о чем упоминанье
имеется в Писанье...
Смертные! С истиной этой не спорьте:
«Media in vita, sumus in morte»,—
то есть: «Средь жизни мы в лапах у смерти».
К себе изреченье это примерьте.
Самые сильные, стойкие, смелые,—
все мы как груши сгнием переспелые.
О, приглядитесь к горенью свечи,
рьяно пылающей в темной ночи!
Разве она, что ваш дом озаряет,
в рвенье бездумно дотла не сгорает?
Свет ее ярок, да короток век.
И не подобен ли ей человек?
Как бы мы ни были жизнью испытаны,
плоть наша тленна, а дни наши считаны.
В горьких слезах угасает наш смех.
(Это, к несчастью, касается всех...)
Желчью сладчайшие блюда приправлены,
ядом медовые вина отравлены,
ветер внезапный, свиреп и жесток,
в пору цветенья срывает цветок...
Все это Генрих на себе
узнал, когда в его судьбе
внезапно и мгновенно
свершилась перемена.
Слепой ли в том виновен рок?
Нет! Кто, от господа далек,
ликует безмятежно,
тот гибнет неизбежно!
Итак, возросший средь забав,
богач, красавец, юный граф
был поражен проказой —
зловещею заразой.

И только признаки беды —
недуга страшные следы —
на юном этом теле
сторонние узрели,
как отвернулись от него
немедля все до одного,
те, кто делил с ним смладу
беспечных дней усладу.
Он сразу стал невыносим
всем, кто еще недавно с ним
(что было крайне лестным!)
в родстве считался тесном.
Такой же в точности удел
злосчастный Иов претерпел,
когда к нему вломилась
всевышнего немилость.
Но если, истину ища,
воспринял Иов не ропща
костей своих гниенье
как волю провиденья,
и рад был до скончанья дней
во всем повиноваться ей,
и в столь ужасном виде,
не будучи в обиде
на грозный божий приговор,
а устремивши к небу взор,
всевышнему молился,
чтоб тот к нему явился,—
то бедный Генрих средь невзгод
взроптал на человечий род,
в переизбытке горя
с самой природой споря.

Он, погрузясь в кромешный мрак,
поник, осунулся, обмяк,
забилось сердце глухо
за недостатком духа.
И стал его бессмыслен взгляд,
и мед преобразился в яд,
и тучей день затмился:
так тяжко он томился.
И свет в очах его померк,
он мир презрел и жизнь отверг,

прокляв без снисхожденья
час своего рожденья.
Но духом он воспрянул вдруг,
прослышав, что его недуг
относят к излечимым
по еле различимым
оттенкам кожи на лице,
что где-то в некоем сельце
был кем-то кто-то встречен,
кто полностью излечен.
И в Монпелье он держит путь,
дабы надежду почерпнуть
и с помощью лекарства
избыть судьбы коварство.
Но горек был врачей ответ:
лекарства от проказы нет.
И он, скорбя безмерно,
направился в Салерно.
Но, к сожалению, и там,
попав к великим докторам,
он не добился толку
и плакал втихомолку,
мечтая все-таки найти
того, кто б мог его спасти.
И с лекарем первейшим
он встретился в дальнейшем.
И от него услышал весть:
«Ты излечим, лекарство есть,
но верить в исцеление
напрасно тем не менее...»

Стал Генрих бледен как мертвец.
«Я не пойму тебя, мудрец!
Ты сердце мне не мучай
Загадкой этой жгучей.
Коль я и вправду исцелим,
лечи меня питьем своим!
Излечишь — и богатой
тебе воздам я платой:
алмазы, жемчуг, изумруд...
А хочешь — самый тяжкий труд
я выполню с охотой,
спасен твоей заботой...»

«Алмазы, жемчуг... Что за вздор! —
ответил врач, потупив взор.—
Поймите, бога ради:
тут дело не в награде.
Открыть вы просите секрет?
Что ж... Я б открыл, да толку нет.
Ведь в том-то и коварство,
что есть одно лекарство,
которое бы вас спасло,
все ваши беды унесло,
но я даю вам слово —
нет удальца такого,
чей ум, богатство или власть
могли б добыть, отнять, украсть,
купить хоть за полцарства
заветное лекарство.
Жаль, что и я помочь не смог.
Отныне врач вам — только бог...»
Как громом пораженный
стоял наш прокаженный:
«Я проклят богом и людьми!
Богатство, деньги — все возьми,
вплоть до моей одежды,
но не лишай надежды!»
И врач — светило из светил —
страдальца в тайну посвятил:
«Услышать приготовься:
то — не лекарство вовсе!
То — не питье и не трава
и не волшебные слова,
то — силы неба, где вы?! —
кровь убиенной девы!
Невинную должны убить,
чтоб ты смог кровь ее добыть
и, той омывшись кровью,
вновь обрести здоровье!
Но знай: насилье и разбой
тебе заказаны судьбой!
Здесь надобно желанье
идущей на закланье.
Но, обойди хоть целый свет,
кто б захотел во цвете лет
погибнуть за другого?!
Я не встречал такого!

И вряд ли девственницы есть,
что были б рады предпочесть
сей нашей жизни грешной
могильный мрак кромешный...
Итак, прощай, мой бедный друг.
Я все сказал... Замкнулся круг...
Но всемогущ спаситель —
единственный целитель».

И бедный Генрих отчаялся крайне,
приобщенный к великой и страшной тайне:
в этом мире никто за него умереть не захочет,
даже если проказа его источит!
И тогда решил он домой возвратиться,
чтоб добром своим вовремя распорядиться,
ибо жить на свете осталось мало
и надежд никаких у него не стало.
Так окрестные монастыри и аббатства
получили весьма большие богатства
от лица, оставшегося неизвестным,
с пожеланием к настоятелям местным,
чтоб они за душу его помолились
и чрез это грехи чтоб ему простились...
К небывалым страданиям став причастным,
он тайком помогал горемычным, несчастным,
своим дальним родичам обнищавшим,
даже в доме его никогда не бывавшим.
И у многих довольством нужда сменилась,
и казалось, что все это им приснилось.
Ну, а бедный Генрих решил понемногу
собираться в последнюю дорогу,
а покуда укрыться от всех подале,
чтобы люди и вовсе его не видали.
Но куда бы он ни пришел, ни вышел,
всюду стон стоял, всюду плач он слышал:
«О господь! Прегрешения отпусти нам
и над нашим смилуйся господином!»
Это — слух пополз о его болезни...
Сам же он, оказавшись в бездонной бездне,
тоже горько стенал и, терзаясь люто,
все искал утешения и приюта.
Долго Генрих бродил по дорогам окольным
и сошелся с одним хуторянином вольным.
Хуторянин в достатке жил и в покое.

(Крепостным и не снится житье такое,—
целый век их давит поборов бремя
и, в ярме, они попираемы всеми...)
То-то радость Генриху!.. Раб его бывший,
снисхожденье господское заслуживший,
получивший волю из графских рук,
стал богаче всех прочих крестьян вокруг.
До чего же Генриху видеть приятно
мужика, живущего столь опрятно,
неустанно занятого трудом!..
И с отрадой вступил он в сей мирный дом.
И хоть Генрих весь в язвах был от проказы,
хуторянин не убоялся заразы,
а принял гостя с великим почтеньем,
чтобы скрасить болезнь ему своим попеченьем.
То бог вложил в простолюдина
чистую душу христианина.
Он крепок телом. Его жена
мила, дородна и мужу верна.
И дети украшают дом,
на радость матери с отцом.
И в этой вот семье простой,
сияя кротостью святой,
нежнее ангелочка,
росла меньша́я дочка.
Она, еще дитя почти,
годов не больше девяти,
дышала лишь Христовым
учением и словом.
И так она решила жить,
чтобы однажды заслужить
его благоволенье,
хоть на одно мгновенье.
Казалось: тот, кто вездесущ,
ее взрастил средь райских кущ:
в ней, созданной предвечным,
все было безупречным...
Старши́е — сестры или брат —
порой держаться норовят
(без умысла дурного)
подальше от больного,
зато *она* все время с ним.
(О, как порыв сей объясним!)
Все дни над ним хлопочет,

расстаться с ним не хочет.
Невиннейшее существо,
она в страдании его
господень перст узрела,
и сила в ней созрела.
И Генрих привязался к ней.
Ах, дружбы чище и верней
ведь и на самом деле
он не встречал доселе.
И он дарил ей все, что мог:
то зеркальце, то поясок,
то новую гребенку.
Что́ надобно ребенку?..
И добрым словом привечал,
и шутки ради величал,
без тени мысли скверной,
своею благоверной.
И этим прозвищем горда,
она и вправду никогда
его не покидала
и вместе с ним страдала.
И то была Христова кровь,
жизнь, перешедшая в любовь,
что в детском сердце этом
пылала дивным светом...

И так три года истекло.
И хоть страдал он тяжело,
а немощное тело
почти что омертвело,
согрет был Генрих тем теплом,
что согревало этот дом,
в семействе, столь счастливом,
сколь и благочестивом.
Желая Генриху помочь,
все трое — мать, отец и дочь —
по вечерам сидели
вблизи его постели...
Так и в ненастный вечер тот,
уставши от дневных забот,
все пребывали снова
у бедного больного
и горевали вместе с ним,
что злобный рок неумолим...

Хозяина немало
грядущее пугало.
И вправду знал он наперед,
что вслед за тем, как граф умрет,
придет властитель новый,
воистину суровый,
кто их нещадно разорит...
И хуторянин говорит:
«Вы нас не обездольте...
Вопрос задать дозвольте!
О, наш любимый господин,
хоть я и дожил до седин,—
соображаю скверно:
я слыхивал, в Салерно
полно великих докторов,
презнаменитых мастеров.
Что толку в их науке,
коль длятся ваши муки?..»

И бедный Генрих зарыдал:
«Я твоего вопроса ждал.
Но лекарь здесь не нужен:
сей жребий мной заслужен...
Да,— Генрих, всхлипнув, продолжал,—
я, жалкий червь, воображал,
что я добыл по праву
богатство, власть и славу
и что открыты предо мной
ворота радости земной,
что ждут меня утехи
за некие успехи.
Но позабыл я лишь одно:
все это богом мне дано,
а то, что им дается,
то и назад берется.
Так я, глупейший из глупцов,
вообразил в конце концов,
что обойдусь без бога,
имеючи столь много
земель и всякого добра,
и коль судьба ко мне добра,
то ждут меня тем паче
всегда одни удачи,
что все добыть могу я сам,

не обращаясь к небесам...
И вот я гибну ныне
из-за своей гордыни!
Небес захлопнулись врата,
иссякла божья доброта,
его любви мне не вернуть,
мне в светлый рай заказан путь,
за спесь меня казнит господь,
вконец моя прогнила плоть,
страшны мои мучения,
и нет мне излечения!
Глумленье злых людей сношу,
от добрых спрятаться спешу,
чтоб жутким обликом своим
не омрачать веселья им,
и сам стыжусь урода,
которого природа
лишила попросту всего:
ведь я уродливей его.
Вот что такое гнев господень!..
Однако сколь ты благороден,
ты, и жена твоя, и дочь!
Меня вы не прогнали прочь,
судьбы не устрашились,
а как бы приобщились
к огню, в котором я горю.
Но чем вас отблагодарю?
Ведь я-то жду, поверьте,
всего лишь близкой смерти.
Так есть ли на земле на всей
беда ужаснее моей?
И я, в предсмертной боли,
не властелин ваш боле.
Но ты, мой друг, жена твоя,
ты, *благоверная моя,*
поверьте, что сторицей
(небесною клянусь царицей!)
воздастся вам когда-нибудь
за вашу праведную суть,
за все добросердечье
к познавшему увечье...
Ну, а теперь на твой вопрос
отвечу, не скрывая слез:
в Салерно, в самом деле,

провел я две недели,
У всех врачей перебывал,
но тщетно, тщетно к ним взывал
и слезы лил обильно:
искусство их бессильно!
И вдруг, представь, я узнаю:
чтоб излечить болезнь мою,
на смерть должна решиться,
ножа не устрашиться
одна из мужественных дев,
что, смертный страх преодолев,
под нож зловещий ляжет,
себя убить прикажет.
И нож ей сердце рассечет,
и кровь из сердца потечет,
и, той омывшись кровью,
я обрету здоровье.
Но так уж создан род людской,
что не найти души такой,
которая готова
погибнуть за другого.
И обречен я на позор,
пока господень приговор
не снимет в час кончины
с меня моей кручины...»
И, услышав, что Генрих сказал отцу,
обратила дева молитвы к творцу,
и она стояла в ногах господина,
словно ангел небесный, чиста и невинна.
И пока говорил он, она замерла
и слова его в сердце своем заперла,
чтобы спрятать их там до глубокой ночи,
и слеза ей туманила ясные очи.
А когда опустилась ночная мгла,
она сон родительский стерегла,
и, в ногах у них лежа, едва дышала,
и слезами ноги их орошала.
И тогда проснулись отец и мать,
и они не могли ничего понять:
отчего их дочь лишилась покоя,
не стряслось ли с ней несчастье какое?
Не хотела она сказать ни слова,
но отец посмотрел на нее сурово,
и она, повинуясь отцовской воле,

отвечала: «Страшусь я ужасной доли,
ожидающей нас, как сразит кончина
дорогого нашего господина.
И добро и честь мы тогда утратим,
навсегда отмеченные проклятьем.
Не дождаться такого графа нам боле,
и опять мы окажемся в злой неволе».
«Ты права,— родители отвечали,—
мы и сами-то вне себя от печали.
Но хоть жизнь безрадостна и жестока,
в причитаниях наших не много прока.
Не поможем графу мы ни слезами,
ни своими жалостными словами.
И пускай нас самих ожидают напасти,
изменить все это не в нашей власти.
Мы веленью господа не перечим,
так что, видишь, графу помочь нам нечем...»

Крестьянин мнил утешить дочь,
а между тем она всю ночь
ни разу не сомкнула глаз,
и жар в ее груди не гас.
И снова сутки протекли,
вновь спать родители легли,
а дева в то мгновенье
свершает омовенье.
Во глубине ее души,
в той заповеданной тиши,
решение созрело:
пасть за святое дело!
Недетской твердости полна,
молилась истово она.
О, как легко и сладко
до капли, без остатка,
за господина жизнь отдать!
О, только бы отец, и мать,
и граф, в своей печали,
перечить ей не стали!
Ужасен был бы их запрет!
Где явь? Где сон? Где смысл? Где бред?..
О небо! Смилуйся над ней!..
Но тут родительских ушей
стенания коснулись,
и мать с отцом проснулись.

«Да что же ты с собой творишь?
Да ты вторую ночь не спишь!
И мы не спим из-за тебя!
Утешься... Пощади себя...
Господь терпел и нам велел.
И состраданью есть предел.
Да ты сама едва жива!..»

Увы! Напрасны все слова!
О мыслях, что в ней созревали,
крестьяне не подозревали.
Тогда ответила она:
«Погибнуть скоро я должна
за господина своего!
Да вы ведь сами от него
узнали обо всем подробно...
Что́ исцелить его способно,
известно, стало быть, и вам.
И я ему всю кровь отдам,
лекарством нужным обладая:
чиста, невинна, молода я,
и хватит духа у меня,
жестокой смерти не кляня,
пасть ради графа дорогого,
коли нет выхода другого!»
Отец и мать в печали
сладчайшей отвечали:
«Забудь, забудь об этом, дочь.
Не в силах ты ему помочь,
ведь ты совсем еще дитя,
а смерть приходит, не шутя,
кого угодно скосит
да имени не спросит.
Благодарение судьбе,
со смертью встретиться тебе
с тех пор, как ты роди́лась,
еще не доводилось.
А что такое *«умереть»?*
Вовек не просыпаться впредь,
вовек не видеть света.
Пойми, что значит это!
Страшись к сей бездне подойти!
Назад оттуда нет пути:
моленья безответны,

и сожаленья тщетны.
Спешим тебя предостеречь:
смотри, идет о жизни речь!
А что — помилуй боже! —
на свете есть дороже?..»
Так бедные отец и мать
пытались дочь увещевать
то ласковым и добрым словом,
то наставлением суровым.
И дочь сказала наконец:
«Мой добрый, дорогой отец!
Хоть небогата я умом,
и прежде знала я о том,
что смерть, сжирая все живое,
в мои года страшнее вдвое.
Но кто до старости дотянет,
счастливей все равно не станет.
Ведь смерть нагрянет и к нему,
и все, чем жил он,— ни к чему!
Увы, не стоило трудиться,
на свет не стоило родиться,
когда нам, смертным, суждено,
сейчас ли, завтра,— лишь одно!
Я предпочту иную участь:
угаснуть в юности, не мучась,
и вместо жизни быстротечной
вкусить услады жизни вечной.
Я знаю: милостивый бог
меня допустит в свой чертог,
и нет у вас причины
для столь большой кручины...
Родимые отец и мать!
Молю: не надо горевать,
на небо негодуя.
Все беды отведу я
от дома нашего, от вас.
Едва пробьет мой смертный час,
воспрянет повелитель —
наш добрый покровитель.
Коль будет здравствовать наш граф,
никто не тронет ваших прав,
но бедствия неотвратимы,
коль смерть его не отвратим мы.
Теперь вам ясно, почему

свой жребий с легкостью приму.
Пора спешить, пока не поздно!
Беда нависла грозно!..»
Мать безутешно слезы льет:
«Душа-то у тебя не лед!
Ты только, доченька, подумай,
как много в жизни сей угрюмой
познали горя мы и зла,
покуда ты не подросла!
Все, что смогли, тебе мы дали,
но не такой мы платы ждали.
За что же ты мне сердце рвешь?
Нет! Замысел твой нехорош!
Ведь ты, давая свой обет,
ввергаешь нас в пучину бед.
Иль не завещано творцом
чтить после бога мать с отцом?!
Иль бог послушным детям
не платит долголетьем,
чтоб после их принять в раю?!
Ты молодую жизнь свою
сама отдать нам рада?
Нам этого не надо!
На что он, граф, с его добром?
Коль ты умрешь, и мы умрем,
лишившись дочери родной:
ведь живы мы тобой одной.
Ты в жизни всем была для нас:
отрадой старых наших глаз,
и солнечным весенним светом,
и девственности юным цветом,
успевшим дивно расцвести,
была нам посохом в пути,
была нам нашим раем...
И мы тебя теряем?
Беспомощные старики,
ужель, рассудку вопреки,
мы жить должны в тоске постылой,
рыдая над твоей могилой?
Нет, дочка, этого не будет!
Иначе бог тебя осудит!..»

И дева отвечает ей:
«Что есть родителей родней?

Какими высказать словами,
в каком долгу я перед вами?
Любовью вашей рождена,
сколь щедро я награждена!
Без вас была бы я несчастна:
я это помню ежечасно.
Вы дали сердцу моему
любовь и силу, страсть — уму
и наделили красотою,
которой, может, я не стою:
повсюду люди говорят,
что на земле на всей навряд
еще отыщется девица,
что красотой со мной сравнится.
И не было б страшнее зла,
когда б ослушаться смогла
или обидеть вас коварно
я, кто навек вам благодарна!..
Тебя, моя родная мать,
святой готова я назвать.
Так загляни в мою ты душу:
с годами я все больше трушу,
чтоб твердый дух мой не ослаб
и жертвой сатанинских лап
внезапно плоть моя не стала,
чтоб муки я не испытала,
вдруг над собой утратив власть!
О, как легко в безумье впасть!
А где ж душе ограда
от злобных козней ада?!
Жизнь — это пагуба одна:
смущает души сатана.
О горе! Постепенно
мы катимся в геенну.
И хоть всемилостивый бог
меня пока что уберег
от вожделений грязных,
таящихся в соблазнах,
от низменных мирских сует,—
я все ж страшусь: с теченьем лет
не устоять пред искушеньем,
что будет небу поношеньем!
Страшусь, что овладеет мной
та жажда радости земной,

та дьявольская сила,
что столько душ сгубила!
И пусть я завтра поутру
по воле господа умру,
я снова повторяю:
не много я теряю!
Что́ жизнь? Ее услады — яд,
любовь — беда, томленье — ад,
ее богатство — нищета,
а долголетие — тщета,
желание порочно,
и все в ней, все непрочно.
Цвет вянет, старятся сердца,
и лишь страданьям нет конца,
лишь смерть, что окаянна,
прочна и постоянна.
И от нее вас не спасут
ни светский, ни духовный суд,
ни знатное происхожденье,
ни щедрое вознагражденье,
ни власть, ни ум, ни красота,
ни сладкозвучные уста:
она, хоть миру ненавистна,
в известном смысле бескорыстна.
Что ей бесчестье? Что ей честь?
Что прямодушие? Что лесть?
Что истина? И что — обман?
И жизнь и юность — все туман!..
Да, все вокруг туман и пыль...
Покрыта мерзостная гниль
богато вышитым ковром...
Сие не кончится добром!
По топи человек идет:
путь в преисподнюю ведет!..
Так стоит ли себя терзать,
моя возлюбленная мать,
коль дочь любимая твоя
стремится в лучшие края,
в надзвездные пределы
от грозного удела?
Ведь платят дорогой ценой
за счастье дочери родной!
Ты в этом убеди отца.
Несчастный! Нет на нем лица.

Утешь его и успокой:
он мучим страхом и тоской.
Увы, в слепой любви ко мне
постичь не может он вполне,
какое все мы вскоре
преодолеем горе!
Лишь я навек сомкну глаза,—
тотчас рассеется гроза
и, может быть, на годы
минуют вас невзгоды.
Но предположим: год иль два
я буду все еще жива,
а наш заступник умирает —
и новый князь нас разоряет.
Скажи, что ждет меня тогда?
Неодолимая нужда,
забота о голодном муже?!
Такая участь — смерти хуже.
Однако ты себе представь
на миг совсем другую явь:
граф жив, и я жива-здорова,
никто нас не лишает крова,
я графу бедному служу.
Но вот я замуж выхожу:
не за него, а за другого!
Ты спросишь: «Что же тут дурного?»
Так знай: коль мужа полюблю,
то господина оскорблю.
А мужа коль возненавижу,
тем самым господа унижу.
А это — смерть. А это — ад...
О, нет мне, нет пути назад!
Я жизнью тягощусь земною.
Но день настанет, и за мною,
уставшей от забот земных,
небесный явится жених,
тот, кто меня столь долго жаждет,
по ком больное сердце страждет,
кому бы я отдать хотела
жар моего молодого тела,
жених мой — земледелец вольный,
отрада деве богомольной.
Легко за плугом он идет
и чудо-борозды ведет.

И в том крае нет ни морозов, ни зноя,—
достаток в домах, изобилье сплошное,
и там куры не дохнут, телята не мрут,
и детишки голодные не орут.
Ни жажды, ни голода там не знают,
ни о чем не печалятся, не страдают,
несчастья не тяготеют над ними.
Старики там становятся молодыми.
Не грозят им ни паводком, ни пожаром.
И работать не надо — бери все задаром!
Вот куда я стремлюсь, мать моя дорогая.
Отпусти же дочь свою, не ругая.
Плохо людям слабым, маленьким, беззащитным:
то огонь, то вода, то еще что грозит нам.
Все, что год создавал, разрушают в мгновенье
то пожар, то буря, то наводненье.
Если ты жалеешь меня и любишь,
то запретом дочь свою не погубишь,
чтоб любовь я за нелюбовь не считала
и пред господом нашим, Иисусом Христом, чтоб предстала,
чья любовь не знает различий меж мною,
жалкой нищенкой, и королевской женою...
Да, конечно, чтить родителей надо,
эту заповедь помню я, Христа возлюбившее чадо.
Кровь от крови и плоть я от вашей плоти.
Вы, что дали мне жизнь, эту жизнь бережете.
Но еще есть заповедь на скрижали:
чтоб мы также и самих себя уважали,
и чтоб верность сами себе мы хранили
и свое достоинство не уронили.
Говорят, так часто на свете бывает,
кто других веселит, тот порой о себе забывает,
восхваляя других, сам впадаешь порой в униженье,
почитая других, вдруг теряешь к себе уваженье.
Да, я буду любить вас, до гроба вам верной останусь,
но себя не унижу, с мечтой своей не расстанусь.
Вы, родители милые, дочь родную простите.
Коль мне блага желаете, с миром меня отпустите.
Нет, уж лучше заставить вас поплакать недолго,
чем забыть свою цель и не слышать веления долга!
Час прощания близок. Я с жизнью сливаюсь иною.
Мои сестры и братья вам радостью будут земною,
и они вас утешат, одних вас в беде не оставят!
Но ни жалость, ни слезы меня отступить не заставят!

Ни за что не сверну я с указанной богом дороги,
господина лишив единственной в мире подмоги...
И, его воскресив, сама обрету я спасенье,
хоть и тягостно сердцу постигшее вас потрясенье.
Но стенать над моим не придется вам гробом
или видеть меня умирающей, мучимой смертным ознобом.
И себя не терзайте вопросом: где мы дочь свою похороним?
Там, где смерть я приму, вход закрыт навсегда посторонним.
В Салерно это случится,
где нам суждено разлучиться,
чтоб, уйдя от дьявола, от духа злого,
встретиться снова...
Так смерть моя будет вам искупленьем,
а мне — избавленьем...»

И когда они увидали,
что, как бы они ни рыдали,
дочь им не переубедить,—
зря только раны бередить,—
и все, что с нею происходит,
от бога на нее нисходит,
и, очевидно, неспроста
ребенку, девочке, в уста
божественная сила
такую речь вложила,—
они смекнули наконец,
что здесь не прихоть!.. Здесь творец
гласит ее устами...
(Иль мы не помним с вами,
сию историю излагая,
возмужание святого Николая,
который младенцем еще, в колыбели,
чего ни с кем не бывало доселе,
воспринял святое ученье Христово,
чудесно постигнув господне слово?..)

И в душе они оба решили,
что пред господом бы согрешили,
если б дочь отговаривать смели
от указанной господом цели.
Но едва они так решили, как разом
горе им затуманило разум:
нет, не выдержать этого расставанья,
несмотря на любые обоснованья!..

Им худо, им страшно было,
от ужаса их знобило.
И, сидя на постели,
они окаменели.
Что делать? Куда податься?
На уговоры поддаться?
Но если на это решиться —
значит, ее лишиться?..

Сидели они, гадали:
как же быть с нею дале?..
И мать сказала: «Все равно!
Все небесами решено.
И провиденью безразлично,
что наше горе безгранично.
Так приготовимся теперь
к страшнейшей, к худшей из потерь.
Перечить дочери не станем,
хоть сердце в кровь себе израним.
Как умрет она,— сами умрем в одночасье!..»
И они ей дали свое согласье.

Чистейшая дева, узнав об этом,
той же ночью, перед рассветом,
несчастному графу стучит в окно.
«Вы спите?» — «Нет, не сплю давно.
Но объясни сначала,
ты что так рано встала?»
«Ах, как же я уснуть могу,
коль перед вами я в долгу.
И так я вас жалею,
что и сама болею!»
Он прошептал, едва дыша:
«Спасибо, чистая душа!
Да будет воздаянье
тебе за состраданье.
А я погибнуть обречен
и бесконечно удручен
не собственной судьбою:
разлукою с тобою!..
О, если б понимала ты,
венец добра и чистоты,
какая в сердце рана!..»
«Отчаиваться рано,—

сказала девушка в ответ.—
На то причин особых нет.
Спасение возможно,—
я говорю не ложно,—
коль все зависит от меня!..
Я не хочу терять и дня
и к вашему же благу
под нож в Салерно лягу!
И к вам вернется жизнь тогда.
Все остальное — не беда.
Ведь вы, избавясь от болезней,
намного лучше и полезней
способны жизнь прожить, чем я...»
Граф, восхищенья не тая,
с глазами, влажными от слез,
благоговейно произнес:
«Моя возлюбленная жена!
Жизнь нам обоим равно нужна,
а смерть — не такая уж сладкая штука,
но еще ужасней предсмертная мука.
Все не так просто, как ты полагаешь,
когда мне помощь свою предлагаешь.
Я твой порыв оценил вполне...
Немалое счастье выпало мне
с подобной встретиться чистотою,
с безгрешным сердцем, с верой святою
в великую силу любви и добра...
О, я бы со смертного встал одра,
когда бы это приказала
ты, кто святость свою доказала.
Чудо господь сотворил:
сердце твое отворил
чужому страданью, чужой печали...
Но кем бы люди меня считали,
если б я принял жертву твою?
Пред страшным выбором я стою!..
Супруга милая, прости,
но ты еще дитя почти,
и хоть мечты твои безгрешны,
решенья чересчур поспешны.
Все больше сердцем! Не умом!
А сколько горьких слез потом
и горьких разочарований
по исполнении желаний!..

Дитя мое, не я ли сам
взывал к бессмертным небесам,
моля о скором избавленье?
В твоем же волеизъявленье
есть прихоть детская, поверь!
Еще не раз себя проверь!
Все взвесь и рассуди толково!..
Но окончательное слово
не ты, мой друг, должна сказать,
а лишь твои отец и мать.
Мы только их исполним волю!
Неужто загубить позволю
жизнь благодетелей моих,
родную дочь отняв у них?!»
Так он сказал и усмехнулся,
решив, что он и впрямь рехнулся:
неужто все, что слышит он,
явь, а не глупый, дикий сон?!
Но мать и отец сказали:
«Вы столько нам в жизни дали
и столько сделали для нас!
Мы не решимся на отказ
и за добро добром отплатим,
хоть дочь любимую утратим!
Она, в надежде вас спасти,
на смерть отважилась пойти
и объявила нам об этом,
мы долго медлили с ответом...
Тому уж скоро третий день.
Мы сами превратились в тень.
Но дочь вам отдаем с любовью,
во благо вашему здоровью.
Того, как видно, хочет бог...»

И они затряслись с головы до ног,
и в отчаянье руки ломали все трое...
Но вернемся к рассказу о нашем герое.
Хоть чувство надежды в нем ожило,
графу было особенно тяжело.
Нестерпимо родного ребенка лишиться,
но, однако, еще тяжелее решиться
у родителей ребенка отнять...
Здесь мы бедного Генриха можем понять.
Он, как сказано в книге, рыдал и метался:

то он принял их жертву, то вновь отказался,
сожалея о том, что сам натворил...
Наконец согласился и поблагодарил
всю семью (разумеется, нелицемерно)
и сказал, что пора собираться в Салерно.
Ну, а дочь? Та затеяла пышные сборы:
«Дорогих лошадей! Дорогие уборы!
Бархат! Шелк! Кружева! Горностаевый мех!
В этот день я хочу быть красивее всех!..»

И опять родители зарыдали,
как такую красавицу увидали.
«Ну за что, ну зачем нам ее отдавать?
Как мы смеем позволить дитя убивать?..»
Нет, я просто рассказывать дальше не в силах
об ужасных страданьях людей этих милых.
Горе матери: вот оно, перед вами...
Скорбь отца... Передать ли ее словами?..
Но держались они одним убежденьем:
это все предначертано провиденьем,
это бог избрал их любимую дочь
человеку страждущему помочь,
и, конечно же, высшая сила
бедной девочкой руководила,
и ее позвала, и ее повела
на святые, на божеские дела...
Ах, когда б они рассуждали иначе,
мы, пожалуй бы, не разрешили задачи:
отчего же не разорвались сердца
ни у страждущей матери, ни у отца.
Но печаль их сменила отрада
от сознанья: так надо! Так надо!..

Граф и девушка скачут в Салерно.
Оба счастливы неимоверно,
хоть ее огорчает немного,
что так далека дорога.
Графа нужно быстрее спасти,
но мешает дальность пути.

В Салерно они прискакали,
врача того отыскали:
«Вот она, кем я буду спасен!..»
Врач узнал его. Врач потрясен.

А затем, состраданьем влекомый,
к бедной девушке незнакомой
он подходит и молвит: «О дочь моя,
расскажи, ничего не тая.
Что здесь: чистой любви побужденье?
Иль угроза? Приказ? Понужденье?
Хочешь верность ему доказать
иль не можешь ему отказать,
повинуясь мольбам господина?..
Мне должна быть известна причина
решенья страшного сего!»
«Веленье сердца моего!» —
не замедлила дева с ответом.
От нее не скрылось при этом,
как врач на нее дивился.
Он в сторону с ней удалился
и свой вопрос повторил:
«Не твой ли граф подговорил,
в преступном бессердечье,
тебя на эти речи?
Достаточно тебе чуть-чуть
себя, меня ли обмануть,
хотя бы и под страхом,—
как все пошло бы прахом:
мое искусство, подвиг твой;
ты не останешься живой
и сердце изничтожишь,
но графу не поможешь!
Как говорят: сто раз отмерь!
Все взвесь, себя спроси, проверь,
нет ли в душе сомненья
и не нашло ль затменья!..
И слушай, что произойдет,
как в силу договор войдет.
Воображаешь сцену?
Вот я тебя раздену,
и ты, раздевшись догола,
уже не встанешь со стола,
но, стыд превозмогая,
несчастная, нагая,
начнешь кричать беззвучным ртом...
Сказать, что ждет тебя потом?
По правилам науки
тебе свяжу я руки,

и ноги я тебе свяжу,
и прямо в сердце нож всажу,
и, грудь пронзив и спину,
живое сердце выну!
Еще одно узнать изволь:
страшна не смерть. Ужасна боль!..
Что? Ты в ответ ни слова?!
Ты лечь на стол готова?!
А *дух* тебя не подведет,
когда дыхание сведет?
А при упадке духа —
полнейшая проруха!
О, эта боль! О, этот ад!
При этом нет пути назад.
О, сколь я сам несчастен,
что к *этому* причастен!
Нет, в жизни мне не повезло:
избрал я злое ремесло...
Ах, погоди хоть малость!..»
Но дева рассмеялась:
«Спасибо вам, великий врач!..
Мне тоже не везет, хоть плачь:
сомнение тревожит
и опасенье гложет.
Поди, и вправду откажусь
не оттого, что не гожусь:
не я оказалась слабой,—
вы оказались бабой!
Да ведь у вас наверняка
от страха задрожит рука.
Вы, первый врач Салерно,—
и трусите безмерно!
Вы зайцу серому родня!
Но только жаль вам не меня,
не смерти моей ранней,—
своих вам жаль терзаний!
А может быть, давно мертво
былое ваше мастерство
и силы в вас иссякли?!
Ну! Я права? Не так ли?!
Я женщина — и я сильна
и в действиях своих вольна,
и я на стол ваш лягу,
но вы — назад ни шагу!

А что наслушалась от вас
я всяких ужасов сейчас,
то это все не ново:
я к ним давно готова.
«Поймите же, что никогда
я б не приехала сюда,
коль с самого начала
я главного не знала;
не струшу и не отступлю,
а господину жизнь куплю,
себе же — доступ в царство божье!
Так не тряситесь мелкой дрожью!
Час избавленья чуя,
сейчас плясать хочу я!
Граф исцелится наконец,
меня к себе призовет творец,
и не во сне, а наяву,
я в царстве божьем заживу,
увенчана короной,
господом даренной!..»

И понял мудрый врач тогда,
что она в решенье своем тверда,
что не может она поступить по-иному,
и ее повел он к графу больному.
«Счастливейший из людей земли,
о чем и мечтать нельзя — вы нашли!
Все сомненья отпали. И вскорости
от своей вы избавитесь хворости!..»
Он повел ее в комнатку тайную,
где все мраком покрыто и тайною,
а графу за дверью велел остаться,
в тайную комнату не соваться,
сколько б это ни длилось часов,
и запер дверь на тяжелый засов.

Там, где стояли различные склянки,
он велел раздеться юной крестьянке,
и она, повинуясь приказу,
охотно и сразу
платье сняла, обнаженной осталась,
но не стеснялась...
И врач увидал: на диво
это юное тело красиво.

И так жаль врачу ее стало,—
прямо сердце стучать перестало
и рассудок чуть не отказал...
И он сам ей об этом сказал.
Но она его умоляла,
вновь и вновь повторяла,
чтоб он продолжал свое дело
и скорее разрезал ей тело.
Вот и стол она видит высокий,
где обряд свершится жестокий.
Лекарь девушку за руку взял,
взобраться на стол приказал.
Она легла без тени тревоги.
Он связал ей руки и ноги,
а потом стал подыскивать нож:
который из них хорош?
(Их здесь много, широких и длинных,
для дел отнюдь не невинных.)
Пусть внявшая голосу долга
хотя бы страдает недолго,
и легко, и быстро умрет...
Лекарь камень точильный берет,
и точит свой нож, и точит,
к делу все приступить не хочет!

А бедный Генрих, за дверью стоя,
чувство испытывает не простое.
Он удручен, озадачен,
великим смятеньем охвачен.
Ах, ужель не увидит он снова
черты лица дорогого?
А если он их увидит,
то здоровым отсюда не выйдет.
Но ему исцеленье обещано?
Вдруг в стене замечает он трещину
и, прильнувши к ней, видит сквозь щель
этот стол, что похож на постель,
а вернее, на смертное ложе,
на котором,— господи боже,—
связанная, нагая,
лежит его дорогая.
«О, как же ты глуп! — сказал он себе,—
ты ждешь перемен в своей скорбной судьбе
и требуешь избавленья

без божьего соизволенья!
Ты небом страдать осужден навек,
а хочешь, чтоб спас тебя человек?
Глумясь над господним словом,
надеешься стать здоровым?!
На *что* ты девушку подговорил?
Да сам ли ведал ты, что творил?
Смерть ее будет лишней,
ибо все решает всевышний!
Исцелит — ликуй, не простит — страдай.
Только девушке умереть не дай,
кровью чистой своей твой позор оплатить!..»
И, не выдержав, начал он в дверь колотить.
«Отворите скорее, я вам говорю!»
«Господин, как закончу, так и отворю:
ни мгновенья нельзя в этом деле терять!»
«Отворите же! Сколько вам раз повторять!
Надо кое-что нам обсудить непременно!»
«Говорите... Мне слышно вас и сквозь стену».
«Нет! Сквозь стену я не хочу говорить!»
Что поделать? Пришлось ему отворить.
И Генрих в комнату вошел,
увидел тот высокий стол,
где связанная дева,
нагая, словно Ева,
исхода сладкого ждала...
Тут он, схватясь за край стола,
вскричал: «Дитя невинное!
Не буду я причиною
ужасной гибели твоей!
Врач, развяжи ее! Скорей!
Да будет освобождена
та, что для жизни рождена
и столь собой прекрасна.
За что ей гибнуть понапрасну!
Спасибо за твое добро.
А золото да серебро,
согласно уговора,
ты, врач, получишь скоро!»
(И мы заметим мимоходом:
врач счастлив был таким исходом.)
Но когда спасенная поняла,
что судьба ее жертву не приняла,
то, свой стыд позабыв девичий,

против всяких правил приличий,
принялась она истошно рыдать,
на себе в исступлении волосы рвать,
так, что все, кто это видали,
сами также рыдали.
И металась она, и кричала она:
«Боже мой! Я отныне всего лишена!
Развеялся сон мой чудесный!
Не владеть мне короной небесной!
Если бы мне удалось пострадать,
то и впрямь корону небесную дать
должны были б мне за страданья.
Ах, напрасны, напрасны старанья!
О ты, кто благ на небеси,
меня, несчастную, спаси
и господина со мною вместе.
Какой великой лишились мы чести:
он — плоть спасти, я — дух спасти
и, не ропща, свой крест нести!..»
Так она голосила,
о смерти просила,
охвачена безграничной тоской,
к доброте взывая людской.
Но в столь необычном и страшном деле
ей люди, конечно, помочь не хотели.
Нет, никто ей, никто не помог.
И молчали и люди и бог...
И тогда господину пенять она стала:
«Сколько я всего из-за вас испытала!
Как глумились вы надо мной!
А всему ваша слабость виной.
Это вы меня к жизни вернули!
Да и люди меня обманули:
«Рыцарь! Мужествен! Неустрашим!..»
Ах, зачем я поверила им
и разгневала господа бога?
Мне совсем оставалось немного
до конца, но в решающий миг
вы отчаянный подняли крик.
Вы за гóре мое в ответе.
Вы трусливее всех на свете.
Я ведь нá смерть пошла. А вы?
Потерпеть не решились, увы!
Что ж вас так напугало, узнать нельзя ли?

Может, то, что меня связали?
Но ведь, стоя за толстой стеной,
как вы видеть могли, что со мной?
Может, вы, бесстрашнейший витязь,
обвиненья в убийстве боитесь,
потому и вбежали к врачу?
Ну, так я вас заверить хочу,
что, если меня не будет,
вас никто не осудит,
не обвинит в преступленье,
а напротив, вас ждет исцеленье».

Все тщетно — деве быть живой!..
А Генрих тяжкий жребий свой
как рыцарь набожный приял,
он твердости не потерял
и чистоты душевной,
назло судьбе плачевной...
Не выполнив обета,
вновь девушка одета
и снова жить обречена.
Врачу заплачено сполна.
И Генрих с грустью необъятной
тотчас пустился в путь обратный,
при этом был вполне готов
услышать гогот наглых ртов,
и вопль, и рев толпы презренной
на родине благословенной.
Что ж! Пусть толпа гогочет!
Все как господь захочет!..
А дева так измождена была,
так много слез горючих пролила,
что силы ей внезапно изменили:
и впрямь она близка к могиле.
И тогда помог ей в беде
тот, кто с нами всегда и везде,
кто людские сердца отворяет,
радостью их одаряет,
кто диво дивное свершил
и этих двоих испытать решил,
как Иова когда-то:
тверда ли их вера иль слабовата?..
И то был Иисус Христос,
кто избавленье им принес

за то, что душа в них жила человечья,
за их милосердье и добросердечье...
Чем ближе к отческому дому,
тем легче делалось больному.
Проказа с Генриха сползла —
господня милость его спасла.
Господь своей любовью
вернул ему здоровье.
И Генрих снова жизни рад,
как двадцать лет тому назад.
Слух о чудесном исцеленье
шел из селения в селенье,
народ о чуде узнавал
и непритворно ликовал:
ведь милосердье и пощада
и есть небесная услада.
Меж тем высокородные князья —
всё Генриха ближайшие друзья
(которые в беде с ним не встречались) —
ему навстречу мчались.
Не веря слухам и словам,
любой хотел увидеть сам,
что исцеляет наш господь
не только дух, но также плоть
от хвори беспощадной.
И вот — пример наглядный!

А хуторянину с женой
казалось: сгинул сон дурной,
свершилось чудо божье!
(Скажу: была бы ложью
попытка разуверить вас,
что оба не пустились в пляс
при первом извещенье
о дивном возвращенье
их дочери родимой,
живой и невредимой,
и графа дорогого,
здорового, живого.)
Нет, не могли отец и мать
ни слез, ни смеха удержать,
в них все перемешалось,
что в сердце умещалось.
Как будто сняли их с креста!..

И хоть смеялись их уста,
из глаз текли на щеки
горячих слез потоки.
Вновь слезы хлынули из глаз,
когда не три, а тридцать раз
они поцеловали
ту, что уже не ждали.
(И в этом я поверю
старинному поверью.)
Явился в каждый швабский дом
желанный праздник. Все кругом
шумело, веселилось,
веселие вселилось
в сердца воспрянувших людей.
Свидетели тех давних дней
в преданьях рассказали,
что в Швабии едва ли
встречали так кого-нибудь,
цветами устилая путь...

Но вы узнать хотите
дальнейший ход событий?
Чтó Генрих? Как его дела?
Недурно, господу хвала!
Он вновь здоров, и вновь силен,
и вновь почетом окружен,
он стал еще богаче...
Но жить он стал иначе:
достойней, чище, строже,
в согласье с волей божьей.
А хуторянину тому,
который дал приют ему,
он отписал именье
в вечное владенье.
Не позабыл он и о ней,
кто всех была ему верней,
о дорогой *супруге:*
он с ней делил досуги,
и баловал, и обожал,
в шелка и в бархат наряжал,
как если бы и впрямь она
была *законная* жена,
а он ей — муж законный.
(Что ж: домысел резонный!..)

Но вот мудрейшие страны
сказали графу: «Вы должны
в конце концов решиться
на ком-нибудь жениться.
Быть холостым вам не к лицу.
Так поведите же к венцу
достойную подругу,
грядущую супругу!..»
Созвав друзей в огромный зал,
граф Генрих попросту сказал:
«Я высшей воле подчинюсь
и в скором времени женюсь.
Но вот на ком? Решайте сами!
Решение теперь за вами!»
И все, кто были в зале том,
сошлись немедля на одном:
пришла пора для брака!..
Кого вести к венцу, однако?!
Сей затруднительный вопрос
в большую ссору перерос:
кто прочит ту, кто — эту...
Да, нелегко совету!
В подобных случаях всегда
мы каждый тянем кто куда,
и собственное мненье
важней, чем единенье.
Когда же Генрих увидал,
что он решенья зря прождал
и дальше ждать напрасно,
он молвил громогласно:
«Друзья мои, в сей светлый час,
должно быть, многие из вас
еще хранят воспоминанье
о том, как я страдал в изгнанье.
Болезнью тяжкой удручен,
я был от мира отлучен,
люди меня избегали,
детей своих мною пугали.
Так чем же мне ответить той,
чьей ангельскою добротой
и бескорыстнейшей любовью
мне вновь возвращено здоровье?»
На сей раз общим было мненье:
«С ней, кто принес тебе спасенье,

жизнь и богатство раздели
и свадьбу праздновать вели!
Но *кто* счастливейшая эта?..»

И вот перед лицом совета,
свою красавицу обняв,
ответствовал спасенный граф
весьма прекрасными словами:
«Смотрите, вот она — пред вами,
кто от погибели и зла
меня, несчастного, спасла.
И я вам повторяю:
ее я выбираю!
Но, впрочем, ей решать самой:
быть ей со мной иль не со мной?
Но, в случае отказа,
клянусь: умру я сразу!..»
И богат и беден, и стар и мал
вскричали: «Истинно он сказал!..»
Священники их обвенчали.
И до старости без печали,
в согласье свои они прожили дни,
и в небесное царство вступили они...
Пусть и нам дарует господь эту участь:
мирно жить, умирать не мучась.
О господь, пощади нас и не покинь,
ниспошли нам свое милосердье. Аминь!..

КРЕТЬЕН ДЕ ТРУА

ИВЭЙН, ИЛИ РЫЦАРЬ СО ЛЬВОМ

Кретьен де Труа работал над своим романом «Ивэйн, или Рыцарь со львом» («Yvain ou Chevalier au lion»), как полагают большинство ученых, между 1176 и 1181 гг. Текст сохранился в семи рукописях (не считая небольших отрывков), датируемых XIII или началом XIV в.; пять из них хранятся в парижской Национальной библиотеке, две — в библиотеках Шантийи и Ватикана. Первое научное издание романа было подготовлено Венделином Фёрстером и выпущено в 1887 г. (Kristian von Troyes. Sämtliche Werke, B. II); переиздано в 1891, 1902, 1906, 1912, 1913, 1926 гг. По тексту Фёрстера осуществлен настоящий перевод. Он проверен по изданию Марио Рока (Les Romans de Chrétien de Troyes, v. IV. Paris, 1970). В переводе сделаны небольшие сокращения.

Стр. 31. *На Троицу...*— Троица (или Пятидесятница) была излюбленным летним праздником в эпоху средних веков, что отразило стойкость в народном сознании дохристианских верований и культов (Троица была летним праздником, тесно связанным с крестьянским календарем). Кульминационные моменты многих рыцарских романов — турниры, ответственные поединки, пиршества, заветные свидания и т. д.— обычно приурочивались к этому празднику. Как правило, в этот день в Кордуэле или Камелоте (одной из резиденций короля Артура) собирались все рыцари Круглого стола.

Стр. 32. *...в своей Бретани...*— Действие романа географически строго не локализовано. Оно разворачивается в некоем королевстве Артура, которое находится вообще в Британии — Большой (то есть Великобритании) или Малой (то есть на полуострове Бретань), причем, как правило, между ними различие не выявлено. *Сенешаль* — управляющий дворцовой челядью и одно из приближенных лиц короля в средневековой Франции. Согласно бретонским легендам, сенешалем Артура был его молочный брат Кей.

Стр. 34. *Пока не пробудились души.*— Далее Калогренан развивает свою мысль о том, как сквозь уши услышанное проникает к сердцу слушателя. *Броселиандский лес* — местность, упоминаемая во многих рыцарских ро-

манах. Его отождествляют с лесным массивом близ Плоэрмеля на юге полуострова Бретань, в современном департаменте Морбиан.

Стр. 35. *...галльской глухомани...*— Это можно понимать как указание и на Галлию, и на Уэльс. *Передо мною — дворянин.*— В оригинале сказано «вавассер» (то есть «вассал вассала»), владелец небольшого фьефа, зависимый от более крупного землевладельца. *Охотничья большая птица...*— Имеется в виду ястреб.

Стр. 37. *...обличьем сущий эфиоп...*— В оригинале пастух сравнивается с мавром. Этим именем в средние века называли в Западной Европе всех жителей Ближнего Востока, то есть мусульман. Сарацинами называли испанских мавров.

Стр. 39. *...камень самоцветный...*— В оригинале сказано «perron», то есть большой камень (но не простой валун, а, возможно, подвергшийся некоторой обработке).

Стр. 40. *...на наших ярмарках...* — XII столетие было в Западной Европе эпохой широкого распространения ярмарок. Особенно славились ярмарки в Шампани (в Бар-сюр-Об, Труа, Провене и Ланьи), которые проводились регулярно четыре раза в год и длились по многу дней. Упоминание ярмарок Кретьеном не случайно — поэт сам был уроженцем одного из самых оживленных ярмарочных городов.

Стр. 43. *Нурэддин* (в других редакциях — Лорадин) — турецкий султан Нур-Эддин-Мухамед (ум. в 1174 г.), игравший значительную политическую роль на Ближнем Востоке.

Стр. 45. *Откладывать не стоит мщенья!* — Далее кратко (32 стиха) пересказывается ожидающее Ивэйна приключение (то есть повторяется в сокращенном виде рассказ Калогренана).

Стр. 46. *...за бесчестие кузена...*— То есть Калогренана.

Стр. 50. *Вельзевул...*—В оригинале сказано: «дьявол ада». В Новом завете (Ев. от Матф., X, 25, XII, 24, 26) Вельзевулом назван глава демонов, то есть Сатана. Слово «вельзевул» — финикийского происхождения (название одного из местных божеств).

Стр. 52. *Вы при дворе меня встречали...*— То есть при дворе короля Артура. *Уриен*—отец Ивэйна и муж Бримезенты, король земли Горр, «страны, откуда никто не возвращается» (то есть страны смерти). Эта страна отождествляется с известным по кельтским легендам островом Авалоном, куда после смерти переселяются герои. В ряде рыцарских романов рассказывается о любовной связи короля Уриена с феей Морганой, сводной сестрой Артура.

Стр. 53. *Австрийский герцог...*— Австрийское герцогство было образовано в 1156 г. императором Фридрихом I и с тех пор играло все большую роль в европейской политике. Особенно значительным было правление герцога Леопольда V (1177—1194), округлившего свои владения и даже захватившего в плен Ричарда Львиное Сердце.

Стр. 56. *Капеллан* — священник при домашней церкви короля, герцога и т. д.

Стр. 62. *Смиренно служат ей монахи...*— В оригинале сказано «клирики», то есть окончившие соответствующую церковную школу и исполняющие ту или иную должность при церкви, но не обязательно принявшие постриг.

Стр. 66. *Высокородная Соваж* — девица, одиноко живущая в лесу (ее имя значит «Дикая») и предупредившая Лодину о том, что войско короля Артура через неделю прибудет к чудесному источнику.

Стр. 70. *Авель* — в библейской мифологии сын Адама и Евы. Характерно стремление средневековых авторов связать происхождение своих героев с персонажами древних (античных или библейских) легенд и сказаний.

Стр. 72. *Аграф* — пряжка или застежка тонкой ювелирной работы.

Стр. 73. *Любовь и плен друг с другом схожи...*— Мотив, не раз встречающийся в античной лирике, в частности у Овидия.

Стр. 74. *Эскладос* — первый муж Лодины Эскладос Рыжий, хранитель чудесного источника.

Стр. 76. *Римская императрица.*— Память о величии Римской империи еще была жива в сознании современников Кретьена, хотя самой империи уже давно не существовало; ее восточная часть с 395 г. стала Византийской империей со столицей в Константинополе; на Западе существовала так называемая Священная Римская империя, но власть ее императоров во многом была номинальной. В период написания Кретьеном романа императором был Фридрих Барбаросса.

Стр. 78. *Ландюк.*— Этот топоним не встречается больше ни в одном французском рыцарском романе. Этимология его не ясна. Некоторые ученые склонны читать «Лодюк», по созвучию с именем Лодины *....герцог Лодюнет// В поэмах и стихах воспет.*— В некоторых рукописях романа он назван Лодюдезом. В оригинале далее сказано, что о нем повествует одно «лэ». Такого произведения до нас не дошло. Очевидно, его и не было: мнимые ссылки на старые предания, или «лэ», типичны для рыцарского романа.

Стр. 82. *Сокольничий* — придворная должность; в обязанность сокольничего входило принимать участие в королевской охоте и заботиться о соколиной стае. *...на испанских скакунах...*— В Испании в средние века разводили специальную породу лошадей, очень рослых и сильных, которые могли нести тяжеловооруженного рыцаря. Лошади из Испании закупались всеми государствами Западной Европы, имевшими тяжелую конницу.

Стр. 83. *Мессир Гавэйн, племянник ваш...*— Гавэйн, чье имя встречается в десятках средневековых рыцарских романов, был, согласно традиции, сыном Лота Оркнейского. Лот был, в свою очередь, сыном герцога Хоэля Тинтажильского и Иджерны, матери Артура, и следовательно — сводным братом легендарного короля.

Стр. 84. *Луна Люнеттою звалась...*— Имя девушки произведено от французского слова «lune» — Луна. *...темноволосая Люнетта...*— По эстетическим канонам средневековья совершенной красотой могла обладать только блондинка с золотыми волосами (таковы основные героини куртуазной литературы средних веков — Изольда, Лодина в нашем романе и др.). Кре-

тьен не случайно делает Люнетту темноволосой: этим подчеркнут второстепенный характер ее любовной интриги.

Стр. 87. *Ко дню Святого Иоанна.*— То есть по церковному календарю 27 декабря.

Стр. 89. *Роскошный август наступает...*— В середине августа отмечалось Преображение, праздник, предшествовавший уборке урожая. Для средневекового человека это было важной временной вехой.

Стр. 94. *Нам с вами рыцарь пригодится.*— Далее девица кратко (всего 8 стихов) говорит о войне, которую вынуждена вести из-за своих земель госпожа де Нуриссон с претендующим на них графом Алье. *Моргана* — младшая дочь герцога Тинтажильского и Иджерны, матери Артура; наряду с Вивианой, возлюбленной Мерлина, Моргана часто упоминается в рыцарских романах как фея и волшебница.

Стр. 96. *Заторопился в дальний путь.*— Далее подробно (более 250 стихов) рассказывается, как Ивэйн посещает замок госпожи де Нуриссон, сражается с графом Алье и побеждает его и тем самым освобождает земли дамы. В награду она предлагает рыцарю стать сеньором здешних мест и ее мужем. Но Ивэйн не принимает этого предложения и снова пускается на поиски приключений.

Стр. 103. *...и королеву похищает.*— Похищение королевы Геньевры и поиски ее легли в основу сюжета другого романа Кретьена де Труа— «Ланселот, или Рыцарь телеги», писавшегося одновременно с «Ивэйном».

Стр. 105. *Когда судьба не так сурова.*— Далее рассказывается, как Ивэйн проводит ночь в одиноком замке. Его хозяевам угрожает злобный гигант Арпин Нагорный. Он сватается к дочери сеньора, но, получив отказ, грозится захватить замок и отдать девушку на поругание своим приспешникам. Ивэйн узнает, что девушка — племянница Гавэйна, и поутру вступает в бой с гигантом и побеждает его не без помощи льва. Распростившись с родственниками Гавэйна, рыцарь спешит на помощь к Люнетте. *Господь виновных осуждает...*— В средневековой практике судебные поединки были обычным делом. Считалось, что божественная сила дарует победу правому.

Стр. 111. *Закон старинный справедлив.*—В эпоху средних веков за целый ряд преступлений и проступков, в том числе за предательство, полагалась смертная казнь (в частности, сожжение на костре). Но если бывало доказано, что виновный оговорен ложно, та же казнь полагалась наветчику.

Стр. 114. *...господин де Шипороз.*— В оригинале он назван сеньором замка Черного Шипа.

Стр. 115. *Пробыв немало дней в плену...*—Королева Геньевра томилась в плену у злого рыцаря Мелеаганта и была освобождена Ланселотом. *Ланселот* — один из популярнейших героев артуровских сказаний и рыцарских романов; в прозаических обработках последних (XIII в.) он вытеснил всех остальных героев, прочно заняв первое место. Он был сыном короля Вана Бенойкского. Ланселот был воспитан на дне озера (отсюда его прозвание— Ланселот Озерный) и, выйдя оттуда, совершил многие подвиги во славу

своей дамы сердца королевы Геньевры. *...о том, что злого великана...*— То есть Арпина Нагорного (см. прим. к стр. 105).

Стр. 117. *Напала за полночь на след.*— Далее подробно рассказывается о поисках Рыцаря со львом, в ходе которых девушка встречает Люнетту и советуется с ней.

Стр. 124. *Перекрестилась мастерица.*— Далее рассказывается, как Ивэйн осматривает замок и знакомится с семьей его владельца, в том числе с его прекрасной дочерью. Герой решает вырвать девушку из окружающей ее обстановки. Но для этого, так же как и для того, чтобы выйти на свободу, надо победить двух отвратительных сатанаилов, рожденных смертной женщиной от дьявола.

Стр. 128. *Благодарят и прославляют.*— Далее Кретьен рассказывает, как Ивэйн отказывается от руки дочери владельца замка и от всех его богатств.

Стр. 146. *Скорее турок предпочтет в плен беспощадным персам сдаться...* — Интерес к Востоку и вообще знакомство с ним значительно повысились на Западе в эпоху крестовых походов. Однако представление о Востоке у средневекового человека было самое приблизительное; название той или иной национальности было условным указанием на доминирующие черты характера далекого и неведомого народа.

РОМАН О ТРИСТАНЕ И ИЗОЛЬДЕ

Различные версии романа, прежде всего стихотворные (среди них выделяются французские романы Беруля и Тома, сохранившиеся далеко не полностью, и написанный на немецком языке обширный роман Готфрида Страсбургского), начали появляться с конца 60-х годов XII в. Приблизительно в 1230 г. была сделана прозаическая французская обработка сюжета. В ней появились уже многие рыцари Круглого стола, и тем самым легенда о Тристане и Изольде была включена в общий контекст артуровских сказаний. Прозаический роман сохранился в нескольких десятках рукописей и был впервые напечатан в 1489 г. Одна из поздних рукописей (XV в.) легла в основу издания, подготовленного одним из крупнейших специалистов по средневековой французской литературе, Пьером Шампионом (1880—1942). По этому изданию (Le Roman de Tristan et Iseut. Traduction du roman en prose du quinzième siècle par Pierre Champion. Paris, 1938) выполнен наш перевод. На русском языке неоднократно (1903, 1913, 1938, 1956 гг.) печаталась обработка легенды, сделанная французским ученым Жозефом Бедье (1864—1938), и отрывки из прозаического романа в «Хрестоматии по зарубежной литературе средних веков» (1938, 1953).

Стр. 155. *Королева.*— В одних версиях легенды (немецких, скандинавских и других, восходящих к утраченным частям романа Тома) мать Тристана звали Бланшефлер (это имя принято и в известной обработке Ж. Бедье). В прозаических версиях ее звали Элиабель (один из средневековых вариантов

имени Елизавета). Отца Тристана звали соответственно Ривален (в версиях, восходящих к Тома) или Мелиадук (французские прозаические версии). *...в знак печали я нарекаю тебя Тристаном.*— Пример типичной для средневековья ложной этимологии. В действительности имя героя — пиктского происхождения (Друстан); этимология его не ясна. *Лоонуа.*— Родиной Тристана считают, в зависимости от национальной принадлежности исследователей, либо местность на границе Бретани и Нормандии, близ города Сен-Поль-де-Леон (в соборе которого якобы сохранялись остатки гробницы Мелиадука), либо графство Лотиан в Шотландии. *Гувернал.*— Это также пример средневековых попыток этимологического осмысления имени персонажа (то есть «управляющий»). В более ранних редакциях романа воспитателя Тристана звали Горвенал.

Стр. 156. *Хоэль.*— Этот король, согласно легендам правивший в Бретани, встречается во многих средневековых рыцарских романах. Такое же имя носил и первый муж Иджерны, матери Артура. В данном случае интересно отметить смешение вымышленной страны Лоонуа и вполне реального города Нанта. *...ко двору короля Фарамона.*— Мотив поездки героя в Галлию встречается лишь в прозаических версиях легенды. *Тавлеи* — игра в шашки или кости на специально разлинованном на квадраты столе.

Стр. 157. *Остров Святого Самсона.*— По мнению ряда ученых, это Лу-Айленд, небольшой островок у берегов Шотландии. *Гайерет.*— Это имя очень часто встречается в средневековых рыцарских романах. Гайерет (или Гаэрьет) был младшим братом Гавэйна и сыном короля Лота. Здесь он неожиданно оказывается в составе ирландской дружины. *...воцарился король Артур...*— Эта деталь не встречается в других обработках легенды; в них предполагается, что король Артур царствует уже с незапамятных времен.

Стр. 159. *Динас* из Динапа (правильнее Лидана) — сенешаль короля Марка и друг Тристана. Его имя образовано из кельтского словосочетания «динас лидан» (что значит «большая крепость»), где первое слово по ошибке стало именем человека, а второе — топонимом.

Стр. 164. *Рота* — музыкальный инструмент с пятью струнами, кельтского происхождения, распространенный в Западной Европе XI—XIII вв.

Стр. 165. *Хесседот.*— Это название замка встречается только в прозаических версиях романа о Тристане (иногда в варианте Хосседок). *Ирландский король.*— Здесь он зовется Ангеном (в других рукописях — Ангуином или Хангуином, что, пожалуй, более верно). *...у рыцарей... была привычка играть на арфе и петь...*— В действительности обязательно обучались игре на арфе профессиональные певцы — жонглеры. Умением играть на музыкальных инструментах и петь владели лишь редкие представители высшего общества, хотя это считалось благородным занятием; обучение музыке входило в программу подготовки идеального рыцаря, о чем не раз писалось в куртуазных романах и трактатах эпохи, но что крайне редко осуществлялось на деле.

Стр. 168. *Тантрис* — анаграмма имени Тристан. К этой кличке герой прибегает и во время своего безумия. Это имя встречается только в прозаических версиях романа, а также в небольшой поэме «Тристан-юродивый».

Стр. 169. *Перенис и Матанаэль.*— У этих братьев-оруженосцев была сестра Бранжьена, служанка Изольды.

Стр. 172. *В скором времени возненавидел король Марк Тристана...*— Этот мотив — результат поздней обработки сюжета. В ранних редакциях героя люто ненавидят приближенные короля (Одре и др.), опасающиеся, что после смерти Марка его престол перейдет к Тристану. Они требуют, чтобы Марк женился и родил наследника.

Стр. 174. *Камалот* — излюбленная резиденция короля Артура. Камалот иногда отождествляют с основанным римлянами поселением Камалодунум, нынешним Кольчестером (порт на юго-восточном побережье Англии, в графстве Эссекс). *...когда Тристан сразил Блоанора...*— В пространных версиях прозаического романа о Тристане много места уделено воинским подвигам героя, совершенным вместе с другими рыцарями Круглого стола. Эти приключения (в частности, победа над зловредным Блоанором, прозванным Рыцарем с Драконом) никак не связаны с основным сюжетом легенды.

Стр. 179. *...покинул Замок Слез...*— В пространных редакциях прозаического романа рассказывается, как путешественники во время бури вынуждены были укрыться в бухте Замка Слез.

Стр. 180. *Спальник* — важная придворная должность; в обязанности спальника (шамбеллана) входило управление всеми личными комнатами короля ....*в ленное владение.*— Ленное владение землей и доходами с нее, при условии несения военной службы и т. п., было наследственным и могло быть отнято только по особому постановлению.

Стр. 181. *...но не нашли Бранжьену.*— В пространных редакциях прозаического романа рассказывается, как служанка нашлась и вернулась к Изольде. *Одре* (в других рукописях — Андрет)—племянник короля Марка и заклятый враг Тристана.

Стр. 183. *Королевство Логрийское.*— То есть королевство Артура.

Стр. 190. *Авессалом* — в библейской мифологии сын Давида, воевавший против отца и погибший в битве в Ефремовом лесу. Причиной ссоры была месть Авессалома за поруганную Фамарь. *Соломон* — согласно библейским легендам, третий израильский царь, сын мудрого царя Давида. Соломон обладал чрезмерным любвеобилием, он якобы имел семьсот жен и триста наложниц. *Самсон* — персонаж библейской мифологии; он полюбил Далиду (или Далилу), которая, выведав, в чем таится его невероятная сила, лишила его этой силы, обрезав у него во время сна волосы, и отдала его в руки филистимлянам, выколовшим ему глаза и обратившим героя в рабство (Вт. кн. Судей, XVI, 4—20). *Ахилл... пал жертвой любви...*— Герой древнегреческой мифологии Ахилл полюбил пленницу Брисеиду и, когда Агамемнон отнял у него девушку, поссорился с греками и перестал участвовать в сражениях с троянцами. *Фабий.*— Род Фабиев был одним из очень древних

римских родов, давших городу многих государственных деятелей и полководцев. Кто из Фабиев имеется здесь в виду — не ясно. *Мерлин* — персонаж многих артуровских легенд и рыцарских романов, волшебник. Он полюбил Вивиану, обучил ее своему волшебству, и это оказалось для него роковым: она заколдовала его, сделав неподвижным, чтобы он никогда ее не покинул.

Стр. 192. *Отдайте ее прокаженным.*— Проказа была распространенным недугом в средневековой Европе. Прокаженные еще не жили в лепрозориях, но они должны были носить специальные отличительные знаки, чтобы предупреждать здоровых о своем появлении. Прокаженные вызывали у простого народа непреодолимое чувство ужаса.

Стр. 193. *Туаз* — французская средневековая мера длины; она равна приблизительно двум метрам. «*Прыжок Тристана*».— Скала с таким названием есть на побережье Бретани.

Стр. 194. *Ламберг.*— В других редакциях романа он зовется Ламбегом из Дикого Леса. *Дриан* — сотоварищ Тристана. Обычно выступает под кличкой Дриан с Дальних Островов.

Стр. 195. *Лес Моруа* — лес, расположенный недалеко от резиденции короля Марка; ученые отождествляют его с владениями монастыря св. Клемента, близ Труро, в западной части Корнуэльса.

Стр. 197. *Норхольт* — город в Корнуэльсе.

Стр. 202. *Ланселот Озерный... когда вы сражались с воинами Галеота...*— Галеот, сын Брюнора из Сорлуа, был другом Ланселота и принимал участие во многих его приключениях. В прозаическом «Романе о Ланселоте» рассказывается, что Галеот умер от печали, думая, что его друга нет в живых. *Букцины* — небольшие трубы, употреблявшиеся итальянцами и на исходе средневековья появившиеся и во Франции.

Стр. 207. *Вспомните, что голова у вас обрита, а на лице шрам.*— В пространной версии романа рассказывается, что Тристан и Каэрдэн оделись паломниками, чтобы не быть узнанными.

Стр. 210. *Карлеон* — город в южном Уэльсе на реке Эск, одна из резиденций короля Артура.

Стр. 212. *Карэ* — город в Финистере (западная оконечность Бретани). Только в Карэ нет гавани, так как город расположен не на побережье, а на реке Ольн. *Ривален*— сын герцога Хоэля и, следовательно, брат Изольды Белорукой. *Бедалис.*— В других редакциях романа в прозе (и в стихотворном романе Тома) этот персонаж зовется Тристаном Карликом; в не дошедшем до нас архетипе он звался Карликом Беденисом. У Тома Бедалис просит помощи у Тристана, когда Каэрдэн (а не Ривален) похищает его жену.

Стр. 213. *Семь искусств* — преподававшиеся в средневековых школах науки, составлявшие так называемый «тривиум» (грамматика, логика и риторика) и «квадривиум» (арифметика, геометрия, астрономия и музыка).

Стр. 214. *Шосей.*— Что это за остров — не ясно.

Стр. 216. *Салернская школа.*— Первая медицинская школа в Западной

Европе; она возникла в IX в., в XII в. достигла особого расцвета, так что император Фридрих II (1212—1250) дал Салерно исключительное право присваивать звание врача. Салерно стал крупнейшим медицинским центром Европы. Авторитет Салернской школы был непререкаем, что поддерживалось многочисленными трактатами, составлявшимися врачами из Салерно и распространявшимися по континенту.

Стр. 216. *Марка*—мера веса, равная восьми унциям, то есть примерно 240 граммам.

Стр. 219. *Пенмарк* — мыс, юго-западная оконечность полуострова Бретань, там же расположен одноименный город (современный департамент Финистер).

Стр. 222. *Камдон* — небольшой городок в юго-западной части Бретани, где расположено старинное аббатство.

Стр. 224. *Филактерии* — амулеты; иногда это были пергаментные таблички со священными письменами, прикреплявшиеся к одежде верующего во время молитвы.

ОКАССЕН И НИКОЛЕТТА

Небольшая повесть «Окассен и Николетта» («Aucassin et Nicolette») возникла, по-видимому, в первой трети XIII столетия на северо-западе Франции, в Пикардии, в районе Арраса. Повесть сохранилась в единственной рукописи парижской Национальной библиотеки. Повесть «Окассен и Николетта» явилась предметом немалого числа исследований и нескольких научных изданий. Переводилась повесть и на современный французский язык, и на другие языки. По-русски впервые напечатана, в переводе М. Ливеровской, в 1914 г. в журнале «Русская мысль», кн. 3 (см. рецензию В. М. Жирмунского — «Северные записки», 1914, № 4). Затем этот перевод был переиздан в 1935 и 1956 гг. Перевод Александра Дейча печатается впервые.

Стр. 229. *...Валенский...*— То есть граф города Валанса, на юге Франции, на Роне, в нынешнем департаменте Дром. *...Бокерский...*— Город Бокер находится в Провансе на реке Роне (современный департамент Гар), напротив знаменитого Тараскона. Департамент Гар на северо-востоке граничит с департаментом Дром. В XII в. береговая полоса Средиземного моря проходила несколько севернее, и Бокер был почти приморским городом (в настоящее время он в 25 километрах от моря). *Звался он Окассеном...*— Некоторые ученые склонны видеть в имени героя искаженное аль-Касым (то есть человек, которому в жизни было послано много приключений). *...белокурые кудри...*— Внешность юноши точно соответствует эстетическим канонам средневековья.

Стр. 230. *Виконт* — старинное дворянское звание; первоначально заместитель графа («вице-граф» — vicecomes), стоящий ниже графа, но выше остальных баронов. Этот титул получил распространение с XI в. *Теперь поют.*— Это указание, а также беспрецедентный для литературы средневе-

ковья случай чередования стихов и прозы, заставляет предположить, что повесть могла быть написана для устного исполнения двумя жонглерами. *Карфаген.*— Здесь имеется в виду, несомненно, не древний Карфаген, а принадлежавший в ту эпоху маврам испанский город Картахена (называвшийся иногда Новым Карфагеном), важный порт на Средиземном море и один из центров морского пиратства.

Стр. 233. *Крипта* — подземная церковь.

Стр. 238. *Лимузен* — старинная французская провинция на юго-западе страны (главный город Лимож). Она долгое время была самостоятельной или входила в обширное герцогство Аквитанское; к королевству окончательно присоединена лишь при Генрихе IV.

Стр. 247. *Он был высокий, чудной и безобразный.*— Здесь повторяется традиционное для куртуазного романа изображение мужика — вилана (ср. аналогичного персонажа в «Ивэйне» Кретьена де Труа).

Стр. 248. *Роже* — уменьшительное от Rouge, то есть «красный».

Стр. 250. *И Окассен увидел...*— Эта фраза — конъектура редактора французского научного издания, так как в этом месте текст рукописи испорчен. *Торлор* — название некоей сказочной «антистраны». Возможно, это искаженное название местечка Турлюр (теперь Эг-Морт), в 40 километрах от Бокера.

Стр. 251. ...*что тот рожает ребенка.*—Это отражение старинного обряда, зафиксированного у ряда первобытных племен Южной Америки, Африки, Океании, а также у басков и древних кельтов. Суть обряда, называемого «кувадой», сводится к тому, что муж рожающей женщины ложится в постель и имитирует родовые муки. Считалось, что этим он помогает жене.

Стр. 252. ...*бились печеными яблоками, яйцами и свежими сырами.*— Здесь нельзя не видеть не только пародирования феодальных войн, но и отголосков ярмарочных шуточных потасовок, также являвшихся травестией привычных феодальных установлений и обычаев.

Стр. 253. *Окассен жил в замке Торлор в радости и наслаждении...*—Предполагают, что в данном месте рукописи — пропуск по вине переписчика. Перед этим, возможно, рассказывалось, как герой обосновался в замке и даже, быть может, сверг короля с престола: по крайней мере, злополучный король больше в тексте повести не упоминается. ...*отряд сарацин...*— Сарацины промышляли морским разбоем, наводя ужас на прибрежных жителей. Борьба с пиратами велась упорная и беспощадная, но вплоть до конца XVIII в. не приносила ощутимых результатов. ...*по береговому праву...*— Право прибрежных жителей собирать обломки и груз разбившихся у берега кораблей было подтверждено специальным королевским указом 1191 г.

Стр. 254. ...*королю Карфагенскому...*— То есть правителю Картахены (см. прим. к стр. 230).

Стр. 255. *Эмир.*— В оригинале употреблено старофранцузское слово amuaffle; так в средневековой Франции называли владетельных князей у мусульман.

Стр. 257. *...одного из... королей во всей Испании.*— В эпоху средних веков на территории Испании существовало несколько королевств (Арагон, Кастилия, Леон, Наварра), а также ряд независимых графств. *Чистотел.*— Свойство этой травы способствовать залечиванию ран, а также служить хорошим косметическим средством, смягчающим и очищающим кожу, было издавна известно многим народам Европы. Поэтому чистотел широко применялся в народной медицине. О чистотеле (называвшемся также хелидонией) сказано в «Салернском кодексе здоровья» Арнольда из Виллановы (начало XIV в.):

Птенчиков ласточка-мать хелидонией лечит ослепших,
Если, как Плиний отметил, у них расцарапаны глазки.

(Перевод Ю. Ф. Шульца)

ВОЛЬФРАМ ФОН ЭШЕНБАХ

ПАРЦИФАЛЬ

Монументальный роман Вольфрама фон Эшенбаха «Парцифаль» («Parzival») написан в первом десятилетии XIII в. Сохранившись в нескольких рукописях, роман был напечатан уже в 1477 г. В следующие столетия интерес к «Парцифалю» постепенно уменьшился, и книга была почти забыта. Ее новое издание (осуществленное X. Миллером) появилось в 1744 г., но не привлекло широкого внимания, равно как и пересказ романа гекзаметрами, выполненный Иоганном Яковом Бодмером (1698—1783) и напечатанный в 1753 г. Первое научное издание «Парцифаля» было подготовлено крупнейшим немецким исследователем К. Лахманом (1833), в 1870—1871 гг. вышло новое критическое издание романа, осуществленное К. Барчем. В 1903 г. Альберт Лейцман подготовил новое трехтомное издание «Парцифаля», затем несколько раз переизданное. (Wolfram von Eschenbach, Parzival, herausgegeben von Albert Leitzmann, 5. Auflage. Halle, 1955).

Опираясь на издание А. Лейцмана, выполнен настоящий перевод. Учитывая огромные размеры книги (в отдельных списках до 25 000 стихов), перевод этот — неизбежно сокращенный. Переводчик стремился передать не только основное содержание романа, но и его стилистические особенности — несомненный налет импровизации, отразившейся в отступлениях от строгого ритмического рисунка стиха, в разговорных интонациях, повторах и т. п. При сокращении текста не опущен ни один из существенных эпизодов книги, в ряде мест вместо точного перевода дан краткий — стихотворный же — пересказ. Эти места обозначены отточиями. На русский язык роман Вольфрама в таком объеме еще не переводился.

Стр. 264. *Его корону и владенья // Приобретает старший сын.*— Такое право наследования, упоминаемое уже в «Салической правде», не практиковалось на протяжении средних веков постоянно и неукоснительно. Здесь

правильнее говорить о доминирующей тенденции, а не об общепринятой норме. К единонаследию феодальное общество пришло постепенно. Но во времена Вольфрама оно утвердилось. *Анжу.*— Эта старинная французская провинция, долгое время бывшая независимым графством, а во времена Вольфрама ставшая наследственными землями английской династии Плантагенетов, никогда не была королевством. Вообще политико-географические представления поэта были довольно фантастическими.

Стр. 265. *...Ведет на трон старшо́го сына...*—Братом Гамурета в романе изображен Галоэс, старший сын короля Гандина и королевы Шоэтты.

Стр. 269. *Носил он прозвище Барук* — то есть «благословенный». Это имя носит один из библейских пророков. *Вавилон.*— Имеется в виду Новый Вавилон, египетский город, слившийся затем с Каиром. *...Помпей был да Ипомидон...*— Здесь, несомненно, имеется в виду последняя стадия существования династии Фатимидов, правившей Магрибом (Северной Африкой) с 909 по 1171 г. К концу X в. Фатимиды завоевали Палестину, Сирию и Хиджаз (восточное побережье Красного моря) с городами Мекка и Медина. Ко второй половине XII в. государство Фатимидов пришло в упадок. Военачальник Салах-ад-дин (Саладин) свергнул с престола халифа Адида и признал верховную власть аббасидского халифа в Багдаде. После этого государство распалось под ударами своих давних противников. *Ниневия* — ассирийский город на Тигре.

Стр. 270. *...сменить свой герб фамильный...*— В оригинале сказано: «сменить герб Гандина». На гербе отца Гамурета была изображена пантера. *Алепо* — правильнее: Халеб (так и в немецком тексте), сирийский город севернее Дамаска. В романских странах Халеб назывался Алеппо. Этот город был расположен недалеко от границ двух государств, созданных на Ближнем Востоке крестоносцами,— Антиохийского княжества и графства Эдессы. Через Алеппо шла оживленная торговля с Востоком. *В стране чудесной — Зазаманке.*— Эта страна, по-видимому, не имеет реальных аналогий. *Паталамунд.*— Этот город в королевстве Белаканы тоже, очевидно, не может быть точно локализован.

Стр. 272. *Бургграф* — комендант крепости, замка в средневековой Германии.

Стр. 273. *Маршал.*— В данном случае это не военачальник, а придворный, ведавший приемами, распорядком и вообще всеми внутренними делами двора.

Стр. 274—275. *...был властелином //Одной из мавританских стран...*— В немецком тексте сказано, что отец Эйзенгарта, Танканис, был королем Ассагана (Азалука).

Стр. 277. *Хютигер.*—В немецком тексте он назван шотландским герцогом.

Стр. 279. *Бармица* — кольчатый доспех, закрывавший у воина плечи и грудь.

Стр. 281. *...король надменный Рацалиг.*— В оригинале сказано, что он был князем (или королем) Ассагана.

Стр. 284. *...их обложив изрядным леном.*— Чаще леном называлось земельное угодье, пожалованное вассалу с правом пользоваться всеми его доходами. Отсюда «лен» — доход с земли и даже «дань», «налог». *Душа охвачена влеченьем //К невероятным приключеньям...*— Подобной тягой к приключениям бывали охвачены многие герои рыцарских романов, например Ивэйн у Кретьена де Труа. *...из Севильи родом...*— Севилья в начале XIII в. еще находилась под владычеством мавров, входя в арабское государство Альмохадов.

Стр. 286. *Фейрефиц.*— Это имя произведено от старофранцузского vaire fiz — пестрый сын. *Кайлет.*— Он называется у Вольфрама обычно Кайлетом из Госкураста. Этот топоним лишь с большой долей натяжки может быть отождествлен с Вакейрушем на юге современной Португалии.

Стр. 287. *Конвалуа.*—В оригинале сказано, что все происходит в стране Валезии (то есть Валуа), в городе Конвалей (то есть Конвалуа). Упоминание исторической области Валуа на севере Франции как королевства Герцелойды говорит о приблизительности географических представлений Вольфрама. *Герцелойда.*— В ряде французских версий легенды о Персевале-Парцифале мать героя зовут Кассандрой, в большинстве же случаев (в том числе у Кретьена де Труа) она никак не названа. Вся предшествующая история Герцелойды — это плод вымысла Вольфрама. Этимология имени Герцелойды прозрачна: это «тоскующая сердцем». *Уже не в пробный, а — в большой!* — В эпоху средних веков накануне главного («большого») турнира устраивали так называемый «пробный».

Стр. 290. *Утер Пендрагун.*— В артуровских сказаниях так звали отца Артура. Утер победил герцога Хоэля Тинтажильского и взял себе в жены его супругу Иджерну. От этого брака и родился Артур. *...жена любимая его...*— У Вольфрама она зовется Арнивой (о ней см. в книгах XI и XIII). Рассказ о ее пленении, вместе с сыном, неким чародеем не стал предметом разработки во французских артуровских романах XII и начала XIII в. *Король норвежцев — храбрый Лот...*— Согласно артуровским легендам, Лот был королем Оркнейским, причем иногда это королевство считалось сарацинским (его отождествление с норвежским Оркангером сомнительно). Лот был братом Уриена (см. прим. к стр. 52) и был женат на сводной сестре Артура Анне. У них было четверо детей.

Стр. 291. *...повелитель арагонцев...*— Повелителем арагонцев несколько ниже назван Шафилор. *...король ирландцев...*— В качестве представителей ирландцев в тексте назван Морхольт (гигант, дядя Изольды в сказаниях о Тристане); упомянут здесь и Ривален, король Лоонуа (отец Тристана в ряде обработок сюжета, в частности у немецкого поэта второй половины XII в. Эйльхарта фон Оберга). *...князь гасконцев...*— Князем (вернее, королем) гасконцев в тексте назван Хардис. *...аскалунцев господин...*— Аскалун (от франц. Escavalon) был вымышленным королевством, часто упоминаемым в рыцарских романах. *Бранделиделин.*— В оригинале сказано, что он был королем Пунтуртуа, некоей страны, которую можно условно отождествить

с Пуантьевром в Бретани. *Алеманы* — германское племя, жившее на западном берегу Рейна. До конца XI в. здесь существовало герцогство Алемания, подчинявшееся франкским королям. Однако Вольфрам под алеманами имеет в виду просто западных немцев. В оригинале перечисляется значительно большее число национальностей, в частности португальцы, провансальцы и т. д.

Стр. 292. *...гриф кавказский... и золото в когтях унес.*— Кавказские золотые изделия очень ценились в средневековой Европе.

Стр. 294. *Анфлиса.*— У Вольфрама сказано, что возлюбленная Гамурета была королевой Франции.

Стр. 295. *Леелин* — брат герцога Лаландера, мужа Ешуты (см. стр. 323).

Стр. 297. *Неся рубиновые кубки...*— Кубки из рубинов и смарагдов получены были королевой Белаканой от ее возлюбленного Эйзенгарта (его имя значит «Твердый, как железо»). *Киллирьякаг.*— В романе этот родственник Кайлета назван князем Миннелона (что значит «Дар любви»).

Стр. 303. *Прабабок голос всемогущий...*— То есть феи Морганы (см. прим. к стр. 94).

Стр. 305. *Пантерой этот щит украшу...*— См. прим. к стр. 270.

Стр. 306. *Не тем, которым славен Рим...*— Под прославившим Рим Помпеем подразумевается полководец Гней Помпей (107—48 до н. э.). *Навуходоносор* — царь Халдеи (VI в. до н. э.), известный своими успешными войнами против Египта и Иудеи.

Стр. 308. *Тампанис.*— Он не просто оруженосец, он, скорее, «старший оруженосец» (майстеркнаппе).

Стр. 312. *Воспевший наших женщин милых.*—Вольфрам фон Эшенбах имеет в виду свою куртуазную лирику, в частности так называемые «песни рассвета». *На это есть поэт другой.*— Здесь Вольфрам намекает на немецкого поэта Гартмана фон Ауэ (ок. 1170—1210), который в своих произведениях (например, в «Ивэйне» и «Бедном Генрихе») пишет о своем пристрастии к книгам.

Стр. 317. *...валезиец...*— То есть житель вымышленного королевства Герцелойды — Валезии (Валуа). *И нас, баварцев...*— У Кретьена де Труа в соответствующем месте сказано, что валлийцы более глупы, чем животные.

Стр. 318. *Ультерлек* — от французского Утрелак, то есть «Заозерный».

Стр. 322. *Туркентальс* — один из вассалов Парцифаля («Из долины турок», согласно этимологии). *Норгальс* — вымышленное княжество (как и Валезия); это княжество (или королевство), совпадающее с северной частью Уэльса, часто упоминается в рыцарских романах. *Бразельянский лес.*— То есть Броселианд (см. прим. к стр. 34).

Стр. 323. *Ешутой герцогиню ввали...*— У Кретьена этот персонаж (жена Орилуса де Лаландера) никак не назван. Полагают, что появление загадочного имени Ешута (Jeshut) связано с ошибочным прочтением французского текста, где сказано, что «дама лежала» (dame gisoit); так появилась «дама Ешута».

Стр. 324. *Орилус де Лаландер* — искаженное французское Orgueilleux de la Lande, то есть «Гордец из Долины».

Стр. 326. *Сигуна* — дочь Киота и Шозианы, дочери Фримутеля и сестры короля Анфортаса, Треврицента, Репанс и Герцелойды.

Стр. 327. *Шионатуландер* — внук Гурнеманца. *Твое прозванье — Парцифаль!* — Имя героя восходит к имени его французского аналога Персеваля, что расшифровывается (по наивной средневековой этимологии) как «Пронизывающий долину» (perce val).

Стр. 328. *Кингривальс* — главный город Норгальса.

Стр. 330. *Гартман фон Ауэ.*— См. прим. к стр. 312. Вольфрам имеет в виду его куртуазные романы «Эрек» и «Ивэйн», восходящие к одноименным романам Кретьена де Труа. *Гиневра* — в артуровских легендах жена короля Артура и дочь короля Леодогана (встречаются следующие варианты написания ее имени: Геньевра, Джиневра, Гвенивера и т. д.). *Энита* — возлюбленная и жена юного рыцаря Эрека в романах Гартмана и Кретьена (Энида). *Карснафита.*— У Кретьена ее зовут чаще Тарсенезидой, но встречается и такой вариант. *Нантес.*— Весьма показательно, что столицей Артура Вольфрам называет вполне реальный северофранцузский город Нант, а не традиционные Камалот или Карлеон.

Стр. 331. *Карвеналь.*— Так в романе современника Вольфрама Готфрида Страсбургского «Тристан» зовут воспитателя героя (во французских версиях — Гувернал или Горвенал). *Итер Красный.*—В артуровских легендах и романах так зовут короля Корнуэльского (кельтский вариант — Эдерн); у Вольфрама он назван королем Кукумберландии (Камберленда, графства на границе Англии и Шотландии).

Стр. 333. *Иванет* — паж при дворе короля Артура. Благодаря уменьшительному суффиксу его иногда принимают за молодого Ивэйна, однако это разные персонажи.

Стр. 335. *Кей, сенешаль...*— См. прим. к стр. 32. *Куневара* — сестра Орилуса де Лаландера. Ее имя можно расшифровать как «Верная роду».

Стр. 341. *Гурнеманц.*— У Кретьена также появляется этот персонаж, воспитатель героя и дядя его возлюбленной (во французском романе он зовется Горнеманс из Горхаута). Столица Гурнеманца называется у Вольфрама Грагарцем.

Стр. 346. *...три брата в битвах пали.*— Сыновей Гурнеманца звали: Шентафлур, Ласкойт и Гурегри (последний из них был отцом Шионатуландера, возлюбленного Сигуны). Большой роли в повествовании они не играют.

Стр. 347. *Бробарц* — страна Кондвирамур. Отождествлять ее с Брабантом вряд ли возможно. *Пельрапер* — немецкая транскрипция французского названия Борепер или Бельрепер (Beaurepaire), что значит «Прекрасный приют». У Кретьена так называется замок возлюбленной Персеваля. *Тампентер* — отец Кондвирамур. У Кретьена он никак не назван.

Стр. 348. *Кламид* — король Истертерры. В романе Кретьена он зовется Кламадё (Clamadeu), что значит «Призывающий бога».

Стр. 349. *...на мадьярскую похожа.*—Нападению венгров не раз на протяжении средневековья подвергались южнонемецкие и французские земли. Отряды воинственных венгров наводили ужас на население.

Стр. 350. *Кондвирамур.*— Ее имя может быть переведено как «Созданная для любви» (или «Постоянная в любви»). У Кретьена возлюбленную героя зовут Бланшефлёр (то есть «Белый цветок»). *...Изольд обеих...*— То есть Изольду Белокурую, возлюбленную Тристана, и Изольду Белорукую, его жену.

Стр. 352. *Кингрун.*— У Кретьена этот персонаж носит имя Энгижерон. *Кийот* — отец Сигуны. Он обычно называется Кийотом из Кателанга (то есть Каталонии). *Манфилот* — брат Кийота и дядя Кондвирамур.

Стр. 362. *...замок Карминаль...*—Этот замок в Бразельянском лесу служил обычно королю Артуру пристанищем во время охоты.

Стр. 370. *Абенберг* — город и крепость в Баварии (в прошлом — резиденция графов Абенбергов), недалеко от родного города Вольфрама — Эшенбаха (ныне Ансбах). *...валеты...*— То есть молодые люди дворянского происхождения, прислуживающие рыцарям (нечто вроде денщиков).

Стр. 371. *Репанс* — дочь короля Грааля Фримутеля.

Стр. 372. *Aloe Lignum* — многолетнее растение, распространенное главным образом в Африке и Аравии. Но у Кретьена нет этого экзотического растения. Оно попало в немецкий текст по недоразумению, из-за неверного прочтения французского оригинала. *...в Вильденберге у меня...*— Как полагают исследователи, этот городок был постоянным местом жительства Вольфрама, где он писал или диктовал свой роман, в частности его пятую книгу. Жалобы на плохое материальное положение поэта не раз повторяются в «Парцифале».

Стр. 373. *С копья струится...*— Это так называемое «копье сотника Лонгина», стражника, который пронзил ребра распятого Иисуса Христа (Ев. от Иоанна, XIX, 34). Впрочем, символика окровавленного копья, неизменно участвующего в процессии Грааля, истолковывается по-разному, так как в этом мотиве нельзя не видеть отражения легенд о магическом копье кельтской мифологии.

Стр. 374. *Вожделеннейший камень Грааль...* — В отличие от Кретьена де Труа, у которого Грааль отождествляется с чашей евхаристии, Вольфрам изображает эту святыню как волшебный камень, обладающий целым комплексом свойств (подробнее см. в книге IX романа, объяснения Треврицента). В Граале Вольфрама слились мотивы христианские, восточные и сказочные. Эта множественность источников породила различные толкования мотива чудесного камня и приобщения к нему героя. В Граале видели и камень библейского пророка Даниила, и философский камень алхимиков, и талисман кельтских мифов, и даже «горюч камень» русских былин. Видимо, если, конечно, не в равной мере, то в той или иной степени эти разнородные элементы присутствуют в Граале Вольфрама. Эта многозначность позволяет поэту сделать свой волшебный камень и симво-

лом приобщения к божеству, и чудесным талисманом, охраняющим человека от жизненных невзгод, и залогом мудрости и доброты.

Стр. 379. *...тутовым вином...*— Некоторые растения семейства тутовых (инжир, сикомор) дают сочные плоды, из которых изготовлялось вино своеобразного вкуса (плоды инжира носят название винных ягод).

Стр. 384. *Мунсальвеш* — немецкая транскрипция французского названия Mont Sauvage (Дикая Гора). *Терредесальвеш.*— То есть Дикая Земля (от франц. Terre Sauvage). *Анфортас правит хворый...*— У Вольфрама в этом месте упоминается также отец Анфортаса Фримутель и дед Титурель. Упоминается и брат Анфортаса Треврицент.

Стр. 395. *Коридоль.*— Этот артуровский замок (в варианте Кардоэйль) часто упоминается во французских куртуазных романах; его отождествляют иногда с Карлейлем на севере Англии.

Стр. 397. *Плимицоль.*— Эта река, название которой не приведено у Кретьена, не поддается идентификации.

Стр. 403. *Генрих фон Фельдеке* (ок. 1150—ок. 1210)— немецкий куртуазный поэт, автор первого немецкого рыцарского романа «Эней» (вольное переложение одноименного французского произведения). Одно время состоял при дворе Германа Тюрингского. Вольфрам далее намекает на один из эпизодов «Энея».

Стр. 406. *Племянник короля Гаван...*— Гаван был племянником Артура по своей матери, сводной сестре короля.

Стр. 415. *Кундри.*— В романе действует еще один персонаж с таким же именем: сестра Гавана. Этимология этого имени понятна: оно построено так же, как и русское слово «ведьма», то есть «знающая», «ведающая» (в имени персонажа Вольфрама основа Кунд—от немецкого слова «знание»).

Стр. 419. *Шатель Марвей* — транскрипция французского названия Chastel de Merveilles (то есть Замок Чудес).

Стр. 421. *Шанпфанцун.*— Этот вымышленный город был столицей вымышленного же государства Аскалуна (см. прим. к стр. 291).

Стр. 422. *Беакур.*— Имя этого брата Гавана восходит к искаженному французскому Beaucorps (то есть прекрасный телом). У Кретьена брата героя зовут иначе — Агравэйн.

Стр. 423. *Силен, отважен...* — Здесь перечисляются пять основных качеств, которыми, по представлениям средневековья, должен обладать истинный рыцарь.

Стр. 428. *Липпаут.*— У Кретьена этого рыцаря зовут Тибо (в старофранцузском произношении возможно Тибаут) из Тинтажиля.

Стр. 437. *Трабалибот* — по-видимому, подразумевается Индия.

Стр. 439. *Шаут* — так звали отца Мелианца.

Стр. 443. *Когда вступил в него Эней...*— Здесь Вольфрам ссылается на миф об Энее по его изложению у Фельдеке (см. прим. к стр. 403).

Стр. 444. *Акратон* — возможно, имеется в виду индийский город Агра на реке Джамна, километрах в 200 от Дели. *Вергулахт* — король Аска-

луна, сын Флюрдамур (что значит «Цветок любви»), сестры Гамурета. *...на арабском скакуне...*— Арабские лошади ценились не своей выносливостью и силой (как испанские), а прежде всего резвостью. Они употреблялись в легкой кавалерии. Разводились арабские лошади не только на Востоке, но и в Испании, в той ее части, которая была под владычеством мавров. *...С предгорья Феймургана...* — Здесь Вольфрам по ошибке делает географическим названием имя популярного персонажа рыцарских романов феи Морганы (см. прим. к стр. 94).

Стр. 450. *Ландграф* — титул некоторых владетельных князей в средневековой Германии.

Стр. 452. *Киот.*— Вольфрам фон Эшенбах не менее семи раз называет в своем романе некоего провансальца Киота, якобы впервые изложившего (по-провансальски) сюжет о Парцифале, основываясь на каких-то арабских материалах, разысканных им в Толедо. Наиболее подробно Вольфрам говорит об этом в книге IX романа. Однако современные ученые склонны видеть в этих ссылках на загадочного Киота простую мистификацию. Полагают также, что это могло быть имя писца, переписывавшего рукопись.

Стр. 454. *Госпожа Авентюра...*— Такое олицетворение отвлеченных понятий (Любви, Страха, Печали, Приключения и т. п.) очень характерно для средневековой литературы.

Стр. 462. *...день пятницы страстной...*— последняя пятница перед Пасхой; в этот день, согласно библейским легендам, был распят Иисус Христос.

Стр. 464. *Треврицент.*—У Кретьена имя этого отшельника не названо.

Стр. 468. *Предсказывал еще Платон...*— Сочинения древнегреческого философа Платона, в чисто религиозной интерпретации, были достаточно популярны на протяжении средневековья. В них искали подкрепления учению церкви. *В пророчествах Сивиллы...*—В средние века считалось, что в пророчествах Кумской сивиллы впервые было предсказано грядущее явление Христа. Поэтому ссылки на сивилл (прорицательниц) были довольно часты.

Стр. 470. *Храмовники иль тамплиеры...* — Монашеско-рыцарский орден тамплиеров был создан вскоре после первого крестового похода, в 1119 г., в Иерусалимском королевстве для защиты паломников и обороны государств, созданных крестоносцами на Ближнем Востоке. В составлении устава ордена принял (в 1128 г.) участие Бернард Клервоский. Резиденция главы ордена (Великого Магистра) находилась в Иерусалиме, отделения же ордена имелись во всех странах Западной Европы. Члены ордена не подчинялись местным светским и духовным властям; сам орден обладал небывалым для того времени экономическим и политическим могуществом и ставил перед собой весьма высокие (с точки зрения средневекового человека) цели. Поэтому не приходится удивляться, что Вольфрам называет стражей Грааля тамплиерами. Возвышенное служение последних, их связь с Востоком, окутанная изрядной долей таинственности, очень подходили для этической и эстетической стороны замысла поэта. *Lapsit exillîs.* — Этот явно неточный латинский текст может быть понят и как «камень господа» (lapis herilis), и как «упавший с неба»

(lapis ex coelis), и как «камень мудрости» (lapis elixir), и т. д. Вообще, в этой испорченной латыни Вольфрама видят не только отсутствие грамотности, но и сознательное стремление сделать текст не вполне понятным, допускающим разные толкования.

Стр. 471. *Белоснежного голубя на землю ждет.*— Здесь можно видеть указание на связь Грааля с третьей ипостасью божества — духом святым.

Стр. 484. *...в крепость Легруа...*— У Кретьена замок возлюбленной Гавэйна назван Ногр. Топоним Логр очень часто встречается в рыцарских романах и отождествляется с Лондоном, но чаще этим названием обозначено все королевство Артура.

Стр. 486. *Оргелуза.*— Имя этой героини романа восходит к прозванию аналогичного персонажа у Кретьена. В переводе оно значит «Гордая» (Orgueilleuse).

Стр. 488. *Малькреатюром его звали.*—Имя этого персонажа (у Кретьена не названного) является транскрипцией французского слова malcréature (то есть «дурное создание»).

Стр. 488—489. *...Адам //Своим созревшим дочерям// Престрого запретил...*— Это место восходит к тексту талмуда. Наставления Адама дочерям и вообще весь этот мотив, изложенный ниже Вольфрамом, часто повторяется в различных памятниках средневековой литературы.

Стр. 489. *Секундилья*— индийская принцесса, возлюбленная Фейрефица. В книгах XV и XVI романа ее взаимоотношения со сводным братом Парцифаля обрисованы более подробно.

Стр. 491. *Купидон, Амур...* — В представлениях людей средневековья эти два названия античного божества любви были обозначениями двух разных божеств.

Стр. 498. *Терремарвей.*— То есть Страна Чудес (от франц. Terre de Merveilles). *Лимарвей* — транскрипция (неточная) упоминаемой и Кретьеном волшебной кровати (Lit de la Merveille). *Клингсор.*— Этот персонаж у Кретьена не назван по имени; о нем лишь сказано, что он поднаторел в астрономии. Этимология имени этого персонажа (при ее кажущейся прозрачности) не ясна. Возможно, оно восходит к принятому в средние века обращению к странствующему певцу: meister klingesaere.

Стр. 505. *Арнива*— жена Артура, мать жены короля Лота Сангивы и бабка Гавана.

Стр. 506. *Ланцилот* (Ланселот) — герой многих рыцарских романов, страстный поклонник королевы Гиневры (см. прим. к стр. 115). На немецком языке около 1194 г. был написан роман о Ланцилоте Ульрихом фон Цацикхофеном. *Гарель* — рыцарь Круглого стола, герой одного из поздних куртуазных романов — романа Плейера «Гарель из Цветущей долины». По-видимому, легенда о Гареле бытовала и ранее, возможно, в устной передаче. *Что там Ивэйн?*—Вольфрам имеет в виду героя одноименного романа Гартмана фон Ауэ. *Что там Эрек?*— Здесь Вольфрам упоминает о схватке героя романа Гартмана «Эрек» с гигантом Мабонагреном, охраняющим чудесный сад.

Стр. 507. *Илинот* — в немецкой традиции так звали сына Артура.

Стр. 508. *Итония*—сестра Гавана, возлюбленная и затем жена Грамофланца. У Кретьена она зовется Клариссанс (то есть «Светлая»). *Сурдамур*—немецкая транскрипция старофранцузского Soerdamurs (то есть «Сестра любви»). О ней рассказывается в романе Кретьена «Клижес». Она вышла замуж за византийского принца Александра, и от этого брака родился Клижес. *Грамофланц.*— У Кретьена он назван Гиромелантом.

Стр. 509. *Сангива* — мать Гавана (см. прим. к стр. 505). *В сопровожденье юных внучек...*— Это сестры Гавана Итония и Кундри (но не прорицательница.— Ср. прим. к стр. 415).

Стр. 510. *Флоран* из Итолака.— В тексте он назван турком. Предполагается, что он входит в отряд телохранителей Оргелузы.

Стр. 515. *Отмстить за отца!* — Отцом Грамофланца был Ират, король Роше Саббинс (искаженная транскрипция французского наименования Roche de Sanguin, то есть Окровавленной Скалы).

Стр. 516. *...возле Иофланца...*— Эта местность, несколько раз названная Вольфрамом, не поддается идентификации.

Стр. 528. *Терра де Лабур* — итальянское Terra di lavoro («Земля Труда») через французское Terre de labeur. Это старинное название местности в итальянской Кампанье (недалеко от Неаполя). *Вергилий.* — Античный поэт Вергилий был широко известен в эпоху средних веков, в частности как пророк и волшебник. Многие из связанных с ним легенд локализуются в Неаполе. *Капуя*—город в Италии, недалеко от Неаполя, славившийся в древности производством предметов роскоши и школами гладиаторов. *Персида*—город на Востоке. *Калот-Эмболот.*—То есть Калата-Белота, местность в южной Сицилии.

Стр. 531. *Мундшенк* — кравчий (придворная должность в средневековой Германии).

Стр. 534—535. *...даже войны //Привыкли дамы наблюдать.*—Действительно, в эпоху средних веков знатные дамы сопровождали иногда в походе армии. Так, например, Альенора Аквитанская в бытность свою французской королевой приняла участие во втором крестовом походе (1147—1149), сопровождая Людовика VII.

Стр. 544. *...слава богу, братья есть...*— Согласно артуровским легендам, у Гавэйна-Гавана было три брата: Беакур (он же Агравэйн — см. прим. к стр. 422), Гаэрьет и Герреэт; два первых упоминаются и Вольфрамом.

Стр. 558. *...стоит //В предгории Кавказа.*— Такой страны, конечно, не было. Но название Табронит, несомненно, связано с наименованием горного массива Тавр в Малой Азии.

Стр. 559. *Кардейс* — сын Парцифаля. *Лоэрангрин.*— Этот сын Парцифаля стал героем ряда поэтических легенд. Много места уделено ему в поэме Альбрехта «Младший Титурель» (ок. 1270); ему посвящен роман «Рыцарь с лебедем» Конрада Вюрцбургского (вторая половина XIII в.) и поэма конца XIII в. «Лоэнгрин», где рассказывается, как юноша приходит на помощь Эльзе Брабантской и затем становится ее мужем.

Стр. 562. *...хвала моим богам!* — Характерно, что у Вольфрама язычник Фейрефиц поклоняется древнеримским богам Юпитеру и Юноне; по-видимому, других (не греческих и не римских) богов наш поэт не знал, как, впрочем, и большинство его современников.

Стр. 567. *Терпентин* —прозрачный густой сок ряда хвойных деревьев; употреблялся для изготовления канифоли и порошков для курений.

Стр. 569. *Не может с ним сравниться видом //Авессалом...*— В эпоху средних веков красота библейского героя Авессалома (см. Вт. кн. Царств, XIII и сл.) вошла в пословицу.

Стр. 576. *Известен, как «монах Иоанн».*— Речь идет о так называемом Пресвитере Иоанне, якобы создавшем на Востоке (в районе современной Монголии) христианское государство. В эту легенду твердо верили в XII и XIII вв., об этом писали летописцы (например, Оттон Фрейзингенский).

Стр. 577. *Брабанта дивная жена.*— То есть Эльза Брабантская (см. прим. к стр. 559).

ГАРТМАН ФОН АУЭ

БЕДНЫЙ ГЕНРИХ

Небольшая стихотворная повесть Гартмана фон Ауэ «Бедный Генрих» («Der arme Heinrich») написана после возвращения автора из крестового похода (1197). Первое научное издание повести осуществили в 1815 г. братья Гримм. Затем появились издания Г. Пауля (1882) и А. Лейцмана (1930), неоднократно повторенное. По последнему изданию осуществлен и настоящий перевод, впервые опубликованный в 1971 г. На русском языке существует также не раз публиковавшийся (впервые — в 1877 г.) перевод поэта-демократа Дмитрия Минаева (1835—1889).

Стр. 582. *Графство Ауэ.*— Поэт состоял на службе у графов Ауэ; это графство находилось в Швабии (юго-западная Германия).

Стр. 583. *...как Авессалом...*— См. прим. к стр. 190. *...о чем упоминанье //имеется в Писанье...*— Имеется в виду эпизод из Библии, где рассказывается, как на пиру царя Вавилонского Валтасара ему явились таинственные письмена, предначертавшие его судьбу (Книга пророка Даниила, V, 1—28).

Стр. 584. *Иов.*— О поразившей несчастного Иова проказе и о его страданиях рассказывается в одной из книг Ветхого завета (Книга Иова).

Стр. 585. *Монпелье* — город на юге Франции. Здесь находилась одна из старейших медицинских школ Европы. *Салерно.*— См. прим. к стр. 216.

Стр. 601. *...возмужание святого Николая...*— Согласно распространенным в эпоху средних веков церковным легендам, жизнь св. Николая была очень праведной. Он не только проник в суть Писания почти что в колыбели, но и стремился помогать ближним что было сил. Поэтому он был одним из самых популярных католических святых, в том числе в крестьянской среде.

А. Д. Михайлов

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

Книга иллюстрирована миниатюрами из готических рукописей XIII — XIV вв. Они представляют собой характерные образцы иллюстраций к рукописям светского содержания, которые в большом количестве выходили в эту эпоху из мастерских по переписке и украшению манускриптов. В этих миниатюрах находит яркое отражение своеобразие художественного языка готики: средневековая условность изображения, выражающаяся в плоскостности пространственного решения,узорных или гладких золотых фонах, соединении разновременных моментов в одной композиции, сочетается со стремлением художника к передаче конкретного повествования. В миниатюрах к роману о Тристане и Изольде, где художник включает хрупкие силуэты действующих лиц в изысканные, условные композиции, господствует отвлеченный, утонченный, идеализирующий строй образов, отражающий рафинированный дух французской придворной культуры эпохи Людовика Святого. В иллюстрациях к другим романам Бретонского цикла, рукописи которых были предназначены, по-видимому, для более широкой публики, художник стремится, напротив, к передаче хода действия и занимательности изображения. Множество очаровательных деталей в миниатюрах и сквозящая в изображениях заинтересованность самого художника в перипетиях сюжета превращают средневековые рукописи рыцарских романов в настоящие волшебные книжки с картинками, которые можно перелистывать и разглядывать без конца. Яркие, красочные, нарядные миниатюры доставляют большую радость и современному глазу, высоко оценивающему их поэтическую непосредственность и свежесть.

Миниатюры французской рукописи о Тристане и Изольде (Париж, Национальная библиотека, Fr. 2186) и немецкого манускрипта «Парцифаля» (Мюнхен, Городская библиотека) широко известны и неоднократно публиковались (J. Porcher, L'enluminure française, Paris, 1959, pl. XLVI; F. Vogt u. M. Koch, Geschichte der Deutschen Literatur, Leipzig u. Wien, 1904).

Миниатюры из французских рукописей конца XIII и начала XIV вв. (Оксфорд, Бодлеянская библиотека, Digby 223 и Douce 199), напротив, известны только узкому кругу специалистов и публикуются впервые.

К. Муратова

На суперобложке:

Король Лот покидает замок королевы Гиневры. Битва с саксами. Миниатюра из рукописи сочинения Робера де Боррон «История Грааля». Франция, ок. 1280 г. Париж, Национальная библиотека, рукопись 95, лист 292 (оборот).

Битва с сарацинами. Житие св. Елены. Брюгге, ок. 1460 г. Брюссель, Королевская библиотека.

СОДЕРЖАНИЕ

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
СЕРИЯ ПЕРВАЯ
Том 22

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ РОМАН И ПОВЕСТЬ

*

Редактор С. Шлапоберская
Оформление «Библиотеки»
Д. Бисти
Художественный редактор
Л. Калитовская
Технический редактор
Л. Платонова
Корректоры
Т. Кузина и В. Широкова

*

Сдано в набор 8/I 1974 г. Подписано к печати 11/VI 1974 г. Бумага типографская № 1. Формат $60 \times 84^{1}/_{16}$. 40 печ. л. 37,32 усл. печ. л. 39,689 + 6 накид. = 40,173 уч.-изд. л. Тираж 303 000 экз. Заказ № 978. Цена 2 р. 01 к.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

*

Ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28.

ci comencent les auentures del gra

A la uelle de penttecoust e quant li compaignon de la table reon de furent uenut a Kamaalot. Et il orent oit le sieruice et on uoloit metre les tables a eure de nonne. Lors entra en la sale une mout biele damoisiele. Et fu uenue si grant oirre que bien le peust on ueoir. Car ses cheuaus encore tot suans. Elle descent si uint deuant le

chier & ot perdu toute sa gent
ou bos. & lors en quiert .i. messa
gier. kili dist nouveles de lost
de claudas & li dist [illegible] seurest

R dist li contes q[ue]
quant li valles se fu
partis de mon sign[eur]
yuain quil se hasta
mout de si ci ce fut
tant par ses iour
nees quil vint a la mer si passa
outre puis erra tant quil vint
en unes brotes pres de camaalot

O R dist li contes que qũ
me sires Gau se fu par-
tis de ses compaingnons
il cevaucha mainte ior-
nee sans aventure tro-
uver qui a conter face. Et tant quil
vint a labeie ou Galaad avoit pris
lescu blanc a le crois vermeille.
Et li conta on les aventures quil
avoit akievees. Et quant il oi

Or dist li contes que
quant li compaignon
furent en mer e-
tre quil orent bo
vent & bien portant
si vienent a port
asses tost. Quant il furent a tiere
venut. Et il orent quoisi lestrange
pais quil norent onques mais
veu. de teus i avoit ke de mande

re torne a parler del lou
Guenevre
a endroit comence a parler del
li contes
qui li envia

orent lessiee malade en sa chambre. Ci endroit lesse
li contes a parler de boorz et de son frere

Ja commence li contes a parler de la royne que boorz et so
frere ont lessiee malade en son lit

... jors ...
me· cest a si q li rois Artus en
mena la roine de Langourse
garde i kelans· nicois vesson
se dav dov· si li fist ō siecle

En ceste partie dist li
contes que quant
li rois artus sen fu
partis de chamelot
entre lui et la roin
Il chevaucha le premier iour dusca
un sien castel con apieloit tentosf

R dist li contes que
iiij. iours fist li preu
dom demourer Lans
o lui. Et tant com
il le tint en sa compa
nie, li sermouna tout dis et a
monnesta de bien faire. Et li dist
bien Lans. pour noient tures en
ceste queste, se vous ne vous la

tel maniere entre lui & lyonel & la damoisele

ART
PARZIVAL

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ РОМАН И ПОВЕСТЬ

uant ce vinst au .iii. iour et que lempereur
anthoine vist que ses gens estoient rafrech
il fist crier a son de trompe que ses gens